

ИСТОРИЯ
СТРАН
АЗИИ
И АФРИКИ
В НОВОЕ
ВРЕМЯ

II

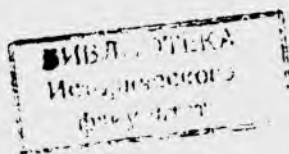
Ч А С Т Ь

ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

II Ч А С Т Ь

Допущено Государственным комитетом СССР
по народному образованию в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений, обу-
чающихся по специальности «История»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1991

ББК 63.3(5)
И90

Редакционная коллегия:

Ф. М. Адамба, В. И. Павлов, М. Н. Пак

Рецензенты:

кафедра новой и новейшей истории стран Азии и Африки
Тбилисского государственного университета,
кафедра новой и новейшей истории
Белорусского государственного университета

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

История стран Азии и Африки в новое время. Ч. 2: Учебник.—
И90 М.: Изд-во МГУ, 1991. — 368 с.
ISBN 5—211—01042—6

В учебнике рассматриваются социально-экономические процессы, происходившие в афро-азиатских странах в конце XIX — начале XX в.: формирование капиталистического уклада, буржуазии и рабочего класса, усиление военно-политической и экономической экспансии колониализма, зарождение национально-освободительных движений и буржуазно-националистической идеологии, появление политических организаций.

Для студентов исторических факультетов университетов.

И 0503030000(4309000000)—134 44—90
077(02)—91

ББК 63.3(5)

ISBN 5—211—01042—6

© Коллектив авторов, 1991 г.

ЗАКАБАЛЕНИЕ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ

Процесс перерастания «свободного» капитализма в монополистический, начавшийся в 70-х годах XIX в., завершился в начале XX в. вступлением человеческого общества в эпоху империализма — особую, высшую стадию развития капитализма. В. И. Ленин дал характеристику основных признаков этой эпохи: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹. В рамках империализма наряду с резким обострением всех противоречий создавались предпосылки для социализма, и вопрос пролетарской революции выдвигался историей на повестку дня.

В этот период мир окончательно раскололся, и горстка так называемых «передовых» стран эксплуатировала значительное большинство населения земного шара. Закончился территориальный раздел между крупнейшими капиталистическими державами, и началась борьба за его передел. Внутреннюю и внешнюю политику государств все более стала определять финансовая олигархия, игравшая решающую роль во всей жизни капиталистического общества и прежде всего в экономике и политике. Основным политическим свойством империализма был рост реакции — крайнее усиление национального гнета, расовой дискриминации, милитаризма. Обострение экономических и политических кризисов приводило к острым конфликтам, а затем к мировой войне.

Превратив большинство стран мира в свои колонии и полуколонии, империалистические монополии стали выжимать огромные сверхприбыли путем бесчеловечной эксплуатации труда сотен миллионов населения зависимых стран. Эти страны служили рынками сбыта и источниками сырья почти даровой рабочей силы. Но главной формой колониального порабощения стал вывоз капитала. Характеризуя экономическую политику империализма, В. И. Ленин писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»².

Империалистические государства все шире практиковали навязывание кабальных займов правительствам зависимых стран. К концу XIX в. подавляющее большинство стран Азии и Африки оказались опутанными сетью ростовщической кабалы. «Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников»³. Государства-ростовщики устанавливали грабительские усло-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 387.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 360.

³ Там же. С. 398.

вия займов, диктовали размер процента, определяли вид гарантий и обеспечений, обуславливали расходование части денег на покупку своей продукции.

Государства-должники никогда не получали от кредиторов полной суммы займа: около 10—15% оседало в банках в виде «гарантий». Так, например, из номинальной суммы займа в 98 млн ф. ст. от европейских банкиров Египет получил 76. То же было в Китае, Турции, Тунисе. Гарантеей для обеспечения займов служили доходы с железных дорог, с наиболее развитых сельскохозяйственных районов, с таможенных пошлин. Это давало возможность кредиторам вмешиваться во внутренние дела государств-должников, контролировать финансы и в конечном итоге устанавливать политический контроль. Внешние займы стали дополнительным фактором захвата и закабаления многих стран Азии и Африки.

Вывоз капитала никоим образом не ослаблял вывоза товаров. Обычно при заключении займов кредиторы оговаривали для себя наиболее выгодные условия торговли. С наступлением эпохи империализма возрастала роль колоний как рынков сбыта изделий фабричной промышленности метрополий. Конец XIX в. отмечен заключением многих неравноправных торговых договоров, подчинением таможенной политики интересам метрополий. В то же время сохраняли силу и старые капитуляционные грамоты. Принципы «наибольшего благоприятствования», навязываемый колониальным и зависимым странам, отражал борьбу за монопольный захват их внутреннего рынка одной определенной империалистической державой. «...на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.»¹.

Процесс превращения стран Азии и Африки в базу сырья подрывал основы натурального хозяйства, связывал эти страны с мировым рынком. Метрополии диктовали колониям и зависимым странам характер и способы ведения сельского хозяйства. Многие страны стали специализироваться на выращивании одной культуры в ущерб остальным. Так, например, Ассам, Цейлон, Ява стали районами выращивания чая, Бенгалия — производства джута, Ирак поставлял финики и ячмень, Северная Африка — оливки, Вьетнам — рис, Золотой Берег — какао, Уганда — хлопок, Египет превратился в хлопковое поле для английской текстильной промышленности. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Английские капиталисты всячески стараются развивать производство хлопка в *своей* колонии, Египте, — в 1904 г. из 2,3 миллиона гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 млн было под хлопком, т. е. свыше четверти...»².

Многие страны Азии и Африки лишились собственной продовольственной базы.

Специализация сельского хозяйства на определенных видах колониального сырья еще более усиливала зависимость населения этих стран от империалистических монополий. Введение монокультур противоречило коренным интересам восточных народов, так как это означало полную зависимость от мирового рынка, от продажи продукции при отсутствии всякой возможности влиять на установление мировых цен. Монокультура наиболее выгодна для метрополии, способствуя прямой зависимости производящей страны от покупающей. Уста-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 382.

² Там же.

новление монополю низких цен на сырье усиливало ограбление непосредственных производителей. Операции по закупке и продаже определенных видов сырья также переходили в руки иностранных компаний.

Империалистические монополии захватывали все источники сырья, а также новые земли. «Отсюда — неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще»¹.

Богатства недр стран Азии и Африки — нефть, руды, уголь, редкие металлы, фосфаты — все переходило в руки иностранных монополий. Создавались многочисленные компании по эксплуатации недр, по разведке полезных ископаемых. Нефтяные компании захватывали основные нефтеносные районы в Иране, арабских странах, Индонезии. Иностранные компании присваивали монопольное право на добычу и продажу соли в Египте, Индии, Вьетнаме, Турции. Богатейшие алмазные и золотые россыпи африканских стран перешли в руки английских, французских, немецких и бельгийских компаний.

Добыча полезных ископаемых, их разведка производились только в тех размерах, какие были выгодны метрополии. Развитие добывающей промышленности обгоняло рост перерабатывающей. Иностранцы главным образом вывозили сырые материалы в необработанном виде, что давало им огромные прибыли.

Иностранные компании захватывали не только внутренний рынок, но и внешнюю торговлю стран Востока. «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок»².

Само по себе превращение зависимой страны в страну монокультуры и в базу сырья не может дать желаемых результатов финансовому капиталу без господства в сфере обмена в экспортных и импортных операциях. И каждая империалистическая держава, вывозящая капиталы, огромную часть этих капиталов вкладывала в торговлю.

Анализ структуры ввоза и вывоза колониальных и зависимых стран показывает громадное преобладание в экспорте сырых материалов, а в импорте — фабричных товаров. В конце XIX и начале XX в. половину индийского ввоза составляли английские хлопчатобумажные ткани, три четверти вывоза — сырье и продовольствие. Египет ввозил в больших размерах хлопчатобумажные ткани и продовольствие, вывозил главным образом хлопок. На Филиппинах 90% всего вывоза составляли сахар, пенька, кокосовые орехи и табак. На Золотом Береге к 1913 г. сельскохозяйственное сырье занимало 50% всего экспорта, 65% экспорта Уганды приходилось на хлопок, 96% экспорта Сьерра-Леоне — на продукты масличной пальмы и орехи коло. Во внешнеэкономических отношениях между метрополиями и колониями господствовала система неэквивалентного обмена. Низкие цены на сырье и высокие цены на готовые товары приносили иностранным монополиям максимальные прибыли. Крестьяне зависимых и колониальных стран подвергались двойному ограблению. Как производители сырья они продавали по закупочным ценам какао, арахис, пальмовое ма-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 381.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 364.

сло вдвое и вчетверо ниже продажной цены этих продуктов на рынках Европы. А за европейские товары платили высокие цены. Вся таможенная политика подчинялась метрополиям. Американцы на Филиппинах установили специальные таможенные тарифы, дающие им наибольшую выгоду. Во Вьетнаме, в Тунисе французы контролировали все таможни. В Индии, в Египте железнодорожные тарифы были установлены в пользу англичан.

Часть инвестированного капитала монополии использовали для скупки плодородных земель, для создания обширных плантаций. Нередко они прибегали к прямому захвату земель, к насильственному сгону местного населения. Во Вьетнаме французские империалисты создали громадные плантации технических культур. На Яве возникли крупные плантации сахарного тростника, табака, кофе, чая, хинного дерева, занимавшие сотни и тысячи гектаров лучших земель. Эти плантации в основном принадлежали голландским капиталистам. Экспроприация земель приобрела особенно широкие размеры в Африке. Французы огнем и мечом провели колонизацию Алжира, различными махинациями им удалось экспроприировать значительные земельные массивы в Тунисе, Марокко. В годы первой мировой войны Италия начала «аграрную колонизацию» Ливии. В Южно-Африканском Союзе около девяти десятых всего земельного фонда страны было экспроприровано у африканцев банту и передано европейским поселенцам. В Южной Родезии, Кении, Бечуаналенде английские империалисты выделили лучшие земли для европейской колонизации. Земельные компании сгоняли крестьян-арабов и африканцев с родных земель.

Империалисты жадно добивались концессий, усиления сфер влияния, захватывали основные экономические высоты. Концессии на железнодорожное строительство были одним из действенных способов усиления колониального гнета. В. И. Ленин писал: «Постройка желдором кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием... На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»¹.

Английские, французские, германские империалисты большую часть капитала вкладывали в строительство средств транспорта, связи, железнодорожных и шоссейных дорог, судоходных каналов, портов, мостов, телеграфных и телефонных линий. Тем самым они приближали основные центры производства сельскохозяйственного и минерального сырья к пунктам вывоза и облегчали проникновение своих товаров в глубинные районы. Строительство осуществлялось с применением почти дарового труда местного населения. Только в Южно-Африканском Союзе, в бельгийских и французских колониях было построено свыше 7 тыс. миль железнодорожных путей. В Корее концессию на постройку железной дороги между Сеулом и Чемульпо приобрели американцы, а затем перепродали японцам. Японцам там принадлежали концессии на важнейшие железнодорожные магистрали, телеграфные линии.

Колониальный характер строительства железных дорог особенно ярко проявился в Индии. Железные дороги строились здесь веером —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 304—305.

от портов в глубь страны и не обеспечивали внутренних экономических связей между отдельными районами. Концессии на телеграфные линии в Иране, Египте принадлежали англичанам. В конце XIX — начале XX в. немцы получили концессию на строительство Багдадской железной дороги, которая имела чрезвычайно важное экономическое, политическое и стратегическое значение.

Иностранный капитал проникал также в сферу обращения. Банки метрополий или их отделения контролировали все области экономики колоний. «...Финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения»¹.

Банки не только контролировали все финансы страны, но нередко занимались эмиссией бумажных денег. Именно в руках банков сосредоточивались главные нити экономической, а следовательно, политической жизни страны. С 1875 г. Индокитайский банк получил широкие привилегии в области эмиссии денег и коммерческой деятельности. Банк непосредственно владел многими предприятиями, был связан с монопольными компаниями, контролировавшими вывоз риса, добычу полезных ископаемых, откуп опиумной и водочной монополий. В Корее японский банк стал выполнять роль государственного банка. Он выпускал банкноты и облигации, совершал валютные и казначейские операции. Такую же роль играл в Египте так называемый Национальный банк, активы которого находились в Лондоне. В закабалении Турции и Ирана большое место принадлежало Оттоманскому и Шахиншахскому банкам. В 1904 г. Англия имела 50 колониальных банков, к 1910 г. число их выросло до 72, а число отделений превысило 5 тыс. Банки управляли не только экономикой зависимых и колониальных стран, они определяли и политику правительств.

Финансовый капитал был наиболее заинтересован в захвате отсталых стран, но одновременно он сам воспроизводил эту отсталость. В своем стремлении превратить зависимые страны в аграрно-сырьевой придаток к метрополии капитал душил местную промышленность, создавал неблагоприятные условия для ее развития, используя при этом свое влияние на правительственный аппарат. Существующие отрасли переходили к иностранным монополиям.

Обычно страны, вывозящие капитал, вкладывали его в основном в добывающую и легкую отрасли. Обрабатывающая промышленность главным образом была связана с первичной обработкой сельскохозяйственного сырья для облегчения его вывоза. Так, в Египте значительное развитие получила хлопкоочистительная и хлопкопрессовальная промышленность, в Индии — чайная, джутовая, во Вьетнаме — рисоочистительная и т. д.

Свои капиталовложения иностранные монополии использовали для установления контроля над местной промышленностью.

Империализм в зависимых странах консервировал докапиталистические отношения, способствовал живучести феодальной эксплуатации, пережитков еще более ранних социально-экономических формаций. Был сохранен класс феодальных землевладельцев — социальная опора иностранных монополий, а также феодальная эксплуатация крестьян, обеспечивавшая почти даровую рабочую силу. В колониальных условиях экспроприированные крестьяне превращались чаще

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 363.

не в пролетариев, а в пауперов, в батраков с наделом, нищих арендаторов, бесправных издольщиков. Империалисты приспособляли феодальные отношения к колониальной эксплуатации. Пережитки феодализма и задержка промышленного развития создавали относительное аграрное перенаселение и до минимума снижали цену рабочей силы.

Все описанные выше процессы объективно вели к тому, что колонии и зависимые страны постепенно втягивались в мировой рынок и в них развивались своеобразные формы национального капиталистического предпринимательства.

В странах Азии и Африки складывались новые классы — национальный пролетариат и национальная буржуазия. В большинстве этих стран национальный пролетариат начал формироваться раньше национальной буржуазии — на иностранных предприятиях, нефтепромыслах, железных дорогах. Колониальная структура промышленности определила формирование основных отрядов рабочего класса по отраслям промышленности. Это были рабочие текстильной, пищевой промышленности и рабочие транспорта, железнодорожники, трамвайщики, портовые рабочие. Преобладание сезонных отраслей промышленности, связанных с первичной обработкой сырья, чрезвычайно низкая оплата труда способствовали текучести рабочих, наличию в их рядах полупролетарских слоев. Почти во всех странах Азии и Африки большое число рабочих сохраняло связь с деревней, с земельной собственностью. Все это препятствовало созданию кадрового пролетариата и росту его классовой сознательности. Слаба была и концентрация рабочих. Огромное большинство их было разбросано по мелким и мельчайшим мастерским, где они подвергались полуфеодальной эксплуатации. Империализм сохранил старые методы эксплуатации и по отношению к фабрично-заводским рабочим. Скрытая безработица, относительное аграрное перенаселение мешали созданию свободного в капиталистическом смысле слова рынка рабочей силы. Это давало возможность армии посредников, подрядчиков вклиниваться в отношения между капиталистом и рабочим, позволяло капиталистам широко применять систему контрактации рабочей силы. Развитие капитализма в условиях господства феодальных пережитков, колониальной и полуколониальной зависимости вынуждало рабочих стран Азии и Африки продавать свою рабочую силу намного ниже ее и без того невысокой стоимости.

Колониализм обусловил также и особенности формирования национальной буржуазии. В странах Азии и Африки этот процесс проходил медленно, чрезвычайно противоречиво. Господство иностранного капитала задерживало развитие национального капитализма. Здесь почти не наблюдалось перерастания мануфактуры в фабрику, капиталы накапливались в основном не в сфере производства, а в сельском хозяйстве, торговле. Национальная буржуазия почти повсеместно была связана с помещичьим землевладением. Купечество, связанное с внутренним рынком, владельцы мануфактур, промышленных предприятий сами страдали от конкуренции и гнета иностранного капитала. Национальной буржуазии приходилось бороться за внутренний рынок своей собственной страны.

Часть буржуазии была связана с империализмом, выступала в качестве посредника между иностранным капиталом и внутренним рынком. Эти компрадорские слои поддерживали империализм и феодальные силы. С развитием капитализма все более обострялись противоречия между национальной буржуазией колоний и империализмом.

Развитие капитализма положило начало формированию новых классов, складыванию буржуазных наций. На этой основе усиливалось национально-освободительное движение, превращаясь в важнейший фактор развития этих стран. Борьба против иностранных захватчиков стала все более определенно приобретать черты буржуазно-национального движения.

Идеологами национально-освободительных движений обычно выступали представители национальной интеллигенции, выходцы из среды офицерства, чиновничества, нередко из среды феодалов и духовенства. Деятельность национальной интеллигенции вначале носила в основном просветительский характер и ограничивалась изданием газет, журналов, светских книг, включая труды европейских просветителей.

Буржуазные националисты активно действовали в своих странах или в эмиграции, если на родине по тем или иным причинам не было возможности проповедовать свои идеи. В конце XIX в. образовалось много эмигрантских центров в Европе и на Востоке, где представители национальной интеллигенции различных стран, идеологи буржуазного национализма развертывали свою деятельность. Филиппинские патриоты обосновались в Мадриде, младотурки были вынуждены действовать за пределами Турции, персидская передовая буржуазная интеллигенция — в Лондоне, Стамбуле, в Индии и Сирии.

Буржуазные просветители издавали газеты, журналы, различную литературу, основывали просветительские общества. В одном только Китае издавалось около тридцати газет, в Персию поступали оппозиционные издания из заграничных эмигрантских центров. Младотурки издавали газеты в Париже (на турецком и французском языках), Египте, Женеве и Неаполе. В Индии создавались исторические общества и просветительские организации. Большую роль в пробуждении национального самосознания, в возникновении и оформлении буржуазно-национальной идеологии сыграла литературно-просветительская и политическая деятельность таких представителей национальной интеллигенции, как Мальком-хан в Персии, Намык Кемаль в Турции, Мустафа Кямиль в Египте, Кан Ювэй в Китае. Буржуазные националисты изучали всемирную историю европейских стран, России, Японии, чтобы найти объяснение возвышения и развития других государств.

Однако при всей любви к родине и ненависти к иноземным поработителям, к произволу, деспотизму своих правящих верхов буржуазные просветители оставались умеренными реформаторами. Их требования не выходили за рамки улучшения существующих форм управления. Они хотели провести реформы сверху и даже под руководством и с согласия колонизаторов. Основные требования идеологов национальной буржуазии сводились к следующему: распространение европейского просвещения, поощрение национальной промышленности, проведение социальных реформ, устранение иностранной зависимости, мирное и постепенное преобразование средневековых феодальных деспотий в конституционные государства, создание современной армии, установление ограниченного самоуправления для колонизальных стран, национального равноправия. И все эти требования должны были осуществиться мирными методами. Представители филиппинской интеллигенции надеялись добиться выполнения своих требований от испанского правительства. Индийские националисты считали, что все противоречия можно урегулировать с согласия англичан. Китайские

реформаторы писали докладные императорам, наивно надеясь, что придворные круги добровольно пойдут на ограничение собственной власти. Политическая робость и слабость турецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции выразились в том, что они не выступали против монархии, а добивались только ее ограничения принятием конституции.

Постепенно буржуазные националисты объединялись, в результате в конце XIX и начале XX в. почти повсеместно были созданы политические организации и партии. Они объединяли представителей национальной буржуазии и либеральных помещиков и выражали их интересы и стремления. В этом отношении характерны состав и программа Всеиндийского национального конгресса. По своему социальному составу делегаты учредительного съезда Всеиндийского национального конгресса распределялись следующим образом: буржуазная интеллигенция — 50%, торговцы и ростовщики — 25, землевладельцы — 25%. Основным требованием Национального конгресса было национальное равноправие и предоставление Индии самоуправления. Первый пункт устава Национального конгресса гласил, что этой цели можно добиться «конституционными и мирными средствами, постепенно реформируя существующую систему управления».

Созданная Кан Ювзем организация «Общество сохранения страны» считала политические и экономические реформы главным средством борьбы против порабощения Китая иностранными империалистами. Филиппинская лига считала возможным добиться реформ мирной борьбой за политическое и экономическое объединение страны. Египетская национальная буржуазия и либеральные помещики, создавшие свою политическую партию, также воздерживались от решительных действий.

Хотя в конце XIX в. империализм выступал главным врагом народов Азии и Африки, некоторые идеологи буржуазного национализма не понимали этого и нередко возлагали надежды на западные державы, рассчитывая на их помощь в борьбе с отсталостью и иноземным порабощением. Китайский революционный демократ Сунь Ятсен добивался помощи европейских держав. Корейские реформисты рассчитывали на бескорыстную помощь буржуазной Японии в их политической деятельности. Один из лучших представителей арабского буржуазного национализма Мустафа Кямиль серьезно полагал, что избавиться от гнета англичан и турок можно при поддержке Франции.

Империалистическая буржуазия Англии, Франции и других стран подчиняла своему идеологическому влиянию часть национальной интеллигенции, сеяла иллюзии о своей цивилизаторской миссии. И несмотря на кровавый опыт утверждения колониальных методов управления, ей удавалось насаждать эти иллюзии среди представителей национальной буржуазии и ее идеологов.

В конце XIX в. в буржуазно-национальном движении зародился мелкобуржуазный демократический патриотизм в противовес либерально-реформистскому. Наиболее яркими представителями нового течения были Сунь Ятсен в Китае и Тилак в Индии. При всей своей революционности и преданности делу освобождения Китая Сунь Ятсен не понимал значения революционной борьбы народных масс, хотя и выдвигал лозунг передела земли. Позиции Тилака были еще более ограниченными. Хотя он и выступал за насильственное свержение английского господства, за установление народовластия, но был противником аграрных преобразований.

Колониальный грабеж, усилившийся в последней четверти XIX в., наступление империалистов, феодальный гнет, произвол чиновников почти повсеместно вызвали недовольство народных масс, стихийные народные выступления. Конец XIX в. ознаменован крупными восстаниями народов Азии и Африки против иностранных поработителей, против феодальных режимов. Эти движения охватили Китай, Корею, Индию, Персию, Индонезию, Филиппины, Вьетнам, арабские страны, Африку. Общим для всех этих восстаний было то, что они проходили стихийно, часто под руководством религиозных сект и мало были связаны с буржуазно-национальным движением. Буржуазные националисты не оказали серьезного влияния на стихийную борьбу народных масс.

Революция в России 1905—1907 гг. оказала огромное влияние на борьбу колониальных народов. Революционный подъем начала XX в. В. И. Ленин назвал «Пробуждением Азии». «Мировой капитализм и русский движенье 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹. Во всех революциях эпохи Пробуждения Азии главной движущей силой были народные массы, в первую очередь угнетенное крестьянство. В антиимпериалистическую, антифеодальную борьбу были втянуты рабочие, городская беднота, мелкие ремесленники и национальная буржуазия. Рабочий класс в этот период был слаб, не имел своих политических организаций и не смог играть самостоятельной роли в освободительной борьбе.

Эпоха Пробуждения Азии показала всю непоследовательность национальной буржуазии, ее двойственность, ее боязнь борьбы народных масс. Непоследовательной была позиция даже революционного крыла национальной буржуазии, а либералы шли на прямое соглашение с империализмом, с феодальной реакцией (Турция, Персия) или же доходили до предательства, как это было в Китае. О сущности буржуазного либерализма В. И. Ленин писал: «Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии»².

В целом революции эпохи Пробуждения Азии не достигли цели освобождения от империалистического и феодального гнета, но имели всемирно-историческое значение, так как пробудили народные массы зависимых и колониальных стран к активной политической борьбе. «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории»³.

Освободительное движение, охарактеризованное В. И. Лениным как «Пробуждение Азии», выдвинуло на арену революционной борьбы народы Востока в качестве союзника пролетариата Запада в борьбе за социализм. Империалистическая западная буржуазия выявила себя как заклятый враг рабочего класса метрополий и народов колониальных и зависимых стран. Только международный пролетариат стремился поддержать освободительную борьбу народов Азии и Африки.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 146.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 146.

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие стран Азии и Африки. Она втянула их в международную политику, еще более обострила все противоречия и создала предпосылки для нового подъема освободительной борьбы.

Во время войны неизмеримо выросло значение колониальных и зависимых стран для империалистических держав. Метрополии использовали их территории как плацдармы, как театры военных действий. Весь Ближний Восток был превращен во фронтовую зону. В Африке, Турции, Персии, в арабских странах Азии и Китае происходили военные операции, и народы этих стран вочию увидели все ужасы империалистической бойни. Война потребовала огромных материальных и людских ресурсов. Нужны были солдаты, нужно было снаряжение, продовольствие. Империалистические державы мобилизовали в своих колониях и зависимых странах огромные контингенты войск. Миллионы людей были отправлены за пределы родных стран проливать кровь за интересы английских, французских и других империалистов. Англия и Франция в своих колониях мобилизовали около 6 млн человек. Во время войны были созданы так называемые трудовые корпуса, отвлечавшие от производительного труда миллионы рабочих рук, выросла экономическая эксплуатация колониальных и зависимых стран, увеличился вывоз продовольственного и промышленного сырья.

Временное прекращение традиционных торговых связей с метрополиями, увеличение спроса на стратегическое сырье дали толчок некоторому развитию национальной промышленности, способствовали обогащению помещиков, капиталистов, торговцев. Наиболее значительное развитие национальное производство получило в Индии, Китае, Египте. Разбогатевшая и окрепшая во время войны национальная буржуазия стала осознавать свое подчиненное положение и стремилась к самостоятельности. Война еще более обострила противоречия между национальной буржуазией и буржуазией метрополий.

В связи с развитием промышленности вырос и национальный пролетариат. Рабочий класс колоний и зависимых стран превратился в значительную силу национально-освободительного движения. Война и связанная с ней дороговизна чрезвычайно ухудшили положение трудящихся, рабочих, крестьян, усилили классовую дифференциацию в деревне.

Война создала предпосылки для нового подъема освободительной борьбы. Оценивая влияние войны на развитие колониальных и зависимых стран, В. И. Ленин писал: «Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили умению владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение... Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 233—234.

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Поражение Китая в войнах с западными державами, принудительные договоры и серьезные уступки цинского правительства вызвали некоторые разногласия при маньчжурском дворе. Наиболее дальновидные представители правящих кругов империи высказывались за политику заимствования военно-технических достижений у иностранцев, за так называемый курс самоусиления цинской монархии. В связи с этим сторонники самоусиления готовы были на частичный отказ от традиционной изоляции от внешнего мира. Они соглашались на установление дипломатических отношений с иностранными государствами и на расширение внешней торговли. На сторону группировки самоусиления встала императрица Цы Си (Ехэнара), правившая от имени своего малолетнего сына, а с 1875 г. — от имени возведенного ею на престол несовершеннолетнего племянника — императора Гуансюя. Под влиянием сторонников этой группы цинское правительство приступило к частичному преобразованию административного аппарата, финансов, системы просвещения, реорганизации армии и флота, созданию новых форм транспорта и средств связи. В столице было создано особое учреждение («цзунли ямынь» — «главное управление») для руководства внешними сношениями. Этот своеобразный совет государственных деятелей должен был также заниматься внешней торговлей, закупкой вооружения, судов и машин, морской обороной, железнодорожным строительством и горным делом. В Пекине открыли школу иностранных языков, где готовили переводчиков и чиновников для сношений с внешним миром. В ней учились дети только из привилегированных семей.

Сановники-китайцы, выдвинувшиеся в ходе подавления Тайпинского восстания, а вслед за ними и маньчжуры начали строить арсеналы, судовой верфи, пороховые и патронные заводы. В 1861 г. Цзэн Гофань создал первый современный арсенал в Аньцине. В 1862 г. Ли Хунчжан при содействии англичан открыл арсенал в Шанхае, а затем в Сучжоу. В 1865 г. он учредил в Шанхае самый крупный по тем временам оружейный завод и судостроительную верфь. С именем Ли Хунчжана связано также создание арсенала в Нанкине. Глава хунаньской клики Цзо Цзунтан в 1864 г. учредил судостроительную верфь в Ханчжоу, а в 1866 г. перевел ее в Фучжоу, где при помощи французов наладил производство современных военных судов. Казенные арсеналы и заводы с механическим оборудованием строились в Тяньцзине, Сиани, Гуанчжоу, Гирине, Ланьчжоу и Чэнду. В 1872 г. Ли Хунчжан учредил крупную пароходную компанию, а для снабжения пароходов углем в 1878 г. было создано Управление Кайлуаньскими угольными копиями. Для перевозки угля от шахт до побережья в 1881 г. в Северном Китае была пущена первая железная дорога. В 1882 г. Ли Хунчжан приступил к строительству крупной текстильной фабрики в Шанхае. Политика самоусиления имела главной целью укрепление военной силы цинского Китая без «потрясения основ» феодального государства, в отличие от революции 1868 г. в Японии, создавшей предпосылки для быстрого развития там капитализма. Япония стала образ-

дом в глазах противников реакционных порядков, охраняемых Цинами. Туда направлялась на учебу либерально настроенная молодежь, японский опыт призывали использовать в Китае сторонники модернизации как средства сохранения независимости страны и решения внутренних проблем. Однако при всей непоследовательности и противоречивости курса на самоусиление его объективное значение состояло в создании основ современной промышленности в Китае.

Мероприятия сторонников политики самоусиления встретили сильное сопротивление наиболее консервативных кругов, ярых противников любых заимствований из-за границы, видевших даже в технических новшествах Запада угрозу существующему порядку и измену заветам предков. Они возражали против создания при школе иностранных языков факультета астрономии и математики, выступали против приглашения в Китай иностранных преподавателей, посылки китайских студентов на учебу за границу. Тем не менее в Китае начали создаваться учебные заведения западного образца: машиностроительные, инженерные, судостроительные, штурманские, минно-торпедные, телеграфные, военно-морские, медицинские. В эти учебные заведения стали принимать детей мелких землевладельцев, торговцев, представителей ученого сословия. Из числа выпускников этих учебных заведений постепенно формировалась прослойка буржуазной и технической интеллигенции. Она была призвана обслуживать новые учреждения и предприятия, заводы, фабрики и шахты. На китайский язык начали переводиться книги по науке и технике, а также международному праву и дипломатии. Несмотря на сугубо прикладной, утилитарный характер переводимой иностранной литературы, она сыграла положительную роль в ознакомлении с культурой стран Запада, способствовала зарождению в самом Китае буржуазных общественно-политических устремлений.

Под военным и политическим нажимом держав цинское правительство проводило политику непрерывных уступок. При возникновении какого-либо конфликта с иностранцами в Китае цинское правительство стремилось задобрить иностранные державы, сохранить их расположение. При этом Цины не отказывались от традиционной китайской внешнеполитической доктрины «использования одних варваров против других». В 1860 г. для иностранной торговли было открыто 15 китайских портов. Созданное по настоянию англичан в 1859 г. Управление императорскими морскими таможнями Китая, возглавлявшееся англичанами, по существу контролировало всю внешнюю торговлю страны; на это управление был возложен сбор средств для уплаты контрибуции Англии и Франции. Через посредство таможенного управления цинское правительство получало займы от иностранных (преимущественно английских) банков. К 1875 г. в таможенных органах Цинской империи на руководящих постах работали 408 иностранцев (из них 252 англичанина); к 1859 г. число иностранных сотрудников таможен увеличилось до 735 человек.

Цинское правительство не предпринимало никаких эффективных мер по правовой защите китайских чернорабочих — кули, которых обманными путями вывозили иностранные работорговцы из южнокитайских портов для работы на рудниках и плантациях США, стран Карибского бассейна, Юго-Восточной Азии, Австралии и Латинской Америки. Особого размаха достигла торговля желтыми рабами в 60—70-х годах XIX в., сопровождавшаяся огромной смертностью кули при перевозке через океан на иностранных судах в антисанитарных условиях и вследствие нечеловеческой эксплуатации рабовладельцами.

Войны и жестокое подавление народных движений привели к массовому истреблению населения, порче ирригационных сооружений, разрушению сельского и городского хозяйства. Цинским властям пришлось принять меры по восстановлению разрушенной экономики, бесплатно или по льготным ценам сдавать в аренду пустующие земли, временно снизить земельный налог. Однако эти меры не касались городского трудящегося населения и купечества; они по-прежнему подвергались жестокому налоговому гнету; китайские товары при перевозке из одного пункта в другой подвергались многократному налоговому обложению на бесчисленных внутренних таможенных заставах («ликин»), в то время как товары иностранного происхождения освобождались от внутренних налогов и пошлин в соответствии с неравноправными договорами, заключенными цинским правительством.

Проводники политики самоусиления установили строгий военно-политический и идеологический контроль над населением империи, усилили систему круговой поруки и доносов.

При подавлении крестьянских восстаний и выступлений неханьских народов руководители китайских помещичьих армий нажили баснословные состояния за счет грабежа населения, военной добычи и безудержного казнокрадства; на подвластных их контролю территориях в 70—90-х годах они установили жестокий налоговый гнет, зачастую насильственно привлекая к участию в своей торгово-промышленной деятельности местное купечество и помещиков. Созданная ими служба «чиновничьего надзора и купеческого управления» (гуань ду шан бань) над новыми промышленными и транспортными предприятиями позволила наряду со средствами из казны и своими личными средствами привлекать и частный капитал, содействуя дальнейшему обогащению крупных военачальников и чиновников.

Наиболее преуспел в этом отношении лидер аньхуэйской группировки Ли Хунчжан, назначенный после подавления Тайпинского восстания и восстаний неханьских народов наместником столичной провинции. В нарушение указания двора он не вывел свою «хуайскую» армию из столичной провинции, захватил контроль над внешней и внутренней торговлей в Северном Китае. Переведя свою штаб-квартиру в Тяньцзинь и разместив части своей армии во всех стратегических пунктах, Ли Хунчжан взял под свой контроль оборону Северного и Северо-Восточного Китая, стал усиленно расширять арсенал в Тяньцзине и приступил к созданию северной, бэйянской, эскадры военно-морских сил. В этом крупнейшем портовом городе Северного Китая Ли Хунчжан установил тесный контакт с представителями иностранных консульств, банков и торговых фирм, с таможенными чиновниками и вскоре переключил на себя ведение большинства внешнеполитических и внешнеторговых дел. В 1877 г. войска Ли Хунчжана насчитывали около 40 тыс. человек, вооруженных современным оружием. В хуайской армии царили строгие феодальные порядки: офицеры подбирались по земляческому принципу и должны были хранить личную верность наместнику. Ли Хунчжан не считался с интересами центрального правительства и заботился лишь о собственном обогащении и усилении своего военного могущества, использовал пароходную компанию для беспошлинной перевозки своих личных грузов, в частности опиума и риса, выращивавшихся на принадлежащих ему землях в провинции Аньхуэй. Он добился от правительства монопольных прав и привилегий для своих промышленных и транспортных предприятий, что также приносило ему и его клике баснословные барыши.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА ПРОЛЕТАРИАТА И БУРЖУАЗИИ В КИТАЕ. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ЧАСТНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Инициаторами строительства современных промышленных предприятий, оснащенных машинами, выступили главари китайских феодально-помещичьих клик и маньчжурские сановники — сторонники самоусиления. С 1861 по 1894 г. ими было основано 19 казенных военных предприятий, на которых в 1894 г. было занято около 10 тыс. рабочих. Последние рекрутировались главным образом из солдат местных войск, ремесленников и крестьян. Продолжительность рабочего дня не регламентировалась, на предприятиях отсутствовали элементарные гигиенические условия, господствовали казарменная палочная дисциплина и полное бесправие рабочих, получавших нищенскую заработную плату, а подчас трудившихся на положении кабальных, вообще без какого-либо денежного вознаграждения. Иностранные капиталисты с 60—70-х годов XIX в. начинали создавать в портовых городах Китая свои первые промышленные предприятия, преимущественно по переработке сельскохозяйственного сырья, предназначавшегося на экспорт, и предприятия коммунальной и легкой промышленности. Проникновению в Китай иностранного капитала способствовали открытие в 1869 г. Суэцкого канала и установление в 1871 г. телеграфной связи Шанхая с Европой и Америкой. К 1894 г. в Цинской империи насчитывалось уже 101 иностранное предприятие (верфи, доки, шелкопрядильни, маслобойни, мельницы, газовые заводы, фабрики по переработке чая, щетины, типографии и пр.), из которых две трети принадлежали англичанам. Более половины всех иностранных предприятий находилось в Шанхае, превратившемся после второй «опиумной» войны в крупнейший центр внешней торговли Китая. Китайские рабочие этих предприятий, хотя и находились в несколько лучших условиях по сравнению с рабочими казенных предприятий, также подвергались жестокой эксплуатации как со стороны иностранных капиталистов, так и их китайских управляющих и приказчиков. Выступая посредниками между иностранными фирмами и китайским купечеством и властями, китайцы-управляющие сколотили себе крупные состояния. Они вкладывали свои капиталы в иностранные предприятия и фирмы, так как в цинском Китае для частнокапиталистического предпринимательства по-прежнему существовали жесткие ограничения. Многие из них находились в тесных деловых связях с главарями китайских феодально-региональных клик, служа посредниками со странами Запада. Так в Китае формировался новый социальный слой — компрадорская буржуазия. Ли Хунчжан и другие видные сановники Цинской империи широко привлекали представителей китайской компрадорской буржуазии к управлению казенными или смешанными (казенно-частными) торговыми, промышленными и транспортными предприятиями. Через них осуществлялась закупка за границей оборудования, а также оружия, военных и торговых судов, паровозов и вагонов.

В 70—80-х годах XIX в. возникли и первые частные промышленные предприятия, создаваемые китайскими купцами и помещиками. Это были преимущественно мелкие и средние предприятия легкой и обрабатывающей промышленности: шелкомотальные, шелкопрядильные, хлопкоочистительные, хлопкопрядильные, ткацкие, мукомольные, маслобойные, чаеперерабатывающие, спичечные, полиграфические, ремонтные и прочие предприятия. С 1872 по 1894 г. было основано 75 частных предприятий, на которых в 1894 г. было занято 27 тыс. наемных рабочих. На предприятиях, принадлежавших пред-

ставителям нарождавшейся китайской буржуазии, существовала жесточайшая система эксплуатации рабочих, широко применялся почти даровой женский и детский труд, действовала полуфеодалная система надзора за рабочими.

Своеобразие промышленного развития Китая заключалось в том, что современная промышленность возникла сперва в форме казенных предприятий — арсеналов и верфей, созданных главарями феодально-региональных группировок, и предприятий, принадлежащих иностранному капиталу. Поэтому китайский пролетариат первоначально зарождался на казенных и иностранных фабриках и заводах. Формирование китайской промышленной буржуазии шло главным образом за счет обуржуазивания небольшой части помещичьего класса, а не путем трансформации торгового и мануфактурного капитала в фабричный. Капиталы китайского купечества и владельцев мануфактур принудительно привлекались к созданию казенных и смешанных предприятий и становились источником обогащения предводителей местных кланов. Частные предприниматели или держатели акций предприятий смешанного типа не имели никакой легальной защиты от произвола и лихоимства властей. Единственно, что им оставалось — это поступать под покровительство местных влиятельных группировок, иностранных фирм или покупать чиновничьи должности. Даже наиболее крупные представители молодой национальной буржуазии, вместо того чтобы открывать собственные частные предприятия, были зачастую вынуждены вступать в смешанные общества, контроль над которыми осуществляли представители региональных кланов, или становиться неравноправными партнерами иностранных фирм.

АГРЕССИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ. ФРАНКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1884—1885 гг. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В последней трети XIX в. иностранные державы усилили свое проникновение в Китай. В открытых для иностранцев портах действовало свыше 70 протестантских миссионерских организаций, большую активность развили католические миссионеры. При учреждении своих церквей иностранные миссионеры подчас захватывали общественные здания и земли, китайские храмовые постройки, занимались спекулятивной деятельностью. Все это вызывало массовые выступления китайского народа. В Тяньцзине были убиты французский консул и несколько миссионеров. Цзэн Гофань, а затем сменивший его на посту наместника столичной провинции Ли Хунчжан сурово расправились с участниками антифранцузских выступлений в Тяньцзине.

Англичане, придравшись к убийству на границе провинции Юньнань и Бирмы в 1875 г. английского консульского чиновника, заставили подписать Ли Хунчжана в Чифу (ныне Яньтай) выгодную для них конвенцию. В 1876 г. Англия получила крупную контрибуцию, право на торговлю в пограничных районах провинции Юньнань. Была признана неподсудность иностранцев китайскому суду и открыты четыре новых порта на р. Янцзы. 1 января 1886 г. Бирма была включена в состав Британской империи.

В 1872 г. Япония формально включила острова Лю Цю (Рюкю) — из них самый крупный Окинава — в состав своего государства в качестве отдельной префектуры. В 1874 г. японская военщина организовала карательную экспедицию против жителей китайского о. Тайвань, готовясь к последующему его захвату. В 1885 г. в Тянь-

цзине Ли Хунчжаном и премьер-министром Японии графом Ито Хиробуми было подписано соглашение, признававшее за Японией такие же права на вмешательство во внутренние дела Кореи, какие традиционно имел цинский двор.

В мае 1883 г. французская палата депутатов проголосовала за кредиты на военную экспедицию в Северный Вьетнам. К тому времени во Вьетнаме были расквартированы части бывших тайпинских войск «черного знамени», перешедших на сторону цинского правительства, а также переброшенные туда регулярные войска численностью до 50 тыс. человек. Объединенные китайские и вьетнамские войска нанесли французам ряд поражений. Французская эскадра проникла на рейд Фучжоу, где потопила всю южную эскадру китайского флота и бомбардировала фучжоуские доки.

Агрессия Франции против Вьетнама и Англии против Бирмы вызвала патриотический подъем, охвативший все слои населения Южного Китая. Помещики и купцы набирали и вооружали отряды добровольцев, в прибрежных районах создавались флотилии из вооруженных джонок. Китайские докеры и население Гонконга объявили всеобщую забастовку, на время парализовавшую жизнь этой британской колонии. Цинское правительство, напуганное патриотическим движением и освободительным характером, который начала принимать война во Вьетнаме, поспешило приступить к мирному урегулированию конфликта.

Подписанный в Тяньцзине в 1885 г. мирный договор с Францией привел к отказу цинского Китая от формального суверенитета над Вьетнамом и давал Франции преимущественные права в Южном Китае. Военные расходы тяжелым бременем легли на страну. Кабальная зависимость правительства от финансировавших его иностранных, преимущественно английских, банков усилилась. Князь Гун был объявлен главным виновником военных неудач и отстранен от власти. Влияние Ли Хунчжана на внутреннюю и внешнюю политику Цинской империи увеличилось. Представители иностранных фирм, торговавших оружием, с помощью Ли Хунчжана опустошали китайскую казну, поставляя негодное оружие и боеприпасы. Ли Хунчжан имел в своем окружении большое число иностранных советников по экономическим и внешнеполитическим вопросам. В его войсках служили 124 немецких офицера в качестве советников и инструкторов. Большое внимание он уделял помимо бэйянской северной эскадры строительству укреплений на побережье Чилийского (Бохайского) залива, прикрывавших морские подступы к столичному району. Но закупавшиеся за границей военно-морские суда и крепостное вооружение были самых различных типов, отсутствовала унификация и стандартизация вооружений, что снижало значение этих мероприятий.

Импералистические державы после франко-китайской войны усилили экономическое проникновение в Китай и расширение сфер своего политического влияния. Крупные портовые города Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу, Ханькоу с их иностранными концессиями и селтлментами представляли собой опорные базы для проникновения иностранного капитала в глубинные районы Цинской империи. К 1890 г. цинское правительство открыло для иностранной торговли в общей сложности 32 китайских портовых города. За десятилетие с 1885 по 1895 г. внешнеторговый оборот Китая более чем удвоился, увеличившись со 153 до 315 млн лян. Первое место в торговле с Китаем принадлежало Англии, на долю которой приходилось около $\frac{2}{3}$ китайского импорта и свыше половины экспорта.

Иностранцы стали издавать газеты и журналы на китайском языке, усилили деятельность миссионерских школ, религиозных и благотворительных учреждений для идеологической обработки китайского населения. К началу 90-х годов в Китае было 628 европейских и 335 китайских католических священников. Протестантские миссии в Китае к 1890 г. располагали штатом около 6000 человек.

Поражение во франко-китайской войне резко обострило недовольство цинской политикой. Представители нарождающейся буржуазной интеллигенции стали выступать за введение в Китае западной парламентской системы, распространение европейской системы образования и юриспруденции. В портовых городах издавались книги и брошюры, авторами которых были преимущественно китайцы, побывавшие за границей. В стране появились первые китайские газеты, знакомившие своих читателей с иностранными государствами, их внутренней и внешней политикой, высказывавшие свои суждения о положении в Китае. Внешне они были выдержаны в верноподданническом духе.

С каждым годом ширились антимиссионерские и антииностранные выступления в провинциях, расположенных в среднем и верхнем течении Янцзы, куда стали усиленно проникать иностранцы. Особенно серьезные масштабы приняли антииностранные выступления в 1890—1893 гг.; во главе их стояли сельские богатеи. Массовой базой этих выступлений были члены традиционных тайных обществ. Антиманьчжурские лозунги тайных обществ были дополнены антииностранными призывами. Стихийно вспыхивали погромы иностранных миссионерских и торговых учреждений. Власти были бессильны справиться с растущим возмущением народа.

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1894—1895 гг. И КРАХ ПОЛИТИКИ САМОУСИЛЕНИЯ

Японо-китайские противоречия в Корее в начале 90-х годов XIX в. приняли исключительно острый характер. Японская миссия в Сеуле вербовала сторонников из среды корейских политических деятелей, поощряла их стремление бороться против зависимости от цинского Китая, стремилась установить полный контроль над политической жизнью страны. Англия и особенно Соединенные Штаты Америки поддерживали японские притязания. Резидент цинского правительства в Сеуле, доверенное лицо Ли Чунчжана генерал Юань Шикай, пытался ограничить рост японского влияния. Когда вспыхнуло народное восстание в Корее, цинское и японское правительства направили туда крупные контингенты своих войск. Японская военщина, пленив корейского короля, заставила его объявить войну Китаю. Еще до этого (июль 1895 г.) японский крейсер потопил у берегов Кореи английский пароход, перевозивший в Корею 1200 китайских солдат и офицеров. Военные действия вскоре были перенесены в Южную Маньчжурию, на Ляодунский полуостров и в Шаньдун. Японские армии и флот разгромили китайские войска, овладели крепостями и военно-морскими базами и потопили китайскую эскадру. Военное поражение феодального Китая обнажило всю гнилость цинского режима. Военные приготовления, осуществленные при участии немецких и английских военных советников и инструкторов, оказались совершенно недостаточными, а вооружение — устаревшим и негодным. Средства, отпускавшиеся на приобретение вооружения, строительство укреплений и довольствие войскам, оседали в карманах казнокрадов,

списочный состав войск превышал фактическое наличие солдат и офицеров.

Опасаясь наступления японцев на столичный район и повсеместно начавшихся народных выступлений против цинского правительства, императрица Цы Си срочно запросила мира у японского правительства. Двор был вынужден послать находившегося в опале после поражения китайских войск Ли Хунчжана для ведения переговоров в Японию. Ему были возвращены все его чины и награды.

Мирные переговоры велись в японском городе Симоносеки. Они затянулись, так как Япония, поддержанная США, выдвинула непомерные требования. Ли Хунчжан был ранен японцем — членом ультра-националистической организации, призывавшей к продолжению войны с Китаем вплоть до занятия Пекина. Верный классическому принципу китайской дипломатии об использовании одного противника в борьбе с другим, Ли Хунчжан, заручившись поддержкой России и Франции, добился некоторого смягчения японских требований. Размер контрибуции, которую выплачивал Китай Японии, сокращался с 300 млн лян до 200 млн. Японцы отказывались от оккупации Мукдена (Шеньян), от превращения Пекина в город, открытый для иностранной торговли. Статья 1 подписанного в Симоносеки 17 апреля 1895 г. договора устанавливала независимость Кореи от Цинской империи. К Японии переходили острова Тайвань и Пэнхуледао (Пескадорские острова), а также Ляодунский полуостров. Остальные статьи договора предусматривали открытие для японской торговли и промышленности деятельности ряда городов в глубинных районах Китая. Японцы получали право строить в Китае свои фабрики и заводы.

В результате решительного нажима на японское правительство со стороны царской России, поддержанной Англией и Германией, при обмене ратификационными грамотами между Японией и Китаем в Пекине 8 мая 1895 г. из текста Симоносекского договора была исключена статья об отказе Китая от Ляодунского полуострова в пользу Японии. За это Япония дополнительно получала 30 млн лян контрибуции.

Японо-китайская война ознаменовала крах политики самоусиления, осуществлявшейся на протяжении 35 лет, которая привела к дальнейшему проникновению и усилению позиций иностранного капитала в Китае. Основная причина поражения этой политики правящих кругов заключалась в их реакционной цели — сохранить в новых условиях архаические феодальные порядки.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ГЛАВЕ С СУНЬ ЯТСЕНОМ

Поражение произвело огромное впечатление на все классы и слои китайского общества и привело к возникновению и организационному оформлению двух ведущих политических направлений — революционно-демократического и реформаторского. Во главе революционно-демократического движения, в котором принимали участие представители китайской национальной буржуазии, буржуазной интеллигенции и эмигрантской буржуазии, выступил молодой врач Сунь Ятсен. Он родился в 1866 г. на юге Китая в провинции Гуандун в семье бедного крестьянина. Тринадцатилетним мальчиком он уехал на Гавайские острова, где обосновался его старший брат, по примеру многих

десятков тысяч выходцев из южных провинций Китая покинувший родину в поисках заработка. В 1883 г. Сунь Ятсен возвратился в Китай, поступил в содержавшуюся миссионерами общеобразовательную школу, а затем в медицинскую школу. В 1892 г. он с отличием окончил медицинский институт в Гонконге. В школьные и студенческие годы Сунь Ятсен находился под сильным впечатлением Тайпинского восстания, память о котором еще была свежа среди его односельчан. В медицинском институте Сунь Ятсен образовал группу единомышленников. Студенты обсуждали причины слабости и способы возрождения Китая. Они установили связь с местным антиманьчжурским тайным обществом «Небо и Земля». Патриотический подъем, охвативший все слои населения Южного Китая в период войны с Францией, оказал сильное влияние на формирование взглядов группы Сунь Ятсена.

К началу своей медицинской практики Сунь Ятсен еще не был безоговорочным сторонником свержения Цинской династии, хотя и видел в маньчжурском владычестве первопричину всех бедствий, обрушившихся на Китай. До начала японо-китайской войны Сунь Ятсен считал возможным добиться некоторого улучшения положения страны путем проведения либеральных реформ цинским двором при условии допуска к управлению страной китайских политических деятелей. В конце 1893 г. Сунь Ятсен написал пространный меморандум Ли Хунчжану, содержащий план проведения различных реформ, который решил вручить лично, для чего направился в Тяньцзинь. Своим меморандумом Сунь Ятсен рассчитывал склонить Ли Хунчжана и остальных китайских сановников при цинском правительстве к проведению буржуазных преобразований при опоре на новую китайскую интеллигенцию, усвоившую западную науку и технику. Сунь Ятсену не удалось встретиться с Ли Хунчжаном. Поездка на север, ознакомление с положением в стране и поражение Китая в войне с Японией убедили Сунь Ятсена в ошибочности его расчетов на реформы и в необходимости революционного свержения цинского правительства.

С группой своих друзей и единомышленников Сунь Ятсен приступил к созданию первой революционной организации «Союз возрождения Китая» (Син Чжун), поставивший своей задачей свержение цинской власти. На Гавайских островах, куда Сунь Ятсен выехал для ведения революционной агитации, сбора средств на нужды организации среди местных китайских эмигрантов и для приобретения оружия, в конце 1894 г. им были составлены декларация и устав союза. В нем говорилось: «Верхи погрязли в косности и бесчестии, выдают пороки за добродетель, переполнены чванства и кичливости, низы пребывают в темноте и невежестве, и редкий способен проникать в будущее... Ныне сильные соседи окружили страну, они смотрят на нас глазами тигров и нацелились словно ястребы на добычу, с вожделием зарятся на наши рудные богатства, на обилие производимых у нас продуктов, готовы разрезать Китай на доли, как тыкву, разделить, как бобы».

Сунь Ятсену удалось вовлечь в эту тайную антиправительственную организацию более 100 китайских эмигрантов, проживающих на Гавайях. «Союз возрождения Китая» имел характер глубоко законспирированной, узкой по составу участников и относительно малочисленной заговорщической группы. В него входили представители китайской национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и помещичье-шэньшыйских элементов Южного и Восточного Китая, заинтересованные в капиталистическом

развитии страны. Среди китайской эмигрантской буржуазии, проживающей в Гонконге, Макао, на Гавайских островах и в других странах, были члены этой организации. Вступая в союз, новые члены приносили торжественную клятву «изгнать маньчжур, восстановить государственный престиж Китая и учредить демократическое правительство». Союз не выдвигал лозунгов, рассчитанных на привлечение населения на свою сторону, не вел агитационно-пропагандистской работы среди жителей Гуанчжоу.

Поражения цинских войск в Корее и Маньчжурии усилили антиправительственные выступления среди трудящихся масс и мелкой буржуазии, страдавших от рекрутского набора и новых налогов, введенных цинским правительством на военные нужды. Единомышленники Сунь Ятсена сочли обстановку благоприятной и советовали ему вернуться в Китай. В начале 1895 г. Сунь Ятсен основал штаб-квартиру «Союза возрождения Китая» в Гонконге, установил связи с руководством тайного общества «Небо и Земля» в Гуандуне, заручился обещанием о поддержке восстания, намеченного на 26 октября 1895 г. Революционеры рассчитывали в этот день захватить городскую крепость, где помещалась резиденция маньчжурского наместника. Повстанцы полагали, что армия и народ перейдут на их сторону и движение распространится на все остальные районы Китая.

План восстания был разработан до самых мельчайших деталей, но при перевозке оружия была допущена неосторожность, и власти попали на след революционеров. В городе начались повальные обыски и аресты, и выступление пришлось отменить. Сунь Ятсену и большинству руководителей Союза удалось скрыться. Сунь Ятсен выехал в Гонконг, а затем в Японию. За его голову маньчжурские власти объявили крупную награду. Несколько членов общества были схвачены и казнены. Неудача первого восстания «Союза возрождения Китая» прекратила деятельности Сунь Ятсена. В Японии, а затем на Гавайских островах и в США он готовил новое восстание и активно вербовал сторонников. В 1896 г. в Лондоне Сунь Ятсена схватили чиновники цинской дипломатической миссии, чтобы тайно вывезти в Китай на расправу. Дело, однако, получило огласку, и после двенадцатидневного заключения Сунь Ятсена пришлось выпустить. История с пленением Суня приобрела мировую известность. Его имя долго не сходило со страниц газет, что он широко использовал для ведения антиманьчжурской агитации и привлечения в Союз новых единомышленников из числа китайцев, живших за границей.

НАЧАЛО БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМЫ

Рост новых общественных сил, препятствия, чинимые феодальной реакцией развитию капиталистических отношений, и полная неспособность цинского правительства защитить интересы страны от агрессии империалистических держав, что особенно наглядно проявилось во время войны с Японией, — все это привело к возникновению в 1895 г. движения за реформы. В нем приняли участие представители китайской буржуазии и либеральных помещиков. Движение возглавил ученый конфуцианец Кан Ювэй. Он родился в 1858 г. в провинции Гуандун в семье учителя, получил классическое образование и сам стал учителем. В 1888 г. Кан Ювэй обратился со своим первым меморандумом к императору Гуансюю, призывая его провести реформы в це-

лях укрепления Китая и организации отпора агрессии капиталистических держав.

Когда японское правительство предъявило китайской делегации в Симоносеки унижительные условия мира, Кан Ювэй, который находился в столице, куда он приехал сдавать экзамены на высшую ученую степень, стал во главе движения протеста. Под его председательством весной 1895 г. происходили в Пекине собрания, в которых участвовало свыше 1200 человек. Это были представители ученой и бюрократической прослойки правящего класса, съехавшиеся на столичные экзамены. Многие из них были связаны с предпринимательской и торговой деятельностью. Участники собраний одобрили текст коллективного меморандума, составленный Кан Ювэем и его единомышленниками.

Меморандум состоял из двух частей. В первой приводились доводы против ратификации мирного договора и давались практические советы, как продолжить войну. Вторая часть содержала обширную программу преобразований в области политики, военного дела, экономики и культуры. Авторы меморандума предлагали императору Гуансюю признать свои ошибки и сурово наказать сановников и военачальников, виновных в поражении, перенести столицу из Пекина в Сиань, реорганизовать армию по западному образцу, выдвигать молодых, талантливых военных, привлекать на государственную службу китайцев-эмигрантов. Чтобы предотвратить раздел Китая империалистическими державами, авторы меморандума требовали изменения устаревших методов государственного управления, ликвидации ненужных учреждений. Они считали необходимым организацию выпуска бумажных денег и монет государственным банком, строительство железных дорог, производство машин и пароходов, открытие шахт и рудников и создание государственной почтовой системы.

Это была широкая программа реформ, отражавшая интересы молодой китайской буржуазии и той части землевладельцев, чье хозяйство уже было тесно связано с внутренним рынком и внешней торговлей. Авторы коллективного меморандума призывали правительство ограждать интересы китайских предпринимателей от конкуренции со стороны иностранного капитала и от произвола чиновников-казнокрадов и взяточников. Много внимания уделяли авторы меморандума и вопросам повышения товарности сельского хозяйства, внедрению технических культур, вопросам ирригации и механизации. Мероприятия в области просвещения были направлены на реформу архаической системы образования, на распространение грамотности, подготовку кадров технической интеллигенции. Авторы меморандума предлагали сделать реформированное в интересах новых общественных сил конфуцианство государственной религией и использовать для идеологического контроля над трудовыми слоями и для облегчения китайской колонизации стран Юго-Восточной Азии по примеру стран Запада, использовавших в аналогичных целях христианскую религию.

Предложение о реформе системы государственного управления сводилось к созданию при императоре совещательного органа из избранных народом представителей. Политические требования реформаторов не шли, таким образом, дальше введения конституционной монархии. Боязнь народа, от имени которого выступали авторы меморандума, сквозила в каждой его строке. Не случайно в нем ни слова не говорилось об удовлетворении вековых стремлений китайского крестьянина получить землю, об улучшении положения ремесленников и рабочих. Слабость и ограниченность молодой китайской бур-

жуазии, ее тесная связь с землевладением и неспособность возглавить революционную борьбу с феодальными порядками сказались в крайней умеренности экономических и политических концепций, нашедших отражение в меморандуме. Несмотря на свои недостатки, коллективный меморандум явился прогрессивным патриотическим выступлением новых общественных сил.

Кан Ювэй, зачисленный после окончания экзаменов делопроизводителем в ведомство общественных работ, организовал в столице выпуск ежедневной газеты «Цян сюэ бао» (Усиление государства) — органа сторонников реформ. В Пекине по его инициативе был создан своеобразный клуб реформ — «Ассоциация усиления государства», привлекавший широкий круг столичных чиновников и ученых для обсуждения проектов реформ. Во всех крупных провинциальных городах Китая начали создаваться клубы и ассоциации реформ, издаваться газеты и журналы реформаторского направления. Большой известностью стали пользоваться переводы книг Адама Смита, Герберта Спенсера и Томаса Гексли, выполненные талантливым переводчиком Янь Фу, примыкавшим к реформаторскому движению. В этот период возник новый литературный стиль; произведения реформаторов писались на более понятном широкому кругу читателей языке, без доселе обязательных заимствований и классических конфуцианских канонов.

Реакционные столичные сановники обвиняли Кан Ювэя в выступлении против правительства. Под их нажимом император запретил газету и клуб реформаторов в Пекине ввиду «злонамеренной и незаконной деятельности». Кан Ювэй, опасаясь ареста, уехал в Шанхай, а затем в Гуандун, где вновь занялся преподаванием.

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ

После Симонсекского мирного договора, давшего право иностранцам строить свои фабрики и заводы в Китае, проникновение в страну иностранного капитала приняло еще более активные формы. В. И. Ленин писал в этой связи: «Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»¹.

Иностранный капитал особенно активно устремился в легкую, главным образом текстильную, промышленность. На протяжении 1895—1896 гг. в Шанхае открылись 4 крупные современные текстильные фабрики, принадлежавшие иностранцам. Большой интерес проявил иностранный капитал и к железнодорожному строительству в Китае. В 1897 г. в Китае насчитывалось уже около 600 иностранных фирм (больше половины из них принадлежало англичанам) и постоянно проживало около 50 тыс. иностранных подданных. Имел место бурный рост иностранных инвестиций в Китае в форме займов цинскому правительству, вложения капиталов в разработку природных богатств и финансирование железнодорожного строительства, причем между различными банковскими группами и стоявшими за ними империалистическими правительствами разгорелась острая конкурентная борьба. Соперничество между державами привело к разделу страны на сферы влияния и сферы интересов различных империалистических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 83.

держав. Англия включила в сферу своего влияния провинции Южного Китая и бассейна р. Янцзы; Франция в 1895 г. добилась от цинского правительства преимущественных прав на разработку горных богатств южных и юго-западных провинций Китая. В октябре 1895 г. кайзеровская Германия получила согласие цинского правительства на создание немецких концессий в Ханькоу и Тяньцзине. Царская Россия добилась от Китая прав на сооружение Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурии и сосредоточила все свое внимание на организации ее строительства. К 1897 г. для иностранной торговли были открыты уже 34 китайских порта.

Борьба империалистических государств за китайский рынок особенно остро развернулась после так называемых «цзяочжоуских событий», когда Германия под предлогом отмщения за убийство в ноябре 1897 г. двух немецких миссионеров в Шаньдуне направила в Китай военно-морскую эскадру и десантные войска и оккупировала область Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове с главным городом Циндао. В 1898 г. цинское правительство удовлетворило германские требования, предоставив немецкому капиталу монопольные права на железнодорожное строительство и разработку естественных богатств Шаньдунского полуострова и согласившись с превращением Циндао в немецкую военно-морскую базу (побережье залива Цзяочжоу на 99 лет сдавалось в аренду Германии). Агрессивные действия Германии положили начало так называемой «битве за концессии», т. е. новой волне территориальных захватов в Китае: Россия в марте 1898 г. получила в аренду часть Ляодунского полуострова с городами Дальня (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур); Франция в мае того же года получила в аренду побережье Гуанчжоуваньского залива, близ острова Хайнань; Англия «арендовала» значительную часть полуострова Цзюлун (Коулун) и порт Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове. В июле 1898 г. Россия получила от пекинского правительства концессию на строительство южной ветки КВЖД. Япония потребовала и получила гарантии от цинского правительства, что Китай не сдаст в аренду ни одному из иностранных государств территорию в провинции Фуцзянь, находящейся напротив сторгнутого Японией у Китая Тайваня.

Под давлением Англии и других держав цинское правительство в конце июля 1898 г. было вынуждено открыть для иностранного судоходства реки и внутренние водоемы империи. Уступая иностранным домогательствам, маньчжурское правительство до конца 1898 г. предоставило различным иностранным компаниям концессии на строительство 7500 миль железных дорог в Китае и права на разработку полезных ископаемых.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕФОРМАТОРОВ

Захват Германией Цзяочжоу вызвал глубокое возмущение передовой китайской общественности. Кан Ювэй вновь стал спланировать сторонников реформ. При его участии в начале 1898 г. в столице были созданы патриотические организации — Гуандунская научная ассоциация и так называемая «Ассоциация познавших позор», ставившие своей целью усиление Китая. В новом меморандуме императору Гуансюю Кан Ювэй клеймил позором двор и правительство за их неспособность противодействовать иностранной агрессии. Он рекомендовал молодому императору по примеру Петра I и японского императора

Мудзухито (Мэйдзи) лично возглавить проведение реформ. По совету патриотически настроенных китайских сановников из своего окружения император приказал членам Цзунлиямыня принять Кан Ювэя, выслушать его соображения и доложить о них.

Под руководством Кан Ювэя в столице состоялось учредительное собрание нового патриотического общества сторонников реформ — Союза защиты государства. Целями Союза провозглашались борьба за целостность страны и безопасность народа, пропаганда реформ, распространение экономических знаний и содействие властям в делах управления. Союз являлся буржуазно-помещичьей партией реформ, в которую входили патриотически настроенные чиновники и шэньши и представители буржуазно-помещичьих кругов: опираясь на авторитет императорской власти и идеализируя при этом личные качества императора Гуансюя, они стремились путем умеренных реформ сверху, не подвергая революционной ломке феодальные отношения и не доводя дело до открытого столкновения с державами, превратить Китай в сильное капиталистическое государство. Известие об учреждении Союза защиты государства в столице вызвало создание аналогичных союзов и ассоциаций в различных городах страны.

Под влиянием патриотического подъема, охватившего страну, император издал указ «Об установлении основной линии государственной политики», выдержанный в духе предложений Кан Ювэя и знаменовавший собой начало кратковременного периода умеренных буржуазных реформ в Китае, известного в истории под названием «ста дней реформ». Император дал аудиенцию Кан Ювэю и приблизил к трону его учеников и соратников, рассчитывая при их помощи укрепить свою власть и поправить пошатнувшийся авторитет цинского правительства. На протяжении «ста дней реформ» (с 11 июля 1898 г.) Гуансюй издал свыше шестидесяти указов о реформах, преследовавших цель обновления Китая и превращения его в сильное и независимое государство. Указы императора повелевали создать при правительстве четыре главных управления: промышленностью и торговлей, горнорудной промышленностью, сельским хозяйством и железными дорогами. Должны были быть осуществлены модернизация вооруженных сил и чистка личного состава армии. Предполагалось упразднение ненужных административных учреждений в столице и провинции. Разрешалось чиновникам всех рангов обращаться с докладами непосредственно к императору. На государственных экзаменах предполагалось отказаться от сочинений архаического стиля. Правительство намеревалось дать согласие на открытие университета в столице, поощрять открытие частных школ современного типа, включать в программы элементы западных наук. Император обещал поощрять развитие машиностроения, издание газет, журналов, переводов иностранных книг на китайский язык.

Хотя большинство из предусматривавшихся этими указами мероприятий ввиду сопротивления консервативных сил и не было реализовано, тем не менее сам факт их появления наглядно свидетельствовал об активизации новых, буржуазных общественных сил в Китае.

Движение за реформы было далеко не однородным по своему составу и по политическим взглядам его участников. Большинство реформаторов разделяли политическую программу, выдвинутую Кан Ювэем, — установление в стране конституционной монархии и осуществление умеренных буржуазных реформ авторитетом императорской власти. Отдельные руководители этого движения, например хуанец Тань Сытун, резко критиковали власть маньчжур в Китае с на-

ционалистических позиций и выдвигали идею всенародного избрания монарха, т. е. по существу установление президентской формы правления. Тань Сытун и другие сторонники левых взглядов поддерживали связи с тайными антиманьчжурскими организациями в армии. Но, как и Кан Ювэй, они отводили ведущее место в истории не народным массам, а героям, рыцарям, призванным единолично искоренять общественное зло.

Император Гуансюй и реформаторы попытались заручиться поддержкой армии, однако выбранный ими в качестве руководителя военного переворота командир новых войск генерал Юань Шикай предал их. Он сообщил наместнику столичной провинции маньчжуру Жун Лу планы реформаторов. Это дало возможность реакционерам предупредить действия реформаторов. 21 сентября 1898 г. императрица Цы Си с помощью отряда надежных маньчжурских войск арестовала императора Гуансюя и его приближенных и опубликовала указ о восстановлении своего регентства. В Пекине начались повальные обыски и аресты реформаторов. Без суда и следствия были казнены шесть видных участников движения за реформы, в их числе Тань Сытун и брат Кан Ювэя. Сам Кан Ювэй, а также Лян Цичао бежали за границу. Императрица Цы Си отменила большинство изданных в период «ста дней реформ» указов и вернула противников реформ на их посты.

Восстановление регентства Цы Си вызвало в стране новую волну антиправительственных и антииностранных выступлений. Пользуясь этим, иностранные дипломаты срочно потребовали от своих правительств присылки в северные китайские порты дополнительных военно-морских сил для защиты иностранцев. Осенью и зимой происходили крупные административные волнения в Северном Китае, а также в провинциях Сычуань, Гуанси, Гуйчжоу, Аньхуэй и Ганьсунь.

СТИХИЙНОЕ АНТИИНОСТРАННОЕ И АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ВОССТАНИЕ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА ИХЭУАНЬ

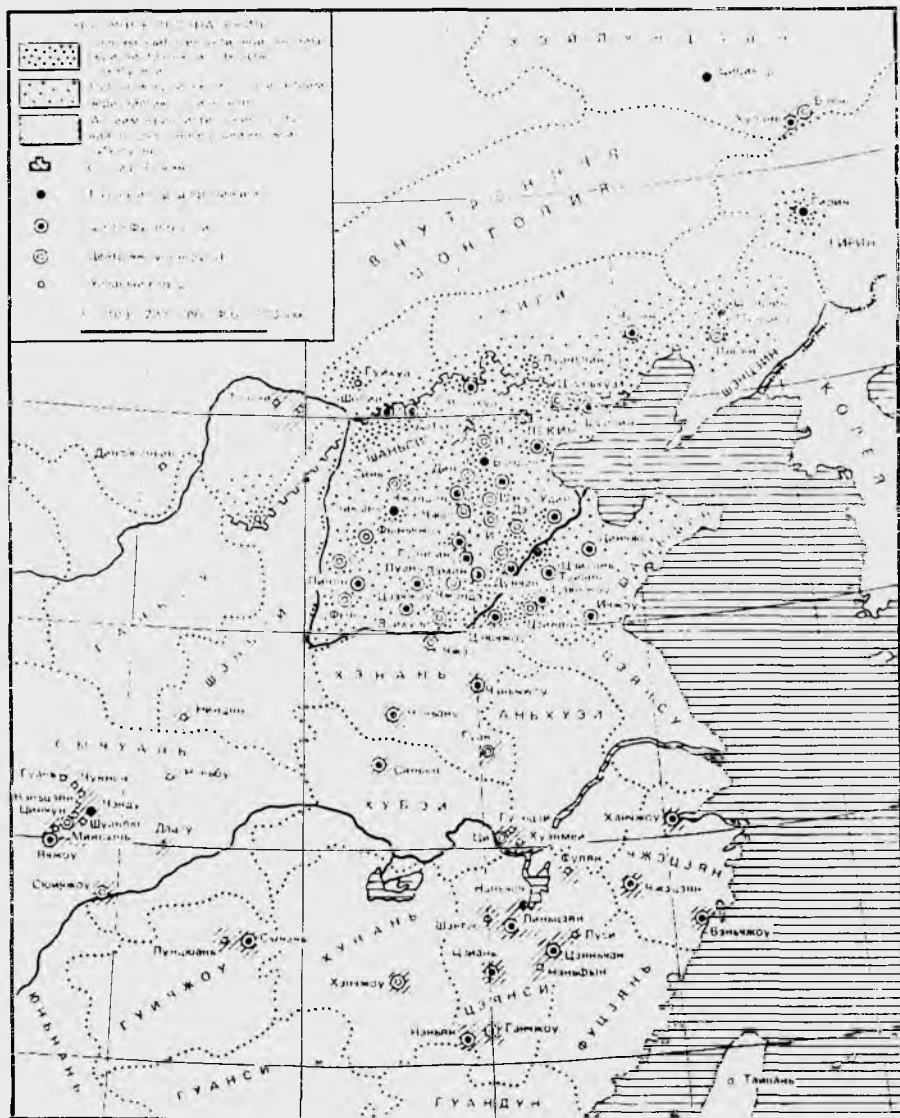
В конце XIX в. усилилась общая антииностранный направленность народных выступлений, осуществлялся переход от чисто антимиSSIONерской борьбы к борьбе за предотвращение раздела Китая державами. В листовках, выпущенных повстанцами в провинции Сычуань, содержалась резкая критика экономической и политической агрессии держав в Китае, в первую очередь захват Японией Тайваня и Германией района Цзяочжоу. В них осуждались продавшиеся иностранцам цинские чиновники, которые в целях сбора средств для уплаты контрибуции Японии усилили налоговое обложение.

Наиболее частыми и массовыми стали антииностранные выступления в провинции Шаньдун, население которой пострадало в ходе военных действий и агрессии германского империализма, захватившего под свой контроль уезд Цзяочжоу и зарывшегося на всю территорию этой богатой и густо населенной провинции. Деятельность свыше 200 протестантских и католических миссионеров и христиан пользовалась покровительством местных властей. Произвол иностранных войск, действия миссионеров и их агентуры в провинции Шаньдун вызвали резкую враждебность у населения. В то же время частые стихийные бедствия ухудшили положение народа.

В таких условиях в некоторых уездах еще в 1896 г. начались антимиSSIONерские выступления под руководством тайного «Общества

Больших мечей». С осени 1898 г. в северных уездах Шаньдуна на границе со столичной провинцией Чжили активизировалась антимиссионерская деятельность тайного общества Ихэтуань — «Отрядов справедливости и мира» (или Ихэцюань — «Кулак, поднятый во имя справедливости и мира»). Члены общества обучали население особым приемам кулачного боя, якобы делавшим людей неуязвимыми от оружия иностранцев. Это общество с явно выраженной религиозно-мистической окраской имело длительную историю и было связано с другими обществами, действовавшими в провинции еще во времена восстаний тайпинов и няньцзюней — «Больших мечей», «Красных фонарей» и др.

В пантеоне богов, которым поклонялись члены общества — преимущественно крестьяне, ремесленники, лодочники, грузчики, мелкие

Восстание Ихэтуань (1899—1901)

торговцы, наибольшим почетом пользовался бог войны Гуаньди. Признавались также божества всех трех основных китайских религий: конфуцианства, буддизма и даосизма. Один из руководителей Ихэтуань крестьянин Чжу Хундэн по прозвищу Небесный Дракон выдавал себя за потомка последней китайской династии Мин.

Главный лозунг Ихэтуань — уничтожение иностранцев и изгнание их из Китая — отражал всеобщее недовольство агрессивной политической держав, от которых страдали все слои населения провинции. Крестьяне несли на себе бремя дополнительных налогов, которые были введены для выплаты контрибуций державам, страдали от спекуляции землей и зерном, которой занимались миссионеры и их китайская агентура. Ремесленники лишались заработка из-за конкуренции дешевых иностранных товаров фабричного производства. Армия лодочников и транспортных рабочих, перевозивших грузы по императорскому каналу, лишалась работы из-за появления железных дорог и паровозов — новых видов транспорта, занимававших из-за границы. Шэньши видели угрозу конфуцианским порядкам со стороны христианской идеологии и не желали делить с иностранцами своей власти над трудящимися. В то же время ненависть к иностранцам у ихэтуаней подчас принимала уродливые формы огульного отрицания всего иностранного (ксенофобии). Так, ихэтуань уничтожали все здания иностранного типа, паровозы и вагоны, разбирали железнодорожные пути, рубили телеграфные столбы, ломали машины, уничтожали трофейное оружие.

В восстании ихэтуаней можно выделить три крупных этапа. Первый — с конца 1899 г., когда их деятельность в основном не выходила за пределы провинции Шаньдун. Поскольку местные власти отчасти разделяли антииностранные чувства тайных братств, цинский двор назначил по просьбе держав на пост губернатора Шаньдуна генерала Юань Шикая, который стал решительно расправляться с ихэтуанями.

Второй этап — с весны 1900 г., когда восстание ихэтуаней перебросилось в столичную провинцию, население которой, возмущенное агрессивной политической держав, горячо откликнулось на призыв ихэтуаней к борьбе с иностранцами. В провинции Чжили наряду с антииностранными лозунгами были довольно широко распространены антиправительственные призывы. Среди вождей движения, пользовавшихся наибольшей популярностью на этом этапе, были лодочник Чжан Дэчэн и солдат Цзо Футянь, выдававшие себя за посмертно перевоплотившихся вождей тайпинов Хун Сюцюаня и Ян Сюцина, а также дочь лодочника Хуан Лянь, руководившая крупным женским подразделением ихэтуаней.

У повстанцев отсутствовала общая политическая программа, не было объединенного военного командования и единых военных планов. Они продвигались к крупнейшим городам Северного Китая, уничтожая на пути иностранные миссии и предприятия. Представители держав в Пекине требовали от цинского правительства принять меры по подавлению ихэтуаней. В порту Дагу с военных кораблей были высажены десанты иностранных войск. В интервенции приняли участие 8 держав: Англия, США, Япония, Франция, Россия, Италия, Германия и Австро-Венгрия.

Цинское правительство, стремясь использовать антииностранное восстание для укрепления своих позиций в отношениях с державами, заигрывало с ихэтуанями и в то же время успокаивало дипломатический корпус. В июне оно разрешило отрядам ихэтуаней вступить в Пе-

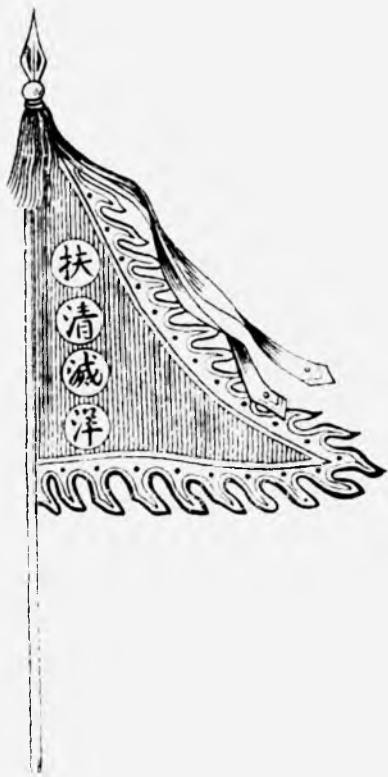
кин, где начались их вооруженные столкновения с иностранными войсками. Получив сообщение о падении китайских фортов у Дагу, прикрывавших морские подступы к Тяньцзиню, Цы Си объявила войну державам. В Пекине и Тяньцзине началась осада иностранных концессий цинскими войсками и ихэтуанями. Ихэтуани нанесли поражение отряду английского адмирала Сеймура, продвигавшемуся из Тяньцзина к Пекину. По мере прибытия новых соединений иностранных войск в Северный Китай и с ростом активности отрядов ихэтуаней цинское правительство стало менять свою политику. Оно пыталось ограничить активность повстанцев и подставить их под удары интервенционистских войск.

В августе 40-тысячная армия интервентов, преодолев отчаянное сопротивление ихэтуаней, вступила в столицу. Императрица Цы Си приказала Ли Хунчжану начать мирные переговоры с державами. Сама же со своей свитой тайно бежала в Тайюань, а затем и в Сиань. Императора Гуансюя, который по-прежнему находился под домашним арестом, она увезла с собой в глубь страны.

Третий и завершающий этап восстания начался после капитуляции Цинов перед державами. Цы Си издала указ, предписывавший правительственным войскам обращать оружие против ихэтуаней. После занятия интервентами Пекина иностранные войска вместе с цинскими частями стали беспощадно подавлять народные отряды, соревнуясь в жестокости. В Северный Китай во главе 22-тысячной армии прибыл немецкий фельдмаршал Вальдерзее, назначенный главнокомандующим объединенной армии интервентов. Под его командованием проводились карательные экспедиции против отрядов ихэтуаней.

Противоречия между великими державами привели к затяжке переговоров. Лишь 7 сентября 1901 г. Ли Хунчжан от имени цинского правительства подписал в Пекине с представителями держав так называемый Заключительный протокол (Боксерский протокол), закреплявший полуколониальное положение Китая. Цины обязались выплатить державам в течение 39 лет огромную контрибуцию в сумме 450 млн лян. С учетом установленных процентов общая сумма выплаты приближалась к 1 млрд лян.

Китаю запрещалось покупать оружие за границей, предлагалось уничтожить укрепления, прикрывавшие доступ к Тяньцзиню с моря. Иностранные державы получили право держать войска в Северном Китае. В Пекине создавался специальный посольский квартал, управлением которого занимались только сами иностранцы и где размещались гарнизоны иностранных войск. Цинское правительство обязалось содействовать развитию иностранной торговли и судоходству в Китае.

Знамя ихэтуаней с надписью: «Поддержим Цин, смерть иностранцам!»

Державы потребовали сурового наказания цинским правительством всех сановников, участвовавших в войне с интервентами, и реабилитации казенных ихэтуанями и Цинами сторонников держав. В Германию и Японию должно было быть направлено специальное «извинительное посольство» в связи с убийством в Пекине германского посланника и японского дипломата. Цинское правительство обязалось в течение 5 лет не проводить экзамены на степени, необходимые для занятия должностей. Этим наносился существенный удар по узкой прослойке сельских верхов, из которых рекрутировались кадры чиновников и офицеров.

В январе 1902 г. правительство вернулось в Пекин. Империалистические державы сочли, что оно будет их верным и покорным слугой и искусственно продлили владычество маньчжурских и китайских феодалов в стране.

Во время войны с империалистами в Северном Китае ни представители революционно-демократического движения, руководимого Сунь Ятсеном, ни реформаторы во главе с Кан Ювеем не поддержали ихэтуаней. Китайская буржуазия не только осталась в стороне от народного движения, но отмежевывалась от него, считая, что восстание дает повод для раздела Китая державами. Созданная Кан Ювеем в эмиграции конституционно-монархическая партия защиты императора, ставившая своей целью реставрацию власти Гуансюя, открыто призывала своих последователей к защите иностранцев от «смутьянов». Тайная военная организация реформаторов — Армия независимости, которая летом 1900 г. готовила под руководством левого крыла реформаторов выступления в Восточном и Центральном Китае, также решительно отмежевывалась от ихэтуаней.

Со стороны «Союза возрождения Китая» была предпринята попытка установить контакт с ихэтуанями, однако эмиссар Союза по прибытии в Тяньцзинь был обвинен ихэтуанями в связях с иностранцами и был убит. Антииностранная направленность восстания и главным образом поддержка ихэтуаней маньчжурским двором отталкивала китайских буржуазных революционеров, рассчитывавших на поддержку державами требования свержения чужеземной маньчжурской династии и установления национального китайского республиканского правительства. В августе 1900 г. «Союз возрождения Китая» при поддержке тайных антиманьчжурских обществ организовал антиправительственное выступление на границе с недавно «арендованной» Англией территорией полуострова Коулун. Японские власти на о. Тайвань обещали Сунь Ятсену доставить большую партию оружия и боеприпасов, но в последний момент отказались выполнить свое обещание. Восстание окончилось неудачей.

Антиимпериалистическая борьба народных масс Северного Китая нашла горячий отклик и сочувствие у представителей международного рабочего движения и прогрессивной общественности мира. От имени русских социал-демократов В. И. Ленин в 1900 г. выступил с гневной обличительной статьей «Китайская война», в которой писал: «Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом... которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?»¹. Голос протеста против зверств

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 379.

и бесчинств интервентов в Китае звучал также в Германии и Франции, где А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ж. Жорес и Ромен Роллан выступали в защиту китайского народа.

Несмотря на то что народное восстание ихэтуаней было подавлено иностранными интервентами и маньчжуро-китайскими феодалами, оно сорвало планы империалистических держав по окончательному колониальному расчленению Китая. Империалисты оказались вынужденными на время сохранить цинский Китай как формально суверенное, хотя и полностью зависимое от них, государство.

КИТАЙ В ЭПОХУ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

СТАНОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

После восстания ихэтуаней цинский двор был вынужден пойти на проведение некоторых мер, направленных на поддержку современной промышленности, транспорта и торговли, а также на реформу системы просвещения и подготовку технических кадров. Однако в стране сохранялись многочисленные феодальные преграды на пути капиталистического развития, а ключевые позиции в экономике страны после так называемого Заключительного протокола прочно находились в руках иностранных капиталистов.

В первое десятилетие XX в. открылось 386 фабрик, шахт и рудников, полностью или частично принадлежавших национальному капиталу. Ежегодно вступало в строй в среднем по 50 частных китайских предприятий. После подписания Заключительного протокола начался переход в частную собственность большинства казенных и смешанных казенно-частных предприятий, приносящих казне и держателям акций одни убытки. Увеличился объем внешней торговли. Стоимость экспорта со 122 млн долларов в 1901 г. возросла до 245 млн долларов в 1911 г., а стоимость импорта соответственно увеличилась со 193 млн долларов до 306 млн долларов. Резко возрос пассивный для Китая баланс внешней торговли. Усилился экспорт иностранного капитала в Китай. С 1900 по 1914 г. иностранные инвестиции увеличились с 750 до 1650 млн долларов. Они шли главным образом на железнодорожное строительство, внешнюю торговлю, обрабатывающую и горную отрасли промышленности. Долг Китая за эти годы увеличился до 835 млн долларов, главным образом за счет внешних займов, которые расходовались в основном на военно-административные нужды цинского правительства.

Число открытых для иностранной торговли портов и населенных пунктов Китая к 1912 г. превысило 100. За период с 1899 по 1913 г. количество иностранных фирм в Китае утроилось и в 1913 г. составляло 2400, а численность постоянно проживавших в Китае иностранцев возросла соответственно с 53 до 165 тыс. человек. Первое место в торговле с Китаем по-прежнему принадлежало Англии (около 50% всего товарооборота), хотя усилилась конкуренция английским товарам со стороны японских и американских. Империалистические державы все более превращали Китай в поставщика дешевого сырья: хлопка, сои, шелка, чая. Упрочив за собой ведущие позиции в экономике Китая, иностранный сектор все более оттеснял китайских предпринимателей во второстепенные, безопасные для господства империалистов отрасли: текстильную и пищевую. Национальный сектор капиталистического уклада существовал в рамках зависимой полукOLONИальной экономики.

В первое десятилетие XX в. переходившие к предпринимательству землевладельцы вкладывали значительные денежные средства в городскую промышленность, торговлю, железнодорожный транспорт. В деревне постепенно развивался мелкотоварный уклад, хотя преобладали феодальные формы эксплуатации крестьян.

В условиях засилья феодальных порядков, поддерживавшихся цинским режимом, и растущей активности иностранного капитала успешно заниматься фабричным предпринимательством могла лишь та часть китайской буржуазии, которая пользовалась правительственными привилегиями и покровительством местных властей. Не случайно поэтому, что владельцами или совладельцами наиболее крупных промышленных предприятий национального сектора были крупные и средние чиновники, шэньши, богатые землевладельцы, компрадоры. Рядовые предприниматели вынуждены были искать защиты и покровительства у лиц, связанных с чиновничьей средой. Цинская монархия в глазах китайской буржуазии и той части китайских помещиков, чье хозяйство все более обслуживало нужды внутреннего рынка и экспортной торговли, была главным препятствием для их предпринимательства в силу олицетворявшего ее произвола феодальных властей, высокого налогообложения, экономической отсталости и косности, предательства национальных интересов и непрерывных уступок иностранному капиталу.

КОНСОЛИДАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ И РАЗРАБОТКА «ТРЕХ НАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ»

Первое десятилетие XX в. было ознаменовано быстрым ростом антиманьчжурских и национально-освободительных настроений в стране. Под влиянием первой русской революции 1905 г. и открытой ею эпохи Пробуждения Азии в Китае участились революционные выступления против цинской монархии. Летом 1905 г. под руководством Сунь Ятсена произошло объединение различных китайских буржуазно-демократических и буржуазно-помещичьих организаций, ставивших своей целью свержение цинской монархии и учреждение республики. В Токио был создан Чжунго гэмин тунмынхуэй (Китайский революционный объединенный союз). В него вошли «Союз Возрождения Китая», имевший к тому времени свыше 40 отделений на родине и за границей, а также Союз Возрождения славы Китая (Гуанфу) — организация революционеров провинций Чжэцзян и Цзянсу и «Союз обновления Китая» (Хуаси). Среди китайской студенческой молодежи, учившейся в Японии, были широко распространены антиманьчжурские настроения. Там издавались антиманьчжурские газеты и журналы. Большой популярностью среди китайской учащейся молодежи пользовался антиманьчжурский памфлет Цзоу Жуна (автор умер в тюрьме) «Революционная армия» и статьи сотрудничавшего в шанхайской газете «Субао» революционного публициста Чжан Тайяня.

Деятельность различных антиманьчжурских организаций и революционная публицистика подготовили создание Объединенного союза. В основу его программы были положены сформулированные Сунь Ятсеном в ноябре 1905 г. «три народных принципа» — национализм, народовластие и народное благосостояние. Принцип национализма расшифровывался как требование свержения чужеземной маньчжурской династии и восстановления чисто китайского правления. Принцип народовластия толковался как ликвидация монархического строя и учреждение республики. А принцип народного благосостояния отражал требование уравнивания прав на землю, т. е. проведение постепенной национализации земли путем введения прогрессивного налога на землю в духе учения американского экономиста Генри Джорджа. Центральный орган Объединенного союза журнал «Миньбао» высту-

зал активным пропагандистом «трех народных принципов». В статье Сунь Ятсена, открывавшей первый номер «Миньбао», излагалась основная идея о том, что предстоящая китайская революция не только должна покончить с маньчжурским владычеством и монархическим строем, но и решить неотложные социальные задачи, улучшить благосостояние страны, сделать Китай сильным и могущественным государством, способным не только освободиться от притеснения со стороны иностранных держав, но и опередить по уровню своего экономического развития ведущие страны Европы и Америки.

В. И. Ленин по ознакомлению в 1912 г. с программой «трех народных принципов» с большой симпатией отзывался о Сунь Ятсене, назвал его представителем «боевой и победоносной китайской демократии», революционным демократом, полным благородства и героизма. В. И. Ленин отмечал прогрессивные черты, свойственные национальной буржуазии Китая в начале XX в. «В Азии, — писал он, — везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции»¹.

Наряду с признанием прогрессивных сторон учения Сунь Ятсена В. И. Ленин с огромной проницательностью вскрыл утопические черты его платформы — надежду на возможность «предотвратить» капитализм в Китае, а вместе с тем социальные бедствия и угнетение трудящихся масс, которые несет с собой. «...объективные условия Китая, отсталой, земледельческой, полупфеодальной страны, — писал В. И. Ленин, — ставят на очередь

Сунь Ятсен

дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм. ...Политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы»². В. И. Ленин указывал единственный путь освобождения Китая от вековой отсталости, а именно путь революционной борьбы за свержение феодальных и полуколониальных порядков: «Чем больше отставал Китай от Европы и от Японии, тем более грозило ему раздробление и национальное разложение. «Обновить» его могло только героизм революционных народных масс...»³.

Внутри Объединенного союза существовали серьезные разногласия по поводу предложенной Сунь Ятсеном программы народного благосостояния. Отражением указанных разногласий явилось создание «Союза всеобщего прогресса» (Гунцзиньхуэй), в состав которого входило много представителей землевладельцев, не признававших третьего принципа Сунь Ятсена — уравнивания прав на землю. Союз всеоб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 403—404.

³ Там же. С. 406.

шего прогресса видел задачи революции в свержении цинской монархии и учреждении суверенного республиканского государства. В то же время его программа содержала резкую критику агрессивной политики держав.

События первой российской революции нашли широкое отражение в китайской революционной прессе 1905—1907 гг., в первую очередь на страницах органа Объединенного союза «Миньбао», который активно популяризовал революционный опыт борьбы русского пролетариата с царизмом и призывал применять его на практике. Китайские революционеры приветствовали происходившие в России события и установили личные контакты с жившими в Японии русскими политическими эмигрантами (с большевиком В. К. Курнатовским, с народником Н. К. Судзиловским-Русселем, эсером-террористом Г. А. Гершуни и др.).

Через год после своего создания Объединенный союз насчитывал уже до 10 тыс. членов. Между 1906 и 1911 гг. эта организация подготовила и провела свыше десяти антиправительственных вооруженных выступлений в различных провинциях Южного, Центрального и Восточного Китая. Наиболее крупными из них были восстания в шахтерском центре Пинсяне в 1906 г. и в Гуанчжоу в 1911 г. Хотя все эти выступления и оканчивались поражением, они все же оказывали большое влияние на складывание в стране революционной ситуации.

В. И. Ленин в 1908 г. писал, что революционное движение в Китае будет иметь новый, демократический характер. От «старых китайских бунтов», выражавшихся в деятельности многочисленных тайных обществ, в крестьянских восстаниях и войнах тайпинов, няньцзюней, ихэтуаней и др., оно перейдет «в сознательное демократическое движение»¹.

Объединенный союз и другие действовавшие параллельно с ним революционные антиманьчжурские организации, например Литературное общество и Союз всеобщего прогресса, уделяли все больше внимания революционной пропаганде в армии, где среди офицеров было немало членов этих организаций. После неудачи восстания в Гуанчжоу в марте 1911 г. для подготовки нового крупного революционного выступления было создано центральное отделение Объединенного союза в Шанхае.

БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕ КОНСТИТУЦИОННО-МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Руководители конституционно-монархического лагеря Кан Ювэй и Лян Цичао, находившиеся в эмиграции, вели ожесточенную борьбу против влияния революционеров и лично Сунь Ятсена на китайцев, проживавших в Японии, США и странах Юго-Восточной Азии. В самом Китае стало шириться буржуазно-помещичье движение за введение конституции, руководимое либеральным крылом китайской буржуазии. Сторонники реформ пугали цинский двор примером русской революции.

Идя навстречу требованиям китайской буржуазии и помещиков установить в стране конституционное правление и допустить представителей буржуазии к власти, цинское правительство с 1906 г. предприняло конституционные маневры. В 1909 г. великий князь-регент Цзай

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 179.

Фын от имени своего сына, малолетнего императора Пу И, объявил о создании в провинциях так называемых «совещательных комитетов» для подготовки конституционного управления. Указанные совещательные комитеты, депутатами которых были представители местных помещиков и буржуазии, стали принимать активное участие в общественно-политической деятельности, организовывать сбор подписей под петициями цинскому правительству с призывами ускорить введение обещанной конституции. Деятельность совещательных комитетов, проходившая на общем фоне роста народного недовольства, во многом содействовала нарастанию революционной ситуации в стране, хотя члены комитетов и были противниками вооруженных форм борьбы и рассчитывали на мирный компромисс с Цинами. Политическая активность китайской буржуазии отражала и ее возросшую активность в экономической области.

В 1905—1908 гг. в Китае развернулось движение буржуазии и предпринимательской прослойки землевладельцев за укрепление своих экономических позиций и противодействие иностранному капиталу. Буржуазия пыталась направить стихийные антиимпериалистические настроения народных масс в русло движения за бойкот иностранных товаров, за возвращение захваченных иностранцами прав на разработку горных богатств, к протесту против иностранных займов на железнодорожное строительство. В 1905 г. в южных и юго-восточных провинциях проходил бойкот американских товаров, в 1907—1908 гг. в Южном Китае был организован бойкот японских, а в 1908 г. — немецких товаров. Отказом населения от покупки товаров иностранного производства китайская буржуазия пыталась улучшить конкурентоспособность изделий отечественного производства.

РОСТ СТИХИЙНЫХ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

После 1905 г. усилились стихийные антиправительственные и антифеодальные выступления китайского крестьянства и городских низов, проходившие, как правило, под руководством старинных тайных обществ. Обычно эти выступления носили резко выраженный антидинастический характер. Рост налогов, вызванный уплатой державам так называемой «боксерской контрибуции», дороговизна жизни, произвол бюрократического и военно-политического аппарата, подрыв традиционных ремесел еще более ухудшили положение населения.

Чрезмерная эмиссия денег центральными и провинциальными властями, расстройством торговли сопровождалась волной банкротств среди торгово-промышленных кругов Шанхая, Нанкина, Ханькоу, Тяньцзиня и других городов. В различных районах страны участились патриотические антиколониальные выступления. В бассейне р. Янцзы протесты против вторжения иностранного капитала, душившего торгово-промышленную деятельность китайской буржуазии, были особенно активны. Население портовых городов Восточного и Южного Китая провело бойкот иностранных товаров в ответ на дискриминацию китайских эмигрантов в США, Японии и других странах. В Чанша и других городах бассейна Янцзы вспыхнули «рисовые бунты». Крестьянские волнения охватили провинцию Шаньдун.

Когда в мае 1911 г. цинское правительство решило национализировать действующие и еще строящиеся железные дороги в провинциях Сычуань, Хубэй, Хунань и Гуандун, возникло движение «за-

щиты железных дорог». Правительство подписало соглашение с консорциумом четырех держав (в него входили английские, французские, германские и американские банки) о займе, что означало фактическую передачу железнодорожного строительства иностранному капиталу. Условия займа, который был гарантирован доходами от налогов на соль и рис, налагали на широкие народные массы новое тяжелое бремя. Национальный капитал лишился возможности участвовать в строительстве дорог в своей стране. Помещики, буржуазия и мелкие держатели акций в Сычуани терпели большие убытки. Акт правительства оскорблял национальное достоинство и приносил материальный ущерб. Действия властей подвергались критике в печати и в петициях трону, в речах, произносимых на митингах и собраниях.

Осенью 1911 г. в Сычуани началось вооруженное восстание, охватившее большую часть населения провинции. Солдаты карательных войск часто переходили на сторону повстанцев. Цинское правительство мобилизовало крупные воинские силы, но подавить восстание не могло. Маньчжурское цинское правительство в создавшихся условиях проявило свою неспособность управлять страной, непрерывными уступками домогательствам иностранных государств восстановило против себя даже ту часть китайских феодалов и чиновников, которые доселе служили верным оплотом цинскому режиму.

СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

В условиях растущего народного недовольства политикой цинского правительства активизировали свою деятельность революционные организации в главном центре Среднего Китая Ухане, городах Учан, Ханькоу и Ханьян. Литературное общество упрочило свои ряды за счет слияния с Ассоциацией китайских студентов. Через специального представителя, направленного Сунь Ятсеном в Ухань, была установлена связь с уханьскими революционерами. Печатный орган Литературного общества газета «Дацзянбао» (Великая река) содействовала росту революционных настроений среди населения троеградия. 14 сентября 1911 г. на совместном заседании руководители Литературного общества и «Союза совместного прогресса» было выбрано объединенное руководство готовившегося восстания. Оно состояло из двух комитетов: военного и политического. Было решено также послать эмиссаров в Шанхай и пригласить в Ухань руководителей Объединенного союза Хуан Сина и Сун Цзяожэня, чтобы они возглавили готовящееся восстание. Начало выступления намечалось в день традиционного осеннего праздника.

Когда властям стало известно о готовящемся восстании, в городе было объявлено военное положение. На территории русской концессии в Ханькоу, где находился штаб политического комитета восстания, произошел случайный взрыв. Власти при обыске захватили большое количество ручных гранат, пороха, печатей, революционных флагов с изображением восемнадцати звезд (по числу провинций Китая), листовок, а также списки революционеров. Императорский наместник приказал закрыть городские ворота Учана и начал проводить повальные аресты революционеров. После краткого допроса их казнили.

¹ Год «синьхай» по китайскому лунному календарю длился с 30 января 1911 г. по 17 февраля 1912 г. Революция поэтому стала именоваться «Синьхайская», ибо и учанское восстание, и отречение цинской династии имели место в году синьхай.

Вечером 10 октября под руководством сержанта Сюн Бинкуня, члена революционной организации, восстали солдаты саперного батальона в Учане. К ним присоединились солдаты артиллерийского полка, смешанной бригады и другие части местного гарнизона — всего до четырех тысяч солдат. После ночного боя революционные войска захватили штаб-квартиру наместника. Высшие маньчжурские сановники скрылись на канонерке, стоявшей на Янцзы. На следующий день после начала восстания члены революционных организаций на совещании с членами провинциального совещательного комитета решили поставить во главе хубэйского революционного правительства командира смешанной бригады новой армии в Учане Ли Юаньхуна, случайно не бежавшего из города, а во главе гражданской администрации — председателя провинциального совещательного комитета Тан Хуалуна, лидера местных конституционалистов.

На заседании революционеров и членов провинциальной совещательной ассамблеи было решено официально наименовать Китай Китайской республикой и считать страну республикой пяти национальностей — китайцев, маньчжур, монголов, дунган и тибетцев. Было объявлено о введении летосчисления со дня рождения мифического китайского императора Хуанди. Новое правительство решило издать прокламацию о преступлениях цинской династии и обратиться ко всем провинциям Китая и ко всем китайским солдатам императорских войск с призывом перейти на сторону революции. Были направлены ноты консулам иностранных государств в Ханькоу, в которых от имени революционного правительства признавались все договоры, заключенные цинским правительством с державами. Сторонники революции в знак освобождения от ига маньчжур срезали косы.

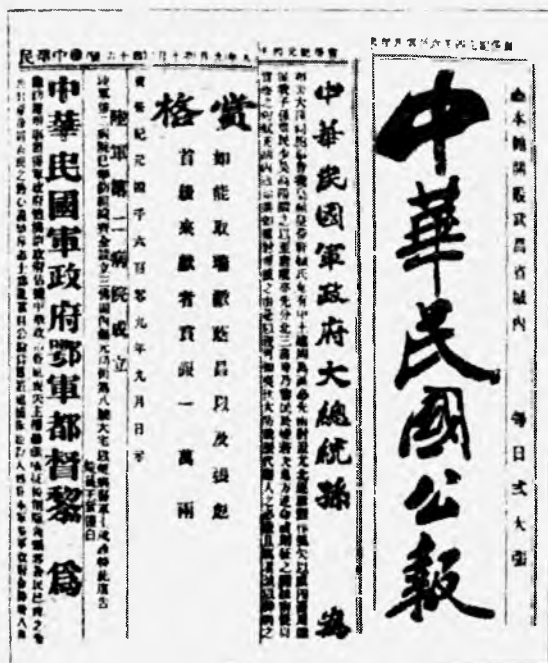
Военное правительство в Учане организовало эффективную оборону провинции Хубэй. Население Учана и соседних городов Ханькоу и Ханьяна с огромным энтузиазмом поддержало восставших солдат. За несколько дней численность революционных вооруженных сил увеличилась до нескольких десятков тысяч человек, что позволило успешно отбить первый натиск правительственной армии. В Учани имелся крупный пороховой завод, склады оружия и боеприпасов, что позволило быстро вооружить несколько десятков тысяч добровольцев, влившихся в революционную армию. Революционное правительство конфисковало большие запасы серебра, банкнот и медных денег и поэтому на первых порах могло платить жалованье солдатам.

Несмотря на численное превосходство цинских войск и флота, революционеры, опираясь на массовую поддержку гражданского населения, смогли в течение двадцатидневных боев успешно защищать Ханькоу. Когда же революционеры отошли из подожженного реакционерами города, они продолжали напряженные сражения за высоты Ханьяна. Лишь с помощью иностранцев цинские войска заняли левый берег Янцзы. Учан революционерам удалось отстоять.

Военное правительство обратилось ко всем слоям населения страны, в первую очередь к китайским помещикам, шэньши, чиновникам военного и бюрократического аппарата цинской империи, с призывом поддержать революцию. Оно просило иностранные державы соблюдать нейтралитет, не помогать маньчжурам, обещая за это уважать все договоры, заключенные ими с Цинами. В первых же документах, изданных военным губернатором (дуду) Хубэя Ли Юаньхуном, представителем китайской консервативной военщины, содержались обращения к местным властям не допускать активности небла-

гонадежных, бунтарских элементов в городах и сельских местностях и создавать в этих целях отряды самообороны и милиции.

Вслед за победоносным восстанием в Учане и провозглашением независимости провинции Хубэй от Пекина 14 провинций Цинской империи объявили в течение октября — ноября 1911 г. власть маньчжур низложенной, а местные власти — независимыми от пекинского правительства. К концу 1911 г. лишь три (Чжили, Хэнань и Ганьсу) из восемнадцати провинций собственно Китая формально еще признавали власть цинского правительства.

Воззвание революционного правительства пров. Хубэй о победе сторонников Китайской республики

В некоторых провинциях захват власти революционерами и провозглашение независимости осуществлялись путем вооруженной борьбы и при участии частей новой армии, в большинстве же провинций (в Цзянси, Чжэцзяне, Цзянсу, Гуанси, Аньхуэе, Фуцзяни, Гуандуне, Шаньдуне и Сычуани) — путем соглашения представителей либеральной буржуазии и местных помещиков со старой цинской провинциальной администрацией. Характерно, что после провозглашения республики в некоторых провинциях на руководящие посты военных губернаторов (дуду) были назначены цинские сановники. Это объяснялось слабостью революционных сил, отсутствием у них массовой опоры, страхом местной буржуазии и помещиков перед назревавшими революционными выступлениями солдатских, крестьянских и городских трудящихся масс. Опасаясь развертывания аграрного движения, новые власти стремились ограничить революционную самостоятельность масс и ничего не предпринимали, чтобы улучшить тяжелое материальное положение народа. В законодательных собраниях

провинций (парламентах) преобладали сторонники буржуазно-помещичьего, конституционно-монархического направления, постепенно оттеснявшие из этих органов революционеров.

Провозглашение независимости провинций, развертывание вооруженной борьбы в долине Янцзы и окраинных районах империи и, наконец, оппозиционные настроения созданных в Пекине представителей совещательной палаты перепугали правительство. Формальный нейтралитет держав, отказавших Цинам в займе, усугублял их положение. В этих условиях правительство призвало на помощь Юань Шикая, находившегося в опале. Генерал был также хорошо известен державам, имел большой опыт сотрудничества с ними в период подавления восстания ихэтуаней и в последующие годы. Юань Шикай медлил с ответом. Лишь получив пост главнокомандующего всеми цинскими вооруженными силами и затем пост премьер-министра, он отправился в Пекин. Преследуя свои честолюбивые замыслы, Юань Шикай начал секретные переговоры с отдельными группировками республиканского юга. Умело маневрируя между маньчжурами и республиканцами, опираясь на поддержку империалистических держав, он готовился к захвату власти. Банковский консорциум четырех империалистических держав обещал предоставить Юань Шикаю заем в сумме 6 млн ф. ст. на борьбу с революционным движением.

В Учане при содействии британского генерального консула было заключено перемирие между цинскими войсками и революционной армией. На переговоры с революционерами из Пекина выехал представитель Юань Шикая Тан Шаои, который должен был уговорить революционеров согласиться на введение в стране конституционно-монархического строя. Не доверяя Ли Юаньхуну, возглавлявшему войска в Учане, революционеры настояли на переносе мирных переговоров в Шанхай. В Нанкине собрались представители провинций Китая, чтобы создать новое республиканское правительство. Империалистические державы вмешались в гражданскую войну в Китае, направив через своих генеральных консулов в Шанхае делегатам Севера и Юга на мирной конференции совместную ноту, в которой категорически потребовали «прекращения конфликта».

ВРЕМЕННОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В НАНКИНЕ И ОТРЕЧЕНИЕ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ

29 декабря 1911 г. собравшиеся в Нанкине делегаты от провинций избрали Сунь Ятсена, за несколько дней до того вернувшегося из длительной эмиграции на родину, временным президентом Китайской республики и поручили ему формирование временного революционного правительства. За короткий срок своего пребывания на посту главы нанкинского правительства Сунь Ятсен развил активную деятельность, направленную на консолидацию революционных сил и на обеспечение свержения цинской монархии. Руководимое им временное республиканское правительство в Нанкине приняло буржуазно-демократическую конституцию. Впервые в истории Китая были провозглашены демократические свободы и права народа, предоставлено избирательное право женщинам, введена всеобщая воинская повинность. Ряд указов и распоряжений нанкинского правительства свидетельствовал о стремлении Сунь Ятсена и его сподвижников обеспечить не только демократические права населению, но и улучшить его материальное положение.

Временное правительство Китайской республики наметило меры для облегчения положения трудящихся, оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, содействия переселению на целинные земли, правовой защиты граждан, обеспечения демократических свобод. Были запрещены купли-продажи рабов и средневековый обычай бинтования ног девочкам, строжайше запрещалось курение опиума. Были намечены мероприятия для развития просвещения и народного образования, защиты китайских эмигрантов от оскорблений в странах Юго-Восточной Азии. Правительство Сунь Ятсена стремилось заручиться поддержкой держав и одновременно проводить политику защиты суверенитета Китая от посягательств империалистических держав. Все мероприятия нанкинское правительство, направленные на быстрое свержение цинской монархии и объединение страны, встречали ожесточенное сопротивление реакционных сил Севера, возглавлявшихся Юань Шикаем, за спиной которого стояли империалистические державы.

С начала революции державы продолжали признавать цинское правительство и передавать ему средства, собираемые таможами на территории революционных провинций. Тем самым революционные власти лишались основного источника финансовых поступлений. Постепенно державы сосредоточили крупные военные и военно-морские силы в Китае, препятствовавшие активности революционных войск. В портах стояли иностранные корабли. На берег были высажены десанты. Империалистические державы открыто вмешались в ход китайской революции на стороне реакционных феодально-компрдорских сил, группировавшихся вокруг Юань Шикая. Либеральные круги китайской буржуазии и помещиков, напуганные ростом активности народных масс, стали быстро отходить от революции.

Объединенный союз в это время практически прекратил играть роль ведущей революционной организации, терял массовую поддержку в стране. Нанкинское правительство, не признанное иностранными государствами, лишенное финансовых средств и организованного войска, было не в силах осуществить свою программу. Что касается третьего принципа Сунь Ятсена, то о нем вообще умалчивали. Оставалась задача добиться отречения маньчжур и сохранения республики.

В этих условиях Сунь Ятсен был вынужден отказаться от поста временного президента республики в пользу Юань Шикая. Последнему удалось также сорвать план революционеров перевести столицу из Пекина в Нанкин, в район, где бы могло быть более обеспечено революционное влияние на правительство. В обмен на признание Юань Шикая временным президентом Цины в Пекине отказались от власти 12 февраля 1912 г. В последних числах года «синьхай» по традиционному китайскому летосчислению последний император династии Цин, малолетний Пу И, отрекся от престола. Одновременно с указом Цинов об отречении Юань Шикай опубликовал «Льготные условия для цинского двора», которые предусматривали сохранение многих льгот и привилегий за цинской императорской семьей и за маньчжурской аристократией. Временно за ними сохранялись дворцовый район в Пекине и летний дворец в окрестностях столицы. Ежегодно казна должна была отпускать на их содержание 4 млн лян серебра. Бывшему императору оказывались такие же почести, как и иностранным монархам.

Синьхайская революция не покончила с засильем феодальных и полукOLONиальных порядков в Китае. Эти задачи в ходе революции

даже не были поставлены, что явилось следствием слабости новых общественных сил в стране — буржуазии и пролетариата, порожденной уродливым развитием капиталистических отношений, а также прочности феодальных порядков в деревне и превращении цинской империи в полуколонию иностранных держав. Феодальные, компрадорские и милитаристские силы нашли мощную поддержку со стороны империалистических держав, активно вмешавшихся в борьбу против революции. Тем не менее синьхайская революция явилась важным этапом в общедемократической и национально-освободительной борьбе китайского народа. В ходе революции благодаря самоотверженным героическим действиям восставшего народа была свергнута Цинская династия и на смену более чем двадцативековому монархическому режиму пришел республиканский строй.

В. И. Ленин и большевистская партия активно выступали в защиту китайской революции, против вмешательства империалистических держав на стороне китайской реакции. В. И. Ленин на страницах большевистской печати разоблачил действия группы европейских банков, предоставивших крупный заем Юань Шикаю. Если китайский народ откажется от этого займа, то, писал он, «... «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с азантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем!

Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия в союзе со всеми силами реакции и средневековья в Китае»¹.

В большевистской печати систематически публиковались сообщения о революционном движении в Китае. Так, еще в феврале 1911 г. газета «Звезда» поместила одну из прокламаций Объединенного союза за подписью Сунь Ятсена, содержащую уничтожающую критику маньчжурского режима. Вскоре после Учанского восстания в «Звезде» была введена специальная рубрика «Революция в Китае». В начале ноября 1911 г. газета напечатала статью В. Бонч-Бруевича «Проснувшийся дракон», приветствовавшую китайскую революцию. «Рабочая газета», призывая пролетариат России к солидарности с народами Востока, провозглашала: «Да здравствует революционный Китай!»

В январе 1912 г. Пражская конференция Российской социал-демократической рабочей партии вынесла специальное решение о поддержке китайской революции и о противодействии империалистической политике царизма и либеральной буржуазии, пытавшихся воспользоваться гражданской войной в Китае в своих корыстных целях. Написанная В. И. Лениным резолюция конференции «О китайской революции» гласила: «Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, — констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 155.

Большевики предупреждали китайских революционеров, что начальные успехи не должны приводить к самоуспокоенности. «Первый этап завершения китайской революции пройден: формально старый порядок похоронен и провозглашен новый», — писала большевистская «Звезда» по получении известия об отречении цинской монархии. «Но мы знаем по огромному опыту одного десятилетия нашего века, сколько требуется усилий со стороны народа, чтобы преодолеть сопротивление отживающего политического строя и расчистить путь для нового. Эта борьба за укрепление провозглашенного нового строя предстоит, несомненно, и китайскому народу».

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ЮАНЬ ШИКАЯ

Буржуазные революционеры, представлявшие промышленно более развитые по сравнению с Северным Китаем провинции Восточного, Южного и Центрального Китая, рассчитывали, что им удастся обеспечить себе большинство мест в будущем парламенте, избранном на основе принятой в Нанкине временной конституции и таким путем ограничить власть Юань Шикая. Желание предотвратить развитие гражданской войны и вооруженное вмешательство держав толкали их на дальнейшие уступки. Однако ограничить силы реакции не удалось.

В августе 1912 г. члены бывшего Объединенного союза и присоединившиеся к ним организации либеральной буржуазии создали Национальную партию — гоминьдан. В программу этой партии не был включен третий принцип Сунь Ятсена об уравнивании прав на землю. В неопределенной форме в ней говорилось о проведении конституционных требований и об отношениях с империалистическими державами.

На выборах в парламент гоминьдан получил большинство голосов, но создать своего правительства члены этой партии не смогли. Юань Шикай добился признания республики правительством США и получил от империалистических держав крупный заем на подавление революции. С некоторыми деятелями гоминьдана Юань Шикай расправился физически, других сместил с их постов и послал вооруженные силы против отрядов революционных войск. Он потопил в крови разрозненные революционные выступления мелкой буржуазии, солдатских и крестьянских масс (в июле — сентябре 1913 г.), вошедших в историю Китая под названием «второй революции». В стране была установлена военная диктатура Юань Шикая — главаря феодально-помещичьих и компрадорско-бюрократических сил Северного Китая — и взращенной еще Ли Хунчжаном группировки бэйянских (северных) милитаристов. Сунь Ятсен и другие деятели революционного крыла китайской буржуазии были вынуждены эмигрировать за границу.

В январе 1914 г., готовясь к установлению в стране единоличной диктатуры, Юань Шикай издал указы о роспуске обеих палат парламента, всех провинциальных собраний и органов местного самоуправления. Считая разработанную временным нанкинским правительством Сунь Ятсена конституцию 1912 г. «опасной для республики», Юань Шикай в мае 1914 г. заменил ее новой, согласно которой вся власть в стране — исполнительная, законодательная и судебная — оказывалась в руках президента республики. Готовясь к восстановлению в Китае монархического строя и провозглашению себя императором, Юань

Шикай совершил торжественное жертвоприношение в храме Неба, соблюдая ритуал императорского двора.

Юань Шикай все сильнее и сильнее усиливал налоговый пресс. Содержание огромной армии и бюрократического аппарата, а также выплата «боксерской контрибуции» и процентов по займам, которые он получил от империалистического банковского консорциума, требовали огромных средств.

В ответ на наступление Юань Шикая на демократические завоевания Синьхайской революции и в связи с ухудшением экономического положения с новой силой вспыхнули антиправительственные выступления. Наиболее крупным из таких выступлений было восстание в провинциях Хэнань, Хубэй, Аньхуэй, Шэньси под руководством крестьянина Бай Лана, длившееся с 1912 г. по осень 1914 г. В повстанческой армии Бай Лана сражались крестьяне, шахтеры, землекопы. К апрелю 1914 г. ее численность составила около 20 тыс. человек. В изданной Бай Ланом прокламации он объявил себя продолжателем дела Синьхайской революции и борцом против диктатуры Юань Шикая в защиту республиканского строя. Восстание Бай Лана, несмотря на то что в нем участвовали и сторонники Сунь Ятсена, не было организационно связано ни со «второй революцией», ни с демократическим движением в других частях Китая. На подавление восстания Юань Шикай бросил двухсоттысячную армию. Одновременно он развернул преследование всех патриотических и демократических сил. В марте 1914 г. был опубликован драконовский закон о печати, устанавливающий строжайшую цензуру; в ноябре 1914 г. были введены телесные наказания для населения.

КИТАЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После начала первой мировой войны, в августе 1914 г., китайское правительство объявило о своем нейтралитете и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая, в том числе и на «арендованные» державами китайские земли. Однако 22 августа 1914 г. Япония объявила о состоянии войны с Германией и высадила тридцатитысячную армию севернее Циндао. После двухмесячной кампании Япония захватила немецкие владения в Шаньдуне, а также распространила свой контроль на всю территорию полуострова. Правительство Юань Шикая не только не оказало сопротивления японской агрессии, но, наоборот, всячески заискивало перед Японией в расчете на поддержку последней монархических планов Юань Шикая. Пользуясь военной ситуацией и занятостью держав европейским театром войны, Япония предъявила 18 января 1915 г. Китаю «21 требование», подразделявшееся на 5 групп. Первая группа требований касалась закрепления прав Японии на провинцию Шаньдун. Вторая содержала требование об установлении военно-политического и экономического контроля над Маньчжурией и примыкавшей к ней части Внутренней Монголии. Третья сводилась к обеспечению контроля над металлургическим Ханьпинским комбинатом в Центральном Китае. Четвертая касалась недопущения других держав к обладанию какой-либо частью территории Китая и, наконец, пятая группа требований, состоявшая из 7 пунктов, содержала развернутую программу установления Японией своего господства во всем Китае. В этом пункте предусматривались приглашение китайским правительством японских политических, воен-

ных и финансовых советников, совместное управление полицией и военной промышленностью Китая, передача Японии всего промышленного и железнодорожного строительства.

Под давлением патриотических настроений широких слоев страны и в расчете на поддержку США, Англии и Франции Юань Шикай не решился сразу принять «21 требование» и начал торг с Японией. Однако Англия и США посоветовали китайскому правительству, во избежание прямого конфликта с Японией, пойти на удовлетворение ее требований. День принятия Юань Шикаем японских требований — 9 мая 1915 г. — стал «днем национального позора» Китая. В стране повсеместно развернулось патриотическое антияпонское движение, начались небывало широкий бойкот японских товаров, массовые антияпонские демонстрации, петиционные кампании.

Сунь Ятсен, находившийся после поражения «второй революции» в эмиграции в Японии, в июле 1914 г. вместо запрещенной партии гоминьдан создал Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан), ставившую своей целью свержение диктатуры Юань Шикая и установление демократического республиканского строя на основе конституции 1912 г. Представители новой революционной партии Сунь Ятсена, действовавшей в условиях строжайшей конспирации, активно включались в патриотическое антияпонское движение, не прекращая разоблачать предательскую капитулянтскую политику Юань Шикая и его окружения.

Японские правящие круги, напуганные масштабами патриотического антияпонского движения в Китае, изменили свое отношение к планам реставрации монархии в Китае. Они сочли несвоевременным провозглашение Юань Шикая императором, так как опасались повсеместного объединения республиканских сил и аннулирования договора о принятии Китаем «21 требования». Страны Антанты также воздерживались от одобрения монархических планов. Лишь США активно поддерживали стремление Юань Шикая стать императором. В качестве советника по государственному праву при Юань Шикае с 1914 г. находился американский профессор Гудноу, разрабатывавший проекты всех антидемократических законов Юань Шикая, выступивший с теоретическим обоснованием непригодности для Китая республиканского строя и рекомендовавший вернуться к монархическому строю, который якобы «соответствует духу и традициям Китая».

С целью восстановления монархического строя в конце 1915 г. Юань Шикай организовал соответствующие петиционные кампании и «референдумы» во всех провинциях страны. Был создан комитет по подготовке коронации, был даже объявлен девиз правления нового императора — «Хунсянь» («Всеобъемлющая законность»). В разгар кампании по восстановлению монархии группа антимонархически настроенных армейских офицеров в Юньнани провозгласила независимость провинции и объявила о создании «армии защиты Республики».

Движение в защиту республики стало с исключительной быстротой шириться в юго-западных и южных провинциях Китая. Юаньшикаевские войска терпели непрерывные военные неудачи. В 1916 г. независимость от Пекина провозгласил военный губернатор провинции Гуйчжоу, а затем независимость была объявлена в провинции Гуанси. В Пекине были вынуждены объявить об отмене монархии и о восстановлении республиканских институтов. Это не приостановило антиюаньшикаевского движения. Независимость от Пекина провозгласили провинции Гуандун и Чжэцзян, на сторону республиканцев юго-запа-

да перешли милитаристы Сычуани и Хунани, объявившие независимость своих провинций. В разгар сепаратистского движения Юань Шикай внезапно умер.

В Китае начали создаваться многочисленные военно-феодалные вотчины. Наиболее крупной милитаристской группировкой была бэй-янская (северная), делившаяся на фэнтяньскую (маньчжурскую) во главе с бывшим главарем шайки хунхузов (разбойников) Чжан Цо-линем, чжилийскую во главе с генералом Фэн Гочжаном и аньхуэйскую во главе с генералом Дуань Цижуюм. В провинции Шаньси безраздельно господствовал милитарист Ян Сишань, заигрывавший с бэй-янской группировкой, и в провинции Шэньси — генерал Чэнь Шуфань. Лагерь юго-западных милитаристов состоял из двух крупных группировок: юньнаньской во главе с генералом Тан Цзияо и гуансийской во главе с генералом Лу Жунтином.

Милитаристы пользовались поддержкой местных помещиков и сами были крупнейшими феодалами. Основным источником содержания милитаристских клик были налоговая эксплуатация крестьян, доходы от контроля над торговлей и промышленностью в пределах территории, на которую распространялась их власть, занятие посреднической, компрадорской деятельностью для иностранных фирм и получение денежных средств от империалистических держав. Империалисты вооружали и финансировали китайских милитаристов, добиваясь колониального порабощения страны. Так, фэнтяньская и аньхуэйская клики финансировались Японией, чжилийская — Англией и США. В 1917 г., например, Япония предоставила Дуань Цижую крупные займы (так называемые займы Нисихара), получив за это новые концессии в Маньчжурии. Неграмотные безземельные крестьяне и люмпен-пролетарские элементы представляли огромный резерв наемных армий милитаристов.

Новый президент Ли Юаньхун был ставленником юго-западных милитаристов. Вице-президент Фэн Гочжан ориентировался на Англию и США, а премьер-министр Дуань Цижуй — на Японию. Правительство объявило о восстановлении конституции 1912 г. и созвало разогнанный Юань Шикаем парламент. К концу 1916 г. было формально установлено перемирие между Севером и Югом. В пекинском правительстве происходила острая борьба между милитаристскими группировками по вопросу об участии Китая в мировой войне. Эта борьба отражала межимпериалистические противоречия в лагере Антанты. В самом начале войны Англия, Франция и Россия пытались привлечь Китай на сторону Антанты. Япония противилась этому, опасаясь, что Китай станет претендовать на возвращение бывших немецких владений в Шаньдуне.

После разрыва отношений США с Германией страны Антанты сперва предложили Китаю выступить против Германии, а затем, опасаясь установления японского контроля над армией и флотом Китая, стали настаивать на нейтралитете Китая. Япония, заручившись обещанием Англии и других государств Антанты гарантировать передачу ей бывших немецких владений на Дальнем Востоке, добилась разрыва отношений между Китаем и Германией, о чем было объявлено 14 марта 1917 г.

Демократические, республиканские слои населения Китая, понимая, что под предлогом вступления страны в мировую войну Дуань Цижуй упрочит свою диктатуру, начали широкое антивоенное движение. Попытка Дуань Цижую проташить закон об объявлении войны Германии через парламент сорвалась. Сам Дуань Цижуй был отстра-

нен от поста премьер-министра. Его заменил проамериканский деятель У Тинфан. Разногласиями среди правящих кругов Пекина воспользовался ставленник германского империализма Чжан Сюнь, ярый монархист, сторонник реставрации Цинской династии. В знак верности цинскому правительству он сам, офицеры и солдаты его армии, размещавшейся в провинции Цзянсу, сохранили косы. Воспользовавшись приглашением Ли Юаньхуна прибыть с армией в Тяньцзинь, он ввел войска в Пекин и объявил о восстановлении власти Цинской династии во главе с императором Пу И. Его советником стал бывший лидер реформаторов Кан Ювэй. При поддержке Японии Дуань Цижую удалось сплотить силы бэйянских милитаристов, ликвидировать монархический путч Чжан Сюня и заставить Ли Юаньхуна уйти в отставку. Обязанности президента стал исполнять Фэн Гочжан. Упрочив свои позиции, правительство Дуань Цижую 14 августа 1917 г. объявило войну Германии. Получив крупные займы от японских банков, бэйянские милитаристы стали готовиться к борьбе с юго-западной группировкой.

Сунь Ятсен после смерти Юань Шикая вернулся из Японии и поселился в Шанхае. Он выступал против политики Дуань Цижую, направленной на вовлечение Китая в войну, и призывал вести борьбу с пекинским правительством в защиту конституции. В июле 1917 г. он прибыл в Гуанчжоу с сохранившими верность республике кораблями военно-морского флота.

25 августа 1917 г. в Гуанчжоу собрались депутаты разогнанного Дуань Цижую пекинского парламента, которые приняли решение создать военное правительство Южного Китая и избрать его главой Сунь Ятсена, которому присвоили звание генералиссимуса войск, предназначенных для похода на Север. В состав военного правительства Южного Китая входили главным образом представители юньнаньских, гуансийских и сычуаньских милитаристов. Ни Сунь Ятсен, ни его малочисленная партия гоминьдан не имели ни опоры в массах, ни своих вооруженных сил. Гуанчжоуское правительство не проводило никаких демократических мероприятий на подконтрольной территории. В правительстве шла непрерывная грызня милитаристских группировок, и за спиной Сунь Ятсена готовился сговор с милитаристами Севера. После того как сессия парламента в Гуанчжоу постановила образовать директорию из семи человек, в которой преобладали милитаристы гуансийской группировки, Сунь Ятсен оказался фактически отстранен от дел, подал в отставку и уехал в Шанхай. Революционно-демократическое движение в Китае переживало затяжной кризис.

В годы первой мировой войны в связи с более благоприятными условиями для развития национального капитализма, созданными Синьхайской революцией, а также в связи с занятостью империалистических держав военными операциями на европейском театре войны развитие капитализма в Китае значительно ускорилося. Возросло число предприятий, принадлежавших китайской национальной буржуазии, главным образом представителей легкой промышленности (текстильных, мукомольных и пр.). Некоторое ослабление конкуренции со стороны европейских держав было также использовано Японией и США для увеличения объема своей торговли и своих капиталовложений в Китае. Рост национального китайского капитала привел к обострению отношений китайской буржуазии с феодально-милитаристскими правящими кругами и с империалистическими державами. Развитие фабрично-заводской промышленности привело к росту численности рабочего класса. К 1919 г. в стране уже насчитывалось около 2,3 млн рабочих, занятых в промышленности. В годы войны непрерыв-

но росло число забастовок и стачек китайского пролетариата, превосходивших выступления предшествующего периода как по своим размерам, так и по продолжительности. За годы войны рабочий класс Китая стал играть некоторую роль в общественной жизни страны.

Отражением роста новых общественных сил явилось возникновение в условиях подъема патриотического движения в 1915 г. так называемого «движения за новую культуру», во главе которого стояли революционные демократы и просветители Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Лу Синь и буржуазные либералы Ху Ши и др. Руководители «движения за новую культуру» подвергали резкой критике феодальную идеологию конфуцианства и старую литературу, выступали против невежества, суеверий и мистицизма, за развитие естествознания. Они отвергали деспотизм и милитаризм и ратовали за демократические свободы и права. Это движение, направленное против феодальных устоев, способствовало развитию революционно-демократической мысли.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ КОРЕИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕРАВНОПРАВНЫХ ДОГОВОРОВ

Последняя четверть XIX в. ознаменовалась дальнейшим обострением кризиса феодальной системы в Корее и агрессией иностранных капиталистических государств.

В 70-х годах на путь колониальных захватов наряду с другими капиталистическими государствами активно вступила и Япония. Спровоцировав в 1875 г. военное столкновение у о. Канхва, японское правительство направило затем посольство в Корею, чтобы потребовать «удовлетворения» за происшедший инцидент. Угрожая пушками военных кораблей, японские представители настаивали на немедленном заключении договора о «дружбе» и о допуске в страну японцев для торговой и предпринимательской деятельности.

В правящих кругах Кореи разгорелась острая борьба между сторонниками и противниками дальнейшей изоляции страны. Несмотря на воинственные призывы сторонников тэвонгуна, клика Минов уступила требованиям Японии. 26 февраля 1876 г. на о. Канхва был подписан японо-корейский «договор о мире и дружбе», первый в серии неравноправных договоров Кореи. Договором предусмотрено открытие для японской торговли трех корейских портов — Пусан, Чемульпо (Инчхон) и Вонсан. Японцы получили полную свободу торгово-промышленной деятельности в открытых портах, право свободного плавания, обследования корейских территориальных вод. Договор предусматривал и экстерриториальность для японских подданных, которые подлежали юрисдикции только своих консулов во всех открытых портах. Японцы также получили право беспошлинного ввоза товаров и обращения своих денежных знаков на корейском рынке. Воспользовавшись правами, данными Канхваским договором, японские колонизаторы открыто вмешивались в междоусобную борьбу феодальных клик («партий») в целях усиления своего политического влияния. Прежде всего Япония взяла в свои руки реорганизацию корейских войск.

Другие капиталистические державы не хотели отставать от Японии в борьбе за политическое влияние в стране и дележ корейских богатств. Раньше других западных держав Соединенные Штаты Америки навязали Корею неравноправный договор (22 мая 1882 г.), согласно которому в открытых портах Пусан, Вонсан и Инчхон американским гражданам предоставлялись право беспрепятственной торговли, право приобретать землю и другую собственность, основывать промышленные предприятия. Чтобы оправдать колонизаторское право экстерриториальности, в тексте договора была сделана оговорка о том, что такой порядок будет сохранен до тех пор, пока законы и судебная система Кореи не будут одинаковы с теми, что существуют в США. Прикрываясь лицемерными словами о «дружбе» и «добрых услугах», этот договор предусматривал также широкую возможность вмешательства США не только во внутренние дела Кореи, но и в ее отношения с другими странами. В 1883—1884 гг. аналогичные договоры с Кореей подписали Англия, Германия, Италия и царская Россия, а позд-

нее Франция и другие капиталистические государства. С вступлением в силу этих кабальных договоров, создававших привилегированное положение иностранным капиталистам в Корее, началось ее колониальное порабощение.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА. РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Заключение неравноправных договоров и начавшееся проникновение капиталистических государств в Корею вызвали обострение классовых противоречий в корейском феодальном обществе. В связи с ростом государственных расходов на организацию новых учреждений и современного войска, а также на содержание дипломатических миссий за границей происходило увеличение налогов и поборов.

Борьба народных масс в новых условиях приобретала черты национально-освободительной борьбы против иноземных захватчиков. Наиболее значительным было восстание в Сеуле в 1882 г. Началось оно в обстановке крайнего возбуждения, вызванного заключением кабального договора с США. Первыми выступили солдаты столичных войск старого формирования, которые с начавшейся реорганизацией и созданием новых частей под японским руководством на протяжении целого года не получали жалованья. Выданный, наконец, в размере месячного оклада рис оказался перемешанным с песком и глиной. Это послужило предлогом для вспышки давно накапившегося недовольства. Возмущенные солдаты убили интендантского чиновника-кладовщика. Последовавший за этим арест нескольких солдат вызвал стихийное восстание, возглавленное Ким Чансоном и другими солдатами. К солдатам присоединилась сеульская беднота. Выступление солдат переросло в крупное народное восстание против правительства и японских захватчиков. Восставшие освободили заключенных, разгромили дома правительственных сановников, их имущество демонстративно сожгли на кострах. Проникнув во дворец, они добились от короля выдачи наиболее ненавистных народу министров, которые тут же были растерзаны толпой. Затем ярость восставших обрушилась на японцев: был убит японский военный инструктор, подожжено здание японской миссии. Персонал ее бежал из Сеула.

Плодами народного выступления воспользовался тэвонгун, который при поддержке восставших солдат вернулся во дворец и возглавил правительство. Но удержался он недолго. По просьбе группировки Минов цинское правительство направило в Корею войска для подавления восстания. Тэвонгун был вероломно схвачен и послан в Китай. К власти вернулись Мины. Одновременно последовало и давление со стороны японских захватчиков. Корейскому правительству был навязан новый кабальный договор (подписанный в Чемульпо 30 августа 1882 г.), по которому Корея обязана была уплатить контрибуцию, содержать в своей столице японские войска, покарать руководителей народного восстания.

Вмешательство Японии и Китая еще более осложнило внутривнутриполитическое положение в Корее. В правящем классе усилилась борьба между различными группировками, придерживавшимися разной внешнеполитической ориентации. Сначала преобладало влияние цинского Китая. В 1882 г. было подписано специальное «Соглашение о морской и сухопутной торговле между Китаем и Кореей», которое не только подтверждало вассальное положение Кореи, но и предоставляло китайским купцам такие же права и льготы, какие получали ино-

странные капиталисты на основе неравноправных договоров. Правительство Цинской династии добилось передачи китайским инструкторам права заниматься реорганизацией корейских войск. Это вызвало недовольство той части корейского дворянства, которая добивалась расширения связей с капиталистическими государствами и «европеизации» страны. В Сеуле возникла так называемая Партия независимости, объединившая группу молодых дворян, многие из которых принадлежали к знатым родам. Они выступали за реформу государственного устройства, внедрение европейских технических достижений и развитие просвещения. Главная цель реформаторов заключалась в устранении от власти правящей клики Минов с ее китайской ориентацией, при этом они рассчитывали на поддержку Японии и других капиталистических государств.

Японские правящие круги субсидировали издание газеты реформаторов. В сговоре с партией реформаторов (Партия независимости) официальные представители Японии в Сеуле подготовили государственный переворот, приуроченный к концу 1884 г., когда Китай был занят войной с Францией в Индокитае. Заговорщики во главе с Ким Оккюном при помощи отряда японских войск заняли королевский дворец, взяли в плен короля, перебили видных сановников из клики Минов и сформировали из сторонников Ким Оккюна новое правительство. В программу реформ этого правительства входило отделение государственных дел от дворцовых и сосредоточение их в ведении кабинета министров. Предполагалось преобразование по европейскому образцу ряда правительственных учреждений, армии и полиции, упразднение системы государственных экзаменов и назначения чиновников по знатности происхождения. В программе провозглашалось формальное равенство между различными сословиями. Кроме того, подчеркивалась необходимость мобилизации средств за счет внутренних и внешних займов на развитие промышленности, транспорта и коммуникаций, народного образования. Предусматривалась посылка на учебу способной молодежи в иностранные государства и пр.

Созданное при японской поддержке правительство заговорщиков просуществовало всего лишь 48 часов. Оно было свергнуто китайскими войсками и восставшими горожанами.

После разгрома отряда японских войск, служившего опорой правительства реформаторов, восставший народ обрушился на дома заговорщиков, перебил множество японских солдат и резидентов. Было убито и несколько министров нового правительства, а остальные вместе с японцами бежали в Инчхон, а оттуда в Японию.

После провала заговора реформаторов в Корее правящие круги Японии вынуждены были пойти на мирное урегулирование возникшего в Корее конфликта с Китаем. В 1885 г. между Японией и Китаем в Тяньцзине был подписан договор, который предусматривал одновременный вывод из Кореи японских и китайских войск, а также взаимный отказ от посылки военных инструкторов в корейскую армию. Однако в этом договоре признавалась возможность посылки каждой из сторон (при извещении друг друга) своих войск в Корею, если там возникнут «серьезные беспорядки». Япония добилась признания от Китая одинакового с ним права на вмешательство в дела Кореи.

После заключения неравноправных договоров Корея стала превращаться в рынок сбыта иностранных товаров и в источник дешевого сырья и продовольствия. Если в 1886 г. в Корею было ввезено иностранных товаров на 2474 тыс. мексиканских долларов, то в 1891 г. — уже на 5256 тыс., причем 55% ввозимых товаров составляли хлопчатобумажные изделия. Увеличивался ввоз керосина, мешковины, спичек, анилиновых красок, металлических изделий и других товаров. В корейском экспорте преобладали сельскохозяйственные продукты — рис, бобы и др. Даже в голодном 1893 г. сельскохозяйственные продукты составляли 88% корейского экспорта. Особое место занимал вывоз золота, который, однако, не поддавался точному учету, ибо большая часть его ускользала из страны контрабандным путем.

Внешнеполитическое положение Кореи определялось развернувшейся борьбой колониальных держав за ее порабощение. Наибольшую активность в экономической экспансии в Корею проявляла Япония, которая в 1886—1894 гг. вдвое увеличила свой торговый оборот с Кореей, захватила судоходство в корейских водах. Через свои банки она стремилась превратить в неоплатных должников корейских феодалов и правительство. Японские банки скупали земли и получали различные концессии.

Цинское правительство воспользовалось тяжелым положением Кореи и настаивало на сохранение своего сюзеренитета. Такая политика была только на руку японцам, выступавшим под маской защитников «независимости» Кореи.

Политика китайских феодалов в значительной мере направлялась иностранными капиталистическими государствами, в частности Англией. Англичане всячески запугивали Китай перспективой захвата Кореи Россией.

США поощряли агрессивность Японии, рассчитывая использовать ее как противовес по отношению к Англии, Китаю и России. Кроме того, правители Соединенных Штатов стремились облегчить американскому капиталу проникновение в Корею. Еще в начале 80-х годов американцы получили концессии на организацию каботажного судоходства, на рубку леса, на ловлю жемчуга и на проведение электрического освещения в столице. Американские инструкторы и советники взялись за реорганизацию корейских войск. Протестантские миссионеры выступили активными проводниками колониальной политики США. В 1887 г., когда корейский король спросил, может ли Корея рассчитывать на помощь США в борьбе против китайской опеки, американский миссионер Аллен, не задумываясь, ответил: «Дайте американской компании золотой рудник».

В начале 90-х годов активное проникновение японского капитала в Корею привело к крайнему обострению японо-китайских противоречий.

Внутреннее положение Кореи характеризовалось в начале 90-х годов глубоким социальным кризисом. С «открытием» Кореи и развитием иностранной торговли произошло усиление гнета со стороны феодального государства, постоянно испытывавшего финансовый дефицит. Расходы на содержание иностранных советников, на административные преобразования, реорганизацию войска и контрибуцию Японии корейское правительство покрывало взведением новых налогов и усиленной продажей должностей. Займы и ссуды, получаемые знатью и чиновничеством у японских, американских и немецких капиталистов, уси-

ливали разложение и продажность феодальных верхов. Произвол помещиков, беззакония и поборы чиновников, эксплуатация со стороны местных и иностранных (преимущественно японских) ростовщиков и скупщиков сделали жизнь крестьян невыносимой.

Народные волнения в Корее принимали все более широкий размах. В 1885 г. восстали крестьяне в Ёджу и Вонджу, в 1889 г. начались восстания в Пукчхоне и Сувоне. Крестьянские восстания 1890 г. в провинции Хамгён и на острове Чеджу были направлены против японских захватчиков. В результате голода 1892—1893 гг. еще более осложнилось положение в стране. Повсеместно происходили вооруженные выступления крестьян, ремесленников и бесправных ноби (крепостных). В 1893 г. народные волнения охватили шесть провинций Кореи. Наибольшей организованностью отличалось выступление крестьян в провинции Чолла (Южная Корея), положившее начало крестьянской войне 1894 г.

Поводом для восстания было установление местными чиновниками незаконного налога за пользование водой для орошения полей. Так как плотина была сооружена самими крестьянами, они считали несправедливыми новые поборы и направили своих ходоков, требуя отмены налога. Власти ответили на это арестами и поркой крестьян. Тогда в ночь на 15 февраля 1894 г. возмущенные крестьяне напали на окружное управление в Кобу и сожгли все документы; затем они захватили правительственный арсенал. На следующий день вооруженные крестьяне разгромили казенный продовольственный склад и роздали беднякам 4 тыс. мешков риса. К восставшим присоединились крестьяне окрестных деревень. Возглавили восстание члены религиозной секты Тонхак, выходцы из среды мелкого чиновничества. Выдающимся военным руководителем восстания стал Чон Бонджу. Сын мелкого чиновника, казненного за неповиновение правительству, он с детства испытал нужду и лишения, проникся сочувствием к страданиям народа и ненавистью к его угнетателям. Он вступил в ряды тонхакской секты и возглавил ячейку этой организации в Кобу, но в отличие от руководителей религиозной секты, не признававших насилия, был за организацию боевых выступлений крестьянства. Прокламации, написанные Чон Бонджуном и его товарищами, дают представление об антифеодальном характере движения. Так, в первом же воззвании говорилось: «Мы восстали не только для того, чтобы избавить народ от страшных бедствий и чтобы упрочить положение государства. Мы хотим предать смерти жадных и жестоких чиновников, изгнать из страны разбойничьи банды иноземных угнетателей. Наш гнев разделяет весь народ, стонущий под игом янбанов и богачей, весь народ, включая мелких чиновников (сори), которые также страдают от притеснений высшего чиновничества и знати. Итак, поднимайтесь сейчас же, без колебаний!» О демократических устремлениях восставших свидетельствовало другое воззвание: «Народ — это основа государства. Если основа распадается, государство неизбежно должно погибнуть. Где же справедливость, если армия чиновников только понапрасну получает государственное жалованье, думая не о спасении государства и благоденствии народа, а лишь о собственном благополучии. Мы, простые деревенские мужики, получающие питание и одежду от государевой земли, можем ли мы спокойно взирать на гибель государства. Выражая волю страны, волю всего народа, мы подняли знамя справедливости и клянемся жизнью спасти родину, удовлетворить нужды народа и, не страшась трудностей нынешнего положения, построить священное царство равенства».

В короткий срок восстание охватило свыше 50 округов провинции Чолла и могучей волной прокатилось по провинциям Чхунчхон, Кён-га, Канвон и Хванхэ. Повсюду крестьяне громили правительственные учреждения, сжигали податные списки, делили зерно из казенных и помещичьих складов, изгоняли и убивали ненавистных правителей. Крестьянская армия под предводительством Чон Бонджуна разгромила специальный карательный отряд, присланный из столицы, и захватила три пушки. Крупной победой повстанцев было занятие (31 мая 1894 г.) города Чонджу, административного центра провинции Чолла. Повстанческая армия угрожала столице Сеулу. Правительство, потеряв надежду на подавление движения силой, перешло к переговорам. Ссылаясь на опасность вооруженного вмешательства со стороны Японии и Китая, оно предложило восставшим заключить перемирие. Доверчивые руководители крестьян приняли предложение и подписали перемирие, в котором были учтены их важнейшие требования. Правительство обязалось наказать за совершенные преступления своекорыстных чиновников и впредь назначать на государственные посты только по способностям (а не по происхождению), сурово карать за связь с японцами, отменить крепостное состояние представителей так называемого «подлого» сословия, упразднить незаконные налоги и старые долги (государственные и частные), равномерно распределить землю. Для осуществления условий перемирия в уездах учреждались выборные органы крестьянских представителей.

Подписав договор, повстанцы оставили Чонджу и ушли на юг. Правительство нарушило соглашение и призвало для подавления восстания китайские войска, что дало Японии удобный предлог развязать войну против Китая. К середине июня 1894 г. в Корею прибыло свыше 10 тыс. японских войск, которые заняли столицу и важнейшие стратегические пункты. 23 июля отряд японских войск произвел дворцовый переворот, и в результате власть перешла в руки марионеточного правительства, составленного из сторонников тэвонгуна и «реформаторов». После этого Япония навязала новому корейскому правительству договоры об осуществлении реформ по ее указаниям. Корейская сторона обязывалась предоставить Японии право строить железные дороги и телеграфные линии. Японские войска получали право свободного передвижения по корейской территории. Корейское правительство обязалось помогать Японии в войне против Китая. Войска феодального Китая потерпели поражение и были вытеснены из Кореи.

Корейские крестьяне вновь подняли оружие против «своих» феодалов и иноземных захватчиков. Основным лозунгом восставших на этом этапе была борьба за изгнание японских оккупантов и свержение правительства японских ставленников. Повстанческое движение охватило всю страну. Только в провинциях Чолла и Чхунчхон численность восставших превышала 200 тыс. человек. Крестьянская армия Чон Бонджуна выступила в поход на Сеул, но потерпела поражение под Конджу. Исключительное мужество и стойкость восставших были сломлены огнем японской артиллерии. Крестьяне отступили на юг.

Поражение повстанцев усилило разногласия внутри тонхакской секты: между руководством секты, составлявшим северную группировку, которая отражала интересы феодальных попутчиков движения, и руководителями повстанческой армии из южной группы. Главари религиозной секты открыто выступили против продолжения вооруженной борьбы. В результате этих разногласий крестьянская армия распалась на разрозненные местные отряды. По доносу предателя глава южной группировки Чон Бонджун был схвачен правительственными войсками

и увезен в Сеул. Но даже перед лицом смерти он продолжал мужественно отстаивать правоту своего дела и гневно бичевал предателей народа.

Крестьянская война была подавлена объединенными силами корейских феодалов и японских захватчиков. В поражении восставших немалую роль сыграли отсталая религиозная идеология секты тонхаков, предательство феодалных элементов, а также техническое и военное превосходство правительственных сил.

Поражение этого массового крестьянского вооруженного восстания поставило Корею перед глубоким национальным кризисом. Стране угрожали полная потеря государственной самостоятельности и превращение в японскую колонию. Об этом свидетельствовали проводимые под японскую диктовку «реформы», передача в руки японцев корейской почты и телеграфа, обучение ими новых войск, финансовое закабаление корейского правительства займами.

Новые власти, правда, принуждены были окончательно отменить крепостную зависимость ноби, признать юридическое равенство граждан, отменить ряд средневековых обычаев (пытки при допросах, ранние браки и др.), вызывавших возмущение в народе, провозгласить изменения в правительственной системе — все это в целом имело, несомненно, прогрессивное значение для дальнейшего развития страны. Однако реформы, проводимые под японским контролем, не могли обеспечить главного — политической независимости страны, поэтому они расчищали только путь для колониальной эксплуатации ее японскими захватчиками.

По Симоносекскому договору (17 апреля 1895 г.) Китай признал независимость Кореи. Это означало, что Япония получила свободу действий в Корее. Лишь непрекращавшаяся борьба народных масс Кореи и противоречия в лагере империалистических держав мешали японцам открыто утвердить в стране свое господство и официально превратить ее в свою колонию.

СОПЕРНИЧЕСТВО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В КОРЕЕ И РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. УСТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

В конце XIX в. развернулась ожесточенная борьба империалистических держав за господство на Тихом океане. Корея, занимавшая важное стратегическое положение в Восточной Азии и располагавшая богатыми и разнообразными природными ресурсами, стала одним из объектов колониального порабощения. Наибольшей остроты достигли противоречия между Россией и Японией.

Японскому преобладающему влиянию в Корее был нанесен серьезный удар в результате совместного выступления России, Франции и Германии, потребовавших от Японии вернуть Китаю Ляодунский п-ов. В обстановке растущих в народе антияпонских настроений группировке, возглавляемой королевой Мин, удалось изгнать из корейского правительства всех сторонников японской ориентации и восстановить свои прежние позиции в правительстве. Эта группировка рассчитывала получить поддержку России. Японское правительство назначило в качестве посланника в Корею представителя агрессивно настроенной военщины генерала Миуру, который организовал новый заговор против корейского правительства. Под видом помощи тэвонгуну на рассвете 8 октября 1895 г. японцы ворвались во дворец и учинили зверское побоище. Королева Мин и некоторые ее приближенные были уби-

ты, а король стал пленником нового кабинета, составленного из сторонников Японии. Известие об убийстве королевы вызвало такое возмущение в стране, что японское правительство вынуждено было отозвать посланника Миуру и предать его суду вместе с сотрудниками миссии. Однако все обвиняемые были оправданы за «недоказанность преступления», а генерал Миура прославлялся в Японии чуть ли не как национальный герой. В ответ на бесчинства японских захватчиков в Корее развернулась партизанская вооруженная борьба патриотов Армии справедливости (отрядов Ыбён).

В феврале 1896 г. корейский король бежал из дворца, где он фактически находился в заточении, и, получив убежище в здании русской дипломатической миссии, оставался там в течение целого года. По призыву короля войска и население Сеула расправились с прояпонским кабинетом. Два министра были убиты, остальным удалось бежать в Японию. Был создан новый антияпонский кабинет. Японские империалисты вынуждены были искать сделки с русским царем. В мае — июне 1896 г. Россия и Япония подписали два соглашения (Сеульский меморандум и Московский протокол), по которым обе стороны признали равные права на экспансию в Корее: право оказывать «помощь» корейскому правительству и содержать в Корее определенное количество войск.

Империалистические державы боролись за концессии, которых они добивались угрозой, хитростью и подкупом. Вслед за концессией на разработку крупнейшего месторождения золота в провинции Пхёнан (1895) американские капиталисты приобрели право на постройку железной дороги между Сеулом и Инчхоном¹, на проведение в Сеуле канализации, водопровода, трамвая и электрического освещения. Английские капиталисты добились назначения на пост директора корейских таможен своего представителя, через которого они рассчитывали установить контроль над всеми финансами и внешней торговлей Кореи. Французский синдикат добился концессии на постройку железной дороги от Сеула до северной границы, а немецкая компания — на разработку золота в провинции Канвон. Русские капиталисты получили концессии на горные и лесные разработки, а также на проведение телеграфной линии в Северной Корее. Но больше всего концессий было захвачено японцами. Им принадлежали телеграфные линии в Южной Корее, строительство важнейших железных дорог Сеул — Пусан, Сеул — Инчхон, а также концессии на золотые разработки, железные рудники и рыбную ловлю по всему корейскому побережью. Японцы занимали господствующее положение в судоходстве и торговле.

Таким образом, феодальное правительство Кореи², попав в зависимость от империалистических держав, фактически превратилось в своеобразную фирму по распродаже всех ресурсов страны иностранцам. За крохи, перепадавшие от империалистов, шла драка между различными дворянскими кликами, сменявшимися в правительстве. Междоусобная борьба прояпонской, прорусской и проамериканской клик, как в фокусе, отражала соперничество этих государств в Корее.

Империалистические государства распространяли свое влияние через советников при корейском правительстве, миссионеров, а также через газеты, школы и другие просветительские и благотворительные организации. Так, американские миссионеры прилагали усилия к тому, чтобы идеологически и организационно подчинить зарождавшееся

¹ В 1898 г. эта концессия была перепродана японцам.

² Корейское государство с 1897 г. стало называться империей Тэхан.

в Корее буржуазно-национальное (либеральное) движение. При их активном содействии в 1896 г. был создан Клуб независимости, объединивший либеральное столичное чиновничество. Во главе его стоял Со Джэпхиль, один из участников заговора 1884 г., бежавший в США и принявший американское подданство (под именем Филиппа Джэсона). В 1894 г. он вернулся на родину при прояпонском правительстве и возглавил Тайный Совет. Он представлял так называемую Американскую партию.

Несомненно, что в движении, организованном Клубом независимости, особенно на массовых митингах, вырабатывавших требования о демократических реформах (свободы слова, неприкосновенности личности и пр.) и укреплении национальной независимости, участвовали и истинные патриоты. Однако организаторы этого движения, явно действуя в угоду японским и американским империалистам, главные усилия направили против влияния России, которое было очень сильным в придворных кругах. Так, патриотические митинги 1898 г. были использованы ими преимущественно для антирусской пропаганды, давления на правительство по вопросу о русских военных инструкторах и советниках. В конце концов корейское правительство отказалось от услуг русских военных инструкторов. Стремясь закрепить свои империалистические позиции в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), царское правительство решило пойти на некоторые уступки японцам в Корее. Оно отозвало финансового советника и военных инструкторов, заключило с Японией новое соглашение (Токийский протокол), по которому признавала пресобладание экономических интересов Японии в Корее.

Япония отнюдь не намерена была удовлетвориться своими экономическими позициями в Корее и стремилась к полному ее поглощению. Агрессивные планы Японии поддерживали империалисты Англии и США. Договор об англо-японском союзе (30 января 1902 г.), в котором Англия признала за Японией особые политические, экономические и военные интересы в Корее, по существу толкал Японию на войну против России. Негласно война поддерживалась и Соединенными Штатами. В 1902 г. президент США Т. Рузвельт писал, что, по его мнению, «Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес распространению русского влияния в Маньчжурии».

Япония в начале 1904 г. совершила внезапное нападение на русскую эскадру в Порт-Артуре и на русские корабли «Варяг» и «Кореец», стоявшие в корейском порту Чемульпо. Так началась империалистическая русско-японская война за захват колоний и сфер влияния на Дальнем Востоке.

Нарушив объявленный Кореей нейтралитет, в самом начале войны японские войска оккупировали Корею. Японские империалисты добились подписания так называемого «японо-корейского протокола» 23 февраля 1904 г., по которому они получили право давать корейскому правительству «советы» по управлению страной и право оккупировать любую часть территории Кореи. Одновременно был заключен ряд соглашений, согласно которым японские империалисты получили контроль (через советников) над иностранными делами и финансами корейского правительства, установили власть своей полиции в Корее. Чтобы облегчить порабощение Кореи, они создали под руководством своих платных агентов политическую организацию — Единое прогрессивное общество (Ильчинхве), в которую вошли некоторые представители чиновного дворянства, помещиков и компраторов, а также прямые уголовные преступники. Это «общество» было призвано изображать мас-

совую организацию корейского народа, одобряющую «прогрессивные» японские преобразования в Корее. Предатели помогали японцам согнать тысячи людей на принудительные работы по строительству железных дорог и японских военных сооружений. Но в качестве главной задачи перед Единым прогрессивным обществом была поставлена борьба с нараставшим национально-освободительным движением корейского народа.

Для борьбы с японскими оккупантами корейские патриоты создавали партизанские отряды. На севере они вступали в контакты с русской армией и совместно с ней вели боевые действия против японских захватчиков.

После поражения в войне по Портсмутскому миру царское правительство признало «преобладание политических, военных и экономических интересов Японии в Корее» и свободу принимать «такие меры руководства, контроля и покровительства», какие Япония сочтет нужными. Английские и американские империалисты еще ранее заключили сделку с Японией о передаче Кореи под ее власть.

По договору между Японией и Кореей от 17 ноября 1905 г. был установлен протекторат Японии, и Корея утратила право сношения с иностранными государствами. Для контроля над внешней, а фактически над всей политикой Кореи японское правительство назначало генерального резидента, который получал свободный доступ к императору и на все заседания корейского правительства. В портовые и другие города по усмотрению Японии назначались ее резиденты, подчиненные генеральному резиденту и осуществлявшие контроль над местной корейской администрацией.

Договор вызвал возмущение по всей стране. В Сеуле купцы прекратили торговлю, забастовали учащиеся. С новой силой развернулась вооруженная борьба народных партизанских отрядов Армии справедливости (Ыбён).

После учреждения в феврале 1906 г. японского генерального резидентства было сформировано корейское марионеточное правительство Ли Ванёна, в котором министерские посты заняли представители из Единого прогрессивного общества. По указке японских империалистов этот кабинет сверг с престола императора Коджона, осмелившегося направить послов на Гаагскую мирную конференцию с жалобой на японские насилия и с просьбой признать независимость Кореи. В «Тетрадах по империализму», обличая лицемерие собравшихся в Гааге империалистических «миротворцев», В. И. Ленин оставил (с отметкой на полях «Гаагская конференция и Корея!!!!») следующую запись о результатах жалобы корейского императора: «Когда на 2-ую Гаагскую конференцию (открыта 15.VI.1907) явился корейский принц... с жалобой на японцев и с декларацией независимости Кореи, то японцы прогнали императора Кореи, посадили на престол его сына и заключили с ним «договор» 24.VII.1907...»¹.

Договор 1907 г. полностью подчинил корейское правительство власти японского генерального резидента. Без его санкции впредь не могло производиться ни одно назначение или смещение высших чиновников, не мог решаться ни один важный вопрос. Корейское правительство не имело права приглашать на службу иностранцев и обязано было назначать на государственные посты только японцев по представлению генерального резидента.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 667.

Договор 1907 г., лишивший Корею последних остатков самостоятельности, вызвал открытое восстание в столице. С лозунгами «Долой японских захватчиков!», «Смерть предателям!» восставшие разгромили редакцию прояпонской газеты — органа так называемого Единого прогрессивного общества, подожгли дома Ли Ванёна и др. В течение нескольких дней население и корейские солдаты вели бои с японскими войсками в самом центре Сеула. Пушками и пулеметами японские захватчики подавили народное восстание.

Установив режим протектората, Япония захватила все железные дороги, средства связи (почту, телеграф, телефон), основные рыболовные угодья, крупные и средние рудники (и провела законы, запрещающие передачу рудников другим иностранным капиталистам), леса, плантации женьшеня (в Кэсоне), лучшие земли. Для осуществления земельных захватов японцы создали в 1908 г. Восточноколонизационное общество с акционерным капиталом в 10 млн. иен. Государственные земли Кореи были переданы этому обществу, что считалось взносом корейского правительства для получения своей доли акций. Японский Первый банк (а впоследствии так называемый Корейский банк) стал выполнять функции государственного банка, в ведении которого находились выпуск банкнот и облигаций, валютные и казначейские операции.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XX в.

В конце XIX — начале XX в. в среде передовой, по преимуществу дворянской, интеллигенции Кореи развернулось движение за распространение наук, просвещения и за реформы. Это либеральное движение вначале не было связано с развернувшейся в стране стихийной антиимпериалистической борьбой народных масс, которая в годы русско-японской войны проходила зачастую под монархическими лозунгами освобождения императора из-под власти японцев, мести за убитую японцами королеву и т. д.

Новый подъем национально-освободительного движения в Корею начался под влиянием революционных событий 1905 г. в России. В. И. Ленин отмечал: «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»¹.

Установление японского протектората, связанное с этим национальное унижение, а также общее усиление феодального и колониального капиталистического гнета послужили причиной подъема национально-освободительного движения корейского народа после 1905 г.

Первоначально оно нашло выражение в активной деятельности выдающихся представителей буржуазно-национального просветительства.

Выступая за творческое освоение достижений зарубежной науки, техники и просвещения, против мертвящего влияния старой феодальной традиции, особенно против конфуцианства с его схоластической системой образования, за развитие корейской промышленности и просвещения, просветители стремились пробудить во всем народе национальное самосознание.

С 1905 г. в Корею появилось множество просветительских обществ, газет, журналов. В мае 1905 г. в Сеуле возникло Общество по изуче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 221.

нию конституционного строя, выступавшее за предоставление народу политических прав. В ноябре 1905 г. зародился Корейский клуб, а в апреле 1906 г. — Общество укрепления Кореи (под руководством Чан Джиёна, Пак Ынсика и др.). Просветительские общества во всех тринадцати провинциях через свои школы (всего было создано свыше 3 тыс. частных школ), публичные лекции, многочисленные газеты и журналы стремились возбудить патриотические чувства. Наиболее популярные газеты просветителей, такие, как «Народная газета Кореи», смело разоблачали ложь прояпонских листовок и призывали народ к борьбе с японскими колонизаторами. Журналы «Западный друг», «Ночной гром» и другие широко пропагандировали политические, научные, литературные и эстетические воззрения идеологов национального движения.

Просветители издавали труды по истории и географии Кореи, биографии великих корейских патриотов и полководцев прошлого, а также переводные книги по истории французской революции, истории войны США за независимость, борьбы за независимость Италии, разделов Польши, захвата Индокитая французами и многие другие. Крупный корейский лингвист Чу Сигён стал зачинателем движения за широкое внедрение в литературу корейского национального алфавита (вместо китайских иероглифов) и разговорного народного языка.

Мыслью о национальном единстве были проникнуты передовая корейская литература и искусство. Стремясь усилить воздействие литературы на массы, писатели просветительского направления в эти годы создали новые литературные жанры — современный роман, политический памфлет и пр. Многие патриотические стихи были переложены на музыку или приспособлены для драматического представления. Впервые создавались профессиональные драматические и музыкально-драматические театральные труппы.

Японские оккупанты и их агенты в корейском правительстве яростно обрушились на просветительские организации и издавали различные законы против их школ и печатных изданий.

Народное возмущение режимом протектората вызвало подъем антияпонской партизанской борьбы после 1905 г. Уже в 1906 г. в различных частях страны вспыхнули восстания, приведшие к образованию новых отрядов Армии справедливости. В этих выступлениях участвовали крестьяне, ремесленники, обедневшие дворяне и отдельные представители немногочисленного тогда рабочего класса. Патриотические настроения охватили и войско. Японские империалисты в 1907 г. решили распустить корейскую армию, которая, несмотря на малочисленность (около 10 тыс. человек), могла стать опорой народа в борьбе за независимость своей страны. Это вызвало солдатские восстания.

После кровопролитных боев с японскими войсками восставшие солдаты сеульских полков отступили в горы к партизанам. Отряды партизан совершали смелые налеты на японские гарнизоны, на линии железных дорог, беспощадно уничтожали предателей. Партизаны установили контроль над частью территории страны. К концу 1907 г. большинство южных провинций было охвачено движением Армии справедливости. Затем партизанская борьба развернулась в северных районах. В северном пограничном районе Кореи партизан возглавляли местные охотники Хон Бомдо и Чха Досон. За год партизаны казнили около тысячи предателей из Единого прогрессивного общества.

В конце 1907 г. партизаны сделали попытку объединить разрозненные силы в единую армию для наступления на Сеул. В районе Янджу

представители повстанцев избрали Ли Иёнэа главнокомандующим объединенными силами, а также назначили командиров войск каждой из 13 провинций. Однако партизанам не удалось преодолеть обособленность местных групп, поэтому план похода на Сеул потерпел неудачу.

Упорная и самоотверженная борьба партизанских отрядов свидетельствовала о стремлении народа отстоять свободу и независимость своей страны. Даже по преуменьшенным данным японской статистики, в 1907 г. было 322 боевых столкновения с японскими войсками, в которых участвовало 44 116 партизан, в 1908 г. — 1451 столкновение с участием 69 804 партизан. В борьбе против партизанского движения корейского народа японские империалисты и их корейские подручные прибегали к чудовищным зверствам. Так, в одной лишь пров. Северная Чхунчхон с августа по декабрь 1907 г. было сожжено 1078 домов и 45 школьных зданий.

В 1908 г. в условиях начавшегося спада вооруженной борьбы народных масс корейские националисты перешли к методам индивидуального террора. Самым крупным террористическим актом корейских патриотов было убийство в 1909 г. (Ан Чунгыном) князя Ито, бывшего японского генерального резидента в Корее.

И после аннексии Кореи японскими империалистами (1910) народное сопротивление не прекратилось. В последующей партизанской борьбе особенно отличился отряд народного героя Хон Бомдо. Несмотря на выдвигание отдельных руководителей из простого народа (Хон Бомдо, Син Дольсок в пров. Кёнсан), вооруженная борьба народных масс (в основном крестьян) возглавлялась, как правило, феодально-жарархическими силами, не способными последовательно отстаивать интересы трудящихся и обеспечить успешное развитие народной борьбы против японских оккупантов. Сказывалось и несравнимое военнотехническое превосходство Японии. Крайне неблагоприятно для корейского народа сложилась и международная обстановка, позволившая японским империалистам осуществить захват Кореи.

АННЕКСИЯ КОРЕИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

22 августа 1910 г. японский генеральный резидент Тэраути и Ли Ванён оформили договор, по которому корейский император уступал японскому всю власть «полностью и на вечные времена». Членам корейского императорского дома и всем, кто содействовал аннексии, договор гарантировал почетные титулы японского дворянства и денежные пенсии.

Колонизаторы установили режим жесточайшего полицейского террора, который, по словам В. И. Ленина, представлял «...соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»¹. Вся полнота власти была сосредоточена в руках японского генерал-губернатора, назначаемого из числа самых высокопоставленных представителей военищины. Подчиняясь непосредственно японскому императору, он совмещал законодательную, административную, судебную власть и командование вооруженными силами. Первый японский генерал-губернатор Тэраути в октябре 1910 г. весьма откровенно заявил, что целями Японии являются «поддержание порядка» и «освоение естественных богатств» Кореи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 61.

Японские империалисты ввели в Корею три дивизии регулярных войск, создали свои жандармско-полицейские учреждения, построили множество тюрем и концлагерей. Все японские чиновники, даже школьные учителя, были одеты в форму и носили оружие. «Закон об охране порядка» угрожал тюремным заключением не только за любую общественную деятельность, но даже за разговор о политике. Тюрьмы были переполнены. В 1912 г. подверглись арестам 52 тыс., а в 1918 г. — 142 тыс. человек. Третируя корейцев как низшую расу, колонизаторы применяли средневековые пытки и сечение розгами.

В целях духовного порабощения корейского народа японские колонизаторы поощряли деятельность всевозможных церквей и религиозных организаций, проповедовавших смирение перед завоевателями. Запрещено было издание книг и газет на корейском языке, а патриотическая литература подвергалась сожжению. Японская система образования преследовала цель воспитания из корейцев верноподданных японского императора и внедрения японского языка. Получить образование могла лишь самая ничтожная часть корейского населения.

Первостепенное значение японские колонизаторы придавали захвату земельных богатств. В 1910—1918 гг. они предприняли так называемую земельную перепись, или регистрацию прав собственности корейских землевладельцев. Это была своеобразная колониальная земельная реформа, в результате которой японские империалисты стали самыми крупными земельными собственниками в Корее. Корейские помещики, являвшиеся социальной опорой колонизаторов, как правило, получили полное подтверждение права частной собственности на ту землю, которой владели до переписи. Вся земля, не признанная частной собственностью корейских землевладельцев, а именно: земли дворцовые, закрепленные за пристанями, почтовыми станциями и различными службами, леса, пустоши превращались в собственность японского государства. Огромное число крестьян, сидевших на этих землях и не заявивших своих прав на занимаемый надел или показавших из боязни новых налогов меньшую площадь, лишилось прав собственности. Они были согнаны с насиженных мест или превращены в бесправных арендаторов. В итоге переписи 8801503 чонбо¹ земли, включая леса, пустоши, перешло в собственность японского генерал-губернаторства. Большая часть экспроприированных у крестьян пахотных земель была передана крупным японским монополистическим земельным компаниям (Востоочноколонизационному обществу и др.). Немало земли попало отдельным японским помещикам и капиталистам.

В результате корейские крестьяне стали подвергаться двойной и тройной эксплуатации. Основную массу крестьян составляли совершенно безземельные или малоземельные крестьяне, арендовавшие на кабальных условиях помещичью землю или землю японских империалистических компаний. Кроме высокой арендной платы (50—70% урожая) крестьяне платили многочисленные налоги японскому государству и проценты местным и японским ростовщикам. Началась массовая пауперизация крестьянства. Разоренные корейские крестьяне тысячами эмигрировали в соседние страны.

Неизбежность острых социальных конфликтов в корейской деревне была обусловлена тем, что 90 тыс. помещиков владели большим количеством земли, чем 2570 тыс. крестьянских хозяйств. Японские

¹ Чонбо=0,99 га.

империалисты выкачивали из страны продовольствие. В то время как трудовое население Кореи голодало, вывоз риса возрос с 500 тыс. сок² в 1912 г. до 2 800 тыс. сок в 1919 г. К концу первой мировой войны потребление риса на душу населения в Корее было в три раза ниже, чем в Японии.

Грабеж японским империализмом национальных богатств Кореи не ограничивался сельским хозяйством. Японские империалисты во все возрастающих масштабах использовали Корею и в качестве рынка сбыта своих товаров. Стоимость ввезенных в Корею товаров с 39 782 тыс. иен в 1910 г. возросла до 283 076 тыс. иен в 1919 г. Для обеспечения монопольного положения в корейской промышленности японские империалисты после аннексии Кореи предприняли меры для устранения конкуренции других капиталистических стран и корейского национального капитала. С этой целью был издан особый закон, запрещающий корейцам основывать промышленные и другие компании без особого разрешения. Японский генерал-губернатор имел право неограниченного вмешательства в дела существующих компаний. Усилилось вложение японского капитала в промышленность Кореи, в том числе в горнодобывающую и металлургическую. Объем японских капиталовложений в Корею с 10,5 млн иен в 1910 г. вырос до 59 млн иен в 1919 г., в то время как капиталовложения корейских национальных предприятий оставались почти на одном уровне (около 10 млн иен).

За счет занятых на японских предприятиях рабочих происходил рост фабрично-заводского пролетариата. Зарождавшийся корейский рабочий класс попал в ужасающие условия колониальной эксплуатации. Рабочий день на предприятиях длился не менее 12 часов. За одну и ту же работу рабочие-корейцы получали вдвое меньше, чем японцы. Широко использовался дешевый труд женщин и детей. Японские капиталисты применяли систему контрактного найма. Законтрактованных рабочих сгоняли на самые тяжелые работы в рудниках и на стройках. Жилищ им не строили, и спали они, как правило, под открытым небом. Изнурительный труд, голод, болезни, побои были уделом этих рабочих. При попытках к бегству их расстреливали, многие кончали жизнь самоубийством, не выдерживая невыносимых условий рабочего труда. Нечеловеческие условия, созданные колонизаторами, не могли не вызвать протеста корейских трудящихся.

Но забастовочная борьба рабочих, равно как и выступления крестьян (в период земельной переписи было более 20 тыс. случаев отпора крестьян японским земельным захватам), носили еще стихийный характер. Эта борьба приобрела новый смысл и значение под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру во всемирной истории — эру освобождения всего человечества от империалистического рабства. Новый подъем революционной национально-освободительной борьбы был неминуем и в Корее.

² Сок=180 л (160 кг).

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ СЁГУНАТУ

Немаловажное значение в деятельности оппозиционных системе сёгуната сил имело теоретическое обоснование их выступления. Оно заключалось в попытках доказать юридическую несостоятельность, «незаконность» правления сёгуната, узурпировавшего власть у «законного» правителя — императора. В середине XVIII в. образованные самураи из представителей тодзама-даймё, политически и экономически притесняемых деятельностью дома Токугава, объединились с целью доказать неправомочность существования сёгунского режима. Еще в 1660 г. весьма образованный представитель феодального дома Мито Токугава Мицукуни (1628—1700), создавший «историческую школу Мито», вместе со своими учениками и коллегами завершил составление огромного собрания древних мифов, легендарных и полулегендарных сведений, исторических хроник. Прежде всего публикация разнообразных древних историко-литературных памятников должна была «документально» подтвердить традиционность и непрерывность в веках существования императорской династии, подлинность ее прав на управление страной и таким образом обнажить и подчеркнуть узурпаторскую роль сёгуната.

Вторым направлением было выделение и подчеркивание ценности всего сугубо национального, в противовес иноземному и прежде всего китайской школе в политике, общественной жизни и культуре.

Это было также прямым выпадом против сёгуната, официальной идеологией и этической практикой которого было неоконфуцианство. Основой его было учение китайского философа Чжу Си, осуществившего новое толкование конфуцианской доктрины. Этическая программа неоконфуцианства оправдывала незыблемость социальной иерархии и строжайшей регламентации жизни населения, утверждая их правомочность на основе якобы естественности социальных различий, логично вытекающих из индивидуальной природы человека. Положения конфуцианства определяли нормы социального поведения. Подчинение и преданность были основой отношений подданного и суверена, детей и отца, жены и мужа, младших и старших, взаимоотношений друзей. Конфуцианством была определена и некая единая для общества жизненная программа — моральная концепция Пути Неба, в которой положение Правителя определял Мандат, «выданный» Небом. Официальная документация дома Токугава объявляет актом и датами такого «вручения» Мандата Неба фактический приход к власти Токугава — битву при Сэкигахара (1600) и разгром последних сторонников Хидэёси (1615).

Однако развивающееся обострение противоречий — ухудшение экономического положения самураев, обогащение городского сословия, рост крестьянских восстаний — вызвало к жизни попытку официальной идеологии пересмотреть неочужужденство в духе поиска нового смысла в изучении классических конфуцианских произведений, в толковании концепции Пути.

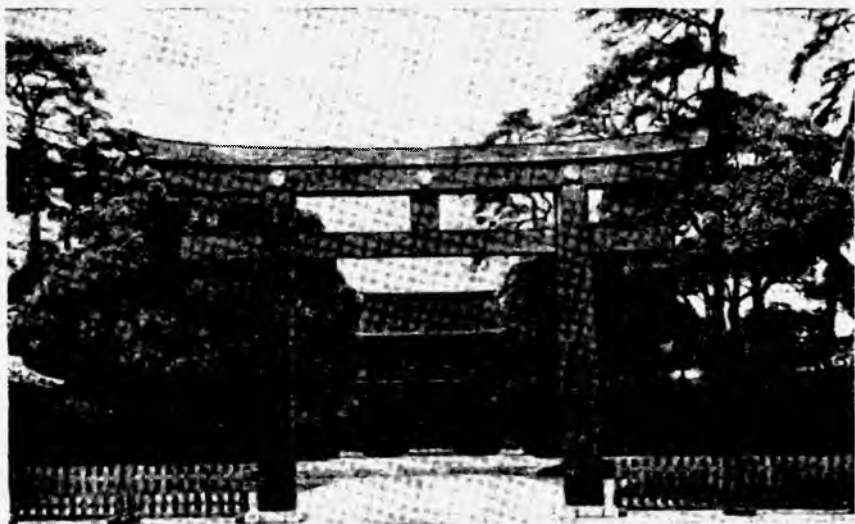

Традиционный облик древнего синтоистского святилища

В то же время, несмотря на прочные позиции неоконфуцианства, а также тот факт, что в 1790 г. конфуцианство стало официальной государственной идеологической доктриной, династия Токугава не отказывалась и от других средств укрепления своего режима. Использовался как буддизм с его припиской населения к храмам и фактически полицейскими функциями надзора за лояльностью, так и национальная религия синто.

Однако представители японского конфуцианства убеждались на практике, что концепция «следования примеру мудрых и просвещенных правителей» древнего Китая без изменений не может существовать и тем более укрепляться на японской почве. Проявляя активную нетерпимость к буддизму, они с неменьшей энергией стремились соединить положения чжусианской доктрины с синто. Синкретизм двух учений предполагал обязательное почитание и синтоистских богов.

В то же время по мере падения престижа буддизма и доверия к его проповедникам среди населения росло влияние идей и практики синто. К синтоистским богам обращались по-домашнему, как к силе, способной помочь в обыденных, житейских делах. В токугавской Японии получило широкое распространение массовое паломничество в синтоистские святилища, особенное в Исэ — место поклонения родовым божествам императорского дома. В первые десятилетия XIX в. число паломников доходило до 4,5 млн человек. Широкий интерес к синто стал основой возникновения концепции «возрождение синто древности» — с обожествлением и культом императора, с утверждением, что Япония — «страна богов». Эта концепция соответствовала взглядам тех слоев феодального дворянства, которые разделяли антисёгунские настроения. Широкую известность в начале XIX в. получила книга «Новые предложения» (1825) видного ученого Аидзава Сэйсисай (1782—1863), утверждавшая «божественность» и непрерывность в веках императорской династии, исключительность происхождения и истории Японии, расположенной в «центре мира». Автор развивал идею «особой природы» «уникальной» японской государственности.

К синтоистским храмам ведут тории — высокие каменные или деревянные ворота

Идеи «школы Мито» продолжала в токугавский период так называемая «национальная школа». Наиболее значительными ее представителями были Камо Мабути, Мотоори Норинага, а также создавший обширный комментарий к одному из первых письменных памятников Японии Хирата Ацутанэ.

Публикации древних документов, исследования и комментарии к ним, а также к обрядовым песням и молитвам показывают стремление ученых этой школы продемонстрировать значительность и весомость национального наследия, глубину японской классической культуры. Об огромном объеме работы, проделанной ими, свидетельствуют труды одного Мотоори Норинага: он оставил двести шестьдесят три тома завершенных работ, а также огромное количество эссе, дневников и разных записей.

Историческая концепция этих ученых исходила из «подлинности» мифологической эры как начала японской истории, а также «божественного» сотворения японских островов и особого «божественного» происхождения японского императора и всей японской нации. В Китае, по утверждению одного из них, «обыкновенный человек случайно становится царем, и царь вдруг превращается в обычного человека...». В Японии же, «пока существует земля и небо, пока светит луна и солнце, на протяжении бесчисленного количества тысяч поколений, он вечно, державный правитель».

Теоретическим доказательствам абсолютного авторитета императора, приоритета его перед сёгуном («божественный», «небесный» правитель, объект «великого» морального долга») посвящены труды не только многих представителей общественной мысли Японии XVII—XVIII вв. Признание истинности «японского пути» в противовес китайскому, законности и почитания императора (сонно) в противовес узурпаторской позиции сёгуна стало главным направлением дворянско-буржуазной идеологии в первой половине XIX в., подготовившей политическую борьбу накануне революции 1868 г.

Вместе с тем общественная мысль Японии была представлена и рядом ученых-материалистов, которые пытались дать научное осмысление мира, резко критикуя синтоистскую мифологию, теорию о «божественном происхождении» Японии и японцев. К таким ученым относился Ямагата Банто (1748—1821), резко критиковавший попытки возродить синто путем формирования различных концепций синто-буддистского синкретизма. Ямагата Банто был одним из первых ученых, высказавших атеистические идеи. Его трудам предшествовали работы ученых более раннего периода, например Муру Кюсо (1658—1753). Известный ученый и политический деятель Араи Хакусэки (1657—1725) в своих работах подверг сомнению божественность происхождения императорской династии.

Материалистические взгляды разделяли также философ Каибара (1639—1714) и медик Ито Дзинсай (1627—1705). Крупнейшим философом-материалистом, оспаривающим теоретические положения буддизма и конфуцианства и утверждающим материальность вечной и изменяющейся природы, был Андо Сээки (1700—1763). Мыслитель, ученый и просветитель, он выступал обличителем абсолютистского режима Токугава, политики изоляции и милитаристской сущности государства, в котором преобладают интересы военных.

Особым направлением развития общественной мысли токугавской Японии стало развитие «голландоведения» (рангаку) — изучение западных, прежде всего голландского, языков и разнообразных аспектов европейской культуры. После указа Токугава Ёсимунэ от 1720 г., разрешившего ввоз в страну помимо поступавшей ранее технической литературы произведений общественного и политического содержания, возрастает число японцев, знакомых с европейской наукой и культурой. В развитии общественной мысли этого периода сыграли серьезную роль талантливые ученые-голландоведы, пытающиеся через освоение идеологии и культуры европейских стран найти путь к социальному идеалу своей страны. Среди них Хаяси Сихэй (1738—1793), известный своими работами по географии Японии и Кореи и военному делу; Хонда Тосиаки (1744—1821) — географ, математик, основоположник научной астрономии и навигации; Сибя Кокан (1747—1818) — популяризатор науки (первая информация о теории Коперника); Такахаши Кагэясу (1785—1829) — географ и астроном, а также упоминавшийся Андо Сээки.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1868 г. И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Насильственное открытие Японии и заключение договоров с западными державами привели в середине XIX в. к серьезным изменениям в японской экономике. В начале 60-х годов XIX в. с открытием для торговли портов Канагава, Нагасаки и Хакодатэ активизируется внешняя торговля. Значительную часть японского экспорта (50—80%) составляли шелк, чай (до 20%), хлопок, медь, рыба и морепродукты. Импорт широко представляли разнообразные промышленные товары, пряжа, шерстяные и бумажные (прежде всего английские и американские) ткани.

После более чем двухсотлетнего периода строго регламентированных, незначительных по объему связей с внешним миром японский рынок стал быстро наполняться множеством товаров дешевого фабричного производства. Это подрывало и без того находящееся в упад-

ке натуральное хозяйство, крестьянскую домашнюю промышленность, нанесло удар цеховому ремеслу и даже некоторым отраслям мануфактурного производства.

Вместе с тем расширяющиеся экономические связи с индустриально развитыми странами западного мира — США, Англией, Германией, Францией — активизировали в Японии формирование капиталистического уклада, содействовали организации современного промышленного сектора экономики.

К 1868 г. было построено более пятидесяти предприятий тяжелой промышленности и свыше ста — легкой. Приобретенным за границей оборудованием оснащались металлургические, судостроительные, прядильные, шелкомотальные предприятия, мануфактуры по обработке чая и пищевых продуктов. Особенно много как государством, так и феодальными князьями покупалось у иностранцев оружия и военных кораблей. Самые значительные торгово-промышленные компании Японии сооружали судостроительные верфи и связанные с их производственным циклом предприятия тяжелой промышленности. Так, Мицубиси с помощью иностранных инженеров построили верфи, имеющие высокую техническую оснащенность.

Последствия включения Японии в орбиту мировой хозяйственной системы, в частности быстро возрастающего спроса на японский шелк, чай, другие сельскохозяйственные продукты, выразились в общем повышении товарности земледелия, в активном расширении посадок тутовых деревьев, развитии шелкомотального производства. Значительно возрастают денежные накопления помещиков, богатых крестьян, буржуазии, связанной с феодальным землевладением и торговцами-ростовщиками. Положение же крестьянина — непосредственного производителя не улучшается вследствие оторванности его от рынка и наличия обширного посреднического звена — деревенских торговцев, правительственных поставщиков-купцов, связанных также и с внешней торговлей, наживавшихся на ней.

Но наибольшего обогащения достигали иностранные торговцы, используя зависимое, неравноправное положение Японии, зафиксированное ансэйскими договорами (1854—1858). Они скупали и вывозили золото, пользуясь тем, что цена его в стране была значительно ниже, чем на мировом рынке. Уровень прибыли, получаемой на этих операциях, в отдельных случаях достигал 140%. Значительный вывоз золота заставил бакуфу принять жесткие ограничительные меры, которые, однако, не смогли полностью прекратить этот процесс. Спекулятивный рост цен и резкое изменение их соотношений вызвали ухудшение положения трудящегося населения и низших слоев самурайства. Массовый уход в город лишившихся земли бедняков привел к возникновению в этот период безработицы в столице. В общем росте антииностранных и антиправительственных настроений и выступлений экономические причины занимали одно из важнейших мест. Статистические данные японской историографии за эти годы показывают нарастание и расширение в эти годы бунтов, в том числе рисовых. Так, в 1849 г. произошло восстание в Хиросиме, в 1853 — в Окурику, в 1858 и 1861 — в Осака и окрестных деревнях, в 1865 и 1866 гг. — в столице и многих других городах. Крестьянские и городские выступления все более приобретали общенациональный характер.

Шестидесятые годы XIX в. стали периодом нарастания общего политического кризиса — движение оппозиции шло на фоне непрерывного роста антифеодальных крестьянских восстаний и выступлений горожан. Начало такого резкого подъема социальных конфликтов отно-

сятся к 1860 г. (12 восстаний), в 1866 г. произошло около 40 восстаний — это был самый высокий показатель за весь период правления токугавского феодального дома.

За период с 1860 по 1867 г. крестьянских восстаний было примерно в два раза больше, чем в предшествующие 50-е годы. Городские восстания охватили Хёго, Осака, Эдо, Титибу, массовые крестьянские выступления, парализовавшие всю центральную часть острова Хонсю, происходили в провинциях Сэцу, Синано, Тадзина, Кодзукэ, Этиго, Ивами, Мусаси, Кавати, Бинго и др. Причиной было резкое повышение цен на рис, нередко восставшие крестьяне объединялись с городской беднотой, как, например, произошло в Хёго и Титибу.

Антифеодальные выступления масс проходили и в полурелигиозной форме, в виде массовых беспорядков. В августе 1867 г. в Центральной Японии — традиционном районе храмового паломничества — распространился слух, что в Нагоя произошло чудо: над храмом с неба спустились амулеты, что толковалось как событие, возмещающее большие перемены. В Нагоя со всей Центральной Японии хлынули толпы народа, стихийно стали возникать шествия, пляски, сопровождавшиеся песней, высмеивающей существующие нормы морали. Толпы народа врываются в дома богачей, открывают рисовые склады, делят рис и имущество. Движение паломников, смыкавшееся с другими социальными выступлениями, охватило две трети страны и являлось фактически продолжением крестьянских восстаний и городских бунтов.

Представляет интерес оценка социальной и идеологической обстановки в стране самими участниками народных движений. Записки предводителей крестьянских выступлений Миура Майсукэ (1820—1864) и Кано Хатироси (1810—1888) обнаруживают идеи, отражающие формирование психологии и идеологии мелкого производителя. Обосновывается теория «сопротивления властям во имя блага народа», провозглашается активный личный производительный труд (принцип «активной жизни») как основа теории «успехов и неудач, процветания и упадка».

Прогрессивный японский историк Тояма Сигэки оценивает крестьянское движение 60-х годов XIX в., имеющее массовый характер и все возрастающую политическую зрелость как «канун аграрной революции».

Воспользовавшись слабостью позиций взошедшего на престол малолетнего императора Муцухито, лидеры дворянско-буржуазного блока предъявили сёгуну меморандум, составленный от имени нового императора, с требованием немедленно «вернуть» власть «законному правителю». В октябре 1867 г. меморандум был вручен сёгуну Кэйки князем Тоса. Решительность глав оппозиции и военная сила противника заставили Кэйки согласиться с предъявленными требованиями. Но формальное отречение стало простым прикрытием: Кэйки, сохранивший власть в Центральной и Северной Японии, активно готовился к борьбе. Однако в битвах при Фусими и Тоба в окрестностях Киото с антисёгунской коалицией в январе 1868 г. он потерпел поражение и бежал в свою резиденцию — замок Эдо. Войска южных феодалов, выступавшие как правительственные (сёгун был объявлен мятежником), быстро двигались к столице. 3 мая 1868 г. Кэйки без боя сдал эдоский замок, однако окончательно господство дома Токугава было сломлено лишь в период длительной гражданской войны, охватившей три четверти территории страны. Даймё некоторых феодальных княжеств в Канто, а также северной части Хонсю отказались подчинить-

ся новому правительству и начали сопротивление. На южном побережье Хоккайдо, куда отплыл непокоренный флот сёгуна, адмиралом Эномото Такэаки была провозглашена «дворянская республика». В мае 1869 г. после ожесточенных боев на Хоккайдо было сломлено сопротивление последнего оплота защитников сёгуната и окончательно ликвидировано господство феодального дома Токугава.

Пришедшее к власти правительство номинально возглавлялось императором Муцухито (Мэйдзи), так же был назван и период его правления — «Мэйдзи» (Просвещенное правление). Революционные события 1867—1868 гг. официальная историческая школа Японии назвала «Мэйдзи исин» (Реставрация Мэйдзи).

Сменивший Токугава новый политический режим отражал интересы сложившегося в борьбе против сёгуната буржуазно-помещичьего блока. Хотя высшие посты в правительстве занимали представители придворной знати (председатель — князь Арисугава, член императорской фамилии, старшие советники — члены императорской фамилии, кугэ и даймё), основной состав аппарата новой власти был представлен низшим самурайством юго-западных княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн). Активно влияли на формирование политики лидеры антисёгунского блока — Окубо Тосимити и Кидо Такамаса — яркие представители обуржуазившегося дворянства.

Программа нового правительства не отличалась особой радикальностью. Но даже имея ограниченный либеральный характер, она была трудно выполнима, так как **общая цель** — борьба против Токугава — объединила в антисёгунский блок разнородные по своим интересам социальные силы. Движущими силами в событиях 1867—1868 гг. выступали:

1. Оппозиционное дворянство — феодальные князья и знать, стремящиеся свергнуть правящую династию и заменить ее другой, более удовлетворяющей ее требованиям.

2. Молодая, экономически слабая и политически неопытная буржуазия.

3. Крестьяне и городской плебс.

Специфической чертой революционных событий 1867—1868 гг. были неоднородность каждой из перечисленных социальных сил, значительное переплетение их интересов.

Крестьянские восстания и городские бунты были главной силой, расшатавшей токугавский феодальный строй. Победа дворянско-буржуазного блока южных феодальных княжеств стала возможной лишь благодаря все расширявшейся и нарастающей крестьянской войне, парализовавшей основные экономические и политические центры системы сёгуната. Но наряду с беднейшим крестьянством и городским плебсом в выступлениях участвовали и богатые крестьяне, имевшие землю, эксплуатировавшие безземельных бедняков, смыкавшиеся по своим интересам с представителями торгово-ростовщического капитала. Богатые горожане нередко за деньги «исправляли» свою сословную принадлежность — покупали самурайское звание. Купцам, обслуживающим и финансирующим сёгунат или крупных даймё, в последний период правления токугавского дома бакуфу предоставляло самурайское звание и всевозможные привилегии. Об активном разрушении сословных перегородок свидетельствовало появление особого слоя (сомо) в городе и деревне, связанного с действиями торгово-ростовщического характера. К нему относились богатые крестьяне и горожане, ставшие одновременно владельцами земли, предпринимателями и торговцами. Естественно, что их раздражало отсутствие юридических прав

приобретенную собственность, всевозможные феодальные преграды и сближало с оппозиционным дворянством и буржуазией.

Позиции японской буржуазии во многом определялись ее экономической слабостью, что в свою очередь было следствием ограниченных источников первоначального капиталистического накопления из-за длительного периода изоляции от внешней торговли, колониальной экспансии. Фактически единственным источником накопления капиталов был узкий и бедный внутренний рынок. Большая часть промышленной буржуазии была связана с земледелием, торговлей и участвовала в ростовщических операциях. Основные и весьма значительные денежные накопления находились в руках не промышленной, а торговой и торгово-ростовщической буржуазии. Наиболее богатые, привилегированные слои крупной буржуазии, с одной стороны, были связаны и находились под покровительством сёгуната и крупных даймё, с другой — выступали с большей решительностью, нежели представители дворянской оппозиции. Они были заинтересованы в преодолении феодальной раздробленности и легализации торгово-предпринимательской деятельности и правовой неприкосновенности жизни и имущества.

Однако слабость экономических позиций буржуазии и переплетение ее интересов с интересами феодалов обусловили ее политическую незрелость и несамостоятельность. Она гораздо больше боялась своего естественного союзника — крестьян и горожан, чем феодалов, и шла на соглашение с представителями этого уходящего с исторической сцены класса. В этом — главная причина половинчатости, незавершенности революционных событий 1867—1868 гг.

Японское дворянство состояло из различных слоев. Интересы даймё отличались от интересов хатамото и самого низшего слоя самурайства — ронинов, которые становились теперь ремесленниками, купцами, людьми свободных профессий. Наиболее радикально настроенными кругами дворянства была та его часть, которая в условиях упадка натурального хозяйства и роста товарно-денежных отношений все более связывала себя с процессом капиталистического предпринимательства в торговле и промышленности. Интересы этого дворянства тесно переплетались с интересами богатого, привилегированного купечества. Часть высшего дворянства из оппозиционных сёгунату слоев (в основном тодзама-даймё) стремилась лишь к ограниченным реформам, которые, не приводя к серьезным изменениям в существующей системе, должны были улучшить ее положение и усилить влияние опальных князей.

Внутреннюю борьбу разнородных социальных сил в пришедшем к власти буржуазно-помещичьем блоке усиливала развернувшаяся сразу после революционных событий 1867—1868 гг. классовая борьба в городе и деревне. Для низших слоев горожан и крестьянства смена власти — замена сёгуна Кэйки императором Мэйдзи — не принесла ощутимого ослабления феодального гнета и эксплуатации. Число протестов социального протеста резко возрастает. Если в 1866 г. было 17 крупных крестьянских выступлений, то через год после ликвидации системы сёгуната их было 48, в 1870 — 31, в 1873 г. — 36. Характерным является размах восстаний — в них участвуют десятки и сотни тысяч человек. В восстании 1873 г. в префектуре Фукуока участвовало около 300 тыс. крестьян. Наряду с антифеодальными требованиями (снижение податей, отмена повинностей, налогов на промыслы и т. д.) развернулась борьба под широким лозунгом «исправления жизни», или «уравнения жизни», охватившая многие районы страны,

особенно северные княжества. Правительственные войска с трудом противостояли революционной стихии, несмотря на превосходство регулярной армии в вооружении и дисциплине.

БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ

Буржуазные элементы в правящем блоке, более объективно оценивающие сложившуюся ситуацию, несмотря на противодействие феодалов, в целях укрепления позиций правящего лагеря выступили с предложением проведения ряда реформ. Уничтожение феодальных княжеств и создание вместо них префектур, в том числе трех столичных (Токио, Киото, Осака), содействовало ликвидации феодального сепаратизма и завершению государственного объединения страны. Создание новой административной системы, уничтожившей господство феодальных князей, было осуществлено в соответствии с интересами развития капиталистической экономики.

В марте 1872 г. были учреждены три сословия: высшее дворянство, в которое вошли бывшие даймё и кугэ, дворянство-самурайство и простой народ. Фактически самурайство не потеряло привилегированного положения. Кадры чиновничества, вследствие образованности его представителей, пополнялись преимущественно из среды самурайства. Сложилась традиция, что на высшие государственные посты, руководство армией и флотом выдвигались выходцы из оппозиционного дворянства двух княжеств — Сацума и Тёсю (представители Сацума занимали руководящие посты во флоте, Тёсю — в армии).

В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность, нанесящая удар по монополии самурайства в военной области. В 1873 г. в Токио была открыта военная академия, готовящая под руководством французских офицеров командный состав японской армии. Английские офицеры преподавали в военно-морской академии и военно-морском инженерном училище.

Хотя армия капиталистической Японии создавалась по европейскому образцу, ее идеологическая основа строилась на основе средневековой самурайской морали — использовался кодекс «бусидо», синтоизм с их культом предков и идеей о божественном происхождении императора, патернализм («офицер — отец солдата») и пр.

Наиболее значительным меропрятием нового правительства было проведение аграрной реформы в 1872—1873 гг. Содействуя развитию капиталистического предпринимательства в деревне, правительство стремилось укрепить положение новых помещиков и богатых крестьян, имевших в фактическом пользовании заложенные бедняками земельные участки. Объявление собственниками земли всех тех, кто владел ею к моменту издания закона, означало признание земельных сделок (закладных, дарственных и т. д.), запрещенных в период токугавского правления и означавших экспроприацию участка у крестьянина новым слоем собственников в деревне. В 1872 г. была официально разрешена купля-продажа земли, ликвидирована земельная монополия феодального класса и введен буржуазный принцип частной собственности на землю.

В то же время бедное крестьянство — наследственные держатели земельных наделов в княжествах — теперь зачастую не могло их сохранить из-за обремененности долгами, а приобретя землю, вскоре теряло ее, закладывая и продавая помещику или богатой верхушке деревни. Процессу обезземеливания крестьянина после реформы, пре-

вращению его в арендатора содействовало принятие в 1873 г. закона об изменении земельного налога. Многочисленные феодальные подати и повинности были заменены единым налогом в размере 3% от стоимости земли, независимо от урожая. Вместо кокудака (подати рисом) новый налог выплачивался деньгами. Вследствие чрезвычайно высокой цены, установленной правительством на землю, он составлял почти 50% валового дохода крестьянского двора, что снова приводило к закабалению и потере крестьянином участка. Уход разорившихся крестьян в город содействовал временному уменьшению глубины имущественной дифференциации, а с другой стороны, имущественная дифференциация постепенно перерастает в социальную.

Поступления от земельного налога составляли почти 80% государственного бюджета страны. В результате половинчатой аграрной реформы, сохранившей помещице землевладение, и высокого земельного налога не сложились условия для формирования крепких самостоятельных крестьянских хозяйств капиталистического типа. Земельные участки, полученные основной массой крестьянства, как правило, были невелики по размеру. Реформа содействовала активизации процесса классовой дифференциации. Все возрастающее число арендаторов, еще недавно бывших собственников, прстивопоставлялось богатой деревенской верхушке, сохраняющей черты полуфеодального землевладения (полуфеодальная аренда, натуральная арендная плата). Растет число арендаторов — участников крестьянских восстаний: за десятилетие с 1868 по 1878 г. произошло 185 выступлений с числом участников, нередко достигавшим десятков и сотен тысяч.

Однако при всей ограниченности аграрная реформа стала важнейшей вехой в развитии капиталистических производственных отношений в Японии. Высшая феодальная знать перестала быть социальной опорой правительства в деревне — ею окончательно становятся новые помещики и буржуазия.

Незавершенность, половинчатость буржуазных революционных событий 1867—1868 гг. в Японии проявилась во всех реформах, проведенных дворянско-буржуазным блоком. Она определялась двойственной позицией буржуазии, не борющейся за полноту власти, а пытавшейся уступками удовлетворить своего союзника — феодалов и отодвинуть, предотвратить революционные выступления масс, недовольных реформами.

Тем не менее буржуазная революция Мэйдзи стала важнейшим рубежом, отделившим феодальную Японию от эпохи капиталистического развития страны, хотя и отягощенной множеством феодальных пережитков. Объединение страны содействовало формированию японской буржуазной нации и созданию самостоятельного национального государства. Эти условия В. И. Ленин считал важнейшими при рассмотрении вопроса, почему Япония опередила другие страны Азии в экономическом развитии по капиталистическому пути. «...в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве...»¹. Но, поскольку это государство буржуазное, оно само встало на путь воинствующего национализма и колониальной политики.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 25. С. 262.

Буржуазные реформы содействовали развитию капиталистических отношений в стране. Положение буржуазии в правящем дворянско-буржуазном блоке укреплялось. В то же время самурайство, за исключением привилегированной феодальной знати, занявшей высокие посты в государственном аппарате, с трудом находило себе место в новой социально-политической системе. Недовольство реформами, стремление любой ценой повернуть историческое развитие вспять и возвратиться к прежним порядкам стали характерной позицией значительной части самураев.

В 70-е года XIX в. в Японии вспыхнули реакционные мятежи самурайства, выдвигавшего требования отмены реформ, восстановления прежнего положения самурайства в государстве. Серьезной причиной недовольства было введение воинской повинности, лишившей самураев монополии на ношение оружия и ущемлявшей их издавна существовавшее особое положение в системе социальных отношений. Недовольны они были и внешней политикой правительства.

Организатором и идеологом реакционного самурайства выступил представитель высшего дворянства из Сацума, некоторое время бывший военным министром в правительстве, — Сайго Такамори. Он выдвинул программу развертывания агрессивных войн с целью усиления императорской Японии и укрепления позиций самурайства. Примером для самурайства служило «открытие» Кореи в 1876 г., когда японцы под предлогом спровоцированного инцидента заставили ее прекратить изоляцию и навязали неравноправный договор. Сайго требовал организации похода на Корею, предполагая, что война поднимет престиж самурайства как воинского сословия, а восстановленные привилегии ослабят позиции буржуазии и остановят буржуазные преобразования. В 1874 г. была организована военная экспедиция на о. Тайвань под фальшивым предлогом «защиты японских подданных» (рыбаков с Рюкю) от нападений местных жителей. Однако активная борьба населения острова заставила японские войска отступить и эвакуироваться, хотя правительство получило за это с Китая (подвассальная территория) денежную компенсацию.

Сопrotивление самураев вызвала и так называемая «капитализация пенсий». В 1873 г. правительство предложило даймё и самураям в добровольном порядке согласиться на единовременную выплату пенсии за несколько лет (половину наличными, половину облигациями государственного займа). Денежная компенсация пожизненных самурайских пенсий официально рассматривалась как обеспечение дворянству возможности заняться предпринимательской деятельностью в области промышленности, банковского дела, торговли, сельского хозяйства и т. д. В 1876 г. была объявлена принудительная «капитализация пенсий» (в размере 5—14-летней суммы пенсии). Однако значительная часть самураев в силу длительной традиции занятий только военным делом оказалась не способной ни к предпринимательской, ни к трудовой деятельности. К тому же капитализация пенсий для рядовых самураев составила сравнительно небольшие суммы.

Весной 1877 г. Сайго поднял в Сацума реакционный мятеж, известный впоследствии как сацумская война. Феодальные войска Сайго, после нескольких месяцев кровопролитных сражений с правительственной армией, в сентябре 1877 г. потерпели поражение. Для буржуазного правительства поражение самурайства послужило не только укреплению его позиций, но и было использовано как доказательст-

во правомерности и необходимости буржуазных преобразований (превосходство регулярной буржуазной армии над феодально-самурайскими формированиями, ее вооружение и др.).

События, произошедшие в Японии в 1867—1868 гг., их анализ и место в развитии страны стали почти сразу же одной из главных, к тому же дискуссионных тем в японской исторической науке, актуальность и острота которой сохраняются и в наши дни.

Советская историография рассматривает вопрос о предпосылках и классовой сущности этих событий Мэйдзи как незавершенную буржуазную революцию. Составляя сводку главных данных всемирной истории после 1870 г., В. И. Ленин в графе «Революционные движения (непролетарского характера)» отметил: «1868—1871: Япония. (Революция и преобразование)»¹.

Произошедшая как результат закономерного процесса общественного развития, классовой борьбы прогрессивных сил японского общества против феодальной системы, но осуществленная под лозунгом восстановления императорской власти, Мэйдзи исин отличается определенным историческим своеобразием. В отличие от английской буржуазной революции XVII в. и французской революции конца XVIII в., когда в недрах феодальной формации этих стран сформировался капиталистический уклад, в Японии буржуазия не стала крупной экономической и политической силой общества, готовой пойти на ее революционное переустройство. Буржуазная революция была совершена радикальным крылом дворянства, прогрессивной самурайской интеллигенцией; буржуазия, неспособная возглавить движение за ликвидацию феодального господства, вошла в союз с феодалами в правящем блоке. В этом причина незавершенности революции Мэйдзи, половинчатости проведенных ею буржуазных преобразований.

Движущей силой событий Мэйдзи были крестьянские восстания, несмотря на их стихийность и раздробленность, приведшие страну к крестьянской антифеодальной революции.

Для определения характера преобразований Мэйдзи большое значение имеет выяснение степени развития капиталистического производства в Японии к 1867—1868 гг. Исследования советских историков убедительно свидетельствуют о развитии капитализма в «закрытой» токугавской Японии. «Закрытие» страны, несмотря на консервацию феодальных отношений, сыграло и определенную положительную роль: в стране, избежавшей колониального порабощения, создавшей преграды проникновению иностранного капитала, медленно, но неуклонно шло развитие ростков капиталистического уклада.

Советские исследования подчеркивают прогрессивное значение Мэйдзи исин, избавившей Японию от угрозы колониального порабощения, ликвидировавшей феодальную раздробленность и способствовавшей национальному объединению страны, вступившей на путь капиталистического развития.

Характерной чертой генезиса капиталистических отношений в Японии стали преимущественное развитие монополистической формы организации производства и активное участие в этом процессе государства, протекционистская политика ускоренного «выращивания» национального капитализма. Большое значение для индустриального развития страны имело наличие значительной (в количественном отношении), дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Традиционные навыки коллективного труда в земледельческой общине с его скрупулез-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 671.

ностью в выполнении работ, ответственностью и организованностью» позволяли вчерашнему крестьянину за короткий срок освоить на городском предприятии различные рабочие профессии, удовлетворить потребность развивающейся экономики в высококвалифицированном труде.

Марксистская историография критически рассматривает выводы некоторых японских ученых, а также представителей западной буржуазной, и особенно американской историографии, преувеличивающих значение внешнего фактора в событиях 1867—1868 гг.

Безусловно, иностранный нажим, система неравноправных договоров, насильственно включившие Японию в орбиту мирового хозяйства, соприкосновение с буржуазной культурой Запада и воздействие более передового способа производства не могли не усилить затянувшийся политический кризис токугавского режима.

Немаловажным фактором признает советская историография международную ситуацию, которая во второй половине XIX в. оказалась благоприятной для исторических судеб Японии. Пронзошли ослабление натиска на Японию со стороны западных держав, предотвращение активного вмешательства в ее дела Англии и Америки. Англия была отвлечена событиями в Индии и Китае (восстание сипаев, «опиумная война» и участие в подавлении тайпинов), а Америка — начавшейся там гражданской войной. Академик Н. И. Конрад писал: «...Япония в этот критический момент своей истории многим была обязана именно революционной стихии мирового исторического процесса... им, этим революционным силам... следовало бы воздвигнуть памятник благодарности за помощь в Мэйдзийском обновлении».

Советские историки при изучении проблем Мэйдзи считают необходимым учитывать как внешние, так и внутренние обстоятельства событий, решающая роль при этом отводится анализу социально-экономического и политического развития страны.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ В 70—80-х ГОДАХ

80-е годы XIX в. стали для Японии периодом быстрого промышленного развития. В первые десятилетия после революции возникло около пятисот промышленных предприятий. Деятельность государственных предприятий играла важную роль в развитии капиталистической промышленности. Однако правительство решило перейти к политике поощрения частнокапиталистической промышленности и передачи государственных предприятий частным лицам. С осени 1880 г. правительство стало продавать или передавать в аренду так называемые «образцовые предприятия» в руки привилегированных представителей буржуазии и выходцев из высшего дворянства, нередко правительственных поставщиков и кредиторов. Среди них были известные фирмы — Мицуи, Мицубиси, Фурукава, Ясуда, Асано, Кавасаки и др. На весьма выгодных условиях правительство продало медные рудники в Асио фирме Фурукава, самый большой в стране судостроительный завод в Нагасаки, серебряные рудники Икуно и угольные шахты на Хоккайдо — фирме Мицубиси.

Протекционистская политика правительства фактически осуществляла для промышленности первоначальное накопление за счет налоговых поступлений (80% которых составлял поземельный налог), а также защищала японское капиталистическое производство от втор-

жения иностранных товаров по низким таможенным пошлинам (следствие неравноправных договоров).

По характеристике К. Маркса, «система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному»¹.

Результатом протекционистской политики государства стали неравномерность и одностороннее развитие производства с преобладанием легкой, главным образом текстильной, промышленности. Промышленная буржуазия, получившая «образцовые предприятия», была заинтересована и в дальнейшем участии государства в издержках производства. Таким образом, возникла тесная связь японской буржуазии с монархическими кругами, укреплялся союз японских помещиков и капиталистов. Их объединяла также общность методов эксплуатации, ее феодальные формы, характерные как для крестьянства в деревне, так и для положения рабочего на предприятии. Система контрактации, позволяющая использовать в массовых масштабах женский и детский труд, пятнадцатичасовой рабочий день, тюремного типа общежития, влияние патерналистских традиций («предприниматель — это отец») обеспечивали безнаказанность эксплуатации пролетариата. Наличие феодальных пережитков являлось основой жесточайшей эксплуатации и ограбления крестьянства.

Правительство субсидировало развитие предприятий, прежде всего работавших на армию и флот, а также содействовало развитию средств транспорта и связи. Почти исключительно за счет государственных средств быстро растет железнодорожный транспорт — в 1872 г. построена первая железная дорога Токио — Иокогама, с 1882 по 1890 г. протяженность железнодорожной сети достигла 2190 км, т. е. увеличилась примерно в 10 раз по сравнению с началом строительства.

Несмотря на быстрые темпы формирования промышленной базы, по общему уровню развития Япония значительно отставала от крупных капиталистических стран. В промышленности преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, промышленный пролетариат в 1890 г. составлял всего лишь 346 тыс. человек (0,87% населения).

Экономическую отсталость отражала и внешняя торговля страны, для которой были характерны вывоз сельскохозяйственных продуктов и ввоз готовых изделий. Постоянная ориентация на внешние рынки сырья вследствие слабости собственной промышленно-сырьевой базы, а также ограниченная емкость внутреннего рынка стали основой разработки агрессивных внешнеполитических планов.

Осуществлению планов захвата внешних рынков, особой агрессивности Японии содействовал ряд обстоятельств, сложившихся в стране в послеМэйдзийский период, важнейшим из которых была самостоятельная роль военщины — значительная часть самураев была сконцентрирована в армии и флоте. По оценке В. И. Ленина, в Японии монополия военной силы отчасти восполняет и заменяет монополию современного новейшего финансового капитала. Не менее серьезным обстоятельством была агрессивность молодой японской буржуазии. В первые годы после Мэйдзи исин большая часть ее не хотела вкладывать капиталы в развитие промышленности, оставаясь торгово-ростовщической. Передача правительством почти за бесценок «образцовых

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 767.

предприятий» капиталистам при узком внутреннем рынке и низкой платежеспособности населения стала своеобразным этапом в развитии соотношения сил в правящем блоке и формировании внешнеполитического курса. Получив промышленные объекты, капиталисты сразу же обнаружили заинтересованность в реализации продукции этих, как правило, военных предприятий, т. е. в агрессивной внешней политике государства. На этой основе сомкнулись интересы воинствующего самурайства и буржуазии.

Важным фактором в экономическом развитии Японии конца XIX столетия была помощь со стороны сильных капиталистических государств. В. И. Ленин, отмечая интенсивность экономического развития Японии, подчеркивал, что в то же время она оставалась слабой. Япония «...никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»¹.

ДВИЖЕНИЕ «ЗА СВОБОДУ И НАРОДНЫЕ ПРАВА»

Укрепление экономических позиций буржуазии в стране привело к активизации ее политической деятельности. Одним из проявлений этого явилось оппозиционное движение за принятие конституции под названием «дзю минкэн ундо» (движение за свободу и народные права). Активную позицию в нем занимало обуржуазившееся дворянство, требовавшее созыва парламента, отмены неравноправных договоров. Однако наибольшее беспокойство правительственных кругов вызвало участие в движении демократических слоев населения (мелкобуржуазной интеллигенции, представителей мелкой буржуазии города и деревни, пролетариата). «Движение за народные права» приобретало все более боевой характер и в середине 80-х годов даже вылилось в некоторых районах страны в вооруженные выступления, жестоко подавленные правительством.

В такой напряженной политической обстановке в стране возникли политические партии. В 1881 г. была создана партия Риккэндзиюто (Конституционная либеральная партия), или просто Дзиюто (Либеральная партия), партия средних и мелких либеральных помещиков, возглавляемая Итагаки Тайсукэ. Дзиюто, защищая интересы помещиков и сельских буржуа-предпринимателей, требовала снижения земельного налога, выступала против монополии в правительстве узкого круга бюрократии и самурайства. Партию поддерживала фирма Мицуи, имевшая тесные связи с помещиками и сельской буржуазией.

В 1882 г. возникла партия Кайсинто (Партия реформ), программа которой нацеливала на активное укрепление позиций буржуазии — развитие внешней торговли, скорейший пересмотр неравноправных договоров, проведение денежной реформы, а также выход японских капиталистов на внешние рынки. Партия, связанная с фирмой Мицубиси, представляла интересы крупной торговой и финансовой буржуазии, обуржуазившихся помещиков, либеральной интеллигенции. Идеолог партии Фукидзава Юкити был известным пропагандистом идей западного либерализма — произведений французских материалистов и английских экономистов.

Расширение движения минкэн ундо заставило правительство послать за границу правительственную миссию во главе с князем Ито для ознакомления с конституционной практикой европейских стран и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 227.

США. Наиболее приемлемым для Японии образцом представительных учреждений, по мнению Ито, был прусский парламент, и в 1889 г. в Японии была принята конституция, во многом воспроизводившая бисмарковскую конституцию.

Конституция 1889 г. укрепляла монархический строй. Провозглашала особу императора «священной и неприкосновенной», она представляла ему неограниченные права главы государства — права объявления войны и заключения мира, заключения договоров, утверждения и издания законов, созыва и роспуска парламента, назначения и увольнения всех гражданских и военных должностных лиц, а также верховное командование армией и флотом. Парламент состоял из палаты пэров и палаты представителей. В верхней палате были представлены члены императорской фамилии, титулованной аристократии, крупнейших налогоплательщиков и лиц, назначавшихся императором. Согласно избирательному закону, опубликованному одновременно с конституцией, нижняя палата избиралась мужчинами старше 25 лет, уплачивавшими не менее 15 иен прямого налога. Активным избирательным правом пользовались лица не моложе 25 лет, пассивным — не моложе 30 лет.

Парламент пользовался правом законодательной инициативы, утверждения бюджета и пр., однако, согласно конституции, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором. В случае отклонения парламентом бюджета правительство могло не уходить в отставку, а принимало бюджет предыдущего года. Таким образом, парламент лишался возможности воздействовать на политику правительства. Конституция определила высший консультативный орган при императоре — Тайный совет.

Конституция 1889 г. представляла собой юридическое оформление союза помещиков и буржуазии под эгидой реакционной монархии. Парламентская буржуазная оппозиция добивалась ликвидации «клановых» правительств — бюрократии и военщины из Сацума и Тёсю. Однако на основе агрессивной внешней политики оппозиция довольно быстро нашла общий язык с правящими кругами.

АГРЕССИВНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ 70—90-х ГОДОВ. ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Строительство военных предприятий, вооружение и прежде всего строительство сильного военно-морского флота свидетельствовали об активно идущей в стране подготовке к захватническим войнам. Наиболее близким объектом для агрессии была Корея. Подготовку к захвату Корейского полуострова японское правительство намеревалось осуществить, договорившись с Россией о ее нейтралитете в японо-корейской войне. Когда эти предложения были отвергнуты, реакционная военщина использовала переговоры, которые велись с 1872 г. по поводу Сахалина для давления на Россию. В 1875 г. было заключено русско-японское соглашение — южная половина Сахалина, бывшая в совместном пользовании обеих сторон, на которую японская сторона предъявляла необоснованные «права», была передана России в обмен на Курильские острова, бесспорно являвшиеся русским владением. Позициям России на Тихом океане был нанесен значительный ущерб. Царская дипломатия оказалась не способной отстоять законные государственные интересы страны.

Навязав неравноправный договор Корею в 1876 г. и монополизировав почти полностью ее внешнюю торговлю, в 1882—1884 гг. японцы добиваются расширения экспансии в Корею под предлогом «содействия» национально-освободительному движению против Китая. Одновременно оказывается давление и на Китай. В 1885 г. состоялось подписание японо-китайского договора в Тяньцзине, по которому обе стороны обязывались не вводить войска в Корею, формально находившуюся под китайским суверенитетом, без взаимного согласования. Начавшееся в 1893 г. в Корею массовое крестьянское движение тонхаков и введение китайских войск для его подавления были использованы Японией как повод для высадки своих воинских соединений. Обвинив Китай в нарушении Тяньцзинского договора, японцы оккупировали важнейшие стратегические пункты страны.

Созданное японцами корейское правительство прояпонской ориентации провозгласило независимость Кореи от Китая и сразу же обратилось за «помощью» к Японии. 25 июля 1894 г. японским военным кораблем без объявления войны был потоплен английский транспорт, перевозивший китайских солдат, японская армия вторглась в Корею. Затем военные действия были перенесены на территорию Китая. 17 апреля 1895 г. в Симонсеки был подписан мирный договор, согласно которому Китай: 1) признавал независимость Кореи; 2) передавал Японии остров Тайвань, Пескадорские острова и полуостров Ляодун; 3) должен был выплатить Японии контрибуцию размером более 300 млн иен; 4) открывал для торговли и судоходства ряд портов, разрешал плавание японским судам по рекам Янцзы и Усун; 5) разрешал временную оккупацию территории Вэйхайвэя; 6) обязывался заключить торговый договор с Японией с предоставлением тех же прав и привилегий, которыми пользовались западные державы и США. Кроме того, Япония получила право строительства промышленных предприятий в Китае и ввоза машин. Парламентская оппозиция в Японии выступила с критикой Симонсекского договора, считая необходимым расширить перечень требований к Китаю. Однако западные державы и царская Россия оценили результаты японо-китайской войны иначе, видя в них прямую угрозу своим интересам. 23 апреля 1895 г. Россия, Германия и Франция выступили с «рекомендацией» Японии отказаться от пункта Симонсекского мирного договора, предусматривающего передачу ей Ляодунского полуострова. Япония была вынуждена принять «дружеский совет», но при этом добилась увеличения суммы военной контрибуции до 350 млн иен.

Японо-китайская война явилась важным рубежом в развитии Японии, с 1894 по 1899 г. почти втрое увеличилась сумма капиталов, вложенных в развитие национальной промышленности, чрезвычайно расширился объем внешней торговли. Еще недавно полузависимая страна, сама являвшаяся объектом колониальной политики империалистических держав, превращается в угнетателя других народов, в соперника крупных капиталистических держав.

Усилилось японское влияние в Корею. Однако убийство японцами корейской королевы Мин и бегство корейского короля для спасения в русскую дипломатическую миссию имели определенные последствия для изменения соотношения сил Японии и России в Корею. Возросло русское влияние на корейское правительство, усилились также позиции России в Маньчжурии — в 1896 г. было подписано русско-китайское соглашение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в 1897 г. Россия получила в аренду оставленный перед этим японцами Порт-Артур.

В начавшемся после японо-китайской войны разделе Китая на «сферы влияния» приняла участие наряду с западными державами и Япония — она добилась признания провинции Фуцзянь своей «сферой влияния», а также получила концессии. Столкновение интересов Японии и России в Китае и Корее шло на фоне постоянного подталкивания их к конфликту со стороны Англии, США и Германии, которые, стремясь ослабить Россию, обещали японцам поддержку в будущей русско-японской войне.

ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Рабочий класс капиталистической Японии формировался за счет горожан-ремесленников, подмастерьев, рабочих мануфактур, разорвавшихся крестьян. Однако специфика его формирования состояла в том, что японский крестьянин не покидал деревню, лишившись земли, а оставался в ней арендатором. Отправляя на фабрику по кабальному контракту на несколько лет своих детей или сам уходя в город, такой крестьянин не порывал окончательно связей с деревней, поэтому промышленные кадры были крайне неустойчивы, трудные для организации. Для молодой японской промышленности было характерно преобладание раннекапиталистических форм производства. Это определяло структурные особенности рабочего класса Японии: малочисленность и текучесть фабрично-заводского пролетариата, высокий удельный вес рабочих мелких и средних предприятий мануфактурного типа, связанных с сельским хозяйством, широкое использование женского и детского труда, особенно в прядильном и ткацком производстве. Отсутствие фабричного законодательства, полное бесправие, произвол администрации, более чем двенадцатичасовой рабочий день, низкая заработная плата (мужчины получали 10 сэн, девушки и дети — 3—4 сэна в день) характеризовали положение японского рабочего класса.

Успехи грабительской войны были использованы японским правительством для принятия уже в конце 1895 г. так называемой послевоенной программы развития хозяйства, по существу представлявшей собой план активной милитаризации экономики на путях к новой войне. Рассчитанная на 10 лет (1896—1905), программа предусматривала расширение промышленной базы, создание ряда отраслей тяжелой промышленности. В действительности, это в значительной мере была политика «расширения вооружений», рассчитанная на реорганизацию и укрепление вооруженных сил страны. Предполагалось увеличить армию вдвое (с 6 до 13 дивизий), заново создать ее отдельные подразделения (кавалерию и артиллерийские части), построить несколько arsenалов. Должен был возрасти более чем в четыре раза флот, предусматривалось строительство новых военно-морских баз (Майдзуру, Такэсика и др.). Планировалось создать впервые в истории страны мощный металлургический комбинат в Явата.

Проведение в жизнь программы вызвало в стране промышленный подъем, правительство предпринимало меры для развития металлургии, машиностроения, строительства железных дорог, расширения телеграфной и телефонной связи. Было завершено сооружение сталелитейного завода в Токио, заводов горного оборудования в Фукуока и подвижного состава в Осака и Нагоя. Однако около 90% сумм, полученных после войны в качестве контрибуции, было израсходовано

на милитаризацию страны — перевооружение армии и флота, опережающее развитие военной тяжелой промышленности. (При этом, несмотря на активное и целенаправленное развитие тяжелой промышленности, все же ведущую роль в хозяйстве страны в эти годы занимала по-прежнему текстильная промышленность.)

НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Стихийные протесты против эксплуатации, первые выступления рабочего класса относятся к 70-м годам XIX в. В 1872 г. на шахтах Такасима (Нагасаки) произошли стихийные выступления горняков. В 1881 г. был организован первый профсоюз печатников, типографии Сакума. В 1878 и 1884 гг. на рудниках Такасима снова вспыхнули волнения из-за жесточайших условий труда (рабочий день здесь достигал 18—20 часов), администрация откровенно издевалась над шахтерами. Даже среди таких неорганизованных и забытых слоев японского пролетариата, как работники текстильных фабрик, возникло возмущение и протест. В 1896 г. произошла первая забастовка рабочих текстильной фабрики в г. Кофу.

В 90-х годах начинается активный рост организаций рабочего класса. Большое значение в этот период имела деятельность Катаяма Сэн. Он родился в 1859 г. в крестьянской семье, прошел трудный жизненный путь эмигранта, сменил множество профессий, получил высшее образование в США и вернулся на родину профессиональным революционером. В 1897 г. по инициативе Катаяма возникла Лига по организации рабочих профсоюзов. Затем им были созданы союзы машинистов, металлургов и печатников. С 1898 г. под руководством и при участии Катаяма стал выходить журнал «Рабочий мир». В эти же годы он основал Общество по изучению социализма. Большая заслуга Катаяма в том, что он пытался слить в одно русло деятельность разрозненных интеллигентских кружков по изучению социальных проблем с массовым рабочим движением. В своих выступлениях Катаяма Сэн разоблачал широко распространявшуюся капиталистами теорию «сотрудничества труда и капитала», доказывая необходимость для трудящихся создания классовых организаций.

ПЕРЕРАСТАНИЕ ЯПОНСКОГО КАПИТАЛИЗМА В МОНОПОЛИСТИЧЕСКУЮ СТАДИЮ

Начало XX в. ознаменовалось для Японии вступлением в империалистическую стадию развития. Некоторые черты перехода капитализма в монополистическую стадию выявились уже в последнее десятилетие XIX в. Этому содействовал финансовый кризис конца 1897 г., последовавший за послевоенным (1895—1896) экономическим подъемом. Поглощение в ходе финансового кризиса мелких предприятий более крупными способствовало концентрации производства и централизации капитала. Создание крупнокапиталистических объединений монополистического характера было ускорено тем, что многие из них выросли из торговых (Мицуи), торгово-ростовщических, торгово-промышленных (Сумитомо) компаний феодальной Японии. Переход ведущих мировых держав к империализму воздействовал как мощный фактор ускорения на экономическое развитие Японии. Непосредственным итогом этого было возникновение монополий в ходе так на-

ываемого промышленного переворота в годы после японо-китайской войны. Важным было также, что формирование объединений монополистического типа шло при активном участии государственных органов, при постоянном правительственном контроле и опеке государства. В начале XX в. протекционистская политика правительства содействовала структурной перестройке торгово-финансовых семейных компаний — их постепенному перерастанию в концерны.

В 1905—1907 гг. в стране завершается промышленная революция, но по-прежнему большое место в экономике занимает мелкая промышленность. Традиционные качества трудящихся Японии (трудолюбие, дисциплинированность, ответственность, активное стремление к знаниям) учитывались как частным капиталом, так и государственными предприятиями. Это оказало влияние на формирование модели индустриального развития страны, ориентированного на собственные социально-экономические резервы.

В первые десятилетия XX в. сложилось разделение промышленных объектов на две категории: 1) металлургию, текстиль, судостроение и т. д. — крупные предприятия с машинным производством; 2) производящие же все остальное — мелкие предприятия, мануфактуры, даже домашняя промышленность. Со второго десятилетия XX в. начинается преобладание концентрации капитала над концентрацией производства. Финансовая олигархия, отражая крепнущее господство монополий, все более решительно занимает ведущее положение. Обогащение крупнокапиталистических фирм, близких к правительству во время японо-китайской войны, стало основой укрепления их позиций. Начинается вывоз капитала. В январе 1904 г. Япония предоставляет Китаю первый заем в 3 млн иен — на освоение рудного месторождения Дайё для снабжения своего металлургического комбината на острове Кюсю.

В этот период специфику развития Японии В. И. Ленин характеризовал как «военно-феодальный империализм». Почти до первой мировой войны в сельском хозяйстве Японии было занято более 60% населения. Депрессия в промышленности, начавшаяся с кризиса 1900—1903 гг. (исключая кратковременный подъем 1905 г.), и связанный с ней отток рабочей силы усугубили тяжелое положение деревни. Сохранение помещичьего землевладения создавало дополнительные возможности взимания высокой, феодального типа ренты, а в промышленности — сохранения раннекапиталистических форм эксплуатации. Феодальные пережитки, а также неравномерность и длительность капиталистической перестройки сельского хозяйства, особое положение в структуре правящего лагеря военщины, представлявшей прочную основу для императорской системы (тэнносэй), определили военно-феодальный характер японского империализма.

После японо-китайской войны Япония уже выступает как активная империалистическая сила на мировой арене. В 1894 г. она добивается частичного пересмотра неравноправных договоров и прежде всего отмены экстерриториальности. Полное равноправие было достигнуто в 1911 г. В 1899 г. вступает в силу отмена наиболее унижительных для страны ограничений таможенной независимости.

В 1900 г. Япония принимает активное участие в подавлении народного выступления в Китае против гнета иностранных держав, известного как Ихэтуаньское восстание.

Между тем вследствие роста межимпериалистических противоречий обстановка на Дальнем Востоке все более становилась напряженной. Строительство Россией железных дорог в Маньчжурии, аренда

Порт-Артура и Дальнего вызывали враждебное отношение Англии и США и обусловили их поддержку Японии, подталкивая ее к войне с Россией (Англия предоставила третий по счету крупный заем в 10 млн ф. ст.).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Пришедший к власти в 1901 г. милитаристский кабинет Кацура, опираясь на заключенный в 1902 г. союз с Англией (предусматривавший «особые» интересы Англии в Китае, а Японии в Китае и Корее), развернул активную подготовку к войне с Россией. Правительство получило поддержку в парламенте, даже представители либерального крыла буржуазии вошли в шовинистическую парламентскую группировку «Тайро досикай» (Антирусское товарищество). Шовинистическая пропаганда захлестнула страницы буржуазной печати. В этих условиях заранее был предreshен провал японо-русских переговоров о разграничении сфер влияния в Китае. Переговоры были прерваны японской стороной, и 8 февраля 1904 г. японская эскадра адмирала Того напала на русский флот в Порт-Артуре. Лишь 10 февраля 1904 г., через несколько дней после нападения (так же как в войне с Китаем), Япония формально объявила войну России. Военные планы Японии включили широкие сухопутные операции на Ляодунском полуострове и в Мукденской провинции и активные действия на море. Успешная атака японскими кораблями русской эскадры, а также гибель флагманского корабля «Петропавловск», подорвавшегося на mine, позволили японцам блокировать Порт-Артур и обеспечить превосходство на море.

В августе 1904 г. произошло первое крупное сражение под Ляояном, нанесшее серьезный урон японской армии, которая потеряла 20% состава убитыми и ранеными. Однако бездарность русского командования, приказавшего войскам отступить (из-за опасения попасть в окружение), превратила операцию под Ляояном в поражение русской армии. Не удавалось японцам добиться, как они рассчитывали, быстрой капитуляции Порт-Артура. Однако предательская позиция отдельных представителей русского командования стала причиной сдачи крепости 2 января 1905 г. В. И. Ленин оценивал этот факт как символ поражения царизма: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»¹.

В марте 1905 г. в кровопролитном сражении под Мукденом царские генералы снова, как и у Ляояна, отдали приказ об отступлении. Армия потерпела крупное поражение. 28 мая 1905 г. в Цусимском проливе была разгромлена русская эскадра, пришедшая на Дальний Восток из Балтийского моря. Этим боем закончились военные действия в русско-японской войне.

Несмотря на слабость России, военные поражения, следовавшие одно за другим, завершение войны не было легкой победой для Японии. В письме маршала Ямагата от 10 марта 1905 г. премьер-министру Кацура раскрывалось тяжелое положение японской армии: огромные потери командного кадрового состава и невозможность восстановить положение в ближайшее время. В меморандуме главнокомандую-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 158.

этого Ояма, адресованном правительству также в марте 1905 г., выдвигалось предложение о проведении дополнительной срочной мобилизации не менее 250 тыс. человек, необходимые военные расходы оценивались в 1,5 млрд иен. 31 мая 1905 г. министр иностранных дел Комура дал поручение японскому посланнику в Вашингтоне обратиться к президенту Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве в мирных переговорах между Россией и Японией.

В августе 1905 г. начались мирные переговоры в Портсмуте, в которых американская сторона постаралась скрыть от русской делегации истинное критическое положение Японии. Не было знакомо с реальным положением в экономике и финансовом состоянии страны и население Японии. Газеты выступали с требованиями аннексии Приморья и Сахалина, трехмиллиардной контрибуции и передачи Японии русских привилегий в Маньчжурии и т. п. Директивы японского правительства предписывали добиваться скорейшего заключения договора, даже в случае отказа России уступить Сахалин. Однако рекомендации американского президента сделали свое дело. Россия согласилась пойти на уступку Сахалина. Подписанный 5 сентября 1905 г. Портсмутский мирный договор практически устанавливал протекторат Японии над Кореей. Квантунская арендованная область с Порт-Артуром и южной веткой ЮМЖД переходила к Японии. Япония также получила южную часть острова Сахалин (к югу от 50-й параллели) и право рыбной ловли в территориальных водах России.

В. И. Ленин, рассматривал события русско-японской войны, подчеркивал их империалистический характер. «Империализм, — писал он, — как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»¹.

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЯПОНИИ

В конце XIX в. в Японии возникают рабочие и профсоюзные организации. Развитие рабочего движения вызывает репрессивные действия правительства. Кабинет, возглавлявшийся одним из видных представителей военщины, Ямагата, принял в начале 1900 г. так называемый закон об охране порядка. Полицейский закон запрещал забастовки, действия профессиональных союзов и других организаций рабочего класса.

Японские социалисты в сложных условиях постоянного полицейского контроля поставили задачу объединения отдельных социалистических кружков и создания единой первой в стране социалистической партии. В мае 1901 г. под руководством Катаяма и известного деятеля социалистического движения Котоку была создана Социалистическая партия (Сякай минсюто). Ее программа, признающая легальные методы борьбы, была скорее реформистской, чем социалистической, и свидетельствовала о незрелости и теоретической слабости японского социалистического движения. Однако партия сразу же была запрещена властями.

Несмотря на роспуск партии, социалисты продолжали социалистическую пропаганду среди рабочих, в том числе в развертывании ан-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164.

тивоенной пропаганды в годы, предшествующие русско-японской войне и во время ее. Свою антивоенную деятельность они начали в 1903 г. агитационной поездкой по стране, в ходе которой разъясняли захватнические цели и тяжелые последствия готовившейся войны. 18 октября 1903 г. в Токио был проведен первый антивоенный митинг, на котором выступил Катаяма. В своей речи он осудил шовинизм и противопоставил ему международную солидарность рабочих. Антивоенную пропаганду социалисты вели через еженедельную газету «Хэймин симбун» (Народная газета), выходившую с 1903 по январь 1905 г. В обстановке шовинистического угара «Хэймин симбун» смело разоблачала милитаризм, лжепатриотизм, грабительские цели империалистической войны. В специальном разделе помещались статьи о бедственном положении трудящихся в связи с войной, антивоенные выступления Котоку, его обращения к сторонникам мира. Котоку выступил на страницах газеты как переводчик произведений классиков марксизма. В 1904 г. «Хэймин симбун» опубликовала его перевод «Коммунистического манифеста». За этой публикацией последовала конфискация газеты, редакторы подверглись репрессиям, а затем эмигрировали из Японии. Последний номер «Хэймин симбун» по примеру «Рейнской газеты» Маркса был напечатан красной краской.

В 1904 г. Катаяма на Амстердамском конгрессе II Интернационала выступал от имени японских социалистов. Он обменялся рукопожатием с Плехановым, представлявшим русскую социал-демократию. Это демонстративное, символическое рукопожатие должно было показать всему миру дружественное отношение японских социалистов к представителям русского народа, в то время как господствующие классы втянули страны в грабительскую войну.

Расширение деятельности японских социалистов привело к новой попытке создать политическую организацию. В 1906 г. была создана Японская социалистическая партия (Нихон сякайто), целью которой было организовать и сплотить трудящихся, что и осуществлялось на практике: в массовых митингах, собраниях, демонстрациях с красными флагами и т. д.

В мае 1906 г. из эмиграции вернулся Котоку. В США он вступил в реформистскую организацию **Индустриальные рабочие мира**, где воспринял ряд анархо-синдикалистских положений, которые стал активно пропагандировать.

Идейные разногласия в Нихон сякайто привели к борьбе между Котоку — сторонником «прямых действий» в противовес парламентским формам борьбы и откровенными реформистами. Идейные разногласия привели к организационному распаду партии.

В 1910 г. полицейскими властями было спровоцировано так называемое «дело Котоку», или «дело об оскорблении трона». Деятельность Котоку и его сподвижников была объявлена террористической, социалисты были представлены в прессе как организация, ставящая целью ниспровержение существующего политического строя и покушение на жизнь императора. В закрытом судебном заседании Котоку и его 11 товарищей были приговорены к смертной казни. Правда о процессе, о мужественном поведении социалистов стала известна в Японии лишь после капитуляции, когда стали достоянием общественности материалы процесса, тайно скопированные поэтом Хираидэ Осаму, выступавшим адвокатом осужденных. На суде член группы социалистов журналистка Сугано Сугако заявила: «...императора надо свергнуть». С экономической точки зрения он — главарь грабителей, с политической точки зрения — корень преступлений, а с идеологической —

главный источник предрассудков». Расправа с социалистами имела серьезные последствия, идейный разброд усилился, часть социалистов покинула кружки, часть перешла на позиции терроризма. В это трудное время только небольшая группа революционеров во главе с Катаяма Сэн продолжала работать. В декабре 1911 г. они организовали крупную стачку рабочих городского транспорта. Катаяма был арестован, а по выходе из тюрьмы был вынужден эмигрировать.

В это время легально действует одна лишь организация «Юайкай» (Братство), созданная капиталистом Сибудзава в целях отвлечения от политической борьбы и ориентированная на сотрудничество труда с капиталом. Однако перед первой мировой войной, когда «Юайкай» объединяла несколько тысяч человек, она нередко против воли ее реформистских руководителей выступала выразителем и защитником интересов трудящихся.

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ РУССКО-ЯПОНСКОЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНАМИ

Завершение русско-японской войны открыло новый период в истории Японии. Важнейшим последствием ее было дальнейшее укрепление военно-феодального империализма, развитие его новых, современных форм, выразившееся в изменении баланса сил в правящем лагере, в значительном укреплении монополистического капитала в структуре государственной власти, в экономической и политической жизни страны. Превращение Японии в крупную колониальную державу изменило ее международный статус — впервые она была причислена к так называемым великим державам, что выразилось в возведении западными державами и США своих представителей в Японии в ранг послов.

После заключения Портсмутского мира правящие круги Японии сразу же приступили к использованию всех положений договора для укрепления своих позиций в Китае и Корее. Договор передавал в аренду Японии Порт-Артур и Дальний (по-японски Дайрен), железную дорогу Куанчэнцзы — Порт-Артур со всеми принадлежащими ей предприятиями и имуществом. В декабре 1905 г. между Китаем и Японией был подписан Пекинский договор, еще более расширивший права Японии в Южной Маньчжурии: был открыт ряд новых портов, передана концессия на сооружение железнодорожной линии Мукден — Аньдун, Китай дал согласие на создание японо-китайского акционерного сообщества по лесным разработкам на р. Ялу.

В 1906 г. была создана полуправительственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), Восточно-колониальное общество (1908), ставшие основным рычагом закабаления этого района японскими монополиями. Половина капитала компании принадлежала известным монополиям (Ясуда и др.), которые имели здесь крупную собственность: железорудные и каменноугольные копи, земельные и лесные участки, промышленные и портовые предприятия (Дайренский порт), гостиницы и др. Довольно скоро японский капитал стал контролировать рынки Южной Маньчжурии, ввозя свои товары и поглощая большую часть экспорта.

Результаты войны были также использованы Японией для завершения окончательного захвата Кореи: Россия по Портсмутскому договору была вынуждена предоставить Японии свободу действий в Ко-

рее. США и Англия занимали благожелательную позицию. 17 ноября 1905 г. Корею был навязан силой оружия договор, установивший японский протекторат над Кореей (дворец, где корейское правительство обсуждало условия договора, был окружен японскими войсками).

В декабре 1905 г. японское правительство учредило в Корее должность генерального резидента и назначило в Сеул Ито Хиробуми. Резидент руководил внешними и внутренними делами страны, а также «в целях охраны порядка и спокойствия в Корее» был облечен правом отдавать распоряжения корейскому правительству, местным властям и командующему японскими войсками в Корее. Бесцеремонное хозяйничанье японцев вызвало гнев народа, начались восстания. Втайне от японцев корейский король обратился к проходившей в Гааге международной конференции с просьбой помочь в восстановлении независимости и суверенитета Кореи. Но корейскую делегацию даже не допустили на конференцию. После этого японцы заставили короля отречься от престола в пользу наследного принца, власть резидента еще более расширилась и укрепилась. В 1909 г., используя в качестве предлога убийство японского резидента корейским патриотом, Япония развернула террор по всей стране, а в 1910 г. объявила о ликвидации самостоятельной независимой Кореи. 22 августа 1910 г. корейский король подписал акт отречения от своих суверенных прав в пользу японского императора. При благожелательной, как и прежде, позиции Англии и США аннексия Кореи была завершена.

Война, а также начавшаяся после нее милитаризация экономики оказали значительное влияние на развитие промышленного потенциала Японии. Например, только тоннаж спущенных на воду за два года (1905—1907) судов вырос вдвое. Наибольший уровень обогащения наблюдался у крупных монополистических объединений, имевших тесные связи с правительством, особенно тех, кто получил теперь выгодные позиции на китайском и корейском рынках. Растут экспортные отрасли промышленности, за период с 1905 по 1913 г. общие капиталовложения в национальную экономику достигли 4 млрд иен, при этом более половины составляли вложения в промышленность и транспорт.

Особенно был велик относительный рост металлургии, за период от русско-японской до первой мировой войны объем металлургической продукции возрос почти в десять раз (с 24 до 228 тыс. т).

Однако, несмотря на рост тяжелой индустрии, общий уровень развития японской промышленности был невысок, основной отраслью продолжала оставаться легкая, прежде всего текстильная, промышленность. Япония по-прежнему была аграрно-индустриальной страной, в общей национальной продукции которой промышленная продукция составляла 40%.

В 1907—1908 гг. японская экономика переживала кризисный период, являвшийся частью мирового экономического кризиса. Вслед за годами кризиса и кратковременной депрессией наступил период промышленного оживления, длившийся почти до первой мировой войны. Происходит дальнейшая концентрация производства и централизация капитала. В 1909 г. на фабрично-заводских предприятиях, имевших более 500 рабочих, было занято около 20% их общего числа, в 1914 г. — более 25%. В 1907 г. крупные монополистические объединения сосредоточивают в своих руках более 80% предприятий меднорудной промышленности. Еще более быстрыми темпами идет процесс централизации капитала. В 1913 г. из оплаченного капитала всех акционерных компаний 98% приходилось на долю крупных, с капиталом свыше

5 млн иен. Такие монополистические объединения составляли всего 0,4% от общего числа компаний, действующих в стране.

После кризиса 1905—1907 гг. торгово-финансовые, торгово-промышленные семейные компании, банковские дома Мицуи, Мицубиси, Суйто, Ясуда, Сибудзава, Окура, Асано и другие эволюционируют к форме концернов. Концерны Мицуи, Мицубиси, Ясуда и другие создавали головные и дочерние компании в разных отраслях промышленности, во внутренней и внешней торговле, контролируя с этого времени важнейшие направления в развитии национальной экономики.

Укрепление роли буржуазии в правящем лагере страны нашло отражение в создании и деятельности буржуазных политических группировок. Еще в 1900 г. была создана политическая партия Сэйюкай (Общество политических друзей). Возглавляемая крупным представителем японской бюрократии Ито Хиробуми, она была создана как опора феодально-буржуазного правительства в парламенте. Большая часть партии Дзюито вошла в новую партию, которая стала выразителем интересов части помещиков и буржуазии, имевших тесные связи с правительственной бюрократией. В 1913 г. была создана партия Тосикай (Общество единомышленников), возглавляемая активным милитаристом Кацура. Эта партия отражала стремление монополистической буржуазии добиться более тесных связей с военщиной.

Однако существовала область, в которой любые группировки правящего лагеря находили общий язык — агрессивные внешнеполитические программы. В 1905 г. Япония заключает новый союзный договор с Англией, который объединял две державы в стремлении охранять интересы и территориальные права договаривающихся сторон «в районах Восточной Азии и Индии». В июле 1907 г. Япония подписала договор с царской Россией, секретные статьи которого предусматривали разделение сфер влияния в Маньчжурии.

Активное проникновение японского империализма в Маньчжурию привело к обострению японо-американских отношений. Действия Японии против России в Маньчжурии как конкурента вызывали благожелательное отношение у американских капиталистов. Но активность японских монополий, препятствующая американской экспансии в Китае, и, кроме того, обнаружившиеся тенденции к сближению России и Японии привели к изменениям в американской дальневосточной политике. В 1909 г. американское правительство выступило с проектом интернационализации маньчжурских железных дорог, направленным на подрыв влияния России и Японии в Маньчжурии. Вместе с ухудшением отношений с США у японского правительства возникли осложнения со своим давним союзником Англией. Торговое соперничество японского монополистического капитала с англичанами в Китае, обострение японо-американских отношений, которое могло потребовать от Англии как союзника Японии участия в конфликте с США, чрезвычайно беспокоили правящие круги этой страны.

В 1911 г. при продлении союзного англо-японского договора в его текст были внесены поправки — Англия гарантировала себе возможность не оказывать военную помощь Японии в случае ее конфликта с США.

В 1910 и 1912 гг. были подписаны японо-русские соглашения, определявшие разграничение «сфер влияния» каждой из сторон в Маньчжурии и Внутренней Монголии. В этих документах, несмотря на империалистические противоречия, очевидно стремление оградить «общие» интересы договаривающихся стран от других держав, прежде всего от США и Англии. Это намерение подтверждает и секретный

союзный договор Японии и царской России, подписанный в 1916 г., также имеющий цель объединить усилия в защите совместных интересов в этом районе против США и Англии.

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление в войну 1914 г. японское правительство связывало с выполнением своего союзнического долга. В действительности, японский империализм использовал конфликт между двумя империалистическими группировками, нацеливаясь на осуществление территориальных захватов в Китае. К моменту, когда обострение англо-германских отношений достигло наивысшего предела, союзнические отношения Англии и Японии были в значительной мере подорваны. Главной причиной обострения отношений была политика держав в Китае. Япония пыталась подорвать еще прочные позиции англичан, активно проникая в «колыбель» английского капитала — в бассейн р. Янцзы, успешно конкурируя в торговле и в других районах. Об этом убедительно свидетельствовала статистика английской коммерческой палаты в Шанхае. Вместе с тем разорвать союзнические отношения с Англией и выступить на стороне Германии, с которой правительственные, особенно военные, круги имели тесные связи, Япония не решалась. В начале августа 1914 г. японское правительство уведомило державы о готовности выполнить свой союзнический долг, если Англия вступит в войну. Западные державы понимали, что Япония может использовать их занятость военными действиями на Западе, получив «свободу рук» в Китае. Очевидность агрессивных действий со стороны Японии предвидело и китайское правительство, обратившееся к США с просьбой ограничить войну Европой и не вести военных действий на Дальнем Востоке. 23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии (а еще накануне вся японская пресса была наполнена разнузданной антибританской пропагандой и доброжелательной информацией о Германии). Военные действия японцев ограничились взятием небольшой арендованной Германией территории Циндао в Шаньдуне. Япония потеряла в войне 2 тыс. убитыми и ранеными. В январе 1915 г. японское правительство, пользуясь удачно сложившейся для него международной обстановкой, предъявило Китаю «21 требование» — программу политического, экономического и военного подчинения Китая. «21 требование» состояло из пяти групп. Первая группа требований относилась к Шаньдунской провинции. Она предусматривала признание Китаем всех соглашений, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно Шаньдуна, неотчуждение частей территории провинции. Предусматривалась также передача Японии права на постройку железных дорог, открытие для Японии главных городов и портов. Вторая группа касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала продления срока аренды Порт-Артура и Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог до 99 лет, предоставления японцам права приобретения и аренды земель, права проживать, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на данной территории, приглашения японцев в качестве советников по политическим, финансовым или военным вопросам, а также предоставления Японии на 99 лет Гирин-Чаньчуньской железной дороги. Третья группа предлагала превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьпинский промышленный комбинат, объединявший рудники и железоделательные заводы.

Четвертая группа запрещала Китаю отчуждать и сдавать в аренду гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья. Пятая группа предусматривала приглашение японцев в качестве советников для центрального правительства по политическим, финансовым и военным вопросам, признание земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создание японо-китайской полиции, постройку японо-китайских военных заводов и использование помощи Японии инженерами и материалами, предоставление Японии прав на постройку железных дорог, консультации с Японией в случае строительства железных дорог, рудников и портов Фуцзяньской провинции, предоставление японцам права религиозной пропаганды в Китае.

«21 требование» наносило значительный ущерб позициям империалистических соперников Японии в Китае. Однако ни Англия, интересы которой в бассейне р. Янцзы непосредственно затрагивала третья группа требований, ни США не пошли дальше формальных протестов, полагая, что финансовая слабость Японии не позволит ей осуществить грандиозную программу экономического и политического подчинения Китая. Китай не мог оказать вооруженного сопротивления Японии. «21 требование» (за исключением пятой группы требований, вызвавшей возмущение даже западных держав), было принято китайским правительством и стало основой широкой программы колониального ограбления этой страны японским империализмом.

КУЛЬТУРА

После незавершенной революции 1868 г. формирование буржуазной культуры было осложнено разнообразными и неоднозначными процессами. Развивающаяся в недрах феодальной формации самобытная культура городских сословий наряду с влиянием угасающей культуры феодального класса теперь подверглась бурному воздействию развитой буржуазной культуры Европы и Америки.

Вскоре после событий 1868 г. новое правительство стало проводить в жизнь политику широкого заимствования европейской и американской культуры, науки и техники. Это стало стимулом оживления экономики, развития промышленности, транспорта и связи. В 1872 г. была построена первая в стране железная дорога, соединившая Токио и Йокогама. В то же время, содействуя распространению культуры и просвещения, начали выходить периодические издания (в годы, предшествующие революции, в Нагасаки была открыта типография, использующая опыт европейской техники наборного шрифта). Широкую известность получили газеты: официозная «Токио нити-нити», либеральная «Ёмиури», на рубеже XIX и XX столетий широкую известность получила рабочая и социалистическая печать. В 1903 г. в Токио социалистами Котоку Сюсуй и Сакаи Тосихико стала издаваться газета «Хэймин симбун», в которой регулярно печатались сведения о развитии рабочего движения на Западе, в годы русско-японской войны велась широкая антивоенная кампания.

Одной из главных задач буржуазных преобразований являлась перестройка школьного образования. В 1872 г. правительственным законом была введена новая (по образцу французской) система просвещения. Страна была разделена на восемь университетских округов с учрежденными в них университетами. Округи делились на 32 района со средней школой в каждом. Общий срок получения среднего образования был семь лет. Школы подразделялись на среднюю (5 лет обучения) и среднюю повышенную (2 года обучения). Последняя обыч-

но имела специализацию (педагогика, сельское хозяйство, коммерция и пр.).

Систему высшего образования представляли государственные и частные университеты. В 1877 г. был учрежден Токийский университет (Гос дайгаку). Были открыты университеты в Киото, Сэндае, Фукусима и Саппоро. Среди частных учебных заведений, сыгравших серьезную роль в распространении просвещения в Японии, была школа, основанная известным общественным деятелем Фукуздава Юкити (1834—1906), превращенная впоследствии в крупнейшее частное учебное заведение Японии — университет Кэйо.

30 октября 1890 г. был опубликован императорский рескрипт об образовании. Основу рескрипта практически составляла конфуцианская этическая программа, провозглашающая долг подданных императору — лояльность и сыновнюю почитательность, стремление к добродетели и гармонии отношений на всех социальных уровнях. Идеологическую основу системы образования и воспитания молодого японца представляла доктрина «кокутай», концентрировавшая «уникальную национальную сущность» Японии.

Образцы жилого строительства в японском городе начала XX в.

Восприятие Японией культуры передовых капиталистических стран, несомненно, содействовало общему культурному развитию страны. Наряду с техническими науками активизировалось развитие и гуманитарных наук. Историческая наука испытывала, с одной стороны, влияние передовой западной науки, с другой — покровительство нового правительства, заинтересованного в «историческом обосновании законности» как императорской власти, так и претензий Японии на Корею и другие приграничные к ней территории. Доказательствами этого должны были служить ссылки на разнообразные древние источники. В 1869 г. правительством был создан специальный отдел, собирающий хроники, летописи, исторические документы, в 1898 г. началась публикация исторических материалов. Значительными успехами отмечено в это время развитие археологии (регулярные раскопки и сбор материала, в отличие от первоначального этапа в конце XVIII в.). Значительный общественный интерес к древности страны, к ее доисторической культуре позволил открыть в 1884 г. Антропологическое общество, в 1895 г. — Археологическое общество. Однако общее развитие истории и, как части ее, археологической науки тормозилось необходимостью официального признания уникальности особого, божественного происхождения императора, исключительной миссии японского народа, мифологического периода, представленного в первых письменных памятниках «Кодзики» и «Нихонги» (VIII в.) как начального периода действительной истории нации. Научная критика подобной трактовки истории не допускалась, ученые, пытающиеся реконструировать подлинную историю своего народа, подвергались репрессиям.

Добиваясь отмены неравноправных договоров, японское правительство пыталось создать впечатление у иностранцев активного принятия всего западного, вводило в стране европейские обычаи и порядки. В 1872 г. вместо лунного календаря был введен общеевропейский. В этом же году было введено европейское платье как парадное, а несколько лет спустя оно стало повседневной одеждой для чиновников. Вошли в моду женское европейское платье и европейская прическа.

Однако правительственная политика «вестернизации» (от слова «вестерн» — запад, а фактически европеизации), предполагавшая в основном половинчатые реформы — заимствование научных, прежде всего технических, достижений для модернизации армии и флота, вызывала недовольство прогрессивно настроенного дворянства и буржуазии. Вопрос о **благодетельности или губительности** влияния Запада был предметом многолетней дискуссии в прессе. Активные приверженцы Запада, в том числе министр просвещения Мори Аринори, готовы были отказаться от всего национального, включая и язык, в то же время разделяющие противоположные взгляды отвергали все идущее из-за границы. Группировка, поддерживающая правительственные реформы, выдвигала необходимость компромисса — «японский дух, европейское знание» (вакон ёсай). В западные страны, прежде всего в Германию, Англию, Францию и Италию, для прохождения обучения были направлены молодые японцы. Они изучали здесь естественные и гуманитарные науки, искусство, политику, экономику, активно приобщались к богатой европейской культуре. Жадно впитывая знания, почти все они работали в нескольких областях науки, пробовали себя в разных видах искусства. Например, Мори Огай (1862—1922), четыре года живший в Германии и ставший впоследствии известным японским писателем, изучал философию, литературу и искусство, медицину, микробиологию, санитарную и гигиену, архитектуру и строительство.

На формирование и развитие буржуазной культуры послемэйдзийского периода оказало значительное влияние противоборство в сложной политической ситуации двух тенденций — европеизации и стремления сохранить национальную самобытность. Оппозиция искусственному правительственному насаждению всего западного, отказу от национальных традиций имела и положительную сторону — возрастание интереса к национальному наследию. Но при этом чрезмерная угнетенность этого интереса неизбежно вела к национализму, шовинизму.

Однако ни одна из этих тенденций даже в ранний послемэйдзийский период не стала решающей в общественной жизни страны. Решающим стал необратимый, объективно-исторический процесс взаимопроникновения и взаимовлияния культур, в котором наряду с технико-экономическими и идейными заимствованиями происходила переоценка традиционных духовных ценностей. Спецификой этого сложного активного идущего до наших дней синтеза культур стало длительное социальное апробирование всякого мноземного влияния, приводившее иногда к полной переработке заимствованного в соответствии с социальным и психологическим складом японца.

Идеалы прогрессивной японской интеллигенции в послереволюционные годы отразились в возникновении романтического направления в японской литературе 90-х годов. Наиболее известным и ярким его представителем был Исикава Такубоку (1886—1912). В поэзии обожление было связано с именем Китамура Тококу (1868—1894), блестящим публицистом, издававшим первый антивоенный журнал «Мир» (1892).

Последние десятилетия XIX в. и первая половина XX в. — период деятельности крупнейших писателей Японии — Симадзаки Тосон (1872—1943), Куникада Doppo (1881—1908), Таяма Катай (1871—1930). Большое значение в развитии литературы сыграли Фтабатэй Хасэгава (1864—1909) (первый переводчик Тургенева и пропагандист идей Белинского, основоположник реалистического романа), Токутоми Рока (1868—1927) (переводчик Л. Толстого, исследователь социальных проблем), писатель-гуманист Нацумэ Сосэки (1867—1916).

Майко — ученицы школы гейш в Киото

Введение буржуазно-демократических свобод, реформа просвещения, содействовавшая повышению общего образовательного и культурного уровня населения, оказали серьезное влияние на формирование интеллектуального и морального облика японца послеэмэйдзийского периода. Социализация личности в стране с бурно развивающимися капиталистическими отношениями должна была теперь проходить в условиях иных, чем прежде — извечно существовавшей в Японии социальной ориентации на группу, строгой вписанности личности в сложную систему формальных и неформальных сообществ. Развитие капиталистических форм отношений, новых форм хозяйствования требовало развертывания индивидуальной, частной инициативы, личностных качеств. Таким образом, впервые возникла общественная ориентация на самоценность личности, противопоставившая ее авторитету группы. Однако капиталистические предприниматели были заинтересованы в сохранении многовековых традиций социально-экономических структур, характерных для феодальной Японии. Разнообразные сообщества, в том числе большая феодальная семья — иэ, объединение горожан по месту жительства — тэнанкай, с их системами иерархического подчинения и почитания старших были благотворной почвой для воспитания преданных, деловых, дисциплинированных работников. Эти сообщества фактически продолжали выполнять задачу воспитания молодого поколения, на них удобно было возложить разрешение сложных проблем трудовых отношений и социального обеспечения — жизненное устройство уволенных рабочих, содержание больных.

К середине 90-х годов обсуждение проблем политики европеизации начинает терять политическую остроту в общественной жизни страны. Это было связано со снижением общих либеральных настроений, с переходом оппозиции к полной поддержке экспансионистского курса и реакционной внутренней политике правительства. В то время неокрепшие организации рабочего класса не могли возглавить борьбу за демократическое, прогрессивное общественное развитие. Все это нашло отражение в сравнительно слабом развитии демократического течения в японской культуре указанного периода.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В конце XIX в. феодальная система в Монголии была достаточно прочной и для своего саморазвития обладала значительным потенциалом. Но в условиях вторжения иностранного капитала в страны Дальнего Востока и втягивания их в орбиту мирового капиталистического рынка развитие Монголии, как и других стран Востока, стало определяться не только внутренними закономерностями, но и влиянием внешнего фактора, выступавшего ускорителем многих политических, социальных, экономических процессов, приводя в жизнь феодального общества многие не свойственные ему черты.

Монгольское общество в указанный период традиционно характеризовалось наличием двух основных классов: феодалов и феодально-зависимого аратства.

Господствующий класс подразделялся на светских и церковных феодалов. Светские феодалы были владельцами, т. е. владеющими определенным уделом в виде пастбищных угодий и феодально-зависимых аратов, и невладельцами, или безудельными, жившими за счет эксплуатации только своих дворовых людей (хамджилга), число которых регламентировалось цинскими властями. Безудельные кочевали на землях владельцев феодалов. Монгольские феодалы различались не только по своему положению на иерархической лестнице, но и по имущественному положению: одни представители феодального класса владели тысячными стадами, другие по уровню жизни мало чем отличались от простых аратов.

Весьма влиятельной силой в Монголии были церковные феодалы, поскольку ламаистская церковь являлась крупнейшим собственником пастбищных угодий и скота. В церковных хозяйствах трудились многие тысячи крепостных — шабинаров, а глава церкви — богдо-геген в начале XX в. сделался самой авторитетной фигурой в политической жизни страны, центром притяжения антицинских сил монгольского общества и, в конце концов, главой независимого монгольского государства, провозглашенного в 1911 г. после свержения маньчжурского господства. Богдо-гегены (всего за историю ламаистской церкви их было восемь) в XIX — начале XX в. были самыми богатыми людьми в Монголии. В хозяйстве последнего богдо-гегена в предреволюционные годы трудилось около 90 тыс. шабинаров, а личный бюджет составлял в год до 900 тыс. ланов (денежная единица, равная 37,3 г серебра). Следующими по положению и богатству после богдо-гегена шли духовные особы в сане хутухт и губиланов, за ними — весьма разветвленная иерархия монастырских, храмовых и других церковных служителей разной степени значения и состояния. Все они составляли многочисленное привилегированное ламское сословие, которое при маньчжурском господстве пользовалось определенными льготами, позволившими постепенно упрочить свое экономическое положение настолько, что после изгнания цинов ламство превратилось в серьезную политическую силу и первое сословие в стране. Однако внутри сословия существовала резкая имущественная дифференциация: жизнь большей части ламства мало чем отличалась от жизни аратов.

Аратство, т. е. класс непосредственных производителей, в свою очередь делился на три группы: 1) сомонные араты (сомон — административная и военная единица, часть хошуна), основное тягловое сословие, на которое приходились как государственные повинности, так и повинности в пользу владетельного феодала; 2) хамджилга — дворовые люди феодала, обслуживавшие его семью и освобожденные от наиболее тяжелых государственных повинностей: воинской и почтовой; 3) шабинары — крепостные монастырей и высших церковных иерархов. Целиком зависевшие от произвола феодальных владетелей, араты своим трудом содержали самих феодалов и феодальное государство. Все они были закреплены за определенной территорией: хамджилга должны были находиться при юрте своего господина, сомонные араты обязаны были кочевать в пределах своего хошуна, покинуть его они могли только по разрешению правителя хошуна или его канцелярии.

Араты несли многочисленные повинности. К числу государственных относились следующие: содержание почтовых станций, т. е. обеспечение их лошадьми, подводами, продуктами питания, кормом для лошадей и пр.; обязательная служба в качестве мелких административных и полицейских чиновников, обеспечение столовым и квартирным довольствием служащих как местных, так и центральных канцелярий; экстренные военные расходы; содержание отрядов местного ополчения (милиции); строительство и ремонт монастырей, управление общественных богослужений; пожертвования бого-гегену и др. Эти повинности лежали на сомонных аратах. Кроме этого с сомонных аратов владетельный феодал мог взимать часть продуктовой ренты в том случае, если в его семье справлялись свадьба, поминки или рождение ребенка. Количество этих податей должно было быть соразмерно благосостоянию арата — так гласил закон. Но на деле в налогообложении царил полный произвол, и феодал по собственной воле определял сумму податей. Разорению и обнищанию аратства способствовало внедрение китайского торгово-ростовщического капитала, в конце XIX — начале XX в. опустошавшего долгами все хозяйство Монголии. Монгольские феодалы обладали правом собирать со своих поданных средства, необходимые для уплаты собственных долгов.

Однако аратские хозяйства были неоднородны по своему благосостоянию. Процесс имущественного расслоения, отражавший развитие производительных сил феодального общества и поразивший хозяйство феодалов, захватил и аратство. В конце XIX — начале XX в. аратские хозяйства можно подразделить на зажиточные, средние и бедные. В аратской среде появились хозяйства, тесно связанные с рынком. Они разводили скот и производили скотоводческое сырье в размерах, преследующих не потребительские, а торговые цели, прибегали к наемному пастушескому труду. Противоположный полюс составляли полностью разорившиеся араты. Они становились бременем для своего хошуна, поэтому никто не чинил им препятствий для ухода в города, где они вели жизнь бродяг и нищих, прирабатывая в качестве поденщиков, носильщиков и других наемных работников.

Города в Монголии возникали главным образом вокруг крупных монастырей, в пунктах русско-китайской приграничной торговли, в местах ставок владетельных феодалов, в пунктах размещения цинского военно-чиновничьего аппарата и др. По данным исследователей, в начале XX в. в Монголии можно насчитать около 20 поселений городского типа. Самыми крупными были Урга, Кобдо, Улясутай. Сейчас не представляется возможным более или менее точно определить чис-

жизнь монгольского городского населения. Имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении ученых данные весьма разноречивы. Несомненно только одно, что в начале XX в. монгольский город как социально-экономическая единица и соответственно монгольское городское население находились в процессе своего формирования. Однако в это время монгольское городское население было весьма дифференцировано. В частности, в него входили более или менее зажиточные слои — торговцы, извозопромышленники, ремесленники и разного рода мелкие предприниматели. Они еще не сложились в класс или сословие, составляя ту общественную прослойку, которая в феодальном обществе становится питательной средой для формирования в будущем класса буржуазии. По социальному происхождению представители этих слоев были выходцами из среды мелкого и среднего чиновничества, из числа разбогатевших аратов, прежде всего хамджилга и шабинаров, хозяйства которых были освобождены от большинства государственных повинностей и находились поэтому в лучшем положении, чем хозяйства сомонных аратов. Как известно, развитие торгового капитала и товарного производства само по себе недостаточно для того, чтобы вызвать переход одного способа производства в другой, но и без их участия не могут создаваться условия, необходимые для зарождения капиталистической формации: они разрушают постепенно замкнутость натурального хозяйства, порождают мелкотоварный уклад, создают рынок сбыта, необходимые денежные накопления. Активное воздействие мирового капиталистического рынка на Монголию ускорило процессы социально-экономического развития, и в этих условиях монгольский торговый капитал, выступавший пока только в зародышевом виде, и представлявшая его торгово-предпринимательская прослойка, даже численно весьма незначительная, получали определенные перспективы и быстро набирали силу.

Самым большим городом Монголии была ее столица Урга. В конце XIX — начале XX в. она превратилась в центр не только русско-китайской, но и собственно монгольской торговли. Монголы-торговцы имели свой особый рынок. Он располагался отдельно от китайских торговых рядов и лавок русских торговцев и разделялся на ряд специализированных базаров: по продаже скота, мяса, сена, дров, скобяных товаров, юрт. По интенсивности и объему торговли выделялся мясной базар. Перекупщики-мясники пригоняли туда скот, разделяли туши и сразу же продавали. Оптовые закупки они совершали на временных привозных рынках вокруг Урги или прямо в степи, доставляя их в город, где часть сырья перепродавали более мелким предпринимателям: кожевникам, торговцам субпродуктами и др. Точно так же, как мясная, осуществлялась торговля молочными продуктами. Скупщики-оптовики иногда компаниями в два-три человека закупали в степи кумыс, простоквашу, молоко, сушеный творог и перепродавали их на городских рынках.

Очень доходной была торговля сеном, которое охотно покупали скототорговцы, чтобы подкармливать пригнанный на продажу скот; с ростом городов стала процветать торговля дровами и строительными материалами.

Бойкая торговля шла и на подступах к городу. Сюда приезжали продавать скот и продукты животноводства араты из дальних мест, так как нуждались в определенном количестве денежных средств для уплаты податей, поскольку в конце XIX — начале XX в. натуральная форма ренты почти повсеместно сменилась денежной.

Низы монгольских городских слоев, как уже было сказано, составляли разорившиеся араты. Городская беднота селилась по окраинам города, целые дни проводя в поисках поденной работы, нанимаясь к русским, монгольским и китайским торговцам.

Такой, вкратце, представляется разветвленная структура монгольского общества в начале XX в., на развитии которого сказывались как собственные внутренние закономерности, так и влияние капиталистического рынка, ускоряющее эти процессы.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА И СВЕРЖЕНИЕ ЦИНСКОГО ГОСПОДСТВА

Конец XIX — начало XX в. были тем временем, когда национальные движения охватили многие страны Востока. Отмечая данный факт, В. И. Ленин подчеркивал, что Пробуждению Азии способствовали мировой капитализм и русская революция 1905 г. Вслед за революцией в России последовали революции в крупнейших азиатских монархиях — Персии, Турции, Китае. В Монголии в это время также происходило усиление национально-освободительного и антифеодального движения. Более чем двухсотлетнее господство империи Цин (1691—1911) привело Монголию в бедственное положение. Многочисленные материалы, содержащиеся в официальных документах, в дневниках и отчетах путешественников, в трудах исследователей, убедительно показывают, как колонизаторская политика цинской администрации, китайский торгово-ростовщический капитал тормозили экономическое и политическое развитие Монголии, способствовали консервации наиболее отсталых социальных и политических институтов, многократно усиливали эксплуатацию монгольского аратства, угнетаемого также и внутренним эксплуататорами — монгольскими светскими и церковными феодалами. Длительный колониальный гнет разорил экономику страны, привел к упадку ее основную базу — экстенсивное кочевое скотоводство, вызвал разорение и обнищание большей части аратских хозяйств. Стихийные разрозненные выступления аратов против маньчжурских властей и против собственных феодалов, отмечавшиеся на протяжении XIX в., приняли массовый характер к началу XX в.

В 1900 г. в Улясутае произошло восстание солдат монгольского гарнизона под руководством арата Энх-Тайвана. Эти солдаты были набраны по приказу цинских властей среди монгольского населения с целью сформировать войско для подавления в Китае восстания ихэтуаней. Издевательское отношение цинского командования, полуголодное существование, а также нежелание участвовать в расправе над повстанцами толкнули монгольских солдат на всоруженное выступление: они перебили солдат и командиров улясутайского маньчжурского гарнизона, разгромили китайские лавки в городе и разъехались по своим родным местам. Цинские власти были настолько встревожены этим выступлением монгольских солдат, что даже не применили к повстанцам карательных мер.

В это же время далеко от Улясутая, на востоке Монголии, в Сецен-хановском аймаке, вспыхнуло восстание аратов одного из хошунов против произвола и злоупотреблений своего удельного правителя. Араты отказались оплачивать долги князя китайским ростовщикам, стали громить лавки и конторы торговцев, уничтожать ненавистные долговые книги, изгонять китайских торговцев за пределы своего хошуна. Движение против произвола собственных правителей

и отмену долгов китайским торговым домам вскоре вышло за пределы хошуна и стало охватывать соседние, вовлекая все большее число участников. Цинские власти послали против восставших военные отряды и сурово покарали участников выступления.

Под аналогичным лозунгом — отказ платить очередные подати в счет долгов хошунного князя — выступили араты Дзасакту-хановского аймака, что на западе Халхи. Выступление возглавил арат Аюши, вошедший в историю революционной борьбы монгольского народа как бескомпромиссный борец за народные интересы. Он подвергался арестам, заключению в тюрьму, пыткам, однако ему удалось освободиться, и он вновь включился в борьбу. В 1911 г., когда антицинские выступления охватили всю Монголию, под руководством Аюши в его хошуне был создан орган аратского самоуправления (дугуйлан), который отказывался признать власть хошунного правителя и маньчжурских чиновников. Вооружившись, араты откочевали в горы, откуда распространяли свои воззвания с разоблачениями действий хошунного правителя. Аюши и его соратники принимали участие и в Народной революции 1921 г., а впоследствии стали строителями народно-демократической Монголии. Умер Аюши в 1939 г.

Известным борцом против цинского господства был тайджи Тогтохо, который организовал повстанческие отряды и действовал на востоке Монголии, в Сецен-хановском аймаке, громя лавки китайских ростовщиков, изгоняя из монгольских хошунов китайских колонистов, отражая атаки маньчжурских военных отрядов. В 1909 г. крупный карательный отряд, посланный против Тогтохо, отгеснил его к русской границе. Тогтохо и участники его отряда попросили убежища у российских пограничных властей, и им было разрешено перейти границу и поселиться в районе Забайкалья. Но часть его отряда не желала уходить и продолжила борьбу в Монголии, приняв непосредственное участие в изгнании цинских властей из Монголии в 1911 г.

Сильные волнения происходили на самом западе страны, в Кобдосском округе. Они начались еще в 90-х годах XIX в. В этих волнениях принимали участие не только араты, но и представители правящего класса — крупнейшие князья и ламы. Они направили петицию на имя маньчжурского императора с требованием прекратить злоупотребления маньчжурских чиновников в их округе, но ответом на эту петицию было усиление репрессий против инициаторов ее составления. В хошунах началось брожение, стали появляться вооруженные группы повстанцев, на съездах князей раздавались призывы изгнать маньчжурских чиновников и особенно ненавистного военного наместника. В этих событиях выдвинулась фигура известного впоследствии авантюриста Дамби-Джанцана. Он объявил себя потомком и хубилганом (воплощением) князя Амурсаны, который сохранился в народной памяти как последний борец против установления маньчжурского господства. Слухи о «втором пришествии» Амурсаны были очень распространены тогда в Западной Монголии. Дамби-Джанцан сумел привлечь на свою сторону многих сторонников и завоевать популярность. После изгнания цинских властей в 1911—1912 гг. из Западной Монголии Дамби-Джанцан сумел выдвинуться в число лидеров и захватить руководство значительной территорией в Кобдосском округе, проводя политику репрессий и жестоких физических расправ. Дамби-Джанцан принадлежал к той наиболее реакционной части правящего класса Монголии, которая связывала изгнание маньчжурских властей с упрочением собственного господства в наиболее консерватив-

ных формах. С кровавым произволом Дамби-Джанцана было покончено только после революции 1921 г.

К новым формам народных выступлений в Монголии можно отнести городские бунты бедноты и низшего ламства. Наиболее значительными из них были бунты в Урге в 1907 и 1910 гг. Поводом для них служили, как правило, столкновения должников-монголов с китайскими ростовщиками, но по мере разрастания конфликта гнев бунтующих направлялся против маньчжурских властей в Урге. Негласную поддержку повстанцам оказывал богдо-геген, резиденция которого была в Урге, и его ближайшее окружение.

В конце 1910 — начале 1911 г. антицинские выступления стали повсеместными и охватили всю страну. В это движение были вовлечены все классы и слои монгольского общества. У руководства движением стояли патриотически настроенные феодалы и ламы.

В июле 1911 г. на тайном совещании светских и церковных феодалов во главе с богдо-гегеном было принято решение свергнуть господство Цинской династии и провозгласить независимое монгольское государство. Там же постановили послать представительную делегацию в Россию с просьбой оказать поддержку в намеченных действиях.

Делегацию возглавил командующий войсками Тушету-хановского аймака Ханддорж. Делегация прибыла в Петербург в августе 1911 г. и была принята министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. Ханддорж передал ему письмо, подписанное богдо-гегеном и ханами четырех аймаков Халхи, на имя императора России. В письме говорилось: «Монголы четырех аймаков Халхи с давнего времени исповедовали желтую религию и шли своим собственным путем... За последнее время китайские чиновники захватили власть в свои руки, стали всячески сводить на нет наше государственное право... Это положение стало нестерпимым, и четыре аймака Халхи единодушно заявляют: раньше, поскольку Маньчжурская династия оказывала большую помощь делу распространения и возвышения желтой религии, постольку мы уважали и подчинялись ей. Сейчас от всего этого осталось одно название, не стало правды, страдания наши увеличились.

Ввиду этого мы просим, чтобы Великий Белый царь Российского государства... оказал нам помощь».

Обнадеживающие итоги переговоров в Петербурге, а также развернувшееся летом 1911 г. антиманьчжурское движение в Китае создали благоприятную обстановку для осуществления поставленных задач: 1 декабря 1911 г. Комитет князей и высших лам обнародовал манифест к монгольскому народу о провозглашении Монголии независимым государством. Во главе этого государства был поставлен первосвященник ламаистской церкви в Монголии богдо-геген Джебзун-Дамба-хутухта VIII.

Провозглашение независимости Монголии произошло в сложной международной обстановке, в условиях резкого обострения межимпериалистических противоречий.

Одним из важнейших факторов, влиявших на международную обстановку на Дальнем Востоке после русско-японской войны, было обострение англо-франко-германского соперничества, требовавшего концентрации внимания империалистических держав на европейских проблемах. Свой же интересы в Китае, Монголии, Корее и других странах этого региона европейские политики старались охранять посредством временных межимпериалистических соглашений и союзов. Быстрая активизация германского империализма в борьбе за сферы влияния на Востоке после русско-японской войны заставили английскую и

французскую дипломатию искать сближения с Россией, а чтобы дальневосточные дела не слишком отвлекали внимание царского правительства от Европы, был предпринят ряд шагов в направлении русско-японского сближения. Результатом этого явилась подписанная летом 1907 г. русско-японская общеполитическая концепция. Этот документ открыл собой серию договоров между Россией и Японией (соглашения 1910 и 1912 гг.), которые в своих секретных частях оговаривали согласованность их действий в Маньчжурии, Монголии и Корее; Внешняя Монголия признавалась сферой влияния России, а Внутренняя Монголия и Корея — сферой влияния Японии. Разумеется, заключенные договоры не ликвидировали полностью русско-японского соперничества. Однако связанная соглашениями с Японией, Россия реально могла оказывать поддержку только Внешней Монголии. Эти внешнеполитические факторы оказали существенное влияние на оформление международного статуса нового монгольского государства.

Основу внешней политики Монголии после провозглашения независимости составила борьба за международное признание ее как суверенного государства. Монгольские правящие круги стремились создать единое государство, включающее в себя Халху, Западную Монголию и Внутреннюю Монголию. Объективно такая политика была прогрессивной, так как имела целью возрождение монгольской государственности, способствовала подъему национального самосознания. В своих планах монгольские феодалы рассчитывали на помощь царского правительства и с этой целью направляли для переговоров одну высокую делегацию за другой. Они пытались заручиться поддержкой России в своем стремлении полностью отделиться от Китая, просили предоставления займов, помощи в организации армии и т. д. Царское правительство решило принять на себя посредничество в отношениях между монгольским государством и Китаем и оказать монголам возможную поддержку. В то же время Россия не хотела идти на обострение отношений с Китаем. Вскоре после Синьхайской революции царское правительство вступило в переговоры с правительством Юань Шикая по «монгольскому вопросу», но встретило категорический отказ признать какое-либо отделение Монголии от Китая. Вследствие этого царское правительство решило самостоятельно вступить в договорные отношения с монгольским государством и начало переговоры с правительством богдо-гегена.

Русско-монгольское соглашение было подписано в ноябре 1912 г. Этим документом Россия фактически признавала существование монгольского государства, хотя точная формулировка статуса Монголии была в нем обойдена. Но китайские торгово-ростовщические и военнобюрократические круги не желали мириться с таким положением вещей: со страниц китайской прессы в адрес России и Монголии сыпались обвинения и угрозы. Наряду с этим правительство Юань Шикая пыталось воздействовать на правительство богдо-гегена уговорами, опираясь в своих происках на связанные с китайскими торгово-ростовщическими кругами монгольских князей и лам. Уговоры сопровождалась военными провокациями, особенно участвовавшими на юго-востоке Халхи, где в пограничных районах китайское правительство держало большой контингент войск, которые совершали вылазки в монгольские кочевья, убивали и грабили мирное население. Правительство Монголии старалось отражать эти нападения. В стране с начала 1912 г. спешно формировались вооруженные отряды. Зимой 1912 г. была создана первая войсковая единица из трех полков в количестве 3 тыс. человек. В последующие месяцы формирование войск продолжалось.

В конце зимы 1912 г. первые отряды были отправлены на юго-восточную границу, где и вступили в бой с китайскими войсками. Бои с перерывами продолжались до конца 1913 г. Военные расходы истощали и без того скудную казну монгольского государства. Зимой 1913 г. было заключено русско-монгольское соглашение о помощи в военной подготовке, по которому Россия предоставляла Монголии военных инструкторов для обучения монгольской бригады численностью 1900 человек. На организацию армии был предоставлен также заем в 2 млн рублей. В этих условиях правительство Китая, для которого в то время большие военные расходы были весьма нежелательны, стало склоняться к заключению соглашения с Россией по «монгольскому вопросу». Соответствующая русско-китайская декларация была подписана в ноябре 1913 г. В ней Россия признавала Монголию частью Китая, а Китай соглашался признать за Внешней Монголией право на автономию, право ведать внутренним управлением, обязывался не посылать туда свои войска и представителей своей власти. Монголия получала право заключать договоры с другими странами, кроме договоров политического характера. Китай обязывался также все политические и территориальные вопросы по Монголии обсуждать с русским правительством и при участии монгольских представителей. Таким образом, автономия Монголии была довольно широкой, и ее зависимость от Китая, по сути, номинальной.

Однако прогрессивные монгольские деятели выступили с резким протестом против русско-китайской декларации. Соответствующие ноты от имени богдо-гегена были направлены дипломатическому агенту России в Урге и в Пекин Юань Шикаю. Отрицательную реакцию вызвала русско-китайская декларация в русском обществе. Представители торгово-промышленных кругов России выступали сторонниками идей полной независимости Монголии. После русско-японской войны в торговлю с Монголией включались крупные капиталисты и большие торговые фирмы. Представители этих кругов требовали от царского правительства большей активности и решительности во внешней политике на Дальнем Востоке, для чего у России не было реальных возможностей.

В мае 1915 г. в Кяхте после длительных переговоров представителей Монголии, России и Китая было подписано тройственное соглашение, которым окончательно было определено международно-правовое положение монгольского государства как части Китая в рамках широкой автономии. С 1915 по 1919 г. Монголия официально существовала как автономное государство в пределах Китая, хотя в литературе иногда ошибочно весь период существования государства богдо-гегена 1911—1919 г. называют автономным.

Кяхтинское соглашение предоставляло русскому капиталу на монгольском рынке особые преимущества: русские купцы получили право беспошлинной торговли в любом районе Монголии, могли ездить по всей стране, заниматься промыслами, приобретать недвижимость, обладали правом экстерриториальности. Пользуясь столь благоприятными условиями, русская торговля в Монголии стала укреплять свои позиции и значительно расширилась в период 1911—1916 гг. Царское правительство всячески старалось стимулировать заинтересованность русских купцов в торговле с Монголией. Однако в ее развитии сразу же стали обнаруживаться и серьезные слабости. Главным негативным моментом было то, что вывоз скота и сырья из Монголии постоянно превышал ввоз товаров в страну. Если учесть, что особенно в первые годы после провозглашения независимости Монго-

лии русские купцы были практически единственными поставщиками товаров на монгольском рынке после изгнания большинства китайских торговцев, то станет понятно, что обеспечение товарами не удовлетворяло спроса монгольского покупателя, и этот разрыв между предложением и спросом год от года возрастал. После заключения кяхтинского соглашения 1915 г., когда китайская торговля была вновь легализована, поставка товаров в Монголию опять сосредоточилась в руках китайских торговцев. Недостатки русской торговли проистекали из особенностей промышленного развития России. Товары, пользовавшиеся повышенным спросом у монголов, такие, как хлопчатобумажные и льняные ткани, сахар, табачные изделия, производились преимущественно в европейской части России, и доставка их в Монголию требовала значительных транспортных средств. А развивающаяся промышленность и растущее население Сибири в большей степени выступали как покупатели сырья, нежели как поставщики товаров на монгольский рынок.

С начала XX в. китайская торговля в Монголии стала приобретать специфику — она превратилась в посредника западных фирм: американских и английских, доставляя в Монголию дешевые американские и английские ткани и скупая сырье для своих западных партнеров.

Современники отмечали растущий интерес западных держав к монгольскому рынку. В 1914 г. посол Англии в России высказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову пожелание, что английские торговцы должны иметь в Монголии те же преимущества, которыми пользовались русские купцы.

Монгольский рынок и выгоды стратегического положения Монголии входили также в сферу интересов США. К моменту образования государства богдо-гегена в Урге действовало несколько американских фирм, которые проявляли заинтересованность в приобретении концессий на строительство железных дорог в Монголии.

Япония, несмотря на секретные договоры с Россией о разграничении сфер влияния во Внутренней и Внешней Монголии, не оставляла надежды распространить свое влияние на всю Монголию. С этой целью правительство Японии на протяжении всего периода существования государства богдо-гегена предпринимало различные шаги для осуществления своих планов, но успехов не достигло.

Интересы многочисленных группировок представителей международного капитала влияли на политическую ситуацию в стране, пре-

Портрет VIII богдо-гегена. Начало XX в.

жде всего в основном вопросе об отделении от Китая и признании полной независимости Монголии. Когда с началом первой мировой войны позиции России в Монголии стали слабеть, представители американских торговых фирм в Урге усилили нажим на тех монгольских феодалов, которые были настроены прокитайски, так как американские финансовые круги были заинтересованы в присоединении Монголии к Китаю.

Столкновение международных противоречий в Монголии отражалось и на настроениях правящих кругов монгольского государства: там с началом первой мировой войны и после Кяхтинской конференции не было единства в вопросе о том, какими путями должно идти развитие Монголии. Одни твердо придерживались отстаивания независимости страны и поэтому видели союзника в России, другие стали ориентироваться на юньшикаевский Китай и китайские торгово-ростовщические круги. Были также попытки опереться на Японию или установить непосредственные контакты с ведущими европейскими державами, которые, однако, успеха не имели.

В 1917—1918 гг., после свершения в России Октябрьской революции, правящая верхушка монгольского государства окончательно решила согласиться с предложениями китайского правительства ликвидировать автономию и признать его фактическую власть. Осенью 1919 г. в Ургу были введены китайские войска во главе с генералом Сюй Шучэном, которому от имени богдо-гегена была вручена петиция с отказом от автономии. Так перестало существовать государство богдо-гегена.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГОСУДАРСТВА БОГДО-ГЕГЕНА

Монгольское государство после свержения маньчжурского господства представляло собой феодально-теократическую монархию. Глава ламаистской церкви богдо-геген был провозглашен ханом Монголии, сосредоточив, таким образом, в своих руках всю светскую и духовную власть. Богдо-геген назначил правительство, в которое вошли пять министров: иностранных дел, внутренних дел, вооруженных сил, финансов и юстиции. Политику, которую стало проводить вновь созданное монгольское государство, можно оценивать двояко: с одной стороны, защищая интересы феодалов, она носила реакционный, антинародный характер; с другой стороны, феодально-теократическая монархия возрождала монгольскую государственность и продолжила традицию укрепления верховной власти против феодального сепаратизма, в то время как маньчжурские правители в значительной мере консервировали в Монголии раздробленность, уже начавшую себя изживать. Монгольские феодалы при маньчжурском господстве сумели сохранить такие права, которые делали неограниченной власть каждого из феодальных правителей внутри своего хошуна и тем самым постоянно продуцировали основу для возрождения феодального сепаратизма. Провозглашение ханом Монголии богдо-гегена вызвало недовольство некоторой части родовитых феодалов. Ведь это было нарушением вековой монгольской традиции, согласно которой всемонгольским ханом мог быть только потомок Чингисхана. Подобный отход воспринимался как временный компромисс. Однако в монгольском обществе к началу XX в. созрели силы, которые смогли уже противостоять родовым традициям и поставить складывающееся национальное

государство на службу своим интересам, выступив против независимого положения удельных правителей и засилья церкви.

Следует отметить, что в состав правительства богдо-гегена, о котором говорилось выше, не вошел ни один из правителей четырех монгольских аймаков, т. е. ни один из наиболее знатных монгольских феодалов. Члены богдогегеновского кабинета министров отличались очень разнородным происхождением, порой весьма низким, и возвысились лишь благодаря личным способностям.

Борьба государства с феодальным сепаратизмом в первую очередь завязалась в сфере фиска, за экономическое преобладание в стране. Его политика отражала более высокий уровень феодальных отношений, выражением которого была осознававшаяся государством необходимость замены старой податной системы единым централизованным налогом. Был разработан проект реформы, предусматривавший введение централизованного общегосударственного налогового обложения, смысл которого заключался в замене подушной подати подоходным налогом. Для обсуждения этого проекта созывался съезд феодальных правителей четырех аймаков Халхи летом 1913 г., но в результате яростного сопротивления удельных правителей, стремившихся сохранить за собой монопольное право ведать сбором налогов с хошунов, эта идея провалилась.

Более успешно осуществлялись мероприятия государства по расширению сферы государственного налогового обложения. Так, были введены повинности для ранее не подлежавших обложению хозяйств невладетельных феодалов и их хамджилга, частичному обложению стали подлежать даже хозяйства высших духовных особ и их шабинаров.

В 1912—1913 гг. был введен налог за пользование пастбищами с иностранцев, а также арендная плата с иностранных купцов за земельные участки, используемые под лавки, магазины и другие постройки. Аналогичный налог предполагалось ввести и для монголов, но он так и не был разработан.

Кроме упомянутых налогов в пользу государства шли доходы от эксплуатации типографии, телеграфа и телефона, имевшихся в Урге, от добычи полезных ископаемых, в основном от принадлежавших монгольскому государству угольных копей неподалеку от Урги и от международного акционерного общества по добыче золота «Монголор». Дальнейшее использование природных богатств представлялось правительству настолько перспективным, что в 1916 г. оно **издало ряд указов**, которыми все природные богатства Монголии — леса, воды, недра, земля — объявлялись достоянием государства.

Таким образом, правительство, сосредоточивая в своих руках различные виды финансовых поступлений, стремилось вытеснить из сферы фиска удельных правителей и тем самым подорвать основу феодального сепаратизма.

Противоречия между новым государством и удельными правителями обнаруживались и в политической сфере, т. е. между новым государственным аппаратом и старыми формами феодального самоуправления. Создание кабинета министров не означало отмену съездов и собраний монгольских феодалов, бывших с незапамятных времен высшим законодательным органом всемонгольской власти и выражением феодальной вольницы. Об одном из таких съездов, сорвавших налоговую реформу правительства, уже говорилось выше. Динамика развития нового монгольского государства состояла в **противоборстве и взаимодействии** старых и новых форм управления. Родовая аристокра-

тия не желала без борьбы расставаться со своими вековыми привилегиями, но новая власть наступала и упрочивала свои позиции. В законах феодально-теократической монархии, частично изданных в 1914 г., наряду с органами нового аппарата власти признавалась правомочность собраний аймачных князей, но в закон была внесена существенная оговорка, согласно которой назначение на должность главы аймачного собрания происходило с ведома правительства, а предложенную кандидатуру предварительно должно было одобрить министерство внутренних дел.

Самым могущественным противником централизованной светской власти в Монголии была ламаистская церковь. Являясь крупнейшим феодальным собственником, она выступала как реакционная сила, стремившаяся и в политической жизни играть первенствующую роль. По сравнению со светскими феодалами церковь обладала рядом привилегий, главной из которых было освобождение от каких-либо поборов в пользу государства. Высшее ламство пользовалось своим влиянием на богдо-гегена и его собственными своеобразными интересами (как крупного церковного феодала — владельца тысяч шабинаров) для еще большего усиления экономических позиций церкви, не только стремясь сохранить за хозяйствами храмов, монастырей и отдельных церковных феодалов прежний налоговый иммунитет, но и регулярно и неуклонно добиваться от государства разрешений на расширение церковных земельных владений за счет хошунных земель с превращением податных людей в шабинары.

Экономическое положение церкви усиливалось также за счет особых отчислений, передававшихся ей из государственной казны, составлявших одну десятую от всех государственных сборов. Кроме того, и храмово-монастырские хозяйства, и отдельные церковные феодалы (прежде всего богдо-геген) получали единовременные крупные пожалования, подарки, награды и т. п.

Таким образом, в период феодально-теократической монархии ламаистской церкви удалось значительно увеличить принадлежавшие ей владения и еще больше укрепить свои позиции. Однако есть данные, которые позволяют говорить о попытках правительства феодально-теократической монархии выступить против ее всевластия.

Выше уже говорилось, что хозяйства крупных церковных феодалов и их шабинары стали подлежать частичному государственному обложению. В 1912 г. был введен закон о взимании торговой пошлины с монгольских и китайских торговцев. Обложению стали подлежать и торговые операции монастырей и ламства. Это должно было существенно задеть экономические интересы церкви, поскольку монастыри и ламство были издавна и глубоко вовлечены в торговые операции и имели прочные связи с китайским торгово-ростовщическим капиталом.

Политическая и общественная жизнь в монгольском обществе того периода характеризовалась не только борьбой центральной государственной власти с феодальным сепаратизмом и засильем церкви. В феодально-теократической монархии к политической жизни постепенно начинают приобщаться более широкие слои населения. Обычно это происходит в течение длительного исторического периода. Но в Монголии в указанный период все исторические процессы шли ускоренно в результате внешнего влияния со стороны развитых государств. Быстро прогрессировало и общественное сознание монгольского народа, представители разных его слоев включались в общественную и политическую жизнь. Так, в 1914 г., уступая требованиям среднего и мелкого чиновничества, торговцев и нарождавшейся интеллигенции,

Богдо-геген издал указ о создании совещательного органа, некоего подобия двухпалатного парламента: в верхнюю палату входили крупные феодалы, в нижнюю — чиновники и невладельческие феодалы. На заседаниях палат разрешалось обсуждать различные вопросы, волнующие монгольское общество, и подавать затем докладные записки и прошения на имя богдо-гегена.

Факт создания этого совещательного органа свидетельствовал о росте интенсивности общественной жизни в Монголии, национального и политического самосознания в монгольском обществе.

МОНГОЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Идейное развитие монгольского общества в конце XIX — начале XX в. отражало весь сложный комплекс социально-экономических и политических процессов, переживавшихся в то время Монголией. Он определялся, как было сказано выше, и динамикой саморазвития: подъемом национально-освободительного движения, крушением цинского господства, переходом к более высокой стадии феодальных отношений, и модернизирующим влиянием стран Запада и России, приобщением к опыту передовых обществ как в области экономики и политики, так и в области идейных учений.

Господствующее положение в обществе сохраняла феодально-клерикальная идеология, направленная на защиту феодального строя и интересов ламаистской церкви. Позиции клерикализма, характерными для которого являются возвеличивание роли религии и церкви, отстаивание наиболее консервативных, отсталых норм жизни, противодействие всему новому, прогрессивному, заметно усилились после возникновения теократической монархии.

Одной из форм, в которой ламаистская церковь непосредственно осуществляла свое воздействие на умы и чувства людей, были религиозные воззвания в виде посланий от имени богдо-гегена. В них содержались призывы спастись вероучением от посягательств инакомыслящих, от собственных грехов и шатаний в вере, уповать только на религию Будды и видеть в ней свое единственное спасение. Экономическая и культурная отсталость Монголии, ухудшение условий жизни населения, все бедствия и невзгоды тех лет церковь объясняла ослаблением веры в людях, недостаточным почитанием ламства, небрежением в исполнении религиозных заповедей. Эти и подобные им религиозные сочинения распространялись в обществе довольно широко и, вероятно, оказывали свое воздействие на массовое сознание верующих. Однако само их появление свидетельствовало о кризисе ортодоксальной религиозной идеологии, о начале брожения умов, против которого и были направлены подобные сочинения.

Другое направление феодальной идеологии того времени составляли идеи возрождения независимого монгольского государства, восстановления его былого могущества, рождавшиеся как стремлением занять достойное место среди развитых стран мира, так и идеализированными воспоминаниями об утраченном величии государства Чингисхана, о былой славе его «золотого рода», обо всех исконно монгольских традициях и устоях, которые пытались искоренить Цины в период своего господства. Этот идеологический комплекс направлял деятельность наиболее видных представителей класса монгольских феодалов, проявлялся в различных мероприятиях государства богдо-гегена.

Во взглядах наиболее прогрессивных представителей феодальных кругов нашел выражение подъем национального самосознания, что выразилось в проводившейся ими пропаганде монгольского языка как общенационального, в стремлении распространять просвещение и преодолеть культурную отсталость своей страны.

После провозглашения независимости эти устремления получили некоторое воплощение в организации сети государственных начальных и средних школ в Урге и хошунах. Преимущественное право учиться в этих школах получали дети из привилегированных семей, но принимали в них и детей аратов и чиновников.

Следует отметить, что правительство богдо-гегена при участии русских советников создало «Комитет по исследованию Монголии», в задачи которого входили изучение народонаселения, хозяйства, выявление геологических ресурсов и составление карты Монголии и т. д.

Подъем национально-освободительного движения в Монголии и его победа в 1911 г. наиболее важными для общественного сознания сделали идеи освободительной борьбы, самобытности исторического развития Монголии. По указу богдо-гегена монгольские историки приступили к написанию официальной истории страны. В 1918—1919 гг. этот труд под названием «Высочайше утвержденная шастра-история Монголии» был завершен. В ней особо подчеркивалось искони существующее монголам право суверенного развития их государства. Та же мысль пронизывала труды крупнейшего из историков Монголии конца XIX — начала XX в. Ш. Дамдина (1867—1937). В главном своем произведении «Золотая книга», которое было начато им в период правления богдо-гегена, он затронул проблемы, волновавшие его соотечественников, стремясь показать, что корни культурного и политического развития Монголии уходят в глубь веков и имеют самобытное развитие.

Одним из важных элементов жизни монгольского общества в начале XX в. была идеологическая борьба, которую вели представители монгольской интеллигенции, среднего и мелкого чиновничества, зарождавшегося торгового капитала с цинским гнетом и господством феодальных устоев, с засильем ламаистской церкви, с косностью и отсталостью. Выходцы из этих слоев все более активно включались в общественную жизнь и политическую борьбу. Не создав своей организации, они объединились вокруг первых монгольских периодических изданий: журнала «Новое зеркало», который выходил в Урге с марта 1913 по август 1914 г., и газеты «Столичные новости», выходившей с сентября 1915 по январь 1920 г. Анализ их взглядов позволяет определить, что они имели антифеодальную направленность, развивались в русле просветительства. Оформление просветительского направления в монгольской общественной мысли было определенным «забеганием вперед» под воздействием внешних влияний, поскольку обычно появление просветительских идей характерно для более высокой ступени общественного развития, чем это было в Монголии в начале XX в.

Общеизвестно, что термин «просветительство» родился на основе европейского исторического материала для определения идейно-политического течения, представители которого стремились устранить недостатки существовавшего феодального общества путем распространения идей добра, справедливости, научных знаний. Завершающий этап эпохи Просвещения в Западной Европе явился преддверием буржуазных революций.

Однако ряд современных ученых отрицают самую возможность существования просветительства в странах Востока. При этом, видимо, они упускают из виду, что в литературе не случайно утвердились понятия «просвещение» и «просветительство» как не абсолютно адекватные. И если об эпохе Просвещения мы действительно должны говорить как об уникальном явлении европейской истории, то понятие «просветительство» не обязательно может быть привязано к европейским рамкам, поскольку означает прежде всего идеологическое течение, объективно направленное на подрыв феодально-церковной идеологии. Поэтому, думается, что просветительство как закономерный этап развития антифеодальной идеологии можно выделить в истории всех обществ, прошедших период ломки феодальной системы или только подошедших к нему и предпринявших первые попытки выступления против феодальных устоев. С образованием мирового капиталистического рынка и распространением влияния Запада на страны Востока общественная мысль последних стала определяться не только внутренними национальными причинами, но и влиянием «чужого» капиталистического мира, обгоняя, таким образом, на какое-то время объективные запросы экономического развития своего общества и выступая вместе с тем их стимулятором. При таком подходе просветительство оказывается не случайностью, а исторической закономерностью. Ее специфической формой будет просветительство на Востоке, развившееся в условиях колониальной и полуколониальной зависимости в процессе втягивания стран этого региона в сферу мировых капиталистических отношений.

Исходя из этого следует оценивать и монгольское просветительство. Его представители в монгольской общественной мысли (Ж. Цэвэн или Ц. Жамцарано, Б. Дорж, Бадрахбатор и др.) надеялись поднять экономический и культурный уровень общества с помощью широкого распространения современного образования, заимствования хозяйственного и политического опыта России и стран Запада, проповедей высоких нравственных идеалов. На страницах периодических изданий и в отдельных произведениях монгольские просветители ратовали за создание широкой сети светских школ, отстаивали идею общенародного образования — для всех слоев общества; выступали с обличением политики правящего класса, особенно против церковников. В журнальных и газетных статьях, основная задача которых была определена как распространение просвещения среди монголов, читателям регулярно сообщались сведения из области различных современных наук: физики, географии, биологии, всемирной истории и др. Монгольские прогрессивные деятели надеялись устранить недостатки существовавшего общества путем советов и предложений, высказываемых правительству и самому богдо-гегену. Некоторые из предлагавшихся ими мер выходили за рамки феодальной системы и содержали элементы буржуазных преобразований: высказывались идеи ограничения монархии и создания представительного правления, были попытки пропаганды республиканских взглядов, в экономической области выдвигались требования свободы хозяйственно-предпринимательской инициативы, выражавшие тенденцию к полной ликвидации натурального хозяйства и утверждению товарно-денежных отношений.

Ярким примером монгольского просветительства было творчество монгольского мыслителя Ч. Дэмчигдоржа. Оно отражало противоречия и сложности переломного периода в истории Монголии, когда передовые люди монгольского общества искали пути дальнейшего раз-

вития своей родины, формы и принципы, на основании которых можно было бы возродить независимое монгольское государство и вывести его из темноты и отсталости. Свои взгляды Ч. Дэмчигдорж высказал в таких произведениях, как «Драгоценное зеркало» и «Записка о проблемах новой власти». Как и сотрудники редакций первых монгольских газет и журналов, Ч. Дэмчигдорж видел путь спасения страны прежде всего в распространении научных знаний среди населения, пропаганде идей добра и справедливости, твердых нравственных принципов. В своих исканиях Ч. Дэмчигдорж обращался ко всем известным ему религиозным и этическим учениям и стремился взять из них самое, на его взгляд, лучшее, соединяя отдельные положения конфуцианства и буддизма с современными просветительскими идеями. Этот синкретизм отражал начавшийся переход в сознании монгольского общества от средневековых форм мышления к мировоззрению нового времени, что обуславливалось формирующимся в ходе национально-освободительного движения национальным самосознанием и проникновением в монгольское общество идейных течений развитых стран.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Экономическое и политическое положение вьетнамского государства в середине 50-х годов XIX в. характеризовалось неблагоприятными в целом процессами, продолжавшими развиваться в стране в русле консервативных реформ 30—40-х годов. В результате их проведения произошло ослабление позиций Вьетнама в области внешней и внутренней политики. В военном деле и образовании продолжалась ориентировка на традиционные, устаревшие к тому времени нормы, укрепление конфуцианских устоев. Политика закрытия страны, ее изоляция от западноевропейского мира оставалась основным внешнеполитическим курсом Вьетнама еще со времен императора Минь Манга (1820—1840). Причины такой политики заключались в том, что вьетнамская монархия серьезно опасалась усиления европейского влияния во Вьетнаме, в том числе и через миссионеров, связывая этот фактор непосредственно с угрозой завоевания страны, утерей ею независимости. Однако перед лицом реально возраставшей угрозы колониального завоевания со стороны европейских держав Минь Манг и последующие правители Вьетнама, как и правящий класс в целом, предпочли не путь прогрессивных реформ, модернизации страны, а ориентацию на политику «закрытых дверей», прекращения всех контактов с европейскими державами при одновременном укреплении отживавших форм производственных отношений — общинно-феодалной эксплуатации, а также традиционных конфуцианских устоев, возобновлении тесных связей с Китаем, подражание которому во всех сферах общественной жизни всемерно поощрялось. Происходило дальнейшее ослабление центральной власти монарха, что вело к возрастанию произвола властей на местах, к увеличению эксплуатации трудовых слоев, в конечном же счете — к нарастанию экономической и политической нестабильности в стране.

В середине 50-х годов некоторое развитие получили частное предпринимательство и торговля, ограничение которых в 30-х годах XIX в. нанесло серьезный ущерб социально-экономическому развитию Вьетнама. Возобновились работы на закрытых ранее угольных шахтах, свинцовых рудниках и золотых приисках в трех провинциях Северного Вьетнама. Предпринимателями были, как правило, китайцы, платившие государству налоги свинцом.

Вьетнамские предприниматели традиционно занимались в основном торговлей. Впоследствии конкуренция с более сильным китайским капиталом стала для зарождавшейся вьетнамской буржуазии крайне неблагоприятным фактором, приводившим к разорению ее представителей.

Как поощрение национального частного предпринимательства следует рассматривать разрешение отдельным лицам брать на откуп взимание налогов с внутренних таможен и пристаней, причем начальники таможен должны были поставлять государству сборы свинцом, а не деньгами, что говорит о возросшей натурализации хозяй-

Император Минь Манг (1820—1840)

ства. Однако развитие частного предпринимательства и торговли в 50-х годах XIX в. происходило в очень незначительных масштабах, хотя и было шагом вперед по сравнению с жесткой ограничительной политикой Минь Манга.

В основной области экономики страны — сельском хозяйстве — положение в 50-х годах было достаточно напряженным. На севере вьетнамским властям приходилось вести многолетнюю и трудную борьбу против китайских торговцев рисом, скупавших его и вывозивших за пределы Вьетнама, в то время как в этих провинциях ощущалась постоянная нехватка продовольствия.

Частые неурожайные годы, высокие цены на рис, голод, массовое бегство крестьян с земель приводили к созданию тяжелого положения в деревне, росту крестьянского недовольства, нередко переходившего в восстания. Все это заставляло вьетнамские власти прибегать к социальному маневрированию, направленному на смягчение недовольства. Известны многочисленные распоряжения императора об открытии рисовых складов и раздаче риса крестьянам, о продаже части риса по сниженным ценам.

Вместе с тем ввиду интенсивного распада общинного землевладения и уменьшения вследствие этого роли государства — номинального верховного собственника всех земель — вьетнамская монархия все чаще уклонялась от решения проблемы общего государственного значения — ирригационного строительства. Несмотря на многочисленные доклады чиновников Ведомства общественных работ о неблагоприятном состоянии дамб на реках в дельте Красной реки, Государственный совет Вьетнама под председательством императора неизменно выносил решение о том, что «надо подождать ввиду трудности работ». Выполнение ирригационных работ государство все больше перекладывало на крестьянские общины, иногда частично обеспечивая их финансирование. Поскольку эти работы требовали большого количества рабочих рук, крестьянские общины по собственной инициативе стали объединяться иногда даже в масштабе уезда. Таким образом, одна из важнейших и традиционных функций вьетнамского государства — руководство ирригационными работами — перестала им осуществляться с середины XIX в., что свидетельствует о сильном ослаблении, если не упадке, центральной власти.

Решение аграрного вопроса на юге страны, где общинное землевладение не было преобладающим, вьетнамские власти пытались осуществить иными, чем в северных и центральных районах, методами. Их усилия были направлены на укрепление государственных поселений (дон диенов), бывших основными источниками налоговых поступлений в казну (в Южном Вьетнаме налоговые ставки на частные земли были значительно ниже, чем на государственные). К середине XIX в. стало ясно, что эти государственные поселения не оправдали себя, будучи экономически невыгодными. Крестьяне бежали из этих поселений к частным землевладельцам, но продолжали числиться в налоговых списках, так как сельская верхушка, присваивая себе урожай с брошенных земель, не спешила доводить до сведения центральных властей данные о беглых крестьянах. Уменьшение налоговых поступлений с земель государственных поселений дельты Меконга заставило двор Хюэ принять серьезные меры по улучшению их положения. Губернатором южных провинций был назначен Нгуен Чи Фыонг — крупнейшая политическая фигура того времени в окружении императора, его ближайший советник. Ему было поручено организовать инспекцию всех государственных южных поселений, выявить по-

ложение дел и доложить обо всем императору. Приехав на юг, Нгуен Чи Фьонг не только организовал проверку существовавших дон диенов и апов (поселения хуторского типа), но и развил бурную деятельность по созданию новых поселений, в которых налогообложение было увеличено: с каждого взрослого мужчины стали брать 3 хока¹ риса вместо двух. Подобными административными методами Нгуен Чи Фьонг стремился насадить и закрепить эти экономически неэффективные формы землевладения в южных провинциях Вьетнама.

Существенным обстоятельством, влиявшим на экономическую и политическую жизнь Вьетнама этого периода, была продолжавшаяся борьба между двумя группировками вьетнамского правящего класса — «консерваторами» и «реалистами», лидеры которых соответственно Чьонг Данг Куэ и Нгуен Данг Зяй входили в ближайшее окружение императора, нередко выступая его советниками по важнейшим вопросам государственного значения. В середине 50-х годов XIX в., т. е. накануне французского вторжения, перевес был на стороне «консерваторов», что подтверждается назначением в начале 1854 г. Чьонг Данг Куэ главой центрального Военного ведомства государства Дай Нам. Это назначение способствовало сохранению отсталой организации вьетнамской армии, ее стратегии и тактики, вооружения и т. д., принятых при императоре Минь Манге (когда современная артиллерия была заменена соединениями боевых слонов). Это сыграло свою пагубную роль во время французского вторжения, так же как и политика «закрытых дверей».

К 40—50-м годам XIX в. у вьетнамских правителей не оставалось сомнений в агрессивных намерениях Франции относительно их страны, особенно после первой «опиумной» войны 1839—1842 гг. против Китая. Фактически речь шла уже о безопасности Вьетнама перед лицом французской колониальной экспансии.

Крайне антизападные настроения, господствовавшие при дворе Нгуенов в 30—40-х годах XIX в., гонения на миссионеров, отказ от каких-либо контактов с Францией, подтвержденный многократными императорскими указами (например, указ 1847 г. о запрещении французским военным и гражданским судам заплывать в воды Вьетнама), — все это способствовало нарастанию агрессивных настроений среди церковных и правящих кругов Франции. Поэтому определенное смягчение политики Вьетнама по отношению к французским миссионерам в первые годы правления императора Ты Дыка уже не могло удовлетворить Францию, стремившуюся к колониальным захватам на Дальнем Востоке в целях обеспечения рынков сбыта и источников сырья для своей торгово-промышленной буржуазии.

ЗАХВАТ ФРАНЦИЕЙ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

В августе 1858 г. франко-испанская эскадра под предлогом защиты жизни и имущества французских и испанских миссионеров вошла в бухту порта Дананг, обстреляла порт и высадила десант, рассчитывая, пользуясь внезапностью, захватить столицу империи Хюэ. Император Ты Дык отдал приказ о выступлении войск в количестве 2070 человек, с тем чтобы сбросить интервентов в море, а затем послал еще 2000 человек отборных гвардейских частей и соединения боевых слонов. Но французским войскам удалось закрепиться в Дананг-

¹ 1 хок риса — 52 кг.

в блокированном со всех сторон вьетнамцами. Убедившись, что наступление на данном направлении не имело успеха, французское командование направило эскадру на юг страны в дельту Меконга, который ошибочно принимался европейцами за прямой путь в южные провинции Китая. (Начиная в то время захват Вьетнама, Франция рассматривала его как этап в борьбе за овладение Южным Китаем.)

Уход французской эскадры из Дананга был неожиданным для вьетнамских властей. На специальном заседании Государственного совета обсуждалось, куда мог направиться теперь вражеский флот — на юг или на север и куда в этой связи следует посылать армию? Император обратил внимание на плохо организованную разведку во вьетнамской армии. Поэтому появление французских военных кораблей у Сайгона было неожиданным для вьетнамских войск, которые после ожесточенного сопротивления вынуждены были покинуть город и отступить в его пригороды. Французские войска, занявшие Сайгон, оказались в полной изоляции, так как городское и сельское население оказывало активное сопротивление захватчикам, занявшим сагоды и наиболее крепкие здания Сайгона.

В марте 1859 г. командующий французской эскадрой адмирал Ривго де Женуи, оставив гарнизон французских войск в Сайгоне, был вынужден возвратиться на помощь своим войскам, блокированным в Дананге, где им приходилось вести упорные бои с частями регулярной вьетнамской армии, в ходе которых они несли ощутимые потери. Кроме того, за время, прошедшее с начала вторжения, вьетнамской стороной были построены новые дополнительные фортификационные сооружения в виде фортов вокруг Дананга. Главкомандующим армией в Куангнаме был назначен Нгуен Чи Фьонг, срочно переброшенный отсюда с Юга, где он занимал один из ключевых и важнейших постов государства — губернатора южных провинций. Все эти меры говорят о том, какое первостепенное значение двор Хюэ уделял защите Дананга — ближайшего подступа к столице империи.

В марте 1860 г. французские войска, признав свое поражение, покинули Дананг. Основные французские военно-морские силы были направлены в Китай, против которого Франция совместно с Англией вела вторую «опиумную» войну. Навязав Китаю неравноправный Пекинский договор и закончив военные действия в Китае, Франция получила возможность сосредоточить против Вьетнама значительные военные силы: почти всю эскадру, тяжелые орудия и около 4 тыс. войск. В феврале 1861 г. военные действия французских колонизаторов против Вьетнама возобновились в районе Сайгона, и к марту 1862 г. были захвачены три провинции Южного Вьетнама — Зядинь, Линьтхонг (Митхо) и Бьенхоа.

Завоеватели встретили упорное сопротивление вьетнамской армии, несмотря на обнаружившуюся слабость последней перед лицом хорошо вооруженных захватчиков, применявших современную тактику ведения боя. Поэтому вьетнамские регулярные части старались избегать прямых военных столкновений с французами, стремясь всеми мерами укреплять оборонительные позиции. Вместе с регулярными частями начали действовать партизанские отряды, практически неуловимые для интервентов. Все это приводило к ощутимым потерям среди французских войск и к невозможности контролировать захваченные районы. Поэтому французское командование, стремясь как можно быстрее закончить войну и навязать Вьетнаму кабальный договор, прибегло к другим дополнительным средствам нажима на вьетнамское правительство, занявшего позицию проволочек переговоров. Так,

вспириваны колонизаторами, пытавшимися таким способом принудить двор Хюэ к переговорам. Несмотря на суровые репрессии, вплоть до казни главарей восстания, эта борьба не утихла, и в момент нападения французов на Южный Вьетнам в 1859 г. Нгуены были вынуждены послать большое количество войск в северные провинции (Ханой, Бакнинь и Хайзыонг) для подавления восстаний.

Эта борьба на два фронта породила у правящей верхушки страх и неуверенность, что крайне неблагоприятно сказалось на организации сопротивления в целом по стране против французских завоевателей. Окружение императора Ты Дыка вплоть до окончания первой франко-вьетнамской войны 1858—1862 гг. так и не смогло выработать единой военно-политической позиции в оценке происходящих событий. Разделенные на многочисленные группировки, некоторые вьетнамские феодалы призывали к активной борьбе с врагом, другие же надеялись путем частичных уступок на юге сохранить под своим управлением большую часть страны. Поэтому феодальное правительство Ты Дыка проявляло в своей политике крайнюю непоследовательность: то оно проводило всеобщую мобилизацию и призывало к созданию народного ополчения, то становилось на путь капитуляции, склоняясь к переговорам. Решающую роль в согласии Ты Дыка на мирные переговоры сыграл не столько страх перед сильным и необычным врагом, сколько боязнь крестьянских восстаний у себя в тылу.

5 июня 1862 г. был подписан Сайгонский договор, по которому Франция получала в собственность южные провинции Зядинь, Диньтхонг, Бьенхоа и остров Кондао, контрибуцию от вьетнамского государства в 20 млн франков и право свободной торговли в портах Дананг, Балак, Куанган, а также по реке Меконг до границ Камбоджи. Миссионеры получали возможность широкого доступа в страну, им гарантировались неприкосновенность и свобода деятельности на территории Вьетнама. Этот неравноправный, кабальный договор означал начало колониального завоевания страны капиталистической Францией, приведшего со временем к окончательной потере независимости Вьетнама.

Поскольку Индокитай представлял для французской буржуазии большой интерес не только сам по себе, но и как плацдарм для захватов южных территорий Китая, то перед Францией встал вопрос о захвате Камбоджи. В 1863 г. под угрозой пушек французского военного флота король Нородом признал установление французского протектората над Камбоджей. Дальнейшее колониальное завоевание Южного Вьетнама Францией было осуществлено в 1867 г., когда, стремясь подавить очаги сопротивления, ею были введены войска в три оставшиеся независимыми провинции Юга: Виньлонг, Анзянг и Хатьен и в нарушение договора 1862 г. присоединены к своей колонии — Кохинхине.

Колониальным подчинением Южного Вьетнама и Камбоджи закончился первый этап в завоевании Индокитая Францией.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ В СЕВЕРНЫЙ ВЬЕТНАМ

После окончания франко-прусской войны (1870—1871) Франция усилила свою борьбу за превращение Вьетнама в колонию, но уже в северных районах страны. В 1873 г. два военных французских ко-

рабля под командованием офицера Гарнье вошли в устье Красной реки и поднялись до Ханоя. 20 ноября на рассвете французские войска внезапно напали на ханойскую крепость и захватили город. Через месяц они овладели дельтой Красной реки. Успех захвата во многом был обеспечен фактором внезапности нападения, но постепенно в борь-

Мраморный храм в окрестностях г. Хюэ

бу против завоевателей стали включаться широкие слои населения, а также китайские вооруженные отряды, так называемые «Черные флаги», остатки разгромленного в Китае Тайпинского восстания (1850—1864), перешедшие в 60-х годах на территорию Вьетнама.

В одном из боев под Ханоем был убит Гарнье, и французская сторона под давлением разраставшейся национально-освободительной борьбы вьетнамцев начала переговоры с двором Хюэ. 15 марта 1874 г. в Сайгоне был подписан договор, который фактически был новым шагом по пути установления французского колониального господства над Вьетнамом. Отныне Вьетнам обязался «согласовывать» свою внешнюю политику с Францией, без ее согласия никакая часть территории страны не могла быть уступлена другому иностранному государству. Были подтверждены права Франции на южную часть страны, французским подданным обеспечивалась экстерриториальность. Судоходство по Красной реке было открыто для иностранцев, так же как и торговля в Ханое и портах на побережье Северного Вьетнама. Там были основаны французские консульства.

Но реализация навязанного Вьетнаму кабального договора натолкнулась на сопротивление различных слоев вьетнамского народа. Так, прогрессивно настроенные ученые (ши фу), вьетнамская феодальная интеллигенция, мелкое и среднее чиновничество (особенно в провинциях Хатинь и Нгеан), среди которых недовольство было особенно велико, объединились в партию «Ван Тхан» (Просвещение) и возглавили различные повстанческие движения в Северном и Центральном Вьетнаме. Эти движения проходили под лозунгами не только национально-освободительной борьбы, но им были присущи также и антикапиталистические и антиправительственные настроения.

Перед угрозой потери независимости страны двор Хюэ обратился за помощью к Китаю, возобновив с этой целью выплату традиционной дани пекинскому двору. Однако в это время цинское правительство стремилось избежать новых столкновений с капиталистическими державами.

ФРАНКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1884—1885 гг. И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ЗАХВАТ ВЬЕТНАМА ФРАНЦИЕЙ

Период после подписания договора 1874 г. и до начала 80-х годов характеризуется расширением французского проникновения во Вьетнам.

Приход к власти во Франции в 80-е годы группировок, стоявших за военный захват Вьетнама, положил начало новому этапу агрессии. Французское правительство и колониальные власти Сайгона под предлогом защиты интересов своих торговцев и предпринимателей в Северном Вьетнаме направили в апреле 1882 г. из Сайгона в Ханой войска под командованием Ривьера, которые захватили город. Военные действия распространились на дельту Красной реки. Среди вьетнамских правящих кругов не было ни единства мнений, ни единства действий. Император Ты Дык вновь обратился за помощью к Китаю. На этот раз китайское правительство, сознавая непосредственную угрозу для южных границ собственной империи со стороны сильной европейской державы, заняло более решительную позицию, объявив летом 1882 г. о своем решении ввести свои войска (12 полков¹) на территорию Северного Вьетнама. Еще раньше, в сентябре 1881 г., Китай заявил о непризнании договора 1874 г. Но в 1882—1883 гг. ки-

¹ К лету 1883 г. во Вьетнам были направлены новые пополнения китайских войск общей численностью в 25 тыс. человек.

тайские войска не вели активных действий против французов на территории Вьетнама.

В марте 1883 г. французские войска захватили район Хонгая и город Намдинь. Смерть императора Ты Дыка в июле 1883 г. обострила в придворных вьетнамских кругах соперничество и борьбу за власть между различными группировками, что облегчило французским захватчикам завоевание Вьетнама. (За короткий срок после смерти Ты Дыка в стране сменилось три правителя.) В июле 1883 г. французская эскадра под командованием адмирала Курбе обстреляла порт и прибрежные укрепления Тхуанан — ворота столицы Хюэ. Попытки вьетнамской береговой артиллерии отразить нападение не увенчались успехом. Круглые ядра устарелых орудий не долетали до французских кораблей и не могли помешать высадке десанта. Вьетнамские форты отчаянно защищались, но были захвачены французами, которых поддержала судовая артиллерия. Путь к столице был открыт. Вьетнамское правительство капитулировало и согласилось на подписание договора (25 августа 1883 г.), первая статья которого объявляла французский протекторат над страной.

Оставив в столице французского резидента, эскадра направилась на север. Захватчики постепенно распространили свой контроль на важнейшие центры дельты Красной реки. Но здесь они встретили упорное сопротивление со стороны населения. Китайские войска также оказали сопротивление французам. Однако быстрое продвижение семнадцатитысячного французского экспедиционного корпуса к южным границам Китая и усилия французской дипломатии вынудили Цинов подписать 11 мая 1884 г. в Тяньцзине предварительную «конвенцию о дружбе и добрососедстве» между Францией и Китаем. Французское правительство в обмен на обязательство соблюдать неприкосновенность южных границ Китая и защищать их от посягательств любой державы вынудило китайского представителя признать договоры, заключенные Францией с Вьетнамом. Кроме того, Китай обязался отвести свои вооруженные силы с территории Северного Вьетнама и открыл вьетнамо-китайскую границу для французской торговли.

Заключение этой конвенции облегчило Франции задачу добиться от вьетнамского двора подписания окончательного договора, текст которого был выработан в Париже. Этот новый кабальный договор, означавший конец независимости Вьетнама и установление французского протектората над Северным и Центральным Вьетнамом, был подписан вьетнамским двором 6 июня 1884 г.

Одним из главных результатов завоевания Вьетнама Францией было его расчленение. Северный Вьетнам (Бакки) и Центральный Вьетнам (Чунки) были объявлены протекторатами и стали соответственно называться Тонкин и Аннам. Завоеванный и отторгнутый ранее Южный Вьетнам (Намки) был превращен в колонию Кохинхина.

Все иностранцы в Тонкине и в Аннаме подлежали французской юрисдикции. Сбор налогов в Тонкине переходил под контроль французских резидентов; смешанная франко-вьетнамская комиссия определяла порядок их расходования. Чтобы держать в повиновении вьетнамский двор, французы получили право содержать на территории протектората Аннам свои войска. Все форты вокруг столицы бывшей империи Хюэ подлежали срытью.

После того как французские империалисты укрепили свои позиции во Вьетнаме, они стали искать предлог для осуществления своих агрессивных замыслов по проникновению в южные провинции Китая.

Стремясь нанести ущерб престижу Китая, они сразу же после подписания договора в Хюэ демонстративно уничтожили оловянную печать — инвестиру на правление, присланную пекинским императором и служившую символом сюзеренитета Вьетнама. 17 августа 1884 г. Пекин заявил Франции по этому поводу протест. Чтобы добиться у Китая полного признания господства над Вьетнамом, Франция перешла к прямым военным действиям, отдав в августе 1884 г. приказ эскадре адмирала Курбе обстрелять без объявления войны китайское побережье (в том числе арсенал в Фучжоу) и захватить острова Пэнху (Пескадорские). Началась франко-китайская война. Цинское правительство направило в Тонкин регулярные части гуансиской армии. Бои развертывались в направлении Лангшона, который был захвачен французскими войсками в феврале 1885 г. Китайско-вьетнамские войска оказывали упорное сопротивление и наносили захватчикам довольно ощутимые удары. Так, в марте Лангшон был отбит у французов, они бежали, бросая оружие и амуницию и утопив в реке полковую казну.

Затяжной характер войны, ведшейся без санкции парламента, необходимость новых кредитов вызвали падение кабинета Ж. Ферри во Франции, и французское правительство приняло мирные предложения цинского двора. В июне 1885 г. в Тяньцзине был заключен новый договор, по которому Китай признал французский протекторат над Вьетнамом и открывал два пункта на вьетнамо-китайской границе для французских торговцев.

После эвакуации китайских регулярных войск с территории Тонкина сопротивление вьетнамского народа продолжалось.

ВОССТАНИЕ 1885 г. В Г. ХЮЭ И ДВИЖЕНИЕ «КАН ВЬОНГ» (1885—1896)

С 1885 г. патриотическая борьба вьетнамского народа против французских колонизаторов вступила в новый этап, длившийся почти до конца столетия и получивший название «кан вьонг» (в «поддержку короля»). Подписание договора 1884 г., закреплявшего потерю Вьетнамом государственного суверенитета, вызвало при вьетнамском дворе новую вспышку политической борьбы, где временный перевес получила группа феодалов — сторонников патриотической, антиколониальной борьбы. Они группировались вокруг крупного сановника Тон Тхат Тхуета, назначенного регентом при молодом императоре Хам Нги, возведенном на трон в июле 1884 г., — сторонника активной борьбы с колонизаторами. Эта группа феодалов выступала за вооруженную борьбу против колонизаторов и их изгнание из страны. Сигналом для восстания послужило прибытие в Хюэ генерала де Курси — главнокомандующего французскими вооруженными силами, хорошо осведомленного о непримиримых антифранцузских настроениях Тон Тхат Тхуета и о проводимом по его указанию строительстве крепости в труднодоступных горных районах провинции Куангчи. Несмотря на сопротивление сторонников соглашения с Францией, Государственный совет Вьетнама вынес решение о вооруженном выступлении. В ночь на 5 июля 1885 г. тайно стянутые к дворцу вьетнамские отряды напали на крепость, где размещался французский гарнизон, подожгли казармы и здания вокруг французской резиденции.

Но восстание имело лишь кратковременный успех. Плохо организованные повстанцы не смогли закрепить свою победу. Французам удалось отбить нападение и подавить восстание в Хюэ в течение двух дней.

В боях с регулярными французскими частями на каждого убитого француза приходилось до 50 убитых вьетнамцев. Император Хам Нги и его окружение вынуждены были бежать в крепость Камло в провинции Куангчи, куда предварительно были вывезены государственная казна и оружие. Хам Нги издал воззвание, призывавшее все население Вьетнама к продолжению вооруженной борьбы. Восстание в столице и призыв к всеобщей борьбе положили начало длительному этапу освободительной вооруженной борьбы против колонизаторов, поддержанной самыми широкими слоями населения не только в различных частях Вьетнама, в том числе и в Сайгоне, но и в других странах Индокитая, захваченных французскими колонизаторами. Массовость движения и его успех на данном первом этапе (1885—1888), когда очаги сопротивления возникали не вопреки приказу двора, а, напротив, повстанческое движение было возглавлено самим государем, превратившимся в глазах вьетнамцев в символ освободительной антиимпериалистической борьбы, — лучшее доказательство того, какой непоправимый урон национально-освободительной борьбе вьетнамских патриотов нанесла капитулянтская позиция правящего класса Вьетнама.

Колонизаторы хорошо поняли всю опасность создавшегося для них положения и повели активную борьбу против Хам Нги и его повстанческих отрядов, применяя все доступные им средства — от прямых военных действий до подкупа и шпионажа, используя через миссионерскую сеть в качестве шпионов и разведчиков вьетнамцев-католиков. Поэтому Хам Нги издал указ, призывающий уничтожить миссионеров и поддерживающих их вьетнамцев. Много вьетнамцев-католиков было убито, их деревни сожжены.

В Хьюэ французские колонизаторы совершили дворцовый переворот. Воспользовавшись колебаниями среди вьетнамской феодальной верхушки, они объявили императора Хам Нги низложенным и возвели на престол одного из его двоюродных братьев — Донг Кханя, который стал покорным орудием завоевателей. В течение указанных трех лет французские завоеватели вели упорную борьбу с повстанцами в северном Аннаме, стараясь схватить Хам Нги.

Одновременно усилилось повстанческое движение в Тонкине, откуда французы оттянули войска для борьбы с Хам Нги. Многие районы на севере были освобождены от захватчиков. Успехи повстанцев были столь значительны, что французские колониальные власти в своих донесениях в Париж склонялись к тому, чтобы отказаться от непосредственного подчинения Тонкина и ограничиться закреплением французского господства только в Аннаме. Но представители финансового капитала во французском правительстве не желали отказываться от широких колониальных захватов, и французский парламент проголосовал за предоставление новых кредитов на 1886 г. для войны в Тонкине, правда, большинством всего в четыре голоса.

В ноябре 1888 г. французам удалось схватить Хам Нги. Он был сослан в пожизненную ссылку под надзор французских колониальных властей в Алжир. Часть руководителей движения «кан выонг» погибла в боях, часть феодалов, участников борьбы, постепенно перешла на сторону захватчиков, регент Тон Тхат Тхует умер в эмиграции в Китае.

С начала 90-х годов руководство движением «кан выонг» перешло к видному представителю феодальной интеллигенции, ученому-патриоту Фан Динь Фунгу, получившему высшее звание первого лауреата империи на традиционных столичных конкурсах. Он обладал большим организаторским талантом, позволившим ему в короткий срок сформиро-

вать по-европейски обученную армию. Отряды Фан Динь Фунга действовали в основном в провинциях Нгеан и Хатинь, в его армии выдвинулись талантливые молодые военачальники из низов. Наряду с вьетнамцами в борьбе участвовали представители национальных меньшинств горных районов. Но под натиском французских войск отряды Фан Динь Фунга вынуждены были все глубже отступать в горы, где они были в конце концов окружены. В 1895 г. в одном из боев Фан Динь Фунг был убит. Руководители восстания были казнены, его участники подвергнуты жестоким репрессиям.

С разгромом восстания под руководством Фан Динь Фунга — последнего крупного вооруженного восстания, проходившего под лозунгом «кан выонг», в целом это движение к концу 90-х годов было подавлено. Но в Тонкине борьба не прекращалась, где в ходе ее выдвинулись талантливые руководители из низов, роль которых более заметна в 90-х годах. Одним из них был Де Тхам — крестьянин по происхождению, представитель национальных меньшинств, возглавивший крестьянские антиколониальные выступления. С начала 90-х годов базой этого повстанческого движения становится горный район Иентхе, откуда отряды Де Тхама, обладая большой маневренностью, совершали дерзкие вооруженные нападения.

Сочетая военные действия с раздуванием классовой и национальной розни, французские колонизаторы вступили в 1894 г. с Де Тханом в переговоры, они были вынуждены признать за Де Тханом право на управление четырьмя волостями в районе Иентхе с правом сбора с них налога в его пользу в течение трех лет. В 1895 г. французы возобновили борьбу, нарушив соглашение. Повстанцы были оттеснены в горные районы Тонкина, которые были превращены французским командованием в военные округа и изъяты из системы гражданского управления. Лишь после того, как большинство отрядов было разбито, французским колонизаторам ценой подкупа удалось окружить отряд Де Тхама, погибшего в последнем бою. Этот очаг сопротивления окончательно был подавлен в 1913 г.

С поражением движения «кан выонг» закончился феодально-патриотический этап антиколониальной борьбы вьетнамского народа. Причины его поражения заключались в общей экономической и военной отсталости страны, в разобщенности участников движения, в ограниченности их идеологии, сочетавшей в себе общенациональные элементы с классовыми, опиравшейся на монархическо-элитарные концепции конфуцианской доктрины «основ и норм». Поэтому характерно, что среди руководителей движения «кан выонг» — патриотически настроенных феодалов, интеллигенции и чиновничества — не было сторонников каких-либо новаторских реформ, предусматривавших модернизацию Вьетнама.

СОЗДАНИЕ ИНДОКИТАЙСКОГО СОЮЗА. НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ

В 1887 г. отдельные завоеванные территории, на которые французские колонизаторы разделили Вьетнам, — Кохинхина, Аннам и Тонкин — были вместе с Камбоджей объединены в так называемый Индокитайский Союз. Последствием (в 1889 г.) к Союзу был присоединен и завоеванный Францией Лаос.

Во главе централизованного управления был поставлен генерал-губернатор, имевший резиденцию в Сайгоне. При нем существовал Выс-

ший совет Индокитая (создан в 1897 г.), носивший совещательный характер. Он состоял из французских чиновников, занимавших высшие посты в колониальной администрации (губернатора Кохинчины, верховных резидентов Аннама и Тонкина и пр.), кроме того, в состав Совета входили два вьетнамских высших чиновника, назначавшихся генерал-губернатором. При правителях Аннама, Камбоджи и Луангпранбан-

Индокитай во второй половине XIX — начале XX в.

га (Лаос) находились французские верховные резиденты, которым принадлежала вся реальная власть, но формально она осуществлялась ими от лица марионеточных правителей. Во главе Тонкина (протектората) также находился французский резидент. Кохинхина (колония) управлялась французским губернатором.

При верховных резидентах и губернаторе Кохинхины функционировал разветвленный аппарат, через который проводились распоряжения глав администрации.

В Аннаме, где находились столица «империи Аннам» — Хюэ, двор и сам император, сохранились и функционировали некоторые прежние вьетнамские правительственные и административные институты. Но наиболее важные — Государственный и Регентский советы были преобразованы в Совет министров, возглавлявшийся верховным резидентом Аннама (1897).

В 1897 г. французские власти в лице генерал-губернатора П. Думера упразднили должность императорского наместника (Кинь Льюка) в Тонкине, передав все его полномочия французскому верховному резиденту и изъяв, таким образом, эту часть Вьетнама из юрисдикции вьетнамского монарха. Тонкин был поставлен под непосредственное управление французов, что грубо нарушало договор 1884 г., определивший статус Тонкина как протектората Франции. Фактически вся тонкинская администрация была постепенно захвачена французскими чиновниками. Во главе каждой провинции Вьетнама находился французский резидент, сосредоточивший в своих руках всю полноту реальной власти.

Некоторые районы Тонкина, пограничные с Китаем, были преобразованы в военные территории, во главе которых стоял высший офицер, подчинявшийся верховному резиденту Тонкина.

Кохинхина была разделена на 21 провинция, Тонкин — на 23, Аннам — на 16. В провинциях Кохинхины функционировали провинциальные советы, обсуждавшие в основном бюджетные вопросы данной провинции. В Аннаме и Тонкине подобные органы были созданы только в 1913 г. Провинциальные советы обладали консультативными правами.

Муниципальная администрация существовала в городах Сайгон, Ханой и Хайфон и пыталась во всем максимально копировать таковую во Франции. В качестве низшего звена колониальной администрации и органа по сбору налогов и исполнению повинностей была сохранена сельская община.

Политико-административные мероприятия колонизаторов проводились в интересах французской буржуазии. Экономическое закабаление Вьетнама Францией в первый период (на юге — с начала 60-х годов XIX в., на севере и в центре — с 80—90-х годов XIX в. и до окончания мировой войны 1914—1918 гг.) характеризовалось главным образом ввозом капитала по линии государственных инвестиций в виде так называемых колониальных займов, на средства которых были осуществлены строительство железных (1600 км) и шоссейных дорог, ирригационных систем, реконструкция портов, современное градостроительство. Всего с 1898 по 1913 г. было выпущено колониальных займов на сумму 515 млн франков.

Частные капиталовложения в этот период направлялись в основном в горнодобывающую промышленность, где были основаны крупные компании по добыче угля, олова, цинка, вольфрама, никеля, золота. Налог на разработки горнорудных и угольных месторождений, перешедших в собственность Франции, был очень низок. Почти все мине-

ральное сырье экспортировалось в метрополию и некоторые другие страны Европы.

В начале XX в. возникли первые крупные предприятия легкой, пищевой и обрабатывающей промышленности, наиболее значительными из них в экономическом отношении были текстильные фабрики в Намдине, компания «Дистеллери д'Эндошин» по производству и продаже алкогольных напитков и цементный завод в Хайфоне. К 1914 г. на 200 французских предприятиях работало 55 тыс. рабочих, а общая численность всех категорий рабочих составила около 100 тыс. человек.

Проникновение французского капитала происходило и в области сельского хозяйства. Французские империалисты не только сохранили за прежними феодалами их земельные владения, но и содействовали образованию нового слоя помещиков из связанных с колонизаторами посредников, особенно в Кохинхине, создавая тем самым социальную опору своего господства. Колониальная администрация, стремясь привлечь французский капитал, за бесценок раздавала тысячи гектаров земли. Так, в 1890 г. в провинции Бакнинь (Тонкин) из 95,5 тыс. га земли 28 тыс. га принадлежало французским помещикам. Но в Тонкине помещичье землевладение обычно состояло из многочисленных небольших участков, купленных или захваченных у крестьян, в отличие от Кохинхины, где была создана крупная земельная собственность. На землях помещиков сохранялись докапиталистические формы эксплуатации. В Кохинхине основной фигурой в деревне был издольщик-арендатор (та-дьен), как правило, не имевший своего надела. Рост товарно-денежных отношений и проникновение капитала в деревню при сохранении феодальных методов эксплуатации приводили к обезземеливанию и обнищанию крестьян и концентрации земель в руках деревенской администрации, превращавшейся в кулацко-ростовщическую прослойку, которая контролировала также общинные и культовые земли.

Новым явлением в экономике Вьетнама стало создание французскими колонизаторами в Кохинхине крупного плантационного хозяйства технических (каучука), citrusовых и других (кофе, чая) культур, ставших основными статьями экспорта колониального Вьетнама. Разоренное безземельное крестьянство из тонкинской дельты и из северного Аннама служило для колонизаторов обширным резервом дешевой рабочей силы для вновь созданных плантаций и предприятий страны.

Закреплению монопольного господства французского капитала в Индокитае способствовала система пошлин и сборов, составлявших 2% выплаты от цены товара. Уже в 1899 г. таможенные поступления составили 7,3 млн пиастров (основанный в 1875 г. в г. Сайгоне Индокитайский банк имел право эмиссии денежной единицы Индокитайского союза — пиастра). Таможенные сборы наряду с другими косвенными налогами, в первую очередь от монополий на алкоголь, опиум и соль, составляли основную часть доходов генерального бюджета Индокитайского союза — 50—60% общей суммы.

Систематическая и всесторонняя колониальная эксплуатация Вьетнама, возросшее налогообложение, монопольное положение французского капитала — все это служило основой для ограбления вьетнамского народа, выкачивания средств из страны. Только за 1897—1902 гг. сумма налогов всех видов из вьетнамской деревни составляла свыше 90 млн франков, а бюджет Индокитайского союза впервые имел положительное сальдо — около 21 млн франков, тогда как за весь период со времени завоевания Вьетнама до 1897 г. было собрано 35 млн франков.

В первые десятилетия французского господства Индокитай почти не выступал в качестве поставщика промышленного сырья. Основным ис-

точником колониальных сверхприбылей для французской буржуазии служил исконный продукт вьетнамского сельского хозяйства — рис. Вьетнам, особенно Кохинхина, стал страной рисовой экспортной монокультуры. В этой части страны производство риса за сорок лет (с 1875 по 1915 г.) возросло в 3—4 раза, экспорт — в 5 раз, три четверти обрабатываемых площадей находились под рисом. Увеличению экспорта риса способствовало также и резкое увеличение его товарности в результате возникновения крупных помещичьих хозяйств в южной части Вьетнама.

С конца XIX в. до 1918 г. общая сумма государственных и частных инвестиций в Индокитае составила более 1 млрд золотых франков. Концентрация французского капитала в колонии была высокой. Индокитайский банк, наделенный широкими полномочиями в области коммерческой деятельности, непосредственно владел многими предприятиями и был связан с монополистическими компаниями, контролировавшими вывоз риса, добычу ископаемых.

В период с конца XIX — начала XX в. в результате интенсивного экономического закабаления Вьетнам был превращен в аграрно-сырьевой придаток Франции, что обусловило однобокий, уродливый характер развития его экономики, ориентированной на нужды метрополии, лишило возможности самостоятельного развития. Господство французских монополий препятствовало формированию национальной буржуазии, которая имела относительно прочные позиции лишь в сфере розничной торговли и легкой промышленности. Значительный слой посреднической буржуазии, тесно связанной с французским капиталом, был представлен во Вьетнаме инациональным капиталом — китайским, позиции которого в торговле были достаточно сильными, особенно в Кохинхине. На данном этапе вьетнамские компрадоры практически отсутствовали (за исключением небольшой группы подрядчиков-вьетнамцев).

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В новых условиях колониального режима и развивающихся капиталистических отношений, зарождения новых, современных классов общества — рабочего класса и буржуазии — во Вьетнаме возникла новая идеология — буржуазно-националистическая, отражавшая процесс пробуждения национального сознания и принесяшая новые более современные формы борьбы.

Империалисты, заинтересованные в расширении своего идеологического влияния и в преодолении традиционного конфуцианского образования, стали насаждать во Вьетнаме систему европейского образования: смешанные франко-аннамитские школы, в 1907 г. был открыт Ханойский университет¹, в 1904 г. — медицинское училище и др. Постепенно складывался слой вьетнамской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, среди которой под влиянием русской революции 1905 г. и революционной деятельности Сунь Ятсена усиливалось стремление к независимости и экономическому переустройству страны. В начале XX в. в национальном движении Вьетнама наметились два направления: антиимпериалистическое и антифеодальное. Странники первого, руководителем которого был Фан Бой Тяу (1867—1940), выступали за

¹ В 1908 г. он был закрыт, регулярное его функционирование возобновилось в 1918 г.

вооруженную борьбу против колонизаторов, за независимость родины и создание конституционной монархии (с 1912 г. — за создание буржуазно-демократической республики). В 1904 г. Фан Бой Тяу и его сторонники создали первую вьетнамскую политическую организацию — «Общество обновления Вьетнама» (Вьетнам Зюи Тан Хой). В 1905 г. члены этого общества организовали «Движение на Восток» (Донг Зу), целью которого было обучение молодых вьетнамских патриотов в военных школах Японии. Наибольшее развитие это движение получило в 1907—1908 гг.

Сторонники другого направления, идейным руководителем которого был Фан Тю Чинь (1872—1926), выступали за преобразование страны при сотрудничестве с Францией путем социальных реформ, прежде всего в области образования, за установление буржуазной демократической республики, против монархии и старого чиновничьего аппарата. В марте 1907 г. в Ханое была открыта Тонкинская общественно-просветительская школа (Донг Кинь Нгиа Тхук) при самом активном содействии Фан Тю Чиня и его сторонников. Для Вьетнама того времени это была организация совершенно нового типа.

В 1908 г. движение за социальные реформы, возглавленное частью мелкобуржуазной интеллигенции во главе с Фан Тю Чинем, которая была связана с массовым народным движением, распространилось в деревнях. По всему Аннам прокатилась волна крестьянских выступлений против непосильных налогов и притеснений чиновников. В Ханое движение крестьян было поддержано участниками движения «Донг Зу», временно объединившимися с повстанческими отрядами Де Тхамы и организовавшими заговор, целью которого было отравление французского гарнизона. Заговор был раскрыт, французские власти жестоко расправились с восставшими. Демократическое движение за социальные реформы было разгромлено, сотни патриотов были арестованы или сосланы на каторгу. В числе сосланных был и Фан Тю Чинь. В 1911 г. он был отправлен во Францию без права возвращения на родину.

Суровые репрессии против участников национально-освободительного движения вынудили многих патриотов, в том числе и Фан Бой Тяу, эмигрировать в Китай. Под влиянием идей буржуазной Синьхайской революции 1911 г. в Китае и революционера-демократа Сунь Ятсена Фан Бой Тяу создал в 1912 г. в Гуандуне вьетнамскую национальную организацию — политическую партию «Общество возрождения Вьетнама» (Вьетнам куанг фук хой), крайне пеструю по социальному составу и не имевшую четкой программы. Это общество ставило своей задачей освобождение Вьетнама от французского колониализма и установление в стране демократической республики. Но эмигрантские круги мелкобуржуазной интеллигенции были слабо связаны с национально-освободительным движением в стране. Многие были склонны видеть в индивидуальном терроре главное средство борьбы с империализмом, поэтому в 1913 г. террористические акты достигли особого размаха.

Покушения на высоких чинов французской колониальной администрации, а также приближение мировой войны, явственно ощущавшееся в Европе, вызвали усиление репрессивных мер со стороны французских колониальных властей по отношению к членам «Общества возрождения Вьетнама». Многие лидеры национального движения, находившиеся за границей, были заочно приговорены к смертной казни. Фан Бой Тяу по настоянию французского генерал-губернатора А. Сарро был арестован в Кантоне в 1913 г. В результате осуществленных репрессий освободительное движение во Вьетнаме в предвоенный период было ослаблено.

В годы первой мировой войны французские правящие круги мобилизовали и широко использовали людские и материальные ресурсы Вьетнама и других стран Индокитайского союза. Во Францию в широких масштабах вывозились продукты сельского хозяйства и минеральное сырье — рис, кукуруза, каучук, цемент, цинк, олово, вольфрам и пр. В 1915 г. колониальная администрация приступила к мобилизации и отправке во Францию вьетнамских солдат и рабочих. Всего за годы войны было мобилизовано около 100 тыс. человек. В странах Индокитайского союза были принудительно размещены военные займы на сумму 200 млн франков.

Недовольство населения насильственной вербовкой, ухудшение экономического положения, снижение уровня жизни рабочих, мелких ремесленников и городской бедноты были причинами усиления национально-освободительного движения во Вьетнаме в годы первой мировой войны, которое возглавило «Общество возрождения Вьетнама». Его руководство пыталось заручиться финансовой и военной помощью Германии. В 1915 г. члены общества осуществили нападение на ряд французских военных постов в пограничных с Китаем районах Вьетнама (провинции Каобанг и Футхо). В 1916 г. волнения крестьян охватили почти всю Кохинхину. Они были направлены против вербовки солдат и проходили в форме выступлений тайных обществ. Ими была сделана попытка захватить сайгонскую тюрьму и освободить арестованного в 1913 г. Фан Сить Лонга, возглавлявшего в те годы выступления крестьян в Кохинхине.

Антифранцузские настроения охватили и часть феодальной верхушки. В столице Вьетнама Хюэ возник новый заговор, во главе которого стоял семнадцатилетний император Зюи Тан. Решив воспользоваться ослаблением (в связи с войной в Европе) французских вооруженных сил в Индокитае, Зюи Тан со своими немногочисленными единомышленниками предполагал поднять вооруженное восстание и свергнуть власть французских колонизаторов, опираясь на солдат, расквартированных в городах Аннама и ждавших отправки на фронты Европы. В ночь на 4 мая 1916 г. Зюи Тан бежал из дворца Хюэ, повторив путь мятежного императора Хам Нги. Но монархия, превратившаяся в послушную марионетку французских империалистов, давно потеряла популярность у народных масс. В описываемый период недовольство широких слоев населения было направлено не только против французских колонизаторов, но и против местных феодально-бюрократических элементов. Поэтому призыв к восстанию не был поддержан, заговор был раскрыт, император Зюи Тан сослан на остров Реюньон.

Наиболее крупным вооруженным выступлением военных лет было восстание вьетнамских солдат колониальной армии в провинции Тхайнгуен (Тонкин) в августе 1917 г. Среди них активную пропагандистскую работу вели мелкобуржуазные националисты — члены «Общества возрождения Вьетнама». Восставшие солдаты штурмом захватили тюрьму в Тхайнгуене и освободили заключенных, затем захватили провинциальный центр — город Тхайнгуен, который находился в их руках в течение трех дней. Было поднято белое знамя с пятью желтыми звездами — символ освобождения всех пяти частей Индокитайского союза. Восстание продолжалось и в других провинциях Тонкина. Со стороны французов понадобились значительные военные операции, чтобы подавить восстание, длившееся до января 1918 г.

Основная масса национальной буржуазии стояла в стороне от освободительного движения этого периода. В результате мировой империалистической войны несколько окрепли экономические позиции вьетнамской буржуазии. Этому способствовала также политика французской администрации, пытавшейся путем правительственных заказов привлечь местную торгово-промышленную верхушку на свою сторону. Окрепшая вьетнамская буржуазия стала добиваться экономических и политических реформ. Французские правящие круги вынуждены были маневрировать.

В начале 1917 г. французское правительство вторично назначило в Индокитай генерал-губернатором опытного политического и колониального деятеля Альбера Сарро (первое губернаторство 1911—1914 гг.). Новый генерал-губернатор особое внимание уделял политике расширения социальной опоры колонизаторов, обеспечению сотрудничества вьетнамских помещиков и буржуазии с французским империализмом, проводившейся под лозунгом «франко-вьетнамского сотрудничества». Сарро выступил с демагогической программой экономических и политических реформ, не скупился на обещания самой широкой автономии, которую Франция якобы намерена предоставить колонии после окончания войны. Вьетнамская буржуазия в надежде на послевоенные реформы охотно поддерживала выгодные для нее мероприятия Сарро.

ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

До 1877 г. французские колонизаторы не получили решающих прав на вмешательство во внутренние дела страны и даже приобретенными правами пользовались мало. Тут сыграло свою роль не только продолжающееся сопротивление вьетнамской империи, а затем франко-прусская война и ее последствия, но и то обстоятельство, которое помогло Сиаму также остаться полузависимой страной в XIX в., — слабая заинтересованность французских колонизаторов в «освоении» страны, в значительной степени подчиняемой «впрок», чтобы этого не сделала Англия. Это во многом способствовало сохранению здесь, как и в Сиаме, монархических институтов и традиционной социальной структуры, в то время как в соседнем Южном Вьетнаме насаждение колониальных порядков началось сразу же после захвата.

Пока кхмерская монархия обеспечивала неприкосновенность политической власти Франции в стране, колонизаторы до поры до времени склонны были делить с нею власть. Тем более что попытки полного устранения правителя от власти могли, как и показало будущее, потребовать от Франции больших расходов и людских потерь. В 1865—1877 гг. участие колонизаторов во внутренней жизни страны выразилось в военной поддержке королевских войск в их борьбе с выступлениями претендентов (принц Си Ватха) и крестьянскими восстаниями. Это привело к росту антифранцузских настроений, тем более что кхмерские повстанцы нередко выступали при поддержке борющихся с колонизаторами вьетнамцев. Французские власти воспринимались в такой ситуации уже не как «сюзерен» — преемник Вьетнама, а как чуждая народам Индокитайского полуострова сила.

ПОПЫТКИ ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ ВЛАСТИ КОРОЛЯ

Внутренняя самостоятельность кхмерской монархии просуществовала в условиях колониального «протектората» недолго. В 1877 г. колонизаторы начали принудительную «модернизацию» кхмерского общества. Под давлением французского представителя Народом подписал декрет, в котором наряду с некоторыми мерами, продолжавшими «модернизацию» времен Анг Дуонга (отмена пожизненного состояния зависимости для кньюмов, административных функций у членов королевской семьи), содержались и малоприемлемые для феодальной верхушки положения: некоторое ограничение власти короля, отмена государственных монополий, требование одобрения новых налогов Королевским Советом, где прислушивались к мнению французского представителя, частичное разделение судебных и административных функций чиновников, замена общественных работ (при осуществлении которых важную роль играли комланги) денежной выплатой.

* С 1989 г. принято название Государство Камбоджа.

Все это разрушало в значительной степени социальный феодально-бюрократический организм, подрывая имущественный и социальный статус служилых феодалов и многочисленных членов династии. Хотя колонизаторы, не настолько заинтересованные в тот момент в широкой эксплуатации страны, чтобы идти на большой конфликт, проводили подобные мероприятия осторожно, часто «выкупая» различные феодальные привилегии, господствующий класс Кампучии сразу увидел в них истинную опасность (в отличие от реформ Анг Дуонга) для своих классовых позиций и начал их саботировать. Но король и его окружение уже не все определяли в Кампучии.

После некоторых ограничений власти короля в 1882 г. летом 1884 г. ему было предложено подписать соглашение, которое полностью ликвидировало его власть внутри страны. Начиная с положения о том, что король заранее одобряет все реформы, которые французское правительство сочтет необходимым ввести в стране, оно содержало подробную схему передачи власти в центре и в провинциях французским чиновникам, подчиненным верховному резиденту. Власть короля практически аннулировалась, все налоги страны контролировались французами, вводилось европейское судопроизводство, военные силы переходили под французский контроль и т. п. Но аппетиты колонизаторов превысили их возможности, да и время было выбрано неудачно, шли тяжелые бои во Вьетнаме.

ВОССТАНИЕ 1885 г. УСТУПКИ КОЛОНИЗАТОРОВ

Вынужденный под прямой угрозой насилия подписать соглашение 1884 г., Нородом и его двор сразу после этого призвали народ к вооруженному сопротивлению, объективные условия для которого уже были созданы предшествующим вмешательством колонизаторов в жизнь страны. Французские администраторы недооценили авторитет короля в феодальной стране, а главное — то, что вся страна во внутренней жизни еще была ориентирована на двор как источник власти. В 1885 г. все лица, способные носить оружие, были мобилизованы, армия резко увеличилась, королевская администрация смогла поднять крестьянские массы на решительную вооруженную борьбу. Вся страна покрылась вооруженными отрядами, французские войска заперлись в немногих городах и крепостях и не могли оказать никакого воздействия на положение в стране. Несмотря на решительный перевес в вооружении и организации, они несли большие потери и явно не могли завоевать Кампучию, так как народ и правительство, сплотившись, успешно вели регулярную и партизанскую борьбу.

В этой борьбе все большую роль играли выдвинутые крестьянами вожаки, многие из которых не собирались складывать оружия до полного изгнания колонизаторов. Массы народа практически впервые почувствовали истинную опасность колонизаторов и выступили против них с мужеством и готовностью к жертвам.

Столкнувшись с монолитным феодальным обществом, колонизаторы поняли, что гораздо эффективнее будет добиваться своих целей через явно еще жизнеспособный механизм феодальной монархии, чем через борьбу с ним, тем более что формально сам декорум протектората воспринимался многими в Кампучии как нечто уже давно существующее. Соглашение 1884 г. было отменено, кхмерская монархия вернула себе и своей социальной опоре, служилым феодалам-чиновникам, административные функции по соглашению от июня 1886 г. Колони-

заторы не отказались от своих планов постепенного превращения независимого королевства в фактическую колонию, но поняли, что в конкретных условиях выгоднее в чем-то поделиться с королевской администрацией, чем тратить средства на длительную колониальную войну, тем более что крупных экономических выгод захват страны не принес.

КХМЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

Так сложилось взаимодействие монархии и колонизаторов, просуществовавшее до самого конца колониального периода, в ходе которого позиции королевской власти постепенно все более слабели, но всегда оставались сильнее, чем, например, в соседнем Вьетнаме. В этом были и сила и слабость кхмерского общества, поскольку сохранение сравнительно эффективного режима феодальной монархии тормозило социальное развитие. Но при всем том следует помнить, что не только внутренние факторы способствовали сохранению кхмерской монархией определенных позиций. По-прежнему действовал тот же, что и в Сиаме, фактор — относительно слабая заинтересованность колонизаторов в глубоком внедрении в экономику страны (до широкой эксплуатации ее ресурсов было еще далеко), а налоги с крестьян эффективнее было собирать усилиями кхмерских чиновников, возглавляемых монархом.

Тем не менее, подписав новое компромиссное соглашение 1886 г., французская администрация не собиралась оставлять в руках кхмерской монархии всю ту власть и влияние, которые обеспечили ее эффективное сопротивление в 1885—1886 гг. Постепенное лишение сдатеи значительной части их власти началось после создания Индокитайского Союза, в рамках которого проводилась колониальная «унификация» во французских владениях в восточной части Индокитайского полуострова. Но делалось это постепенно и в относительно мягкой форме, часто как «выкуп» тех или иных феодальных прав. Так, в 1890 г. было выкуплено право монарха на обложение вывозимого из страны риса, в 1891 г. все налоги были поставлены под контроль французских чиновников, а король получал фиксированную сумму как цивильный лист; наконец, в 1892 г. была организована финансовая служба под контролем французской администрации, собиравшая через кхмерских чиновников налоги со всей страны. Механизм колониального ограбления был создан, причем в значительной степени за счет переориентации на колонизаторов традиционных доходов кхмерских феодалов-чиновников и двора. Все это сопровождалось расширением сети французских чиновников в стране.

С 90-х годов «модернизация» кхмерской монархии служила уже только укреплению власти колонизаторов. Под их давлением в 1897 г. Породом фактически отказался от верховной власти, законодательная инициатива переходила к верховному резиденту, король оставался лишь главой сангхи, сохранял право помилования, подписывал декреты и назначал, по согласованию с резидентом, кхмерских чиновников. Но декорум королевской власти сохранялся, и в своей повседневной жизни кхмерские крестьяне редко сталкивались с французской администрацией. Это сыграло свою роль в камуфлировании власти колонизаторов.

В значительной степени были реорганизованы и «европеизированы» административное управление, судебные органы и полиция, налоговое дело, что заметно ударило по доходам феодалов. Были отменены их «права» на зависимых крестьян, отняты приписанные к членам дина-

сти кхеты (провинции), налоги с которых прежде шли им. И наконец, большая часть налогов, ранее оседавших в карманах чиновников, пошла в бюджет Индокитайского Союза. Усилился налоговый гнет в отношении крестьян и горожан вследствие грабительской налоговой политики губернаторов Индокитайского Союза. Все это вызывало определенное недовольство, положение осложнялось также тем, что Си Ватха, основной претендент на престол, продолжал скрываться в горах до 1891 г.

КХМЕРСКАЯ МОНАРХИЯ И ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

Важнейшую роль в отношении двора к Франции сыграли события 1904 и 1907 гг., когда французское правительство, стремясь к расширению своих колониальных владений в Юго-Восточной Азии, присоединило (а формально — вернуло Кампучии) сначала северные, а затем и западные провинции страны. Возвращение под власть, пусть уже номинальную, кхмерской короны ранее захваченных Сиамом (напомним, с согласия самой же Франции) земель обеспечило большую по сравнению, например, с династией вьетнамских императоров лояльность кхмерского двора.

Что же касается феодального чиновничества, то оно, хотя и переделанное на денежное жалованье, по-прежнему составляло основную массу государственных служащих, сохраняло административную власть на местах и возможность получать дополнительные доходы с крестьян. В его составе постепенно росла доля специально подготовленных чиновников «европейского образца». В этих условиях развернулась регулярная эксплуатация колонизаторами Кампучии. На первых порах основную часть доходов составляли прямые и косвенные налоги, таможенные сборы и монополии на продажу определенных видов массовых товаров, но постепенно росло число плантационных хозяйств, для создания которых было изменено кхмерское земельное законодательство и проведен, в интересах плантаторов, земельный кадастр. За счет бесплатного труда кхмерских крестьян создавались элементы современной инфраструктуры. В стране начали действовать французские фирмы, появились первые небольшие предприятия современного типа. В годы первой мировой войны кхмерские солдаты были отправлены на фронт, в стране шла подписка на военные займы.

Хотя монархия и ее окружение, особенно после прихода к власти короля Сисовата (1904—1927), гораздо более лояльного по отношению к французской администрации, чем его брат и предшественник Народом, долгое время ей сопротивлявшийся, в начале XX в. не пытались бороться с колонизаторами, свойственные колониальной системе конфликты начались уже в 1907 г. (восстание под руководством Визес Нхнеу). Наиболее крупным было выступление в 1916 г., когда налоговый гнет, мобилизация в армию и прежде всего тяжелый принудительный труд на строительстве дорог вызвали массовое восстание, участники которого осаждали города и сражались с французскими войсками. В подавлении восстания сыграли роль не столько военные силы колонизаторов, сколько политика короля Сисовата, в ходе переговоров убедившего крестьян прекратить борьбу.

ИНДОНЕЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ГОЛЛАНДСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ

ИЗМЕНЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НИДЕРЛАНДОВ

К 70-м годам XIX в., когда капиталистическая система в Европе и Северной Америке вступала в стадию империализма, колониальное хозяйство Индонезии, цепляющееся за архаичные феодальные отношения, пребывало в состоянии острейшего кризиса. Непригодность методов государственно-крепостнической эксплуатации голландской колонии проявилась со всей очевидностью. В 50—60-е годы одна за другой стали отменяться принудительные культуры. Интересы резкого подъема производительности требовали введения наемного труда, раскрепощения крестьянства, допуска к колониальным прибылям давно добивавшейся этого голландской промышленной буржуазии. В качестве первого шага в этом направлении голландское правительство приняло законы, направленные на создание условий для новых форм эксплуатации колоний. «Сахарный закон» 1870 г. открыл возможность беспрепятственной организации частных плантаций и знаменовал ликвидацию системы принудительных культур. В том же году был принят так называемый «аграрный закон», создавший благоприятные условия для организации крупных частных плантаций в Индонезии. Закон объявлял собственностью казны все земли, «на которые не могло быть доказано право частной собственности». На Яве это означало установление государственной собственности на все земли, за исключением феодальных владений в княжествах Джокьякарта и Суракарта, а также земель, проданных европейцам и китайцам. За яванскими крестьянами закрепилось наследственное держание земель, которые ими обрабатывались в момент принятия закона. Все остальные земли были объявлены «свободными». Под этим предлогом у крестьянских общин были отняты пастбища, выгоны и лесные участки. Наиболее плодородные участки «свободных» земель передавались в аренду европейским плантаторам. Закон запрещал европейцам приобретать землю в собственность. Целью этого запрета было ограничить превращение в земельных собственников капиталистов других, более мощных европейских государств. Крестьянство же от этих ограничений ничего не выиграло. Плантаторы добивались получения в аренду отдельных крестьянских участков или всей земли, принадлежавшей общине. Обычно крестьяне, сдав свою землю в аренду, могли пользоваться ею на кабальных условиях для посева скорозревающих продовольственных культур в перерывах между посевами плантационных культур. За это они обязаны были отработать на плантации во время посева и уборки урожая.

После отмены системы принудительных культур усилился процесс дифференциации в индонезийской, в первую очередь в яванской, деревне. Зажиточные слои, а также чиновники, торговцы и ростовщики захватывали крестьянскую землю.

В конце XIX в. голландские колонизаторы начали создавать новые ирригационные сооружения, в которых нуждались плантаторы. Контроль над источниками орошения стал для колонизаторов новым мощным средством закабаления крестьян.

Обезземеливание крестьян обеспечило предпринимателей дешевыми рабочими руками. Многие тысячи разоренных яванских крестьян вывозились в качестве законтрактованных кули в другие районы Индонезии.

В 80-х годах крупные банки начали подчинять себе плантации и промышленные предприятия в Индонезии. Особую роль играло Нидерландское торговое общество, превратившееся после ликвидации системы принудительных культур в крупный банк. Наряду с ним развивали свою деятельность и другие банки. К 1875 г. Нидерландское торговое общество владело или контролировало множество различных плантаций, 27 сахарных заводов, 17 табачных, кофейных и других предприятий.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА ВО ВНЕШНИЕ ВЛАДЕНИЯ И ИХ ПОЛНОЕ ПОКОРЕНИЕ

Отмена системы принудительных культур открыла возможность проникновения в Индонезию не только голландского частного капитала, но и капитала других европейских держав, а также США. С открытием Суэцкого канала интерес к Индонезии со стороны этих держав во много раз усилился. Иностранный капитал устремился не только на Яву, но и в другие районы Индонезии, особенно в те, где голландское господство не было упрочено и где поэтому открывалась возможность миновать голландский контроль. Особенную активность проявлял английский капитал. Английская буржуазия предпочитала видеть владельцем Индонезийских островов слабую в военном отношении Голландию. Между тем американское проникновение на Гавайи и Самоа, а также на острова Индонезийского архипелага становилось реальной угрозой в условиях, когда империалистический раздел мира приближался к завершению.

Особенно нежелательным для Англии было бы укрепление мощного соперника в независимых княжествах Суматры. Англия не препятствовала распространению голландского господства на всю Суматру, включая княжество Аче. По инициативе Англии были начаты переговоры, завершившиеся подписанием в конце 1870 г. так называемого Суматранского трактата. Англия добилась для своих подданных равных торгово-экономических прав с голландцами. Голландцы подчинили себе значительное число княжеств, ранее подвластных султану Аче. Султаны, лишившись дани от княжеств, увеличили налоги и поборы с населения, что вызвало рост народного недовольства. Некоторые феодалы пытались ориентироваться на другие державы. Эмиссары Аче в Сингапуре через консулов европейских держав и США рассчитывали добиться соглашений, направленных против Голландии, обещая за это различные льготы и привилегии. Консул США в Сингапуре заключил с представителями княжеств тайное соглашение, предполагая превратить Аче в американский протекторат. Это ускорило голландские стремления аннексировать Аче. Для начала они попытались навязать султану неравноправный договор. Султан Аче отклонил предъявленные им ультимативные требования. Началась одна из самых длительных и кровопролитных войн, которые когда-либо голландцы вели в Индонезии. В 1873 г. голландский десант высадился вблизи столицы Аче, но завоеватели натолкнулись на мужественное сопротивление. Каждое здание столицы им приходилось брать с бою, при осаде укрепленной мечети

был убит командующий голландскими войсками. Первая попытка завоевателей покорить страну была отражена.

В том же году голландцы повторили нападение, направив в Аче более крупную экспедицию, которой на этот раз удалось взять столицу. В начале 1874 г. завоеватели объявили о присоединении Аче к голландским владениям. Народ под руководством своих вождей и мусульманских проповедников продолжал упорное сопротивление. Пять лет понадобилось голландцам для того, чтобы занять прибрежную территорию Аче.

На границе захваченной территории они воздвигли 16 фортов и соединили их специально построенной железной дорогой. Все деревни вокруг фортов были разрушены. Но народ не сдавался, мусульманские проповедники переходили от селения к селению, призывая к «священной войне» против неверных. Малолетний сын умершего султана был провозглашен правителем. Укрываемый народом в лесах внутренних районов Суматры, он в глазах повстанцев стал как бы олицетворением независимости и политического единства Аче. За первые десять лет кровавой войны колонизаторы добились немногого. Внешний долг Голландии к 1884 г. увеличился на 85 млн гульденов. Дорогостоящая война в Аче вызвала в парламенте метрополии резкую критику правительства.

Голландские колонизаторы пытались «компенсировать» неудачи в Аче подчинением мелких феодальных княжеств своему господству. В 1894 г. под предлогом защиты от притеснений балийских феодалов остров Ломбок был насильственно превращен в голландское владение.

Борьба народных масс Аче не прекращалась. Даже в пределах оккупированной и укрепленной голландцами территории продолжались нападения местных партизан на голландские гарнизоны и чиновников. Многие вожди племен и феодалы, которые вынуждены были признать голландское господство, продолжали поддерживать связи с повстанческими отрядами и при первой возможности вновь с оружием в руках выступали против завоевателей. Один из племенных вождей Теуку Умар использовал полученные обманом у голландцев деньги и оружие для продолжения освободительной борьбы против голландских завоевателей.

Однако голландцы в конце концов добились успеха в Аче, пообещав крупным феодалам, вассалам султана, сохранение за ними права на наследственное управление владениями. Имущие слои Аче получили обещание, что за ними будет сохранена возможность эксплуатировать народные массы. Несмотря на все это, прошло много времени, прежде чем голландцам удалось добиться полной капитуляции Аче.

Голландские войска осуществляли опустошительные рейды во внутренние районы страны. Длительная неравная борьба истощала силы народа. Теуку Умар погиб в 1899 г. Имущая верхушка постепенно переходила на сторону завоевателей. Сдался на милость победителей и последний султан Аче.

Голландские власти торжественно объявили о начале «умиротворения» края. Это «умиротворение» сопровождалось зверской расправой с теми, кто продолжал борьбу. Голландские войска, размещенные по стране, терроризировали население. За каждое нападение партизан и за помощь им карались целые деревни. Кровавой расправы не избежали даже старики и дети. Лишь к концу первой мировой войны оккупационный режим голландской военщины стал постепенно заменяться гражданской администрацией.

Формально в пределах Индонезии сохранялось к тому времени около 300 «самоуправляющихся» княжеств и территорий, но даже наиболее крупные из них были подчинены контролю голландских чиновников. Большинство султанов и правителей были вообще отстранены от всякого участия в управлении и должны были довольствоваться содержанием, установленным голландцами. Казна княжеств, налоги были отданы под голландский контроль. Финансы мелких княжеств были объединены под управлением специальных казначейств.

Голландские империалисты заменили разнообразные двусторонние договоры упрощенным однотипным соглашением, которое состояло из трех статей. Подписывая его, индонезийские султаны и правители признавали территорию своего княжества частью Нидерландской Индии, обязывались не вступать ни в какие сношения с иностранными государствами и выполнять все распоряжения голландских властей.

Подчинение территорий Индонезии голландским империалистам сопровождалось обострением противоречий между крупнейшими империалистическими державами. Начавшееся проникновение американского капитала на север Калимантана было остановлено Англией. Английская компания Британского Северного Борнео захватила территории, на которые раньше покушались американцы.

Уступленные компании территории включали районы, из-за которых издавна шли споры между султаном Брунея и султаном Сулу, признавшим в XIX в. власть Испании. Возник англо-испанский конфликт, завершившийся соглашением 1885 г. Испания вынуждена была отказаться в пользу Англии от всех своих претензий на Северный Борнео (Сабах).

Острый конфликт между империалистическими хищниками разыгрался также в связи с вопросом о Новой Гвинее. Голландское господство на острове даже формально не простиралось дальше 141° в. д. Восточная часть острова стала объектом захватнической политики германских империалистов. Завоевание Германией в 1884—1885 гг. северной и восточной частей острова, ее стремление продвинуться на юг вызвали ответные мероприятия со стороны Англии. Под давлением господствующих слоев Австралии Англия объявила южную часть восточной половины острова своим владением. Раздел мира продолжался. Длительные споры и дипломатическая борьба, осложнявшаяся англо-американо-германскими противоречиями на Самоа, завершились в 1885 г. разделом восточной половины Новой Гвинее между Германией и Англией. Установленные в 1885 г. границы просуществовали до первой мировой войны.

Проникая в еще не освоенные районы Индонезийского архипелага, империалисты часто использовали в своих захватнических интересах специалистов и ученых как агентов и разведчиков империалистических правительств и монопольных компаний. Яркой противоположностью явилась деятельность великого русского ученого Миклухо-Маклая, прожившего долгие годы среди племен Новой Гвинее. Своим отношением к местному населению он завоевал любовь и уважение. Ученый-гуманист горячо протестовал против захвата новогвинейских территорий германскими империалистами, против жестокой колониальной эксплуатации народа, которому он стремился помочь.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ИНДОНЕЗИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К началу XX столетия большая часть Индонезии стала колонией голландского империализма. Лишь Саравак на севере Калимантана и Британское Северное Борнео находились под протекторатом Англии; на острове Тимор сохранились колониальные владения Португалии, а восточная половина Новой Гвинеи была поделена Англией и Германией.

Закрепив за собой большую часть архипелага, относительно слабая в военном отношении Голландия сохраняла свои колонии, пользуясь противоречиями между более мощными империалистическими державами. В условиях борьбы за передел уже поделенного колониального мира Голландия пыталась лавировать. Этим объяснялась и вынужденная политика «открытых дверей».

Всем империалистическим державам была предоставлена широкая возможность участия в эксплуатации Индонезии. Деятельность неголландских монопольных компаний и подданных других государств в Индонезии не была ограничена, экспортные и импортные пошлины были одинаковы для голландских и неголландских товаров. За голландским империализмом сохранялись поступления по разнообразным налогам и акциям, доходы от государственной монополии на продажу соли и опиума, использование принудительного труда населения для постройки дорог, сооружения предприятий «общественного характера».

Под нажимом других, более мощных держав Голландии пришлось отказаться от исключительного права на государственную эксплуатацию ископаемых богатств Индонезии, месторождений угля, нефти. Частный голландский и неголландский капитал получил доступ к горнодобывающей промышленности.

Вынужденная политика «открытых дверей» способствовала проникновению в голландскую колонию капиталов различных стран. Английский капитал вслед за голландским проникал в плантационное хозяйство и добывающую промышленность. Крупные английские судоходные компании играли более заметную роль в экспорте индонезийского сырья. Связи между английским и голландским финансовым капиталом становились все более тесными, возникли смешанные англо-голландские предприятия, значение которых выходило далеко за пределы Индонезии. Именно здесь, в Индонезии, зародился и начал свою деятельность «Роял Датч Шелл», ставший в дальнейшем одним из самых мощных нефтяных трестов мира, конкурентом американских нефтяных монополий.

Объединенная компания, во главе которой стоял Детердинг, подчинила себе все более мелкие предприятия по добыче нефти и до конца первой мировой войны была бесспорным монополистом в Индонезии, где ее позиции были незыблемыми.

На Яве возникли крупные плантации сахарного тростника, табака, кофе, чая, хинного дерева, занимавшие сотни тысяч гектаров лучших земель. В первом десятилетии XX в. появились первые плантации гевеи (дерево-каучуконос), вывезенной в Юго-Восточную Азию из Бразилии и давшей здесь прекрасные результаты. Впоследствии каучук превратился в важнейшую экспортную культуру Индонезии.

Вслед за Явой иностранный капитал устремился на другие острова архипелага. Иностранные компании добывались от правителей «самоуправляющихся» территорий и княжеств выгодных земельных концессий. Заинтересованные в денежных поступлениях султаны и правители

отдавали иностранцам за гроши обширные территории лучших земель, расположенных на побережье и вдоль рек, откуда удобно было вывозить продукцию плантаций на внешние рынки. Голландское правительство, обеспокоенное проникновением неголландского капитала во Внешние владения, поспешило распространить на остальные районы Индонезии введенный в 1870 г. для Явы «аграрный закон». У султанов и правителей было отнято право самостоятельной сдачи земли в аренду и концессии. Это преследовало цель установления голландского контроля над проникновением иностранного капитала. В различных районах страны возникали крупные плантации табака, кофе, каучука. Районы восточного побережья Суматры превратились в крупнейших поставщиков сырья на мировой рынок.

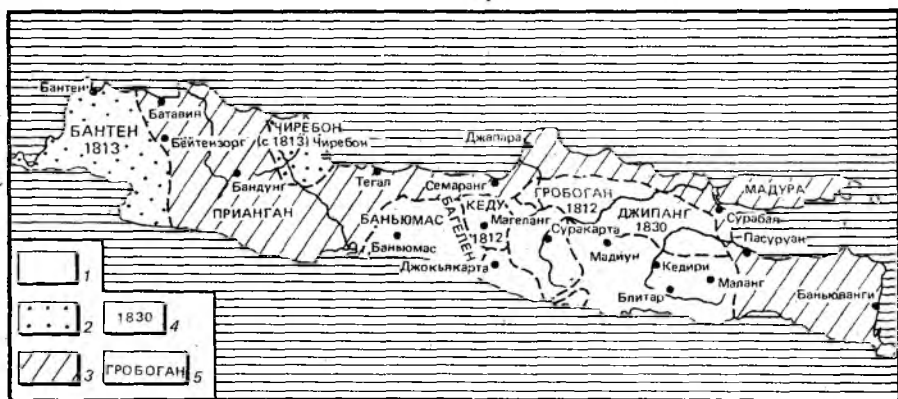
При относительной малонаселенности Внешних владений захват громадных территорий иностранцами не приводил к обезземеливанию крестьянства в таких объемах и темпах, как на Яве. Крестьянство Внешних владений использовало богатства тропической природы, прибегая в случае нужды к расчистке небольших участков лесных площадей. Полуголодную жизнь земледельцев и охотников жители этих районов предпочитали кабальным условиям труда на европейских рудниках и плантациях. Недостаток рабочих империалисты возмещали путем ввоза законтрактованных кули из различных провинций Китая. По мере усиления процесса разорения и обезземеливания крестьянства на Яве этот остров становился главным поставщиком законтрактованных рабочих для других районов Индонезии. Вывоз кули с Явы обходился значительно дешевле, чем из Китая. На Яве появилось множество агентов по вербовке кули. Разоренных крестьян соблазняли лживыми обещаниями легкой и выгодной работы во Внешних владениях, денежными авансами, заставляли обманным путем подписывать контракты на работу в течение трех лет на плантациях и рудниках. Вербовочные компании содержали в портовых городах Явы, в темных и душных бараках большие партии кули. Предприниматели с других островов, подобно настоящим рабовладельцам, выбирали из этого «живого товара» наиболее молодых и сильных. За колючей изгородью плантаций действовала лишь одна власть — власть владельцев и их жестоких надсмотрщиков. Избиения и убийства непокорных рабочих были обычным явлением. Всякая попытка бегства или уклонения от контракта преследовалась как уголовное преступление. Пойманных кули в качестве наказания заставляли бесплатно работать сверх срока. Условия труда и быта законтрактованных кули приводили к массовой смертности. Плантаторам сплошь и рядом было выгоднее к концу контракта довести кули до гибели и заменить их новыми, нежели за свой счет отправлять их на родину. Каторжный режим, забитость и разобщенность кули длительное время исключали всякую возможность организованной борьбы. Отдельные вспышки протеста, убийство ненавистных надсмотрщиков, поджоги, побеги с плантаций подавлялись с чудовищной жестокостью.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЯВЕ

В отличие от Внешних владений на Яве крестьянское движение, хотя и носившее стихийный характер, приобрело в конце XIX — начале XX в. широкий размах. В феодальных поместьях европейцев и богатых китайцев вспыхивали восстания.

С усилившимся внедрением экспортных культур многие владельцы перепродали свои поместья акционерным компаниям.

Крестьянские выступления имели место и в центральной части острова, где шел усиленный процесс захвата общинной земли сахарными и другими плантаторами, насильственно навязывавшими крестьянам «арендные» соглашения. Среди крестьян время от времени появлялись вожди, которых народ называл «раджа адил» (справедливые цари). В проповедях они обещали своим последователям избавление от налогов, государственной барщины, освобождение от иностранного гнета и т. п.

Ява в XVII — XIX вв.

В 90-х годах XIX в. в провинции Рембанг движение возглавил крестьянин-бедняк Самин. Самин проповедовал непризнание голландских властей и отказ от уплаты налогов. По его учению, вся земля, леса, выгоны должны были стать общей крестьянской собственностью. Обработка должна была производиться сообща, а урожай — передаваться в общее пользование. Каждый обязан был работать. Самин выступал против всякого насилия и наивно надеялся добиться освобождения от голландского господства путем бойкота колониальных властей. Проповедь Самина, в которой отразились и крестьянский протест против империалистической и феодальной эксплуатации, и крестьянские мечты о земном равенстве, нашла широкий отклик. Несмотря на идеализацию прежних общинных порядков и отказ от насильственной борьбы, это движение объективно было направлено против империализма и господства феодальных пережитков.

С 1905 г. движение расширилось. Крестьяне захватывали земли, вступали в борьбу с чиновниками и сборщиками налогов. Последователи Самина стойко выдерживали преследования властей. Они упорно не отвечали при допросах следователям и судьям. Тюрьмы Рембанга были переполнены арестованными крестьянами. Самин и восемь его наиболее активных соратников были схвачены и сосланы в отдаленные районы Индонезии.

Последствия империалистической эксплуатации Индонезии сказывались особенно сильно на Яве. Рост денежных налогов и разрушение натурального хозяйства сочетались здесь с сохранением различных форм принудительного труда. Капиталистическая эксплуатация на европейских плантациях и предприятиях сопровождалась различными формами докапиталистических отработок. Замена общинного землепользования индивидуальным ускорила процессы дифференциации крестьянства. К началу XX в. в руках местных помещиков было сосредоточено до 30% всей земли. Помещичье землевладение состояло из многочисленных мелких и средних участков¹, купленных и захваченных у крестьян в различных деревнях и даже уездах. Как помещики, так и кулаки переходили к ведению товарного хозяйства и найму рабочих. Но большая часть их разрозненных владений сдавалась в аренду на условиях кабальной издольщины.

Катастрофическое положение местного населения становилось все более очевидным. Среди либеральных представителей голландского чиновничества и интеллигенции стали раздаваться обличительные голоса. В 1899 г. ван Девентер напечатал статью «Долг чести». В ней он показал, как Голландия в течение двух веков эксплуатировала Индонезию, извлекая многомиллионные прибыли, и доказывал, что Голландия обязана уплатить свой долг. Вслед за Девентером целый ряд голландских деятелей, специалистов по Индонезии, выступили в качестве сторонников нового, так называемого «этического курса».

Независимо от субъективных убеждений и намерений отдельных представителей «этического курса», их требования отвечали интересам определенных кругов голландской буржуазии. Падение покупательной способности индонезийского населения, стихийные крестьянские движения и продолжавшаяся в то время освободительная война ачехского народа тревожили голландскую промышленную и торговую буржуазию, а также крупных монополистов, связанных с колониальным рынком. Наконец, интересы крупного монополистического капитала, господствовавшего в различных отраслях колониальной экономики, требовали известной реорганизации колониального управления, некоторой его «децентрализации», а равно и подготовки образованных на европейский лад служащих и лиц свободных профессий из коренного населения.

Таким образом, за лицемерными фразами, выражавшими «заботу» о местном населении, скрывались вполне реальные прагматические задачи — укрепить опору голландского империализма в колонии и обеспечить дальнейший рост колониальных сверхприбылей.

В начале XX в. была несколько расширена сеть школ. В школы, где преподавание велось на голландском языке, стали принимать детей индонезийцев, главным образом из среды привилегированных и зажиточных слоев. Были созданы специальные школы для подготовки из местного населения лояльных и преданных голландцам чиновников для колониального аппарата и учебное заведение, готовившее врачей.

В 1903 г. был проведен так называемый закон о децентрализации. Администрация провинций (резидентств) во главе с резидентом-европейцем получила большую самостоятельность. В резидентствах были созданы совещательные советы, избираемые ограниченным числом

¹ Латифундии, широко распространенные на Филиппинах, в Индонезии отсутствовали.

европейцев. Немногие члены советов из коренного населения принадлежали главным образом к чиновному дворянству. Несколько расширен был доступ выходцам из привилегированных слоев индонезийцев к низшим должностям в колониальной администрации и укреплено положение туземных регентов (уездных начальников).

Было также объявлено о некотором сокращении государственной барщины на Яве. Однако это сокращение оказалось обманом. Заменяв трудовую повинность денежным налогом и переложив ее одновременно на деревенское население в виде заботы о поддержании местных дорог и починке мостов, колониальные власти получили от этого акта двойную выгоду.

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЯВЕ

Ликвидация системы принудительных культур способствовала росту товарного хозяйства и капитализма в Индонезии. Однако общие условия продолжали оставаться крайне неблагоприятными для складывания национальной буржуазии. Ее рост задерживался сохранением докапиталистических форм эксплуатации крестьянства, политическим и экономическим господством европейского монополистического капитала и конкуренцией со стороны китайских, арабских купцов и посредников.

К началу XX в. не было ни одного крупного промышленного предприятия, принадлежавшего яванцу. В некоторых отраслях имелись предприятия мануфактурного типа, изготовлявшие шляпы, знаменитые узорчатые ткани (батик), сигареты. Применение механических двигателей на этих предприятиях отсутствовало. Даже наиболее крупная отрасль мануфактурного производства — изготовление батика — сводилась к разрисовке воском и окраске импортными красителями ввозимых белых хлопчатобумажных тканей. В получении сырья и красок яванские владельцы батиковых мануфактур находились в полной зависимости от крупных европейских фирм и китайских посредников.

И все же как ни медленно шло в условиях колониального господства развитие капитализма, оно тем не менее создавало предпосылки для зарождения и роста национального движения.

Носителем пробуждавшегося национального сознания выступила интеллигенция, зародившаяся на рубеже XIX и XX вв. и получившая европейское образование. Интеллигенция Явы была представлена выходцами из привилегированного слоя чиновничества. Но постепенно возрастал удельный вес мелкобуржуазной интеллигенции.

Первые представители интеллигенции, объективно отражая интересы зарождавшейся яванской буржуазии, в силу своих тесных связей с помещичьим землевладением и аппаратом колониального государства, не способны были решительно выступить против голландского господства. В ее среде преобладали не революционные, а либеральные идеи. К зарождавшемуся национальному движению приобщались отдельные представительницы привилегированных слоев. Они выступали против угнетенного положения женщин, требовали их допуска к образованию. Первым крупным деятелем этого движения была талантливая и энергичная Раден Адженг Картини, происходившая из знатной чиновничьей семьи. За свою короткую жизнь (она умерла в 1904 г. в возрасте 25 лет) Картини много сделала для просвещения и раскрепощения женщин. Начатое ею движение подлинного размаха достигло много

позже, когда к нему присоединились широкие демократические слои общества.

Под влиянием российской революции 1905 г. движение среди яванской интеллигенции усилилось и появилось стремление к созданию общеяванской организации. Горячим проповедником объединения яванцев выступил отставной врач голландской службы Вахиддин Судиро Хусодо. Пропаганда Вахиддина имела большой успех среди молодежи. В мае 1908 г. учащиеся медицинской школы создали первую национальную культурно-просветительскую организацию «Буди Утомо» (Высокая цель). Призыв «Буди Утомо» к объединению нашел отклик среди учащихся средних и специальных школ, повсюду стали возникать его отделения.

В октябре 1908 г. Вахиддин торжественно открыл первый конгресс организации «Молодая Ява». Выступавшие на конгрессе призывали не ограничиваться сбором средств в школьный фонд и моральным самоусовершенствованием. Они выдвигали задачу «гармонического развития страны и народа Явы и Мадуры». Они настаивали на том, чтобы организация добивалась «развития образования в самом широком смысле, развития сельского хозяйства, техники и промышленности, возрождения национального искусства и литературы».

Либеральный характер «Буди Утомо» сказывался не только в отсутствии резкой критики голландского господства, но и в усиленном подчеркивании легальности методов ее деятельности. Выдвигая программу, отвечающую интересам буржуазного развития, большинство участников конгресса подчеркивали, что молодежь — это мотор, который движет корабль «Буди Утомо», но старшее поколение должно быть тем рулевым, который поведет корабль опытной рукой в спокойную гавань.

Руководство «Буди Утомо» не стремилось к созданию массовой организации. В этом союзе все большее влияние приобретали консервативные индонезийские чиновники. Они ограничивали ее деятельность просветительскими задачами, связывая эти задачи с агитацией за предоставление чиновникам-яванцам лучше оплачиваемых должностей и за уравнивание их в правах с европейцами. Рост революционно-демократического движения в стране шел помимо «Буди Утомо».

Однако создание первой национальной организации и пропаганда объединения яванцев, независимо от их языка и происхождения, принесли свою пользу. В качестве официального языка на конгрессе и в органах «Буди Утомо» был принят малайский. Появились новые писатели и поэты, выступавшие со своими произведениями на этом языке. Стал расти интерес к изучению прошлого Явы. Из среды яванцев выдвинулись первые ученые-археологи, появилась написанная Падма Сусафра яванская грамматика, а также книга о формах яванского языка.

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Все ухудшавшееся положение народных масс вызвало рост недовольства, что на Яве проявилось в попытках образования новых организаций и политических партий. В 1912 г. возникла Индийская партия, основанная Дауэсом Деккером и группой индоевропейцев, связанных с голландскими социал-демократами. Индоевропейцы (метисы от смешанных браков голландцев с местными женщинами) занимали по сравнению с яванцами привилегированное положение. Боль-

шинство из них получали европейское образование в школах, где преподавание велось на голландском языке. Из них формировались кадры низших служащих в европейских компаниях и предприятиях. Не будучи, однако, уравнены в правах с колонизаторами, они на каждом шагу испытывали унижения со стороны «чистокровных» европейцев. Вместе с тем наряду с европейцами они были лишены права владеть в Индонезии землей. Индийская партия, отражая интересы довольно многочисленной прослойки метисов, требовала предоставления им права владения землей. Она впервые выдвинула, хотя и в очень осторожной форме, вопрос о независимости Индонезии. В программе партии выдвигалась задача пробуждения «патриотизма всех индийцев¹ (индонезийцев) по отношению к стране, которая их кормит, совместных действий на равных правах, чтобы привести свою родину к процветанию и подготовить народ к независимости». Колониальные власти запретили партию, арестовали и выслали ее организаторов.

Зарождение первых национальных организаций на Яве нашло свой отклик и среди других формировавшихся народностей Индонезии, причем выразителями их интересов нередко выступали люди, проживавшие или обучавшиеся на Яве и непосредственно испытывавшие влияние более развитых общественных отношений. Так, среди низшего офицерства местных частей голландской армии, издавна комплектовавшихся из представителей племени Сулавеси (Целебеса) и Амбона, возникло объединение «Сыновья Амбона-Менадо». Задачи, которые ставила перед собой эта лояльная организация, сводились к объединению местных народностей, представители которых имелись в голландских войсках. Почти одновременно на Амбоне в среде государственных служащих — местных уроженцев — возник Амбонский союз. Он выдвинул задачу создания фонда помощи просвещению амбонцев и поставил себе целью «стремление к повышению материального уровня жизни населения».

Среди проживавших на Яве уроженцев Минахассы в 1912 г. возникла организация «Рукун Минахасса» (Единение Минахассы). Она выдвинула задачу борьбы за экономическое развитие Северного Сулавеси. В число минахассцев организаторы объединения включали всех уроженцев этой области. Наряду с общеяванской организацией «Буди Утомо» среди части сунданской интеллигенции наметились попытки создать особую организацию, ставившую целью возрождение обычаев, религиозное и общественное развитие сунданцев Западной Явы. Оформившаяся под названием «Пасундан» («Союз сунданцев») организация, как и прочие локальные союзы, не смогла найти поддержки в народных массах и осталась верхушечным объединением, отражавшим интересы местных буржуазно-помещичьих интеллигентов в их борьбе за места в совещательных органах, созданных голландцами. Впоследствии голландские империалисты в своей борьбе против индонезийского освободительного движения не раз пытались использовать «Пасундан» в целях разжигания межнациональной вражды.

Пробуждение национального самосознания нашло свой отклик и среди индонезийского студенчества, обучавшегося в различных учебных заведениях Голландии. Здесь возникло Объединение индийцев для защиты интересов индонезийцев в Голландии и поддержания связей с родиной. В понятие «индийцев» организаторы студенческого

¹ Поскольку страна официально именовалась Нидерландской Индией, ее жители сокращенно называли «индийцами».

общества, представлявшие различные национальности и народности Индонезии, включали всех уроженцев Нидерландской Индии.

Массовый характер национальное движение в Индонезии приняло после образования Союза ислама (Сарекат ислам). Союз ислама отражал интересы яванской буржуазии, занятой производством и торговлей батиком. Первоначально под названием Союз исламских торговцев (Сарекат дагенг ислам) возникло своеобразное торговое товарищество, уступившее вскоре место Обществу взаимопомощи. При материальной поддержке одного из самых богатых владельцев батикового производства в г. Суракарте Союз исламских торговцев стал издавать свой орган, призывавший к объединению мусульман Индонезии. К Союзу примкнули представители городской мелкой буржуазии, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция, часть рабочих и крестьян. В крупном порту и торгово-промышленном центре Сурабае руководителем организации выступил У. С. Чокроаминото, выходец из мелкобуржуазной среды, служивший в одной из торговых компаний. При его непосредственном участии был выработан новый устав организации, утвержденный в сентябре 1912 г.

Сарекат ислам ставил перед собой задачи подъема материального и духовного уровня населения, помощи нуждающимся членам, развития духа предпринимательства и борьбы за «чистоту ислама».

По мере превращения Сарекат ислама в массовую организацию борьба против китайских посредников, приводившая вначале к вооруженным столкновениям и погромам, отходила на второй план. Китайская революция 1911—1912 гг. оказала влияние и на Индонезию, так как здесь проживало немало выходцев из Китая, поддерживавших связи с родиной. В Сурабае массовая политическая демонстрация китайского населения против полицейских репрессий колониальных властей захватила и сурабайское отделение Сарекат ислама. В январе 1913 г. открылся первый конгресс этой организации, что явилось крупным политическим событием. В городском саду Сурабайи помимо многочисленных делегатов собрались тысячи гостей и зрителей из простых людей.

Умеренный либерализм буржуазного руководства получил отражение в выступлении Чокроаминото, председательствовавшего на конгрессе. Он заявил: «Сарекат ислам не является политической партией, стремящейся к революции, как думают многие... Мы лояльны по отношению к властям и довольны голландским управлением. Неправда, что мы стремимся к организации беспорядков, что мы хотим борьбы».

Несмотря на либеральную ограниченность руководства, Сарекат ислам, его местные отделения становились центрами, вокруг которых объединялись широкие народные массы. Такие отделения были созданы в разных местах архипелага. Но особенно много их возникло на Яве. Приток новых членов из народа шел очень быстро. В течение одного 1913 г. только в Батавии число членов Сарекат ислама достигло 12 тыс.

Пропаганду возврата к «чистоте» ислама и призыв к объединению крестьянство восприняли по-своему. Стали учащаться крестьянские выступления. В отдельных районах Суматры и Калимантана население стало оказывать сопротивление захвату земли и непосильным поборам. Это движение было жестоко подавлено голландскими войсками. Складывавшийся пролетариат, уже довольно многочисленный на Яве, еще не имел своих классовых организаций. Но уже появились первые профессиональные союзы служащих государственных

ломбардов, таможен, опиумной монополии, учителей, железнодорожного и трамвайного персонала.

Анализируя события в Индонезии, В. И. Ленин в своей статье «Пробуждение Азии» писал: «Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие население до 40 миллионов человек.

Носителями этого демократического движения являются, во-первых, народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама. Во-вторых, капитализм создал местную интеллигенцию из акклиматизировавшихся европейцев, которые стоят за независимость голландской Индии. В-третьих, довольно значительное китайское население на Яве и других островах перенесло революционное движение со своей родины»¹.

В. И. Ленин отмечал, что рост демократического движения неудержим. Ближайшие годы полностью подтвердили эти ленинские слова.

ИНДОНЕЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мировая война, несмотря на нейтралитет Голландии, тяжело отразилась на экономике Индонезии. Война затруднила вывоз и сбыт индонезийского сырья. Нарушились традиционные связи Индонезии с европейскими рынками. В результате сокращения площадей под плантационными культурами много сельскохозяйственных рабочих и крестьян лишилось даже прежнего скудного заработка. В то же время цены на готовые изделия, ввозимые из капиталистических стран, резко возросли, подорожало также продовольствие. Все это ухудшало положение широких масс и усиливало их недовольство.

Возникали стихийные выступления крестьян, забастовки рабочих в городах и на плантациях. Вновь развернулось крестьянское движение, руководителем которого стал крестьянин Самат, последователь умершего в 1914 г. в ссылке Самина. Самат проповедовал, что крестьяне являются избранным сословием и что они должны сами управлять страной. Он предсказывал скорое появление двух «справедливых» яванских царей: одного — с запада и другого — с востока, которые установят всеобщее равенство. Все иноземцы и их прислужники — индонезийские чиновники — будут убиты. В проповеди Самата учение Самина, отрицавшего насилие, сменилось призывом к вооруженной борьбе. Колониальные власти разгромили это движение.

Революционизирование масс сказалось и на Сарекат исламе. Усилился приток членов из трудящихся. В руководстве все более заметную роль начали играть представители мелкой буржуазии. На конгрессе в июне 1916 г. было представлено более 80 отделений из различных районов архипелага, объединявших свыше 360 тыс. членов. Конгресс принял название Первого национального конгресса Сарекат ислама. В Бандунг, где заседал конгресс, отовсюду прибывали делегаты и ходоки, приносившие руководителям Сарекат ислама свои жалобы и просьбы о защите.

Несмотря на то что председательствующий призывал всех членов Сарекат ислама действовать только «законными» методами, в центре обсуждения на конгрессе стояли вопросы наиболее злободневные: о по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 145.

политических правах коренного населения, предоставлении самоуправления отдельным районам Индонезии, участия представителей народа в правительстве.

После конгресса 1916 г. приток членов Сарекат ислам еще более усилился. Организация на Суматре новых отделений явилась толчком к вооруженному выступлению в провинции Джамби, где крестьяне восстали против непосильных налогов и принудительной государственной барщины, отнимавшей до 50 дней в году. Восставшие крестьяне убили многих европейских и местных чиновников. Для подавления восстания было брошено несколько батальонов солдат, жестоко расправившихся с повстанцами. Много крестьян было убито и арестовано.

Серьезное влияние на процесс организации индонезийских трудящихся и на образование революционного крыла внутри Сарекат ислама оказывали революционные представители голландской социал-демократии — трибунисты. По инициативе нескольких трибунистов, оказавшихся в Индонезии, в мае 1914 г. было образовано Индийское социал-демократическое объединение, куда входили голландские и яванские интеллигенты, сочувствовавшие социализму. Состав этой первоначально немногочисленной организации был очень пестрым: наряду с революционными социал-демократами в него входили и явно оппортунистические элементы, включая фабианцев. Трибунисты, стоявшие за освобождение колоний, несмотря на сопротивление оппортунистического крыла, связались с массовыми яванскими организациями. Они разоблачали голландскую колониальную политику и реакционный, империалистический характер организованной властями кампании за оборону Индонезии во время первой мировой войны, стремились привлечь к участию в социал-демократическом движении индонезийский пролетариат и мелкобуржуазную интеллигенцию.

Под влиянием революционного крыла социал-демократической организации социалистические идеи стали проникать и в Сарекат ислам. Во многих провинциальных его отделениях, особенно в городах со значительным пролетарским населением, складывалась оппозиция против законопослушной линии центрального руководства этой организации. Рост революционных настроений среди рядовых членов Сарекат ислама в свою очередь отражался на позиции буржуазной части руководства. Несколько окрепшая в годы войны национальная буржуазия все более решительно требовала от голландских властей политических и экономических уступок.

За время войны резко сократилась доля участия Голландии и «свладельца» архипелага — Англии — в индонезийской торговле. Вместе с тем Япония и США воспользовались ослаблением связей между Индонезией и Европой для усиленного проникновения в голландскую колонию. К концу 1917 г. ввоз из Голландии в Индонезию и вывоз колониальных продуктов в метрополию сократились по стоимости почти в десять раз. В то же время ввоз из США в Индонезию возрос в семь раз, а вывоз индонезийских продуктов в США увеличился более чем в пятнадцать раз. Усилилось также проникновение в Индонезию японских торговых фирм и японских эмигрантов.

Голландские империалисты приняли меры к укреплению своих позиций в колонии. Для привлечения на свою сторону имущих слоев индонезийского общества было решено несколько смягчить режим управления колонией и обещаны реформы.

В декабре 1916 г. нидерландский парламент принял закон о создании индонезийского «представительного» органа, которому было присвоено название Народный совет (Фольксраад). Это широко рек-

ламиривавшийся колониальный «парламент» должен был обладать лишь ограниченными совещательными функциями. Он не представлял даже интересов имущих слоев Индонезии. Число его членов должно было составлять, включая председателя, утверждавшегося короной, 39 человек. Половина членов парламента назначалась генерал-губернатором, остальные избирались. Индонезийцы составляли меньшинство. Одновременно с проектом политических «реформ» в Голландии широко обсуждались различные планы «индустриализации» Индонезии. Эти проекты преследовали цели привлечь индонезийскую буржуазию на сторону голландских империалистов.

Однако выступления против голландского империализма ширились, обещанные куцые уступки вызвали критику даже со стороны умеренных членов руководства Сарекат ислама и других организаций. Даже такая организация, как «Буди Утомо», активизировала свою деятельность и присоединила свой голос к требованиям политических реформ.

Благодаря деятельности революционного крыла Социал-демократического объединения, издававшего с 1915 г. свой орган «Свободное слово», в Индонезии большой отклик имела февральская буржуазно-демократическая революция в России. «Свободное слово» призывало индонезийцев последовать примеру русского народа, сбросившего царизм.

Все это нашло свое яркое отражение на втором национальном конгрессе Сарекат ислама, собравшегося в октябре 1917 г. Впервые с трибуны конгресса раздалась самая резкая критика голландского империализма, разоблачался грабеж земли крупными европейскими компаниями, насилия и вымогательства чиновников — как голландцев, так и индонезийцев. Патриоты впервые открыто выдвинули требование независимости Индонезии.

Принятая на пленарном заседании конгресса резолюция ставила задачу достижения самоуправления и борьбы с господством «преступного (т. е. западного) капитализма». В качестве основных требований выдвигались: децентрализация управления, право участия в выборах в местные совещательные органы и Фольксраад, уравнивание индонезийцев во всех правах с европейцами, отмена паспортов и свобода передвижения, полная отмена государственной барщины, снижение налогов, поддержка сельского хозяйства и национальной промышленности.

ФИЛИППИНЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФИЛИППИН ДО 70-х ГОДОВ XIX в.

Трехвековое испанское господство наложило на Филиппины глубочайший отпечаток. На островах не сохранилось никаких, даже формально самоуправляющихся, княжеств. Исключением являлся лишь султанат Сулу с центром на о. Холо (на самом юге архипелага), покоренный Испанией лишь в середине XIX в. и сохранивший некоторую самостоятельность во внутренних делах.

Испанское население на Филиппинских островах никогда не было сколько-нибудь значительным, и на архипелаге не сложился влиятельный слой креолов, которые претендовали бы на господство и власть, как в Латинской Америке. Испанские завоеватели издавна смешивались с местным населением, в результате чего образовался довольно значительный слой метисов. Богатая верхушка метисов играла на Филиппинах роль, экономически и политически сходную с ролью креолов в испанской Америке. Большинство крупных помещиков на Филиппинах были метисы, из их среды выходили купцы и ростовщики, а также разбогатевшие ремесленники, предприниматели — будущие представители постепенно складывавшейся буржуазии. Даже относительно привилегированные, эксплуататорские слои метисов испытывали национальное угнетение испанской колониальной администрации и монашеских орденов.

Филиппинское население говорило на различных языках и диалектах, но наиболее распространенным в центральной части архипелага был язык висайя, а в наиболее населенной и развитой части Лусона — язык тагалог.

С развитием капиталистических отношений шел процесс формирования как отдельных национальностей (тагалов, висайя), так и общепилиппинской нации, испанское завоевание объективно способствовало этому, включив разрозненные народности в единое государство, проводя соответствующую социально-экономическую политику, навязывая покоренному населению христианство, вытеснившее разнообразие местные культы.

Превратив Филиппины в свою колонию, испанский абсолютизм отдал богатства и население архипелага на разграбление присылавшимся из метрополии чиновникам, военщине и алчным католическим монашеским орденам. Направлявшиеся обычно на короткий срок колониальные сатрапы во главе с генерал-губернатором видели свою главную задачу в том, чтобы возможно быстрее обогатиться. Испанская феодальная бюрократия и военщина упорно отстаивали свою монополию на право занятия высших постов в колониальной администрации и в армии, не допуская к ним не только метисов, но и потомков ранее обосновавшихся на Филиппинах «чистокровных» испанцев. Представители метисской верхушки и креолы могли занимать места в муниципальных советах, но решение вопросов даже местной жизни зависело не от муниципалитетов, а от высших испанских чиновников, от начальников так называемой «гражданской гвардии» (жандармерии), в особенности от католических орденов. Многочисленные ис-

панские монашеские ордена (августинцы, францисканцы, доминиканцы) играли исключительную роль в политической и экономической жизни колонии. Захватив лучшие, наиболее плодородные земли, эти католические организации с течением времени превратились в крупнейших помещиков. Положение безземельных крестьян, арендовавших землю у монашеских орденов, было наиболее тяжелым. Поборы за трудящегося филиппинского населения. Алчное монашество всеми силами стремилось внедрить в сознание темных и забытых масс трудящихся суеверия и религиозные предрассудки, чтобы тем вернее эксплуатировать их. Католические организации захватили в свои руки и контроль над образованием. Приходские школы превратились в орудие идеологической обработки населения в духе верности испанской короне, церкви и католическим орденам. Даже правительство Испании неоднократно вынуждено было принимать меры к ограничению всеислия монашеских орденов. Одной из таких мер было создание на Филиппинах специальных духовных семинарий для подготовки приходских священников из местного населения. В середине XIX в. на Филиппинах образовался довольно значительный слой священников-филиппинцев, но они могли получить лишь самые бедные и отдаленные приходы. Доступ филиппинцам в монашеские ордена был закрыт. По своему положению священники — метисы и филиппинцы — мало чем отличались от массы филиппинского населения.

Испанское правительство проводило на Филиппинах политику изоляции от внешнего мира и строгого регулирования экономических связей. До начала XIX в. была запрещена даже непосредственная торговля Филиппин с метрополией и другими испанскими владениями. Определенное число раз в году из Манилы отправлялись корабли в мексиканский порт Акапулько, груженные продукцией Филиппинских островов и китайскими товарами, причем количество и ассортимент товаров были строго регламентированы. На право погрузки выдавались особые удостоверения. Всесильные монашеские ордена владели львиной долей филиппинского экспорта, оттеснив не только филиппинцев, но также чиновников и купцов-испанцев. При этих условиях у филиппинских помещиков не было стимула к увеличению товарной продукции. Зато монашеские ордена первые на Филиппинах стали вводить в своих громадных латифундиях товарные культуры: какао, сахарный тростник.

После потери американских владений Испания пыталась сохранить свою крупную азиатскую колонию Филиппины и укрепить ее связи с метрополией. Под натиском более мощных держав Испания вынуждена была открыть филиппинские порты для иностранных кораблей, и иностранные торговые фирмы получили доступ на архипелаг. Американский капитал, проявлявший исключительный интерес к странам и рынкам Восточной Азии, устремился на Филиппины. Иностранные капиталисты действовали на Филиппинах либо под видом испанских фирм, либо через посредство филиппинских помещиков и зарождавшейся буржуазии. Кредитование торговли и контрактация продукции сельского хозяйства иностранными фирмами, в первую очередь американскими и английскими, способствовали развитию торгового земледелия и росту местной буржуазии, но одновременно превращали часть филиппинской имущей верхушки в агентуру этих фирм. К 1858 г. в Маниле действовало уже 14 иностранных фирм. Вывоз манильской пеньки, составлявший в 1830 г. менее 350 т, возрос к этому времени до 27,5 тыс. т. Около двух третей этого количества шло в США. Зна-

чительно возрос вывоз сахара, какао, табака и манильских сигар, высоко ценившихся на мировом рынке.

С ростом обрабатывающей промышленности формировался промышленный пролетариат. Предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья (примитивные сахарные заводики, сигарные фабрики Манилы) основывались на ручном труде, без применения механических двигателей. В связи с проведением первых железных дорог и развитием пароходства на о. Лусон возникали ремонтные мастерские. В провинции Кавите на правительственных арсеналах были заняты рабочие-металлисты.

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ И ВОССТАНИЕ В КАВИТЕ

Первые представители филиппинской интеллигенции были по большей части выходцы из буржуазно-помещичьих кругов, получившие европейское образование. Богатые купцы и помещики-метисы стремились посылать своих детей учиться за границу. Увеличилось количество школ и на Филиппинских островах. Росло число студентов-филиппинцев. Иезуиты, которые были лишены права занимать приходы и владеть землей, расширили свою деятельность в области современного образования и создали новое учебное заведение — коллегию.

Филиппинская интеллигенция все более решительно стала поднимать свой голос в борьбе за реформы, добиваясь уравнивания в правах с испанцами, распространения на Филиппины испанских законов и ограничения всеислия монашеских орденов. Оппозиционное движение возникло и среди духовенства. Священники — филиппинцы и метисы — испытывали экономический и национальный гнет. Выступая против засилья монашеских орденов, они становились выразителями общей ненависти к испанским колонизаторам. Метисы Бургос, Замора и Гомес возглавили движение низшего филиппинского духовенства.

В стране развернулось массовое народное движение против испанских угнетателей. Стихийные крестьянские восстания вспыхивали то в одной, то в другой провинции. Борьба крестьянства часто принимала форму религиозных сектантских движений, в которых было много мистицизма и суеверий. Типичным в этом отношении было движение палаан («красных»). Сектанты носили красную одежду. С убежденностью фанатиков они считали себя неуязвимыми для испанских пуль. Вдохновленные своей слепой верой, повстанцы палаан, почти безоружные, вступали в бой с испанскими регулярными войсками. Особенно широкий характер приняло это движение на о. Самар.

Рост филиппинской эмиграции и поездки молодежи за границу усиливали связь местных патриотов с революционным движением в Европе. Революционные события 1868 г. в Испании и низложение королевы Изабеллы привели к смягчению режима на Филиппинах. Была отменена жестокая цензура, разрешены политические собрания, ограничена роль монашеских орденов. Филиппинские помещики и буржуазия впервые получили легальную почву для своей деятельности.

В 1869 г. в столице на торжественном собрании, посвященном годовщине испанской революции, участвовали все видные деятели филиппинской интеллигенции во главе со священником Бургосом, богатым адвокатом Пардо де Тавера. Реакционное монашеское духовенство втайне готовилось к борьбе.

После реставрации монархии в Испании разгул реакции в колонии достиг чудовищных размеров. Начались аресты и ссылки. Были

повышены налоги и строго взыскивались недоимки. Измученное население подняло восстание в провинции Кавите в январе 1872 г.

В Кавите население тяжело страдало от засилья монахов. Почти все земли принадлежали августинскому и францисканскому монашеским орденам. Крестьяне были превращены в бесправных издольщиков. Часть безземельных крестьян находила работу в единственном на Филиппинах кавитеском арсенале. Положение рабочих-металлистов было очень тяжелым (хотя они по своему социальному положению были приравнены к солдатам, которые не платили подушного налога и не несли трудовой государственной повинности, их незаконно лишили этих льгот). Среди рабочих арсенала и артиллеристов-филиппинцев возник заговор. 2 января 1872 г. вспыхнуло восстание. Среди повстанцев раздавались призывы: «Смерть испанцам!», «Смерть монахам!».

Восставшие перебили испанских офицеров, захватили форт в Кавите и при поддержке окрестного крестьянства двинулись на Манилу. Но восстание было слабо подготовлено. Испанским властям стало заблаговременно известно о готовящемся выступлении рабочих и солдат, что облегчило подавление восстания. 41 человек был казнен, 200 человек осуждены на каторгу. Артиллерийский полк подвергся расформированию, все участники восстания оказались в ссылке. Солдат-филиппинцев заменили присланными из метрополии испанцами.

Колониальные власти расправились также и с представителями буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции. Сотни филиппинских священников и интеллигентов были арестованы и сосланы. Подверглись преследованию многие филиппинцы — советники манильского муниципалитета. Реакция поспешила свести счеты с популярными в народных массах священниками-филиппинцами Бургосом, Замора и Гомесом. Публичная казнь трех священников возбудила негодование в стране. Имена их стали знаменем борьбы против иностранного порабощения.

Реакции удалось на время подавить народное движение на Филиппинах. Многие передовые представители буржуазии и помещиков, уцелевшие от преследования, эмигрировали. В европейских столицах, в частности в Мадриде, появилось довольно много эмигрантов с Филиппин. Борьба за реформы была перенесена в метрополию.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Видным деятелем филиппинского национального движения был патриот, поэт и гуманист Хосе Рисаль. Он родился в 1861 г. в небольшом провинциальном городке и принадлежал к зажиточной метисской семье.

В 1879 г. его патриотические стихи «К филиппинской молодежи» нашли горячий отклик в среде манильской интеллигенции. Преследования властей принудили Рисаля бежать с Филиппин. Блестяще окончив в 1882 г. в Мадридском университете медицинский и философский факультеты, Рисаль совершенствовался в лучших клиниках Европы и установил дружеские отношения с передовыми европейскими учеными. В своих статьях он выступал против расовых теорий, в романе «Ноли ме тангере» («Не касайся меня» — в русском переводе) бичевал колониальный произвол, алчность и преступления монахов.

Книга Рисаля была тайно доставлена на Филиппины, и сотни ее экземпляров разошлись по стране. Испанские жандармы неумоимо разыскивали и вылавливали экземпляры книги. Попы громили ее с

церковных кафедр. Филиппинцы преодолевали десятки километров, чтобы прочесть или послушать выдержки из романа. Имя Рисалья обрело широкую популярность в народе.

Эмигрантская колония в Мадриде укрепляла связи с испанскими либералами. В 1888 г. была основана Испано-Филиппинская ассоциация во главе с видным испанским либеральным профессором и масоном Морайта. Большую роль в ассоциации играл филиппинец Пилар. У себя на родине он издавал на тагальском языке периодический орган «Тагальский дневник», в котором обличались колониальные порядки и произвол монашеских орденов. В органе Испано-Филиппинской ассоциации «Эль Солидаридад» печатались статьи с требованием реформ и представительства Филиппин в испанских кортесах. К ассоциации примыкали передовые филиппинцы: Рисаль, братья Луна, Хайена и многие другие.

Выдвинутая Испано-Филиппинской ассоциацией программа отражала экономические и политические требования зарождавшейся филиппинской буржуазии, еще надевавшейся добиться коренных преобразований от испанского правительства. Программа включала требования реформы образования, судопроизводства, введения регистрации актов гражданского состояния. В экономической области она настаивала на содействии развитию экспортных культур, проведении железных и шоссейных дорог, реорганизации таможенных тарифов. Эти требования находили поддержку у испанской либеральной буржуазии, оппозиционной по отношению к испанскому абсолютизму и церкви.

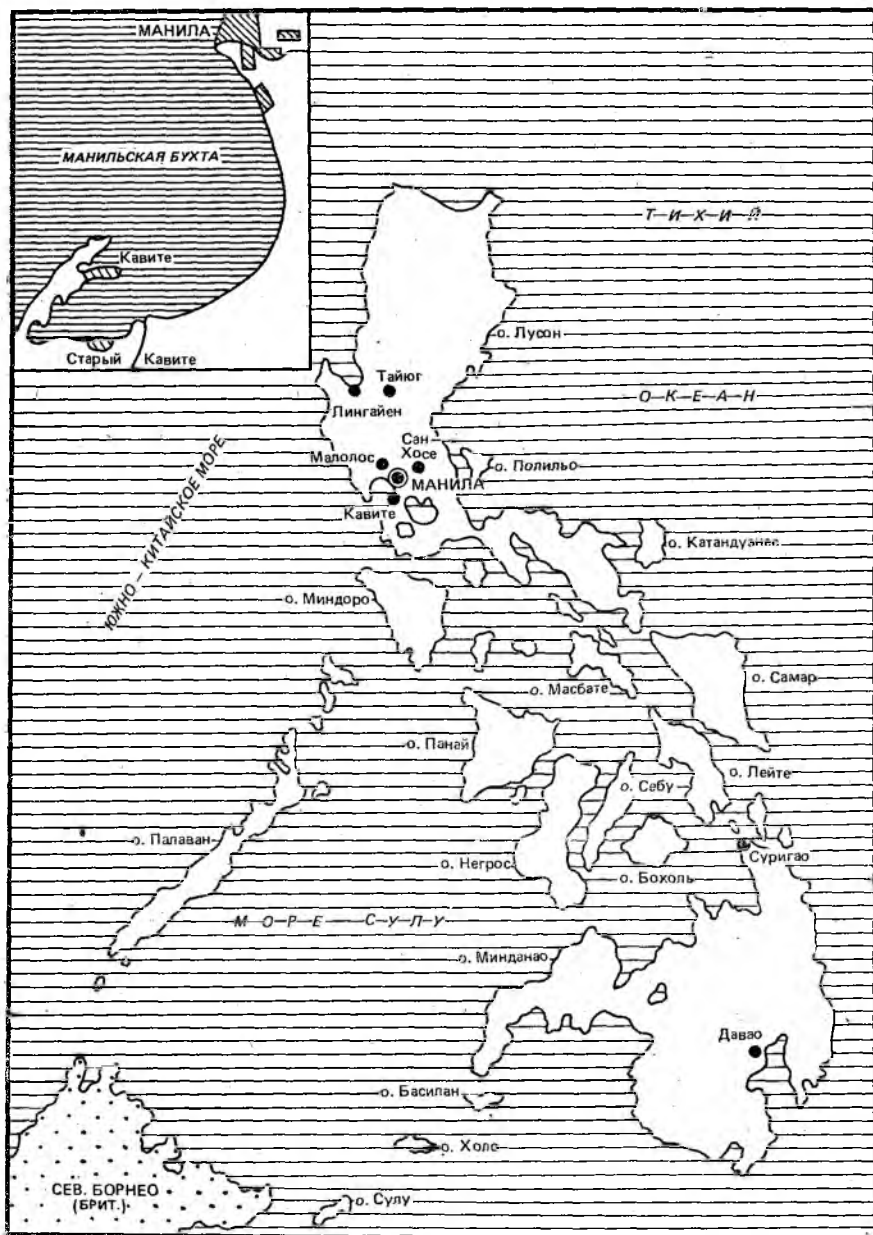
Эмигранты находились под большим влиянием масонства, которое способствовало организации и оформлению антиклерикального движения и борьбе за реформы. В Мадриде в 1891 г. была основана филиппинская масонская ложа Эль Солидаридад. Несколько вернувшихся на Филиппины масонов-филиппинцев приступили к организации лож среди местного населения. В течение полугода на Филиппинах возникло 85 масонских организаций. Масонство наложило свой отпечаток на все тогдашние политические организации Филиппин.

В 1891 г. Рисаль опубликовал продолжение своего романа под названием «Флибустьеры». Роман был посвящен памяти Бургоса, Замора и Гомеса. В 1892 г. Рисаль возвратился на родину и в июле того же года основал в Маниле тайное общество — Филиппинскую лигу (Лига Филиппина). Написанная Рисалем программа требовала экономического и политического объединения Филиппин, защиты от насилия и несправедливости, осуществления необходимых реформ и развития сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Среди первых членов Лиги одним из немногих выходцев из народных низов был Андрес Бонифасио. При обыске у него нашли книги Рисалья, эмигрантские журналы и антиколониальную литературу. В отличие от буржуазного интеллигента Рисалья Бонифасио пытался опереться на народные массы. В 1892 г. он создал тайное общество «Верховный и досточтимый союз сыновей народа», известный под сокращенным названием «Катипунан». Первыми членами «Катипунана» были обездоленные крестьяне и городские бедняки.

Вскоре после основания Лиги Рисаль был арестован и сослан в отдаленный район на о. Минданао. Там он занялся организацией школы для деревенской детворы, врачебной практикой. Он был вынужден отойти от активного участия в национальном движении. Буржуазное руководство Лиги, боясь репрессий, стало всячески ограничивать ее деятельность, и в 1893 г. Лига прекратила свое существование.

Участвовавшие в Лиге революционные представители мелкой буржуазии перешли в ряды «Катипунана», который находился под влиянием масонства. Так, все члены организации разделялись на три степени, носили на собраниях особую форму, узнавали друг друга по паролю и особому тайному знаку. Прием в члены сопровождался сложным ритуалом, во время которого неофит подписывал своей кровью клятву верности «Катипунану» и его принципам.

Филиппины

Доктрины «Катипунана» были дополнены «Десятью заповедями Катипунана», составленными Эмилио Хасинто, одним из ближайших соратников Бонифасио. Они призывали к самоотверженной любви к родине, защите угнетенных.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1896—1898 гг.

С ростом национального движения произошли значительные изменения в «Катипунане». Сближение с повстанческим крестьянским движением превратило союз в массовую революционную организацию. Его основной целью стало завоевание независимости Филиппин путем вооруженной борьбы. В горных пещерах на тайном собрании «Катипунана» было принято решение о подготовке восстания.

Своим вождем патриоты считали Рисаль. К нему в изгнание были тайно отправлены делегаты, чтобы предложить встать во главе движения. Но Рисаль отказался. Не удалась также попытка привлечь к подготовке восстания и других умеренных патриотов. До начала восстания к «Катипунану» примкнуло лишь ничтожное число представителей имущих классов.

Подготавливая восстание, Бонифасио и его соратники попытались наладить выпуск нелегальной газеты «Калайан» (Свобода). В вышедших двух номерах этого органа уже ясно звучал голос трудящихся масс. Бонифасио стремился превратить многочисленные секции «Катипунана», созданные главным образом на Лусоне, в сплоченную централизованную организацию.

В 1896 г. колониальным властям удалось захватить подпольную типографию и документы организации. Опасаясь полного разгрома, революционная часть руководства во главе с Бонифасио убедила остальных лидеров начать восстание. Бонифасио 24 августа обратился с воззванием к народу, призывая филиппинцев к восстанию. С тех пор филиппинский народ чтит эту дату как начало освободительной войны.

При первом столкновении в окрестностях Балинтавака отряды повстанцев разбили испанских жандармов. На призыв Бонифасио откликнулись почти одновременно все секции «Катипунана». Во многих районах провинций Манила и Кавите власть перешла к союзу. Регулярные войска Испании терпели поражение за поражением. Филиппинский народ начал свою борьбу, вооруженный главным образом ножами, пиками и копьями. Огнестрельное оружие патриоты добывали в боях с испанцами.

Жестокостям колониальных властей в борьбе с восставшими не было предела. По словам современника, «цивилизованные и религиозные испанцы пытали своих пленников, жгли их, душили, потрошили внутренности... возобновляли все пытки инквизиции...». Колониальные власти начали массовые аресты филиппинских помещиков и представителей буржуазии, известных сторонников реформ. Их имения и имущество конфисковывались. 30 декабря 1896 г. в Маниле был расстрелян Хосе Рисаль, не принимавший никакого участия в восстании.

Своей политикой репрессий, направленных и на не связанных с восстанием умеренных сторонников реформ, колонизаторы толкали их на путь вооруженной борьбы. Восстание разрасталось. На Филиппины был прислан новый губернатор генерал Примо де Ривера. Из метрополии направлялись все новые отряды свежих войск. Будущий диктатор Испании сочетал методы военного подавления с демагогическими обещаниями реформ. Он предпринял против восстав-

ших широкие военные операции, в то же время обещая амнистию каждому, кто прекратит борьбу.

В революционном лагере возникли разногласия, ослаблявшие движение. Во главе «Катипунана» стояли лидеры, вышедшие из народных низов и революционной мелкобуржуазной интеллигенции. Прикнувшие к восстанию буржуа и помещики стремились захватить руководство в свои руки. Выразителем буржуазно-помещичьих интересов стал Эмилио Агинальдо, выходец из мелкопоместной метисской семьи. Вступив в «Катипунан» еще до начала восстания, Агинальдо принял участие в борьбе. Вскоре он стал руководителем одной из секций «Катипунана» и получил от Бонифасио генеральское звание. После первых успехов восстания буржуазно-помещичьи элементы, прикнувшие к нему, повели борьбу с Бонифасио и «Катипунаном». Агинальдо и его сторонники стали доказывать, что этот союз сыграл свою роль и должен уступить место «выборному демократическому» правительству. Агинальдо удалось устранить Бонифасио и добиться своего избрания на пост президента национального правительства. Агинальдо обвинил Бонифасио в контрреволюционном заговоре, предал его военному суду и добился смертного приговора. В 1897 г. личная стража Агинальдо застрелила Бонифасио.

При поддержке крупной манильской буржуазии и чиновничества Примо де Ривера установил связь с Агинальдо. Губернатор обещал провести в стране административные и судебные реформы, урегулировать налоговую систему, обеспечить неприкосновенность личности, свободу печати и собраний, изгнание монашеских орденов.

18 ноября 1897 г. было окончательно оформлено соглашение с Примо де Ривера. Агинальдо и его соратники должны были сложить оружие и покинуть Филиппины, им было обещано денежное вознаграждение. Обещанные Примо де Ривера реформы не были внесены в текст договора.

Но капитуляция руководителей национального правительства не означала, что борьба народных масс окончилась. Многие из генералов повстанческой армии не признали соглашения и продолжали борьбу. Среди филиппинских помещиков и либеральной буржуазии также росли разочарование и недовольство. Колониальные власти не выполнили ни одного обещания. Репрессии и аресты продолжались.

Агинальдо и его ближайшие соратники обосновались в Гонконге. Здесь они создали новую организацию под названием Патриотическая хунта и готовили планы нового восстания. В глазах филиппинского народа гонконгские эмигранты были окружены ореолом страдальцев за правое дело.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО США. УСТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ГОСПОДСТВА

Борьбу филиппинского народа против испанских колонизаторов пытались использовать североамериканские империалисты. Они прикрывали свою захватническую политику декларациями о защите угнетенного Испанией населения Кубы и Филиппин. В азиатские воды была послана американская эскадра. Американские консулы и военные эмиссары вступили в тайные переговоры с Агинальдо, обещая ему поддержку США в борьбе за независимость Филиппин. В 1898 г. США объявили войну Испании. Американский флот уничтожил в Манильском заливе испанскую эскадру. В Гонконге Патриотическая хунта призывала филиппинцев встречать американскую армию как изба-

вителей. Агинальдо, доставленный на Филиппины на американском военном корабле, встал во главе продолжавшегося движения. Испанский генерал-губернатор объявил о создании филиппинской милиции и Совецательного органа при колониальном правительстве, но восстание разрасталось.

В г. Кавите 12 июня 1898 г. была торжественно провозглашена независимость Филиппин. Агинальдо был объявлен главой правительства республики. Он был наделен почти неограниченными полномочиями. Умеренные по своим взглядам представители местной манильской знати поддержали это правительство. Филиппинская армия, которую американцы снабжали оружием, одерживала победу за победой. Испанское господство было фактически ликвидировано. До тех пор пока США были заинтересованы в сокрушении испанского господства руками филиппинцев, представители американского морского командования считались с филиппинским национальным правительством. Однако империалисты не желали допустить занятия Манилы филиппинскими войсками, она должна была быть завоевана войсками США, чтобы создать юридическое обоснование американских прав на превращение Филиппин в их владение. На Филиппины стали прибывать отряды американских сухопутных сил, а Агинальдо отвел свои войска от побережья Манильского залива, чтобы очистить место для американских десантов.

12 августа 1898 г. в Вашингтоне был подписан протокол о прекращении военных действий. Но американские войска поспешили захватить Манилу. Осажденные в столице испанцы согласились сдать Манилу. Однако для спасения своей репутации испанское командование условилось об инсценировке «боевого наступления» американцев. Ввод филиппинских войск в столицу был запрещен, что вызвало негодование патриотов.

Однако буржуазно-помещичье руководство страны еще надеялось на получение независимости от США. В городе Малолосе открылось народное представительное собрание Филиппин, именовавшееся Революционным конгрессом, который был торжественно открыт Агинальдо. Цель созыва конгресса — выработка и принятие конституции Филиппинской республики. Она утверждала на архипелаге буржуазно-демократический строй, ограничивала власть президента, представляла конгрессу как законодательному органу широкие полномочия, гарантировала филиппинцам демократические свободы. 23 января 1899 г. Малолосская конституция была утверждена. Президентом Республики Филиппины был избран Агинальдо.

Испания вынуждена была принять продиктованные США условия. По Парижскому мирному договору, подписанному 10 декабря 1898 г., Испания отказалась от суверенитета над Кубой и передала США Пуэрто-Рико и другие свои владения в Вест-Индии. Весь Филиппинский архипелаг и о. Гуам были также уступлены США. Через три месяца после ратификации договора США обязывались уплатить Испании 20 млн долларов. Американские империалисты стали обладателями богатейшей колонии и важного форпоста на подступах к Восточной Азии. Захват Гуама наряду с присоединением к США Гавайских островов обеспечивал США создание военных баз на Тихом океане, на путях к Филиппинам и Азиатскому континенту.

Филиппинское республиканское правительство послало специального делегата для защиты национальных интересов во время парижских переговоров. Однако филиппинский представитель не смог до-

биться не только признания своих полномочий, но даже свидания с американской делегацией.

ФИЛИППИНСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Парижский договор разоблачил истинные намерения американских империалистов. Еще более отчетливо их вскрыла инструкция президента Мак-Кинли, посланная им в июне 1898 г. генералу, командовавшему американскими силами. Президент США требовал, чтобы военное управление было как можно скорее установлено на всей территории Филиппин.

Сенат США ратифицировал договор, на Филиппины были брошены свежие войска. Начался неравный бой филиппинского народа с сильнейшей империалистической державой мира.

«Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их...»¹.

Вскоре империалистам США стало ясно, что одной военной силой покорить Филиппины будет трудно. Поэтому правительство США изменило тактику: пошло на сочетание кровавого подавления народной борьбы с маневрами в отношении имущих классов. На архипелаг была послана специальная «Филиппинская комиссия», которой было поручено установить «дружественный контакт» с местной буржуазией и помещиками. Среди компрадорской буржуазии и феодалов американцы нашли себе первых сторонников. Во время войны компрадоры Манилы нажились на снабжении американской армии и широко использовали свободу внешней торговли, введенную США.

Внутри общенационального фронта определились два течения. Педро Патерно и крупнейший помещик Буэикамино возглавляли буржуазно-помещичье крыло, готовое идти на «почетное» соглашение с США. Мелкобуржуазный революционер Мабини, глава филиппинского республиканского правительства, назначенный Агинальдо на эту должность, генерал Антонио Луна и другие требовали продолжения освободительной борьбы.

Крестьяне, не получившие земли, пытались облегчить свою долю, захватывая помещичьи земли. Это ускорило переход буржуазии и помещиков на путь капитуляции перед США. Агинальдо склонялся к «почетному соглашению» с американскими империалистами. Личная стража Агинальдо вероломно убила генерала Луну в ставке президента, а его сторонники были арестованы. Убийство Луну ослабило позиции филиппинского правительства. Американские войска занимали новые территории.

Регулярные филиппинские части перешли к партизанским действиям. Агинальдо вынужден был скитаться со своей свитой в горных районах. Но филиппинский народ не складывал оружия.

СОЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В покоренных районах США приступили, при поддержке компрадоров и феодальных помещиков, к организации гражданского управления. В 1900 г. проамерикански настроенные филиппинские деятели

¹ Ленин В. И. Поля, собр. соч. Т. 37. С. 49.

объединились в Федеральную партию (Партидо Федералиста), программой которой было включение Филиппин в США на правах отдельного штата. Эта партия стала прямым орудием укрепления американского господства. Под ее влиянием патриоты прекращали борьбу. Из числа членов Федеральной партии назначались губернаторы провинций и чиновники гражданского управления. Чтобы обеспечить возможность скорейшего сговора с буржуазией и либеральными помещиками, США вынуждены были открыть им доступ к участию в управлении колонией. Так, три наиболее видных представителя Федеральной партии были в сентябре 1901 г. введены даже в состав «Филиппинской комиссии». Захваченный в плен Агинальдо подписал присягу на верность США. Поселившись в своем имении, он стал пенсионером американского правительства. Большинство буржуазных лидеров последовали примеру Агинальдо и признали американское господство.

Буржуазия и помещики стали создавать политические организации, при помощи которых они рассчитывали добиться легальными средствами независимости Филиппин.

В 1902 г. конгресс США принял «Закон о Филиппинах». Смысл этого закона заключался в попытке обмануть широкие массы филиппинского народа, которому хотели внушить иллюзию о «демократической колониальной политике» США, якобы отличающейся от политики других империалистических держав. Закон 1902 г. декларировал неприкосновенность личных и имущественных прав филиппинских граждан, демократические свободы, выборность провинциальных органов управления во главе с губернатором. Стремясь ослабить революционную борьбу крестьянства за землю, закон устанавливал право каждого совершеннолетнего филиппинца на получение из государственных земельных фондов участка. Но за 10 лет лишь нескольким десяткам филиппинцев удалось осуществить право на получение земельного участка. Американские империалисты и филиппинские помещики были заинтересованы в сохранении докапиталистических методов эксплуатации крестьян. Обезземеливание крестьян обеспечивало дешевыми рабочими руками крупные плантации и промышленные предприятия на Филиппинах и Гавайях. Бывшие монастырские земли попали в руки филиппинской верхушки и американских дельцов, а филиппинские арендаторы лишь сменили хозяев. Широкое участие в расширении земельного фонда приняли представители американской военщины. Военные превратились в крупнейших помещиков, владельцев плантаций, золотых приисков и т. д.

Закон 1902 г. предусматривал создание двухпалатного «парламента». Нижней палатой должна была стать Филиппинская ассамблея. Декларировалось, что она пользуется законодательными правами, однако законы подлежали утверждению «Филиппинской комиссией», превращавшейся в верхнюю палату, а затем американским генерал-губернатором и конгрессом США. Закон создавал видимость демократической выборности Ассамблеи и равноправия двух палат. В действительности, американские империалисты полностью сохраняли власть в стране. Филиппинская комиссия целиком назначалась из американцев и представителей местной реакции. За генерал-губернатором Филиппин сохранялось не только право вето, но и возможность проведения выгодных империалистам актов, минуя законодательные органы.

Допуская представителей имущей верхушки филиппинцев к участию в управлении, закон предусматривал, что Ассамблея будет от-

крыта лишь после того, как президент США официально объявит о прекращении сопротивления американскому господству. Этим путем американцы стремились усилить заинтересованность филиппинской буржуазии в скорейшем прекращении народной борьбы. Ассамблея приступила к работе лишь в октябре 1907 г.

Аграрное движение в стране не прекратилось, что было вызвано нерешенностью земельного вопроса. Возвращение американцами прежним владельцам земель, национализированных правительством Филиппинской республики, еще более обострило борьбу низов. Крестьяне и городская беднота вступали в партизанские отряды. В 1905 г. партизанам удалось временно овладеть крупным провинциальным центром Монтельбаном. Чтобы умиротворить деревню, американцы пошли на выкуп орденских земель и распродажу их по высоким ценам местным помещикам (1903—1910). Земельные магнаты стали обладателями огромных латифундий. Докапиталистические методы эксплуатации сохранились.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ. ЗАРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К началу XX в. численность рабочего класса в Маниле возросла. В 1901 г. в Маниле был создан первый профессиональный союз печатников. В эти годы на различных предприятиях Манилы возникали стачки рабочих, выдвигавших экономические требования. В 1902 г. под руководством вернувшегося из Испании мелкобуржуазного интеллигента Рейеса и филиппинца доктора Доминидора Гомеса было организовано первое объединение рабочих — Унион обреро. Рейес начал издавать газету, впервые знакомившую филиппинский пролетариат с идеями социализма. В обстановке еще продолжавшейся народной борьбы и растущей активности манильских рабочих деятельность Рейеса казалась американским империалистам опасной. Он был арестован, а издававшаяся им газета закрыта. Во главе Униона остался Гомес. В короткий срок Унион объединил до 40 тыс. рабочих, ремесленников и кустарей. Однако многие входившие в него союзы представляли собой полупецовые организации общества взаимопомощи, масонские ложи. Наряду с рабочими принимались и представители мелкой городской буржуазии. Унион обреро был далек от революционной деятельности, но руководил экономическими стачками. В 1902 г. американские власти закрыли Унион как якобы мятежную организацию. Многие его лидеры были арестованы.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА США

Американские империалисты при содействии филиппинских буржуазных и мелкобуржуазных лидеров предложили еще не сдавшимися и продолжавшим борьбу партизанским командирам вступить в переговоры. Доверившиеся предложению борцы за независимость были схвачены, преданы суду и приговорены к смертной казни. Генерал-губернатор заменил смертную казнь тюремным заключением. Партизанское движение, лишившееся вождей, было подавлено. Президент США официально объявил о прекращении на Филиппинах вооруженной борьбы.

В 1907 г. были назначены выборы в Ассамблею. В связи с этим образовалась первая буржуазная национально-реформистская полити-

ческая организация — Национальная партия (Партидо националиста). Она возникла из нескольких групп, выдвигавших программу легальной парламентской борьбы за независимость. Проамерикански настроенные лидеры переименовали свою Федеральную партию в Прогрессивную (Партидо прогрессиста), влияние которой даже среди буржуазии и помещиков было незначительно. Национальная партия завоевала большинство мест в филиппинском «парламенте» и получила большинство губернаторских постов. Выдвинутое Национальной партией требование немедленного предоставления независимости Филиппинам, несмотря на отказ от революционной борьбы за независимость, облегчило буржуазии возможность удерживать под своим влиянием народные массы.

Буржуазные партии вносили в свои программы требования о расширении избирательных прав, развитии просвещения, снижении налогов. Представители буржуазии стремились также взять в свои руки руководство рабочими организациями. В 1913 г. возник профсоюзный центр — Рабочий конгресс, руководство которого было тесно связано с Национальной партией. Рабочий конгресс возглавил ряд стачек, закончившихся полной или частичной победой рабочих. В качестве посредников в конфликтах выступали представители Бюро труда, созданного по инициативе Ассамблеи. Филиппинская буржуазия широко использовала американские методы обмана масс, подкупа руководителей профессиональных союзов.

Американский финансовый капитал все более подчинял филиппинскую экономику. США ввели специальные таможенные тарифы, продиктованные интересами американских монополий. Вскоре ввоз из США составил более 60% всего филиппинского импорта. Филиппины были превращены в источник сырья для метрополии и в рынок сбыта американских товаров. Около 90% вывоза с архипелага составляла продукция четырех сельскохозяйственных культур: тростникового сахара, манильской пеньки, продуктов кокосовых пальм и табака. На Филиппинах стала развиваться промышленность по обработке сельскохозяйственных продуктов. Манила превратилась в значительный фабричный центр.

Американские империалисты обещали предоставить Филиппинам полную независимость, «когда страна будет к этому подготовлена». В своей борьбе за реализацию этого обещания филиппинские политические лидеры ориентировались на Демократическую партию США, лидеры которой в борьбе против республиканцев лицемерно изображали себя противниками колониальной политики и сторонниками независимости Филиппин.

Пришедшая к власти в США Демократическая партия защищала с таким же рвением колониальные интересы американских монополий, как и Республиканская. Однако участие буржуазно-помещичьих представителей в колониальном управлении было несколько расширено. Большинство мест в Филиппинской комиссии было предоставлено видным деятелям Национальной партии. Но американцы все же оставили за собой важнейшие посты. Надежда филиппинской верхушки на получение независимости с помощью Демократической партии США потерпела крах.

В 1914 г. внутри Национальной партии произошел раскол. Отколовшаяся группа образовала новую партию — Демократическо-национальную (Партидо демократа национал). Ее программа, впрочем, принципиально ничем не отличалась от программы Национальной

партии. Обе партии были одинаковыми по своему классовому характеру.

Борясь за влияние на массы, Демократическо-национальная партия стремилась проникнуть в пролетарские организации. Ей удалось расколоть Рабочий конгресс. Однако этот раскол и создание сугубо реформистской организации Ассоциация труда, во главе которой стоял член Демократическо-национальной партии Бальмори, мало чем помогли демократам. Потерпев жестокое поражение на выборах, обе оппозиционные партии, прогрессисты и демократы, в 1917 г. объединились в одну под названием Демократическая партия Филиппин (Партидо демократа).

ФИЛИППИНЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война вызвала некоторый экономический подъем на Филиппинах. Спрос воюющих стран на сырье и готовую продукцию обогатил филиппинскую буржуазию и помещиков; они экономически окрепли и политически усилили свои позиции. Одновременно все более настойчивым становилось требование народных масс о предоставлении независимости Филиппинам. США, заинтересованные в сохранении мира в колонии, вынуждены были пойти на новые маневры.

В 1916 г. конгрессом США был принят закон Джонса. В нем впервые Филиппинам была официально обещана независимость, как только на островах окрепнет национальное правительство, созданное под контролем США. По этому закону, громко прославлявшемуся как «новая конституция», Филиппинская комиссия была заменена выборным сенатом из филиппинцев, причем 22 сенатора избирались, а 2 представителя «нехристианских племен» назначались правительством США. Таким образом, законодательная власть формально была передана выборным филиппинским органам.

Избирательные права несколько расширились: могли избирать грамотные, как европейцы, так и местные. Министры, за исключением министра просвещения, должны были быть филиппинцами.

Национальная партия и связанные с ней слои буржуазии и помещики извлекли из новой колониальной конституции наибольшие выгоды. Президентом сената был избран лидер партии. Руководители Национальной партии вошли и в созданный американским генерал-губернатором так называемый «колониальный совет», имевший целью установление связи между американской администрацией и органами филиппинской законодательной власти.

ИНДИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ИМПЕРИАЛИЗМУ

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Народное восстание 1857—1859 гг. вынудило Англию внести существенные изменения в систему колониального управления Индией. 2 августа 1858 г. английский парламент принял специальный закон об управлении Индией, согласно которому государственная власть в этой стране переходила от Ост-Индской компании к английской короне, а вся колониальная администрация ставилась под непосредственный контроль британского парламента и правительства. Создавалось специальное министерство по делам Индии, при котором был образован совещательный Индийский совет из крупных чиновников англо-индийской службы. Английский генерал-губернатор получил титул вице-короля. Вместе с тем сохранялось административное деление страны на Британскую Индию, находившуюся под непосредственным колониальным управлением, и княжества, бывшие в вассальной зависимости от английской короны. Имущество упраздненной Ост-Индской компании перешло к английскому государству, а ее акционерам за счет индийских налогоплательщиков была выплачена компенсация.

Учтя опыт народного восстания, англичане провели в 1860—1861 гг. реорганизацию колониальной армии, увеличив численность английских частей по отношению к сипайским, при комплектовании и дислокации которых проводился принцип противопоставления различных этнических, религиозных и кастовых групп. В то же время, проводя политику умиротворения индийских феодалов, колониальная администрация создала условия выходцам из семей феодальной знати для широкого продвижения на младшие офицерские должности в армии.

Новая политика в отношении индийской феодальной верхушки, провозглашенная еще в прокламации королевы Виктории, объявленной императрицей Индии, от 1 ноября 1858 г., последовательно проводилась колониальными властями. Было объявлено об отказе от «доктрины выморочных владений», князьям разрешалось в случае необходимости выбирать приемных наследников. Феодальной верхушке, активно поддержавшей колонизаторов в период народного восстания, были щедро розданы земли, конфискованные у мятежных князей, и денежные пенсии. Союз индийских феодалов с английским колониальным режимом был основан на предательстве национальных интересов народов Индии. Жесткий контроль над вассальными княжествами колониальная администрация осуществляла через специальный «политический департамент» при вице-короле и сеть специальных английских резидентов в столицах княжеств, власть которых была подкреплена размещенными там подразделениями англо-индийской армии.

Курс на союз с князьями и феодальными землевладельцами — заминдарами — был частью общей политики расширения и укрепления социальной базы колониального режима. На это же было направлено создание в 1861 г. при вице-короле и губернаторах провинций законодательных советов с совещательными функциями, в состав которых

назначались представители верхушки имущих классов Британской Индии. В эти же годы были проведены модернизация судебной системы и ее приближение к английской модели судопроизводства.

Изменения в колониальном управлении страной были направлены как на укрепление английского государственного аппарата в Индии, так и на создание прочной социальной опоры колониального режима, прежде всего в среде феодально-помещичьего класса. Во второй половине XIX в. в основном завершилось становление государственного аппарата колониальной Индии — главного орудия порабощения страны английской буржуазией. Поскольку он служил в первую очередь интересам английских эксплуататорских классов, его верхние звенья (парламент, издававший законы для Индии, министерство по делам Индии английского правительства) находились в Англии.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

Аграрная политика Англии в Индии служила укреплению колониального господства и расширению сферы колониальной эксплуатации.

К концу 1870-х годов в процессе проведения земельного кадастра и введения нового земельного налогообложения в районах райятвари и временного заминдари были окончательно юридически оформлены землевладельческие права различных групп феодальных помещиков. Была завершена реформа земельно-налоговых систем, начатая еще в первой половине XIX в.

В 1860—1880 гг. новый земельный кадастр охватил все провинции, за исключением районов постоянного заминдари в Бенгалии и Мадрасе. Колонизаторы издали законы об аренде, действовавшие в Бенгальском президентстве, Северо-Западных провинциях, Пенджабе, Центральных провинциях, которые формально ограничивали феодальную эксплуатацию помещиками-заминдарами привилегированных групп арендаторов из среды традиционной верхушки сельской общины. Однако на деле помещики повсеместно взимали с крестьян арендную плату, равную половине и более урожая. Кроме того, крестьяне несли многочисленные феодальные повинности.

Укрепление прав наследственной аренды у верхних прослоек арендаторов, превращение этих прав в объект купли-продажи, некоторое ограничение роста арендной платы и стимулирование ее перевода из натуральной формы в денежную способствовали консолидации прослойки зажиточного крестьянства из среды полноправных общинников. Покупка земли в условиях неразвитого капиталистического предпринимательства в стране представляла наиболее выгодную форму вложения денежных накоплений торгово-ростовщических и феодальных элементов.

Особенно интенсивно обезземеливание крестьянства и переход их земельных участков к ростовщикам происходили в Махараштре (районах Бомбейского президентства, населенных маратхами) и Пенджабе. Здесь ростовщики скупили около трети всей проданной земли. Деятельность английской налоговой администрации и судов способствовала экспроприации крестьян. Площадь земли под арендой и численность крестьян-арендаторов увеличивались. В то же время возросло число лиц, основным доходом которых стала земельная рента (в 1881—1901 гг. с 2,5 до 6 млн).

Во второй половине XIX в. окончательно сложилась колониально-феодалная земельная монополия. Крестьянство Индии несло тройное бремя — налогов, феодальной земельной ренты и ростовщической задолженности.

Аграрные мероприятия колониальных властей по укреплению частновладельческих прав на землю как феодальных помещиков, так и слоя привилегированных (постоянных) арендаторов создавали более благоприятные условия для роста сельскохозяйственного производства и в особенности повышения его товарности. Последнее было необходимо для усиления эксплуатации страны в качестве аграрно-сырьевого придатка метрополии.

ЭКОНОМИКА ИНДИИ В 1860—1890-е ГОДЫ. УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Во второй половине XIX в. в основном было завершено превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток Англии. Постепенная утрата Англией роли «мастерской мира», а также усиление германской и французской экспансии в Африке, Юго-Восточной Азии и Океании, подрывавшей позиции Англии как крупнейшей колониальной державы, повысили значение Индии для развития британской экономики. Если в 1873—1883 гг. торговля Англии с Германией увеличилась лишь на 7%, то с Индией — на 60%. Развитие торговли между Индией и Англией отражало процесс дальнейшего разделения труда между английской обрабатывающей промышленностью и индийским сельским хозяйством и горнодобывающей промышленностью, между английским городом и индийской деревней.

Главными статьями индийского экспорта были хлопок, шерсть, джут, пальмовое волокно, рис, пшеница, маслосемена, пряности, индиго, опиум. Основная часть всего экспорта (например, 80% хлопка) шла в Англию. Индия становилась ее главным поставщиком продовольствия. Общая стоимость товаров, вывозимых ежегодно из Индии, увеличилась в 1860—1890 гг. втрое.

Возросла эксплуатация Индии и как рынка сбыта. За этот период ввоз английских товаров в Индию увеличился в пять раз. Основную часть ввоза составляли ткани, металлическая посуда и утварь, а также другие виды потребительских товаров.

Вместе с тем в системе колониальной эксплуатации Индии значительную роль продолжало играть налоговое ограбление трудящегося населения страны, в первую очередь крестьянства. С середины 60-х годов сельское население было обложено новыми налогами, начали повышаться ставки земельного налога. При этом, как признавали сами чиновники колониального аппарата, «земельный налог пунктуально взимался с держателей земли как в урожайные, так и в неурожайные годы».

Доходы английского колониального государства в Индии, основным источником которых было прямое и косвенное налогообложение, увеличились с 361 млн рупий в 1859 г. до 851 млн рупий в 1890 г.

Характеризуя развитие мировой хлебной торговли, Маркс указывал, что в России и Индии крестьяне «должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 282.

В период перехода к империалистической эпохе в системе колониальной эксплуатации Индии появились новые методы — она стала сферой приложения английского капитала.

Первым крупным объектом английских капиталовложений в Индии были железные дороги. В 1860—1890 гг. протяженность железнодорожных линий возросла с 1300 до 25 600 км. Направленность железнодорожной сети, веером расходившейся от главных портов в глубь страны и связывавшей основные военные опорные пункты англичан в Индии, была обусловлена как военно-стратегическими, так и экономическими задачами эксплуатации Индии как аграрно-сырьевого придатка английской метрополии. Тарифы на грузовые перевозки были установлены таким образом, что они стимулировали экспортно-импортные торговые перевозки и затрудняли развитие товарооборота внутри страны. Железные дороги проводили в трех различных колеях — широкой, средней и узкой, что также значительно удорожало внутренние перевозки, поскольку приходилось перегружать товары на узловых перевалочных станциях.

Железнодорожное строительство в Индии оказалось настоящим «золотым дном» для английских дельцов. Колониальные власти гарантировали компаниям получение прибыли в любых условиях. Расточительство английских подрядчиков оплачивалось кровью и потом индийских налогоплательщиков.

Вторым важнейшим объектом английских капиталовложений было ирригационное строительство. Оросительные сооружения строились в тех районах, где выращивали экспортные культуры (например, в Синде и Пенджабе — главной базе экспортного хлопка и пшеницы). Используя водный налог, англичане не только покрывали за счет крестьян все затраты на ирригационное строительство, но и получали громадные прибыли. Оросительные сооружения и железные дороги являлись, как правило, собственностью колониального государства.

Важнейшей сферой приложения частного английского капитала стали плантации чая, кофе, каучука. Английские колониальные власти продавали пригодные для возделывания этих культур земли в полную собственность или сдавали их в аренду английским плантаторам на льготных условиях. Английский капитал стал также вкладываться в строительство предприятий фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности. Английские предприниматели владели джутовыми фабриками в Калькутте, хлопчатобумажными — в г. Канпуре (Северная Индия). К концу XIX в. в Калькутте действовал принадлежащий англичанам небольшой металлургический завод. Эксплуатация железнодорожных линий потребовала создания ремонтных мастерских и небольших чугунолитейных и механических предприятий. Необходимый уголь стал добываться в самой Индии.

Английский империализм взимал с поработенной страны громадную колониальную дань — около 100 млн ф. ст. в год. «То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, дивидендов от совершенно непужных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них без всякого эквивалента, — не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, — то есть говоря только о стоимости товаров, которые индийцы вынуждены даром ежегодно отправлять в Англию, — превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод до-

стигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают!»¹, — писал К. Маркс в 1881 г.

Усиленный вывоз из Индии сельскохозяйственного сырья привел к специализации отдельных областей по производству различных продуктов земледелия. Постепенно складывались монокультурные районы: чая — в Бенгалии и Ассаме, хлопка — в Пенджабе, джута — в Бенгалии и т. д. Увеличение производства технических культур стимулировало в свою очередь рост товарности продовольственных культур и развитие внутреннего товарообмена. У основной массы крестьян связи с рынком определялись не наличием «товарных излишков», а нуждой в деньгах для уплаты земельных и прочих налогов и ренты.

Установление относительно прочной и постоянной зависимости крестьянина от ренты расширило возможности для торгово-ростовщической эксплуатации крестьянства. Деревенские ростовщики и торговцы обычно принадлежали к особым торговым и ростовщическим кастам (марвари, банна, четти) и являлись низовым звеном в системе ростовщического кредита и сети торговых посредников между крестьянами и крупными торговыми и экспортными фирмами. Расширение сферы деятельности торговцев и ростовщиков способствовало накоплению денежных капиталов в стране. Крупные денежные накопления, в частности, принадлежали индийскому купечеству, занятому в посреднической (компрадорской) торговле.

В этот же период начал складываться и рынок рабочей силы. В стране появились первые кадры наемных рабочих (в земледелии, на строительных работах). Источником формирования рабочего класса стали разорявшиеся крестьяне и ремесленники, не выдерживавшие конкуренции с английской промышленностью.

Развитие капитализма в Индии шло двумя параллельными путями. На базе ремесленного производства стала быстро развиваться капиталистическая мануфактура, которая могла противостоять конкуренции фабричного производства благодаря сверхэксплуатации рабочих, где капиталистические методы сочетались с ростовщической кабалой и кастовым гнетом, с использованием дешевых импортных или местных полуфабрикатов. Именно на базе использования фабричной пряжи в этот период началось быстрое возрождение ручного ткачества — в рамках мануфактурного производства. В различных районах Индии (особенно в Махараштре, Мадрасе, Северо-Западных провинциях) сложились крупные центры специализированного кустарного производства. По переписи 1891 г., в кустарной промышленности было занято (с членами семей) 45 млн человек. В конце 1890-х годов в Индии в кустарном ткачестве перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на хлопкоткацких фабриках. Владельцы и рабочие мануфактур страдали от конкуренции английских товаров, налогообложения, насилий колониальной администрации.

Наряду с ручным производством в Индии стали возникать первые фабрично-заводские предприятия. Важнейшим центром индийской фабрично-заводской промышленности стал Бомбей. Бомбейские купцы-компрадоры вели операции с большим размахом, участвуя в посреднической торговле опиумом, хорошо ознакомились с китайским и дальневосточным рынками. Бомбейские купцы приступили к строительству хлопчатобумажных фабрик. К концу 1890-х годов в стране насчитывалось 177 хлопчатобумажных и 33 джутовые фабрики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 129—130.

В последней трети XIX в. были открыты также хлопчатобумажные фабрики, принадлежавшие английским капиталистам (Бомбей, Канпур). Однако цитаделью английского частного капитала оставались джутовые предприятия, сосредоточенные в Калькутте и ее окрестностях. Кроме того, английскому капиталу принадлежали многочисленные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

В крупном производстве (фабрично-заводские предприятия и плантации) две трети всего акционерного капитала принадлежали англичанам и только одна треть — индийцам, что свидетельствует о господстве англичан в крупнокапиталистическом предпринимательстве в Индии. Очаги крупного и мелкого капиталистического предпринимательства представляли к концу XIX в. островки среди моря мелких крестьянских и ремесленных хозяйств. Докапиталистические отношения продолжали значительно преобладать в экономике как Британской Индии, так и, в особенности, вассальных княжеств.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КЛАССОВ И ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В результате развития капитализма в стране начал формироваться рабочий класс. Неравномерное развитие капитализма в Индии определило концентрацию основной его части в наиболее развитых провинциях страны: Бомбейской и Бенгалии. Среди рабочих преобладали текстильщики. Общая численность рабочих, занятых на фабрично-заводских предприятиях, железных дорогах и шахтах, составляла к концу XIX в. около 800 тыс. человек. На фабриках и шахтах широко использовался женский и детский труд.

Условия жизни и труда индийских рабочих были тяжелейшими, заработная плата крайне низка, недостаточная, как правило, для содержания членов семьи. Капиталистическая эксплуатация дополнялась различными формами внеэкономического принуждения и ростовщической кабалой. Рабочая неделя на индийской фабрике составляла 80 часов (на английской — 56). Рабочий день достигал 16 часов. Сверхэксплуатация индийских рабочих была основой конкурентоспособности индийских фабрикантов в их борьбе за рынок с английскими промышленниками.

Английские фабриканты-текстильщики, стремясь ослабить конкурентоспособность индийских промышленников путем повышения издержек производства, через своих представителей в парламенте Англии стали требовать введения в Индии рабочего законодательства. Однако этому противились не только фабриканты-индийцы, но и владельцы фабрично-заводских предприятий в Индии — англичане. Были приняты законы 1881 и 1891 гг., которые вводили возрастной ценз для найма (сначала 7, а затем 9 лет), ограничивали рабочий день для детей и подростков. Эти законы, кстати, очень плохо выполнявшиеся, сами по себе свидетельствовали об ужасающем положении рабочего класса Индии. Принятие законодательства существенно не повлияло на степень эксплуатации индийского рабочего класса.

Английская буржуазия взимала с развивающейся национальной промышленности Индии тяжелую дань, поставляя оборудование и материалы по монополюно высоким ценам. Значительно выше, чем в метрополии, была также оплата английского инженерно-технического персонала.

Английская буржуазия, используя свое политическое господство в Индии, всемерно тормозила самостоятельное экономическое развитие страны. В 1879 г. фабриканты Ланкашира добились отмены пошлин на импортные хлопчатобумажные ткани в Индии, что ставило в неравное положение молодую индийскую и самую мощную в мире английскую текстильную промышленность. В 1882 г. были отменены пошлины и на другие товары. В 1894 г. по фискальным соображениям пошлина на ввозимые ткани была восстановлена, но одновременно был введен акцизный сбор на индийские фабричные ткани.

Серьезным тормозом было также отсутствие организованного капиталистического кредита. Английские банки кредитовали в Индии лишь колониальный аппарат, английские торговые и промышленные предприятия занимались главным образом внешнеторговыми операциями. В этих условиях индийские фабриканты попадали в зависимость от так называемых управляющих агентств, дочерних компаний крупных английских монополий. Управляющие агентства обеспечивали необходимый кредит, поставляли промышленное оборудование, а после пуска предприятия часто руководили его работой, обеспечивая снабжение сырьем и сбыт готовой продукции. В пользу управляющих агентств производились значительные отчисления от прибылей индийских фабрикантов.

Господство в сельском хозяйстве феодальных пережитков, преобладание в деревне и мелком промышленном производстве торгово-ростовщического капитала крайне ограничивали возможности капиталистического развития страны. Молодая индийская буржуазия с самого начала своего формирования столкнулась с экономическим и политическим гнетом империализма.

Колониальная, феодальная и торгово-ростовщическая эксплуатация вызвала массовое разорение крестьян и ремесленников, обнищание трудящихся масс, в неурожайные годы сопровождавшиеся массовым голодом. Если в 1825—1850 гг. голод дважды поражал страну и унес 400 тыс. человеческих жизней, то в 1850—1875 гг. — 6, а в 1875—1900 гг. — 18 раз, причем смертность увеличилась соответственно до 5 млн и 26 млн человек.

Усиление колониальной эксплуатации, сопровождавшееся тяжелым феодальным и ростовщическим гнетом, привело к обострению классовой борьбы и возникновению резких противоречий между классами индийского общества и империализмом.

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Первым крупным выступлением крестьянских масс было так называемое «Восстание индиго» в Восточной Бенгалии в 1859—1862 гг. В ряде районов восточной части Бенгалии индигоносные кусты выращивались крестьянами по системе принудительной контрактации. Английские предприниматели, владельцы мелких заведений по изготовлению красителя индиго откупали на несколько лет у помещиков-заминдаров право взимания ренты с крестьян и в принудительном порядке заставляли последних выращивать индигоносные растения. Крестьяне были обязаны сдавать весь урожай этим «плантаторам» по принудительно установленным ценам. Постепенно райяты превратились в настоящих рабов английских плантаторов, которые установили в деревнях режим террора.

Крестьянское движение, направленное против системы принудительной контрактации, проходило в форме отказа выращивать индигоносный кустарник и уплачивать плантаторам старые долги. Возникнув стихийно в нескольких деревнях, оно быстро распространилось на пять округов Бенгалии. Попытки плантаторов силой подавить выступление райятов натолкнулись на стойкое сопротивление.

Несмотря на то что в деревни, охваченные движением, были брошены военно-полицейские отряды карателей, борьба крестьян продолжалась в течение почти трех лет. В результате крестьяне Индии впервые добились крупной победы — система принудительной контрактации индиго была отменена.

Во время этого движения были созданы зачатки крестьянской организации. Более значительную роль союзы крестьян сыграли во время следующего крупного выступления бенгальских крестьян в 1872—1873 гг. Если «Восстание индиго» было направлено против английских предпринимателей, то восстание крестьян в бенгальских округах Пабна и Богра носило антифеодальный характер. Непосредственная причина восстания была связана с массовым повышением помещиками-заминдарами ставок арендной платы. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, уничтожали арендные договоры и долговые расписки. Движением руководили организации, называвшиеся союзами повстанцев. Под влиянием выступлений крестьян Пабны и Богры, жестоко подавленных колонизаторами, был издан новый закон об аренде в Бенгалии, несколько расширивший категорию привилегированных арендаторов.

Наряду с крестьянскими выступлениями, носившими определенную антифеодальную и антиколониальную окраску, протест народных масс нередко выражался также в традиционных формах религиозно-сектантских движений. Господство феодальных пережитков как в экономике, так и в сознании громадной части населения страны обусловило то обстоятельство, что борьба против феодалов и иностранных порабощателей часто разворачивалась под лозунгами борьбы за веру.

Несмотря на поражение восстания 1857—1859 гг., англичанам не удалось полностью подавить движение ваххабитов, сыгравших видную роль в его руководстве.

В Ситане, в районе независимых патанских племен, ваххабитами был создан крупный военный лагерь, куда стекались добровольцы, тайно переправлялись оружие и припасы. Ситана, по мысли руководителя секты, должна была стать опорным пунктом восстания, которое должно было вестись под знаменем джихада — священной войны с неверными.

В Пенджабе антифеодальная и антиколониальная борьба развернулась в 60—80-е годы XIX в. в форме деятельности сикхской секты «намдхари» (принявших имя бога). Основная еще в первой трети XIX в., секта отражала идеи борьбы рядовых членов религиозной общины сикхов против феодализации верхушки. Руководители секты в своем учении выдвинули требование возврата к первоначальному сикхизму — антифеодальной идеологии крестьян и городских торговцев и ремесленников.

В 1872 г. намдхари совершили набеги на резиденции мелких пенджабских феодалов, однако были рассеяны вооруженными отрядами княжеств. Захваченные в плен сектанты были по приказу англичан без суда и следствия расстреляны из пушек. Эта варварская расправа изображена на картине великого русского художника Верещагина, побывавшего в Индии в 1875 г.

После неудачного выступления в 1872 г. секта подверглась жестоким репрессиям. Руководители ее во главе с Рам Сингхом были пожизненно сосланы в Бирму.

Несколько позднее, чем в Бенгалии и Пенджабе, начались народные выступления в Западной и Южной Индии.

Махараштра была районом, где процесс обезземеливания крестьянства и переход земли в руки ростовщиков происходили наиболее интенсивно, поэтому крестьянское движение здесь было направлено прежде всего против ростовщиков. Крестьяне уничтожали долговые записи, а в случае сопротивления изгоняли ростовщиков из деревень, громили их усадьбы. Крестьянское движение в этой части страны переросло в вооруженную борьбу. Во всех маратхских округах в 1873—1875 гг. действовали вооруженные крестьянские отряды, крупнейшим из них командовал крестьянский вождь Кенглия, которого крестьяне называли «другом должников». После того как английским карателям в 1876 г. удалось захватить Кенглию и разгромить основные отряды восставших крестьян, движение на некоторое время ослабело, но уже в 1878—1879 гг. в Бомбейской провинции появились новые группы вооруженных крестьян — главным образом из племени рамуси, члены которого, как правило, находились на положении долговых рабов у помещиков и ростовщиков.

В 1876—1878 гг. почти вся Бомбейская провинция была охвачена жестоким голодом. Однако англичане повысили налоги на соль и ввели в 1878 г. патентный сбор на предпринимателей и торговцев, что усилило антианглийские настроения среди широких слоев населения. Во многих местах происходили митинги и демонстрации протеста. Наибольшей силы это движение протеста достигло в выступлении в 1878 г. торговцев и ремесленников г. Сурата в Бомбейской провинции.

Крестьянское движение в Махараштре в 1870—1880 гг. подготовило героическое выступление революционера-демократа Васудева Балванта Пхадке (1845—1883). Пхадке происходил из обедневшей брахманской семьи. Он получил образование, владел санскритом и английским языком, служил мелким чиновником в одном из ведомств в Пуне. Человек пытливого ума, горячий патриот своей родины, Пхадке проникся глубокой ненавистью к иностранным поработителям. Первоначально он вел антианглийскую агитацию среди маратхской молодежи в Пуне, а затем приступил к выполнению задуманного плана организации вооруженного восстания с целью низвержения британского колониального режима. В 1879 г. Пхадке, установив связи с вожаком крестьянских повстанцев Хари Найком, создал отряд, деятельность которого была направлена против местных ростовщиков и феодалов. План Пхадке заключался в том, чтобы на отобранные у богатей деньги нанять крупный отряд воинов-профессионалов, который бы произвел налеты на центры колониальной администрации, перерезал важнейшие коммуникации и линии связи и своими действиями подал сигнал к всеобщему восстанию в Махараштре.

Пхадке распространил в районах действия своего отряда обращение к английским властям, в котором изложил основные пункты своей программы: снижение налогов, организация общественных работ, снижение высоких окладов английским колониальным чиновникам. В случае непринятия программы Пхадке угрожал поднять всеобщее восстание. Опираясь на активную помощь маратхских крестьян, Пхадке удалось весной и летом 1879 г. провести ряд смелых налетов и крупных экспроприаций. Однако текучесть состава его отряда, слабая военная организация, громадное превосходство сил карателей, брошен-

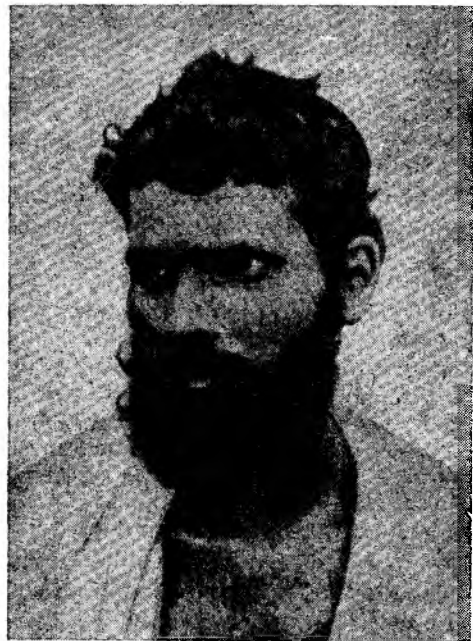
ных на подавление движения, привели к тому, что к середине лета того же года основные силы отряда были разбиты. Пхадке был схвачен, судим английским судом в Пунае и приговорен к пожизненной каторге.

Выступление Пхадке было знаменательно как первое народное восстание, в котором столь непосредственно нашли органическое единство элементы национально-освободительной и антифеодальной борьбы.

Одновременно с выступлением Пхадке крупное крестьянское восстание вспыхнуло в Мадрасском президентстве в местности Рампа на р. Годавари.

Непосредственным поводом к восстанию послужило увеличение английскими властями налогообложения, а также притеснения, которые чинил откупщик, собиравший налоги со всей Рампы. Движение возглавили мелкие феодальные землевладельцы и старосты деревень. В течение марта — июля 1879 г. отдельные стычки вооруженных групп крестьян вылились в настоящую партизанскую войну, которая с переменным успехом продолжалась до середины 1880 г.

Восстание, в ходе которого были образованы несколько крупных отрядов повстанцев, охватило обширную территорию округов Годавари и Визагапатам с населением свыше 2 млн человек. Искусно применяя партизанскую тактику, повстанцы сумели нанести серьезный урон превосброшенных на подавление вос-

В. Б. Пхадке

ходящим силам регулярных войск, брошенных на подавление восстания.

В середине 1879 г. вся область Рампы и прилегающие районы оказались в руках восставших, однако разногласия между руководителями отдельных военных отрядов и отсутствия координации действий ослабляли их лагерь. Англичане использовали раздоры между отдельными вождями восстания, чтобы ослабить движение, которое к июлю 1880 г. практически прекратилось.

Помимо этих выступлений народных масс в 1870 — начале 1880-х годов происходили волнения среди отдельных племен и народностей (бхилы, санталы, гонды, лушай, куки, нага и др.), населяющих Центральную и Северо-Восточную Индию, что было связано с процессом их закабаления и экспроприации их земель феодальными помещиками и ростовщиками. Эти выступления носили также ярко выраженный антиколониальный характер и были направлены против местной колониальной администрации. В 1874 г. произошли серьезные антианглийские выступления в г. Бароде, столице одноименного княжества в Западной Индии, вызванные отстранением колонизаторами от власти правителя княжества. В 1880 г. в маратхском княжестве Колхапур был

раскрыт заговор против правителя княжества и его колониальных покровителей.

Народные движения 60-х — начала 80-х годов носили локальный и стихийный характер, а их участники часто выступали под знаменем религии. Тем не менее участие в них масс крестьянства, ремесленников, а кое-где и мелких торговцев, нарождавшейся мелкобуржуазной интеллигенции, проявление народного недовольства, а также острые формы борьбы, вплоть до вооруженных восстаний, — все эти факторы превратили народные движения указанного периода в серьезную угрозу для английского колониального господства в Индии.

Как отмечал Маркс в 1881 г., «в Индии для британского правительства назрели серьезные осложнения, если не всеобщее восстание... Среди населения готовится настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане»¹.

НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Наибольшая степень концентрации рабочего класса была в текстильной промышленности. Это способствовало тому, что рабочие хлопчатобумажных фабрик выдвинулись как застрельщики борьбы индийского рабочего класса. В 1877 г. на одной из текстильных фабрик в г. Нагпуре (Центральная Индия) произошла первая рабочая забастовка. В период с 1882 по 1890 г. в Бомбейской и Мадрасской провинциях произошло 25 стачек. Наряду с промышленными рабочими и железнодорожниками в стачечной борьбе участвовали грузчики, рабочие коммунального хозяйства. Эти первые забастовки начались стихийно, носили чисто экономический характер, обычно были кратковременными.

Наиболее активным был рабочий класс Бомбея. Именно здесь были сделаны первые попытки создания рабочих организаций — предтеч профсоюзов. В 1884 г. состоялся первый массовый митинг бомбейских рабочих-текстильщиков, на котором была принята резолюция с требованиями установления обязательного выходного дня, ограничения продолжительности рабочего дня и др. В том же году служащим одной из бомбейских фабрик, маратхом по национальности, Н. М. Локханде была создана первая организация рабочих-текстильщиков. Однако состав ее был крайне нестабилен. Им же издавалась газета на маратхском языке «Друг бедных» буржуазно-филантропического направления.

С конца 80-х — начала 90-х годов стачечное движение постепенно усиливалось. Почти не было фабрик, на которых в течение года не происходили бы одна-две забастовки. Активизировалась и деятельность Бомбейской ассоциации рабочих. В 1889 г. под председательством Локханде прошел второй массовый митинг бомбейских текстильщиков. Ассоциация стала приобретать характер реформистского профсоюза по типу английских тред-юнионов. Уже на самом раннем этапе рабочего движения в Индии буржуазия попыталась навязать ему свою идеологию.

БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1860—1870-х ГОДОВ

Первые буржуазно-помещичьи общественно-политические организации возникли в наиболее экономически развитых провинциях Индии — Бенгалии и Бомбейской. Здесь еще с 40-х годов действовали

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 129—130.

Ассоциация Британской Индии в Калькутте и Ассоциация Бомбейского президентства в Бомбее.

Развитие капитализма в Индии, складывание класса индийской национальной буржуазии привели к возникновению буржуазно-национального движения. Народные антиколониальные и антиимпериалистические выступления оказали серьезное влияние на процесс политического формирования индийской буржуазии.

Развитие буржуазного национализма в Индии прошло два этапа. В 1860—1870-е годы в различных районах страны возникли буржуазно-помещичьи общественно-политические организации. Дальнейшее развитие буржуазно-национального движения привело к его объединению в середине 1880-х годов во всендийском масштабе.

Однако в условиях подымавшейся в стране волны национально-освободительного движения общественное значение этих организаций стало заметно падать. Возникла объективная необходимость в создании новых, более радикальных организаций индийских буржуазных националистов.

В 1870 г. в Махараштре возник так называемый Союз простых людей Пуны, а в 1876 г. в Калькутте — Индийская ассоциация. Обе организации активно выступали в защиту экономических и политических интересов индийской буржуазии.

С самого начала внутри новых организаций, как и всего буржуазно-национального движения, не было единства. Его внутренняя история характеризуется возникновением и развитием в нем двух основных направлений — либерального и демократического.

В 60-е — начале 80-х годов XIX в. либеральное крыло организационно господствовало в национальном движении, поскольку в этот период мелкобуржуазным демократам не удалось создать своих собственных организаций.

Либералы, главными лидерами которых в Бенгалии были Сурендранатх Банерджи, а в Бомбейском президентстве — Дадабхай Наоруджи и М. Г. Ранаде, требовали от колониального правительства проведения протекционистской политики по отношению к молодой индийской промышленности, снижения налогообложения, уменьшения колониальной дани. В аграрном вопросе они стояли за сохранение помещичьего землевладения при уменьшении налогообложения.

Их политическая программа сводилась к расширению представительства имущей верхушки индийского общества в совещательных органах при вице-короле и губернаторе провинции. Они также протестовали против расовой дискриминации и требовали повысить возрастную ценз для экзаменуемых при поступлении на государственную службу и проводить экзамены одновременно как в Индии, так и в Англии.

Тактика индийских либералов была столь же робкой и умеренной, как и их политическая программа. Петиции, обращенные к парламенту и английским колониальным властям, посылка делегаций к вице-королю и в Англию, робкие протесты в печати, принятие резолюций на собраниях национальных организаций — вот те формы борьбы, которыми ограничивалось умеренное крыло национального движения. Либералы резко отрицательно относились к народным выступлениям и стояли на позициях сохранения в стране колониального режима.

Однако внутри национального движения крепло левое крыло. Мелкобуржуазные демократы представляли низшие прослойки торговой буржуазии, владельцев мелких промышленных заведений, малоимущую часть интеллигенции — учителей, клерков, врачей — и в то же

время были связаны с разорившимися мелкими помещиками и вер-хушкой крестьянства.

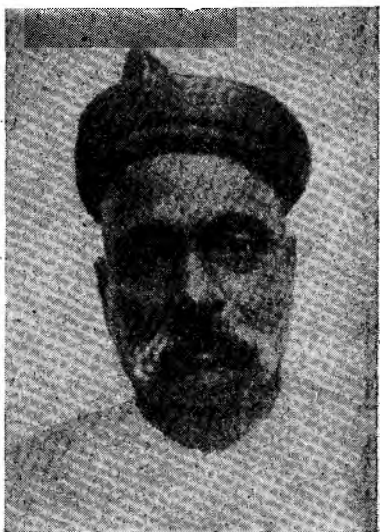
В отличие от либералов мелкобуржуазные демократы Бенгалии с глубоким сочувствием относились к антифеодальной борьбе масс. Во время «Восстания индиго» писатель-демократ Динобандху Митра написал пьесу «Зеркало индиго», в которой разоблачалась система принудительной контрактации. Пьеса произвела большое впечатление в перерывных кругах бенгальского общества. В 1873 г. во время восстания в Пабне Мир Машраф Хуссейн опубликовал пьесу «Зеркало заминдара», в которой раскрывались картины помещичьего произвола, царившего в заминдарских имениях. Представления этой пьесы в деревнях с участием крестьян способствовали распространению революционных антифеодальных настроений среди бенгальских райятов.

Бенгальские левые националисты надеялись, что массовые выступления крестьян приведут к изменениям в системе управления страной, к ослаблению и в конечном счете к ликвидации колониального гнета.

Главную задачу в своей практической деятельности мелкобуржуазные демократы видели в распространении патриотизма в широких слоях индийской молодежи, поэтому придавали первостепенное значение пропаганде своих идей через печать. Братя Гхош, Харишчандра Мукерджи, крупнейший бенгальский писатель того времени Банкимчандра Чаттерджи и другие пропагандировали идеи мелкобуржуазного национализма через издаваемые ими газеты и журналы. Однако их слабость заключалась в отсутствии собственных, отдельных от либералов политических организаций.

Эти особенности в деятельности мелкобуржуазных демократов были характерны и для Махараштры, которая наряду с Бенгалией была вторым очагом национального движения в Индии. Здесь возникновение левого радикального национализма связано с именем выдающегося индийского революционера и демократа Бал Гангадхар Тилака (1856—1920). Тилак, происходивший из старинной маратхской брахманской семьи, с ранних лет воспринял традиции освободительной борьбы маратхов. Использование национальных традиций пронизывало всю политическую агитацию Тилака. Еще находясь в колледже, Тилак с группой своих единомышленников задумал создание общедоступной школы, в которой бы маратхская молодежь воспитывалась в духе маратхского национализма. В 1880 г. в Пуне была открыта Новая английская школа, а со следующего года Тилаком стали издаваться газеты: «Лев» на маратхском и «Махратта» на английском языке.

В статьях, публиковавшихся в этих органах печати, а также в лекциях, читавшихся в Новой английской школе, Тилак и его сторонники выступали наиболее последовательными защитниками интересов всей индийской национальной буржуазии. Они считали главной формой борьбы бойкот английских товаров. Тилак был сторонником улучше-

Б. Г. Тилак

ния материального положения масс, однако у него не было четкой программы по аграрному вопросу.

Тилак также сочувственно относился к выступлениям масс против колониального режима, но считал, что вооруженная борьба не является средством для завоевания независимости.

НАЧАЛО ОБЩЕИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА

На развитие национально-освободительного движения в стране английские колонизаторы ответили репрессиями. В 1878 г. вице-королем Литтоном (1876—1880) был издан закон об оружии, по которому индийцам запрещалось иметь (даже для защиты от хищников джунглей) огнестрельное оружие. В том же году был принят драконовский закон о печати, вводивший предварительную цензуру для всех изданий на индийских языках.

Однако эти репрессии не дали желаемого результата. Поэтому пришедшие в 1880 г. к власти в Англии либералы стали проводить политику заигрывания с индийскими буржуазно-помещичьими националистами. Закон о печати был отменен.

В 1882 г. большинство членов муниципалитетов в крупных городах стали избираться верхушкой имущих слоев. Предполагалось устранить расовую дискриминацию индийцев в судах. Борьба по этому вопросу подтолкнула индийских националистов к объединению своих усилий в масштабе всей страны. Еще с конца 70-х годов между представителями различных общественно-политических организаций стали возникать тесные контакты, и в 1883—1884 гг. были сделаны первые попытки создания общеиндийской организации националистов.

В 1885 г. в Бомбее собрался первый съезд Индийского Национального конгресса. — первой общеиндийской буржуазно-помещичьей политической организации. Она была создана при благосклонном сочувствии властей, а английский чиновник Юм стал генеральным секретарем Конгресса. Конгресс выражал интересы верхних слоев индийской буржуазии и националистически настроенных помещиков, 50% делегатов первых шести сессий Конгресса принадлежали к буржуазно-помещичьей интеллигенции, 25% — были выходцы из торгово-ростовых слоев и 25% — помещики.

В Конгрессе господствовали представители либерального крыла национального движения. Однако в своей программе они пошли несколько дальше: более последовательно проводили требования о защите и развитии национальной промышленности, снижении налогов, создании в стране системы организованного капиталистического кредита. Конгресс более решительно протестовал против дискриминационной по отношению к индийской промышленности тарифной политики колонизаторов. В целях поощрения национальной промышленности под эгидой Конгресса в Индии стали устраиваться промышленные конференции и выставки. По аграрному вопросу программа Конгресса сводилась к требованию постоянного земельного обложения.

Далекие от народных масс индийские либералы боялись собственного народа. В 1893 г. Наороджи заявил на сессии Конгресса: «Правительство должно быть твердо и справедливо... Его прямая обязанность подавлять твердой рукой всякое беззаконие или попытку нарушить гражданский мир».

В политической области основным программным требованием Конгресса было расширение состава законодательных советов и создание в них выборного большинства из представителей буржуазно-помещичьей верхушки индийского общества. В 1892 г. представительство этих прослоек в законодательных советах было несколько увеличено.

После создания Индийского Национального конгресса борьба внутри освободительного движения между различными социальными группами усилилась. К середине 90-х годов Тилаку удалось завоевать большинство в руководстве Союза простых людей Пуны. К этому времени он стал признанным руководителем мелкобуржуазных демократов страны. Газеты, издаваемые им, оказывали серьезное влияние на формирование радикального национализма и в других провинциях Индии.

В 1895 г. Тилак стал устраивать массовые праздники в честь божеества Ганеши и национального героя маратхов Шиваджи, которые превращались в грандиозный политический форум, где велась массовая политическая агитация. Эти празднества стали проводиться и в Бенгалии. Однако религиозно-индуистская окраска деятельности тилакистов имела существенный недостаток, поскольку ограничивала участие в движении неиндусов. В 1897 г. Тилак был арестован английскими властями и приговорен к 18 месяцам каторжных работ, после того как маратхский студент застрелил одного из английских чиновников в Пуне.

С начала 80-х годов в противовес индусскому буржуазному национализму, при активной поддержке англичан, развернули свою деятельность мусульманские просветительские организации, вносившие в национальное движение элемент индусско-мусульманской розни.

Лидером этого движения был Сайид Ахмад-хан, представлявший просвещенных мусульманских феодалов и крупных торговцев. Им были созданы просветительские общества среди мусульман и основан Алигархский колледж, который готовил из мусульманской молодежи чиновников для колониального аппарата. Сайид Ахмад-хан выступал как ревностный защитник колониального режима.

Наряду с последователями Сайид Ахмад-хана среди мусульманской общины Северной Индии действовала организация мелкобуржуазных демократов с центром в Деобанде (около Дели). Однако религиозная окраска этого движения также затрудняла сближение Деобандского центра с другими общественно-политическими национальными организациями.

С последней трети XIX в. разжигание индусско-мусульманской розни вошло в практику английской политики «разделяй и властвуй». В 90-е годы англичанам удалось спровоцировать в Бомбее крупные индусско-мусульманские погромы.

Деятельность различных националистических организаций разрывалась на фоне непрекращающихся, как правило, стихийных выступлений крестьян, городских низов, племен против колониально-налоговой ростовщической и феодальной эксплуатации. Иногда, как, например, в княжестве Манипур в 1891 г., во главе восставших находились выходцы из местных феодалов. Серьезное сопротивление колониальной администрации продолжали оказывать вооруженные отряды племен санталов в Центральной Индии, лушаев и других племен на северо-востоке, патанов — на северо-западе.

К концу XIX в. расстановка сил в национально-освободительной борьбе в Индии осложнилась.

ИНДИЯ В ЭПОХУ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

К концу XIX в. в основном завершился процесс втягивания Индии в систему мирового капиталистического хозяйства. Начинаясь новый этап в эксплуатации страны, когда все большее значение и дальнейшее развитие получили формы и методы колониального грабежа, присущие эпохе империализма.

В 1893—1899 гг. колониальные власти провели финансовую реформу, закрепившую положение Индии как аграрно-сырьевого придатка метрополии. Были закрыты монетные дворы, чеканившие серебряные рупии, введен золотой стандарт. Англичане поставили курс рупий в зависимость от фунта стерлингов. Это способствовало развитию товарооборота между Индией и Англией. Однако торговые отношения Индии с другими странами Азии с их обесценивавшейся серебряной валютой оказались затрудненными. Эти меры способствовали обогащению английских экспортеров в Индию. Непосредственным результатом валютно-финансовой реформы внутри страны были разорение ряда индийских торговых фирм, повышение цен и, главное, значительное обесценивание основной формы сбережений широких народных масс Индии в виде серебряных украшений.

С наступлением эпохи империализма развернулась эксплуатация Индии как аграрно-сырьевого придатка метрополии. Выражением изъятия из страны громадных материальных ценностей, оплаченных значительно ниже их стоимости или вовсе не оплаченных, служит превышение экспорта над импортом. В 1901 г. оно составило 11 млн ф. ст., а в 1909/10—1913/14 — в среднем 22,5 млн. Неэквивалентный обмен продолжал оставаться одним из основных источников колониальной дани.

Все большее значение получала эксплуатация Индии как сферы приложения английского капитала. Английские инвестиции направлялись, как и прежде, на строительство и эксплуатацию железнодорожных линий и средств связи, ирригацию, плантационное хозяйство, горнодобывающую, текстильную и пищевую отрасли промышленности. Значительные капиталы стали также вкладываться в банковское и страховое дело.

Английскому финансовому капиталу принадлежало подавляющее большинство чайных плантаций в Бенгалии, Ассаме и на юге страны, кофейных плантаций в княжестве Майсур и каучуковых — в княжестве Траванкур, все джутовые фабрики в Калькутте, основная часть механических мастерских и строительных компаний, значительная часть текстильных фабрик в Бомбее и других провинциях, почти все железнодорожные мастерские и шахты страны. В 1915 г. все рабочие в джутовой промышленности и портовом хозяйстве, почти все рабочие железнодорожных и трамвайных мастерских, половина рабочих, занятых на предприятиях по производству сахара и переработке шерсти, около 80% рабочих в бумажной и около 60% в строительной и металлургической отраслях промышленности были заняты на предприятиях, принадлежавших английскому капиталу.

По различным источникам английские капиталовложения в Индии в 1896—1910 гг. возросли с 4—5 до 6—7 млрд рупий. Засилье английского финансового капитала в экономике страны ярко иллюстрируется следующими данными: в 1905 г. капитал 165 компаний, зарегистрированных в Англии, но действовавших в Индии, втрое превышал капитал компаний (как английских, так и индийских), зарегистрированных в самой Индии.

Однако позиции английского финансового капитала в экономике страны определялись не только прямыми английскими капиталовложениями в различные отрасли народного хозяйства. Английская буржуазия удерживала захваченные командные высоты с помощью ряда специальных методов и экономических приемов. По-прежнему главным рычагом, с помощью которого английские монополии сохраняли свое экономическое и политическое господство в Индии, оставался колониальный государственный аппарат. На займы и ценные бумаги колониального государства приходилось свыше половины всех английских капиталовложений в Индии. Как и прежде, народы Индии должны были оплачивать колониальные военные авантюры британских империалистов в Азии и Африке: подавление боксерского восстания в Китае, военную экспедицию в Тибет, войну с бурами и т. д. В 1900—1913 гг. стерлинговый долг Индии возрос со 133 до 177 млн фунтов.

В новую эпоху возросло значение управляющих агентств — организаций английских колониальных монополий в Индии. Как старые управляющие агентства, так и новые, являющиеся дочерними предприятиями крупнейших английских монополий, были тесно связаны с английским рынком капиталов, с крупнейшими английскими колониальными банками. Они действовали в тесном контакте с верхушкой колониальной администрации в Индии, финансовой олигархией и бюрократией в самой Англии. Известный индийский экономист Локанатхан остроумно писал об управляющих агентствах, что они «образовали что-то вроде горлышка бутылки, через которое британский капитал притекал в Индию и распределялся между различными предприятиями, основанными британскими управляющими агентствами». Действительно, они выступали как учредители новых предприятий, обеспечивали их долгосрочным кредитом, поставляли промышленное оборудование, производили наем квалифицированного инженерно-технического персонала, а после пуска предприятий контролировали снабжение их сырьем и сбыт готовой продукции. Управляющие агентства, получавшие отчисления от прибыли подконтрольных предприятий, держали под контролем основную массу капитала, как английского, так и индийского, функционировавшего в Индии.

Расширение и углубление колониальной эксплуатации Индии усилили роль английских колониальных банков — другого важнейшего экономического рычага лондонского Сити. Так называемые разменные банки — Меркантайл бэнк, Чартерд бэнк оф Индиа и другие — контролировали внешнюю торговлю страны и финансировали крупнейшие английские фирмы, занятые оптовой торговлей импортными товарами и экспортом колониального сырья. Через систему торгово-ростовщического посреднического капитала они были связаны с индийской деревней — производителем сырья и покупателем английских промышленных изделий массового потребления. В то же время в стране фактически отсутствовал организованный промышленный кредит, индийские предприниматели должны были обращаться либо к управляющим агентствам, либо к крупным ростовщикам — шроффам, которые конт-

ролировали внутреннюю торговлю, а также держали в финансовой зависимости кустарей и мелких предпринимателей — мануфактуристов.

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в стране, складывание внутреннего рынка привели к громадному развитию торгового и ростовщического капитала, выступавшего в первую очередь в качестве агентуры иностранных монополий. По некоторым подсчетам, в начале 1900 г. доход ростовщиков от их операций составлял около 200 млн рупий в год.

В крупнейших торговых центрах страны сложилась прослойка крупной торговой компрадорской буржуазии, обслуживавшей английские экспортно-импортные операции в Индии.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ АНГЛИЙСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ

В Индии все большая часть капиталов, накопленных в торговле и ростовщичестве, переводилась в промышленность. В 1900—1914 гг. число зарегистрированных в Индии акционерных компаний увеличилось с 1360 до 2552, а их оплаченный капитал возрос с 362 до 721 млн рупий. По-прежнему основной сферой деятельности индийских фабрикантов оставалась хлопчатобумажная промышленность. Индийский национальный капитал стал проникать в плантационное хозяйство и горнодобывающую промышленность, ему принадлежало подавляющее большинство хлопкоочистительных предприятий, мельниц и рисоушек, маслобоен и типографий.

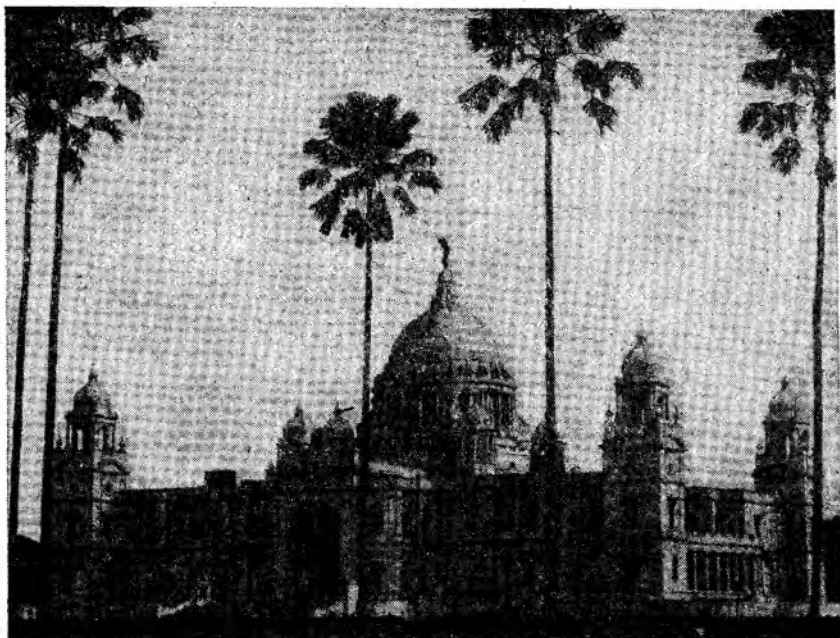
Подавляющее большинство предприятий, принадлежавших индийскому капиталу, были мелкими и средними, на 80% из них не использовалась механическая энергия. Кроме фабрично-заводской промышленности в Индии продолжала развиваться мануфактура. Низшие формы капиталистического предпринимательства в наибольшей степени были распространены в текстильном и кожевенном производстве, изготовлении оловянной посуды и других предметов домашнего обихода, а также в первичной переработке сельскохозяйственного сырья. В кустарной промышленности (после сельского хозяйства) было занято наибольшее число работников — десятки миллионов человек.

Индийскими предпринимателями были сделаны попытки создать тяжелую промышленность в Индии. В 1911 г. дал первый металл завод в Джамшедпуре (Бихар), который был выстроен крупнейшим индийским капиталистом Тата при активной поддержке других представителей крупной национальной буржуазии. В 1915 г. была пущена также принадлежавшая фирме Тата гидроэлектростанция.

Наряду с промышленной деятельностью индийская буржуазия стала создавать собственные банки. В самом конце XIX — начале XX в. были основаны несколько крупных индийских акционерных банков. В 1913 г. их насчитывалось 19; в то же время в стране функционировало 23 средних банка, также принадлежавших индийскому национальному капиталу. Однако в этот период индийский банковский капитал действовал главным образом в сфере внутренней торговли.

Развитие национального капиталистического предпринимательства и усиление эксплуатации Индии английским империализмом обострили противоречия между молодой индийской буржуазией и иностранными монополиями.

Наиболее остро их интересы сталкивались на индийском рынке хлопчатобумажного текстиля. Проникновение дешевых японских това-

Мемориал королевы Виктории

ров с конца XIX в. на рынки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ускорило переход индийских текстильных фабрик на преимущественный выпуск хлопчатобумажных тканей для внутреннего потребления вместо прежней ориентации на изготовление пряжи, главным образом на экспорт. Борьба с иностранной конкуренцией шла и путем увеличения производства тканей ручной выработки. В начале XX в. существовала тесная взаимозависимость между прядильными фабриками и ручным ткачеством, в котором было занято свыше 10 млн человек: в 1897—1901 гг. потребление хлопчатобумажной пряжи ткацкими фабриками составляло в среднем 85 млн фунтов в год, а в ручном ткачестве (кустарями-ремесленниками и на мануфактурных предприятиях) — 200 млн фунтов.

В 1886—1905 гг. число хлопчатобумажных текстильных фабрик, подавляющая часть которых принадлежала индийцам, выросло с 95 до 197. За это же время удвоилось число веретен и утроилось число ткацких станков. Английские промышленники увеличили ввоз хлопчатобумажных тканей в Индию и, используя колониальный аппарат, в 1896 г. обложили индийский текстиль 3,5%-ным акцизом; однако доля импортных тканей в общем потреблении на индийском рынке в 1901—1906 гг. снизилась с 63 до 57%, а доля индийских тканей фабричного и кустарного производства выросла соответственно с 12 до 15 и с 25 до 28%.

В этот период ремесленное хлопчаткацкое производство еще не ощущало острой конкуренции со стороны индийской фабрики. Однако в последующие годы ткани местной фабричной работы стали успешно конкурировать не только с английскими товарами, но и с изделиями кустарной промышленности. В 1901—1911 гг. разорилось и лишилось заработка около полумиллиона ткачей-кустарей. В 1907—1914 гг. уровень кустарного хлопчаткацкого производства оставался почти

неизменным, в то время как выпуск фабричных хлопчатобумажных тканей утроился. Однако главным общим врагом как у индийских фабрикантов, так и у кустарей оставался Ланкашир.

Противоречия с английским империализмом были определяющими в настрое индийской национальной буржуазии. В то же время у нее, особенно у ее верхушки, имелись и тесные связи с английским финансовым капиталом по линии кредита, поставок оборудования и т. д., а также с феодально-помещичьим землевладением. Индийские фабриканты, в основном выходцы из крупных торговцев и ростовщиков, продолжали получать часть своих доходов от торговой и ростовщической эксплуатации. Они были связаны с торгово-ростовщическим капиталом и через возникшие в то время индийские акционерные коммерческие банки.

Вместе с тем продолжался процесс сращивания капитала (особенно его низших форм — торгового и ростовщического) с феодальным землевладением. Переход земли к торговцам, ростовщикам, мелким промышленникам в отдельных провинциях принял такие размеры, что в 1900 г. колониальные власти были вынуждены издать закон, ограничивавший в Пенджабе переход земли от крестьян к лицам «неземледельческих каст». С другой стороны, многие крупные помещики (заминдары) и даже некоторые князья стали акционерами промышленных и банковских компаний. Тесные экономические связи индийской национальной буржуазии с английским капиталом, а также внутри страны с феодальными элементами наложили отпечаток на ее политическую роль в национально-освободительном движении.

УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ И РОСТ КЛАССОВЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Усилившееся в Индии развитие капитализма не привело к сколько-нибудь существенному изменению общей структуры экономики страны. По-прежнему Индия оставалась отсталой аграрной страной с господством в сельском хозяйстве феодальных пережитков. Несмотря на рост численности фабрично-заводского пролетариата за счет массового разорения ремесленников, удельный вес лиц, занятых в сельском хозяйстве, во всем населении страны вырос в 1901—1911 гг. с 66 до 72%. Крестьяне по-прежнему подвергались тройной эксплуатации — со стороны империализма, помещиков и торгово-ростовщического капитала. Усиленная мобилизация земельной собственности в районах райятвари, рост площадей под мелкокрестьянской издольной арендой свидетельствовали о продолжавшемся обезземеливании крестьянской бедноты и концентрации земли в руках помещиков и крестьянской верхушки.

В то же время рост цен на сельскохозяйственную продукцию привел к некоторому улучшению положения средних и зажиточных слоев крестьянства. В условиях роста торгового земледелия, укрепления капиталистических элементов в городе началось формирование новых буржуазных отношений и в индийской деревне. Регулярный отход в города, на плантации, в районы интенсивного земледелия выражал начавшийся процесс пролетаризации пауперизировавшейся крестьянской бедноты. Рост аграрного перенаселения создавал усиленное предложение рабочих рук, что способствовало развитию отношений сельскохозяйственного найма в хозяйствах зажиточных крестьян и отдельных помещиков. Однако индийская деревня в целом все еще находилась накануне капиталистического развития.

Узлом классовых и национальных (между народами Индии и английским империализмом) противоречий становится в этот период индийский город. Если во второй половине XIX в. народные выступления происходили главным образом в сельской периферии, то с наступлением империалистической эпохи очаги революционной борьбы стали возникать в основном в городах.

Развитие промышленности привело к складыванию кадров постоянных фабрично-заводских рабочих. Увеличилась численность и концентрация рабочего класса в важнейших промышленных центрах — Калькутте, Бомбее, Мадрасе, Ахмадабаде и некоторых других. Материальное положение рабочих не улучшилось. Они продолжали подвергаться эксплуатации как своих, так и иностранных капиталистов, ростовщиков, различного рода джобберов — посредников при найме. Рабочий день на большей части предприятий продолжался 12—14 часов. Индийская буржуазия в конкурентной борьбе с английскими монополиями старалась снизить издержки производства за счет значительного понижения цены рабочей силы. Экономическая борьба рабочего класса Индии, усилившаяся с начала XX в. в форме локальных стачек, носила поэтому объективно и антиимпериалистический характер.

Наряду с сформировавшимся фабрично-заводским пролетариатом основную силу национально-освободительного движения в городах составляла масса ремесленников, рабочих и хозяев мануфактур, мелких торговцев. Именно эти прослойки в первую очередь и непосредственно испытывали пагубные последствия в превращении Индии в рынок сбыта английских товаров, повседневно сталкивались с бюрократической машиной английской колониальной власти.

Наиболее активным и сознательным носителем идеологии антиимпериалистической борьбы оставалась мелкобуржуазная интеллигенция. Тесно связанная с мелкобуржуазными прослойками города и разорившимися мелкими помещиками, она в своей массе влачила жалкое существование. Представленные в основном лицами свободных профессий (учителями, мелкими чиновниками), индийские интеллигенты не только должны были вести повседневно тяжелую борьбу за существование, но и столкнулись со все обострявшейся проблемой безработицы. Медленное и уродливое в колониальных условиях развитие капитализма ограничивало возможности трудоустройства выпускников индийских колледжей и университетов. Индийское студенчество численностью около миллиона человек составляло один из наиболее революционных элементов индийского общества.

Кроме того, индийские интеллигенты каждодневно испытывали на себе проявления грубой расовой дискриминации, сталкивались с попранием своего национального достоинства. Основной массе индийцев были открыты лишь низшие должности в колониальном аппарате. Характерно, что 8 тыс. англичан в корпусе индийской гражданской службы получали общее жалованье в 14 млн ф. ст., а 130 тыс. индийцев — лишь 3 млн.

Развитие капитализма в Индии привело к росту национального самосознания в самых различных классах и социальных группах индийского общества. Росту революционных настроений способствовало ухудшение материального положения масс в результате наступления империализма, интенсификации капиталистической и утяжеления феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации.

При значительном росте цен на продовольствие заработки наемных рабочих, служащих и других прослоек населения оставались поч-

ти стабильными. Вследствие неурожая и засухи в 1896—1897 гг. голодом были охвачены районы с населением в 62 млн человек, в 1899—1900 — в 28 млн; в 1905—1906 — 3,3, в 1906—1907 — 13 и 1907—1908 гг. — 49,6 млн. Голод, как правило, сопровождался страшными эпидемиями холеры и чумы, каких мир не выдывал со времен средневековья. С 1896 по 1908 г. от чумы умерло более 6 млн человек.

Резко снизился размер национального дохода на душу населения. Происходил интенсивный процесс обнищания масс индийского населения. Росту недовольства и разрыванию национально-освободительного движения объективно способствовали своей политикой и английские колонизаторы.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ

В 1899 г. вице-королем Индии был назначен лорд Керзон (1899—1905), представлявший крайне реакционную, «джингоистскую» группу английских империалистов. Керзон проводил политику грубого подавления и неприкрытой расовой дискриминации. Администрация Керзона активно поддерживала английских предпринимателей и открыто чинила препятствия индийским промышленникам. В 1903 г. был издан специальный закон, всемерно облегчавший английским монополиям разведку и освоение минеральных богатств Индии.

Особую ненависть проявил Керзон к индийской интеллигенции. При нем был понижен необлагаемый подоходным налогом минимум с 500 до 100 рупий годового дохода. Эта мера широко затронула интересы так называемых городских средних слоев.

В 1898 и 1904 гг. дважды было расширено действие Закона о государственной тайне, направленного против выступлений оппозиционной колониальным властям индийской национальной печати. Одним из первых актов нового вице-короля было сокращение состава муниципалитета Калькутты, с тем чтобы ограничить в нем представительство от имущей части индийского населения города. А к концу своего правления Керзон попытался нанести решительный удар по студенчеству, проведя университетскую реформу 1904 г. Была значительно повышена плата за обучение, все дела университетов были поставлены под мелочный контроль английской колониальной бюрократии. Этой мерой колониальные власти пытались преградить доступ к высшему образованию «индийским разночинцам».

Свое отношение к умеренной оппозиции Национального конгресса колониальному режиму Керзон выразил словами, что он видит свою задачу в том, чтобы «содействовать его мирной смерти». Он с открытым презрением относился к индийской культуре и в одной из своих речей в Калькутском университете позволил себе оклеветать великое культурное прошлое страны.

Реакционная внутренняя политика Керзона сочеталась с активной подготовкой к новым военным авантюрам в Азии. При нем спешно была произведена реорганизация армии и полиции. Главнокомандующим в Индии был назначен душитель буров генерал Китченер. Резко был увеличен военный бюджет, к северо-западной границе подводились новые стратегические железные дороги. С целью закрепления в этом районе, а также разрывания наступления на непрекращавших борьбу патанских племен в 1901 г. пограничные округа были выделены в специальную Северо-Западную пограничную провинцию.

Однако репрессивная политика Керзона лишь усилила антиколониальные настроения и революционное брожение в Индии. После выхода в 1897 г. из тюрьмы Тилак снова стал редактором «Кесари». В Махараштре вновь оживилась деятельность левого крыла националистов. Полиции не удалось полностью разгромить полулегальные спортивные и молодежные организации, в которых националистически настроенная молодежь готовилась к будущей активной борьбе с колониальными угнетателями страны. Влияние Тилака, который к этому времени стал общепризнанным лидером левого крыла национального движения, выходило далеко за пределы Бомбейской провинции. Особенно тесными были связи маратхских патриотов с бенгальскими националистами.

В Бенгалии, как и в Махараштре, в конце 90-х — начале 1900-х годов возникли полулегальные организации и кружки левых националистов, члены которых резко критиковали умеренную оппозицию лидеров Национального конгресса и вели агитацию за свержение английского колониального режима в Индии. Продолжавшиеся в Бенгалии массовые празднества в честь Ганеши, по примеру Махараштры, выливались в мощные патриотические манифестации и символизировали общендийскую солидарность в национально-освободительном движении. В 1902 г. в Калькутте было создано тайное общество, ставившее своей целью подготовку вооруженного восстания.

Активизировалась деятельность и местных организаций Национального конгресса — провинциальных конференций, на которых все более уверенно слышались голоса левых мелкобуржуазных националистов. Наряду с Тилаком все большую известность стали приобретать лидеры левых националистов Бенгалии — Бепин Чандра Пал и Ауробиндо Гхош, а в Пенджабе — Лала Ладжпат Рай. В отличие от умеренного крыла национального движения, левых националистов стали называть «крайними», или «экстремистами».

РАЗДЕЛ БЕНГАЛИИ В 1905 г. И НАЧАЛО МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Английские колониальные власти решили, чтобы предотвратить возможный революционный взрыв, заранее нанести решительный удар по национально-патриотическим силам. Именно эту цель преследовал вице-король Керзон, проводя в 1905 г. раздел Бенгалии.

Бенгалия, как и раньше, оставалась главным центром национально-освободительного движения. Бенгальцы были наиболее сформировавшейся национальностью в Индии, и дух национального единства был важным фактором в развитии национально-освободительного движения в этой части страны. Разделом Бенгалии на Западную (включавшую Бихар и Ориссу) и Восточную (включавшую Ассам) Керзон стремился утопить национальное движение в религиозной и национальной розни. Действительно, в Западной Бенгалии большинство населения составляли бихарцы и ория, а в Восточной Бенгалии при преобладающем бенгальском населении его основная часть по религии была мусульманами. Представителям помещиков-мусульман и крупной мусульманской торговой буржуазии в Восточной Бенгалии англичане давали понять, что в колониальном аппарате вновь созданной провинции мусульманская интеллигенция займет преимущественное положение по сравнению с индусской.

Однако раздел Бенгалии, вопреки планам колонизаторов, оказал противоположное воздействие. Против него выступили все классы и

слои бенгальского общества. Национальная промышленная и торговая буржуазия боялась, что раздел нарушит сложившиеся хозяйственные связи, ослабит ее организацию — Торгово-промышленную палату. Помещики-заминдары опасались, что вслед за разделом будет ликвидирована система постоянного налогообложения и повышены ставки земельного налога. Интеллигенция считала, что раздел приведет к сокращению административного аппарата и судопроизводства в Калькутте, что вызовет в свою очередь дальнейшее обострение безработицы среди лиц с высшим образованием. Как писал С. Банерджи, лидер умеренных бенгальских националистов, «мы чувствовали, что нас оскорбили, унизили и провели, что все наше будущее поставлено на карту, это был рассчитанный удар по растущей солидарности и самосознанию населения, говорившего на бенгальском языке».

В поддержку раздела Бенгалии выступали лишь незначительные группы помещиков, компрадорская буржуазия, часть мусульманской интеллигенции.

О разделе Бенгалии колониальные власти официально объявили в июле 1905 г., а уже в начале августа в Калькутте состоялись грандиозные массовые митинги, на одном из которых было принято решение в качестве контрмеры начать бойкот английских товаров. В националистической прессе, на массовых митингах и собраниях национальных общественно-политических организаций Бенгалии развертывалась агитация за бойкот иностранных товаров и поощрение отечественного производства — «свадеш».

Движение свадеш, хотя и имело экономическую окраску, стало формой первого в истории Индии массового общеиндийского национального движения. Агитация за бойкот иностранных товаров и поддержку отечественных промышленных и торговых предприятий осенью 1905 г. вышла за пределы Бенгалии и охватила некоторые другие районы страны, в особенности Махараштру и Пенджаб. Это движение было активно поддержано Тилаком и его сторонниками. Повсюду основывали лавки и промышленные предприятия свадеш, бойкотировали и пикетировали магазины, торговавшие иностранными товарами.

15 октября 1905 г., когда закон о разделе Бенгалии вступил в силу, был объявлен днем национального траура. В Калькутте огромная демонстрация с пением национального гимна «Банде матарам» (Привет тебе, Родина-мать!) направилась к священному для индусов берегу Ганга, чтобы принести клятву борьбы за воссоединение родины. В городе приостановилась деловая жизнь, нигде не топили очагов, не готовили пищу. В знак клятвы бенгальцы повязывали вокруг запястья полоску красной материи — символ единства бенгальского народа.

Между тем движение свадеш ширилось, распространившись в Бенгалии и на сельские местности. Нарушители бойкота подвергались общественному остракизму. Многие торговцы-компрадоры разорились. В Калькутте и других городах Бенгалии были созданы организации национальных волонтеров, опиравшиеся на тайные общества и спортивные молодежные организации. Волонтеры, носившие специальную форму (желтый тюрбан и красная рубашка), были главными организаторами массовых демонстраций и митингов, пикетирования английских торговых предприятий.

Движение свадеш активизировало и руководство Национального конгресса. В конце 1905 г. на очередной сессии Конгресса виднейший лидер умеренного крыла индийских националистов, председатель партии Гокхале поддержал бойкот английских товаров в Бенгалии как

форму протеста против ее раздела. Вместе с тем умеренные не поддержали предложения Тилака и крайних о распространении движения свадеши на все провинции Индии и бойкота на все стороны общественной жизни страны. Сессия Конгресса показала, что его умеренные лидеры не могли больше не считаться с массовым движением, однако их стремление всячески сузить рамки борьбы свидетельствовало о наличии серьезных расхождений между ними и крайними. Эти расхождения в национальном движении еще более усилились в ходе дальнейшего нарастания революционной борьбы.

РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ СВАДЕШИ И УЧАСТИЕ В НЕМ МАСС

С начала 1906 г. движение свадеши продолжало охватывать все новые города и сельские местности Бенгалии и других районов страны и постепенно повсюду стало перерастать рамки бойкота английских товаров, принимая форму массовых антиимпериалистических выступлений.

Экстремисты в Бенгалии, Махараштре, Пенджабе, а также в других провинциях усилили свою деятельность. В Бенгалии с центром в Дакке была создана нелегальная революционная организация Анушилон шомити (Общество прогресса), объединявшая усилия революционеров-подпольщиков. Подобные же организации были созданы в Бомбейской провинции и Пенджабе. Тайные общества активизировали агитацию среди мелкобуржуазных прослоек города, в особенности учащейся молодежи и студенчества. Появились новые органы печати левого направления. Особенно популярными были бенгальские газеты «Джугантар» (Новое время) и «Банде матарам» (Привет тебе, Родина-мать). Печатались и распространялись брошюры о народном восстании 1857—1859 гг., о Гарибальди, Мадзини, о русской революции.

В качестве легального прикрытия подпольной деятельности крайние использовали повсюду возникавшие спортивные и молодежные общества и клубы, свадешистские лавки и торговые организации. Индийские мелкобуржуазные националисты стремились с помощью движения свадеши вовлечь широкие массы в активное антиимпериалистическое движение. Они не ограничивались работой среди городской мелкой буржуазии, а стали вести агитацию среди рабочих и даже в сельских местностях. Массовые митинги и демонстрации, в которых в основном принимали участие мелкобуржуазные слои городского населения, были поддержаны стачечной борьбой рабочего класса. Еще осенью 1905 г. несколько мощных стачек произошло на хлопчатобумажных фабриках Бомбея, в результате которых рабочие добились некоторого ограничения рабочего дня. В 1906 г. центр стачечной борьбы переместился в Бенгалию.

Летом произошли две крупные забастовки железнодорожников Восточно-Индийской железной дороги. Бастовали рабочие и служащие государственной типографии, муниципальные рабочие Калькутты. В середине и конце 1906 г. в Калькутте же вспыхнуло несколько крупных забастовок на принадлежавших англичанам текстильных фабриках.

Стачечное движение лета — осени 1906 г. отличалось тем, что наряду с чисто экономическими требованиями рабочие стали выдвигать и некоторые политические лозунги, в частности протестовать против проводившейся английской администрацией расовой дискриминации. В ходе забастовок железнодорожников и текстильщиков с помощью

представителей бенгальских мелкобуржуазных демократов были созданы местные профессиональные союзы. Соединение общедемократического антиимпериалистического движения с борьбой рабочего класса внесло новый качественный элемент в национально-освободительное движение Индии.

Одновременно крайние, в особенности в Бенгалии и Пенджабе, стали проводить агитацию и среди крестьян. В деревнях участились случаи митингов и выступлений в поддержку бойкота английских товаров. Агитаторы-крайние распространяли среди крестьян листовки революционного содержания. В одной такой листовке говорилось: «Разве могут быть нашими правителями эти воры, которые разрушили наши ремесла, отняли работу у наших ткачей и кузнецов, которые ввозят бесчисленное количество товаров, произведенных у них в стране, продают их через наших людей на наших базарах и тем самым воруют наши богатства, отнимают жизнь у нашего народа? Разве могут быть нашими правителями те, кто грабит урожай наших полей и обрекает нас на голод, лихорадку и чуму?.. Разве могут быть нашими правителями эти чужеземцы, которые облагают нас все новыми и новыми налогами... Братья, чем дальше вы будете терпеть, тем сильнее эти коварные люди будут угнетать вас. Мы должны встать на собственные ноги и посмотреть: нет ли средств для избавления. Братья, мы — это все на земле. На наши деньги они жиреют, не трудясь. Нашу кровь они пьют. Почему мы должны терпеть?! Братья-индусы, поклянитесь именами Кали, Дурги, Махадевы и Шри Кришны, братья-мусульмане, поклянитесь именем Аллаха и объявите в каждой деревне, что индусы и мусульмане будут вместе служить родине... Вставайте, братья! Покажем себя достойными сыновьями Матери, отважно сражаясь и жертвуя собой для нее!»

Этот призыв к единству индусов и мусульман был не случаен. Английские колониальные власти наряду с прямым подавлением народных выступлений — разгоном и запрещением митингов и демонстраций, запрещением пения гимна «Банде матарам» и т. д. — основную ставку делали на раскол движения и широко использовали для этого разжигание индусско-мусульманской религиозно-общинной розни. Однако в течение 1905—1906 гг. им не удалось спровоцировать индусско-мусульманских столкновений. В обстановке нарастающей революционной борьбы были спешно мобилизованы проанглийские мусульманские деятели из верхушки феодальных помещиков и компрадорской буржуазии.

Осенью 1906 г. было инспирировано посещение нового вице-короля Индии Минто (1906—1910) делегацией «ведущих мусульман», которые в переданном меморандуме просили, в частности, введения для мусульман специальной курии на выборах в муниципалитеты и советы при вице-короле и губернаторах провинций. Эти претензии мусульманско-феодальной верхушки встретили самое благосклонное отношение со стороны английской колониальной бюрократии. В Восточной Бенгалии было объявлено о привилегиях для мусульман при заполнении вакансий в административном аппарате.

В декабре того же года в Дакке была создана реакционная проанглийская организация — Мусульманская лига, которая ставила своей целью «содействовать развитию у мусульман Индии чувства лояльности к английской власти».

В том же году индусская реакция при поддержке властей создала свою религиозно-общинную организацию — Шри Бхарат дхарма мандал (Общество славной религии Индии).

Однако на первом этапе движения англичанам не удалось использовать разногласия внутри индийских националистов. Умеренные, хотя и с оговорками, продолжали поддерживать движение свадеша. Это во многом объяснялось тем, что движение свадеша дало импульс развитию национального капиталистического предпринимательства. Именно на этой волне в кратчайший срок были распространены акции металлургического комбината Тата среди 7 тыс. акционеров. Крупная индийская буржуазия пожинала плоды бойкота английских промышленных изделий. Характерно, что в 1905—1907 гг. цены на индийские ткани поднялись на 8%, а на английские — снизились на 25%.

Крайние также еще не шли на открытый разрыв с умеренными. Осенью 1906 г. на пост председателя очередной сессии Национального конгресса в Калькутте крайние выдвинули Тилака. Но умеренные, чтобы не допустить его избрания, провели на пост председателя Конгресса пользовавшегося всеобщим уважением в кругах индийских националистов престарелого Дадабхай Наороджи.

На калькуттской сессии Конгресса под давлением крайних впервые в истории национально-освободительного движения Индии было сформулировано требование «свараджа» — самоуправления, которое трактовалось как самоуправление в рамках Британской империи по типу самоуправляющихся английских колоний.

Сессия Конгресса показала, какое глубокое воздействие на национально-освободительное движение Индии оказала первая русская революция. В своем выступлении председатель Конгресса Дадабхай Наороджи заявил: «Если русские крестьяне не только подготовлены к самоуправлению, но и сумели вырвать его из рук величайшего самодержавия на земле, если Китай на Востоке Азии и Персия на Западе просыпаются, если Япония уже проснулась, если Россия героически борется за свое освобождение, то как можем мы, якобы свободные граждане Индо-Британской империи, оставаться бесправными подданными деспотизма».

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ВТОРОЙ ЭТАП БОРЬБЫ — ЗА СВАРАДЖ

В наибольшей степени влияние русской революции сказалось на деятельности крайних. Вести о революционных событиях в России поступали в Индию как через газеты, так и непосредственно — из Средней Азии. По примеру русских революционеров индийские мелкобуржуазные демократы в тайных обществах обучали индийскую патристически настроенную молодежь владеть оружием. В Индии появились нелегально напечатанные брошюры с описанием революционных событий в России.

Распространению революционного опыта России способствовала деятельность индийской революционной эмиграции в Европе. В 1905—1907 гг. сначала в Лондоне, а затем в Париже образовался кружок индийских эмигрантов-революционеров, которые установили тесные связи с русскими социал-демократами. Русские революционеры передавали индийцам свой революционный опыт и даже обучали их владению огнестрельным оружием. С трибуны Амстердамского и Штутгартского конгрессов Интернационала прозвучали страстные речи индийских делегатов против колониализма и английского империализма.

Доходившие до Индии отголоски революционной бури в России способствовали усилению революционного накала в стране. Калькуттская сессия Конгресса как бы знаменовала завершение первого этапа борьбы. С 1907 г. движение «свадеш» стало перерастать в движение за осуществление «свараджа» (самоуправления).

Наибольшего размаха массовые выступления весной 1907 г. достигли в Пенджабе, где в апреле — мае в массовых антианглийских митингах, демонстрациях и забастовках протеста приняли участие самые широкие слои городского населения, включая рабочих.

Мелкобуржуазные демократы под руководством Лала Ладжпата Рая и Аджит Сингха установили связи с солдатами сипайских частей, привлекая их к участию в массовых митингах. Арест и высылка Л. Л. Рая и А. Сингха вызвали начало восстания в г. Равалпинди, подавленного силами английских частей. В Пенджабе выступления в городах были поддержаны окрестным крестьянством — здесь движение стало принимать подлинно общенациональный характер.

Усилилась борьба и в Бенгалии, где было создано новое тайное общество Банде матарам шомпродай (Объединение Банде Матарам), которое стало готовиться к вооруженным выступлениям. Участились случаи, когда национальные волонтеры оцепляли базары и уничтожали товары английского происхождения. Нередко демонстрации и митинги кончались настоящими сражениями с полицией. Во время одной такой стычки группа полицейских в Калькутте перешла на сторону демонстрантов.

В различных центрах страны снова начались стачки. Как и в предшествовавшем 1906 г., в авангарде шли железнодорожники. Весной бастовали железнодорожники Бомбея, а в октябре произошла 10-дневная всеобщая забастовка рабочих и служащих Восточно-Индийской железной дороги. Экономическая жизнь Бенгалии оказалась парализованной: из-за нехватки угля останавливались фабрики в Калькутте и других городах, на станциях скопилось множество неразгруженных составов. Но главное — вице-король оказался отрезанным в Калькутте от всей страны. Это нанесло серьезный удар по престижу колониальной власти в охваченной революционным волнением стране. Забастовки продолжались в различных местах до конца года. В их организации, как и прежде, активное участие принимали представители крайних.

УГЛУБЛЕНИЕ РАСХОЖДЕНИЙ СРЕДИ НАЦИОНАЛИСТОВ. РАСКОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА

По мере нарастания революционной борьбы все больше усугублялись расхождения между умеренными и крайними. Умеренные, представлявшие крупную индийскую буржуазию, верхушку буржуазной интеллигенции и поддерживавшие национальное движение помещиков, не шли дальше требований проведения протекционистской политики, известного ограничения иностранного капитала, расширения самоуправления путем более полного представительства имущих классов Индии в советах при вице-короле и губернаторах. Они требовали, чтобы эти советы были наделены правами известного контроля над деятельностью колониальной администрации.

Крайние, хотя большая часть их не призывала к вооруженному восстанию, выступали за полную независимость Индии, достижение которой, по их мнению, было невозможно без активного вовлечения

национально-освободительное движение народных масс. Они предполагали создание в Индии федеративной республики при ликвидации княжеств. Крайние не обладали четкой программой решения внутренних социальных вопросов, однако их апелляция к массам объективно способствовала развязыванию классовой борьбы среди рабочих и крестьян. Серьезная организационная слабость крайних заключалась в том, что они, кроме местных тайных и полуделегальных обществ, не имели крупной общендийской организации и работали внутри провинциальных организаций Национального конгресса.

Развязывание революционной инициативы масс, подъем забастовочного движения напугали крупную индийскую буржуазию и умеренных.

В выступлениях крупных бомбейских фабрикантов и лидеров умеренных — Гокхале и Банерджи — все более определенно звучали призывы к компромиссу с колониальными властями.

Чтобы ускорить отступление правого крыла националистов, вице-король Минто объявил о подготовке административной реформы. Колониальные власти заверили бенгальских заминдаров в том, что их права останутся неприкосновенными. Весной 1907 г. делегация умеренных Бенгалии во главе с Банерджи, отмежевываясь от крайних, посетила вице-короля. С выражениями лояльности стали выступать умеренные и в других провинциях. Летом того же года бенгальские заминдары выпустили специальный манифест, направленный против разветвления массовой борьбы.

В то же время Тилак с целью укрепления позиций крайних принял ряд поездок по стране. Его выступления широко освещались всей индийской печатью. Выражение Тилака «индийская конституция — это уголовный кодекс» стало крылатым. Борьба развернулась за кандидатуру председателя предстоящей сессии Национального конгресса, однако снова крайним не удалось провести Тилака.

На сессии Конгресса в г. Сурате большинство делегатов принадлежали к правому крылу. На первом же заседании развернулась острая борьба между крайними и умеренными. Тилак обвинил последних, что они отошли от программы борьбы за «сварадж», принятой на предыдущей сессии. Заседание окончилось потасовкой и вмешательством полиции, вызванной умеренными. На следующий день обе фракции провели отдельные заседания. В речах и принятых резолюциях умеренные продемонстрировали свою капитуляцию перед империализмом. Крайние пытались, но неудачно, создать свою собственную организацию и призвали к дальнейшему развертыванию массовой борьбы. Раскол Конгресса совершился.

НАРАСТАНИЕ МАССОВОЙ БОРЬБЫ. БОМБЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

После капитуляции умеренных массовое движение в Бенгалии пошло на убыль, а деятельность тайных обществ начала вырождаться в индивидуальный террор. Центр борьбы переместился в Махараштру и Южную Индию.

Весной 1908 г. произошли события в мадрасских городах Тинневелли и Тутикорин, где под руководством местной организации крайних вспыхнули серьезные волнения, переросшие во всеобщую политическую забастовку. Выступление было жестоко подавлено с помощью английских войск.

В Махараштре крайние вели большую организационную работу и создали отделения своего союза в каждом уезде (талуке) Бомбейской провинции. Они усилили работу среди бомбейских рабочих, которые провели несколько крупных забастовок. Одна из них — телеграфистов — распространилась и на другие города страны.

Между тем англичане развернули контр наступление против революционных сил. В Бенгалии были запрещены организации национальных волонтеров, каралось даже ношение одежды с вышитыми национальными лозунгами. В 1907 г. был издан закон о бунтовщических собраниях, по которому разгонялись митинги и демонстрации, а в 1908 г. — закон о газетах, на основании которого любой орган печати можно было закрыть по обвинению в «подстрекательстве к мятежу».

В. И. Ленин, характеризуя политику английских колониальных властей и министра по делам Индии Морли, писал: «Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителя Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до *сечения* политических протестантов!»¹.

Чтобы нанести решительный удар национально-освободительному движению, колониальные власти, используя закон о газетах 1908 г., арестовали Тилака. Арест и последовавший за ним процесс Тилака 13—22 июля 1908 г. вызвали массовые демонстрации и митинги протеста по всей Бомбейской провинции. Сторонники Тилака вели на фабриках Бомбея подготовку к забастовкам протеста. Свою защитительную речь на процессе Тилак превратил в яркий обвинительный приговор политике английского империализма в Индии, имевший широкий резонанс как по всей стране, так и за ее пределами. Несмотря на протесты индийской общественности, он был осужден к крупному штрафу и шести годам каторги, позднее замененной тюремным заключением. После оглашения приговора крайние призвали население Бомбея провести в знак протеста всеобщую стачку в течение 6 дней — по числу лет каторжных работ Тилака.

23 июля началась всеобщая политическая стачка Бомбея. Бастовали рабочие всех предприятий, были закрыты все лавки, не функционировали учебные заведения. Повсюду были видны патриотические лозунги и портреты Тилака. Демонстранты и участники митингов протеста встречали полицию градом камней. Колониальные власти оказались бессильными подавить забастовку, и она окончилась по истечении назначенного шестидневного срока.

Оценивая историческое значение событий в Бомбее, В. И. Ленин писал: «Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долговременную ссылку, причем запрос, сделанный на днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта мсть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвалаличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 178.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 178—179.

Наряду с репрессиями колониальные власти пошли на известные уступки правому крылу национального движения. Осенью 1909 г. был принят закон о законодательных советах, по которому в совете при вице-короле выборная часть увеличилась до половины его состава, а в провинциальных законодательных советах создавалось выборное большинство (закон, подготовленный вице-королем Минто и министром по делам Индии Морли, вошел в историю как реформа Морли — Минто). Одновременно была введена система курриальных выборов (по общей, мусульманской и землевладельческой куриям), с тем чтобы всемерно использовать индусско-мусульманскую религиозную рознь для проведения политики «разделяй и властвуй».

В 1911 г. новый вице-король Хардинг отменил раздел Бенгалии, а столица Индии была перенесена из революционной Калькутты в «более спокойный» Дели.

ИНДИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сделав незначительные уступки верхушке имущих классов (в выборах в законодательные советы участвовало около 7% населения страны), колониальная администрация провела в 1908—1913 гг. серию репрессивных законов, направленных против радикальных националистических организаций и их органов печати. Острые полицейского террора было направлено против подпольных организаций индийских революционеров.

Революционные полулегальные организации Анушиллон шомити и Партия Джугантара (Партия нового времени) в Бенгалии, Абхинав Бхарат (Молодая Индия) в Махараштре, а также отдельные группы в других районах страны после спада массового движения перешли к тактике индивидуального террора. Но в 1908—1909 гг. основные из этих групп были разгромлены полицейскими силами колониального режима. Однако на их месте возникли новые организации, совершившие в 1909—1914 гг. 32 террористических акта, в том числе против вице-короля Хардинга.

Революционеры-подпольщики пытались также, но неудачно, в 1909 и 1915 гг. поднять восстания в частях англо-индийской армии.

У мелкобуржуазных национал-революционеров, не имевших связей с массами, не было четкой социальной и политической программы. Их идеология была пронизана идеями индуизма, что препятствовало участию в их организациях радикальной мусульманской молодежи.

Радикальное мелкобуржуазное направление в индийском национально-освободительном движении проявилось в создании революционных эмигрантских организаций. В 1905—1909 гг. действовал лондонский центр, а затем в 1910—1914 гг. — парижский центр, в которых принимали участие Ш. Кришнаварма, В. Саваркар, Р. Кама, В. Чаттопадхья и др. Революционная эмиграция наладила связи с подпольщиками в самой Индии, направляя туда свои печатные органы (журналы «Индиэн сошиолоджист» и «Банде матарам»). Индийские эмигрантские группы установили контакты во Франции и Швейцарии с русской революционной эмиграцией. Одновременно в 1908—1914 гг. крупный центр индийской эмиграции возник в Канаде и США, где под руководством Хар Даяла была основана крупнейшая эмигрантская организация «Гадр» (Восстание). Начавшаяся летом 1914 г.

первая мировая война затруднила деятельность индийской революционной эмиграции.

Мировая война 1914—1918 гг. обострила классовую борьбу внутри Индии, а также противоречия с метрополией. В начале войны индийская буржуазия поддержала английское правительство, надеясь укрепить свои экономические позиции, расширить политические права. Национальный конгресс и Мусульманская лига призвали индийцев вступить в ряды английских войск. Общее число индийцев, набранных в войска, превышало 1,5 млн человек. Индийцы воевали далеко за пределами своей родины и несли большие потери.

Английский империализм превратил Индию в источник обеспечения военных нужд метрополии. Страна поставляла на ближневосточные фронты продовольствие, обмундирование, оружие и даже рельсы для постройки стратегических дорог. Продовольствие и техническое сырье англичане скупали по крайне низким ценам. Английские власти повысили налоги и в принудительном порядке распространяли среди народа облигации военных займов. Во время войны Англия потеряла свое монопольное положение на индийском рынке. Ее доля во внешней торговле к концу войны упала с 2/3 до 1/8. Национальный индийский капитал укреплял свои позиции, металлургические заводы Тата увеличили выработку металла на 30%, хлопчатобумажная продукция возросла на 39%. Такой промышленный подъем был достигнут усилением эксплуатации пролетариата. Рабочий день был удлинен до 14—15 часов, в то же время реальная заработная плата падала в связи с ростом цен. Национальная буржуазия наживалась на скупке продовольствия по кабальной контрактации у крестьян, на спекуляциях, на выгодных правительственных заказах для войны.

Опасаясь роста национально-освободительного движения, английские власти установили в стране военно-политический террор. По закону 1915 г. «Об обороне Индии» они были наделены неограниченными полномочиями. Тысячи индийцев были заключены в тюрьмы или сосланы на Андаманские острова.

Вышедший в 1914 г. из тюрьмы Тилак, вместе с Энни Безант, вернулся в стране движение «гомруля» (самоуправления). Основанная им в 1916 г. в Пуне Лига гомруля стала формой объединения его сторонников. На съезде Национального конгресса в том же году в Лакхнау тилакисты, политические взгляды которых к этому времени стали сближаться с платформой умеренных во главе с Гокхале и Мехтой, вновь вошли в Конгресс. Консолидации в общендийском масштабе оппозиционных колониальному режиму сил способствовало также заключение в Лакхнау в том же году руководством Конгресса пакта с Мусульманской лигой, в которой, после победы ее левого крыла, к руководству пришел М. А. Джинна. Этим пактом было зафиксировано единство обеих организаций в действиях за достижение Индией самоуправления. В то же время Конгресс признал за Лигой право монопольного представительства мусульман на выборах в законодательные советы. Установившееся единство индусов и мусульман стало важным фактором дальнейшего развертывания освободительного движения.

В 1914 г. в Индию из Южной Африки вернулся Мохандас Карамчанд Ганди (1869—1948), который в ходе борьбы против расовой дискриминации там индийских иммигрантов разработал свою общественно-политическую программу и тактику «ненасильственного несотрудничества» с властями, или «сатьяграху» (упорство в истине). На формирование философских взглядов и разработку методов борьбы Ган-

ди решающее влияние оказали опыт общероссийской политической стачки в революции 1905 г. и учение о ненасилии Льва Толстого. Проведенные Ганди в 1915—1918 гг. в различных районах страны три кампании несотрудничества с властями сделали его имя популярным в Индии.

В годы войны одновременно с деятельностью Конгресса и Лиги активизировалась и революционная эмиграция. Партия «Гадр» попыталась в 1915 г. подготовить в стране вооруженное восстание с опорой на сипайские полки, расквартированные в Пенджабе. Но заговор был раскрыт, и план не удался, как и попытка поднять восстание среди сипаев в Сингапуре в том же году.

Одновременно подготовку к насильственному свержению колониального режима вела подпольная организация радикальной мусульманской молодежи. Ее эмиссары установили контакты с державами, которые находились в состоянии войны с Англией, — кайзеровской Германией и османской Турцией. В 1915 г. европейская эмигрантская группа во главе с В. Чаттопадхья образовала в Берлине Комитет индийской независимости. При поддержке Комитета в Кабуле тогда же было образовано «Временное правительство Индии в эмиграции» во главе с М. Пратапом, которое безуспешно пыталось установить в 1917 г. связь с Временным правительством России.

К концу первой мировой войны индийские революционеры-эмигранты убедились, что не могут рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны противоборствующих империалистических держав. В то же время в самой Индии накапливался «горючий материал» нового подъема освободительной борьбы.

В конце XIX в. темпы общественного развития Непала резко замедлились. Процесс вызревания, становления феодального общества не был завершен. Наступил длительный период застоя, глубокой стагнации. Страна быстро превращалась в экономическую и политическую полуколонию Великобритании, в аграрно-сырьевой придаток Британской Индии.

РАНАКРАТИЯ

Главным тормозом на пути развития Непала стал механизм так называемой Ранакратии — режима авторитарного правления семейства Рана, окончательно сложившегося при преемниках Джанг Бахадура Рана, умершего в 1877 г. Прежде всего был нанесен решающий удар остаткам аристократической оппозиции — массовые казни, высылки и конфискации начала 1880-х годов навсегда удалили родовитую знать Непала с политической арены. Король династии Шаха превратился в марионетку Рана.

В 1880-х годах резко обострилась борьба внутри клана Рана за власть между братьями, сыновьями и племянниками Джанг Бахадура. Наиболее сплоченными и безжалостными оказались сыновья младшего брата (ветвь Шамшеров Рана), истребившие или изгнавшие своих родственников, в том числе всех сыновей Джанг Бахадура. Ставший в 1885 г. премьер-министром Бир Шамшер Рана первым делом провел массовые конфискации и полностью переписал «Список наследников», исключив из него все группы Рана, кроме Шамшеров. Организованная политическая оппозиция власти Рана была уничтожена надолго. Концентрация монопольной власти стала максимальной. Однако, чтобы избежать опасного сужения социальной базы, Рана пришлось пойти на уступки мелким и средним феодалам из среды ххасовских и части иноэтничных общинников. Резко возросла и заинтересованность Рана в политическом союзе с английской колониальной администрацией в Индии.

Правителями Рана было найдено выгодное для всех заинтересованных сторон решение: Шамшеры пошли на поощрение вербовки непальских наемников в англо-индийскую колониальную армию, реорганизованную после народного восстания 1857—1859 гг. В непальскую же армию стали вербовать преимущественно ххасов. Этим шагом Рана заручились политической поддержкой английских колониальных властей, удовлетворили претензии служилой ххасской общинной верхушки и ослабили недовольство некоторых неххасских этносов, отесненных от службы в непальской армии. Поощрялась эмиграция общинников Восточного Непала, не имевших традиций военной службы, в Индию, Сикким, Бутан.

Хищническое обогащение стало теперь главной целью Рана. Ими полностью были захвачены высшие должности в администрации: входившие в «Список» при рождении получали высокое воинское звание,

посты и соответствующие кормления из казны и служебные земельные пожалования. Почти все земли джагир оказались в их руках и передавались вместе с постами по наследству внутри клана. В 1880-х годах были резко ограничены общинные права этносов Восточного Непала, уменьшен фонд племенных земель кипат. Большая часть крупных привилегированных владений бирта, особенно в тераях, сосредоточилась у Рана. Был проведен земельный кадастр, что повлекло за собой увеличение налогового бремени. Армия была переведена на жалование, а «солдатские джагиры» попали под контроль Рана. Казной распоряжался премьер-министр, который присваивал и переводил в банки Британской Индии значительную часть национального дохода страны.

В условиях сложившегося деспотического режима унаследовавший в 1901 г. пост премьер-министра Дев Шамшер показался семейству Рана нетерпимо либеральным: им были открыты начальные школы, регламентирована служба мелких чиновников. Жителям Катманду стали показывать кинофильмы. Уже через три месяца Дев Шамшер был смещен братьями и выслан из страны. Школы были закрыты, показ фильмов прекратился.

Основное внимание Чандра Шамшер, сменивший Дев Шамшера, уделял урегулированию споров и определению прав различных семей верхушки клана Рана. «Список» был превращен в наследственную «табель о рангах», указывавшую на права семьи на долю прибавочного продукта.

Было завершено создание относительно единой финансово-налоговой системы, направленной на обеспечение бесперебойного поступления налогов в казну, а фактически — в карманы Рана. Джагиры и бирта сравнялись, став на практике одинаковыми наследственными и безусловными частными феодальными владениями. Основную часть доходов государства — от налогообложения, торговли сырьем и рекрутатами — Чандра Шамшер переводил за границу, поместив за тридцать лет на свои счета в банках почти полмиллиарда рупий.

Заискивание Рана перед англичанами наносило прямой ущерб интересам Непала: так, во время агрессии Великобритании в Тибете в 1904 г., вопреки условиям непало-тибетского договора, Непал оказал прямую поддержку английскому экспедиционному корпусу. В результате же после заключения англо-тибетского договора индийско-тибетская торговля через Непал почти прекратилась, что привело к разорению десятков тысяч неварских торговцев и ремесленников и прямым убыткам для казны.

Своеобразный характер в конце XIX в. приобрела непало-индийская торговля. Из Непала вывозилось сырье: лес, зерновые (особенно рис), красители. Ввозились же прежде всего хлопчатобумажные ткани. Стимулирующего воздействия на экономику Непала эта торговля не оказывала. Экспортировалось сырье, а ввозились главным образом готовые изделия. Это подорвало непальское ремесло, погубило государственные мануфактуры и превратило Непал в сырьевой придаток Британской Индии. Истребление гималайских лесов исподволь уменьшало продуктивность земледелия страны.

Не складывался непальский рынок, оптовая торговля, носившая экспортный характер, полностью контролировалась Рана, которые владели большей частью земель в тераях и к тому же обладали монополией на основные товары. В их руки поступали и таможенные сборы. Доходы от этой торговли, как и феодальная рента, переводились

за границу или тратились непроизводительно: на культовые цели, армию, представительство, религиозное образование, предметы роскоши.

Важнейшей опорой режима Рана стала колониальная администрация Британской Индии. Политическая зависимость Непала от английского империализма достигла своего пика во время первой мировой войны. Чандра Шамшер торжественно провозгласил, что все ресурсы Непала передаются в распоряжение Великобритании. Англичанами были благосклонно приняты заем в 1 млн ф. ст., сырье для снабжения армии, а главное, непальские рекруты. Непальская национальная армия выполняла в Индии полицейские функции и даже участвовала в боевых действиях. Резко увеличилась вербовка непальцев в английскую армию: около 100 тыс. непальцев (при населении страны всего 5,6 млн человек!) участвовали в мировой войне, тысячи из них отдали свои жизни. За такую верность правитель Рана получил титулы, денежные подарки, а после войны был торжественно провозглашен правительством Великобритании равноправным союзником Соединенного Королевства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ НЕПАЛА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Основой социально-экономической и политической структуры Непала на протяжении всей новой истории было феодальное землевладение. В первый период существования государства Непал при необычайной пестроте форм землевладения преобладали условные земельные держания типа джагир, прочными были права общины. Постепенно шли процессы унификации, закрепления и усиления прав феодалов на землю.

Малоплодородные земли среднегорья, населенные к тому же кланово сплоченным и вооруженным крестьянством, получали, как правило, статус государственных земель райкар и находились в наследственном крестьянском держании. В XIX в. чаще всего фиксированный государственный поземельный налог с этих держаний присваивали служилые феодалы — джагирдары, получавшие соответствующие права и документы от короля. Плодородные же земли тераев обычно дарились в наследственные владения бирта с практически неограниченной степенью эксплуатации крестьян-арендаторов. Монополизация власти родом Рана, превратившая государственные должности в наследственные, во многом сгладила разницу между джагиром и бирта. Главными держателями владений бирта после освоения тераев стали Рана, превратившиеся наряду с королевской династией Шаха в крупнейших землевладельцев Непала. В их руках оказалось в XX в. около половины обрабатываемых земель страны.

Обрабатывали эти земли крестьяне-арендаторы, всецело зависевшие от посредников из числа клиентов Рана — ростовщиков, старост деревень и т. п.

К концу XIX в. изменился состав верхушки феодального класса Непала. В период горкхских завоеваний XVIII в. династия Шаха опиралась на несколько аристократических кхасских родов, главы которых составляли совет при правителе, напоминавший боярскую думу. В объединенном Непале его рамки стали узки. Представители местных элит, служилые феодалы потеснили старую знать и слились с ней в Совете знати государства. Главный удар по знатным родам нанесли Рана, окружившие себя неродовитыми клиентами, из числа которых выходили посредники на землях Рана, столичная и провинциальная бю-

рократия, сборщики налогов на государственных землях, откупщики налогов и торговых монополий, торговые агенты Рана, младшие офицеры. Это были главным образом брахманы, высшие касты кхасов и неваров.

Ядром феодального класса Непала, наиболее влиятельной и привилегированной его группой стал аппарат управления страной.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА

В XIX в. произошли важные изменения в административном аппарате Непала. Монополия знатных родов на определенные функции управления сменилась в первой половине столетия созданием более централизованной системы во главе с главным министром мукхтияром, опиравшимся на назначенных, а не наследственных сановников. Знатные роды сохранили представительство в управлении страной, но уже в рамках Совета знати. Складывались рабочие органы управления, приобретающие облик и статус своеобразных «приказов». Они дополнялись местными органами власти, где ключевые позиции заняли губернаторы дистриктов, созданных в ходе территориальной реформы.

Аппарат управления был, однако, еще весьма бесформенным и неповоротливым, сохранялась нерасчлененность дворцовых и государственных служб, гражданской и военной функций, суда и управления. Титул и ранг не были отделены от поста, должности. Основными государственными органами оставались казначейство, поместный «приказ», суд, дворцовое ведомство. Границы между ними были весьма неопределенны.

Рана завершили к концу XIX в. создание более эффективного, отнюдь не централизованного и функционального по характеру аппарата управления, сохранив, однако, и использовав в своих целях многие архаические его черты: совмещение военных и гражданских функций, наследственность высших постов, личную зависимость чиновников от вышестоящих, сочетание исполнительной и судебной власти.

С целью повышения эффективности административного аппарата как послушного Рана фискального и полицейского органа были регламентированы его функции. В качестве низового звена в него были введены представители местных элит, откупщики налогов, старосты деревень, которые стали пользоваться полной поддержкой власти.

Ключевым звеном аппарата были сами Рана и их клиенты — губернаторы, налоговые чиновники. Важной опорой Рана стала армия, выполнявшая теперь почти исключительно полицейские функции: все чиновники Рана, включенные в «Список наследников», получали высшие офицерские звания и воинские части под команду.

Особый статус имело автономное удельное княжество премьер-министра, где его личная власть была неограниченной. Именно из этих районов и вербовались в основную рекруты в непальскую и частично в англо-индийскую армию.

КУЛЬТУРА НЕПАЛА

Жесткий автократический режим Рана самым губительным образом сказывался на непальской культуре. Кхасский национализм и нетерпимый ригористический индуизм разрушающе воздействовали на наиболее богатую в Непале неварскую культуру, в значительной ча-

Ступа Бодхнатх в Долине

сти буддийскую, как и культура многих других этносов страны. Преследовался неварский язык, терялись традиции неварского театра, сочетавшего черты мистерии и классической санскритской драмы. В глубокий упадок приходит богатая архитектура Долины, давшая великолепные образцы храмов, построенных в национальном неварском стиле пагоды. На смену приходят дворцы Рана, подражавших Версалю. Угасает и вырождается уникальная неварская бронзовая скульптура, прежде всего в связи с упадком непало-тибетской торговли. Богатая традиция настенной живописи и миниатюры сменяется парадными портретами правителей в «английском стиле». Главная же причина упадка культуры — охранительные тенденции режима Ранакратии, прекрасно переданные в высказывании Чандра Шамшера, обращенном к королю Великобритании в 1912 г.: «В Непале нет образования и один из результатов этого то, что в Непале нет революционеров вроде Тилака и Гокхале». Действительно, в начале XX в. в Непале отсутствуют начальные светские школы, а традиционное религиозное образование получают брахманы и буддийские монахи. Единственное исключение — придворная школа для детей знати, где преподавали главным образом английский язык. Существовали также своеобразные курсы делопроизводства для чиновников.

Пресса была представлена в Непале единственным правительственным еженедельником. Эмигрантские издания в Индии имели в основном литературно-просветительский характер.

Постепенно создается литература на языке непали. Первые поэтические опыты относятся к началу XIX в., однако до конца XIX в. еще чрезвычайно сильны традиции санскритской поэтики, влияние индийских языков. Честь создания литературного языка непали и первых оригинальных произведений на нем принадлежит «отцу непальской литературы» Бханубхакте Ачарья (1812—1868). Его произведения были уже после его смерти опубликованы крупнейшим непальским просветителем нового времени Мотирамом Бхатта — поэтом и издателем.

Параллельно развивался жанр народных баллад, духовных гимнов, лирических песен, исполнявшихся бродячими певцами. Именно в этих произведениях находили отражение национальные чувства непальцев, воспевавших героические деяния кхасов.

Большой урон непальская культура понесла из-за жесткой изоляции от родственной индийской культуры. В борьбе с демократическими идеями за консервацию режима Рана беспощадно пресекали все веяния, приходящие из Индии, в том числе религиозно-реформаторские.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ НЕПАЛА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Многоукладное, неравномерно и слабо развитое непальское общество в процессе объединения и централизации страны приобрело некоторые общие черты.

После первых успехов военно-политического объединения Непала складывавшийся правящий класс страны столкнулся с опасным противником — Ост-Индской компанией. Сложная задача создания общенепальских интегрирующих структур решалась во внешнеполитической изоляции и в неблагоприятных физико-географических условиях. К концу XIX в. власть захватила узкая прослойка феодального класса, в борьбе за власть и за контроль над прибавочным продуктом страны все более зависевшая от британского империализма. Ранакратия осуществила некоторые назревшие и обусловленные историческим развитием Непала преобразования: сложился единый иерархический феодальный класс-сословие, была создана цельная система изъятия и распределения прибавочного продукта, изживался условный характер земельной собственности, унифицировалась социальная структура. Индуизация этносов, подчинение их единым нормам кастового индуистского общества облегчали интеграцию, феодализацию и усиление эксплуатации общинников и гарантировали сословно-кастовые привилегии Рана и брахманов.

Однако отрицательные последствия установления режима Ранакратии оказались огромными: страна была в конце XIX в. превращена в экономическую и политическую полуколонию Великобритании, в аграрный и сырьевой придаток Британской Индии. Усилилась стагнация непальского общества, культурный и хозяйственный застой. Вместо общенепальского образовались несколько региональных рынков с экспортной направленностью, прежде всего в приграничных с Индией тераях. Присваивая подавляющую часть прибавочного продукта Непала (до 75% дохода государства и большую часть частнофеодальной ренты), Рана воспрепятствовали накоплениям в непальской экономике. Южная часть Непала была превращена в вотчину Рана, горные же районы — в источник рекрутов для непальской и английской колониальной армии. Массовая эмиграция также позволяла смягчать социальную напряженность в стране.

Политической опорой Ранакратии стала прослойка феодального класса, связанная со службой в госаппарате и посредничеством на землях бирта, лично зависимая от всемогущих Рана. Власть Рана поддерживала часть крестьянства горных районов, получившая высокий кастовый статус и право вербовки в армию. Недовольны же режимом были некоторые местные племенные и общинные элиты, средние слои города, эмигранты-аристократы, крестьянство тераев — силы, социально и политически разобщенные. Влияние национально-освободительного движения в Индии в Непале не ощущалось.

Режим Рана сохранил свою власть до середины XX в.

БРИТАНСКАЯ КОЛОНИЯ ЦЕЙЛОН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

РАЗВИТИЕ ПЛАНТАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА И ПЕРЕХОД К ЭКСПЛУАТАЦИИ ЦЕЙЛОНА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЦЕЙЛОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вторая половина XIX в. ознаменовалась бурным развитием плантационного производства, становившегося ведущим сектором цейлонской экономики. С введением в 70-е годы XIX в. денежной формы земельного налога усилился процесс обезземеливания в цейлонской деревне. Он привел к подрыву традиционных социальных связей и системы ценностей в среде цейлонского крестьянства и заставил его искать иные возможности приложения своего труда. Плантационный же сектор, способный поглотить свободную рабочую силу, уже функционировал за счет привлечения сезонников-тамиллов (в этом — один из факторов нынешних противоречий между сингальской и тамильской общинами острова).

Содержание крестьянских участков становилось все более дорогостоящим, и многие крестьянские хозяйства стали переходить к частичному использованию своих земель под экспортные плантационные культуры, дававшие большую денежную выручку с единицы площади. Наряду с общим сокращением земель в крестьянском секторе это вело к падению производства риса, основного продукта питания цейлонцев. После 1885 г. количество импортируемого риса превосходило местное производство. Остро стоящая в наши дни перед страной продовольственная проблема также уходит корнями в этот период. Гибель кофейного производства в результате болезни кофейного листа в 70-е годы привела к обнищанию значительной части крестьянства, вынужденной закладывать или продавать свои земли, на которых они занимались выращиванием кофейного дерева.

С конца 70-х — начала 80-х годов основной плантационной культурой на Цейлоне становится чайный лист. Последовательное расширение площадей под чайными плантациями способствовало быстрому увеличению производства готовой продукции и развитию промышленности по переработке чайного листа. Так, если в 80-х годах объем экспорта чая составлял в среднем 9 млн ф. в год, то в 90-е годы он возрос до 85 млн ф. в год.

Переход к созданию акционерных компаний по производству чая повлек за собой создание новых организационных форм руководства — управляющих агентств, позволивших многим английским плантаторам вернуться на родину и превратиться в рантье, живущих на дивиденды с капитала, вложенного в чайные плантации. Часть акционерных компаний была создана на Цейлоне в период «кофейного бума», и вывоз капитала из метрополии в виде инвестиций имел место еще во второй четверти XIX в., однако общий объем его был незначителен. Начиная с 70—90-х годов XIX в. резко возросли капиталовложения не только в плантационное хозяйство и в отрасли, связанные с развитием инфраструктуры (портовое, железнодорожное, шоссе-строительство, энергетика, ирригация), но и в обрабатывающую промышленность. В последней четверти XIX в. усилился приток на Цейлон ссудного английского банковского капитала, направлявшегося, как правило, в чайную промышленность, а также капитала в про-

изводительной форме (оборудование для предприятий по переработке чайного листа).

Складывание частнокапиталистического уклада, занимавшего ведущее место в производстве экспортной продукции, привело к существенным сдвигам в социальной структуре цейлонского общества.

Феодальная верхушка, принадлежавшая к основной земледельческой касте гоигам, постепенно преобразовывалась в европеизированную чиновно-бюрократическую, частично профессиональную (юристы, учителя, врачи) прослойку, ставшую опорой английского колониального режима. Переходный характер цейлонского общества проявился в экономическом положении представителей традиционной элиты, являвшихся одновременно феодалами-землевладельцами и плантаторами-капиталистами.

В колониальный период резко возрос статус таких среднекастовых групп, как салагама (сборщики корицы), карава (рыбаки), дурава (сборщики пальмового сока). Верхушка касты салагама разбогатела на торговле корицей, имевшей первостепенное значение для европейских колонизаторов, начиная с португальцев; дурава — в результате растущего объема торговли продуктами арековой и кокосовой пальм и последовательного расширения площадей под производство этих культур; карава, владевшие местными средствами передвижения вдоль побережья, по рекам и каналам (лодки, катамараны), — на транспортировке экспортных товаров к местам погрузки для отправки в метрополию. Не обладавшие, подобно представителям касты гоигам, большими земельными массивами, пригодными для рисоводства, оторванные от традиционной аграрной экономики и сумевшие к середине XIX в. накопить значительные свободные средства, они представляли наиболее подвижную часть цейлонского общества, готовую включиться в торгово-предпринимательскую активность. Они занимались посреднической торговлей, выступали подрядчиками на строительстве дорог и т. п., а накопленные деньги вкладывали в производство плантационных культур, становясь плантаторами. Степень политической активности и вовлеченности представителей этих групп в политическую борьбу была гораздо более высокой, чем у гоигам.

Салагама, карава и дурава представляли собой промежуточные социальные слои, занимавшие двойственное положение в системе производительных сил Цейлона: с одной стороны, вовлекаемые в силу рода деятельности, а также географической локализации этих общностей в районах юго-запада — эпицентра экономической преобразовательной деятельности британских колонизаторов — в систему капиталистического производства, с другой — принадлежащие докапиталистическому обществу. Отсюда двойное стремление представителей этих групп: обрести независимость от гоигам, порвать сковывающие их деятельность кастовые узы, занять прочное самостоятельное экономическое положение, в то же время обрести достойный, равный гоигам статус в социально-кастовой иерархии традиционного цейлонского общества. Соперничество гоигам с кастами салагама, карава и дурава несло в себе и элемент этнической конфронтации, поскольку последние изначально формировались на базе миграционных потоков из Южной Индии.

Политика дифференцированного допуска к получению английского высшего и среднего образования как необходимого условия для доступа в колониальный аппарат привела к возникновению барьера между двумя группами нарождавшейся цейлонской буржуазии: крупной (в масштабах Цейлона) буржуазии, исповедовавшей христианство и

получившей английское образование, а также средней и мелкой буржуазии, получившей образование на местных языках и сохраняющей приверженность национальной культуре и религии. В условиях плюралистичности цейлонского общества в этническом, религиозном и кастовом отношениях процесс консолидации местной национальной буржуазии был затруднен также конфессиональными барьерами.

Многоукладная структура колониального цейлонского общества обусловила многообразие направлений антиколониальной борьбы. Так, для цейлонского крестьянства, а также оппозиционно настроенных представителей традиционной кандийской феодальной знати наиболее характерной формой общественного протеста явились вооруженные восстания, направленные на восстановление в стране доколониальных феодальных порядков. Торгово-предпринимательская сингальская, тамильская и мусульманская прослойка приняла активное участие в различного рода движениях религиозно-общественного протеста под лозунгами возрождения буддизма, индуизма и ислама. Эти движения носили ярко выраженный антиколониальный и антихристианский характер и обладали общей тенденцией к приспособлению религий к условиям современности. Все три движения отличал культурно-просветительский характер. Движение в защиту индуизма получило распространение в Северной провинции, где сосредоточивалась основная часть тамильского населения страны. Мусульманское движение локализовалось на востоке и северо-востоке, где проживало большинство мавров, а также частично в районе Коломбо. Буддийское движение, наиболее массовое и организованное, охватило практически все районы острова.

Представители местной пробританской элиты, заинтересованные в получении максимальных прибылей в условиях британского правления, возглавили так называемое движение за конституционные реформы, получившее распространение в наиболее развитых в политическом и экономическом отношениях западных и юго-западных районах Цейлона. Вплоть до последней четверти XIX в. движение носило верхушечный характер и идейно вдохновлялось либеральными настроениями английскими плантаторами и группой цейлонцев из среды бюргеров (лиц смешанного португало- и голландско-цейлонского происхождения) и европеизированной прослойки цейлонской знати.

ЦЕЙЛОН В ЭПОХУ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЦЕЙЛОНСКОГО НАРОДА

В первое десятилетие XX в. объем экспорта цейлонского чая возрос до 163 млн ф. в год. Ключевые позиции в его производстве и экспорте продолжал занимать английский капитал. С конца XIX в. на Цейлоне стали развиваться каучуковые плантации, в 10-е годы XX в. занимавшие площади в 148 тыс. акров при объеме экспорта 49 млн ф. ст., а также плантации кокосовой пальмы, общая площадь которых равнялась 413 тыс. акров. В начале XX в. продукты кокосовой пальмы составляли 24% общего объема экспорта по стоимости.

Часть кокосовых и каучуковых плантаций принадлежала местному капиталу. Его представители делали инвестиции в производство так называемых второстепенных экспортных культур, таких, как арековая пальма, табак, шоколадное дерево, цитронелла. Такая же иерархия соблюдалась и в обрабатывающей промышленности: фабрики по переработке чая и других важнейших плантационных культур нахо-

дились в руках английских предпринимателей, местные же капиталы вкладывались, как правило, в мелкие текстильные и пищевые предприятия, в добычу графита и драгоценных камней. В отличие от британских плантаторов, предпочитавших нанимать на свои плантации сезонников-иммигрантов из Южной Индии, цейлонские плантаторы использовали местную рабочую силу. Экономические «сферы влияния» британского и местного капитала были в целом разграничены, и ломка установившихся границ редко имела место.

К 1910 г. доля трех важнейших плантационных культур — чая, каучука и продуктов кокосовой пальмы — во всем экспорте страны составляла около 90%. Узкая специализация экономики на производстве нескольких видов сельскохозяйственной продукции прочно привязывала Цейлон к мировому капиталистическому рынку, обуславливала зависимость его развития от колебания цен на важнейшие экспортные и импортные товары.

На рубеже XIX—XX вв. на Цейлоне возник ряд политических организаций, представлявших интересы различных групп местной буржуазии. В 1905 г. была создана Цейлонская лига социальных реформ. Требования цейлонской буржуазии носили умеренный характер и сводились к увеличению представительства цейлонцев в Законодательном совете и замене назначения неофициальных членов по общинному признаку их выборности на территориальной основе.

Стремясь породить у местной буржуазии иллюзии участия в управлении страной, английские власти пошли на ряд политических уступок. В 1910 г. была произведена реформа Законодательного совета (реформа Маккалума), закрепленная конституцией 1912 г. Согласно реформе, число членов совета было увеличено до 21 человека с сохранением большинства за официальными членами (11 против 10 неофициальных). 6 неофициальных членов (2 равнинных сингала, 2 тамила, 1 кандийский сингал, 1 мавр) назначались генерал-губернатором, сохранявшим всю полноту власти, 4 — избирались на основе высокого имущественного и образовательного ценза. В число избираемых членов входили 2 европейца, 1 бюргер и 1 «образованный цейлонец».

Сохранение принципа общинного представительства в Законодательном совете привело к тому, что дальнейшее развитие движения за конституционные реформы пошло по пути борьбы различных этнических, конфессиональных и кастовых групп за увеличение своего представительства в этом органе государственной власти. Большинство ассоциаций политического характера, возникших в первое десятилетие XX в., не были организациями, представлявшими интересы цейлонской буржуазии в целом, а строились по национально-религиозному принципу. Вступление Цейлона в XX столетие было отмечено обострением межобщинной розни среди сингалов, тамиллов и мавров. Даже политические организации сингальской буржуазии не были едиными. Внутри них кипела борьба между равнинными сингалами и кандийскими, а также между буржуазией гоигамы и представителями среднестатусных кастовых групп. В 1912 г. монополия касты гоигамы на представительство интересов сингальской буржуазии в Законодательном совете была разбита, и каравы получили там самостоятельное место. В целом национально-освободительное движение на Цейлоне было разобщено и незрело. К началу XX в. единство национально-освободительной борьбы в масштабе всей страны, всего населения не сложилось, и тенденция к преодолению межобщинной розни не возобладавала. Первая буржуазная политическая организация, объединившая син-

гальских, тамильских и мусульманских предпринимателей, была образована лишь в 1919 г.

К рубежу XIX—XX вв. относится зарождение в стране рабочего движения. Основной группой цейлонского рабочего класса были плантационные рабочие тамильского происхождения. Значительная часть портового и железнодорожного пролетариата также была представлена выходцами из Южной Индии. Первые выступления портовых, железнодорожных, муниципальных рабочих, печатников, возчиков произошли в Коломбо в 90-е годы. Незрелость капиталистических отношений, слабость и малочисленность рабочего класса на Цейлоне, его разобщенность на основе национальных, религиозных и кастовых перегородок, а также тесная связь с буржуазно-националистическими движениями обусловили специфику рабочего движения, носившего не антикапиталистический, а антиколониальный характер, выступавшего под буржуазно-националистическими лозунгами.

В годы первой мировой войны усилилась эксплуатация Цейлона английским капиталом. После объявления Цейлона воюющей стороной члены Законодательного совета единогласно проголосовали за предоставление дополнительных финансовых средств метрополии. Рост цен на продовольствие и предметы первой необходимости, острая нехватка продуктов питания, прежде всего риса, земельный голод в цейлонской деревне вели к усилению недовольства политикой британских властей, с одной стороны, и к нарастанию противоречий между различными социальными, этническими и конфессиональными группами — с другой. Эти настроения нашли выражение в восстании 1915 г., подытожившем развитие Цейлона в новое время. В ходе восстания с одинаковой силой прозвучали антиколониальные призывы к объединению представителей всех национальных, религиозных, кастовых и социальных групп острова для борьбы с иностранным господством и одновременно проявилось стремление отдельных общинных группировок использовать восстание в своих узкокорыстных целях, добившись от колониальной администрации экономических и политических уступок за счет предательства общенациональных интересов.

Логическим завершением развития национально-освободительного движения к началу новейшего времени явилось складывание двух противоположных тенденций: консолидации национальных сил, с одной стороны, и роста коммунизма — с другой. Противоборство между ними определяет социально-политическое развитие страны по сей день.

АФГАНИСТАН В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

ВТОРАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА

В начале 70-х годов английские колонизаторы попытались осуществить давно вынашиваемые ими планы расчленения и закабаления Афганистана. Основы этого плана были изложены в меморандуме идеолога наступательной политики Англии на Ближнем и Среднем Востоке Г. Раулинсона. Меморандум предусматривал: расширение военных коммуникаций Англии и создание укрепленных пунктов и военных плацдармов на границе Афганистана, размещение на территории Афганистана британских консульств и агентств для контроля над политикой Кабула.

Используя обострение межимпериалистических противоречий в борьбе за распределение сфер влияния, Англия добилась от русского царизма (соглашение 1873 г.) признания Афганистана своей «сферой влияния».

Осуществляя курс «наступательной политики», англо-индийские власти начали в 70-е годы захват пограничных с Афганистаном пуштунских земель. Они навязали также граничившему с владениями пуштунских племен княжеству Кветта договор, предусматривавший строительство железной дороги и линии телеграфа и, главное, полный контроль Англии над всей внешней и внутренней политикой этого княжества. Тем не менее заставить афганского эмира принять постоянных английских резидентов Англии не удалось.

Не скрывая своего стремления включить в состав английских владений всю территорию пограничных пуштунских племен и полностью подчинить себе правителей Кабула, вице-король Индии Литтон отозвал из Кабула английского неофициального представителя и начал военные приготовления. Одновременно Англия попыталась склонить Афганистан на совместное выступление против России. Однако Шер Али-хан не склонен был идти на уступки Англии, поскольку имел основание надеяться на поддержку России. Царское правительство направило в соседние с Афганистаном районы Средней Азии подразделения русских войск, а в Кабул весной 1878 г. была послана дипломатическая миссия во главе с генералом Столетовым, который подписал с Шер Али-ханом проект афгано-русского договора о союзе. Однако, поскольку на Берлинском конгрессе между Англией и Россией было достигнуто временное соглашение по вопросам европейской политики, царское правительство отказалось ратифицировать этот договор. В свою очередь Англия потребовала от Шер Али-хана принять в Кабуле британскую миссию Н. Чемберлена и сопровождавший ее военный отряд. Н. Чемберлен должен был добиться от эмира разрыва отношений с Россией и установления английского агентства в Кабуле, Балхе и Герате, однако английская миссия не была пропущена в страну. Переговоры эмира со Столетовым и отказ принять английскую миссию были использованы Англией как предлог для начала войны. Премьер-министр Англии лорд Биконсфильд заявил в палате общин, что северо-западная граница Индии «случайна и ненаучна», а Афганистану был послан ультиматум с требованием немедленно удов-

летворить все английские претензии. Не дожидаясь ответа на этот ультиматум, 35-тысячная британская армия вторглась в Афганистан в ноябре 1878 г.

Согласно предварительно разработанному плану английские войска двинулись в Афганистан по трем направлениям. Первым с войсками неприятеля под командованием генерала Броуна встретились пограничные афганские отряды у входа в Хайберское ущелье. Афганский гарнизон крепости Али Масджил оказывал упорное сопротивление, но вынужден был отступить. В середине января 1879 г. войска генерала Броуна овладели Джелалабадом. Не готовые к военным действиям регулярные афганские части были фактически застигнуты врасплох и не могли оказать должного отпора. В результате британские войска продвинулись в глубь страны.

Английским военачальникам путем подкупа афганских ханов и придворных в Кабуле удалось спровоцировать внутренние беспорядки. Шер Али-хан вынужден был вместе с членами русской миссии выехать на север в Мазар-и-Шериф, оставив Кабул в руках своего сына Якуб-хана, известного своими проанглийскими симпатиями. Он не терял надежды прекратить агрессию и с этой целью обратился с посланием к английскому правительству, в котором угрожал добиваться созыва международного конгресса. Русский посол в Лондоне Шувалов в свою очередь послал английскому кабинету несколько нот протеста. Однако английское правительство игнорировало все эти дипломатические демарши. Что касается Шер Али-хана, то по прибытии в Мазар-и-Шериф он заболел и 20 февраля 1879 г. скончался.

Якуб-хан был гораздо более сговорчивым, чем его отец. После занятия южной колонной афганских войск Кандагара, несмотря на продолжающуюся народную борьбу, он приказал прекратить сопротивление и заключил 26 мая 1879 г. в местечке Гандамак с Луи Каваньери, уполномоченным англо-индийского правительства, кабальный для Афганистана мирный договор. Афганские правители лишались отныне права самостоятельных сношений с другими государствами: их внешняя политика подчинялась контролю англо-индийского правительства. За англичанами признавалось право на управление районами Сиби, Пишина и Курама, а также контроль над горными перевалами. Вся деятельность эмира Афганистана должна была подчиняться контролю английского резидента в Кабуле. За это ему была назначена ежегодная субсидия в 600 тыс. рупий. Так закончился первый этап англо-афганской войны. Сказались неподготовленность афганских регулярных частей, отсутствие твердого руководства, предательское поведение части афганских феодалов во главе с Якуб-ханом.

Однако народное сопротивление нарастало. Свободолюбивые афганцы никогда не мирились с господством иностранцев и иноверцев. Против иноземцев выступали представители всех общественных слоев. В этих условиях призыв мусульманских мулл к священной борьбе с неверными (подавляющее большинство населения исповедовало ислам) получил массовую поддержку и способствовал сплочению афганских племен. В самом Кабуле население было настроено крайне враждебно к оккупантам. Повсюду афганцы поднимались на вооруженную борьбу. К активному сопротивлению готовились также патриотически настроенные представители феодалов, возмущенные Гандамакским кабальным договором.

В стране начиналась партизанская война. Отряды народного ополчения постепенно стягивались к столице. Народное движение, охватывавшее с каждым днем все новые слои крестьян, ремесленников и

патриотически настроенного сардарства, развивалось под лозунгом отмены Гандамакского договора и изгнания из Афганистана британских интервентов. Между тем английский резидент в Кабуле вмешивался во внутренние дела Афганистана, раздавал награды проанглийски настроенным сардарам, распоряжаясь казной эмира. Все это подогревало антианглийские настроения. В столице и других городах, захваченных англичанами, происходили постоянные столкновения между афганцами и британскими солдатами. В 1879 г. афганские солдаты начали в Кабуле восстание. С помощью горожан они осадили английское резидентство, все находившиеся в здании англичане были убиты. Перепуганный Якуб-хан послал извинение вице-королю Индии и приказал своему наместнику в Кандагаре исполнять приказы английских представителей.

Английское правительство приняло решение послать в Афганистан карательный отряд под командованием генерала Робертса, которому было приказано занять Кабул и заявить, что английские войска больше не уйдут из Афганистана и окажут «поддержку и защиту каждому, кто будет им содействовать». Якуб-хан выступил навстречу Робертсу.

Однако афганские партизанские отряды и крестьяне оказали карателям упорное сопротивление. На подступах к Кабулу крестьянские отряды и солдаты армии бывшего эмира Шер Али-хана (1868—1878), возглавляемые Мухаммед-ханом, преградили путь интервентам. После напряженных боев английские войска одержали победу над повстанцами, многие из которых были вооружены лишь топорами. Плохо вооруженные афганские части отступили в сторону Газни.

Войска генерала Робертса заняли Бала-Хисар и вступили в столицу. Специальная прокламация угрожала смертной казнью каждому, кто попытается оказать сопротивление, и обещала денежное вознаграждение за выданных англичанам офицеров или солдат, причастных к нападению на английское резидентство. В Кабуле была создана военно-судебная комиссия для расследования обстоятельств, связанных с восстанием. Террор и массовые репрессии усиливались с каждым днем. Эмир Якуб-хан, обвиненный в неспособности оказать сопротивление восставшим, был смещен с престола и сослан в Индию.

Центром народной войны против английских захватчиков стала область Газни, куда стекались повстанческие отряды. Одним из наиболее сильных был отряд афганского генерала Мухаммеда Джан-хана Вардака, бывшего артиллерийского офицера в армии эмира Шер Али-хана. Его ополчения состояли из афганцев и таджиков Кохистана. Он склонил к участию в антианглийской народной войне племя вардак. Мухаммед Джан-хан собрал под свои знамена часть солдат афганской регулярной армии и полков, прибывших из афганского Туркестана. Активную антианглийскую агитацию вел мусульманский богослов Дин Мухаммед. Он одним из первых издал фетву (религиозное постановление), призывавшую народ к священной войне против англичан. За ним пошли гильзайские и момандские племена. В Газни формировались отряды пехоты, проходившие специальное военное обучение. У повстанцев Газни были и свои кавалерийские части. Ополчения стали создаваться и в других районах Афганистана.

В конце 1879 г. отряды из Газни, Кохистана и других районов двинулись к Кабулу. Генерал Робертс послал им навстречу английских солдат. На подступах к Кабулу развернулись ожесточенные бои, и отряды народных ополченцев, поддержанные жителями Кабула, заняли столицу. Но после прихода новых крупных подразделений из Индии

войска Мухаммед Джан-хана вынуждены были отступить и оставить Кабул.

Таким образом, в руках англичан находились и Кандагар и Кабул, а также укрепления, позволявшие им контролировать пути из Афганистана в Индию. Тем не менее положение их в оккупированной, но не покоренной стране было крайне непрочным. Антианглийская народная борьба не прекращалась. Даже наиболее экспансионистски настроенные английские политические деятели поняли, что придется отказаться от аннексии Афганистана. Поэтому вновь были выдвинуты планы расчленения страны и превращения отдельных ее частей в вассальные или полностью зависимые от Англии княжества. Главкомандующему английскими войсками в Афганистане было дано секретное указание поддерживать и закреплять сепаратизм в областях Афганистана. Весной 1880 г. англичанам удалось захватить Газни и организовать крупные карательные экспедиции против повстанцев. Одновременно английские колонизаторы стали подыскивать нового правителя Кабула, способного стабилизировать положение в центре Афганистана и вместе с тем недостаточно сильного, чтобы освободиться от опеки Англии.

ПОПЫТКИ РАСЧЛЕНЕНИЯ АФГАНИСТАНА И ПРИХОД К ВЛАСТИ АБДУРАХМАН-ХАНА

По иронии судьбы противоборствующие политические силы — английские колонизаторы, царские власти в Туркестане и стремившиеся сохранить свою независимость афганцы — сделали ставку на одно и то же лицо — Абдурахман-хана, внука Дост Мухаммед-хана и племянника Шер Али-хана, который находился в это время в изгнании в русском Туркестане, причем каждая сторона связывала с ним защиту собственных интересов. Царское правительство рассчитывало, что Абдурахман-хан сможет утвердиться в афганском Туркестане и будет противостоять агрессии Англии. Англичане же в свою очередь полагали, что, если Абдурахман-хану удастся провозгласить себя правителем Кабула, он будет всецело зависеть от их помощи. Что касается самого Абдурахман-хана, то, искусно используя противоречия между Англией и Россией, он стремился стать полновластным правителем Афганистана.

Русские власти в Туркестане не вели с Абдурахман-ханом никаких официальных переговоров, а организовали его побег, подарив ему 200 берданок и предоставив незначительную денежную сумму. Используя борьбу между соперничавшими правителями, Абдурахман-хан добился признания своей власти в Бадахшане. Войска соперников в этом районе перешли на его сторону.

В 1880 г. в Кабуле и Кандагаре, где находились английские войска, не прекращались антианглийские волнения. Правивший в Герате Айюб-хан был настроен крайне враждебно к колонизаторам и готовился к походу на Кандагар, в Газни вновь собирались народные ополчения, угрожавшие Кабулу. В этих условиях английские колонизаторы предпочли признать Абдурахмана эмиром Кабула и сказать ему помощь деньгами и оружием. Они обещали в дальнейшем выплачивать ему крупную денежную субсидию и отказались от предусмотренного Гандамакским договором права иметь английского резидента и военные отряды в Кабуле, а также и от вмешательства во внутренние дела Афганистана. Взамен Абдурахман-хан согласился признать ту часть

Гандамакского договора, которая ограничивала независимость Афганистана во внешней политике и лишала его права иметь самостоятельные дипломатические отношения с каким-либо иностранным государством, кроме Британской Индии. Абдурахман-хан вынужден был также признать отторжение Англией ряда пограничных с Индией афганских районов и право контроля над горными проходами.

Английское правительство пыталось отторгнуть от Афганистана Кандагарскую область, выделив ее в независимое владение. Борьба между английскими агрессорами и антианглийски настроенным правителем Герата Айюб-ханом за Кандагар началась еще до установления власти Абдурахман-хана.

Решительное сражение произошло при селении Майванд в 1880 г. Силы Айюб-хана состояли из регулярных войск и народных ополченцев — борцов за веру (газиев). В этой битве афганцы имели перевес в артиллерии и численности войск. Им удалось разбить пехоту англичан и подкупленных последними кандагарцев. Английские солдаты и офицеры бежали через безводную пустыню и укрылись за стенами Кандагара. Победа в этом сражении рассматривается в Афганистане как символ успешных усилий в борьбе за независимость. В 1958 г. в Кабуле был установлен монумент в честь победы при Майванде.

Айюб-хан начал осаду Кандагара, но вскоре отвел войска обратно в Герат. В этих условиях английское правительство сочло целесообразным отказаться от своих планов расчленения Афганистана. Английское командование предпочло не вести дальнейшей борьбы за Кандагар, а передать его Абдурахман-хану. Когда же Айюб-хан в 1881 г. пытался вновь завладеть Кандагаром, то он потерпел поражение и отступил в Герат. Вскоре войска эмира Абдурахман-хана овладели и Гератом. Айюб-хан вынужден был бежать в Иран.

Абдурахман-хан стал единственным правителем Афганистана. Его поддержали многие афганские вожди, стоявшие во главе ополчений, сражавшихся против английских захватчиков. Мулла Дин Мухаммед издал фетву, объявившую Абдурахман-хана законным правителем. К середине 1881 г. власть Абдурахман-хана была признана во всем Афганистане. К этому времени английские войска были полностью выведены из страны.

Эмир Абдурахман-хан

Абдурахман-хан повел решительную борьбу против сепаратизма светских и духовных феодалов и ханов племен. По существу, он продолжал политику, начатую предшественниками Дост Мухаммедом и Шер Али-ханом. К концу XIX в. окрепли позиции той части класса афганских феодалов, которая была заинтересована в крепком централизованном государстве, обладающем аппаратом насилия для обеспечения эксплуатации огромных масс крестьянства афганского и неафганского происхождения. В Афганистане все влиятельнее становилось местное купечество, связанное с ростом внутренней и транзитной торговли, бывшей до этого монополией афганских племен повинда. Постройка английскими колониальными властями в Индии железных дорог облегчила перевоз товаров, и караванная торговля кочевых племен потеряла свое прежнее значение. К тому же Абдурахман-хан монополизировал торговлю многими важнейшими товарами: каракулевыми шкурками, лесом и т. д. В торговлю втягивались также и феодалы. Отражая интересы купеческого капитала, Абдурахман-хан стремился обезопасить торговлю на караванных путях, ввести единую для всего Афганистана монетную систему (афганскую рупию). Он построил монетный двор, унифицировал единицы меры и веса. Сурово охраняя собственную монополию на отдельные виды товаров, Абдурахман-хан в то же время стремился поставить афганское купечество в более благоприятные условия по сравнению с иностранцами, а также торговцами-индийцами. Эмир ссужал необходимые суммы для ведения торговли из государственного казначейства и не брал процентов с капитала. К концу правления Абдурахман-хана удельный вес афганского национального купеческого капитала в общем объеме внешней торговли заметно увеличился, хотя и был еще незначителен по сравнению с удельным весом иностранного капитала.

Созданный эмиром административно-полицейский аппарат обеспечивал регулярное поступление налогов в казну и в то же время должен был укреплять господство феодалов над крестьянами. Податным сословием считались все неафганское и большая часть афганского крестьянства, облагавшееся натуральным поземельным налогом, налогом на скот и другими законными и незаконными поборами. Отдельные афганские племена еще сохраняли налоговые льготы за охрану торговых путей и другие виды службы в пользу эмира. Кроме того, Абдурахман-хан вынужден был в ряде случаев оставлять за ханами племен сбор налогов. Стремясь ослабить сепаратистские тенденции племен, а также укрепить свои позиции в районах неафганского населения, Абдурахман-хан проводил переселение афганцев дуррани в пограничные районы. В конце 80-х годов, после установления границы с Россией, он переселил туда дуррани из Кандагарской области, затем начал переселять афганцев Герата в Мургаб и Бадгис.

В своей централизаторской политике Абдурахман-хан использовал ислам для воздействия на мусульманское население самого Афганистана, а также пуштунов пограничных районов Северо-Западной Индии. Присвоив себе титул главы ислама, он опубликовал трактат «Укрепление веры», служивший обоснованием его верховной власти. В этом трактате, написанном в защиту религиозных догматов ислама, государственные интересы ставились по существу выше религиозных. Эмир объявлялся первым среди имамов, «тенью бога на земле». Утверждалось, что если даже он нарушает, по мнению окружающих, религиозные законы, то не может быть низложен до тех пор, пока он

«в состоянии охранять целостность и независимость вверенного ему государства». Ни высокое духовное звание, ни верность догматам ислама не могли спасти от смертной казни того, кто посмел бы выступить против эмира и неодобрительно отозваться о его поступках. Сам эмир сажал непокорных мулл и улемов в тюрьмы, казнил их, отбирал имущество. Земли мулл и улемов были переданы в правительственную казну. Им же было назначено определенное денежное жалование, что сближало их положение с положением государственных чиновников. Политика Абдурахмана вызвала недовольство верхушки служителей культа, но пользовалась сочувствием у тех представителей духовного сословия, которые не имели земельной собственности.

Религиозная политика Абдурахман-хана сыграла важную роль и при завоевании Кафиристана — высокогорной области на южных склонах Гиндукуша. Ее жители были язычниками (афганцы называли их кафирами) и жили в условиях родового строя. Абдурахман-хан завоевал Кафиристан и стал проводить насильственную исламизацию этих районов. Область была переименована в Нуристан (т. е. страна, озаренная светом истинной религии).

Управление централизованным афганским государством осуществлялось через созданные Абдурахман-ханом министерства: финансов, торговли (с подотделами транспорта и таможенных сборов), юстиции, общественных работ, полиции, государственной канцелярии и почты. Кроме того, имелись особые ведомства по делам образования и медицины. Во главе министерств стояли члены шахской фамилии. В отдельных случаях их возглавлял сам эмир. Сбор налогов, общее управление провинциями, а также командование расположенными на территории провинций войсками и гарнизонами находились в руках наместников эмира. Делами торговли, таможенным сбором и назначением введял специальный чиновник; судебные дела были подведомственны судьям духовного суда.

Абдурахман-хану удалось добиться серьезных успехов в укреплении централизованного феодального афганского государства. Государство это было многонациональным по своему составу. Афганцы составляли большинство лишь в Кабульской и Кандагарской областях и значительную часть населения в Гератской области. Что касается афганского Туркестана, он был населен преимущественно таджиками и узбеками.

Попытки Абдурахман-хана объединить в составе афганского государства все пуштунские земли, включая район Сулеймановых гор и правобережье Инда, не увенчались успехом.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АБДУРАХМАН-ХАНА

Английские империалисты по-прежнему проводили в отношении Афганистана политику внешней изоляции. Они препятствовали торговле Афганистана с соседними государствами и прежде всего с Россией, всячески стремились спровоцировать военные столкновения между обоими государствами. Рассматривая Афганистан как плацдарм для наступления в сторону Средней Азии, англичане старались направить интересы эмира Абдурахмана на включение в состав афганского государства таджикских, узбекских и туркменских областей правобережья Амударьи. Этим путем они надеялись также отвлечь эмира от собирания пуштунских земель и присоединения к Афганистану районов Сулеймановых гор и правобережья Инда.

В 1883 г. Абдурахман-хан при прямом подстрекательстве Англии нарушил англо-русское соглашение 1869—1873 гг. о принятии р. Амударьи в качестве границы Афганистана с Россией. Он двинул свои войска против памирских княжеств, которые некогда подчинялись Коканду, вошедшему в 1876 г. в состав русских владений. Английские политические деятели предпочитали раздел перешедших к России земель Памира между Афганистаном и Китаем. Дипломатическая миссия Лэмсдена, прибывшая в Северный Афганистан под предлогом уточнения северных границ Афганистана, провоцировала агрессивные действия афганских феодалов. По настоянию Лэмсдена в район Кушки были стянуты афганские войска. Однако в столкновении с русскими войсками афганцы, во главе которых стояли британские офицеры, были обращены в бегство.

Несмотря на усилия Англии спровоцировать войну между Афганистаном и Россией, Абдурахман-хан проявил желание урегулировать отношения с северным соседом и заявил об отсутствии у Афганистана территориальных претензий. В 1885 г. между Россией и Афганистаном была достигнута договоренность, а в 1887 г. был подписан окончательный протокол об определении русско-афганской границы от р. Герруд до Амударьи.

Абдурахман не давал санкции англо-индийскому правительству на проведение железной дороги из Индии в Афганистан. Английские колонизаторы были недовольны своим ставленником и стремились ослабить его позиции.

СОГЛАШЕНИЕ ДЮРАНДА И ВОССТАНИЕ ПУШТУНСКИХ ПЛЕМЕН

В 1895 и 1897 гг.

С целью ослабить власть эмира Абдурахмана англичане прежде всего стремились помешать объединению в афганском государстве всех пуштунских земель, для чего прибегли к новой агрессии. В 1891 г. они потребовали включения Вазиристана, населенного пуштунскими племенами вазиров района Сулеймановых гор, в сферу английского влияния. Вторым направлением английской экспансии были земли Курама, имевшие большое значение для окружения Вазиристана с севера. Англичанам удалось побудить пуштунское племя тури отказаться от признания власти афганского эмира, а затем долина Курама была занята английскими войсками и подчинена британской администрации. Третьим направлением английской наступательной политики были земли пуштунского племени оракзаев. Несмотря на проведение двух карательных экспедиций (1890 и 1891 гг.), подчинить оракзаев не удалось. Английские колонизаторы стремились завладеть командными позициями на северном участке индийской границы. В 1889 г. было восстановлено британское агентство в Гильгите, а в 1891 г. были завоеваны княжества Хунзы и Нагары. Укрепление английских позиций вдоль всей северо-западной границы Индии и покорение в 1893 г. пограничных племен и княжеств вынудили Абдурахман-хана к уступкам во время англо-афганских переговоров 1893 г.

Следует учесть, что к этому времени эмир Абдурахман-хан добился признания своей верховной власти вождями многих независимых племен. Но когда он попытался распространить на районы племен афганскую администрацию и взимать с них регулярные налоги, пуштуны выступили против правительства Кабула. Английские власти ис-

пользовали эти обстоятельства для дипломатического и военного давления на Афганистан.

В 1893 г. для переговоров с Абдурахман-ханом об определении северо-западной границы Индии и памирском разграничении прибыла миссия Мортимера Дюранда. Английские колонизаторы были заинтересованы в обострении афгано-русских отношений. Но эмир Абдурахман-хан не возражал против передачи России занятых им районов на Памире и против присоединения к Афганистану лишь части памирского княжества Вахан. Абдурахман-хан подчеркивал при этом, что афганский народ вовсе не стремится к захвату земель на Памире, но он очень заинтересован в судьбах своих братьев-пуштунов. Тем не менее представителям британской имперской власти в Индии удалось добиться от эмира подписания соглашения, по которому часть Вахана включалась в состав Афганистана, а новая граница проходила по Сулеймановым горам и получила название «линии Дюранда». Значительная часть земель независимых пуштунских племен вошла в сферу влияния англо-индийского правительства. В то же время англичанам пришлось оставить эмиру район Бирмала и долину к югу от него вплоть до Чамана. За Абдурахман-ханом было также официально закреплено право приобретать в Индии и в Европе оружие и военное снаряжение. Ежегодная субсидия ему была увеличена.

В целом соглашение Дюранда было серьезным дипломатическим поражением эмира, вынужденным признать расчленение афганских земель. После заключения соглашения эмир попытался исправить положение, отправив письмо на имя вице-короля Индии с целью приостановить проведение разграничения. В то же время Абдурахман поддерживал выступления племен против англо-индийских властей и установил связь с руководителями антианглийских выступлений.

В 1894—1895 гг. начались антианглийские восстания, происходившие в разное время и в разных районах, однако английской администрации удалось подавить эти разрозненные выступления.

В 1897 г. вспыхнуло новое восстание пуштунов, в подготовке которого приняли участие ближайшие сподвижники Абдурахман-хана. В Кабуле состоялось неофициальное совещание представителей пограничных племен и мулл, которые призвали пуштунов подняться на священную войну против англичан. Почти одновременно началось восстание племен вазиров и момандов, но объединенного выступления всех племен организовать не удалось. Абдурахман-хан готовился к открытой поддержке восстания, сосредоточил войска и подвозил боеприпасы. Однако, когда эмир убедился, что поднять одновременно все племена пограничных пуштунов против англичан не удалось, он счел целесообразным отмежеваться, чтобы избежать открытого военного конфликта с Англией.

На подавление восстания 1897 г. англичане истратили свыше 50 млн рублей. В 1901 г. пограничные пуштунские земли были включены в Северо-Западную пограничную провинцию, делившуюся на административные округа и полосу земли, населенную племенами, на которые не распространялось действие английской администрации. Однако на территории племен были расположены английские военные базы, укрепления, действовали английские агенты, контролировавшие их внешнеполитические связи.

К началу XX в. Афганистан представлял собой зависимое феодальное государство с сильными пережитками родоплеменной организации. Сохранению средневековых норм жизни способствовала его изоляции от внешнего мира. В значительной степени он оставался «закрытой страной». Европейцы могли посещать его только со специального согласия эмира, а жителям Афганистана за выезд из своей страны без специального пропуска свидетельства, получить которое было крайне трудно, грозила смертная казнь. Преобладало натуральное и полунатуральное хозяйство. В стране не было ни железных, ни шоссейных дорог. Основой экономической жизни было по-прежнему сельское хозяйство: земледелие и кочевое и полукочевое скотоводство. Земледелие было основано на ручном труде. К началу XX в. наблюдались развитие хлопководства и рост вывоза хлопка в Индию и особенно в Россию. Довольно широкое распространение имело ремесленное производство, прежде всего по обработке продуктов животноводства. Но сосредоточено оно было преимущественно в сельской местности. Сколько-нибудь значительными торговыми и ремесленными городскими центрами были лишь Кабул и Кандагар. В Кабуле был также оружейный завод. Кабул был административным центром, здесь была ставка эмира, его канцелярии. Судопроизводство и образование находились в руках мусульманских мулл. Население было почти поголовно неграмотным. Основой государственного права был шарият.

Капиталистический уклад начал складываться в Афганистане значительно позднее, чем в соседних с ним колониальных и полуколониальных странах. Тем не менее к началу XX в. в стране были созданы для этого некоторые условия: мероприятия эмира по укреплению позиций местного купечества (безопасность торговли, введение единой денежной системы, ограничение участия во внешней торговле иностранцев и т. п.), строительство железных дорог англо-индийскими властями к границам Афганистана (к Хайберскому и Боланскому проходам), расширение торговли с Россией, укрепление армии, создание первых светских школ и литографий.

Влияние мирового капиталистического развития на Афганистан было в целом незначительным, на территории Афганистана не было иностранных концессий.

В начале XX в. в политике Англии по отношению к Афганистану произошли значительные изменения. Главной целью стало политическое и экономическое закабаление страны. Афганский рынок все больше наполняется английскими товарами, одновременно увеличился вывоз сырья. В Афганистан, несмотря на политику изоляции, начали проникать и другие империалистические державы, прежде всего Германия. Хозяйство страны все больше втягивалось в мировой капиталистический рынок, и соответственно усиливалась зависимость Афганистана от этого рынка. Обострились противоречия афганского купечества и ведущих товарное хозяйство помещиков с империалистической Англией. Представители передовых офицерских кругов, чиновничества, купечества стремились создать в стране благоприятные условия для развития национальной экономики и культуры. Несмотря на политику изоляционизма, в Афганистан стали проникать передовые буржуазные идеи Запада, а также идеи просветителей стран Востока, прежде всего Индии и Ирана. Изменения, происходившие в социально-экономическом и политическом развитии Афганистана, способст-

вовали возникновению политических группировок, заинтересованных во введении буржуазного правопорядка в стране и в ликвидации наиболее одиозных феодальных институтов.

После смерти Абдурахман-хана в 1901 г. на престол вступил Хабибулла-хан. В 1903 г. было создано первое светское учебное заведение — лицей Хабибие, куда принимали детей не только феодалов, но и из так называемых средних слоев. При дворе было введено ношение европейской одежды.

Хабибулла-хан вначале отказывался от получения английской субсидии. Однако после посещения Афганистана английской миссией Дена он подписал с Англией соглашение, предусматривавшее верность договорам, заключенным его отцом, и выплата субсидии была возобновлена.

В 1907 г. после заключения Англией и Россией «Конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета», направленной как против Германии, так и против развившегося на Востоке освободительного движения, Хабибулла-хан обратился с официальным протестом к Англии. Протест был оставлен без ответа.

После буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России активизировалась политическая деятельность противников режима Хабибуллы и сторонников освобождения Афганистана от зависимости от Англии.

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА. МЛАДОАФГАНЦЫ

Выразителем интересов торговой буржуазии и новых помещиков выступили представители афганских образованных слоев. Под влиянием освободительного движения в соседней Индии распространение буржуазных просветительских идей в Афганистане шло быстрее, чем становление афганской национальной буржуазии как самостоятельной экономической силы.

Инициаторами движения за конституцию и реформы выступил директор первого созданного Хабибуллой-ханом светского государственного учебного заведения Хабибие Абдул Гани (индиец по происхождению). Вокруг этого лицея группировались молодые представители афганской интеллигенции, преимущественно преподаватели и воспитанники лицея, вошедшие в историю под названием младоафганцев. Их идеологом стал Мухаммед-бек Тарзи, происходивший из того же баракзайского рода мухаммадзаев, что и правящая династия. Долгие годы он находился в политической эмиграции в Иране, Ираке и Сирии, где и получил образование. Познакомившись с новой турецкой и европейской литературой, он воспринял передовые для того времени буржуазные идеалы и посвятил всю свою деятельность их осуществлению в Афганистане. Получив при Хабибулле-хане разрешение вернуться на родину, Мухаммед-бек Тарзи развернул активную политическую деятельность как поэт, публицист и переводчик. В своих поэтических произведениях и статьях, печатавшихся на страницах издававшейся им с 1911 г. газеты, он выступил с обоснованием своего общественного кредо.

Сильную сторону учения М. Тарзи составляла антиколониальная направленность. Осуждение колониализма и призыв к борьбе за полную независимость своей страны получили у него значительно более последовательное выражение, чем у просветителей тех стран Востока, которым приходилось действовать в колониальных условиях:

Критика Мухаммед-беком Тарзи колониальной политики европейских держав сыграла важную роль в пробуждении национального самосознания афганцев. Поскольку религия была символом независимости и средством укрепления единства в борьбе против колониализма, его идеи были облечены в панисламистскую форму. Тарзи находился под сильным влиянием идей Джамаль ад-Дина аль-Афгани, стремившегося найти в исламе обоснование не только антиимпериалистической борьбы, но и утопических социальных идеалов. Религиозная форма национальной идеологии Тарзи была исторически обусловлена. Она способствовала в ряде случаев объединению афганцев в антианглийской борьбе, но в то же время зачастую вела к идеализации исламских традиций и доколониального прошлого.

Путь к прогрессу Тарзи, подобно другим буржуазным просветителям, видел в просвещении, в развитии промышленности, науки, техники, в борьбе с невежеством. Тарзи противопоставил господствовавшим в то время мусульманским догмам о пассивности человека перед богом сравнительно прогрессивные идеи мусульманских просветителей о человеке-деятеле и его ответственности перед обществом. Он призывал своих соотечественников заниматься полезным трудом: торговлей, ремеслом, развивать земледелие, создавать свою промышленность. По его мнению, наступил новый век прогресса, развития техники и промышленности, и Афганистан должен идти в ногу со временем. Под флагом очищения ислама и возрождения его раннего демократизма Тарзи фактически проповедовал приспособление ислама к нуждам времени, его модернизацию.

В осуществлении своих идеалов он уповал на афганских правителей и не видел иной силы, способной провести социальные преобразования, кроме эмира. Просвещенная абсолютная монархия — таков был его социальный идеал. У него появилось в стране немало сторонников (младоафганцев).

Убедившись в неспособности Хабибуллы-хана провести конституционные реформы, младоафганцы стали связывать достижение своих целей с младшим братом эмира, воспитанником Мухаммеда Тарзи — Аммануллой-ханом.

СТАРОАФГАНЦЫ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Ханы племен и крупные афганские феодалы, ревнители старых порядков, выступали против любых преобразований, которые могли бы затронуть их права и привилегии. Даже позиции Хабибуллы казались им чрезмерно модернистскими. Они также были настроены резко антианглийски, но прежде всего потому, что видели в Англии угрозу старым феодальным порядкам, стремились сохранить изоляцию Афганистана от внешнего мира и усматривали в европейской культуре и любых буржуазных новшествах покушение на ислам. Странники священной войны против неверных англичан, они также выступали под лозунгами возрождения ислама, причем в противоположность последователям Джамаль ад-Дина аль-Афгани они были яркими противниками любых буржуазных реформ.

Эти консервативные силы группировались вокруг Насруллы-хана, брата царствовавшего эмира, и их называли «староафганцы», Насрулла-хан пользовался значительным влиянием и среди ханов пограничных пуштунских племен. Дворцовые группировки младоафганцев и староафганцев соперничали за влияние на эмира.

Накануне первой мировой войны староафганцы сблизились с правящими кругами Германии и Турции. С турецкими феодалами их связывали общность идейных позиций и наиболее реакционная трактовка панисламистских лозунгов. Если у Мухаммеда Тарзи на первый план выступала антиимпериалистическая направленность, то староафганцы, подобно турецкому султану, на первый план выдвигали идею объединения мусульман вокруг турецкого халифа во имя защиты феодальных интересов.

Что касается сближения с Германией, то оно во многом объяснялось выгодами, которые начали извлекать ханы племен от торговли с этой страной и контрабандной доставки афганцам оружия.

АФГАНИСТАН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После начала первой мировой войны Хабибулла официально заявил о нейтралитете Афганистана. В стране росли антианглийские настроения и недовольство политикой Хабибуллы. Оно усиливалось в связи с возрастающими налогами и сокращением жалования чиновникам, солдатам и офицерам. Староафганцы и часть младоафганцев стремились использовать в интересах Афганистана сближение с Германией и Турцией.

Серьезное влияние на афганских мусульман имело объявление турецким султаном священной войны против Англии и России и его призывы к эмиру принять участие в этой войне. В Турции была сформирована германо-австро-турецкая миссия, которой удалось добраться через оккупированную Англией и Россией иранскую территорию в Афганистан. В Кабуле члены миссии встречались с Насруллоу-ханом и Аманулоу-ханом. Затем миссия была принята эмиром. Судя по имеющимся данным, миссии удалось склонить Хабибуллу на подписание договора с Германией и получить разрешение на участие немцев и турок в реорганизации афганской армии. Однако пойти открыто на нарушение нейтралитета эмир не решился. Он заявил, что Афганистан выступит вместе с Германией и Турцией против Англии только при условии обеспечения нейтралитета России.

В этот период в Афганистане находились индийские эмигранты, связанные с различными подпольными террористическими центрами и националистически настроенными кругами Индии. Их возглавлял Махандра Пратап, стремившийся заручиться поддержкой младоафганцев для вовлечения Афганистана в войну против Англии. Многие патриоты Индии и Афганистана искренне верили в возможность опереться на Германию и Турцию в борьбе за независимость своей страны против английских империалистов. Махандра Пратап, переехавший вскоре из Афганистана в Европу и возглавивший так называемое революционное правительство Индии, отправил посланцев в Россию с письмом к Николаю II, в котором высказывал пожелание, чтобы Россия и Германия объединили свои усилия в борьбе против Англии. Такая позиция индийских и афганских националистов была, естественно, далека от истинных целей Германии, стремившейся использовать Афганистан в своих собственных интересах.

Во время пребывания германо-турецкой миссии в Афганистане среди пограничных пуштунских племен (момандов и племен хоста) начались антианглийские волнения и вооруженные выступления.

Британское правительство добивалось удаления германо-турецкой миссии. С этой целью Хабибулле были обещаны увеличение ежегодной

субсидии и выплата ему после окончания войны единовременной сум-
мы. Германия и ее союзники не были в состоянии отправить в Афга-
нистан немецко-турецкие войска и оружие. Россия отказалась соблю-
дать нейтралитет в случае выступления Афганистана на стороне Гер-
мании. Миссии не удалось добиться конкретных результатов, и в мае
1916 г. она вынуждена была покинуть Кабул. По требованию вице-
короля Индии Хабибулла двинул к границе Афганистана регулярные
войска и призвал пуштунов к покорности. Британским колонизаторам
удалось с помощью больших военных сил и самолетов подавить к ав-
густу 1917 г. крупные вооруженные выступления племен. Позиция эми-
ра вызвала взрыв недовольства в стране. Ни жестокие преследования
и казни, ни ссылки на каторгу, ни подкупы феодальной верхушки не
могли предотвратить народных волнений и назревавшего революцион-
ного кризиса, приведшего к провозглашению эмиром Амануллы-хана
и началу войны за независимость. Она закончилась успешно, и Афга-
нистан стал самостоятельным государством, обладающим полным су-
веренитетом в своей внутренней и внешней политике.

ИРАН НАКАНУНЕ И В ЭПОХУ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИРАНА В ПОЛУКОЛОНИЮ

Уже к 70-м годам XIX в. Иран был зависимой от Англии и царской России страной. В последней трети XIX в. эта зависимость увеличилась еще больше в результате предоставления концессий иностранным компаниям и заключения иностранных займов. За время с 1862 по 1874 г. англичане заключили с Ираном четыре конвенции о строительстве на иранской территории телеграфных линий для обеспечения связи Лондона с Индией. Линии обслуживались и управлялись англичанами, которые пользовались правом экстерриториальности.

Шоссейные дороги на юго-западе Ирана строились и контролировались английскими колонизаторами, а на севере — русским царизмом. В угоду Англии и России Иран был лишен возможности строительства железных дорог. В 1890 г. Ирану было навязано обязательство не допускать железнодорожного строительства.

В 1872 г. английский подданный барон Ю. Рейтер получил от шаха сроком на 70 лет концессию на монопольную эксплуатацию почти всех промышленных ресурсов страны. Но в результате всеобщего возмущения, охватившего страну, и протестов царской дипломатии шаху пришлось вскоре аннулировать эту концессию. В виде возмещения шахское правительство в 1889 г. предоставило Рейтеру концессию на организацию Имперского (Шахиншахского) банка с монопольным правом на выпуск банкнот. Банк контролировал иранский монетный двор, на его текущий счет поступали государственные доходы и таможенные пошлины. В 1890 г. русский предприниматель Поляков основал с одобрения и при поддержке царского правительства в Тегеране Учетно-судный банк Персии, который контролировал экономику Северного Ирана. Между английским и русским банками происходила ожесточенная борьба. Тот же Поляков получил в 1891 г. концессию на организацию страхового и транспортного дела. Был выдан также целый ряд других концессий: в 1888 г. английскому капиталисту Линчу — на организацию судоходства по единственной в Иране судоходной р. Карун; русскому промышленнику Лианозову — на эксплуатацию рыбных промыслов на Каспийском море; в 1890 г. английской компании Тальбот — на скупку, продажу и переработку табака и др. В 1901 г. английский подданный д'Арси получил концессию на монопольную эксплуатацию всех нефтяных источников, за исключением северных районов Ирана (впоследствии концессия АИНК).

В 1892 г. шах получил первый иностранный заем — 500 тыс. ф. ст. от английского банка, а в 1900 и 1902 гг. — займы в сумме 32,5 млн руб. от России. Иностранные займы играли важную роль в финансовом закабалении Ирана.

В последней трети XIX в. и в начале XX в. значительно возрос ввоз в Иран иностранных промышленных товаров, конкуренция которых разоряла иранское ремесло, домашнюю промышленность и предприятия национальной иранской фабрично-заводской промышленности, которые появились в конце XIX — начале XX в. Увеличился также вывоз сельскохозяйственных продуктов и сырья из Ирана. Сельское хозяйство Ирана приспособлялось к запросам внешнего рынка, росли

посевы хлопка, табака и других технических культур. Иран превратился в аграрно-сырьевой придаток империалистических государств.

Не только экономика, но и многие отрасли государственного управления Ирана оказались под контролем иностранцев. В 1879 г. под руководством русских офицеров был создан из иранцев так называемый казачий полк, развернутый затем в бригаду и дивизию, которая вскоре стала единственной боеспособной частью иранской армии. В 1898 г. во главе таможенного дела был поставлен бельгиец Наус, который затем даже был назначен министром почт, главным казначеем и членом высшего государственного совета. На важные государственные посты на севере Ирана назначались угодные царским представителям лица, а на юге хозяйничали англичане. Они поддерживали сепаратизм местных феодалов (шейх Хазаль, Кавам аль-Мольк ширазский, бахтиарские ханы), через голову центрального правительства заключали с ними соглашения, выплачивали субсидии и снабжали оружием. В результате деятельности Мекранской и Систанских разграничительных пограничных комиссий англичане оторгли от Ирана принадлежавшие ему ранее части Систана и Белуджистана и установили свое господство в Иранском Белуджистане. Английские военно-морские силы фактически оккупировали Персидский залив. По признанию премьер-министра Англии Керзона, английский резидент в Бушире был некоронованным королем Персидского залива.

Таким образом, к началу XX в. завершился процесс превращения Ирана в полуколонию. На основе совместной эксплуатации иранского народа складывался союз феодальной верхушки Ирана с иностранными империалистами. Шах, его министры, губернаторы, феодальная знать превращались в агентуру империалистических держав.

С целью задержать ослабление власти центрального правительства в конце XIX в. Насер ад-Дин-шах проводил некоторые преобразования, сводившиеся к внешней европеизации государственного аппарата, учреждению новых министерств, созданию школ для сыновей феодальной знати и к попытке ограничить власть духовных судов. Эти внешние, не затрагивавшие основ отсталого общественно-экономического и политического строя реформы не могли укрепить Иран. Они в то же время вызвали недовольство той части шиитского духовенства, интересы которой ущемлялись судебной и некоторыми другими реформами.

Превращение Ирана в полуколонию привело к консервации отсталых феодальных отношений, которые наряду с засильем империалистов были главным препятствием на пути прогрессивного развития страны. Иностранная конкуренция душила зародыши фабричной национальной промышленности, разоряла ремесло и часть купечества. В деревне продолжали господствовать средневековые феодальные отношения. Включение сельского хозяйства Ирана в систему мирового капиталистического рынка привело к еще большему усилению феодальной эксплуатации крестьянства. Увеличилась доля урожая, отбираемая помещиками у крестьян. Росли также налоги, взыскиваемые государством. Нищета и разорение крестьян, ремесленников и других трудовых слоев городского населения приняли массовый характер. Разоренные, обнищавшие крестьяне и ремесленники ежегодно многими десятками тысяч уходили из Ирана на заработки в Россию — в Закавказье и Закаспий.

Крестьянство, городская беднота, зарождавшийся рабочий класс, городская мелкая буржуазия, немногочисленные еще представители национальной буржуазии, значительная часть купечества и духовен-

ства и даже часть землевладельцев, заинтересованных в ограничении произвола правящей верхушки и засилья иностранцев, выражали недовольство существовавшими порядками. Только феодальная верхушка во главе с каджарской группировкой, часть реакционного духовенства и крупных торговцев, связанных с правящей кликой и иностранцами, были заинтересованы в сохранении старых порядков.

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1911 гг.

Среди передовых слоев национальной буржуазии, интеллигенции и других патриотически настроенных кругов в конце XIX в. зарождались идеи буржуазного национализма. Пробуждение национального самосознания выразилось в деятельности иранской интеллигенции в стране и за ее пределами, где проживали бежавшие от преследований шахских властей сторонники реформ. Иранские эмигранты издавали в Турции, Египте, Индии и других странах свои газеты: «Канун», «Ахтар», «Хекмат» и др. В этих газетах, а также в произведениях идеологов буржуазного национализма Мальком-хана, Абд ар-Рахима Талыбова, Зейн аль-Абедина Марагеи критиковались существующие в Иране порядки, произвол шахских властей и губернаторов, выдвигались требования ограничения шахского самодержавия, обеспечения прав личности и собственности и т. п. В Тебризе, а затем и в Тегеране создавались новые, светские школы. В тех же городах были организованы национальные библиотеки, вокруг которых собиралась патриотически настроенная интеллигенция.

Распространена была в конце XIX в. в Иране, особенно среди духовенства и мелкой буржуазии, пропаганда идей панисламизма. Тогда, на начальной стадии своего развития, панисламизм в какой-то мере отражал протест против закабаления иностранным капиталом и призывал народы к объединению на религиозной основе; панисламисты выступали в то же время за сохранение феодального строя, за усиление влияния духовенства.

В конце XIX — начале XX в. в Иране стали возникать различные нелегальные патриотические организации: тайное общество, организованное в 1901 г. в Тегеране, созданный в начале 1905 г. в Тегеране «Энджумене махфи» (Тайный энджумен) и др. Они выступали против шахских сановников, призывали к борьбе против засилья иностранцев и произвола правящей феодальной верхушки, а также выдвигали требования провести реформы политического строя в буржуазном духе.

Наряду с этим происходили и вспышки массовых народных выступлений против империалистов и правящей иранской феодальной клики. Наиболее значительным из них было движение против английской табачной компании Тальбот в 1891 г., в результате которого шах вынужден был аннулировать эту концессию. Происходили и другие антииностранные выступления, например антианглийское восстание в г. Шуштер в 1897 г., партизанская борьба против англичан на юге Ирана в 1896—1898 гг.

Новый взрыв недовольства в стране был связан с убийством в 1896 г. шаха Насэр ад-Дина, совершенным панисламистом мирзой Реза Кермани. Широко развертывалось также движение против реакционных шахских министров, против новых таможенных тарифов, против бельгийца Науса.

В последние годы XIX и в первые годы XX в. по многим городам Ирана (Мешхед, Тебриз, Тегеран, Керманшах и др.) прокатилась волна так называемых «голодных бунтов» — народных волнений, во время которых возмущенный народ громил хлебные лавки и склады и чинил расправу со спекулянтами и представителями шахских властей. Эти волнения были вызваны дороговизной хлеба и других продуктов питания, голодом среди беднейших слоев населения в результате спекуляции хлебом со стороны помещиков, губернаторов и других богачей.

Народное недовольство и массовые волнения к концу 1905 г. охватывали все более широкие слои населения и распространялись во многих областях страны. Еще до начала революции 1905 г. в Иране проявлялось влияние революционной борьбы в России. Главным каналом проникновения революционных настроений были иранские отходники в Закавказье и особенно в Баку, где в 1904 г. была создана особая социал-демократическая организация «Гуммет», объединявшая рабочих-мусульман, азербайджанцев и персов и действовавшая под руководством большевиков. Возвращаясь на родину, иранские отходники несли с собой идеи революционной борьбы против шаха, феодалов и империалистов.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ. БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Резкое обострение внутренних социальных противоречий, противоречия между иностранными империалистами и национальными силами Ирана, стремившимися к независимости страны, а также тесная связь Ирана с Россией привели к тому, что поражение русского царизма в войне с Японией и революция 1905 г. послужили мощным толчком к развитию революционного движения в Иране.

В декабре 1905 г. в Тегеране произошли массовые шествия и бест¹ в Шах-Абдул-Азиме в знак протеста против злоупотреблений шахских властей. Демонстранты требовали отставки реакционера Айн-эд-Доуле с поста премьера, увольнения бельгийца Науса, учреждения «адалят хане» (дома справедливости) для разбора жалоб населения. Шах вынужден был дать обещание выполнить эти требования. Однако были предприняты и репрессии.

В ответ на репрессии участники движения объявили всеобщую забастовку, были закрыты базары и лавки; несколько тысяч человек объявили бест в саду английской миссии. Большая группа духовенства в знак протеста ушла из Тегерана в шиитский центр г. Кум. От шаха требовали уволить Айн-эд-Доуле, ввести конституцию и созвать меджлис — парламент. Движение распространилось на Тебриз, Исфаган, Шираз и другие города. Войска выражали свое сочувствие народу. В этих условиях шах вынужден был пойти на уступки.

29 июля 1906 г. Айн-эд-Доуле была дана отставка, и первым министром назначен либерально настроенный Насролла хан Мошир-эд-Доуле. 5 августа был опубликован шахский указ о введении конституции, после чего забастовки и демонстрации прекратились. Реакция попыталась сорвать введение конституции. Шах не утверждал положение о выборах в меджлис.

¹ Бест — право неприкосновенности убежища в мечетях, гробницах, домах высших духовных лиц, своеобразная форма протеста, обычно пассивного, против действий властей.

Интриги реакции вызвали новую волну народного возмущения. Особенно сильным оно было в Тебризе, где к тому времени уже действовала социал-демократическая группа во главе с Али Мосью. В сентябре 1906 г. в Тебризе началась всеобщая забастовка, были закрыты базары, из представителей купечества, духовенства и помещиков создан первый в Иране энджумен (комитет), который стал контролировать действия шахских властей. При активном участии иранских социал-демократов была основана организация моджахидов (борцов за правое дело), руководившая борьбой демократических слоев населения Тебриза.

Под давлением народного движения шаху пришлось утвердить 9 сентября положение о выборах в меджлис, предусматривавшее двухстепенные выборы по куриальной системе от 6 сословий (принцы и каджары, духовенство, феодальная аристократия, купечество, «землевладельцы и земледельцы», ремесленники). Был установлен высокий возрастной и имущественный ценз. Закон лишал избирательных прав всех женщин, рабочих, сельскую и городскую бедноту, большинство ремесленников и мелких торговцев.

ПЕРВЫЙ МЕДЖЛИС И ПРИНЯТИЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА

7 октября 1906 г. открылось заседание первого меджлиса. Его депутатами были представители феодальной и родоплеменной знати, крупной торговой и средней буржуазии, духовенства, землевладельцев, влиятельных чиновников. Представители ремесленников и средней городской буржуазии составляли левое крыло меджлиса.

В октябре — декабре 1906 г. меджлис принял некоторые популярные решения: установил максимальную цену на хлеб, отверг предложение правительства о заключении нового иностранного займа, обсуждал проект организации Национального иранского банка в противовес английскому и русскому банкам.

Одновременно меджлис занимался составлением основного закона. 30 декабря 1906 г. Мозаффар-эд-Дин шах утвердил основной закон, который представлял первую часть иранской конституции и состоял из положения о правах и полномочиях меджлиса. Власть шаха по основному закону ограничивалась меджлисом, который имел право утверждать все законы и бюджет и контролировать их исполнение. Предоставление концессий, заключение иностранных займов, договоров и соглашений с иностранными государствами могли осуществляться только с согласия меджлиса. Кроме нижней палаты (меджлиса) предусматривалось создание верхней палаты — сената. Но сенат так и не был создан.

8 января 1907 г. умер Мозаффар-эд-Дин шах и на престол вступил его реакционно настроенный сын — Мохаммед Али-шах. В январе — феврале 1907 г. реакция сделала первую попытку перейти в наступление против демократического движения. Новый шах открыто проявлял свою враждебность к меджлису и концентрировал воинские силы. Это вызвало массовое движение протеста в Тегеране, Реште, Исфагане и других городах Ирана. В Тебризе произошло вооруженное восстание против шахских властей. В этой обстановке реакция отступила. Шах вынужден был принять предъявленные меджлисом требования об отставке бельгийцев Науса и Прима и специальным указом подтвердил свое согласие на введение конституции в Иране.

Принятием основного закона и январско-февральскими событиями 1907 г. закончился первый период революции. Он характеризовался тем, что в лагере сторонников конституции не произошло еще размежевание классовых сил, и либеральные помещики, духовенство, крупная буржуазия выступали за установление конституции вместе с мелким и средним купечеством, ремесленниками и другими слоями городской мелкой буржуазии, к которым примыкали городская беднота и рабочие. Крестьянское и рабочее движение в то время еще не развернулось в полную силу. Городская мелкая буржуазия шла за либеральным лагерем, который полностью сохранял за собой руководство конституционным движением.

АКТИВИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И РАЗМЕЖЕВАНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В ЛАГЕРЕ СТОРОННИКОВ КОНСТИТУЦИИ

В 1907 г. движение поднялось на новую ступень. Выросла активность демократических слоев населения — крестьян, рабочих, служащих, городской мелкой буржуазии, которые стали выдвигать свои собственные требования. В связи с этим часть духовенства, либеральных помещиков и крупной буржуазии начала обнаруживать стремление отойти от революции, сблизиться с реакцией и положить предел развитию демократического движения.

Усиливались массовые протесты против произвола и самоуправства реакционных властей и феодалов. Под их давлением в Исфагане был снят с поста генерал-губернатор (дядя шаха) реакционер Зилл-эс-Султан. В апреле 1907 г. из Тебриза был изгнан глава местного духовенства моджахид мирза Хасан, перешедший на сторону реакции. Весной 1907 г. жители изгнали из г. Маку реакционного хана Эқбаль-эс-Салтане.

Начался бойкот иностранных товаров. Особенно широко развернулось антиимпериалистическое движение на юге Ирана против англичан, где имели место столкновения с английскими консулами и их представителями в Исфагане, Ширазе, Бушире, бойкот английских учреждений, волнения на нефтеразработках.

Сначала на севере Ирана, а затем в центральных областях развертывается движение крестьян, которые отказывались выплачивать налоги и подати, выполнять феодальные повинности. Они захватывали помещичий хлеб и скот, громили помещичьи усадьбы и расправлялись с отдельными феодалами. Крестьянские восстания происходили в 1907 г. в Маку, Талыше, Гиляне, Кучане, Систане, в районе Исфагана.

В 1907 г. происходили первые в истории Ирана забастовки рабочих и служащих. Бастовали типографские рабочие, телеграфисты, служащие министерства. Они выдвигали экономические и политические требования. Были созданы первые рабочие организации — профсоюзы печатников, телеграфистов, трамвайщиков в Тегеране, союз изготовителей ковровых и шалевых тканей в Кермане. Но движение рабочих и служащих было еще малоорганизованным и стихийным.

Повсеместно возникали разнообразные энджумены. В ряде городов и районов энджумены установили свой контроль над действиями шахских властей, осуществляли судебные функции, устанавливали цены на хлеб, открывали читальни, школы. На севере и в других районах страны создавались нелегальные организации моджахидов, куда входили ремесленники, купцы, мелкие землевладельцы, а также рабочие

и крестьяне. Их программы предусматривали введение всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, свободу слова, общества, личности и стачек, конфискацию шахских и выкуп ханских земель и раздел их между крестьянами, 8-часовой рабочий день, всеобщее обязательное и бесплатное обучение. В результате преобладания мелкобуржуазных элементов среди моджахидов были распространены вредные для революционного движения сектантство, заговорщичество и индивидуальный террор. Моджахиды организовывали добровольческие вооруженные отряды федаев¹, которые состояли из городской бедноты, крестьян, рабочих, мелкой буржуазии и являлись главной вооруженной силой революции.

В годы революции в Иране широкое развитие получила пресса, в частности демократическая. В 1905—1907 гг. в Иране выходило около 350 газет и журналов, из них в Тегеране — около 150, в Тебризе — около 50, в Реште — 25, в Исфагане — 30, в Мешхеде — 10. В 1907 г. под воздействием демократического движения меджлис решил сократить пенсии феодальной знати и цивильный лист шаха, отменил феодальный институт титулов, утвердил закон о борьбе против взяток и вымогательств и провел некоторые другие мероприятия в буржуазном духе.

В то же время меджлис, помещичье-буржуазное большинство которого было уже напугано растущим демократическим движением, относился враждебно к крестьянскому движению, революционным энджуменам, моджахидским организациям и федаям. 1 (14) апреля 1907 г. меджлис утвердил закон о провинциальных и областных энджуменах, предоставлявший им некоторые права контроля над местной администрацией. Закон в то же время отстранял от участия в выборах в энджумен демократические слои населения и лишал энджумены права вмешиваться в политические дела.

В расчете на дальнейший раскол в лагере сторонников конституции шах и реакция в 1907 г. концентрировали силы для наступления. Шах вызвал из-за границы известного реакционера Амин-эс-Султана и назначил его первым министром вместо Мошир-эд-Доуле. Весной и

Ага Саид Джемаль-эд-Дин, мусульманский священнослужитель, выступавший за конституцию

¹ Федаи — человек, готовый пожертвовать собой во имя идеи. Во время революции 1905—1911 г. — члены добровольческих вооруженных отрядов.

летом 1907 г. в Араке (Султанабаде), Куме, Маку, Карадаге, Тегеране, Ширазе происходили выступления реакционных феодалов против демократического движения. В мае 1907 г. шах отказался подписать разработанные комиссией меджлиса дополнения к основному закону. Это вызвало массовые демонстрации в Тегеране и всюобщую забастовку в Тебризе, Амин-эс-Султан подстрекал реакционеров к провокационным выступлениям, что усиливало возмущение и протест народа. 18 (31) августа 1907 г. фeday Аббас-Ага убил Амин-эс-Султана.

Под давлением растущего народного движения 7 октября 1907 г. шах подписал дополнения к основному закону — наиболее важную часть иранской конституции. В дополнениях провозглашались буржуазные принципы равенства граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, ограниченной условием не противоречить основам ислама, свобода слова, печати, обществ, собраний. Предусматривалась организация светских судов наряду с духовными (шариатскими). Устанавливался принцип разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. За шахом сохранялись широкие права: свобода от ответственности, верховное командование вооруженными силами, объявление войны и заключение мира, назначение и увольнение министров и др. Ислам шиитского толка подтверждался конституцией в качестве государственной религии Ирана. Духовенству обеспечивались широкие права и преимущества. Предусматривалось создание по представлению высшего духовенства комиссии из пяти высших духовных лиц, которая могла решать вопрос о соответствии духу ислама вносимых в меджлис законов и без одобрения которой шах не мог утверждать законы.

Дополнения к основному закону, так же как и основной закон, отражали интересы помещичье-буржуазных кругов, заинтересованных в реформах политического строя в буржуазном духе при сохранении помещичьей собственности на землю и феодальных отношений в деревне, а также учитывали притязания верхов шиитского духовенства.

После принятия дополнения к основному закону усилился отход от революции и сближение с реакцией либералов, считавших задачи революции в основном уже решенными, и части шиитского духовенства.

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ И АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 г.

Правящие круги Англии, царской России и Германии были глубоко враждебны революционному движению в Иране. Английские империалисты прикрывали свои империалистические цели и политику антирусской пропагандой и лицемерной маской сочувствия конституции и демократическому движению. На самом деле они были врагами независимости Ирана, свободы и демократии в этой стране. Англичане неоднократно нарушали суверенитет Ирана и уже с самого начала революции прибегли к вооруженной интервенции на острове Хенджам и на побережье Персидского залива, вмешательству в Белуджистане и Систане и др. Они были тесно связаны с наиболее реакционными представителями иранских феодалов (Зилл-эс-Султан, шейх Хазаль, Кавам-эль-Мольк и др.) и стремились усилить зависимость Ирана от Англии, сохранить его монархический строй и господство феодальных отношений.

Русский царизм, подавлявший демократическое движение русского и других народов России, являлся оплотом реакционных сил Ирана и врагом иранской революции. Но поражение в войне с Японией и революция 1905 г. ослабили царизм и помешали ему в первые годы иранской революции прибегнуть к вооруженной интервенции.

В годы иранской революции усилились попытки проникновения Германии в Иран. С 1906 г. немцы организовали регулярные пароходные рейсы из Гамбурга в Персидский залив, пытались получить в аренду порт на этом заливе. Они увеличили ввоз своих товаров в Иран, добивались различных концессий, в том числе на основании немецкого банка с весьма широкими привилегиями, навязывали Ирану заем. Германские империалисты вели пропаганду против Англии и России, лицемерно утверждая, что Германия якобы сочувствует национально-освободительному движению Ирана. В то же время они подстрекали турок к захвату иранской территории в районе оз. Урмия. Поощряемая Германией Турция воспользовалась неудачами России в русско-японской войне и в конце 1905 г. оккупировала иранские районы, прилегающие к оз. Урмия. Германское проникновение в Иран и на Ближний Восток, революция в Иране и национально-освободительное движение в Индии отодвигали англо-русские противоречия на задний план и толкали Англию к соглашению с Россией.

Англо-русское соглашение о размежевании сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете, завершившее создание Антанты, было подписано 31 августа 1907 г. По этому соглашению часть Ирана к северу от линии Касре — Ширин — Исфаган — Иезд — Зульфагар объявлялась сферой влияния России, иранские земли к юго-востоку от линии Бендер — Аббас — Керман — Бирджанд — Газик — английской сферой влияния, а расположенная между ними территория — нейтральной зоной. Но англо-русское соперничество в Иране продолжалось и после заключения этого соглашения, хотя и проходило в более скрытой форме. Соглашение было направлено также против иранской революции, и после его подписания вмешательство Англии и царской России в дела Ирана с целью удушения революции стало более активным. Англо-русское соглашение вызвало в Иране сильное возмущение, под воздействием которого иранское правительство отказалось признать его, а меджлис вынес протест против раздела Ирана на сферы влияния.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ И ДЕМОКРАТИЕЙ

Возглавляемая шахом иранская реакционная группировка считала, что англо-русское соглашение и происходивший отход либералов и части шийтского духовенства от революции укрепляют ее позиции и в конце 1907 г. попытались произвести контрреволюционный переворот. Стянув к Тегерану войска и реакционные банды, шах потребовал, чтобы правительство и меджлис распустили энджумены. 15 декабря по указанию шахского двора на центральной площади столицы Тупхане собрались реакционные банды и войска, которым было приказано разогнать энджумены и меджлис.

В страхе перед народными массами правительство и меджлис не решились распустить энджумены. На защиту меджлиса и энджуменов собралось около 20 000 вооруженных феодалов, моджахидов и членов революционных энджуменов. Во многих городах были объявлены всеобщие забастовки, создавались добровольческие революционные от-

ряды. Энджумены Тебриза, Решта, Мешхеда, Казвина, Кермана и Ши-раза обратились по телеграфу с призывом свергнуть реакционера Мо-хаммед Али-шаха с престола. Соотношение сил было явно не в поль-зу шаха, и он снова был вынужден уступить. Шах еще раз поклялся быть верным конституции, а депутаты меджлиса обязались охранять верховные права шаха. Таким образом, меджлис пошел на сделку с шахским двором.

В первой половине 1908 г. интенсивность борьбы между реакцией и демократическими силами еще больше возросла. В Тебризе был организован реакционный энджумен «Исламие», который провоцировал вооруженные столкновения в городе. Продолжались выступления ре-акционеров в Тегеране, Ширазе и других городах и районах.

В то же время все шире разворачивалось крестьянское движение. Продолжалось восстание крестьян в Талыше, крестьянские выступ-ления и восстания происходили в районах Ардебиль — Астара, Фен-дериска (Астрабад), Дерегеза (Хорасан), Бама и Нармашира (Кер-ман), где на борьбу с феодалами вместе с крестьянами поднялись и рабы, которые в большом количестве работали на землях феодалов Керманской области. Происходили забастовки рабочих на промыслах Лианозова, грузчиков и лодочников в Энзели, волнения ковровых тка-чей в районе Султанабада. Усиливалось антиимпериалистическое дви-жение, направленное против строительства порта Энзели, английской компании Линч в Куме, английской паровой линии на Персидском заливе. Повсеместно возникали новые энджумены. В Тегеране к июню 1908 г. их было уже около 200. 15 (28) февраля 1908 г. было совер-шено неудачное покушение на шаха. Соглашательская тактика поме-щичье-буржуазных либералов и помощь империалистических держав царской России и Англии подталкивали реакцию на активные дейст-вия против революции. Стянув к Тегерану реакционные войска, 22 июня шах объявил военное положение и приказал командиру персидской ка-зачьей бригады полковнику Ляхову занять здание меджлиса и сосед-ней Сепасаларской мечети. 23 июня 1908 г. казачья бригада, под-вергнув бомбардировке меджлис и мечеть, совершила реакционный го-сударственный переворот. Сопrotивление защитников меджлиса и энд-жуменов было подавлено, многие депутаты меджлиса и энджуменов были арестованы, закованы в кандалы и брошены в тюрьму, некото-рые убиты, было объявлено о роспуске меджлиса и энджуменов, де-мократические газеты закрыты. Реакционные порядки были восстано-влены и в других городах Ирана.

ТЕБРИЗСКОЕ ВОССТАНИЕ 1908—1909 гг.

После реакционного переворота в Тегеране центр революционной борьбы в Иране переместился в Тебриз. Реакционеры пытались захва-тить Тебриз, но эта попытка вызвала вооруженное восстание, в кото-ром участвовали крестьяне, рабочие, городская мелкая буржуазия и представители национальной буржуазии. Тебризское восстание возгла-вили представители демократических слоев — участник партизанско-го крестьянского движения Саттар и рабочий-каменщик Багир. Вос-ставшие требовали восстановления конституции и созыва нового медж-лиса, однако не выдвигали требований ликвидации феодального зем-левладения. После ожесточенных четырехмесячных боев тебризцы в октябре 1908 г. изгнали из города шахские войска и реакционные бан-ды. Большую помощь восставшим тебризцам оказали большевики Рос-сии.

В. И. Ленин с большим вниманием относился к иранской революции и следил за событиями в Иране, в особенности за Тебризским восстанием. Во многих своих статьях («Горючий материал в мировой политике», «События на Балканах и в Персии» и др.), речах, письмах он анализировал революционные события в Иране, оценивал позиции отдельных классов, давал характеристику двух течений в иранской революции — демократического и либерального, разоблачал оппортунистов и меньшевиков, которые отказывались равно относиться к народам Европы и Азии. В социалистической печати В. И. Ленин клеймил интервенцию Англии и царской России. Он призывал рабочий класс Западной Европы и России оказать помощь народам Ирана в их борьбе против империалистов и иранской реакции. Русские и особенно закавказские революционеры выступили в защиту Тебризского восстания и оказывали восставшим всевозможную практическую помощь. Они посылали в Тебриз отряды добровольцев и оружие, помогали тебризцам вести пропаганду среди населения, участвовали в создании добровольческих отрядов, принимали участие в боях с шахскими войсками и реакционерами. Русские революционеры пользовались большой популярностью и авторитетом среди тебризцев.

Восстание тебризцев отвлекло на себя все силы реакции и явилось мощным толчком для нового подъема революционного движения в стране. В январе 1909 г. в Исфагане власть захватили сторонники конституции, к которым присоединились отряды бахтиарских ханов. Началось восстание на юге Ирана — в Ларе — во главе со сторонником конституции сеидом Абдул Хосейном.

26 января (8 февраля) 1909 г. произошло восстание в Реште, где власть также перешла к сторонникам конституции. В марте 1909 г. сторонники конституции захватили власть в Бушире и Бендер-Аббасе. Героическая борьба тебризцев и антишахские выступления в других городах и областях Ирана подорвали власть шаха. Шахские войска не в состоянии были сломить сопротивление осажденного Тебриза. Тогда английские империалисты и царизм прибегли к интервенции. На юге

Ирана, в Бушире, Бендер-Аббасе, Линге англичане высадили десант, разогнали энджумены и подавили демократическое движение. В конце апреля 1909 г. царские власти, подталкиваемые английскими дипломатами, под предлогом защиты иностранных подданных и необходимости обеспечить доставку продовольствия направили свои вой-

Багир и Саттар — руководители революционных федайских отрядов в Тебризе

ска в Тебриз. Это решило исход восстания. Шахские войска и реакционные банды отошли от Тебриза. Начались аресты и преследования закавказских, а затем и иранских революционеров и разоружение федаев. Но царское командование и иранские реакционеры не решились арестовать Саттара и Багира и разогнать тебризский энджумен.

СВЕРЖЕНИЕ МОХАММЕДА АЛИ-ШАХА. ВТОРОЙ МЕДЖЛИС

Тебризское восстание и антишахское движение в других частях страны нанесли решающий удар по реакционеру Мохаммед Али-шаху. В июле 1909 г. в результате похода на Тегеран гиланских федаев с севера и бахтиарских отрядов с юга и взятия ими Тегерана Мохаммед Али-шах был низложен, и шахом объявлен его малолетний сын Ахмед. Восстановлена была конституция 1906—1907 гг. и образовано временное правительство из либеральных феодалов и бахтиарских ханов во главе с оппозиционно настроенным к Мохаммед Али крупным феодалом Сепакдаром. Бахтиарские ханы выступили за восстановление конституции, рассчитывая укрепить свое влияние как в Бахтиарии, так и во всем Иране. Англичане подстрекали бахтиарских ханов, стремясь таким путем укрепить свои позиции, подорвать влияние царской России в Иране.

Либеральные помещичье-буржуазные круги, используя в своих интересах победу народа, старались не допустить развития революции. Монархический строй и каджарская династия остались неприкосновенными. Были сохранены иностранные концессии, предприятия. Казачья бригада не была распущена. Казнено было только несколько второстепенных реакционеров. Мохаммед Али получил пожизненную ежегодную пенсию в 100 тыс. туманов и выехал за границу.

Правительство Сепакдара пыталось выйти из финансовых затруднений по-старому, путем заключения иностранных займов и введения новых налогов на транспортные средства, соль и других, ложившихся на плечи широких трудящихся масс населения.

В ноябре 1909 г. был созван второй меджлис. Выборы в него проводились на основе нового избирательного закона, который предусматривал отмену куриальной системы. Были установлены двухстепенные выборы. Сохранились имущественный ценз, лишение избирательных прав женщин и другие ограничения.

Второй меджлис был еще менее демократичным, чем первый: представители ремесленников в его составе отсутствовали. Он не провел каких-либо значительных прогрессивных мероприятий и законов. Во втором меджлисе существовали фракции: «умеренных», представлявших интересы либеральных феодалов и помещиков и компрадорской буржуазии, и «демократов» (крайних), отражавших интересы зарождавшейся национальной буржуазии.

Энджумены и пресса не получили после свержения Мохаммед Али-шаха такого широкого развития, как в 1907 и 1908 гг.

Соглашательская в отношении реакции и империалистов политика правительства вызывала протесты народных масс. Во многих городах происходили народные волнения, вызванные дороговизной и недостатком хлеба и введением новых налогов. В районах Астары, Талыша, Астрабада и Дерегеза снова начались крестьянские выступления и восстания. Происходили забастовки телеграфистов, печатников, служащих министерств. Широко развернулось антиимпериалистическое движение против пребывания иностранных войск в Иране. Повсеместно бойкотировались иностранные товары.

Правительство Сепехдара оказалось не в состоянии вывести Иран из тяжелого экономического и политического кризиса. В связи с этим в июле 1910 г. оно было заменено правительством Мостоуфи аль-Мамалека, который поддерживался «демократами». Новое правительство также состояло из представителей феодальных землевладельцев и про-длжало курс на свертывание революции и сговор с реакцией и им-периалистическими державами. С помощью отрядов бахтиаров и по-лиции, возглавляемой дашнаком Ефремом Давидиянцем, оно разру-жило в августе 1910 г. федайские отряды в Тегеране.

Правительство Мостоуфи аль-Мамалека ориентировалось на Гер-манию и США, в то время как правительство Сепехдара — на Ан-глию и царскую Россию. Мостоуфи аль-Мамалек пригласил из США финансовых советников во главе с М. Шустером. В связи с неспособ-ностью решить стоящие перед страной задачи Мостоуфи аль-Мамалек в начале 1911 г. ушел в отставку. Премьером снова стал Сепехдар, который продолжал свою старую политику. Весной 1911 г. у Англии был получен новый заем в сумме 1250 тыс. ф. ст. Под видом «водво-рения порядка и безопасности» Сепехдар стремился подавить демокра-тическое движение.

В мае 1911 г. в Иран прибыли американские финансовые советники во главе с М. Шустером, который получил от иранского правительст-ва и меджлиса широкие полномочия в области финансов (контроль над всеми финансовыми операциями, концессиями, займами, налогами и другими доходами, государственным бюджетом и т. д.).

Прикрываясь маской защитника национальной независимости Ира-на, Шустер навязывал Ирану иностранные займы, готовил почву для предоставления американцам нефтяных и железнодорожных концес-сий. Он опирался как на «демократов», так и на дашнака Ефрема, бахтиарских ханов и другие реакционные, продажные элементы. С це-лью обеспечить себе независимое от иранского правительства поло-жение, он организовал свою секретную полицию, пытался подчинить вооруженные силы Ирана, стал создавать свою жандармерию, во гла-ве которой поставил англичанина Стокса. Рассматривая Россию и ее позиции в Иране как главное препятствие на пути осуществления аме-риканских планов подчинения этой страны, Шустер пытался опереть-ся на англичан. Он вел антирусскую пропаганду и стремился прово-цировать конфликты между Ираном и Россией. Своей политикой Шу-стер парализовал иранское правительство и нанес большой вред Ира-ну. Стремление правительства либералов подавить демократическое движение, усиление зависимости Ирана от иностранных империали-стов, оживление деятельности реакционеров в разных районах стра-ны — это все подтолкнуло бывшего шаха на попытку реставрации. В июле 1911 г. при попустительстве и тайном содействии царских вла-стей Мохаммед Али переправился через Каспийское море и высадился на его юго-восточном побережье, в Гомюштепе. Подкупив реакцион-ных туркменских вождей, он на вербовал вооруженные банды в не-сколько тысяч человек, которые двинулись на Тегеран. Одновременно в поддержку ему выступили в Курдистане его брат, губернатор Ма-раги (Азербайджан), шахсебенские ханы и некоторые другие реакци-онные феодалы.

Но против банд бывшего шаха поднялись широкие народные мас-сы. вновь создавались вооруженные добровольческие отряды. Осенью 1911 г. банды экс-шаха и его сторонников были разбиты объеди-ненными силами правительственных войск и добровольцев.

Провал авантюры экс-шаха показал неспособность внутренней иранской реакции подавить революцию собственными силами. Тогда на подавление революции были двинуты вооруженные силы империалистических держав — Англии и царской России, находившиеся и до этого в ряде районов Ирана. В октябре 1911 г. на юге Ирана, в Бушире, были высажены новые части английских войск, которые вступили затем в Шираз и другие южноиранские города. Новые войска были посланы в Иран и Россией. Поводом для этого послужил спровоцированный Шустером конфликт с царскими представителями в Тегеране в связи с конфискацией имущества брата бывшего шаха.

В ноябре 1911 г. поддержанное Англией царское правительство ультимативно потребовало, чтобы иранское правительство дало отставку Шустеру и впредь не приглашало иностранных советников без ведома и согласия России и Англии. В ответ на этот ультиматум, нарушавший суверенитет Ирана, в Иране поднялась волна народного негодования, под влиянием которого меджлис отверг ультиматум. Тогда царское правительство послало в Азербайджан, Гилян и Хорасан крупные воинские части, которые разгромили оказавшие им сопротивление иранские добровольческие отряды и подавили революцию на севере страны. На юге Ирана революция была подавлена английскими войсками. В Тегеране полиция дашнака Ефрема и бахтиарские отряды в декабре 1911 г. совершили контрреволюционный переворот. Меджлис был распущен, энджумены и левые газеты закрыты. Так объединенные силы империалистов и иранской реакции подавили в Иране революцию 1905—1911 гг. Революция 1905—1911 гг. в Иране была буржуазной антифеодальной и антиимпериалистической с сильно развитыми элементами буржуазно-демократического движения в Азербайджане и Гиляне. В качестве главных движущих сил выступили крестьянство, зарождавшийся рабочий класс, городская мелкая буржуазия и представители национальной буржуазии. В революционном лагере оформилось два течения: демократическое (рабочие, крестьяне, ремесленники и другие слои городской мелкой буржуазии и городской бедноты), стремившееся к разрешению задач буржуазно-демократической и национально-освободительной революции, и либеральное, состоявшее из крупной буржуазии, помещиков и духовенства, которые после созыва меджлиса, провозглашения конституции и проведения некоторых реформ стали отходить от восставших и вступили на путь борьбы против революции и сговора с реакцией и империалистами.

Хотя иранская революция и потерпела поражение, она имела большое значение в истории Ирана. Революция нанесла сильный удар по феодальному строю и каджарской монархии и пробудила широкие массы народа к сознательной политической жизни и к борьбе против господства феодальных пережитков и империалистического гнета. Революция в Иране началась и развивалась под влиянием революции 1905—1907 гг. в России. В свою очередь она оказала революционизирующее влияние на другие страны Востока.

Подавление революции способствовало дальнейшему закабалению Ирана империалистическими державами.

2 ноября 1914 г. Иран официально объявил о своем нейтралитете в начавшейся мировой войне. Но воюющие державы нарушили иранский нейтралитет. Угрожая русскому Закавказью, турецкие войска в ноябре 1914 г. вторглись в Иранский Азербайджан и заняли города Хой, Урмию и Тебриз. Русские войска 31 января 1915 г. выбили их из Тебриза. После этого военные действия между войсками германо-турецкого блока и русско-английскими войсками происходили в западных районах Ирана (Хамадан, Керманшах, Ханекин и др.).

Империалистическая Германия стремилась подчинить Иран и использовать его территорию как плацдарм для войны против России и Англии. В годы войны в Иране действовало большое количество германских агентов (Шунеман в Азербайджане, Васмус на юге Ирана и др.), которые развернули деятельность по организации восстаний племен, террористических актов и других выступлений против русских и английских представителей. Используя антианглийские и антицаристские настроения, немецкие агенты вели демагогическую пропаганду о намерении Германии помочь Ирану освободиться от англо-русской кабалы и создать независимое государство.

В ноябре 1915 г. германские агенты силами привлеченных ими жандармских частей заняли г. Шираз. Влияние немцев укрепились на юге и юго-востоке Ирана.

Буржуазно-националистическая партия иранских демократов, занимавшая прогерманские позиции, пользовалась большим влиянием в третьем иранском меджлисе, который высказался за поддержку германо-австро-турецкого блока. В ноябре 1915 г. правительство Мостоуфи аль-Мамалека отказалось вести с Англией и Россией переговоры о вступлении Ирана в войну на их стороне. После этого царские войска были двинуты на Тегеран. В конце 1915 г. Ахмед-шах под давлением Англии и России дал отставку правительству Мостоуфи аль-Мамалека и распустил третий меджлис.

Некоторые депутаты меджлиса и уволенные в отставку министры из Тегерана перебрались в г. Кум, где при участии германского посла было образовано так называемое «временное национальное правительство». В связи с наступлением русских войск это правительство переехало в Хамадан, а затем в Керманшах под защиту германо-турецких войск. В начале 1916 г. вместе с отступавшими турецкими войсками оно бежало на территорию Турции.

На юге Ирана происходили антианглийские восстания тангенстанских племен, бахарлу и др. С целью ликвидировать германское влияние на юге страны англичане создали здесь так называемый корпус южноперсидских стрелков во главе с генералом П. Сайксом.

К 1917 г. северная часть Ирана вплоть до Исфагана была оккупирована войсками царской России. Англичане оккупировали весь остальной Южный Иран. Царские и английские войска проводили реквизиции продовольствия и скота. Генералы оккупационных войск хозяйничали в Иране как в колониальной стране. Это вызвало антиимпериалистическое движение, которое особенно широко развернулось на севере Ирана, в Гиляне. Во главе с буржуазным националистом Кучек-ханом гилянские партизанские отряды, состоявшие из крестьян, городской мелкой буржуазии и бедноты и пользовавшиеся поддержкой националистически настроенных гилянских купцов и помещиков, вели борьбу против царских оккупационных войск. Они укрывались в гилянских лесах (дженгеле) и потому назывались дженгелийцами.

В результате первой мировой войны Иран был разорен и опустошен. Финансы и экономика страны были крайне расстроены. Внутренняя и внешняя торговля резко сократилась. Посевные площади и поголовье скота намного уменьшились. Цены на хлеб и продукты питания увеличились в несколько раз, процветала спекуляция, свирепствовали голод, эпидемии тифа и других болезней.

После Февральской революции 1917 г., свергнувшей царизм в России, Временное правительство продолжало империалистическую политику, следуя за англичанами. Влияние Англии в Тегеране и во всей стране стало преобладающим. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией в России Иран почти целиком был превращен в колонию Англии.

ТУРЦИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Перерастание мирового капитализма в империализм ускорило процесс превращения Османской империи в полуколонию. Этому способствовало обострение борьбы держав за монопольное обладание сферами приложения капитала на Ближнем Востоке. Орудием экономического и политического закабаления стали иностранные займы и концессии.

Воспользовавшись крайне тяжелым экономическим положением Турции после Крымской войны, европейские банкиры сумели посредством займов опутать страну сетью финансовой зависимости. О кабальных условиях, на которых предоставлялись займы, можно судить по первому соглашению 1854 г.: из 3,3 млн тур. лир, обещанных английским банком, османская казна смогла получить только 2,5 млн. К 1875 г. сумма займов достигла 242 млн лир, однако Порта могла использовать лишь 127,5 млн, остальные средства оставались в кассах кредиторов. Тяжесть внешнего долга в это время была столь велика, что на его погашение приходилось около половины всех расходов государства. Поскольку денег не хватало даже на оплату жалованья чиновников, султанское правительство вынуждено было объявить, что в течение 5 лет оно сможет выплачивать свои долги только в половинном размере. К 1879 г. ситуация настолько ухудшилась, что Порта заявила о полном финансовом банкротстве Османской империи. В результате переговоров между Портой и кредиторами в 1881 г. было создано «Управление Оттоманского публичного долга» из представителей крупнейших европейских банков, которое установило свой контроль над важнейшими источниками доходов государства. Сокращение поступлений в казну заставило правительство прибегнуть к новым займам. В течение 1890—1914 гг. их сумма выросла на 166 млн тур. лир. Большая часть этих средств ушла на оплату внешних долгов и процентов по ним.

Иностранный капитал установил полный контроль над финансами страны. Вслед за открытием Оттоманского банка в 1856 г. были основаны местные отделения крупнейшего французского банка Лионский кредит, Немецкого и Венского банков, начал функционировать франко-австро-венгерский Салоникский банк. В начале XX в. в Турции действовали 15 филиалов европейских банков и лишь один национальный Сельскохозяйственный банк, открытый в 1888 г.

Финансовая зависимость Османской империи использовалась державами для получения выгодных концессий. Особый их интерес вызывало железнодорожное строительство, поскольку за счет сбора десятины (ашара) Порта обеспечивала предпринимателям твердый доход с каждого километра построенной дороги (километрические гарантии). Право на сооружение первой железной дороги получила Англия еще в 50-х годах, но основная борьба за железнодорожные концессии развернулась в последние два десятилетия XIX в., когда в Турцию начал активно внедряться германский капитал. Вначале германские компании получили концессию на строительство Анатолийской дороги от Измита (порт на берегу Мраморного моря) до Анкары. Прокладка линии была закончена в 1892 г., а уже в следующем году

султанское правительство предоставило Немецкому банку право на строительство первого участка Багдадской дороги. Несмотря на ожесточенное сопротивление Англии, германским капиталистам удалось добиться концессии на всю магистраль до Багдада.

За период с 1885 по 1908 г. протяженность железных дорог в Османской империи выросла в 10 раз и достигла почти 4 тыс. км. За это же время была выплачена в счет «километрических гарантий» сумма, достаточная для сооружения дороги протяженностью в 1400 км. Помимо больших прибылей железнодорожные концессии обеспечили проникновение западного капитала во внутренние районы Турции, а также укрепили политические позиции держав на Ближнем Востоке.

Наряду с железными дорогами под контролем европейских монополий оказались морской транспорт и крупнейшие порты, были выданы концессии на разработку угля и других полезных ископаемых, на эксплуатацию коммунальных предприятий Стамбула и Измира, на строительство телеграфных линий, развитие других видов связи.

Влияние иностранного капитала ощущалось и в сельском хозяйстве. Печальную известность приобрела французская концессионная компания «Режи де таба» (сокращенно «Режи»), добившаяся от Порты монопольного права на скупку, переработку и экспорт турецкого табака. Используя зависимое положение крестьян-табаководов, «Режи» скупала у них продукцию по ценам в 8—10 раз ниже рыночной стоимости. За 15 лет деятельности компания добилась увеличения прибылей втрое.

Переход к империалистическим методам эксплуатации сочетался с сохранением и развитием прежних форм, свойственных периоду промышленного капитализма. Поддержка банков и расширение транспортных возможностей способствовали дальнейшему увеличению ввоза европейских промышленных изделий и вывоза необходимого сырья. На протяжении XIX в. общая стоимость импорта хлопчатобумажных товаров и пряжи выросла более чем в 100 раз, а в пересчете на душу населения — более чем в 50 раз. В результате удельный вес ввозимых тканей и пряжи в местном потреблении поднялся с 4—5 до 80%, а занятость в прядильном и ткацком производстве сократилась с 2% (от всего населения) до 0,4%.

Характерной чертой внешней торговли Османской империи стал постоянно возрастающий дефицит. В начале 80-х годов он составлял около 7—8 млн лир, в конце 90-х годов — 8—10 млн, а к 1906 г. достиг 12 млн лир. Порта неоднократно поднимала вопрос о пересмотре торговых договоров, заключенных в 1861—1862 гг. и представлявших очень широкие права иностранным капиталистам и их агентуре — компрадорской «левантийской» буржуазии, но державы решительно отклоняли все попытки ослабить капитуляционный режим.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРЦИИ

Приток иностранных инвестиций означал также втягивание Турции в мировое капиталистическое хозяйство. В последней трети XIX в. началось строительство фабрик, заводов, шахт, железнодорожных депо и мастерских, портовых сооружений. Вложения шли в те отрасли, которые не конкурировали с европейской промышленностью

или были связаны с переработкой экспортных культур (хлопок, табак, изюм). Из 1587 предприятий, зарегистрированных в 1900 г., основная масса представляла собой мелкие кустарные мастерские, лишь около 200 можно было отнести к числу фабрик и заводов. Большинство последних занималось переработкой сельскохозяйственной продукции. Помимо предприятий пищевой промышленности некоторое развитие получили ткачество и прядение, мыловарение, шелководство и ковровое производство. Наибольший интерес проявил иностранный капитал к добывающей промышленности. Основные разработки полезных ископаемых попали в руки европейских компаний, вывозивших добываемое сырье за границу. Особенно быстро росла добыча каменного угля в Зонгулдаке: в 1865 г. — 61 тыс т, в 1913 г. — 827.

Под влиянием железнодорожного строительства и роста спроса на мировом рынке на сельскохозяйственную продукцию возросла товарность земледелия. Перевозки зерна по Анатолийской дороге в 1893—1911 гг. выросли в 5 с лишним раз, увеличились поставки на рынок табака, хлопка, изюма. В Анатолии появились помещичьи имения, где использовались достижения агрономии и сельскохозяйственные машины.

Рост торговли, появление фабрично-заводской промышленности, усиление имущественной дифференциации в деревне способствовали формированию классов буржуазного общества. Однако капиталистические отношения развивались в Турции медленно, что отражалось и на темпах социальной трансформации общества. Деспотическая власть султана, феодальная в своей основе система землевладения, угнетенное положение негурецких народностей — все это сдерживало общественное развитие и рост пролетариата.

Наиболее трудно шел процесс складывания новых отношений в деревне. Заметное увеличение выхода товарной сельскохозяйственной продукции не сопровождалось столь же быстрыми переменами в жизни сельских жителей, составлявших около 90% общей численности населения империи. Издоляцина и государственные налоги поглощали все доходы крестьян, не оставляя им излишков, которые могли бы быть использованы для улучшения хозяйства или оставлены на трудные годы. При первом же неурожае наступал голод, начинались эпидемии и падеж скота. Так, неурожай 1873—1874 гг. привел к опустошению ряда районов Малой Азии. Однако разложению феодальных порядков препятствовал не только тяжелый налоговый гнет. Основная масса крестьян страдала от малоземелья. В Анатолии и Румелии преобладали хозяйства, владевшие менее 5 га и относившиеся в здешних условиях к разряду малосостоятельных. Более половины из них составляли бедняки, располагавшие участками менее одного гектара. Такие хозяйства оставались в основе своей натуральными. Их владельцы не могли рассчитывать на получение кредитов и были вынуждены пользоваться самыми примитивными орудиями труда.

С другой стороны, османская бюрократическая элита, опасавшаяся усиления своего основного соперника в борьбе за власть — феодально-помещичьей верхушки, под предлогом заботы о благе крестьянства никак не поощряла крупных землевладельцев к переходу на капиталистические методы хозяйствования. Более того, правительство пыталось затормозить процесс концентрации земли в руках отдельных собственников.

Отсталость деревни оказывала сильное влияние на развитие всего общества. Узость внутреннего рынка, как и засилье иностранного капитала, тормозила создание национальной промышленности, скovy-

вала активность местных предпринимателей. Согласно промышленной переписи 1915 г., в стране действовало 264 предприятия с механическими двигателями; на них было занято 14 тыс. рабочих. Лишь несколько из зарегистрированных предприятий было основано до 80-х годов XIX в. Они создавались для переработки местного сырья, а их продукция была ориентирована на местный спрос. Основную массу владельцев цензовых фабрик составляли иностранцы и представители немусульманских общин, в частности греческие и армянские предприниматели.

Складывавшаяся в султанской Турции буржуазия была в основном торговой. Наиболее влиятельная ее часть занималась экспортно-импортными операциями. Турецкая буржуазия составляла не более десятой части формировавшегося класса и была связана главным образом с торговлей во внутренних районах Анатолии.

Столь же пестрым был этнический состав пролетариата, причем среди квалифицированных рабочих преобладали представители нетурецких народностей, находившихся под султанской властью. Зато удельный вес турок был значительно выше среди традиционных групп городского населения, связанных с ремесленным производством и мелкой торговлей.

В конце XIX — начале XX в. расширилась прослойка турецкой интеллигенции. Увеличилось число врачей, юристов, служащих различных компаний, писателей, журналистов, чиновников, офицеров. От образованной османской элиты середины XIX в. их отличало «разночинное» происхождение. Многие офицеры, чиновники, а также лица свободных профессий были выходцами из бюрократической среды или мелкобуржуазных семей и получили образование во вновь созданных военных и специальных гражданских учебных заведениях. В их идейных воззрениях и общественной деятельности нашли свое выражение те перемены, которые происходили в турецком обществе.

Динамизму социальных сдвигов способствовали также и возросшие темпы роста населения. Во второй половине XIX в. оно увеличивалось в среднем на 1% ежегодно и к 1897 г. составило 19 млн человек (без учета жителей Аравии и Ливии). Важную роль стали играть и миграционные процессы. В результате заметно выросшего притока мусульман с территорий, утраченных империей, а также из-за переселения части немусульман в Америку и Россию удельный вес первых в составе султанских подданных вырос, достигнув 74%. Среди них насчитывалось до 10 млн турок, 3,6 млн арабов, 1,5 млн курдов. После потери Портой контроля над значительной частью Румелии в войне 1877—1878 гг. наиболее крупными группами немусульман оставались греки (свыше 2 млн) и армяне (от 1,5 до 2 млн). С переменами в составе населения связаны и новые попытки османских правящих кругов подавить освободительное движение угнетенных народов и новые, более острые вспышки этнорелигиозных конфликтов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 70-х ГОДОВ

В начале 70-х годов Османская империя вступила в полосу затяжного кризиса, вызванного разложением основ феодально-абсолютистского строя, потерей контроля над отдельными территориями, растущим вмешательством западных держав в ее внутренние дела. Застой местного производства, усиление налогового гнета, растущая дороговизна жизни вызвали недовольство широких слоев населения полити-

кой правительства султана Абдул-Азиза (1861—1876). Кризис усугублялся новым подъемом национально-освободительной борьбы балканских народов, поскольку реформы танзимата не привели к заметному улучшению их положения.

Ослабневшая политическая ситуация в стране создала благоприятные возможности для активизации деятельности «новых османов». Воспользовавшись амнистией, руководители движения в начале 70-х годов вернулись в Стамбул. В 1872 г. Намык Кемаль начал издавать газету «Наставление» (Ибрет), в которой печатались статьи, популяризовавшие идеи свободы и конституции и резко критиковались действия султанского правительства. В этот период четко оформилась программа «новых османов». В ее основу была положена идея борьбы за экономическую и политическую независимость страны. Самым большим препятствием на пути к достижению этой цели «новые османы» считали феодальный абсолютизм. Поэтому их основным политическим требованием было создание режима конституционной монархии. Считая необходимым создать благоприятные условия для развития сельского хозяйства, торговли и промышленности, они требовали отмены откупной системы, ликвидации административного произвола и развития народного образования. «Новые османы» также решительно выступали за ликвидацию капитуляций и неравноправных торговых договоров, критиковали политику внешних займов, заявляя, что подобная мера лишь способствует ухудшению экономического положения страны.

Национальный вопрос «новые османы» предлагали решить на основе теории «османизации». Тем самым они выступали против освободительного движения угнетенных народов, за сохранение Османской империи и верности нормам ислама.

В 1873 г. султанское правительство обрушило репрессии на «новых османов», закрыло их газеты, арестовало и отправило в ссылку Намык Кемаль и других руководителей либерально-конституционного движения. Однако преследования не могли остановить распространения идей «новых османов». Они были подхвачены многими представителями либерально настроенной бюрократии. Среди них заметную роль играл крупный государственный деятель Мидхат-паша. Будучи в разное время губернатором Болгарии и Сирии, он пытался на практике осуществить ряд требований «новых османов», касавшихся экономического развития.

Особенно острой стала ситуация в 1875 г. Два неурожайных года подряд привели к резкому ухудшению положения в деревне, падению налоговых поступлений в казну. В Центральной Анатолии свирепствовал голод, на юго-востоке Малой Азии, в Сирии и Ливане вспыхнула эпидемия холеры. Порта, не добившись увеличения доходов за счет повышения прямого и косвенного обложения, вынуждена была сократить вдвое выплату по внешним долгам. Вслед за этим резко упал курс турецкой валюты, что привело к почти полной приостановке торговых операций.

Летом 1875 г. вспыхнуло восстание крестьян в Герцеговине, затем оно распространилось на Боснию. Вначале восстание было выражением протеста против повышения размеров ашара, но вскоре оно переросло в движение за освобождение от турецкого господства. Героическая борьба жителей Боснии и Герцеговины с карательными экспедициями Порты нашла широкий отклик на Балканах. Она стала толчком к Апрельскому восстанию в Болгарии в 1876 г., жестоко подавленному султанскими войсками.

События в Боснии и Герцеговине были использованы державами для нового обострения «восточного вопроса». В январе 1876 г. западные дипломаты передали Порте меморандум, в котором потребовали прекращения карательных операций и проведения реформ в Боснии и Герцеговине. Возникла реальная угроза отторжения ряда европейских провинций Османской империи.

КОНСТИТУЦИЯ 1876 г.

Обострение внутривосточного кризиса и вмешательство великих держав создали благоприятную обстановку для выступления сторонников конституционных реформ во главе с Мидхат-пашой. Для достижения своих целей они пошли на союз с частью феодально-клерикальных кругов, которые также были недовольны уступками султанского правительства западным державам.

После бурных демонстраций (9—11 мая 1876 г.) учащихся духовных училищ (софт), ремесленников, торговцев, городской бедноты в столице, возглавленных сторонниками Мидхат-паши и духовенством, правительство великого везира Недим-паши ушло в отставку. В ночь на 30 мая 1876 г. был низложен султан Абдул-Азиз.

Организуя заговор с целью свержения султана, Мидхат-паша рассчитывал, что на престол будет возведен Мурад V, который был согласен провозгласить конституцию и созвать парламент. Однако реализация этих планов натолкнулась на противодействие консервативного крыла османской бюрократической элиты и мусульманского духовенства. Выяснилось также, что новый султан из-за нервного заболевания не может выполнять свои обязанности. 31 августа 1876 г. Мурад V был низложен. Султаном стал его младший брат Абдул-Хамид II (1876—1909). Перед коронацией он обещал Мидхат-паше немедленно провозгласить конституцию, но, вступив на престол, не спешил с выполнением своих обещаний.

Между тем политическое положение Османской империи продолжало осложняться. Сербия и Черногория начали военные действия против Порты, поддерживая повстанцев в Боснии и Герцеговине. После разгрома турецкими войсками сербов в боснийский кризис вмешалась царская Россия, потребовавшая от Порты заключения перемирия с Сербией. Тут же активизировались и другие державы. Было решено, что в Стамбуле соберется конференция представителей европейских государств для разрешения конфликта на Балканах. Когда стало известно, что для конференции подготовлен проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, Мидхат-паша, назначенный великим везиром, вновь стал настаивать на немедленном провозглашении конституции для предотвращения вмешательства держав. Абдул-Хамид II пошел на уступки. 23 декабря 1876 г., в день начала работы конференции, на торжественной церемонии был зачитан султанский указ о введении конституции.

Разработанная Мидхат-пашой и Намыком Кемалем конституция предусматривала создание двухпалатного парламента. Она торжественно провозглашала личную свободу и равенство перед законом всех подданных без различий вероисповедания, полную безопасность личности и имущества, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов, запрещение барщины, штрафов и конфискаций, гарантировала свободу деятельности в торговле, промышленности и сельском хозяйстве, свободу печати, гласность су-

дов. В ходе обсуждения проекта конституции реакционеры, поддержанные Абдул-Хамидом II, добились включения в нее ряда положений, предоставлявших султану почти неограниченные права. Его личность объявлялась священной и неприкосновенной. Он не должен был нести ответственности перед парламентом, в его компетенцию входили назначение и смещение министров, заключение договоров с иностранными государствами, утверждение законов, принятых парламентом. Султан сохранил за собой функции халифа — духовного главы мусульман. В конституции также нашли отражение реакционные идеи османизма. В первой ее статье утверждалось, что Османская империя есть единое и неделимое целое. Все подданные империи объявлялись «османами», государственной религией провозглашался ислам.

При всей своей ограниченности конституция 1876 г. была важным прогрессивным событием в турецкой истории. Провозглашение буржуазных свобод и создание парламента нанесли серьезный удар по феодально-абсолютистскому строю. Однако буржуазные элементы в турецком обществе были слишком слабы, и существовавший режим сумел выстоять и нанести ответный удар по либерально-конституционному движению. В феврале 1877 г., после того как конференция держав в Стамбуле прервала свою работу, не достигнув никаких результатов, Мидхат-паша был арестован и сослан. За этой мерой последовала расправа с другими лидерами «новых османов».

Разгромив сторонников Мидхат-паши, Абдул-Хамид не решился упразднить конституцию. В марте 1877 г. открылась первая сессия парламента. Он состоял из 119 депутатов — 71 мусульманина и 49 немусульман. Подавляющее большинство депутатов-турок составляли отставные государственные служащие, крупные землевладельцы, улемы. Среди депутатов-немусульман было немало крупных предпринимателей. Основная масса членов парламента была послушна воле султана, тем не менее в ряде выступлений прозвучала критика в адрес султанской администрации. Осенью 1877 г. Порта провела новые выборы в парламент, но число оппозиционно настроенных депутатов увеличилось, а тон их критических выступлений стал резче. В феврале 1878 г. парламент выразил недоверие великому везиру и членам его кабинета за неспособность вести успешные действия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Это и решило судьбу парламента: он был распущен на неопределенный срок, не успев обсудить даже бюджета страны. Фактически конституция 1876 г. перестала существовать.

Главной причиной поражения конституционного движения была узость его социальной базы. Силы, заинтересованные в укреплении конституционного режима, были слабы и разрозненны. Турецкая национальная буржуазия лишь зарождалась. Доктрина «османизма» оттолкнула от движения «новых османов» инациональную буржуазию империи. Молодая турецкая интеллигенция была еще прочно связана с феодально-помещичьей средой и не искала поддержки народных масс. Все эти факторы определили победу консервативных сил.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. И «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» В КОНЦЕ XIX в.

Разгрому конституционного движения сопутствовало обострение внешнеполитического кризиса на Ближнем Востоке, вызванное действиями России в защиту «единоверных братьев-славян». После про-

вала Константинопольской конференции царское правительство выступило инициатором созыва новой встречи великих держав в Лондоне. Когда Порта отклонила Лондонский протокол, в котором содержались рекомендации о предоставлении автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии, Россия в апреле 1877 г. объявила Турции войну.

В ходе военных действий на стороне России выступили Румыния¹, Сербия, отряды болгарских добровольцев. Сломив сопротивление турок у Плевны, русские войска перешли Балканы и заняли Эдирне. В безвыходном положении Порта запросила перемирия. 3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано (на берегу Мраморного моря) был подписан мирный договор. Главными его условиями были создание фактически независимого Болгарского княжества, в состав которого вошли Македония и часть Эгейского побережья, и предоставление независимости Сербии, Черногории и Румынии. Этот договор был большим успехом царской России, стремившейся использовать национально-освободительную борьбу балканских народов для восстановления своего влияния в Стамбуле, утраченного после Крымской войны.

Усилению русского влияния на Балканах решительно противостояли западные державы, отказавшиеся признать Сан-Стефанский договор. По инициативе Англии и Австро-Венгрии был созван европейский конгресс в Берлине для выработки окончательного текста договора. Подписанный участниками конгресса 13 июля 1878 г. Берлинский трактат был невыгодным для России и славянских народов Балкан. Он предусматривал создание на территории к северу от Балканского хребта Болгарского княжества под формальным сюзеренитетом султана, а Южная Болгария под названием «Восточная Румелия» становилась автономной провинцией. Хотя Сербия, Черногория и Румыния были признаны полностью независимыми, но Австро-Венгрия получала право на оккупацию Боснии и Герцеговины под предлогом их «умиротворения». К России отошли Батуми, Карс, Ардаган и Южная Бессарабия, утраченные ею по Парижскому мирному договору. Порта обязалась выплатить России большую контрибуцию и провести реформы в районах с армянским населением. За помощь, оказанную Порте в борьбе за пересмотр Сан-Стефанского мирного договора, Англия добилась прав на «управление» о. Кипр.

Работа конгресса показала изменение позиции западных держав в «восточном вопросе». Прежде Англия, Франция, а также Австро-Венгрия решительно противостояли попыткам царской России разделить наследство «большого человека», как называл Османское государство Николай I. В конце XIX в., борясь за монопольное обладание сферами приложения капитала в империи, они стали выступать за ее расчленение. В 1881 г. Франция установила свой протекторат над Тунисом, в 1882 г. Англия оккупировала Египет. В то же время при поддержке держав Фессалия воссоединилась с Грецией, а Восточная Румелия — с Болгарией. В 1897 г. в результате восстания греков Кипра остров получил автономию и практически отпал от Турции.

Дальнейший распад империи был временно задержан вмешательством в борьбу на Ближнем Востоке еще одной империалистической державы — кайзеровской Германии. Курс на поддержание «целостности и неприкосновенности» Османской империи обеспечил быстрое укрепление германского влияния на Порту. Об этом свидетельствовало приглашение в начале 80-х годов германской военной миссии во главе

¹ Румыния как государство образовалась после объединения части Молдавии и Валахии в 1862 г.

с генералом фон дер Гольцем для реорганизации турецкой армии. В 1889 г. Турцию посетил германский император Вильгельм II, не упустивший случая заявить о поддержке своего «восточного друга». Установление личного контакта между кайзером и султаном создало благоприятные условия для расширения экспансии германского капитала, что нашло свое выражение в подписании германо-турецкого торгового договора 1890 г. и предоставлении Немецкому банку концессии на сооружение первой очереди Багдадской железной дороги.

ТУРЦИЯ В ГОДЫ АБДУЛХАМИДОВСКОЙ ТИРАНИИ

Разогнав избранный согласно конституции парламент и жестоко расправившись с движением «новых османов», султан Абдул-Хамид II установил самодержавный деспотический режим, оставшийся в памяти народа как «эпоха тирании» (зулюма). Посредством многочисленных арестов, ссылок, тайных убийств страна была вновь отброшена к средневековым порядкам бесправия и произвола. Абдул-Хамид II стремился насаждать в сердцах людей страх, взаимную подозрительность и рабскую покорность. Столица и провинции были наводнены шпионами. Поощрялись доносы («джурналы»), которые ежедневно читал сам султан, отличавшийся болезненной подозрительностью. «Во всех углах страны были шпионы, — писал в своих воспоминаниях о Турции эпохи «зулюма» писатель Халид Зия Ушаклыгыль, — на них сыпались щедро деньги, одежда, чины. Все, что было в этой злосчастной стране, все уходило в их прожорливые чрева... Здесь из изменников вербовались слуги, из воров — министры. На груди, в которых не было ничего, кроме грязи, нацеплялись ордена с драгоценными камнями; негодяям, упавшим в пропасть, давались высокие посты. И за этими чинами, рангами, деньгами не был виден измученный, угнетенный народ».

Классовой опорой абдулхамидовского режима были наиболее реакционные слои османского общества — крупные феодалы, вожди племен, высшее мусульманское духовенство, консервативная бюрократия. Особое внимание уделялось исламу как важнейшему орудию укрепления авторитета султана — «повелителя правоверных». Не полагаясь только на идеологические средства воздействия, Абдул-Хамид II приказал беям курдских племен сформировать специальную конницу «хамидие», использовавшуюся в карательных целях для подавления малейшей попытки сопротивления.

Особое внимание в этот период уделялось борьбе со всякими проявлениями свободомыслия. Все учебные заведения, особенно военные училища, были поставлены под строжайший контроль. Из программ светских школ изымались все «пробуждающие мысль» предметы, в частности география и история, зато появились уроки богословия. Образованность государственного чиновника рассматривалась как признак его политической неблагонадежности. В 1898 г. среди турецких министров не было ни одного человека с университетским образованием. В армии явное предпочтение отдавалось не офицерам, окончившим военные училища, а выслужившимся из унтеров невежественным службистам. Из 50 газет и журналов, издававшихся в Стамбуле в 70-х годах, к концу века осталось только три газеты на турецком языке да несколько журналов с очень ограниченным тиражом. В печати запрещалось употреблять такие слова, как «свобода», «равенство», «республика», «конституция», «тирания». Султанские цензо-

ры запрещали публикацию произведений Руссо, Вольтера, Шиллера, Гюго, Золя, Толстого, постановки таких пьес, как «Гамлет», «Сирано де Бержерак».

Султанское правительство постоянно разжигало национальную и религиозную вражду. Натравливая турок на нетурок, мусульман на немусульман, Абдул-Хамид стремился отвлечь внимание народа от истинных виновников тяжелого положения страны, засилья иностранного капитала, пытаясь погасить огонь национально-освободительной борьбы. В 90-х годах «кровавый султан», как стали его называть в Европе, организовал погром армян в Сасуне и других районах Восточной Анатолии, а также в столице. Во время этих столкновений погибло около 300 тыс. человек. Многими жертвами сопровождалась насаждаемая султанской кликой национальная вражда в Македонии.

В основу своей внешней политики Абдул-Хамид II положил реакционную доктрину панисламизма, призванную объединить всех мусульман, в том числе и зарубежных, под эгидой турецкого султана-халифа и воспрепятствовать подъему национально-освободительного движения нетурецких мусульманских народов Османской империи — арабов, албанцев, курдов. Панисламистская пропаганда активно поддерживалась германским империализмом, пытавшимся использовать ее для своего проникновения в Азию. Во время второго визита в Османскую империю в 1898 г. Вильгельм II публично объявил себя другом и союзником «300 млн мусульман и султана-халифа». Соответственно в турецких правящих кругах с конца XIX в. значительно усилились германофильские настроения.

Внешняя и внутренняя политика Абдул-Хамида II замедляла и уродовала социально-экономическое и культурное развитие турецкого общества. Установление самодержавно-деспотического режима способствовало сохранению феодально-теократических порядков в стране и ускорило превращение Османской империи в полуколонию империализма.

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Господство реакции не могло остановить развитие прогрессивных сил в стране. Борьба за конституцию 1876 г. и участие в первом парламенте стали для них школой политической борьбы. Идеи «новых османов» были подхвачены и развиты применительно к изменившимся условиям участниками младотурецкого движения. Режим «зулума» подтолкнул их к поискам революционных методов борьбы с султанским самодержавием.

В 1899 г. группа учащихся военно-медицинского училища в Стамбуле по инициативе курсанта Ибрагима Темо создала первые ячейки тайного общества «Единение и прогресс» (Иттихад ве теракки) с целью борьбы против абдулхамидовского деспотизма. Тогда же начал оформляться центр эмигрантской оппозиции во главе с Ахмедом Ризабеем. Участников этих организаций стали называть в Европе младотурками. Они представляли молодую интеллигенцию, выражавшую интересы зарождавшейся национальной буржуазии и либеральных помещиков, заинтересованных в ликвидации феодальных порядков и обеспечении условий для развития капиталистических отношений в стране. К младотурецкому движению примкнули и многие представители феодальной бюрократии, считавшие, что политика Абдул-Хамида ведет империю к быстрой гибели. Пестрый со-

циальный состав организаций определил и постоянные идейные разногласия среди участников движения.

Своими главными целями младотурки считали восстановление конституционного режима и проведение умеренных буржуазных реформ по европейскому образцу. В условиях превращения страны в полуколонию империализма и роста национально-освободительного движения нетурецких народов империи особую остроту приобрел национальный вопрос, по которому среди младотурецких лидеров не было единства. Часть из них во главе с Ахмедом Ризой исходила из интересов турецкой национальной буржуазии и выступала за доктрину «османизма», отстаивая тезис о невмешательстве держав в дела империи. Другая группа младотурок, руководителем которых был принц Сабахаддин, призывала к союзу с инонациональной буржуазией и поэтому предлагала решать национальный вопрос путем административной децентрализации.

Деятельность младотурецких организаций первоначально не выходила за рамки пропаганды и агитации через печатавшиеся в Турции и за границей газеты, брошюры и листовки. Движение было практически лишено связи с массами, его лидеры предпочитали путь заговоров и дворцовых переворотов. Эффективность борьбы значительно снижалась из-за организационной разобщенности и идейных разногласий, изолированности младотурок от политических организаций нетурецких народов Османской империи.

Попытка объединить усилия всех политических партий, групп и кружков, ведших борьбу против деспотического режима, была предпринята на первом конгрессе младотурок в Париже в 1902 г. Однако разногласия по вопросу о пути и методах изменения существующего строя в Турции привели к расколу участников конгресса и созданию двух самостоятельных организаций. Основу одной из них составила группа Ахмеда Ризы. Его идеи, высказывавшиеся ранее на страницах газеты «Мешверет» (Дебаты), легли в основу программы этого политического объединения. Группа Сабахаддина оформилась в «Общество частной инициативы и децентрализации», выступившее за создание османской федерации, в рамках которой все народности в империи пользовались бы автономией. Оно также высказалось за активное сотрудничество с иностранными державами, чтобы добиться прилива капиталов и развития «частной инициативы». Взаимное соперничество двух младотурецких центров привело к временному снижению активности их борьбы с абдулхамидовской тиранией.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В РОССИИ НА ТУРЦИЮ

В начале XX в. существовали два основных течения в борьбе против режима «зулума», действовавших изолированно друг от друга: младотурецкое движение и национально-освободительная борьба нетурецких народов.

В 1903 г. в Македонии произошло народное восстание. Хотя оно было жестоко подавлено, во многих районах продолжались выступления партизанских отрядов (чет). В эти же годы усилились выступления армянского населения в империи, оживилась деятельность арабских националистических организаций, все больший размах приобретали антитурецкие выступления в Албании.

Революция 1905—1907 гг. в России получила широкий отклик в Османской империи, способствовала подъему младотурецкого движе-

ния и создала благоприятные условия для объединения двух течений, борющихся с абдулхамидовским режимом.

Султанские власти предпринимали всевозможные меры для того, чтобы не допустить распространения «заразы революции» в Турции: была закрыта кавказская граница с Россией, введена строжайшая цензура на информацию о России, укреплена защита проливов, дабы не допустить прохода революционного броненосца «Потемкин» через Босфор, усилено наблюдение за настроениями в армии.

Опасения властей не были напрасными. Революционные события в России действительно активизировали антиправительственные настроения в Османской империи. Усилилось брожение в армии, о чем свидетельствовало большое количество выступлений солдат и матросов против палочной дисциплины, произвола высших офицеров. Отмечались случаи отказа солдат и офицеров от участия в карательных экспедициях. «Лига революционных офицеров оттоманской армии и флота» в 1906 г. направила письмо семье лейтенанта П. П. Шмидта, казненного за участие в севастопольском восстании. В нем авторы — члены одной из нелегальных младотурецких организаций обещали, что будут бороться за «святую гражданскую свободу» и знакомить турецкий народ с событиями в России.

С конца 1905 г. Анатолия стала местом значительных революционных выступлений народных масс. Наибольший размах они приобрели в восточных и северо-восточных провинциях, где быстрее распространялись известия о российской, а потом и иранской революциях. Перекидываясь из города в город, охватывая все более широкие слои населения, волнения в Анатолии приобрели опасный для существовавшего режима характер. Центром выступлений стал Эрзурум, где в начале 1906 г. образовалась первая буржуазно-революционная организация «Джан верир» (Жертвующий собой). Созданная под влиянием революционных событий в Тебризе, она включала в себя представителей разных слоев общества — торговой буржуазии, ремесленников, улемов, солдат и офицеров.

Опираясь на добровольных дружинников — дадашей (дадаш, или таташ, — на местном диалекте друг, товарищ), «Джан верир» поддерживала строгий порядок в городе, контролировала базарную торговлю, ввела твердые цены на основные продукты питания, добивалась снятия с постов наиболее ненавистных народу чиновников. Около двух лет в вилайете существовало фактическое двоевластие. Все попытки правительства расправиться с руководителями общества не имели успеха. Пример жителей Эрзурума воодушевил население соседних вилайетов — Трабзона, Кастамону, Вана.

Нарастание революционной ситуации в Турции в 1906—1907 гг. способствовало дальнейшему развитию младотурецкого движения. Произозлили значительные изменения его стратегии и тактики. Младотурки осознали необходимость объединения своих усилий и консолидации всех сил сопротивления абдулхамидовскому режиму. В 1907 г. в Париже состоялся съезд, на котором помимо младотурецких обществ были представлены также другие буржуазно-революционные и либеральные организации Османской империи — Внутренняя Македонская революционная организация (ВМРО), партия армянских либералов-националистов Дашнакцутюн и др. Съезд принял программу действий, направленных к свержению деспотического режима и восстановлению конституционного правления, призвал оказывать правительству как вооруженное, так и невооруженное сопротивление, отказываться от уплаты налогов, усилить пропаганду в армии. Съезд при-

нял решение начать подготовку к восстанию. Практическую подготовку вооруженного восстания взял на себя салоникский комитет «Единение и прогресс», ставший руководящим центром партии. Принятая на конгрессе «Декларация» призывала к объединению всех народов и оппозиционных сил в борьбе с абдулхамидовским режимом. Решения конгресса 1907 г. свидетельствовали о превращении младотурецкого движения из буржуазно-либерального в буржуазно-революционное.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908 г.

Участники Парижского конгресса приурочили начало вооруженного выступления к 33-й годовщине вступления Абдул-Хамида II на престол. Однако развитие событий заставило младотурок начать восстание раньше срока.

К концу 1907 г. движение в Анатолии пошло на убыль, султанское правительство усилило карательные действия против национально-освободительного движения в империи и репрессии против нелегальных младотурецких организаций. В июне 1908 г. в ходе свидания в Ревеле (Таллинн) русский император Николай II и английский король Эдуард VII достигли согласия относительно мер, которые надлежало предпринять в ответ на получение Австро-Венгрии концессии на строительство железной дороги к Салоникам. Выступая за спасение Македонии от «угрозы германизации», Англия и Россия предложили Порте план реформ, который предполагал, в частности, ввод в этот район 10—12-тысячной армии империалистических держав. Такое решение «судьбы Македонии» означало бы ее отторжение от Османской империи и одновременно разгром основного центра революционного движения в стране. Англо-русский ультиматум Порте побудил младотурецкий комитет в Салониках принять решение о немедленном начале выступления.

3 июля 1908 г. комендант гарнизона в македонском городке Ресна молодой офицер Ахмед Ниязи-бей создал революционную чету в 200 человек и поднял знамя вооруженной борьбы против султанского режима. Его примеру последовали ряд младотурецких ячеек. На сторону восставших вскоре перешли распропагандированные младотурками военные гарнизоны в Салониках, Монастыре, Скопле и других крупных городах. В течение короткого времени революционное движение охватило значительную часть европейских владений султана. Оно получило поддержку действовавших в Македонии и Албании партизанских отрядов и местного населения. 23 июля салоникский комитет «Единение и прогресс» в ультимативной форме потребовал от султана немедленно провозгласить конституцию, угрожая в противном случае походом революционных войск на Стамбул. Когда выяснилось, что восставших поддержали воинские части, расположенные около Стамбула, в Измире, в Афьон-Карахисаре, а также флотские экипажи, Абдул-Хамид II был вынужден в ночь на 24 июля согласиться на восстановление конституции и созыв парламента.

Вслед за обнародованием султанского указа о восстановлении конституционного порядка по крупнейшим городам прокатилась волна восторженных манифестаций. Подобный ход событий заставил султана пойти на новые уступки: была объявлена амнистия участникам революционного движения, распространявшаяся на 40 тыс. политических

заключенных и эмигрантов, отменена цензура и стали выходить новые газеты. Одна из них — «Танин» (Эхо) — с первых номеров начала печатать роман А. М. Горького «Мать». Правительство было вынуждено ликвидировать султанскую тайную полицию, распустить 30-тысячную армию доносчиков, согласиться на смещение части султанской администрации, особенно скомпрометировавшей себя в эпоху «зюлума». В стране значительно оживилась политическая жизнь, появились различные общественные организации, ассоциации и клубы, начали складываться политические партии.

Добившись быстрой и бескровной победы, младотурки после короткой «конституционной весны» взяли курс на свертывание революции. В стране сложилось своеобразное двоевластие. Во главе правительства остались представители консервативной бюрократической элиты. Руководители младотурецкого движения, вопреки решению конгресса 1907 г., оставили на престоле Абдул-Хамида II и не вошли в состав султанского правительства. Они считали, что, установив контроль над армией и парламентом, смогут поддерживать и укреплять конституционный порядок в стране. Воспользовавшись благоприятной политической ситуацией, комитет «Единение и прогресс» обеспечил себе значительное большинство в палате депутатов, председателем которой был избран Ахмед Риза-бей. Однако в армии после спада революционного подъема младотурки могли рассчитывать на полную поддержку лишь третьего корпуса, расквартированного в Македонии. Поэтому они предпочли оставить руководящий центр партии в Салониках и не рассекречивать его состав.

Уже первые шаги деятельности младотурок дали В. И. Ленину основание говорить об их умеренности и о половинчатости младотурецкой революции¹. В своей новой программе, принятой конгрессом «Иттихад ве теракки», младотурки не ставили задач радикального изменения политического и государственного строя. Важнейшие вопросы социальной и экономической жизни — наделение крестьян землей, рабочее законодательство — почти не нашли отражения в этом документе. Его авторы предпочли отделаться туманными обещаниями, которые вовсе не склонны были выполнять. Стремясь сохранить целостность империи, лидеры младотурецкого движения пытались решать национальный вопрос в духе доктрины «османизма», пополнив ее элементами турецкого национализма. Объявление турецкого языка государственным и его обязательное изучение в начальной школе показывали, что младотурки понимали «османизм» не как формальное равноправие всех народов империи, а как их насильственное отуречивание. Такая политика в национальном вопросе была неприемлемой для нетурецких народов. Она оказывала отрицательное влияние и на развитие турецкого общества, задерживая складывание турецкой нации.

Умеренность младотурок в подходе к решению важнейших экономических и общественно-политических проблем страны, шовинизм их национальной политики определялись сложным социальным составом движения, слабостью зарождающейся турецкой национальной буржуазии и политической незрелостью народных масс. В. И. Ленин, определяя характер младотурецкой революции, отмечал: «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 177.

самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»¹.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МЯТЕЖ 1909 г.

Добившись свержения самодержавного режима и обеспечив турецкой буржуазии и либеральным помещикам широкий доступ к политической жизни, младотурки посчитали задачи революции выполненными. Их мероприятия практически не затронули основ старого общественного строя, что и позволило феодально-клерикальной реакции быстро оправиться от удара, нанесенного в июле 1908 г.

Бездеятельность младотурок определялась также усилившимися идейными и политическими разногласиями в их рядах. Объединявшая различные течения внутри младотурецкого движения общая цель — восстановление конституционного порядка — была достигнута. Когда же встал вопрос о будущем страны, старые противоречия приобрели решающее значение. Среди младотурецких парламентариев выделились две группы. Одна из них выступала за децентрализацию и религиозно-национальную автономию. Ее лидером был принц Сабахаддин. Другая группа поддержала курс руководящего комитета «Единение и прогресс» на строгую централизацию власти и насильственное отуречивание народов империи. Первоначально в парламенте возобладали сторонники Сабахаддина. Они создали ряд политических группировок, среди которых наибольшее значение имела партия «Ахрар» (Либералы). Ее лидеры, пользовавшиеся доверием инонациональной компрадорской буржуазии, пошли на союз с консервативной османской бюрократией. В своей борьбе со сторонниками комитета «Единение и прогресс» они получили поддержку крайне правого крыла парламентариев, представленного противниками конституции. В результате раскола среди младотурок турецкий парламент вплоть до апреля 1909 г. не принял ни одного существенного решения. Это привело к падению их авторитета среди широких слоев населения.

Серьезный удар по влиянию младотурок был нанесен извне действиями великих держав. Австро-Венгрия воспользовалась июльскими событиями 1908 г. для окончательной аннексии Боснии и Герцеговины. Попытки турецкого правительства организовать экономический бойкот Австро-Венгрии не имели успеха. Внешнеполитические неудачи были использованы реакцией и духовенством для того, чтобы обвинить младотурок в «оскорблении нации и ее религии».

13 апреля 1909 г. реакционерам, действовавшим в согласии с Абдул-Хамидом II и при поддержке духовенства и лидеров партии «Ахрар», удалось организовать выступление частей стамбульского гарнизона, потребовавших упразднения законодательной палаты, восстановления шариата и власти султана. В столице начались преследования младотурок и их сторонников. На короткое время Абдул-Хамиду II удалось возродить самодержавный строй. Однако младотурки смогли быстро подавить контрреволюционный мятеж. Опираясь на верные части третьего корпуса и революционные отряды, объединившиеся в «армию действия», они к 26 апреля восстановили контроль над столицей. На следующий день парламент принял решение о низ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39.

ложении султана Абдул-Хамида и лишения его сана халифа. На престол был возведен старый и безвольный Мехмед V Решид (1909—1918). В новое правительство вошел ряд младотурецких деятелей. Младотурки заняли посты губернаторов, послов, большую часть высших должностей в армии и при дворе. Комитет «Единение и прогресс» стал играть решающую роль в управлении страной.

Апрельские события 1909 г. означали окончательное завершение младотурецкой революции. Оценивая ее как «полупобеду или даже меньшую часть победы», В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что она сыграла большую роль в истории Турции, ускорив политическое пробуждение народных масс¹.

МЛАДОТУРКИ У ВЛАСТИ

Главной целью политики младотурок в период их пребывания у власти (1909—1918) было обеспечение благоприятных условий для широкого и быстрого развития капитализма в стране. Однако ограниченная социальная опора младотурецкого движения, незрелость турецкой национальной буржуазии, полукOLONиальная зависимость Османской империи от европейских держав определили непоследовательность курса партии «Единение и прогресс» и ограниченность достигнутых результатов.

Основное внимание младотурки сосредоточили на реформах государственного аппарата, армии, права и просвещения. Они полагали, что простое заимствование европейских порядков и институтов приведет к быстрому превращению турецкого общества в капиталистическое и остановит рост национализма среди нетурецких народов. Разумеется, подобные нововведения не могли дать тех положительных результатов, на которые рассчитывали их инициаторы из-за иных социально-экономических условий, существовавших в стране. К тому же сами младотурки, исходя из своих личных интересов, грубо попирали буржуазный правопорядок и законность.

Тесные связи младотурок с помещиками способствовали сохранению помещичьего землевладения при малоземелье основной массы крестьян. Ничего не было сделано для улучшения материального положения сельского населения, хотя в начале революции было обещано уничтожить ашар и упорядочить взимание налогов, помочь крестьянам в приобретении земли.

Не была избавлена страна и от такого пережитка средневековья, как угнетение нетурецких народов. Если в период борьбы с абдулхамидовской тиранией младотурки выдвигали лозунг «свободы, равенства и братства» всех народностей Османской империи, то, придя к власти, они сами стали душителями национально-освободительной борьбы арабских народов, армян, албанцев, курдов.

Под влиянием младотурецкой революции начался подъем рабочего и социалистического движения в стране. Появились первые профсоюзы и рабочие клубы. В Стамбуле, Салониках, Измире и других крупных городах прошли первые забастовки, направленные против как иностранных монополий, так и местных эксплуататоров. Рабочие требовали улучшения условий труда, увеличения заработной платы, часто поддерживали бойкот иностранных товаров. Важным событием политической жизни было создание в 1910 г. Османской социалисти-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 177.

ческой партии, выступившей не только за права рабочих, но и за национализацию принадлежавших иностранному капиталу железных дорог, банков и страховых компаний. Хотя рабочий класс был немногочислен (не более 45—50 тыс.) и сосредоточен главным образом в нескольких крупных городах империи, младотурки приняли все меры для подавления рабочего движения. Ряд законов, принятых в 1909 г., запрещал забастовки, деятельность профсоюзов и политических организаций, митинги и собрания. Еще в 1908 г. В. И. Ленин отмечал, что политика младотурок «враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов»¹.

Нежелание младотурецких лидеров осуществить антифеодальные и антиимпериалистические преобразования, их отход от прежних обещаний и готовность идти на компромисс с реакционерами и клерикалами вызвали широкое недовольство среди народных масс и способствовали росту оппозиционных настроений в стране. Падением авторитета младотурок воспользовались их политические противники, которые объединились вокруг созданной в 1911 г. партии «Свобода и согласие» (Хюрриет ве итилаф). Основную роль среди них играли представители дворцовой бюрократии, духовенства и компрадорской буржуазии. В 1912 г. итилафисты сумели добиться роспуска парламента, где преобладали младотурки, и привести к власти правительство, составленное из деятелей, находившихся в оппозиции к партии «Единение и прогресс». Оказавшись перед перспективой потери власти, младотурки в январе 1913 г. совершили государственный переворот. Группа молодых офицеров во главе с одним из участников младотурецкой революции 1908 г. Энвер-беем окружила здание, где собралось правительство, и, ворвавшись на заседание, расправилась с наиболее активными противниками младотурок. Установленный в стране диктаторский режим мало чем отличался от абдулхамидовского «зулума».

В своей внешней политике младотурки пытались освободиться от политического, экономического и военного диктата западных держав и создать более благоприятные условия для развития султанской Турции. Переговоры, которые велись в 1911—1913 гг., показали, что Англия, Франция и другие державы не соглашались пересмотреть условия капитуляций.

Заботясь об укреплении своих позиций, младотурки внесли значительные изменения в экономическую политику и пересмотрели идейную доктрину. Новая программа партии «Единение и прогресс», принятая в 1913 г., утверждала, что государство должно сыграть активную роль в развитии промышленности и сельского хозяйства. Закон «О поощрении промышленности» и некоторые другие мероприятия правительства, осуществленные после 1913 г., создавали более благоприятные условия для местного предпринимательства за счет освобождения от пошлин ввозимого оборудования, предоставления земельных участков для промышленного строительства, обеспечения кредитов. Однако все эти меры не избавляли от иностранной конкуренции и поэтому не могли существенно ускорить развитие промышленного производства. Достаточно сказать, что фабричное производство и машинная технология начали внедряться в текстильную промышленность почти сто лет спустя после того, как османский рынок оказался открытым для европейских товаров.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 223.

Были предприняты некоторые шаги для расширения сферы капиталистических отношений в деревне, в частности приняты законы о земельном кадастре, о порядке наследования недвижимого имущества и продажи государственных и вакуфных земель. Однако осуществлялись они младотурками крайне непоследовательно и не могли искоренить докапиталистические методы эксплуатации. Аграрная политика младотурок не обеспечила условий для подъема производительных сил в сельском хозяйстве.

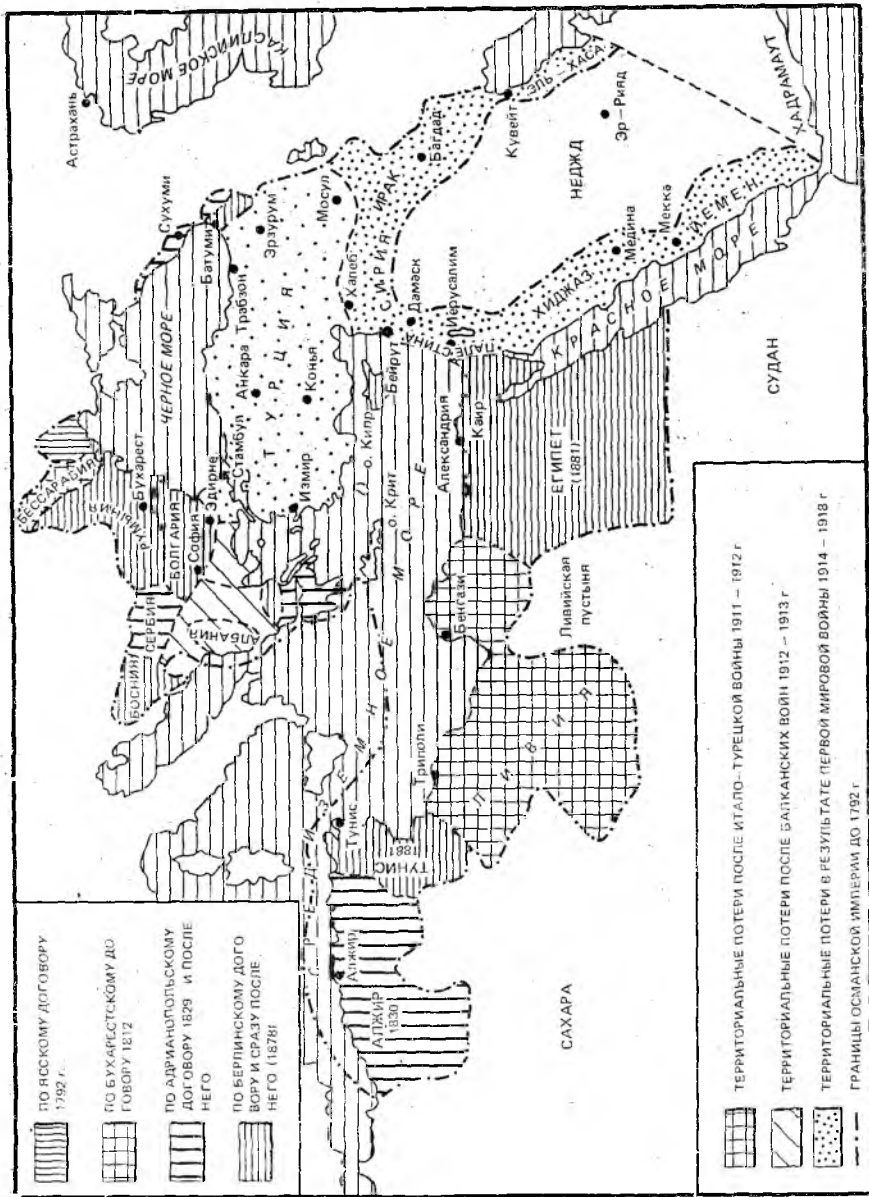
Стремясь подорвать господствующие позиции инациональных компраторов в экономике страны и расчистить путь для развития «своей» буржуазии, младотурки начали осуществлять политику жесточайших репрессий против греческого и армянского населения. Она проводилась «Особой организацией» партии, действовавшей в обстановке секретности, но пользовавшейся полной поддержкой правительства. Итогом этих террористических действий был упадок хозяйственной жизни в ряде районов империи.

ДАЛЬНЕЙШИЙ РАСПАД ИМПЕРИИ. ТРИПОЛИТАНСКАЯ И БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ

Вопреки всем усилиям младотурок, направленным на сохранение целостности Османского государства, борьба нетурецких народов за свое освобождение и растущие аппетиты империалистических держав вели к его дальнейшему распаду.

В борьбу за раздел османских территорий в начале XX в. включился и итальянский империализм, который, как однажды заметил Бисмарк, имел «аппетиты немалые, а зубы гнилые». Осенью 1911 г., получив согласие великих держав, Италия развязала захватническую войну за две последние африканские провинции империи — Триполитанию и Киренаику, представлявшие удобную базу для дальнейшей экспансии в Африке и восточной части Средиземноморья. Султанская Турция оказалась совершенно неподготовленной к войне: слабые гарнизоны не могли оказать серьезного сопротивления итальянским войскам, оснащенным артиллерией и даже авиацией. Переброска подкреплений оказалась невозможной из-за господства итальянцев на море и отказа англичан пропустить турецкие войска через Египет. Тем не менее военные действия приняли затяжной характер, поскольку местное арабское население начало партизанскую войну против захватчиков. Чтобы заставить Стамбул пойти на заключение мира, Италия оккупировала Додеканесские острова, ее флот бомбардировал Бейрут и ряд других морских портов, совершил нападение на Дарданеллы. По Уши-Лозаннскому мирному договору 1912 г. Порта была вынуждена отказаться от прав на Триполитанию и Киренаику, составивших в дальнейшем итальянскую колонию Ливию, не вернула Италия и Додеканесские острова, хотя по договору они подлежали возвращению Турции. Военные неудачи младотурок были умело использованы их противниками, и к власти пришла партия «Свобода и согласие».

Триполитанская война убедительно показала слабость Османской империи и ускорила выступление против нее коалиции балканских государств в составе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. Поводом к новой войне послужил конфликт, возникший в связи с отказом султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. В военных действиях, развернувшихся с октября 1912 г.,

Территориальные потери Османской империи в XIX — начале XX в.

350-тысячная турецкая армия столкнулась с вдвое ее превосходящими и лучше вооруженными войсками Балканского союза. Союзники одержали ряд крупных побед, наступление болгарских войск удалось остановить лишь недалеко от Стамбула. Правительству иттиляфистов пришлось обратиться к великим державам с просьбой о мирном посредничестве. Пока шли переговоры, младотурки в свою очередь использовали неудачи иттиляфистов, чтобы захватить власть путем военного переворота. Однако их попытки изменить ситуацию на Балканах успеха не имели. Завершивший первую балканскую войну Лондонский мирный договор (30 мая 1913 г.) свел турецкие владения в Европе к небольшой территории вокруг Стамбула и в зоне проливов. Независимым княжеством стала Албания.

Разногласия, вспыхнувшие между союзниками при разделе отвоеванных у Турции областей, стали причиной второй балканской войны (июнь — август 1913 г.). В ней Турция совместно с Румынией подержала Сербию, Грецию и Черногорию против Болгарии. Мирный договор, подписанный в Бухаресте после поражения болгар, вернул Порте Восточную Фракию с Эдирне.

Триполитанская и балканские войны, окончательно разрушив иллюзии «османизма», способствовали пересмотру политики младотурок в национальном вопросе. Крушение турецкого господства на Балканах оказало большое воздействие на освободительную борьбу народов, еще входивших в состав империи. Лидеры арабского национального движения выдвинули радикальную программу действий, предусматривавшую полное освобождение от турецкого владычества путем всенародного вооруженного восстания. В Сирии, Ливане, Палестине и Ираке начались массовые выступления против турецких властей. Национально-освободительное движение арабских народов имело очень важное значение для судеб империи, ибо после потери всех европейских провинций арабы стали второй по численности этнической группой в стране. В этих условиях младотурки признали значимость религиозных уз, связывающих мусульман империи, и стали активно пропагандировать идеи абдулхамидовского панисламизма.

Другой идеологической основой национальной политики младотурок стал пантюркизм. Эта концепция родилась на основе идей молодого турецкого национализма (тюркизма), наиболее ярким выразителем которых стал философ Зия Гёкалп (1876—1924). В противовес приверженцам панисламизма он обосновывал необходимость разделения светской и духовной власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации. Одним из условий достижения успеха на этом пути он считал объединение тюркоязычных народов в рамках единого государства. Подобные идеи получили широкую популярность в среде младотурок. Наиболее шовинистически настроенные их представители развили идеи Гёкалпа в пантюркистскую доктрину, которая требовала объединить под властью турецкого султана все тюркоязычные народы, призывала к насильственному отуречиванию или ликвидации всех национальных меньшинств в империи.

Надеясь использовать Турцию в борьбе с Россией и Англией, кайзеровская Германия активно поддерживала пантюркистские и панисламистские планы младотурок. Соответственно в турецких правящих кругах постепенно усиливалась прогерманская группировка. Ее роль особенно возросла после того, как в конце 1913 г. власть в Турции перешла в руки младотурецкого «триумvirата»: военного министра Энвер-паши, министра внутренних дел и председателя центрального комитета «Единение и прогресс» Талаат-паши, морского министра и гу-

бернатора Стамбула Джемаль-паши. Двое «старших партнеров» по триумвирату — Талаат и особенно Энвер — выступали за ориентацию на Германию, считая, что при ее поддержке Турция добьется освобождения от капитуляционного режима и осуществит свои пантюркистские планы. При активном содействии Энвера в 1913 г. в Турцию была приглашена военная миссия генерала Лимана фон Сандерса. С этого времени турецкая армия оказалась под контролем Германии.

ТУРЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918)

Сразу после начала первой мировой войны младотурецкое правительство пыталось в одностороннем порядке отменить режим капитуляций. Оно в течение некоторого времени воздерживалось от открытой поддержки Германии, надеясь, что страны Антанты, заинтересованные в нейтралитете султанской Турции, согласятся с этим решением. После того как эти надежды не оправдались, был подписан германо-турецкий военный союз. Германия предоставила своему союзнику военные займы и усилила турецкий флот двумя крейсерами «Гебен» и «Бреслау». По секретному приказу Энвер-паши германо-турецкий флот под командованием немецкого адмирала Сушона 29 октября 1914 г. напал на русские суда и обстрелял Севастополь, Феодосию и Новороссийск. Так младотурки вовлекли страну в мировую войну на стороне Германии, которая, по словам В. И. Ленина, «превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала!»¹.

Военные действия привели Османскую империю к полному военному и экономическому краху. По плану германского командования турецкие войска должны были вести наступательные операции против России на Кавказе и против Англии в Египте. Позже державы Антанты начали операции на месопотамском фронте и на Балканах. Здесь туркам пришлось держать оборону. В конце 1914 — начале 1915 г. русские войска в ходе сражений под Сарыкамышем разгромили турецкие армии Кавказского фронта, которыми командовал сам Энвер-паша. Развивая свой успех, русские части заняли в 1916 г. Восточную Анатолию, включая Эрзурум и Трабзон. В 1915—1916 гг. потерпели неудачу две попытки четвертой турецкой армии под командованием Джемаль-паши развернуть наступление на Суэцкий канал с целью захвата Египта. Успешными оказались лишь оборонительные действия турецких войск против англо-французского десанта в районе Дарданелл и отчасти в Ираке против экспедиционного корпуса генерала Таунсенда. С начала 1917 г. активизация действий английских войск на месопотамском фронте привела к сдаче турками Багдада. К концу того же года были захвачены практически все арабские территории, входившие в состав Османской империи.

За четыре года войны (с ноября 1914 по октябрь 1918) Турция исчерпала почти все свои людские ресурсы. Ее потери составили 3 млн человек (из 21 млн человек, живших в Османской империи к началу войны), в том числе 600 тыс. погибшими, около миллиона человек остались инвалидами. Основная часть людских потерь пришлось на долю сельского населения, особенно бедноты и среднего крестьянства. В результате резкого сокращения численности рабочей силы в деревне засеваемые площади сократились с 64 млн денюмов в 1914 г. до 25 млн в 1916 г. Огромный урон нанесла война животноводству: поголовье

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 247.

ската уменьшилось на 47%. Бедственное положение, в котором оказалось турецкое крестьянство, привело к недостатку продовольствия на внутреннем рынке, голоду и эпидемиям, вспыхнувшим в ряде районов страны. Резкий рост цен на продукты питания и военные налоги серьезно ухудшил положение трудящихся в городах.

Хозяйственные трудности, нехватка продовольствия и промышленных изделий были использованы младотурецкой верхушкой и турецкой буржуазией для своего обогащения. Спекуляция продуктами питания и топливом, взяточничество, казнокрадство приняли широкие масштабы. Особенно преуспели в разбазаривании государственных средств лица из окружения Энвер-паши и сам военный министр, за свои умеренные амбиции прозванный «Наполеончиком».

Разрыв торговых и экономических связей со странами Антанты, ослабление позиций компрадорской буржуазии, связанной с англо-французским капиталом, военная конъюнктура создали благоприятные условия для развития турецкой национальной буржуазии. За годы войны возникло около 90 новых акционерных обществ и компаний, принадлежавших турецкому капиталу, увеличилось число промышленных предприятий, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства, производством тканей, возросла добыча в ряде отраслей горной промышленности (угольной, хромовой, медной, серной). Активизации турецких предпринимателей способствовали правительственные меры по поддержанию и поощрению национальной промышленности. Введенный в 1915 г. таможенный тариф увеличивал ввозные пошлины до 30% стоимости товаров, тогда же было принято постановление о подчинении иностранных акционерных компаний турецким законам и о распространении льгот, предусмотренных законом «О поощрении промышленности», лишь на подданных империи. Правительство способствовало организации ряда кредитных банков.

Военное поражение, разруха в сельском хозяйстве, ухудшение материального положения народных масс и произвол властей привели к обострению внутривластного положения. В Стамбуле и других городах участились голодные бунты, усилилось недовольство хозяйничанием германских империалистов. Властями было раскрыто несколько заговоров против младотурецкого режима.

Стремясь ослабить недовольство населения политикой «триумvirата», правители страны начали разжигать среди турецкого народа вражду к армянам, грекам и другим национальным меньшинствам. В 1915 г. под предлогом «депортации» (вывода из прифронтовой полосы населения) младотурецкие власти истребили свыше 1 млн армян, оставшиеся в живых армянские семьи из восточных провинций были брошены в концлагеря или вынуждены были бежать за границу. Закон о «депортации» был применен и к греческому населению. Массовому истреблению подверглись айсоры, а также сирийские и ливанские арабы. Но все эти меры лишь усиливали ненависть народов империи к существующему режиму.

Младотурки явно вели страну к гибели, а турецкий народ — к национальной катастрофе. Еще до окончания войны державы Антанты подготовили планы раздела Османской империи. Их осуществление привело бы к ликвидации Турции как отдельного государства. Однако Октябрьская революция создала условия для сохранения турецкой государственности и перехода Турции на самостоятельный, национальный путь развития.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПОД КОЛОНИАЛЬНЫМ ГНЕТОМ

ПРЕВРАЩЕНИЕ СИРИИ, ЛИВАНА, ПАЛЕСТИНЫ И ИРАКА В ПОЛУКОЛОНИИ

К концу XIX в. в экономике Сирии, Ливана и Палестины господствующее положение приобретает иностранный, в основном французский, капитал. Иностранные империалисты постепенно превратили эти провинции Османской империи в аграрно-сырьевой придаток промышленных метрополий, в сферу приложения капиталов и рынок сбыта своих товаров. Сирия и Ливан поставляли фрукты, тростниковый сахар, коноплю, табак, хлопок и шелковую пряжу для французской и английской текстильной промышленности.

Большую роль в закабалении Сирии и Ливана играла французская табачная монополия «Режи», которая захватила не только скупку и продажу табака, но и регламентировала его производство. Любой человек, который хотел возделывать табак, должен был получить разрешение от монополии. Монополия через своих инспекторов подвергала осмотру все участки под табаком и определяла ожидаемый сбор. Весь урожай производителей должны были сдавать на склады «Режи». Никто не имел права ни продавать свой табак внутри страны, ни вывозить за границу. Табак экспортировали в основном в Англию. Из всех этих операций монополия извлекала огромные прибыли.

Банковская система также полностью контролировалась иностранным капиталом. В Сирии, Ливане и Палестине действовали многочисленные филиалы Оттоманского банка, французские, английские и немецкие банки, выкачивавшие многомиллионные прибыли: Англо-Палестинская компания (английское акционерное общество, основанное в 1902 г.), Коммерческий Палестинский банк, Салоникский банк, Лионский кредит, Германский Восточный банк, Германский Палестинский банк. Страховые операции в основном контролировались австрийскими финансистами. Иностранные компании захватили также морское судоходство.

Французскому капиталу принадлежали железные дороги, построенные в конце XIX — начале XX в., в том числе линии Яффа — Иерусалим, Бейрут — Дамаск, бейрутский порт, коммунальные предприятия в городах. Строительство железных дорог целиком было подчинено интересам иностранных капиталистов — экспортеров сельскохозяйственного сырья.

Экономическое положение Сирии и Ливана ухудшалось в связи с тем, что большая часть средств уходила на платежи по оттоманскому долгу, проценты по займам, на километрические гарантии, выплачиваемые турецким правительством иностранным компаниям при постройке железных дорог, и т. д.

Тяжелый гнет султанской Турции и иностранная кабала привели к тому, что в Сирии, Ливане и Палестине почти не было сколько-нибудь развитой промышленности. Местные мастерские и мануфактуры были заняты первичной переработкой сельскохозяйственного сырья. В целом в этих провинциях едва ли насчитывалось более десятка сравнительно крупных предприятий, да и те принадлежали в основном иностранным

капиталистам. Наплыв европейских фабричных товаров привел в упадок местное текстильное производство.

Несмотря на развитие технических культур, рост товарности сельского хозяйства, в целом аграрные отношения в Сирии, Ливане и Палестине характеризовались господством феодальных отношений. Земля принадлежала крупнейшим помещикам, на долю которых приходились три четверти всех пригодных для обработки площадей. Помещичьи земли, как правило, отдавались в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Арендная плата, в зависимости от условий договора, составляла от одной трети до половины урожая.

Крестьяне платили многочисленные налоги: на землю, скот, дорожный налог и т. д. Система откупов, процветавшая во всех провинциях Османской империи, доводила крестьян до полного разорения. Часть налогов крестьяне должны были платить деньгами, что усиливало их зависимость от ростовщиков. Господство иностранного капитала и монополий на скупку и продажу сельскохозяйственных продуктов еще более ухудшило положение крестьян Сирии, Ливана и Палестины.

В стратегически важном районе Палестины, примыкавшем к зоне Суэцкого канала, сталкивались интересы ведущих империалистических держав. Каждая держава стремилась использовать конфессиональную ситуацию для укрепления своих позиций в этом районе. Кроме того, различные иностранные компании, а также финансовые органы сионистского движения приступили к интенсивной скупке земель у арабских помещиков и крестьян Палестины. В конце XIX в. на этих землях основывались поселения главным образом еврейских и немецких колонистов — это было начало сионистской и германской колонизации Палестины. Десятки еврейских поселений использовались как очаги сионистской экспансии на Ближнем Востоке. Немецкие колонистские центры представляли собой важный канал усиления влияния Германии в Палестине. Помимо этих центров Германия использовала свои связи с центральным османским правительством — Портой — для вторжения на Ближний Восток.

Последняя четверть XIX и начало XX в. отмечены интенсивным проникновением иностранных монополий в Ирак. Морской и речной транспорт, банковское дело, внешняя торговля, обрабатывающая промышленность перешли под контроль европейских, в основном английских, капиталистов.

Речное судоходство по Тигру, Евфрату и Шатт аль-Арабу в 1861 г. захватила английская компания Линча. В следующем году было установлено регулярное морское сообщение между Индией и портами Персидского залива. В 90-е годы в Ираке действуют около 10 иностранных транспортных компаний. Англичане соорудили в Ираке телеграфные линии. В 80-х годах XIX в. в Багдаде и Басре обосновались отделения Оттоманского банка, основанного на английском капитале. В начале XX в. английская компания полностью монополизировала судоходство по Тигру.

Англичане не были безраздельными хозяевами в Ираке. Им пришлось вести борьбу с капиталистами Франции, Бельгии, Италии. Однако их главным конкурентом выступил германский империализм. Немецкие юнкеры и капиталисты проектировали широкую колонизацию азиатских провинций Османской империи, мечтали превратить Ирак в житницу Германии и ее хлопковую плантацию. Германское проникновение осуществлялось по военным, экономическим и политическим каналам.

В конце 80-х годов XIX в. немцы основали в Ираке крупнейшую транспортную компанию по строительству Багдадской железной дороги, имевшей как экономическое, так и стратегическое значение. В. И. Ленин расценивал Багдадскую дорогу как важнейшее колониальное предприятие германского империализма. Путем строительства этой транспортной артерии Германия рассчитывала овладеть подступами к Кавказу, Ирану и Индии. Однако решительное сопротивление англо-французских капиталистов тормозило продвижение германских монополий на Ближний Восток. К началу первой мировой войны общая протяженность построенной дороги составила всего лишь 160 км.

Большую роль в экономике страны играла внешняя торговля, которая в основном шла через Басру. Главную статью экспорта составляли финики и зерновые. За первое десятилетие XX в. было вывезено свыше 5 млн пудов пшеницы, риса и ячменя. В импорте основное место занимали текстильные товары, хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани.

Англия занимала первое место в экспорте и импорте Ирака. В городах и портах страны находились конторы крупных европейских, в основном английских, фирм. Представители этих фирм устанавливали цены на все экспортируемые товары. В начале XX в. на Англию приходилось примерно две трети иракского импорта; около трети иракского экспорта шло в Англию и английские владения в Индии. Активную деятельность в Ираке развернула французская табачная монополия «Режи». Эта монополия имела в Ираке свыше 30 отделений.

В Ираке почти отсутствовала промышленность в современном смысле слова, а ремесленное производство не выдерживало конкуренции с изделиями европейской фабричной промышленности. В то же время ничтожная покупательная способность иракского крестьянства сужала внутренний рынок. Под напором европейских товаров в полный упадок пришло ткачество. Значительно сократилось производство обуви, медных изделий. Прекратилась кустарная добыча нефти. Сохранялись лишь те отрасли, которые удовлетворяли потребности населения в специфических восточных изделиях.

В общественном строе Ирака господствовали феодальные отношения. Огромные площади плодородных земель не обрабатывались, так как османские правители страны не заботились о восстановлении или содержании оросительных систем. Иракское крестьянство находилось под гнетом помещиков, сосредоточивших в своих руках обширные земельные владения. Крупнейшими землевладельцами были османские султаны. Султану Абдул-Хамиду II принадлежало в Багдадском вилайете 30%, а в Басорском — 40% всей обрабатываемой земли. От светских феодалов не отставало и мусульманское духовенство. Большую роль в эксплуатации крестьян играли вожди племен.

Втягивание Ирака в мировую торговлю, увеличение экспорта продукции земледелия дали некоторый толчок развитию сельскохозяйственного производства. Однако Ирак все еще оставался аграрной страной с примитивной техникой и отсталыми методами ведения хозяйства. К моменту первой мировой войны Ирак представлял собой полуколонию английского империализма.

УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В АРАВИИ

Наступление империализма на арабские страны не миновало даже самых отдаленных и отсталых районов Аравийского полуострова. После

открытия Суэцкого канала (1869) Аравийское побережье оказалось расположенным на главном морском пути из Европы в Азию. Англия давно захватила ряд опорных баз на этом побережье. Задолго до открытия канала она владела Аденом, держала под своим фактическим протекторатом Оман и племена Договорного Омана. Другие державы — Франция, Россия, Германия — также стремились приобрести базы на побережье Аравийского полуострова. Порта пыталась противодействовать английской экспансии и восстановить свою власть над самостоятельными феодальными княжествами и племенами Аравии.

В 1871 г. англичане решили навязать протекторат шейхам полуострова Катар. В ответ на это Мидхат-паша, бывший тогда губернатором Ирака, направил османские войска в Катар, аль-Хасу и Кувейт. Эти области, расположенные на побережье Персидского залива, составили новый округ Османской империи — санджак Неджд. Его название, совпадающее с названием Ваххабитского государства, свидетельствовало о намерении Османской Турции присоединить к своим владениям и внутренние районы Аравии. В то же время турки организовали военную экспедицию в горный Йемен. В 1872 г. османские войска в боях с местными племенами завоевали эту южноаравийскую область, повсюду разместили свои гарнизоны и обложили население налогами. Йемен был превращен в вилайет Османской империи. Попутно турки захватили Асир.

Англия пыталась укрепить свои позиции в Южной Аравии. Ее военный флот крейсировал вдоль побережья Хадрамаута, наводя ужас на прибрежные города и селения, и принуждал местных шейхов принимать английское «покровительство». Под угрозой английских пушек султаны и шейхи Хадрамаута один за другим принимали британский протекторат. В середине 80-х годов англичане захватили остров Сокотру.

Одновременно Англия расширяла сферу своего влияния в зоне Персидского залива. В 1873 г. она навязала новые неравноправные договоры оманскому султану и шейхам Договорного Омана, в 1880 г. заключила соглашение с шейхом Бахрейна, который обязался не поддерживать дипломатических отношений ни с кем, кроме Англии. Это соглашение было направлено против притязаний Османской Турции и Ирана на Бахрейн. Оно ставило Бахрейн в полную зависимость от Англии, закрепленную пребыванием английского флота в бахрейнских водах.

В 1886 г. в Омáne вспыхнуло восстание племен против ставленника Англии — местного султана. Его столица была осаждена повстанцами. Английский флот помог султану подавить восстание.

В конце XIX в. Персидский залив стал объектом напряженной борьбы империалистических держав. В 1891 г. в ответ на попытки Франции установить свое влияние в Омáne Англия принудила оманского султана подписать новый неравноправный договор. Султан обязался «за себя, своих наследников и потомков никогда не уступать, не продавать, не закладывать и не отдавать в оккупацию свои владения никому, кроме британского правительства». Такой же договор, направленный против притязаний Франции, был навязан в 1892 г. шейху Бахрейна.

В 1892 г. французам удалось получить в аренду морскую базу в Омáne. Англия тотчас же направила свой флот к столице Омана — Маскату и, угрожая смести город с лица земли, добилась от местного султана отмены французской концессии. На этой почве возник острый англо-французский конфликт, и Франция в конце концов вынуждена была отступить.

В 1899 г. германские капиталисты получили предварительную концессию на постройку и эксплуатацию участка Багдадской железной дороги от Коньи через Багдад до Персидского залива, предположительно до Кувейта. Для англичан это не было неожиданностью, и они подготовились заранее. Еще в 1896 г. Англия организовала переворот в Кувейте: местный шейх, признававший власть Османской Турции, был убит. Вместо него шейхом Кувейта стал его убийца, ставленник Англии. В 1899 г. он заключил тайное соглашение со своими британскими покровителями, дав обязательство «за себя, своих наследников и потомков» никогда не уступать своих владений никому, кроме Англии.

Попытки Германии получить в Кувейте морскую базу и обеспечить выход туда строящейся Багдадской железной дороги привели к острому конфликту с Англией. В августе 1901 г. османский султан по совету Германии направил в Кувейт свои войска. Английский крейсер, стоявший в бухте Кувейта, не дал им высадиться на берег. Англия добилась от Порты обязательства не посылать впредь своих войск в Кувейт.

Чтобы укрепиться в тылу Кувейта, Англия спровоцировала войну между кувейтским шейхом и его соседом — шаммарским эмиром, который был вассалом Порты. Эмиры Шаммара из династии Рашидидов в 1885 г. изгнали из ваххабитского Неджда его правителей и присоединили эту область Центральной Аравии к своим владениям. Ваххабитские вожди, нашедшие убежище в Кувейте, приняли активное участие в войне с Шаммаром. В результате этой войны Ибн Сауд, сын последнего ваххабитского эмира Абд аль-Азиза, занял в 1902 г. бывшую ваххабитскую столицу ар-Рийяд, восстановил Ваххабитское государство в Неджде и провозгласил себя эмиром. В постоянных войнах с Османской Турцией и Шаммаром он значительно расширил свои владения. Английские агенты находились в противоборствующих лагерях и поддерживали как анти, так и проваххабитские коалиции в зависимости от обстоятельств.

В мае 1903 г. английский министр иностранных дел Ленсдаун выступил со следующей декларацией о Персидском заливе: «Мы будем рассматривать установление морской базы или укрепление порта в Персидском заливе любой другой державой как весьма серьезную угрозу британским интересам и будем сопротивляться ей всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении».

Эта декларация, провозгласившая Персидский залив монопольной сферой влияния британского империализма, была направлена против притязаний не только Германии, но также России и Франции. В этот период Россия и Франция организовали в Персидском заливе ряд совместных военно-морских демонстраций. Их суда посетили Маскат, Кувейт и другие порты, чтобы «придать смелость тем, кому угрожали английские пушки». Однако появление русских и французских судов в Персидском заливе было лишь временным эпизодом, в то время как английский флот располагал здесь постоянными базами. Демонстрируя господство Англии над заливом, вице-король Индии лорд Керзон посетил в конце 1903 г. прибрежные княжества. Он возвестил местным шейхам твердое намерение Англии сохранить свою власть над ними.

После заключения англо-французского соглашения 1904 г. и англо-русского соглашения 1907 г. Франция и Россия отказались от борьбы с Англией за Персидский залив. Но англо-германская борьба вспыхнула с новой силой накануне первой мировой войны, когда строительство Багдадской железной дороги приближалось к концу, и в связи с этим вопрос о Персидском заливе вновь стал актуальным.

В результате этой борьбы Германия была вынуждена отказаться от продолжения строительства Багдадской железной дороги и выведения ее ветки к Персидскому заливу; Османская Турция признала особые соглашения Англии с шейхом Кувейта и отказалась от притязаний на Бахрейн. Османские войска были изгнаны с побережья Персидского залива проанглийски настроенным ваххабитским эмиром Ибн Саудом.

ФИНАНСОВОЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ ЕГИПТА. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ

Постройка Суэцкого канала слишком дорого обошлась египетскому народу. Первые государственные займы в истории Египта были связаны с расходами на строительство канала. Иностранные банкиры Опенгейм, Фрюлинг и Гошен, Ротшильд, Бишофсхейм и другие предоставляли деньги египетскому правительству на кабальных условиях под ростовщические проценты. По некоторым займам приходилось платить 15—25% годовых, что в 1,5—2 раза превышало обычные процентные ставки.

Египет ни разу не получил полную сумму займа, так как банки оставляли у себя значительную часть в качестве «гарантий», «комиссионных», «обеспечения риска», а проценты исчислялись с номинальной суммы. Только английские банки за 11 лет (1862—1873) навязали Египту в долг 68 млн ф. ст. Однако реально было получено 46 млн. К 1876 г. номинальная сумма внешнего долга Египта достигала 94 млн ф. ст. Из этих огромных сумм только около 6 млн было израсходовано внутри Египта, на сооружение фабрик, заводов и школ. Остальное было истрачено на строительство Суэцкого канала (16 млн ф. ст.), выплачено в виде процентов по долгам (50 млн) и осело в банках как комиссия разница (22 млн).

К середине 70-х годов XIX в. на уплату одних только процентов по займам уходило до 60—80% доходов страны. Для покрытия ежегодных платежей приходилось прибегать к новым займам, увеличивать налоги. Земельный налог возрос вчетверо, однако поступления в бюджет страны не обеспечивали даже текущих нужд государства. В 1871 г. египетское правительство было вынуждено издать так называемый «закон о мукабале» (возмещение, компенсация). По этому закону собственники, уплатившие единовременно в шестикратном размере поземельный налог, на вечные времена освобождались от уплаты половины налога. Таким путем было получено 15 млн ф. ст. В 1874 г. был выпущен внутренний заем на 5 млн ф. ст., не подлежащий погашению. Подписавшиеся на этот заем обеспечивались 9%-ной пожизненной рентой. Эти чрезвычайные меры не могли покрыть всех расходов Египта по займам, и египетское правительство было вынуждено принять решение о продаже своей доли акций Суэцкого канала. Затруднительным положением египетского правительства воспользовался английский премьер-министр Дизраэли и на деньги казны тайно от парламента за 4 млн ф. ст. купил эти акции, составлявшие почти 45% всего акционерного капитала. В феврале 1875 г. английский парламента единодушно одобрил действия премьер-министра. Эти акции в 1910 г. оценивались уже в 35 млн ф. ст. С покупкой египетской доли акций английский парламента стало самым крупным акционером компании Суэцкого канала, что поставило Англию в исключительное положение по сравнению с ее колониальными соперниками. С этого времени англичане перешли от политики противодействия влиянию Франции к полному ее вытеснению из Египта.

В 1876 г. Египет, доведенный до банкротства, прекратил платежи по долгам. Это дало повод европейским державам вмешаться в его финансовые дела. Была создана «комиссия хедивского долга» из представителей Франции, Италии и Австрии. Комиссары должны были обеспечить своевременные платежи по займам. Англия первоначально не смогла договориться с Францией и не назначила своего комиссара.

В мае 1876 г. был издан хедивский указ о сведении всех долгов в один консолидированный долг, подлежащий погашению в течение 65 лет под 7% годовых. В качестве гарантии этого долга в ведение комиссии выделялся поземельный налог с четырех богатейших провинций Нижнего Египта, поступления с таможен Каира и Александрии, табачные акцизы и доходы с имений хедива Исмаила.

В этом же году англичане и французы договорились о посылке совместной комиссии, которая добилась пересмотра указа о консолидации. Весь долг был разделен на 4 части с различными процентами и гарантиями. Кроме того, комиссары вынудили хедива назначить английского чиновника генеральным контролером над доходами, а французского — генеральным контролером над расходами страны.

Для уплаты процентов были уменьшены расходы на содержание двора, на жалованье чиновникам, сокращена армия, за год вперед были собраны все налоги. В 1877 г. для оплаты только июльского купона англичанам была предоставлена концессия на разработку нефти, на использование древних гробниц под склады удобрений. На 100% были увеличены железнодорожный тариф и таможенные пошлины на товары, поступающие через Александрию, и все же средств не хватало. В этом году общий доход государства составил 9,5 млн ф. ст., а кредиторам было уплачено 7,4 млн. В стране начался страшный голод.

В апреле 1878 г. была образована международная комиссия для обследования финансов Египта. Номинально ее возглавлял Фердинанд Лессепс, фактически же всеми работами руководил заместитель Лессепса англичанин Риверс Вильсон. Комиссия вынесла решение о передаче всех личных имений хедива Исмаила лондонскому банкиру Ротшильду в обеспечение нового займа. Кроме того, комиссия постановила отстранить хедива от непосредственного управления государством и создать совет министров с участием европейцев.

Хедив был вынужден согласиться на эти требования и в августе 1878 г. назначил новый кабинет министров. Кабинет возглавил крупный помещик (армянин по происхождению) Нубар-паша, связанный с иностранными банкирами. Министром внутренних дел был назначен реакционер Ряз-паша — прислужник англичан. Риверс Вильсон занял пост министра финансов, представитель Франции — пост министра общественных работ, представитель Австрии был назначен генеральным контролером, а Италии — товарищем министра.

Финансовое закабаление страны закончилось фактически потерей и политической самостоятельности.

ЕГИПЕТ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ АРАБИ-ПАШИ

Установление европейского финансового контроля над страной, захват важнейших государственных должностей европейцами вызвали серьезную оппозицию среди всех слоев египетского общества. Гнет иностранного капитала испытывали крестьяне, вынужденные платить непомерные налоги для погашения процентов по внешним займам. Не-

довольство охватило купцов, ремесленников, армейских офицеров. Мобилизация средств на уплату долгов коснулась всех.

Первоначально виновником всех бед недовольные считали хедива Исмаила. Однако по мере развертывания деятельности европейских контролеров и комиссаров и особенно после создания «европейского кабинета» стало ясно, что главный враг.

Оппозицию возглавили представители интеллигенции и армейские офицеры. Они создавали тайные общества, именовали себя «ватанистами», т. е. патриотами. Ватанисты впервые выдвинули лозунг «Египет для египтян». Выдающимся деятелем патриотического движения был Ахмед Араби, армейский офицер, выходец из крестьян. Идеологами освободительного движения выступили Мухаммед Абдо, Адиб Исхак, Абдаллах ан-Надим и др. В большинстве они были учениками выдающегося политического и религиозного деятеля Джамаль ад-Дина аль-Афгани.

Ватанисты стали издавать оппозиционные газеты, на страницах которых критиковалась политика хедива и «европейского кабинета». К ним присоединились многие депутаты египетского парламента из либеральных помещиков. Они выступали с умеренными требованиями: за конституцию и ответственное правительство.

В феврале 1879 г. для обеспечения бесперебойных платежей иностранным кредиторам «европейский кабинет» вынес решение уволить 2,5 тыс. офицеров и не платить им прежней задолженности. Это вызвало взрыв негодования. Уволенные офицеры организовали военную демонстрацию, арестовали Нубар-пашу и Риверса Вильсона и заперли их в здании министерства финансов. Прибывший туда хедив Исмаил не смог успокоить офицеров. Вызванные им войска стреляли в воздух. Только получив обещание удовлетворить их требования, офицеры освободили Нубара и Вильсона.

Выступление офицеров показало силу антианглийских настроений в стране. Правительство было вынуждено пойти на уступки. Нубар-паша был удален в отставку, отменен приказ об увольнении офицеров, и им была выплачена вся задолженность. Однако все иностранцы сохраняли за собой правительственные посты, представители Англии и Франции присвоили право налагать вето на любое решение правительства, которое в какой-то мере могло ущемить права кредиторов.

Считая, что внутренние разногласия улажены, Риверс Вильсон поспешил провести в жизнь свой финансовый план, по которому предельно ограничил прерогативы египетского хедива и правительства. Он предлагал утвердить законом передачу хедивских имений долговой комиссии, сократить расходы на годовое содержание хедива. Однако самым главным мероприятием предполагалось увеличение налогов как с крестьянских, так и с помещичьих земель.

План Вильсона предусматривал также отмену внутренних займов, по которым египтяне одолжили казне большие суммы. Он хотел только частично вернуть держателям внутренних займов их деньги, и то в рассрочку, в течение 50 лет. В марте 1879 г. был издан указ об аннулировании закона о мукабале и внутреннего займа 1874 г. Эта мера непосредственно задевала интересы большей части египетских помещиков и состоятельных крестьян, которые в свое время купили облигации займов.

Многочисленные петиции, собрания и митинги, протесты депутатов парламента, повсеместные выступления против финансовой политики иностранцев дали возможность хедиву Исмаилу удалиться в отставку

«европейский кабинет» и создать национальное правительство во главе с либерально настроенным помещиком Шериф-пашой.

Национальное правительство выработало свой финансовый план и приступило к разработке первой египетской конституции. Были уволены с правительственных постов многие европейские чиновники. Политика национального кабинета носила ярко выраженный антииностраный характер. Новое правительство признавало действительными все обязательства по внутренним займам и временно снизило процент по внешнему долгу до 5.

На предложение английского консула вернуть на прежние должности европейских министров Исмаил ответил отказом. Тогда почти все европейские правительства опротестовали его действия. Англия и Франция обратились к нему с ультиматумом о добровольном отречении от престола. В этом случае они обещали передать трон его сыну Тауфику, а ему назначить пенсию. Этот ультиматум был поддержан Германией, Австрией, Италией и Россией.

Исмаил попытался заручиться поддержкой турецкого султана, но Абдул-Хамид II, не желая обострять отношения с европейскими державами, послал в Египет телеграмму, в которой ставил в известность хедива о его низложении и о назначении Тауфика правителем страны.

Новый хедив целиком находился под влиянием англичан. Он сформировал национальное правительство, восстановил европейских министров, а премьер-министром назначил английского ставленника Рияз-пашу. Фактически страной управлял английский представитель в долговой комиссии майор Беринг (лорд Кромер).

В 1880 г. в жизнь был проведен финансовый план Вильсона, по которому отменили мукабалу, был введен дополнительный поземельный налог. Все налоги стали взимать деньгами. Половину египетских доходов Вильсон выделил для покрытия процентов по государственному долгу. Однако даже эти чрезвычайные меры не дали иностранным финансовым контролерам желаемых результатов. В том же году была создана так называемая ликвидационная комиссия, которая зафиксировала всю сумму египетского долга в 98 млн ф. ст. и выделила 60% государственных доходов на удовлетворение требований кредиторов. Новое усиление гнета иностранных финансистов, сформирование реакционного правительства вызвали возмущение всех слоев египетского общества. Патриоты активизировали свои действия, стали создавать политические организации, призванные возглавить освободительную борьбу.

Еще в начале 1879 г. в Александрии было основано тайное политическое общество «Молодой Египет», которое выступило перед общественностью с проектом реформ буржуазного характера. Оно просуществовало до начала 1880 г. В конце 1879 г. заявила о себе политическая организация, получившая название Национальная партия (аль-Хизб аль-Ватаний). На первых порах в ней были объединены социальные группы, которые выразили свой антиколониальный протест путем подписания в апреле 1879 г. манифеста о праве египтян управлять своей страной. Либеральных помещиков и купцов, недовольных засильем иностранцев, возглавил бывший премьер-министр Шериф-паша, создавший свою политическую организацию. Она не предлагала коренной ломки существующих порядков, ратовала за умеренную конституционную монархию, за сохранение помещичьего землевладения и за соглашение с иностранными капиталистами, но вместе с тем выступала против реакционного кабинета Рияза и финансовых планов Вильсона.

Патриотически настроенные офицеры и интеллигенция под руководством Араби-паши объединились в решительной борьбе против иностранного гнета и господства помещичьей знати. Араби-паша и его сторонники поддерживали антифеодальное движение египетского крестьянства.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ АХМЕДА АРАБИ-ПАШИ

Инициативу выступления против иностранного гнета взяли армейские офицеры под руководством Ахмеда Араби-паши. Непосредственным поводом для выступления послужили: длительная невыплата жалованья, посылка солдат на принудительные работы и злоупотребления, связанные с присвоением офицерам военных чинов.

Араби-паша

В мае 1880 г. группа офицеров во главе с Араби обратилась с протестом к военному министру. Формально жалоба офицеров была признана справедливой, но военное министерство начало открытое преследование офицеров — выходцев из феллахов и в массовом порядке повышало в званиях офицеров из высших слоев «турецко-черкесской» знати. В январе 1881 г. Араби и его группа вновь обратились с петицией уже в Совет министров. Она содержала требования отставки военного министра и тщательного расследования практики повышения офицеров в чинах. Эта петиция вызвала переполох в совете министров. Было решено заманить в военное министерство Араби и его сторонников, арестовать их и судить военным судом. Но каирские полки окружили здание министерства и освободили арестованных. Восставшие полки отправились к хедивскому дворцу и вновь потребовали отставки военного министра.

В то же время лидеры восстания выпустили прокламацию, в которой объяснили случившееся народу и повторили свои требования. Это было уже обращение к общественному мнению в столице. Военный министр был смещен, на его место назначен известный ватанист и конституционалист Махмуд Сами аль-Баруди. Была создана также комиссия с участием Араби для расследования практики чиновничества в армии. Этими уступками хедив Тауфик решил обмануть восставших, которые первоначально не пошли дальше чисто профессиональных требований и не попытались произвести какие-либо изменения в управлении страной.

Но именно эти события поставили армейских офицеров перед политическим вопросом и показали им, что без серьезных изменений в политическом положении страны невозможно добиться никаких улучшений. В этот период происходит сближение Араби-паши со многими политическими деятелями, представителями национальной интеллигенции.

Правительство попыталось мирным путем уладить конфликт, стало своевременно выплачивать жалование офицерам и делало вид, что устанавливает справедливый порядок в присвоении чинов. В то же время хедив и его европейские советники считали необходимым избавиться от Араби-паши, который за короткое время стал самым популярным человеком в стране. Было решено удалить мятежные полки из столицы в Александрию и Дамьетту. Военный министр Махмуд Сами опротестовал этот проект, однако он получил отставку и на его место был назначен один из крайних реакционеров.

В сентябре 1881 г. был отдан приказ об отправке полков. Араби отказался подчиниться приказу, вновь поднял восстание, и полки каирского гарнизона двинулись к хедивскому дворцу. На этот раз Араби-паша потребовал отставки реакционного правительства, введения конституции, созыва парламента и увеличения численности армии. Хедив капитулировал и принял все его требования.

Весть о победе армии с радостью была воспринята по всей стране. Английский историк Блэнт, который в это время находился в Египте, следующим образом описывает обстановку: «Все национальные партии и, на время, все население Каира были объединены стремлением осуществить великую национальную идею».

Однако Араби-паша не до конца последовательно настаивал на осуществлении своих первоначальных требований и во многих вопросах пошел на уступки умеренным элементам в национальном движении. После переворота в Египте было создано правительство под председательством либерального помещика Шериф-паши. Под прикрытием либеральных фраз он продолжал реакционную политику прежнего правительства, сохранил двойственный контроль и готовился нанести удар по ватанистам. В октябре 1881 г. он добился удаления из Каира тех полков, при помощи которых Араби осуществил переворот.

В декабре 1881 г. открылось заседание парламента. Основным вопросом, вокруг которого разгорелись ожесточенные споры, был вопрос о прерогативах законодательных органов и о их правах контролировать бюджет. Многие депутаты требовали полного контроля бюджета, в то время как Шериф-паша выдвинул проект, по которому из компетенции парламента изымались дань Порте, государственный долг и все расходы, связанные с ним. Парламент мог обсуждать только оставшуюся часть, но при этом не мог ничего решать, а имел только совещательный голос.

Европейская дипломатия враждебно встретила переворот и дальнейшие действия правительства. В Англии раздавались голоса даже за немедленную оккупацию Египта. Между Англией и Францией начались переговоры о необходимых акциях. Главный вопрос, который интересовал европейских кредиторов, — это прерогативы парламента по отношению к бюджету. В январе 1882 г. представители Англии и Франции официально объявили египетскому правительству от имени обеих держав, что парламент не сможет утверждать бюджет, не нарушая декретов, узаконивших иностранный контроль над финансами страны. Шериф-паша был склонен согласиться с требованиями держав. Тогда парламент направил к хедиву делегатов, которые потребовали роспуска правительства Шерифа и формирования нового правительства. В феврале 1882 г. Шериф был уволен в отставку. Премьер-министром был назначен Махмуд Сами, которого выдвинул парламент на этот пост, а военным министром Ахмед Араби.

Таким образом, в результате совместных выступлений армии и парламента власть в стране перешла к патриотически настроенным пред-

ставителям офицерства и интеллигенции. Новое правительство приступило к осуществлению своих планов. Был опубликован так называемый «Органический закон», который гарантировал права парламента. Это означало упразднение англо-французского контроля над финансами страны. Была начата разработка более демократического избирательного закона, подготовлены законопроект об уничтожении принудительного труда, о создании сельскохозяйственного банка и реформе смешанных судов, об улучшении системы народного образования, о преобразовании администрации, предприняты реальные меры по увеличению численности армии и улучшению материального положения солдат и офицеров.

По новому закону депутаты в течение сессии получали право контролировать деятельность государственных служащих и через председателя парламента сообщать соответствующим министрам о всех обнаруженных злоупотреблениях. Кроме того, любое соглашение государства с третьим лицом об аренде земли или о концессиях могло считаться действительным только после утверждения парламентом. Была учреждена специальная комиссия, которая должна была расследовать дела, связанные с земельной переписью, проводившейся англичанами. За три года после начала переписи земель были израсходованы огромные средства, но безрезультатно. Создание нового правительства и его мероприятия активизировали крестьянское движение. Среди крестьянских масс агитационную работу вели представители ватанистов. На собраниях феллахов выдвигались лозунги об отмене долгов, о ликвидации государственного долга, о восстановлении мукабалы.

Переход власти в руки офицеров-ватанистов вызвал недовольство феодально-помещичьих кругов, которые организовали заговор против нового правительства с согласия хедива, Шериф-паши и бывшего военного министра. Заговор был раскрыт, его руководителей судили и приговорили к ссылке. Однако хедив смягчил приговор и ссылку заменил высылкой из Каира. В ответ ватанисты решили свергнуть хедива и обратились с этим предложением к парламенту. Депутаты проявили нерешительность и попытались примирить хедива с правительством. Хедив хотел удалить в отставку Махмуда Сами, но это ему не удалось, никто из министров не ушел в отставку, в то же время никто из хедивского окружения не решился сформировать новое правительство.

В мае 1882 г. Англия и Франция направили в Александрию военные суда под предлогом охраны жизни своих подданных. Они предъявили хедиву ноту с требованием отставки правительства Махмуда Сами аль-Баруди и отъезда Араби из Египта. Теперь, когда англо-французские военные суда находились в Александрии, хедив согласился с ультиматумом и издал указ об отставке правительства. Немедленно были отправлены циркуляры провинциальным губернаторам, которым предписывалось распустить резервные войска и прекратить рекрутский набор. Однако военный гарнизон и полиция Каира отказались подчиниться распоряжению хедива. Офицеры Александрийского гарнизона предъявили требование восстановить правительство в течение 12 часов, иначе они снимали с себя ответственность за общественное спокойствие.

Каирское население живо откликнулось на это событие. Была послана депутация к хедиву от жителей различных вероисповеданий: мусульман, христиан и иудеев с требованием немедленно восстановить Араби и всех уволенных. По всей стране проходили собрания и демонстрации с требованием низложения хедива и восстановления правительства ватанистов. Под давлением армии и народа хедив вынужден был уступить. Араби восстановили в должности военного минист-

ра, и он сосредоточил в своих руках всю полноту реальной власти в стране. Для европейских держав это было большим ударом. Франция, боявшаяся односторонних действий Англии, выдвинула предложение о созыве международной конференции по египетскому вопросу. Англия тайком от Франции посоветовала Тауфику обратиться за помощью в Стамбул.

Османский султан в ответ на обращение египетского правителя прислал двух своих представителей для урегулирования конфликта, однако их миссия окончилась неудачей. Араби-паша категорически отказался принять предложение выехать в Стамбул, где ему обещали крупный пост, и угрожал оказать вооруженное сопротивление в случае интервенции. К турецкому представителю явились главные шейхи аль-Азхара в сопровождении большого числа знатных лиц Каира и передали ему петицию, подписанную 10 тыс. человек, о низложении Тауфика. Петиции аналогичного содержания посылались и из других местностей.

В начале июня в Александрии произошли столкновения между христианами и мусульманами, которые были подготовлены губернатором города по предписанию хедива. Толпы возмущенных мусульман начали громить дома европейцев. С обеих сторон были большие потери. Этот инцидент был спровоцирован, чтобы дискредитировать Араби и его приверженцев и создать предлог для вмешательства европейских держав. Однако события приняли такой оборот, что многие европейские консулы стали требовать отзыва британского представителя и удаления флота. Французский, германский, австрийский генеральные консулы стали требовать примирения с Араби. Они также настаивали, чтобы хедив облек Араби всей полнотой власти для восстановления общественного порядка. Тауфик был вынужден согласиться на это предложение. 17 июня было сформировано новое правительство, в котором Араби вновь занял пост военного министра.

Французский консул даже считал возможным «уладить египетский вопрос, вступив в соглашение с Араби». Однако английское правительство придерживалось противоположной точки зрения. Оно заявило, что «никакое прочное и удовлетворительное положение не может быть достигнуто до тех пор, пока не будут свергнуты Араби-паша и военная партия в Египте».

23 июня 1882 г. в Стамбуле открылась конференция с участием европейских держав по египетскому вопросу, созванная по инициативе Франции. Участники конференции, опасавшиеся односторонних действий Англии, провели следующее решение: османский султан обязывался послать в Египет на три месяца войска для поддержания порядка, а расходы на оккупацию возлагались на Египет. Эта нота сначала была послана для ратификации правительствам европейских держав — участниц конференции. Англичане решили использовать время до ратификации для односторонних действий, так как условия ноты ставили их на один уровень с другими европейскими державами.

Английское правительство дало указания командующему флотом адмиралу Сеймuru поставить в известность губернатора Александрии, что все работы по постройке или ремонту фортов будут рассматриваться как враждебный акт по отношению к английскому флоту и приведут к бомбардировке города. На повторный ультиматум о сдаче береговых укреплений Александрии в течение 24 часов Сеймур получил решительный отказ. 11 июля англичане подвергли город бомбардировке. Этот варварский обстрел длился 10 часов. 13 июля английский десант высадился в Александрии и 15 июля занял ее.

В Англии парламент немедленно проголосовал за военные кредиты, и в Египет были отправлены войска из Индии и Мальты. В день бомбардировки Александрии французское правительство в знак протеста против односторонних действий Англии отозвало свой флот. После этих событий хедив бежал в Александрию под защиту английского флота и сформировал здесь «правительство» из реакционных элементов. Он издал декрет, по которому Араби смещался со своей должности.

В противовес хедиву в Каире был составлен Чрезвычайный совет, куда входили представители различных социальных слоев и вероисповеданий. Араби был провозглашен военным министром и главнокомандующим. Совет объявил Тауфика лишенным престола.

Константинопольская конференция была поставлена перед совершившимся фактом. Державы — участницы конференции по-разному реагировали на акт интервенции. Россия в знак протеста отозвала своих делегатов. Германия и Австрия отказались дать какие-либо санкции Англии, в то же время фактически предоставили ей свободу действий. Во французских правительственных кругах после долгих споров победила линия невмешательства. В то же время все договорились об организации турецкой интервенции и обратились с этим предложением к султану. В августе конференция закрылась.

Английское правительство вовсе не желало, чтобы его войска были вытеснены из Египта турецкой армией и уведомило французское правительство, что Англия, «принимая сотрудничество Турции, будет продолжать, однако, уже начатые действия». Одновременно англичане начали односторонние переговоры с Портой об условиях «сотрудничества». Соглашение по всем вопросам было достигнуто слишком поздно, когда судьба Египта была уже решена.

После захвата Александрии англичанами Араби объявил страну на военном положении и приступил к организации обороны. Началась всеобщая мобилизация. В армию записывались добровольцы, создавались отряды ополчения. На народные пожертвования было закуплено много оружия. Египетские войска заняли оборонительные позиции на северных рубежах. Они отразили атаки англичан под Александрией и не допустили их продвижения в глубь страны. Но со стороны Суэцкого канала Египет не был защищен. Араби не захотел вывести из строя Суэцкий канал и положился на заверения Лессепса, что англичане не используют зону канала. Вопреки этому англичане высадились на востоке, без боя заняли Суэц, высадили десант в Порт-Саиде и Исмаилии. Лучшие египетские войска были заняты под Александрией. Восточные районы защищали плохо обученные новобранцы и нерегулярные бедуинские отряды. Решительное сражение произошло 13 сентября на подступах к Каиру. Нерегулярные части не устояли, а попытка Араби организовать оборону Каира была сорвана предателями. Большинство членов Чрезвычайного совета голосовали за капитуляцию, хотя национальная армия была цела. Араби и его товарищи сдались англичанам, египетские войска сложили оружие. После сдачи Каира англичане оказались хозяевами страны. Хедив Тауфик вернулся в Каир. Начались репрессии против участников сопротивления. Было арестовано около 30 тыс. патриотов. Араби и его ближайшие сподвижники были приговорены к смертной казни. Однако приговор не решились привести в исполнение, и казнь была заменена пожизненной ссылкой на Цейлон. Многие ватанисты бежали за границу. На Египет англичане возложили контрибуцию в 9 млн ф. ст.

Формально Египет считался частью Османской империи и управлялся хедивом. Англия не произвела аннексии Египта, так как это бы-

ло чревато крупным международным кризисом. Официально оккупация носила временный характер. Англичане утверждали, что она будет прекращена после приведения в порядок египетских дел. В 1885 г. под давлением Франции между державами начались переговоры о заключении соглашения, предусматривающего эвакуацию английских войск из Египта в трехгодичный срок. Однако соглашение не состоялось, и англичане остались в стране. В последующие годы французские и османские дипломаты не раз ставили вопрос об эвакуации английских войск из Египта, на что англичане отвечали словесными заверениями о скорейшем разрешении этого вопроса, но не предпринимали никаких конкретных шагов. Фактически с 1882 г. Египет стал английской колонией, хотя его международно-правовой статус оставался неизменным.

В Египте сохранялись прежние органы власти во главе с хедивом. В 1883 г. в стране были учреждены две представительные палаты: Законодательный совет и Генеральное собрание. Обе эти палаты не обладали законодательной инициативой и обсуждали лишь законопроекты, внесенные правительством. Решения палат не имели обязательной силы. На деле вся полнота реальной власти в стране была сосредоточена в руках английского генерального консула, или генерального резидента, который опирался на оккупационную армию. Вплоть до 1907 г. неограниченным правителем Египта был лорд Кромер, занимавший пост генерального резидента в течение 24 лет.

ГОСПОДСТВО ИНОСТРАННОГО МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЕГИПЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Проводя политику систематического ограбления египетского народа, английские империалисты перевели все хозяйство страны на обслуживание промышленности метрополии, превратили Египет в страну хлопковой монокультуры, обеспечивающей дешевым и высококачественным сырьем текстильную промышленность Англии.

В 1883—1884 гг. под хлопком было занято 969 тыс. федданов, а к 1913—1914 гг. посевы хлопка достигли почти 2 млн федданов. В течение всего периода хозяйничанья англичан в Египте хлопок вытеснял другие сельскохозяйственные культуры, жизненно необходимые для египетского народа. Если в 1875 г. Египет вывозил хлеба на 1,8 млн ф. ст., то к 1908 г. в страну было ввезено пшеницы, кукурузы и муки на 2 млн ф. ст., а в 1913 г. — уже на 4 млн.

Распределение площадей, методы обработки полей, севооборот и система орошения — все было подчинено задаче увеличения производства хлопка. Почти весь хлопок экспортировался в Англию. В 1879—1884 гг. было вывезено 95% всего урожая хлопка, а в 1909—1914 гг. — 99%.

Египетские производители были поставлены в зависимость от мировых цен на хлопок, которые были значительно ниже издержек производства в Египте.

Английские империалисты сохранили в Египте помещичье землевладение и феодальные методы эксплуатации. В 1896 г. египетские помещики, составлявшие 1,5% всех собственников, сосредоточивали у себя 44% всех частновладельческих земель. В 1914 г. 11 тыс. помещиков имели больше земель, чем 1,4 млн мелких собственников.

Иностранный капитал проник в египетское сельское хозяйство, однако он почти не был связан с производством, а вкладывался в ос-

новном в банки и земельные спекуляции. Крупные иностранные монополии за бесценок скупали неорошенные земли, проводили необходимые ирригационные работы и затем продавали эти земли по спекулятивным ценам или сдавали в аренду. К 1899 г. иностранный капитал контролировал 34% всех частновладельческих земель. В 1913 г. был принят закон, который запретил предоставлять банковский кредит собственникам, имеющим менее 5 федданов земли. Фактически этот закон отдавал основную массу египетских крестьян на произвол ростовщиков. Подавляющее большинство египетских феллахов было превращено в кабальных издольщиков, зависимых от помещиков.

К моменту оккупации страны промышленность Египта, не выдержавшая конкуренции с иностранными товарами, почти пришла в упадок. Англичане поставили задачу уничтожить местную промышленность и обеспечить себе монопольное положение на египетском рынке. На ввоз промышленного сырья и машин для местной промышленности Египта были установлены высокие пошлины. Были изданы законы, ограничивающие возможности открытия новых предприятий. Имеющиеся предприятия облагались чрезмерными налогами, был повышен железнодорожный тариф.

Главный удар был нанесен национальной хлопчатобумажной промышленности. В 1899 г. местные предприниматели пытались построить прядильно-ткацкую фабрику, однако высокие ввозные пошлины на оборудование, ограничительные мероприятия англичан вынудили их отказаться от этого замысла. О политике Кромера в отношении национальной промышленности «Таймс» откровенно писала: «Нельзя разрешить, чтобы представитель королевы поддержал проект, успех которого принесет пользу египетским потребителям, но нанесет вред английским фабрикантам». К 1909 г. все производство пряжи захватило английское акционерное общество. Значительно увеличился ввоз тканей и других хлопчатобумажных изделий.

На долю национальной буржуазии оставались лишь отрасли, связанные с первичной обработкой сырья, с производством гончарных изделий, грубых сортов бумаги, восточных тканей. Все попытки египтян основать какие-либо промышленные предприятия наталкивались на сопротивление иностранных монополий и английских властей.

В хлопкоочистительной и прессовальной промышленности наиболее крупные предприятия принадлежали иностранным фирмам. Национальная буржуазия имела около сотни мелких мастерских, где господствовал ручной труд.

Англичане вывозили из Египта даже хлопковые семена, местные маслобойни перерабатывали только 10—15% продукции. Ежегодно в Египет ввозилось хлопковое масло на сумму 30—45 тыс. египетских фунтов. Сахарная промышленность была захвачена французскими монополистами, и национальное производство сахара было уничтожено. С 1898 г. в городах Бардисе, Наг-Хаммади, Мамарисе, Бени-Рафии египетскими капиталистами были построены сахарные заводы, но ни один из них не выдержал конкуренции с могущественной французской «Генеральной компанией сахарных и рафинадных заводов».

К началу XX в. Вена стала центром, где было сосредоточено производство фесок, и местное производство пришло в упадок. К этому времени один из египетских промышленников открыл спичечную фабрику, но шведские спичечные короли разорили его, а фабрика была демонтирована.

Вся горнодобывающая промышленность перешла в руки иностран-

ных компаний. В 1904 г. англичане захватили монополию на добычу соли.

Иностранный капитал стал господствовать в железнодорожном транспорте, городском хозяйстве, строительстве средств связи. Железные дороги иностранных обществ играли значительную роль в экономической жизни страны. Строительство и эксплуатация трамвайных линий в Каире, Александрии и Порт-Саиде целиком находились в руках иностранных акционерных обществ.

Иностранный капитал захватил и банковское дело. В этих условиях национальная буржуазия была вынуждена ограничиться мелким производством или же идти в иностранные компании на правах младшего партнера. Большая часть национальных капиталов вкладывалась в землю, в сельское хозяйство, где конкуренция иностранного капитала была сравнительно слаба.

К началу первой мировой войны в Египте все производство было подчинено интересам иностранных монополий. Английские империалисты развивали в Египте только те отрасли промышленности, которые были связаны с первичной обработкой сырья.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА. НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЕГИПТЕ

Господство иностранного капитала в экономике Египта определяло условия формирования основных классов капиталистического общества — национальной буржуазии и пролетариата. Для складывания обоих классов существовали серьезные препятствия. Однако, несмотря на все ограничения, буржуазия раньше пролетариата создавала свою идеологию, политические организации и уже в конце XIX — начале XX в. стала активно бороться за влияние на «собственный» пролетариат, за использование его в своих политических целях.

В целом замедленное развитие местной промышленности задерживало темпы роста рабочего класса, но на иностранных крупных предприятиях уже к концу XIX в. было сосредоточено сравнительно большое число рабочих. К 1917 г. в промышленности и транспорте Египта было занято около 300 тыс. рабочих. В этот период основным отрядом египетского рабочего класса были транспортники, сконцентрированные в зоне Суэцкого канала, железнодорожники и трамвайные рабочие. На втором месте по своей численности и концентрации находились рабочие пищевой промышленности. Большое число рабочих было разбросано по мелким предприятиям, что создавало серьезные трудности для их организации. Многие крупные предприятия, на которых работало по несколько тысяч рабочих, носили сезонный характер. На шести сахарных заводах в сезон выработки сахара было занято от 17 до 29 тыс. рабочих. После окончания сезона эти рабочие в основном возвращались в свои деревни или же перебивались случайными заработками.

Аграрный строй египетской деревни, аграрное перенаселение, сезонный характер многих отраслей обусловили существование в египетском рабочем классе полупролетарских слоев, связанных с деревней. Эти условия препятствовали складыванию постоянных кадров рабочего класса и способствовали распространению среди рабочих влияния реформистских и тред-юнионистских идей. Рабочий класс по национальному составу был довольно однороден. Иностранцы состав-

ляли по численности незначительную часть и выполняли главным образом квалифицированную работу.

На положении рабочего класса отразились те же условия, которые влияли на процесс его формирования. Египтяне-рабочие получали намного меньше, чем иностранцы, если даже выполняли одинаковую работу. В уровне заработной платы с 70-х годов XIX в. произошли незначительные изменения. Если взять средние цифры, то взрослые рабочие в 70-х годах XIX в. получали 2—3 пиастра в день, к 1895 г. заработная плата увеличилась до 4 пиастров, в 1907 г. — до 6—7, а в 1908 г. упала до 5,5 пиастров в день. В то же время необходимо отметить значительное увеличение цен на предметы первой необходимости. По официальным данным, в 1913 г. килограмм хлеба в Каире стоил 1,5 пиастра, 450 граммов хлопкового масла — 1,7 пиастра, килограмм сахара — около 3 пиастров. При таких ценах рабочий с трудом обеспечивал семью только хлебом и овощами. Война еще более ухудшила материальное положение рабочих. В 1913—1914 гг. рабочие в среднем получали 75—150 пиастров в месяц, из расчета на 30 рабочих дней, в то же время для обеспечения минимума питания, по данным официальной статистики, необходимо было 242 пиастра. Во время войны заработная плата не претерпела никаких изменений, а индекс цен на минимум питания увеличился в 2—3 раза.

Отсутствие всякого трудового законодательства, полное бесправие, непомерно длинный рабочий день, антисанитарные условия на предприятиях — вот общая картина положения рабочего класса в Египте. Английский ученый Браилсфорд в 1908 г. так описывал условия труда на хлопкоочистительных заводах: «Дети и взрослые работают иногда 12, обычно 15 или при случае даже 16 и 18 часов в день. В разгар сезона даже дети допускаются в ночную смену на 12 часов. Атмосфера, в которой работают дети, настолько насыщена хлопковой пылью, что она напоминает ноябрьский туман в Лондоне». Лишь незначительная часть иностранных рабочих трудилась по контрактам, в соответствии с которыми оговаривались условия работы.

Первый законодательный акт в истории Египта, касающийся положения рабочего класса, был принят только в 1909 г. Он запрещал допускать на работу на хлопкоочистительных заводах детей младше 9 лет и ограничивал рабочий день для них 8 часами. Однако многочисленные оговорки и отсутствие государственной инспекции позволяли предпринимателям нарушать положения закона.

Одновременно с образованием рынка труда и системы найма рабочей силы происходили изменения в быту и даже психологии наемных рабочих, расширялся их кругозор. Постепенно, хотя и чрезвычайно медленно, возникали новые привычки, взгляды и запросы. Этим изменениям в определенной мере способствовало общение местных наемных рабочих с европейскими пролетариями, жившими и работавшими в Египте.

Интенсивная капиталистическая эксплуатация вызывала стихийный протест среди наемных рабочих, который со временем стал приобретать организованные формы. Первые значительные выступления рабочих за улучшение своего положения относятся к концу XIX в. В 1899 г. забастовали рабочие табачной фабрики в Каире; забастовка прошла под лозунгом повышения заработной платы. Рабочие устроили демонстрации, шли с национальными флагами по городу мимо правительственных зданий, представительство иностранных государств. В ходе забастовки рабочие в целях более организованного отпора предпринимателям и защиты своих прав решили организовать Смешанный проф-

союз рабочих табачных фабрик. Факт создания единого профсоюза, куда входили местные и иностранные рабочие, свидетельствовал об интернациональных связях египетских рабочих со своими иностранными товарищами. В первое время своего существования профсоюз имел некоторый успех, но предприниматели, почувствовав в нем серьезного противника, приняли все меры для его уничтожения.

В 1903 г. происходили забастовки в различных отраслях промышленности, в ходе которых рабочие вновь требовали повышения заработной платы. Забастовки были подавлены. Новый профсоюз, созданный в этом же году, объединял табачников крупнейшей фабрики Каира, однако дело ограничилось только созданием кооператива и организацией материальной взаимопомощи. В последующие годы забастовочное движение значительно активизировалось. В 1908 г. все рабочие табачных компаний Каира снова объявили забастовку. Они требовали сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, установления оплаченных отпусков по болезни. В том же году все рабочие табачных компаний провели общее собрание и создали единую организацию — Профсоюз рабочих табачных фабрик.

Слабость политического сознания, отсутствие партии, отстаивающей интересы рабочих и руководящей их борьбой, — все это облегчило национальной буржуазии подчинение своему влиянию рабочего класса. Партия Хизб аль-Ватан, основанная в 1907 г., решила создать профессиональные союзы, объединяющие рабочих только египетского происхождения, и ограничить деятельность профсоюзов целями взаимопомощи. Она занялась организацией своего Национального профсоюзного объединения, кооперативных обществ, народных школ. В 1909 г. Омар-бей Лютфи при помощи других членов партии основал Профсоюз рабочих физического труда. Был опубликован устав профсоюза. Вначале в профсоюз входили в основном учащиеся вечерних школ, организованных партией. Он имел два клуба в Каире. Число членов с 1 тыс. рабочих выросло вскоре до 3 тыс. Профсоюз не ограничил свою деятельность Каиром, он организовал филиалы в других городах: в Порт-Саиде, Александрии и Исмаилии. Этот профсоюз в своем уставе ставил целью улучшение материального и культурного положения членов, медицинскую помощь больным, выплату денежных пособий безработным, открытие бесплатной библиотеки, организацию лекций и уроков, поощрение технического образования.

Было основано несколько потребительских кооперативов для рабочих в Каире. Однако деятельность профсоюза не была нацелена на защиту классовых интересов рабочих и борьбу с предпринимателями. Египетский ученый Бадави писал, что профсоюз «не ставил целью (по крайней мере, согласно его уставу) борьбу с предпринимателями в защиту интересов рабочих, как это делали настоящие рабочие профсоюзы». К 1911 г. по всему Египту было около 11 профсоюзов, объединявших 7 тыс. рабочих.

В октябре 1911 г. разразилась крупная забастовка в железнодорожных мастерских Каира, вызванная систематическими и длительными притеснениями со стороны мастеров и администрации, которые отказывали рабочим в отпусках и производили частые удержания из заработной платы под видом штрафов. Многие тысячи забастовщиков вышли на улицы Каира, блокировали трамвайное и железнодорожное движение. В конце концов они добились только частичного удовлетворения своих требований. Через два месяца было решено провести вторую забастовку, но на этот раз предпринимателям удалось предотвратить выступление рабочих. Их жалобы были рассмотрены, однако на

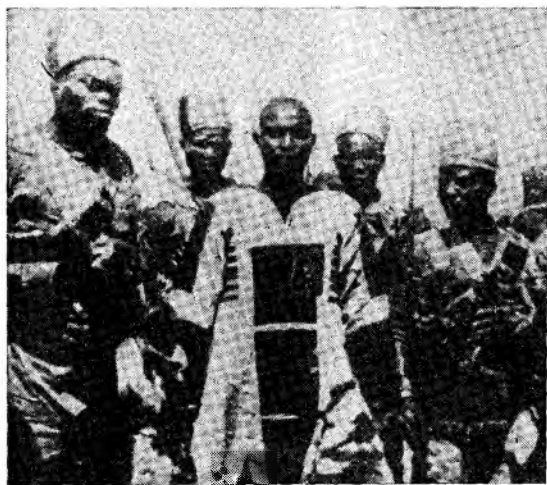
существенные уступки работодатели не пошли. В том же году рабочие сахарного завода в Хавамдии решили объявить забастовку с требованием уменьшения рабочего дня, но предприниматели сумели расколоть зачинщиков и подавили выступление.

Незадолго до первой мировой войны был создан союз печатников, который отличался большой организованностью и добился от предпринимателей значительных уступок, в том числе права празднования 1 Мая; но в связи с началом военных действий и мобилизацией многих его членов союз был значительно ослаблен.

Во время первой мировой войны правительство закрыло профсоюзы, преследовало их руководителей и активистов. Рабочие еще не осознавали своих политических целей и не выдвигали политических требований. Но пролетариат Египта имел уже свои самостоятельные классовые организации — профессиональные союзы — и определенный опыт забастовочной борьбы за свои права.

ВОССТАНИЕ МАХДИСТОВ И ЗАХВАТ СУДАНА АНГЛИЕЙ

Проникновение европейских купцов в Судан началось с 30-х годов XIX в. Европейцы ввозили в эту страну ткани, изделия из металла и стекла, ружья, вывозили слоновую кость, страусовые перья, гумми. Они скупали рабов у вождей кочевых племен, совершавших разбойничьи набеги на слабых соседей, и направляли по Нилу из Хартума в Каир корабли под флагами европейской держав, груженные «живым товаром». В 1857 г. египетское правительство запретило работорговлю, но работорговцы, обходя закон, продолжали заниматься своим преступным промыслом.

Эмир Мухаммед Ахмед

С конца 60-х годов Англия приступила к реализации плана территориальных захватов в Восточном Судане. Теперь европейские колонизаторы не удовлетворялись барышами от суданской работорговли: они стремились подчинить себе страну целиком. Их привлекали и сырьевые ресурсы, и возможности грабежа трудолюбивого населения, и, главное, стратегическое значение Судана. Расположенная в бассейне Нила, эта страна открывала путь в Центральную Африку. Кроме того, овладение верховьями Нила обеспечивало завоевателям важнейшее средство давления на Египет, сель-

ское хозяйство которого целиком зависело от разливов Нила.

Авангардом иностранных колонизаторов в Судане были авантюристы, проникшие на службу к египетскому хедиву Исмаилу. Под надуманным предлогом «борьбы» с работорговлей и распространением европейской цивилизации они захватили командные посты в Судане. Среди них были американцы, французы, немцы, австрийцы, итальянцы, датчане, бельгийцы, но наиболее рьяно действовали англичане.

В 1869 г. Англия организовала военную экспедицию в Судан под египетским флагом, которая продвинулась далеко на юг страны. Руководитель экспедиции англичанин Бейкер был назначен губернатором занятых областей, названных Экваторией. Он распоряжался в этой провинции, как в своей вотчине, грабил население, монополизировал торговлю слоновой костью.

В 1874 г. Бейкера сменил английский полковник Гордон — опытный колониальный деятель, участник подавления Тайпинского восстания. Продолжая грабительские походы своего предшественника, он завоевал обширные области от истоков Белого Нила вплоть до оз. Виктория и установил протекторат над королевством Уганда.

В 1877 г., после того как державы подчинили Египет своему финансовому контролю, Гордон был назначен генерал-губернатором всего Судана и сосредоточил в своих руках неограниченную власть. Офицеры его штаба — европейцы — стали губернаторами различных провинций. Начался повальный грабж населения страны. Налоги выкачивались в интересах англо-французских банкиров — держателей египетского долга и для обогащения европейских авантюристов, правивших страной. Беззастенчивое ограбление, сочетавшееся с захватом новых территорий, вызвало в различных областях Судана восстания.

В 1879 г. Гордон, подавив выступления в областях Бахр аль-Газаль и Дарфур, покинул страну. На его место был назначен египтянин. Но в провинциях по-прежнему оставались европейские губернаторы. Спустя два года весь Судан был охвачен массовым восстанием против иностранных колонизаторов и турецко-египетских феодалов. Освободительное движение возглавил странствующий дервиш Мухаммед Ахмед, провозгласивший себя осенью 1881 г. махди (т. е. месией).

Он звал народ к «священной» войне против иностранцев и отступников от ислама — турок (так называл он хедивские власти), «очищению» ислама, оскверненного владычеством «неверных»; к освобождению Судана и арабских стран от европейского и турецко-хедивского гнета; к отмене непосильных налогов; к установлению всеобщего равенства. Он проповедовал бедность, суровую, аскетическую жизнь. «Лучше тысячи могил, чем выплата одного дирхема налогов» — таков был его призыв.

Первоначально махди обосновался на одном из нильских островов южнее Хартума. Отсюда он рассылал проповедников своего учения во все концы страны. Чтобы подавить движение в зародыше, хартумские власти послали в конце 1881 г. карательный отряд на остров. Он был целиком истреблен махдистами. Однако махди счел небезопасным оставаться в центре страны и переместился далеко на юго-восток. Оттуда он продолжал руководство ширившимся народным движением против иноземного гнета. Десятки тысяч крестьян и кочевников вступали в махдистскую армию, истребляли одну за другой посылаемые против них карательные экспедиции. К началу 1883 г. махдисты овладели Кордофаном. В конце 1883 г. они разгромили хедивские войска, находившиеся под командой английского генерала Хикса, заняли целиком область Дарфур, развернули партизанскую войну на побережье Красного моря.

В этих условиях Англия предприняла новый маневр, направленный на подавление восстания. В начале 1884 г. Гордон вновь явился в Хартум как генерал-губернатор и на этот раз как официальный представитель британского правительства. Ему поручалось провозгласить отделение Судана от Египта, вывести из страны хедивские войска и ус-

тановить «твердую власть», т. е. подавить восстание, опираясь на местных феодалов. Он должен был «вернуть к власти семьи султанов, существовавших до завоевания страны Мухаммедом Али», направить их ополчения против махдистов и управлять Суданом с их помощью. Эта попытка целиком провалилась, так как за 60 лет, протекших со времени завоевания Судана Египтом, суданская феодальная и племенная знать потеряла всякое влияние в стране. Не мог остановить восстания и союз Гордона с крупными помещиками, купцами и работорговцами. В интересах последних Гордон от имени британского правительства открыто провозгласил свободу работорговли.

Наконец, Гордон пытался прекратить восстание посредством подкупа его вождей. Он предлагал назначить их феодальными правителями — султанами и эмирами отдельных областей Судана — при условии их подчинения английскому генерал-губернатору. Самому махди он предложил титул кордофанского султана. Вожди восстания с негодованием отвергли предложения Гордона.

В начале 1885 г. повстанцы после долгой осады заняли Хартум. Гордон был убит. Вся страна, за исключением некоторых окраинных округов, была во власти махдистов. В Судане возникло теократическое централизованное феодальное государство. На большей части его территории — по всей долине Нила, в центральной части Дарфура и некоторых районах Кордофана — быстро формировались феодальные отношения. Вместе с тем сохранялись элементы рабства, а также патриархальные и первобытнообщинные отношения. Махди признал законность рабства и специальным указом потребовал возвращения беглых рабов их хозяевам. В рабство обращались мятежники и военнопленные.

В первые годы существования махдистского государства был опубликован ряд законов, по которым земля, экспроприированная незадолго до восстания османской администрацией у местного населения, возвращалась прежним владельцам. Были установлены коранические налоги — ушр (десятина), закят (налог со скота и других видов имущества) и фитра (подушный налог). Хотя махдистам приходилось проводить жесткую налоговую политику, в целом размеры налогов были намного меньше, чем обложение при «турках».

В целях укрепления государства была предпринята реорганизация всего аппарата управления. Во главе государства первоначально стоял махди, а после смерти Мухаммеда Ахмеда в 1885 г. — его преемник халиф Абдаллах. Правитель страны обладал почти неограниченной властью. Прежний совет вождей союзов племен был заменен постоянно действующим Государственным советом, обсуждавшим основные проблемы внутренней и внешней политики. Ближайшими помощниками и советниками правителя государства являлись глава казначейства, главный шариатский судья и эмиры — руководители военной и гражданской администрации во вверенных им провинциях. Судебный аппарат был строго централизован. По всей стране действовало единое законодательство, основанное на шариате и дополняемое приказами и постановлениями махди, а после его смерти — халифа.

К числу важнейших источников государственных доходов относились наряду с налогами военная добыча, конфискованное имущество осужденных, прибыль от государственных монополий на продажу рабов, экспорт слоновой кости, гумми и т. д., займы у купцов, которые обычно не возмещались. Для удовлетворения потребностей развивающейся торговли халиф Абдаллах приступил к чеканке собственных металлических денег.

Абдаллах, преемник Махди, во главе своих войск

Производительные силы в независимом Судане достигли сравнительно высокого уровня. Крестьяне стали выращивать технические культуры — хлопчатник, кунжут, сахарный тростник. Были построены или восстановлены прежде разрушенные небольшие полукустарные мануфактурные предприятия — пороховой завод, свинцово-оловянный рудник в Нубийской пустыне, обувная фабрика, мастерские холодного оружия и кожаной амуниции, верфи речных судов.

Постоянные войны с внешними врагами и усмирение непокорных племен внутри страны требовали создания войска, основанного на новых принципах. В ходе восстания военная организация махдистов претерпела существенные изменения. Сложившийся на первом его этапе союз ополчений племен постепенно уступил место регулярным военным формированиям. По данным английской разведки, в армии независимого суданского государства в 1895 г. насчитывалось свыше 86 тыс. человек.

С победой махдистского восстания особый импульс получили процессы национальной консолидации. Образование единого централизованного государства, подчинение экономики его нуждам, перестройка администрации — все это способствовало ослаблению родовой организации племен, стиранию границ между отдельными феодальными княжествами, вело к концентрации в центральных районах различных племен и народностей. Появились зачатки общих элементов духовной и материальной культуры, еще более широкое, чем при «турках», распространение получил арабский язык, на котором печатались махдистские прокламации, приказы и воззвания, велась вся деловая переписка и судопроизводство. Махдизм не признавал племенных и этнических различий. Вождям племен даже было приказано сжечь генеалогические списки. Все подданные махдистского государства провозглашались «равными перед лицом Аллаха».

Постепенно учение, проповедовавшееся махди Мухаммедом Ахмедом, было догматизировано его преемниками и последователями. Критика высказываний махди и халифов каралась смертной казнью. Над прахом махди был воздвигнут величественный мавзолей, куда предпри-

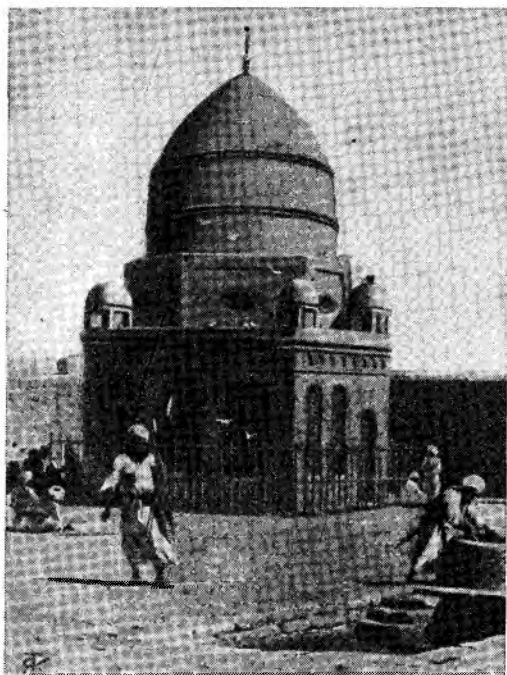
сывалось совершать паломничество взамен посещения святых мест Мекки и Медины.

Государство махдистов представляло собой военный лагерь, окруженный со всех сторон врагами. Ему приходилось постоянно отражать нападения англо-египетских войск на севере и в Красноморской провинции, итальянских и эфиопских войск — на востоке, бельгийских и французских войск — на западе и юго-западе страны. Судан оставался одной из немногих не поделенных еще частей Африки. Поэтому державы, чьи колониальные владения окружали страну, яростно боролись с махдистским государством и натравливали на него соседнюю Эфиопию. В этой борьбе применялись все свойственные империалистам средства: военные экспедиции, блокада, клевета, провокации, наконец, шпионаж и вредительство, которыми занимались европейские авантюристы из окружения Гордона, захваченные махдистами в плен и используемые ими в качестве военных и технических инструкторов.

Постоянные войны с внешними врагами истощали силы махдистского государства. В то же время оно было ослаблено феодальным перерождением махдистской верхушки. Характеризуя махдистские, в том числе суданское, движения, Ф. Энгельс писал: «...даже в случае победы они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому...»¹.

Примкнувшие к махдистскому движению после его победы представители эксплуататорских классов — помещики, вожди племен, купцы, работорговцы — стремились сохранить свои богатства, занять командные посты в государстве, использовать его в своих корыстных интересах. Притупляя социальное острие махдистской проповеди, они подчеркивали, что «богатых и бедных объединяет общая вера и общие цели в священной войне».

Вместе с тем выделялась и новая феодальная знать. Махдистские военачальники и сам халиф Абдаллах присваивали львиную долю военной добычи. В их собственность перешли лучшие земельные угодья, в первую очередь хорошо орошаемые нильские берега и острова. В пользу правящей феодальной «аристократии» вводились специальные поборы. Постепенно в Судане была восстановлена с некоторыми

Мавзолей Махди в Хартуме

изменениями османская система управления и сбора налогов. Таким образом, была похоронена внушенная пропагандой махдистов мечта крестьян и рядовых кочевников освободиться от феодального гнета.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 468.

Махдистская верхушка опиралась на союз племен, из которого происходил халиф Абдаллах. Они были поставлены в привилегированное положение, в то время как остальные племена подвергались всевозможным притеснениям. Выступления крестьян, ремесленников, рабов, кочевников против махдистской феодальной верхушки жестоко подавлялись.

В начале XIX в. борьба держав за Судан и верховья Нила вступила в решающую стадию. Франция, получившая в Эфиопии ряд концессий, начала готовиться к завоеванию Восточного Судана. Из французской Западной Африки была направлена военная экспедиция к верховьям Нила. В свою очередь Англия поспешила снарядить сильную военную экспедицию против Судана под командой генерала Китченера. Продвигаясь из Египта вверх по Нилу, англо-египетские войска подошли в сентябре 1898 г. к Омдурману — столице махдистского государства. В битве под этим городом десятки тысяч махдистов были истреблены английскими пулеметами¹. Махдистское государство пало. Англичане разрушили гробницу Махди и развеяли его прах. Они по пятам преследовали остатки махдистской армии, подавляли последние очаги сопротивления.

19 сентября 1898 г. в селении Фашода (на Белом Ниле) английский отряд встретился с французской экспедицией Маршана, Англия потребовала вывода французских войск из Судана. На этой почве возник острый конфликт, грозивший войной. Ленин, перечисляя «(Главнейшие) Кризисы в международной политике великих держав», отмечал: «Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делют») *Африку*»². В конечном счете Франция была вынуждена вывести свои войска и отказаться от притязаний на Восточный Судан. Английские империалисты завладели страной.

В 1899 г. Судан был формально поставлен под так называемый «кондоминиум», т. е. совместное господство Англии и Египта. Участие Египта в управлении Суданом сводилось к посылке туда батальона своих войск и финансированию оккупации. Египет также покрывал ежегодные дефициты суданского бюджета и направлял крупные суммы на железнодорожное строительство и ирригацию.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СУДАНА В ПОЛУКОЛОНИЮ

С момента установления так называемого совместного управления англичане стали полновластными хозяевами в стране. Они сохранили оккупационный режим. По условиям конвенции 1899 г. верховная власть находилась в руках генерал-губернатора, которого формально назначал египетский хедив, но обязательно по рекомендации английского правительства. Генерал-губернатор был единоличным правителем страны. Только в 1910 г. при нем был создан совет, в который входили высшие должностные лица суданской администрации, в основном англичане. Хотя английские империалисты называли этот совет суданским правительством и его создание изображали как серьезную конституционную реформу, генерал-губернатор сохранял за собой право отменять любое решение совета. Страна была разделена на провинции, во главе которых стояли английские офицеры-губернаторы.

¹ На махдистах англичане «испробовали» незадолго перед тем изобретенный пулемет.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 668.

Вся внешняя политика контролировалась англичанами. В конвенции было сказано: «Никакие консульские представители не могут быть аккредитованы в Судане без согласия британского правительства». Записав в конвенцию пункты о запрещении работорговли, англичане сохранили институт рабства.

Свое политическое господство в Судане британские колонизаторы использовали для подчинения всей экономики страны собственным интересам. Они захватили торговлю Судана, приносящую большие прибыли. Постепенно англичане стали зариться и на земельные богатства, хотя конвенция 1899 г. запрещала давать какие-либо преимущества европейцам в отношении земельной собственности. Выход был легко найден. Формально европейские компании и частные лица не получали в собственность землю, а заключали только концессионные договоры. Кроме того, англичане проводили политику экспроприации по отношению к таким участкам земли, владельцы которых не могли доказать свои права на собственность.

С 1905 г. суданская администрация присваивает право покупки или аренды любых земель. В результате европейские компании, частные лица и суданская администрация захватили огромные площади наиболее плодородных земель, на которых создавались крупные плантации технических культур, в основном хлопка. В первые же годы «совместного управления» была создана компания «Судан Плантейшн синдикейт», которая в начале XX в. организовала крупные хлопководческие хозяйства. Выращивание хлопка в Судане оказалось настолько выгодным, что английский парламент в 1913 г. ассигновал свыше 2 млн египетских фунтов на строительство ирригационных сооружений.

Колонизаторской политике англичан служило и железнодорожное строительство. Первоначально, во время войны с махдистами, железные дороги использовались для завоевания страны, после захвата — для вывоза сырья. Англичане поставили под свой контроль также речной и морской транспорт. А в начале XX в. они построили новый порт на Красноморском побережье — порт Судан и превратили его в главные морские ворота страны. Добыча полезных ископаемых также перешла в руки британских монополистов.

К началу первой мировой войны Судан был превращен в полуколонию Англии.

ЗАХВАТ ЛИВИИ ИТАЛЬЯНЦАМИ. БОРЬБА ЛИВИЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИТАЛЬЯНСКОЙ АГРЕССИИ

В последней четверти XIX в. усилилась угроза колониального посябления Ливии. Главными соперниками, претендовавшими на ее территорию, были Франция и Италия. Эта пустынная область Северной Африки, почти лишенная разведанных естественных ресурсов, имела большое стратегическое значение и представляла собой удобный плацдарм для дальнейших агрессивных устремлений европейских держав на Африканском континенте.

Начиная с 70-х годов XIX в. в бассейне Средиземного моря активизировались действия Италии. Считая себя «обездоленной» при разделе Африки, она всеми способами добивалась территориальных приобретений на Североафриканском побережье. В 1871 г. Италия подготовила военно-морскую экспедицию в Тунис с целью навязать тунисскому бею неравноправный договор. От реализации этого проекта ей пришлось отказаться под давлением Англии и Франции. Через де-

Суть лет Италия была вынуждена ограничиться бесплодным протестом по случаю установления французского протектората над Тунисом.

Провал колониальной политики Италии на этом этапе был обусловлен военной и экономической слабостью итальянской буржуазии.

В. И. Ленин указывал, что «при капитализме немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»¹. Вот почему более сильные капиталистические державы успешно противодействовали колониальным планам Италии. Лишь в 1885 г. ей удалось захватить две «малоценные» колонии в Восточной Африке — Эритрею и Сомали.

Не довольствуясь этими «скромными» территориальными приобретениями, Италия стала планировать нападение на Ливию и добиваться санкции европейских держав на эту акцию. В 1887 г. она заключила соглашение с Англией, Германией и Австро-Венгрией о совместном сопротивлении домогательствам Франции, которая, опираясь на плацдарм в Тунисе, предполагала расширить свои владения в Северной Африке за счет соседней Ливии. В частности, Италия обещала поддержать действия Великобритании в Египте, а взамен требовала предоставления ей «свободы действий» в Ливии. Однако европейские державы, в том числе Англия и Германия, также имевшие виды на Ливию, принудили Италию на время отложить экспедицию в Северную Африку.

После сокрушительного поражения Италии в войне с Эфиопией (1894—1896) итальянские империалисты вернулись к своим триполитанским планам и начали солидную дипломатическую подготовку будущего вторжения. В 1907 г. Италия заключила секретное соглашение с Францией о разграничении сфер влияния на Средиземном море, по которому Франция отказывалась от всяких притязаний на Ливию. Германия, стремившаяся удержать Италию в качестве своего союзника и члена Тройственного союза, обещала не чинить ей препятствий в приобретении Ливии. После возобновления Тройственного союза в 1907 г. Австро-Венгрия приняла на себя обязательство оказывать Италии дипломатическую поддержку в борьбе за овладение Ливией. В 1909 г. было получено согласие на захват Ливии от России в обмен на поддержку Италией русской политики на Балканском полуострове и в вопросе о черноморских проливах. Англия также санкционировала захватническое предприятие Италии, хотя это и не было оформлено договором.

Одновременно Италия приступила к освоению своей будущей колонии. Под лозунгом «мирного» экономического проникновения итальянский капитал постепенно внедрялся в Ливию. Туда посылались купцы, предприниматели, миссионеры. Активизировало свою деятельность Общество по развитию торговли с Африкой. Резко возрос ввоз на ливийские рынки итальянских товаров. В 1908 г. Италия занимала второе после Англии место в торговле с Ливией.

Главным орудием экономической экспансии Италии в эту страну стал влиятельный банк «Банко ди Рома». Проникновение этого банка на территорию Ливии проходило с согласия и при поддержке итальянского правительства и Ватикана. Филиалы банка в ливийских городах занимались помимо чисто банковских операций предпринимательской и сельскохозяйственной деятельностью, торговыми и разного рода спекулятивными делами. К 1910 г. банку принадлежало 20 тор-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 417.

говых агентств. За счет его средств были построены предприятия легкой и пищевой промышленности, ремонтные мастерские, каменоломни. Кроме этого «Банко ди Рома» осуществлял систематическую скупку земельных участков и другой собственности. К 1910 г. в его руках находилось уже 60 тыс. га, предназначенных для итальянских колонистов. Итальянские власти всячески поощряли их переселение в Ливию, где они пользовались покровительством консульских учреждений и миссионеров. В Италии развернулась шумная кампания в прессе, чтобы склонить общественное мнение в пользу триполитанской авантюры. Официозная печать стала называть Ливию «нашей обетованной землей».

Итальянские правящие круги особое значение придавали подрывной и шпионской деятельности в Ливии. С этой целью было создано специальное бюро разведки. Ему непосредственно подчинялись резиденты, возглавлявшие разведывательные ячейки, сеть которых раскинулась по всей стране. Полулегальными центрами шпионажа являлись филиалы «Банко ди Рома», которые снабжали деньгами и всем необходимым итальянскую агентуру. Многие итальянские разведчики действовали под видом банковских служащих.

Камнем преткновения для итальянцев продолжало оставаться сенуситское братство. Его религиозная и военно-политическая организация, которая представляла собой своеобразную теократическую державу, автономную от османских властей, окончательно оформилась к последней четверти XIX в. Она имела собственные идеологические, политические и социальные институты. Сенуситы закалились в боях с французскими колонизаторами в пограничных с Тунисом районах.

В отношении братства сенуситов итальянская разведка действовала по двум направлениям. С одной стороны, она добивалась дружественных отношений с лидерами братства путем взяток, обещаний высоких постов и титулов в обмен на лояльность. С другой стороны, итальянская агентура на территории Ливии всячески старалась дискредитировать сенуситов среди населения, внушая местным жителям сомнения относительно религиозных догм сенуситского братства.

Одновременно итальянские резиденты стремились посеять рознь между лидерами сенуситов и вождями племен. Однако попытки подорвать влияние сенуситов среди ливийцев терпели провал. Неудача колонизаторов вынудила их власти удвоить планируемую численность экспедиционного корпуса и усилить его оснащение.

В сентябре 1911 г., во время марокканского кризиса, Италия решила, что наступил удобный момент для действий. Она предъявила Порте ультиматум, в котором, в частности, говорилось, что итальянское правительство, заботясь об интересах своей страны, вынуждено прибегнуть к военной оккупации Ливии. Кроме того, Италия предлагала Турции предписать своим чиновникам в вилайете Триполи (Ливии) не сопротивляться итальянскому вторжению. В ответной ноте турецкое правительство изъявило готовность урегулировать конфликт мирным путем, но Рим не удовлетворился этим. Дипломатические отношения с Османской империей были разорваны.

Началась итало-турецкая война. В октябре 1911 г. итальянский военно-морской десант захватил города Триполи, Дерну, Бенгази и Хомс. Заняв эти четыре прибрежных пункта, Италия заявила, что бывший вилайет Триполи находится под ее полным и абсолютным суверенитетом.

Регулярные, плохо вооруженные османские части не играли сколько-нибудь значительной роли в боевых операциях в Ливии. Турция

располагала здесь всего лишь одной дивизией (около 7 тыс. человек), и всю тяжесть войны приняло на себя местное арабо-берберское население. В ходе вооруженной борьбы сложилась довольно гибкая боевая организация народного ополчения, были созданы укрепленные лагерь.

Мужественное сопротивление ливийцев итальянской интервенции сопровождалось растущим движением солидарности арабских народов. Тысячи добровольцев, прибывшие из разных концов арабского мира, сражались против колонизаторов (в начале 1912 г. их было около 16 тыс.).

Сенуситы в своем большинстве приняли активное участие в войне с итальянскими оккупантами. Однако враждебное отношение вождей сенуситского братства к итальянской агрессии определилось не сразу, так как они надеялись при определенных условиях добиться от итальянского правительства признания имущественных интересов братства и установления автономии их феодально-теократического эмирата. Однако вскоре сенуситы убедились в том, что итальянцы не намерены ни вводить местное самоуправление в Ливии, ни тем более привлекать к нему сенуситскую верхушку, поскольку захватчики хотели роспуска братства сенуситов и конфискации принадлежащего ему имущества. И тогда сенуситские лидеры отказались от политики нейтралитета и включились в народную борьбу, возглавив ее под лозунгом «священной войны» — джихада.

С самого начала военных действий соотношение сил складывалось в пользу Италии. Ее флот хозяйничал на море и блокировал побережье, не давая возможности перебросить подкрепления османских войск из других районов империи. На суше Англия не пропускала турецкие военные силы через Египет. Кроме того, итальянская армия имела сильную современную артиллерию и даже авиацию, которая тогда впервые применялась для корректировки артиллерийского огня. Тем не менее попытки итальянцев продвинуться в глубинные районы страны не дали результатов. К весне 1912 г. Италия даже не смогла оккупировать всего побережья Ливии.

Только в связи с обострением обстановки на Балканах и угрозой войны в этом районе Турция была вынуждена в октябре 1912 г. подписать с Италией Лозаннский мир. По его условиям турецкое правительство формально не признавало суверенитета Италии над Ливией, но обязалось вывести войска и отозвать чиновников из Ливии, фактически примирившись с итальянским захватом. Франция, Австро-Венгрия, Англия и Германия официально уведомили итальянское правительство о признании ими факта аннексии Ливии.

«Италия «победила», — писал Ленин по поводу окончания войны. — Год тому назад она бросилась грабить турецкие земли в Африке, и отныне Триполи будет принадлежать Италии...

Чем была эта война? Усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи «новейших» орудий»¹.

Отмечая сопротивление арабов и зверства итальянских агрессоров, Ленин предсказывал: «Война, несмотря на «мир», будет еще на деле продолжаться, ибо арабские племена внутри материка Африки, вдали от берега, не подчинятся. Их будут долго еще «цивиловать» штыком, пулей, веревкой, огнем, насильованием женщин»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 113.

² Там же. С. 114.

Ливийцы отказались признать условия Лозаннского мира и не сложили оружия. Итальянские войска продолжали кровопролитную истребительную войну, и только в 1914 г. им удалось подчинить внутренние районы страны. Однако с началом первой мировой войны они были снова вытеснены оттуда и сумели удержаться лишь в некоторых пунктах триполитанского побережья.

ЗАХВАТ ТУНИСА ФРАНЦИЕЙ

Тунис был первой арабской страной, превращенной в колонию в период империализма. Его завоевание французская буржуазия подготовила исподволь в течение многих десятилетий в жестокой борьбе с соперниками по колониальному разбою. Длительное время главным конкурентом Франции выступала Англия. Однако в 70-х годах XIX в. Италия стала все более активно предъявлять свои претензии на Тунис. В 1871 г. она попыталась добиться у тунисского бея особых привилегий для итальянских резидентов, но потерпела неудачу.

Французские капиталисты, внедрявшиеся в экономику Туниса и захватившие обширные земли и выгодные концессии, все настойчивее добивались превращения этой страны из полуколонии во французскую колонию. В практическую плоскость вопрос об аннексии Туниса был поставлен на Берлинском конгрессе 1878 г. По существу здесь происходил раздел Османской империи между державами. Франция потребовала свою долю в дележе и добилась неофициального согласия главных участников конгресса на захват Туниса. Поощряя экспансию Франции в Тунисе, Германия рассчитывала отдалить угрозу реванша в Европе, о котором мечтали французские милитаристы. Одновременно Германия стремилась столкнуть Францию с Италией, чтобы побудить Италию искать сближения с австро-германским блоком. Англия, присоединившая к своим колониальным владениям Кипр и подготовившая почву для завоевания Египта, рассчитывала уступкой Туниса устранить противодействие Франции ее захватническим планам. Тайные переговоры, происходившие за кулисами Берлинского конгресса, предопределили судьбу Туниса. Единственными противниками Франции в тунисском вопросе оказались Османская Турция и Италия, но с ними она могла не считаться.

Спустя три года Франция овладела Тунисом. Под предлогом борьбы с набегами пограничных племен французская армия, сосредоточенная в Алжире, вторглась в 1881 г. на территорию Туниса, подчиняя себе незащитное население. Одновременно французский десант окружил дворец тунисского бея в предместье столицы. В мае 1881 г. бей под угрозой низложения был вынужден подчиниться силе и подписал заранее подготовленный французскими дипломатами договор. Хотя в нем еще не упоминалось слово протекторат, но по существу это был договор о колониальном порабощении страны.

По условиям договора 1881 г. бей соглашался на оккупацию Туниса французскими войсками якобы для «восстановления порядка и безопасности» на границе и побережье. Лицемерно указывалось, что оккупация страны будет носить временный характер и прекратится, как только Франция и Тунис придут к обоюдному соглашению о том, «что местная администрация способна гарантировать поддержание порядка». Однако реализация всех статей договора делала оккупацию постоянной. Тунис был лишен права иметь самостоятельные сношения с внешним миром. Бей обязывался «не заключать никаких соглаше-

ний, носящих международный характер, не доведя об этом до сведения французского правительства и не договорившись с ним предварительно». Франция также обеспечивала выполнение соглашений, заключенных между туниским правительством и европейскими державами. Она получила право «упорядочить» финансовую систему страны, чтобы гарантировать выплату государственного долга и защищать права кредиторов Туниса. Для наблюдения за осуществлением договора Франция назначала министра-резидента, который становился единственным связующим звеном между французским правительством и тунискими властями. Наконец, Франция обязалась прийти на помощь тунискому бею в случае опасности, угрожающей лично ему или его династии.

В июне 1881 г. бей издал декрет о том, что Франция является «официальным и единственным посредником» во взаимоотношениях Туниса с другими державами. Бей, считавшийся ранее правителем османского вилайета, был объявлен «самостоятельным» монархом. На деле власть перешла к французскому генеральному резиденту. Новый «монарх» стал марионеткой в руках французских колонизаторов.

Капитуляция бея вызвала бурное возмущение в стране. Началось антифранцузское восстание, вскоре охватившее всю территорию Туниса. Многие солдаты и офицеры армии бея перешли на сторону восставших. Героическая оборона осажденных городов, ожесточенные и кровопролитные бои с французскими войсками свидетельствовали о решимости туниского народа отстоять независимость родины. В восстании особую роль играли представители религиозных братств марабутов, которые выдвинули лозунг «священной войны» против Франции.

Борьба длилась несколько месяцев, однако силы были неравные. Французы сконцентрировали в Тунисе свыше 50 тыс. солдат и офицеров оккупационной армии, операции которой поддерживал флот. В октябре 1881 г. после взятия политического центра восстания Кайруана французам удалось подавить последние очаги сопротивления в Северном и Центральном Тунисе, но на юге страны борьба продолжалась еще в течение года.

Завоевав Тунис, французы приступили к созданию колониальной государственно-правовой надстройки, которая должна была обеспечить господство французского капитала над страной. В июне 1883 г. была заключена франко-тунисская конвенция, в которой впервые употреблялось слово «протекторат». В конвенции было сказано следующее: «Чтобы облегчить французскому правительству осуществление протектората, Его Величество Бей обязуется приступить к осуществлению административных, юридических и финансовых реформ, которые сочтет полезным французское правительство». Как отмечает прогрессивный зарубежный исследователь Поль Себа в своей книге «Тунис», «...туниское государство потеряло всякий внутренний суверенитет; режим протектората, по замыслу его организаторов, был лишь формой аннексии и замаскированным завоеванием».

Конвенцией 1883 г. была зафиксирована сумма внешних долгов Туниса, а заботы об удовлетворении претензий кредиторов Франция брала на себя. В 1884 г. была упразднена Международная финансовая комиссия, и все финансовые дела Туниса передавались в ведение французского генерального резидента Франции. Он был уполномочен проводить в жизнь постановления, издаваемые туниским беем, и облечен всей полнотой власти в Тунисе. В его ведение передавались сухопутные и морские силы Франции в Тунисе, а также все админист-

ративные органы колонии. Управление страной было коренным образом реорганизовано. Свою власть на местах генеральный резидент осуществлял через начальников французских колониальных служб.

Правящая династия, бейское правительство и администрация хотя и были сохранены, но полностью контролировались «покровительствующей державой». Хотя тунисское феодальное государство не было уничтожено, местные органы управления превратились во вспомогательный аппарат иностранной власти. Ежегодно бею выдавался 1 млн франков на содержание семьи, двора и правительства. Такова была плата за измену и предательство национальных интересов страны.

После установления протектората французы продолжили в более широких масштабах земельный грабеж. Колониальные власти всячески поощряли французскую колонизацию. Рядом декретов обеспечивалась массовая экспроприация земель местного населения. По земельному закону 1885 г. собственники и претенденты на любой участок земли должны были доказать свои права перед судебными органами. Исход дела зачастую был предрешен, поскольку новая судебная система, введенная колонизаторами, защищала интересы претендентов-европейцев.

К 1892 г. французы уже владели в Тунисе 443 тыс. га земли, из которых 416 тыс. га принадлежали 16 собственникам, в числе которых были крупные акционерные общества. Вскоре французское правительство положило начало эпохе «государственной колонизации». Французское государство путем различных махинаций приобретало массивы «мертвых» земель, сгоняло с участков крестьян, скупало землю у разорившихся собственников и начало продавать участки в рассрочку французским колонистам. В целом в руки французов перешло около 800 тыс. га плодородных земель.

Французские капиталисты, генералы, министры, сенаторы, депутаты получили огромные поместья. К каждому поместью прикреплялись арабские крестьяне — бывшие владельцы земли. Им передавали в пользование ничтожные наделы. Так пополнялась армия закабаленных изодольщиков, работавших на французских колонизаторов-латифундистов.

Французские монополии активно осваивали богатейшие недра страны: фосфаты, железную руду, цветные металлы. Для вывоза сырья строились железные и шоссейные дороги, модернизировались порты. Первые концессии на разработку горных руд, на железнодорожное строительство иностранные капиталисты получили еще в конце 60-х годов XIX в. С 1871 по 1881 г. семь иностранных концессионных компаний получили право на прокладку железных дорог.

Установление режима протектората дало возможность французским капиталистам занять господствующее положение в экономике страны. В руки французских монополий перешли железные дороги, порты, автомобильный транспорт, электричество, газ, водоснабжение, добыча полезных ископаемых, все основные отрасли промышленности. К началу первой мировой войны в Тунисе действовало около ста французских акционерных обществ с общим капиталом до миллиарда франков.

Приток французских промышленных изделий, засилье в стране иностранных монополий подорвали местное ремесленное производство и препятствовали формированию национальной буржуазии. С 1898 г. правительство Франции добилось изменения таможенного режима таким образом, чтобы обеспечить наибольшие привилегии для французских экспортно-импортных компаний, многие товары вывозились бес-

пошлинно, а с некоторых брались минимальные пошлины. Многие местные предприятия закрывались, не выдержав конкуренции с иностранными компаниями, кустари массами разорялись.

Политика французских властей, прямое ограбление страны вызывали серьезное недовольство среди населения страны. Особой силы национально-освободительное движение достигло в начале XX в.

РЕВОЛЮЦИЯ 1870—1871 гг. ВО ФРАНЦИИ И АЛЖИРЕ

Французская революция 1870—1871 гг. встретила в Алжире живой отклик. Борьба между различными классами европейского населения этой колонии в основном воспроизводила классовую борьбу в метрополии. Однако местные условия наложили на эту борьбу свой отпечаток.

Французские помещики и крупная буржуазия были представлены в Алжире двумя группами колонизаторов. Крупнейшие концессионеры, получившие от Наполеона III десятки тысяч гектаров земли, генералы и бюрократы, наделенные в колонии бесконтрольной властью, — все они были сторонниками Второй империи. Напротив, колонисты, давно осевшие в стране и «обделенные» Луи Наполеоном при раздаче награбленных земель, образовали республиканскую оппозицию. Засилью бонапартистской военщины и крупных концессионеров они противопоставляли лозунги гражданского управления и алжирской автономии.

Выразителями интересов мелкой буржуазии и рабочего класса были главным образом политические ссыльные из Франции. После разгрома июньского восстания 1848 г. в Алжир из Парижа были высланы десятки тысяч революционных пролетариев. После декабрьского переворота 1851 г. Наполеон III отправил туда же в изгнание многих своих политических противников — буржуазных и мелкобуржуазных республиканцев. Немало ссыльных умерло от нужды, эпидемий и тяжелого климата. Кое-кто впоследствии вернулся на родину. Часть осела в Алжире. Среди последних были учителя, врачи, адвокаты, печатники, каменщики, чернорабочие. Все они ненавидели Вторую империю; многие из них вели активную борьбу против Наполеона III и его алжирских сатрапов.

Французские власти в Алжире применяли на строительстве дорог и на других общественных работах труд рабочих-европейцев. Когда началась франко-прусская война, общественные работы были прекращены, и 10 тыс. пролетариев, потерявших всякий заработок, оказались на улицах города Алжира. Они-то и выступили первыми, породив движение Алжирской коммуны. В сентябре 1870 г., лишь только в Алжир дошла весть о свержении Наполеона III, они сорвали знамена с имперскими орлами и водрузили на резиденции алжирского правительства шест с символом революции — фригийским колпаком. Но эта демонстрация не привела еще к действительному свержению старой власти. Несмотря на перемену правительства во Франции, управление колонией осталось в руках бонапартистской военщины.

Такое положение не могло удовлетворить ни мелкобуржуазных демократов, ни тем более революционеров-пролетариев. Они создали во всех городах Алжира свои организации: республиканские комитеты обороны и выборные муниципалитеты, сформировали свою национальную гвардию с выборным командным составом. Большинство в этих организациях принадлежало представителям мелкой буржуазии.

Комитеты обороны добивались ликвидации военного режима, чистки государственного аппарата от контрреволюционных бонапартистских чиновников, требовали участия в управлении Алжиром. Но республиканская буржуазия их не поддержала. Лидер республиканской буржуазии префект города Алжира Варнье сохранил в неприкосновенности весь старый аппарат власти и даже добился удаления из комитетов обороны представителей рабочего класса.

Тогда же, в сентябре 1870 г., была образована политическая организация, названная Республиканской ассоциацией Алжира. Она представляла собой блок рабочего класса и мелкой буржуазии. В отличие от комитетов обороны в новой организации перевес был вначале на стороне пролетариата. «Члены Республиканской ассоциации открыто выражали сочувствие Интернационалу, — утверждалось впоследствии в правительственном отчете. — В ее состав входили рабочие — преимущественно печатники и каменщики, мелкие буржуа и все активные республиканцы». Прогрессивное крыло ассоциации выдвинуло лозунг «социальной революции». Наряду с французами членами ассоциации состояли европейцы-иммигранты других национальностей и некоторые арабы.

В целом руководители ассоциации считали, что вся власть в Алжире должна принадлежать выборным муниципалитетам — революционным коммунаам, а Алжир должен представлять собой федерацию таких коммун. Лидером движения Алжирской коммуны стал адвокат Вюйермоз, избранный в сентябре 1870 г. председателем республиканского комитета обороны.

В октябре 1870 г. по требованию алжирского муниципалитета французское правительство отстранило от власти дискредитировавшего себя генерал-губернатора, но на этот пост был назначен реакционный генерал, запятнавший себя кровавой расправой с алжирскими рабочими. Это вызвало негодование масс. После прибытия нового генерал-губернатора (в октябре 1870 г.) рабочие Алжира вместе с арабской беднотой города осадили его резиденцию. Генерал-губернатор укрылся на военном корабле, стоявшем в порту, и отказался от своей должности. Вслед за ним по настоянию муниципалитета вышел в отставку префект г. Алжира Варнье.

Столица страны оказалась в руках революционного народа. 4 тыс. национальных гвардейцев составляли его вооруженную силу. Контрреволюция могла им противопоставить лишь 200 матросов, сосредоточенных в порту возле адмиралтейства. Рабочие решили взять порт и адмиралтейство штурмом, но председатель республиканского комитета обороны Вюйермоз, прикрывавшийся соглашательской позицией, воспротивился этому. Он вступил в переговоры с адмиралом и, добившись от него пустой декларации о «признании» республики, спас адмиралтейство от захвата. Воспользовавшись передышкой, адмирал вывел в Алжир военные корабли.

Тем временем революционные рабочие приступили к чистке государственного аппарата, к обыскам и арестам контрреволюционеров. Но и здесь они натолкнулись на противодействие руководства республиканского комитета обороны, по указанию которого освобождались арестованные рабочими сановники Второй империи.

7 ноября 1870 г. Республиканская ассоциация Алжира потребовала, чтобы все управление страной было передано в руки республиканских комитетов обороны. Осуществляя ее решение, столичный муниципалитет и комитет обороны избрали Вюйермоза временным чрезвычайным комиссаром Алжира, т. е. правителем всей страны. Они

провозгласили, что «исконной» основой всякой демократии является «коммуна» и что коммуны следует создавать во всех европейских поселениях Алжира.

Правительство Франции выступило против растущего в Алжире революционного движения. Оно объявило решение алжирских демократических организаций «противозаконным актом узурпации». Временный чрезвычайный комиссар не стал отстаивать власть, доверенную ему народом, выразил покорность французскому правительству и без всякого сопротивления сложил с себя полномочия. Французские власти назначили нового чрезвычайного комиссара Алжира из числа представителей контрреволюционной буржуазии. В его распоряжение была передана национальная гвардия, из командного состава которой удалили все революционные элементы. Дезорганизованное мелкобуржуазными соглашателями движение пошло на убыль. Алжирская коммуна так и не была создана, власть осталась в руках буржуазии.

В марте 1871 г. провозглашение Парижской коммуны вызвало новый подъем революционного движения в Алжире. В стране шли демонстрации солидарности с парижскими коммунарами под лозунгом «Да здравствует Париж! Долой Версаль!» Революционные газеты печатали подробные сообщения о действиях Коммуны. Республиканская ассоциация Алжира послала во Францию своих делегатов. Прибыв в столицу, они присоединились к Парижской коммуне.

В Республиканской ассоциации Алжира возобновились дебаты по вопросу о завоевании власти. На этот раз сторонники коммуны оказались в меньшинстве, и ассоциация отказалась от дальнейшей борьбы. Это решение было продиктовано начавшимся к тому времени восстанием арабов и берберов. Мелкобуржуазные демократы и даже пролетарии из числа европейцев не осознавали революционного значения национально-освободительной борьбы алжирских народных масс. Основная их ошибка заключалась в игнорировании национального вопроса, в предании забвению того очевидного факта, что на 200 тыс. европейцев в стране приходилось 2 млн арабов и берберов и что победа над французской контрреволюционной буржуазией возможна только в союзе с массами коренного населения. Решение национального вопроса они видели скорее в том, чтобы сделать всех арабов и берберов французами. Алжирские европейцы допускали в свои организации арабов, но в большинстве оставались безразличными к той национально-освободительной борьбе, которую вел алжирский народ.

Когда в марте 1871 г. в Алжире вспыхнуло крупное освободительное восстание, мелкобуржуазные лидеры из страха перед всеобщим народным возмущением склонили голову перед французской реакцией и позволили ей разогнать алжирский муниципалитет и национальную гвардию.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1871 г.

Гнет французских колонизаторов привел алжирскую деревню к полной хозяйственной катастрофе. С 1868 до 1870 г. в стране не прекращался голод: ели траву, часто отмечались случаи людоедства. Спутница голода — холера — уносила десятки тысяч жизней. В 1866 г. коренное население Алжира насчитывало 2,7 млн человек, а в 1872 г. — только 2,1 млн. Свыше полмиллиона человек, т. е. 1/5 часть всего населения, погибло от голода, болезней, зверств французских карательных экспедиций.

Из года в год то в одном, то в другом районе страны вспыхивали восстания. Но они носили локальный и стихийный характер; борьба

не была организована в национальном масштабе, и французские власти без труда подавляли ее.

Бурные события во Франции в начале 70-х годов XIX в. получили большой резонанс среди коренного населения Алжира. В городских центрах и особенно в столице оно активно поддерживало борьбу французских рабочих. В деревне и в кочевых районах начиная с июля 1870 г. не прекращалось брожение. Весной 1871 г. Восточный Алжир был охвачен восстанием арабских и берберских племен. Его возглавил Мухаммед Мукрани — правитель одного из округов Кабилии.

Мухаммед Мукрани — потомок старинного кабийского рода — не мог примириться с тем, что Франция превратила его из почти самостоятельного правителя в простого чиновника центральной администрации, что она урезывала его земли и доходы, вмешиваясь в его распоряжения, навязывала ему в качестве помощников своих агентов. Под контролем Мухаммеда Мукрани находились 30 племен, он мог выставить на поле боя 25 тыс. воинов. Значительная часть феодалов примкнула к нему. Основную силу восстания составляли крестьяне и кочевники, массами поднимавшиеся на освободительную борьбу.

В конце марта 1871 г., всего через полмесяца после того, как Мухаммед Мукрани принял командование повстанческой армией, значительная часть алжирской территории оказалась в руках восставших. Крупные французские гарнизоны были блокированы, европейские колонисты бежали из деревень в города.

В апреле 1871 г. восстание поддержало религиозное братство Рахманий, под влиянием которого находилось около 250 арабских и берберских племен, т. е. около 600 тыс. крестьян и кочевников (почти 1/3 всего коренного населения Алжира). Это братство могло мобилизовать свыше 100 тыс. бойцов. Его члены разъезжали по деревням, базарам, кочевым становищам, призывая к «священной войне» против захватчиков. Некоторые из агитаторов знали французский язык. Используя информацию, почерпнутую из французских газет, они говорили на народных митингах о том, что побежденная в войне с Пруссией Франция должна уплатить большую контрибуцию, значительная часть которой возложена на алжирский народ. Они переводили сообщения о том, что в Алжир направляется волна переселенцев из Эльзас-Лотарингии, и объясняли, что это повлечет за собой новую экспроприацию земель. Эти сообщения производили сильное впечатление на крестьян и кочевников, ограбленных французскими колонизаторами.

После того как братство Рахманий присоединилось к восстанию, весь Восточный Алжир стал театром освободительной войны. Изо дня в день в разных частях страны шли упорные бои — за 10 месяцев восстания было дано 340 сражений. Французские карательные отряды жгли деревни, угоняли скот, уничтожали колодцы, убивали женщин и детей. Однако кабийские партизаны продолжали борьбу. В начале мая был убит вождь восстания Мухаммед Мукрани. Сопротивление продолжалось под руководством его брата Ахмеда Бу Мезрага.

Пока алжирские коммунары героически отражали натиск французской реакции, алжирские повстанцы одерживали победы. Они очистили почти всю восточную часть своей страны от французской военной оккупации. Но, когда власти метрополии, разбив коммунаров, довели численность оккупационной армии в Алжире до 85 тыс. солдат, обстановка изменилась. Уже в июле 1871 г. основные силы повстанцев были разгромлены, вожди братства Рахманий были вынуждены сдаться.

Партизанская борьба длилась еще полгода, но ее исход был предрешен. В 1872 г. вождь восстания Ахмед Бу Мезраг сложил оружие.

Тысячи повстанцев были казнены, брошены в тюрьмы, сосланы на каторгу в Новую Каледонию. Восставшие племена выплатили 36 млн франков контрибуции. У них было отобрано 500 тыс. га лучших земель. Чтобы спасти от конфискации оставшиеся земли, они должны были заплатить усмирителям еще 27 млн франков.

Восстания кочевников в горах Ореса (1879) и племен Улад Сиди Шейх в Западном Алжире (1881) были последними вспышками вооруженной борьбы алжирского народа за свою свободу. Под властью Третьей республики в поработанном силой оружия Алжире больше не происходило крупных народных восстаний. Но борьба с французским империализмом продолжалась.

АЛЖИР ПОД ГНЕТОМ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

После подавления освободительного восстания 1871 г. колониальная эксплуатация и империалистическое ограбление Алжира достигли наивысшего размаха.

Основой политики завоевателей по-прежнему были земельные захваты. По закону 1873 г. все родовые и общинные земли подлежали принудительному разделу и становились частной собственностью. Алжирские крестьяне были отданы этим законом на произвол европейских спекулянтов и ростовщиков. В течение 70-х годов XIX в. французские колонисты получили 400 тыс. га земли, отобранных у местного населения, в течение следующих 40 лет — еще 500 тыс. га. В 1917 г. французам принадлежали 55% всех зарегистрированных земель страны. В то же время французские тресты завладели недрами страны, в первую очередь залежами железной руды и фосфатов.

Французская колонизация носила особый характер: 90% всех земель, предназначенных для колонизации, были захвачены кучкой французских латифундистов, насчитывавшей около 10 тыс. человек. На долю мелких и средних колонистов пришлось всего лишь 10% колониального земельного фонда. Часть экспроприированных у арабов земель была отведена под виноградники, здесь создавались хозяйства капиталистического типа; другая часть — раздроблена на мелкие участки и сдана в обработку издольщикам, у которых колонисты забирали 80% валового урожая. Варварская политика французских «цивилизаторов», направленная на захват земель, привела к разорению арабского крестьянского хозяйства.

Стремясь подавить восставшие племена, завоеватели уничтожали артезианские колодцы, и цветущие оазисы становились пустыней. Лучшие пастбища были захвачены колонистами, и кочевники, оттесненные в бесплодные и суровые внутренние районы страны, не могли найти корма для своих стад, погибавших от голода и жажды.

Все население страны было разделено на две части: «граждане Франции» — французы, представлявшие привилегированное меньшинство; «подданные Франции» — арабы и берберы, составлявшие бесправное большинство. Граждане избирали своих депутатов во французский парламент. В алжирские «финансовые делегации», обсуждавшие местный бюджет, в муниципалитеты. Подданные были лишены избирательных прав; они должны были беспрекословно подчиняться произволу французских чиновников и офицеров. Граждане платили те же налоги, что и во Франции; на подданных были наложены тяжелые ко-

лониальные подати. Граждане судились по французским законам. Для коренного населения Алжира был выработан суровый «туземный кодекс». Колониальные власти могли без суда бросать арабов и берберов в тюрьмы, пороть, высылать в отдаленные места Сахары, конфисковывать их имущество. Им было запрещено издавать газеты на родном языке, создавать свои политические партии и профсоюзы, собираться без разрешения властей. За малейший проступок против установленных французами законов целые деревни, племена, районы облагались коллективными штрафами. Особенно тяжелым было положение «подданных» в южной части страны, которая осталась под управлением военного министерства и в которой хозяйничала французская военщина. Здесь жизнь местных жителей была отдана целиком на произвол «арабских бюро» — органов французской контрразведки.

Начало XX в. в истории Алжира ознаменовалось созданием ряда буржуазно-националистических организаций: Магрибинского союза, Франко-туземного союза и др. Эти организации, не ставившие своей задачей свержение французского колониального гнета, добивались частичных реформ, направленных на отмену «туземного кодекса» и расширение прав национальной буржуазии.

ЗАХВАТ МАРОККО ФРАНЦИЕЙ

Страна, расположенная на перекрестке великих морских путей — Атлантического океана и Средиземного моря, изобилующая естественными богатствами, издавна была предметом ожесточенного соперничества держав. В отличие от Алжира и Туниса Марокко в течение всего XIX в. сохраняло формальную независимость. Острые разногласия между капиталистическими державами по марокканскому вопросу, временами накалявшиеся до предела, способствовали тому, что окончательный захват и раздел Марокко произошел уже в XX столетии.

Постепенное «освоение» Марокко иностранным капиталом началось в 60-х годах XIX в. Оно было подготовлено серией неравноправных договоров, навязанных европейцами. Еще в XVIII в. был подписан договор между марокканским султаном и Францией, значительно расширивший капитуляционные права французских купцов и резидентов. Тогда же Испания, заключив договор с Марокко, приобрела аналогичные права. Австро-Венгрия, Англия, США, Нидерланды, Бельгия и другие государства также получили капитуляционные права на территории Марокко в XIX в.

Из европейских держав, заинтересованных в Марокко, наибольшую активность проявляла Франция. Начиная с 1870 г. она захватывала один за другим марокканские оазисы, прилегавшие к алжирской границе. Однако французские планы захвата всей страны встречали упорное сопротивление держав, также рассматривавших Марокко как зону своей колониальной экспансии.

В 1880 г. в Мадриде состоялась международная конференция по марокканскому вопросу. Ее участники гарантировали «суверенитет» Марокко и вместе с тем постановили, что в его управлении не может быть произведено никаких изменений без согласия заинтересованных держав. Конференция разработала общую конвенцию, расширившую режим капитуляций, включая право на приобретение земли и владение недвижимостью в Марокко, и распространила его на всех участников конференции, в том числе на Германию, Португалию и Россию.

Фактически Мадридская конференция 1880 г. оформила полуколониальный статус Марокко.

В 1887 г. Англия, Италия, Австро-Венгрия, Испания, Германия заключили между собой соглашения, направленные против французских домогательств в Марокко. В свою очередь Франция, считавшая завоевание Марокко своей ближайшей задачей, на рубеже XIX—XX вв. начала активную дипломатическую подготовку захвата.

В 1901—1902 гг. она навязала марокканскому султану ряд пограничных соглашений, «уточнявших» алжиро-марокканскую границу. Они предусматривали «сотрудничество» в вопросе поддержания порядка в алжиро-марокканской пограничной зоне. Султан обязался принять «помощь» Франции в усмирении «мятежных» племен Восточного Марокко. Под этим предлогом Франция начала перебрасывать свои войска в страну, положив начало постепенной ее оккупации.

В то же время Франции удалось преодолеть сопротивление ряда держав и получить от них «свободу» рук в Марокко. Она заключила тайные договоры с Италией (1902), Англией и Испанией (1904), по которым Франция обязалась не противодействовать итальянскому захвату Триполи (Ливии), не требовать вывода английских войск из Египта и передать под испанский протекторат северную часть Марокко. В обмен на эти уступки указанные державы дали свое согласие на готовившийся французский захват, против чего не возражала и царская Россия — союзник Франции.

Эти империалистические сделки за счет слабых народов дали Франции возможность приступить к осуществлению захвата Марокко. В 1904 г. французские банкиры навязали марокканскому султану кабальный заем в 60 млн франков. Реально султан получил около 50 млн франков. Остальные суммы были удержаны в качестве комиссионных, процентов и т. д. В обеспечение займа султан передал французам 60% всех таможенных поступлений страны. В начале 1905 г. в Марокко прибыла французская комиссия. Она должна была провести здесь «реформы», т. е. создать полицию под командованием французских офицеров, государственный банк — под контролем французских финансистов, и вырвать у султана железнодорожные и горнопромышленные концессии для французских монополий. Осуществление этих «реформ» означало бы превращение Марокко в некое подобие французского протектората. Сознвая опасность, нависшую над страной, марокканский султан обратился за помощью к кайзеровской Германии, которую он рассматривал как врага Франции, а следовательно, как своего потенциального союзника.

Германия, имевшая виды на Марокко, энергично откликнулась на призы султана. В марте 1905 г. в Танжер прибыл кайзер Вильгельм II. Въехав в город на белом коне, он произнес речь о своем намерении отстаивать суверенитет «своего друга султана» и защищать интересы Германии в Марокко. После визита кайзера марокканский султан, инспирируемый немецкой дипломатией, ответил отказом на предложения французской комиссии. Он заявил о необходимости передачи вопроса о реформах на обсуждение международной конференции. Германия поддержала султана и высказалась за то, чтобы все державы совместно проводили «реформы», осуществляли свое экономическое проникновение в Марокко на равных правах. Франция, поначалу категорически отвергшая эти требования, была вынуждена капитулировать.

По настоянию Германии в начале 1906 г. в испанском городе Алхесирасе начала работу новая международная конференция по марок-

канскому вопросу. Англия, Франция, Россия и другие державы — участницы конференции — решительно выступили против германских домогательств в Марокко. Если сам факт созыва конференции был несомненным дипломатическим успехом Германии, то Генеральный акт, принятый Алхесирасской конференцией, стал ее дипломатическим поражением.

Формально конференция удовлетворила требования германских империалистов. Генеральный акт гарантировал «целостность и независимость» Марокко, экономическую «свободу и равенство» держав в этой стране, их совместное участие в марокканском государственном банке, в железнодорожных и горнопромышленных концессиях. На деле Марокко лишилось национального суверенитета. Державы установили над страной международную опеку. Вместе с тем конференция признавала «особые интересы» Франции в Марокко, отвела Франции ведущую роль в марокканской экономике и управлении марокканским государством. По существу, Алхесирасская конференция приняла французский план финансово-экономических реформ и полицейских мероприятий и уполномочила ее проводить эту программу.

Несмотря на то что Алхесирасская конференция торжественно декларировала национальный «суверенитет» Марокканской империи, ее итоги были восприняты французами как сигнал к началу захвата и дележа Марокко. Вскоре после конференции Франция приступила к военной оккупации страны, направила свой флот в Танжер.

Установление международной опеки, или так называемая «интернационализация» Марокко, вызвало взрыв всеобщего негодования в стране. Племена и целые области отказывались признавать Генеральный акт Алхесирасской конференции. Начались погромы и нападения на европейцев. В марте 1907 г. в г. Марракеше был убит французский врач. В качестве санкций за это убийство французы оккупировали г. Уджда и прилегающие прибрежные районы в восточной части страны.

Другим предлогом для расширения оккупации послужил инцидент в г. Касабланка. В 1907 г. французские концессионеры начали строительство касабланкского порта. Они проложили подъездную железную дорогу через мусульманское кладбище и разрушили могилы. Эти провокационные действия возмутили местных жителей. Они прорвались на территорию порта и перебили ни в чем не повинных французских рабочих. В ответ французы поспешили занять Касабланку и другие порты Атлантического побережья Марокко.

Французская экспансия вызвала восстание марокканских племен. В августе 1907 г. султан Абд аль-Азиз, отдавший страну чужеземцам, был свергнут. Вожди повстанцев — шейхи племен — провозгласили султаном его брата Мулай Хафида. Гражданская война между племенными ополчениями — сторонниками Мулай Хафида и войсками Абд аль-Азиза — закончилась поражением последнего и его бегством к французам. Вся страна подчинилась новому султану. Пользуясь этой войной, французские захватчики значительно расширили свою оккупационную зону.

Мулай Хафид в январе 1909 г. дал согласие соблюдать Генеральный акт Алхесирасской конференции, подтвердил все обязательства своего предшественника перед империалистическими державами в отношении концессий, займов, неравноправных договоров. В 1910 г. он принял от парижских и берлинских банкиров новый кабальный заем на сумму 100 млн франков. Отдав иностранцам в обеспечение займа все таможенные доходы, он увеличил налоги, взимаемые с крестьян

и кочевников. Племена Марокко ответили на политику султана Мулай Хафида новым восстанием (в апреле 1911 г.). Под предлогом «защиты» султана и французских резидентов Франция перебросила в Марокко большую армию и заняла все главные центры внутри страны, в том числе Фес и Мекнес. В свою очередь испанская армия приступила к захвату северных районов Марокко, отходивших к ней по межимпериалистическим соглашениям 1904 г.

В этот момент германские империалисты поспешили принять участие в начавшемся дележе страны. На французскую оккупацию Феса они решили ответить захватом Могадора и Агадира. С этой целью к африканским берегам была направлена немецкая канонерская лодка «Пантера», которая 1 июля 1911 г. бросила якорь у Агадира. Германия заявила, что Генеральный акт Алхесирасской конференции утратил силу и вопрос о Марокко подлежит пересмотру. «Прыжок Пантеры» — так называли это событие в газетах того времени — послужил началом крупного международного конфликта, о котором В. И. Ленин писал: «Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко»¹.

В дело вмешались державы — члены Антанты. Россия высказалась за мирное решение конфликта. Англия, всецело поддерживавшая Францию в ходе Агадирского кризиса, оказывала на Германию дипломатический и военный нажим.

Германии пришлось пойти на компромисс. В ноябре 1911 г. она заключила с Францией новое соглашение. В обмен на часть французской колониальной территории в Конго она отказалась от участия в разделе Марокко, вывела свой флот из марокканских территориальных вод и предоставила Франции полную свободу действий.

В 1912 г. султан Мулай Хафид подписал договор об официальном установлении французского протектората над Марокко. Этот договор воспроизводил основные положения и принципы соглашений о протекторате Франции над Тунисом. Формально султан Марокко сохранял трон и внешние атрибуты власти, однако управление страной перешло в руки французского генерального резидента. Султан соглашался на проведение административных, экономических, финансовых и военных реформ, «которые французское правительство сочтет полезным». Франция наделялась правом осуществлять военную оккупацию территории Марокко и проводить на ней любые полицейские мероприятия. Султану категорически запрещалось заключать «акты, имеющие международный характер», брать займы и предоставлять концессии без разрешения французского правительства.

Установление французского протектората лишало Марокко не только независимости, но и территориальной целостности. В соответствии с франко-испанским соглашением 1912 г. северная зона Марокко переходила под протекторат Испании.

Марокканский народ не смирился с колониальным режимом протектората. Французским империалистам пришлось вести грабительскую войну еще в течение двух десятилетий, прежде чем им удалось подавить сопротивление марокканских племен и подчинить себе все области Марокко.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 668.

Колыбелью арабского Возрождения наряду с Сирией был Египет, где в 80-х годах XIX в. сложилась благоприятная среда для развития прогрессивной общественной мысли, распространения идей буржуазного просветительства. Ужесточение абсолютистского режима османского султана Абдул-Хамида II вызвало волну эмиграции из Сирии в Египет, который пользовался значительной независимостью от Стамбула. Египетская цензура допускала гораздо большую свободу слова, чем в Сирии и Ливане, где местные публицисты и литераторы задыхались в тисках османской цензуры. Английская колониальная администрация поддерживала антитурецкие настроения. В то же время она поощряла практические акции просветителей (прежде всего в области образования, в том числе усилия местной интеллигенции по расширению сети начальных школ), так как считала, что предоставление поля деятельности в этом направлении отвлечет образованную прослойку общества от активной политической борьбы.

В последней четверти XIX в. Египет стал главным центром интеллектуальной жизни арабов. Вдохновителями просветительской работы в Египте выступили представители сиро-ливанской эмиграции, выдающиеся деятели арабского Возрождения — Якуб Сарруф, Адиб Исхак, Фарах Антун, Неджиб Хаддад и многие другие. Их политическая деятельность объективно была направлена против османского гнета. Одновременно многие из них выступали против западного колониализма.

Страстным критиком социального неравенства и политического деспотизма был Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849—1902). Уроженец г. Халеба аль-Кавакиби получил широкую известность на родине как общественный и культурный деятель. В 1900 г., спасаясь от преследований османских властей, он переехал в Египет, где была возможность открыто выражать свои взгляды. В Египте увидели свет книги аль-Кавакиби, в которых он обличал пороки тиранического правления в Османской империи, критиковал деятельность турецкой администрации, политику в отношении арабских провинций, национальное угнетение арабов.

Трибуной для пропаганды прогрессивных идей служила египетская пресса, которая в 80—90-е годы переживала подъем. Умы передовой арабской интеллигенции занимали проблемы просветительства. Резко возросло внимание к школьному делу. На ниве просвещения появились такие выдающиеся деятели, как Али Мубарак, который посвятил всю свою жизнь реформе системы образования.

Арабские мыслители все чаще апеллировали к светским юридическим и политическим нормам и учреждениям, ратуя за преобразования в традиционном восточном обществе. Сторонники европейской культуры стояли за реформирование Востока в соответствии с западноевропейскими эталонами общественного и государственного устройства. Были и приверженцы синтеза западной и восточной культур.

Становление просветительства и формирование антифеодальной идеологии происходили под непосредственным воздействием ислама, который активно влиял на эволюцию общественной мысли и во многом определил специфику ее развития. В силу объективных причин он послужил важной формой идейного противостояния колониальной экспансии Запада. В условиях, когда ислам представлял господствующую форму идеологии, влиявшую на все стороны жизни арабского общества, усвоение прогрессивных взглядов было более эффективным, ес-

ли они облакались в привычную для мусульман религиозную оболочку.

В последней четверти XIX в: вслед за просветительством в Египте зародилось и религиозное направление арабского Возрождения — исламское реформаторское движение, являвшееся одним из проявлений процесса формирования буржуазной идеологии. Признанным лидером и идеологом этого реформаторского движения стал Мухаммед Абдо (1849—1905). Он был выходцем из крестьянской семьи, высшее образование получил в университете аль-Азхар. За участие в восстании Араби-паши в 1882 г. Абдо был выслан из Египта. Через 6 лет он возвратился на родину и занялся реформированием обучения в Аль-Азхаре. В 1889 г. Абдо был назначен на пост главного муфтия¹ Египта, и это позволило ему реализовать на практике некоторые из своих реформаторских идей. По его инициативе был основан журнал «Маяк», популяризовавший концепции исламского реформаторства.

Египетские мусульманские реформаторы во главе с Абдо выступили за приведение ислама в соответствие с новыми требованиями жизни. Установка на укрепление идейных и общественно-политических позиций религии путем ее «совершенствования» по существу означала признание возможностей более свободного толкования исламских предписаний и догм в сторону признания капиталистической эволюции общественной системы.

Реформаторы пытались доказать, что ислам не противоречит науке, и не считали предосудительным заимствование европейского научного и технического опыта при условии сохранения специфики национального развития стран мусульманского Востока. Видное место в воззрениях реформаторов занимали идеи Просвещения, основанного на «обновленном» исламе, признающем могущество разума и свободу человеческой воли. Просветительская деятельность рассматривалась ими как действительное средство распространения идей мусульманского единства и как важный фактор в борьбе с суевериями и реакционными установками.

Свойственные реформаторскому движению умеренность и ограниченность проявились в осторожном подходе к вопросам общественно-политического переустройства, мыслимого лишь путем постепенных и поэтапных реформ в рамках существующего строя. Мухаммед Абдо считал египтян еще не готовыми к самоуправлению. Он поддерживал тесные контакты с английским генеральным резидентом Кромером, который благосклонно относился к его просветительским и культурным проектам.

Исламское реформаторство было активным, но крайне узким общественным движением. Несмотря на это, и в начале XX в. его идеи продолжали служить духовной опорой для части интеллигенции Египта и других арабских стран. Набравшее силу арабское Возрождение открыло эпоху национального пробуждения и консолидации арабских народов, когда национальный вопрос стал постепенно выдвигаться на передний план общественной жизни.

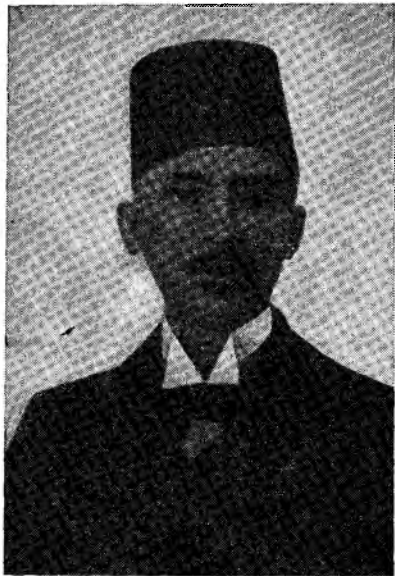
В 1875 г. в Бейруте возникло первое известное в новое время арабское политическое общество, выражавшее национальные чаяния арабов Османской империи. В листовках общества наряду с резким осуждением османского самодержавия содержались требования о предоставлении Сирии и Ливану независимости, которую они понимали как

¹ Муфтий — должностное лицо в системе мусульманского религиозного суда, выносящий решения (фетвы) по религиозно-юридическим вопросам.

не более чем местную автономию в рамках Османской империи. В последней четверти XIX в. зародилось понятие арабского мира как общей родины арабов от Персидского залива до Атлантического океана.

Содержание нарождавшегося арабского национализма определялось конкретными условиями социально-политического развития арабских стран, каждая из которых испытывала разные формы национального гнета (английская оккупация в Египте, французская колониальная администрация в Северной Африке и т. д.). В арабских районах Азии арабы подвергались гнету османского феодально-абсолютистского государства и растущей опасности экономической и политической экспансии европейских держав.

В зависимости от местных условий национальная буржуазия и интеллигенция, не находя пути к народным массам, вынуждены были искать себе иных союзников в борьбе за свои интересы и гражданские права. Некоторые египетские идеологи арабского национализма в противоборстве с английскими колонизаторами уповали на другие европейские страны и на помощь османского султана. Многие пионеры арабской патриотической мысли в Османской империи, которым реальность османского деспотизма порой заслоняла угрозу колониального порабощения, возлагали надежды на поддержку великих держав: то придерживались французских позиций, то становились сторонниками опоры на Англию или выступали за дружбу с Россией.

Мустафа Кямиль

Прозападная ориентация долгое время была характерной для взглядов выдающегося лидера египетского национально-освободительного движения Мустафы Кямиля (1874—1908), посвятившего свою жизнь борьбе за освобождение родины от колониальной зависимости. Человек незаурядной энергии, вдохновенный оратор, талантливый публицист и умелый организатор, он внес весомую лепту в воспитание патриотических чувств у египтян. Проникшись антианглийскими настроениями еще в годы учебы в Париже, Мустафа Кямиль утвердился во мнении, что освобождение Египта достижимо путем использования разногласий между европейскими державами. Поэтому он неустанно вел антианглийскую пропаганду во Франции, Германии, Австро-Венгрии и даже обращался за содействием к оппозиции в самой Великобритании. К концу 90-х годов Мустафа Кямиль четко определил программу своей

борьбы. Отвергая революционный путь освобождения родины, он полагал, что насильственные выступления могут дать Англии повод для того, чтобы лишить Египет даже остатков формальной независимости. Он писал: «Путь революции нам кажется нежелательным по своей природе. Мы избрали мирный путь и возвысили свой голос до слуха Европы с просьбой удовлетворить наши законные требования. Уже, без сомнения, наступил час просить Европу помочь нам

в деле эвакуации англичан». В 1897 г. в интервью с американским журналистом он заявил: «Мы основываем свой успех на двух факторах: первый — внешний — это использование международной обстановки; второй — внутренний — распространение наук и знаний среди наших братьев-египтян и использование промахов английской оккупации для того, чтобы поднять умы и вызвать ненависть в сердцах».

Капитуляция Франции перед Англией в результате Фашодского инцидента 1898 г. и англо-французское соглашение 1904 г., по которому Франция отказалась от всяких претензий на Египет, нанесли решительный удар по надеждам египетских националистов использовать англо-французские противоречия для избавления Египта от британского диктата. Мустафа Кямиль и его единомышленники стали ориентироваться на Османскую империю как на гаранта будущей независимости Египта.

К концу XIX в. антизападные тенденции стали преобладающими в арабской общественно-политической мысли. Этому немало способствовало распространение в арабском мире идей исламского единения, разработанных видным религиозным и политическим деятелем Востока Джамаль ад-Дином аль-Афгани. С 1871 по 1879 г. аль-Афгани, живя в Египте, объединил вокруг себя мусульманскую (египетскую и эмигрантскую) интеллигенцию, стоявшую у истоков исламского реформаторства. Его пропаганда реформаторских и антиколониальных политических взглядов сыграла значительную роль в активизации общественной жизни Египта и соседних арабских стран Азии.

В исламе аль-Афгани видел инструмент консолидации мусульманских народов для отпора колониальным домогательствам стран Европы. Его взгляды отражали усилившиеся противоречия между угнетенными народами Востока и европейским капитализмом, вступавшим в монополистическую стадию развития. Однако резкие антиколониальные воззрения аль-Афгани сочетались с выступлениями против прогрессивных явлений в европейской общественной жизни. Им он стремился противопоставить «извечные принципы» ислама, якобы обеспечивающие социальную справедливость, народовластие и классовую гармонию. К тому же в своей практической деятельности он хотел найти поддержку у хедива Исмаила, султана Абдул-Хамида и других правителей. Поэтому реакционные силы ряда стран Востока использовали некоторые его идеи, послужившие исходной точкой теории панисламизма, как орудие своей политики. В дальнейшем панисламизм стал одним из самых реакционных общественных течений в странах мусульманского Востока.

Вместе с тем антиколониальные взгляды аль-Афгани, включая и идею мусульманского единения, в той или иной мере были восприняты виднейшими представителями арабской национально-патриотической общественности. Практически это привело к упрочению ориентации на Османскую империю, в составе которой они рассчитывали осуществить свои национальные чаяния и оградить арабский мир от империалистического вторжения. Только немногие представители арабской национально-патриотической мысли смогли, сохраняя панисламские взгляды, подойти к идее самостоятельного арабского государства. Одну из первых развернутых концепций национального освобождения арабов путем образования арабского халифата выдвинул Абд ар-Рахман аль-Кавакиби.

Идея ликвидации турецкого господства в арабских владениях Османской империи вплоть до младотурецкой революции оставалась пред-

метом чисто умозрительных построений. Арабские националисты в Сирии, Ливане, Ираке надеялись, что в случае ликвидации режима зулума возможны достижение плодотворного сотрудничества всех народов Османской империи и осуществление их национальных чаяний. Это обусловило позитивное отношение большинства арабских националистов к общеосманскому общественному движению за ликвидацию абсолютистского политического режима.

Арабские националисты, придерживаясь концепции османизма, понимали под ней единство и равенство всех подданных Османской империи вне зависимости от национальной принадлежности и вероисповедания. Наиболее яркими представителями этого направления общественной мысли, преобладавшего в конце XIX в., были Халиль Ганем, Сулейман аль-Бустани, Шекиб Арслан и др. Если для арабов османизм означал единство равных и равноправных народов империи, то турки рассматривали эту концепцию как средство закрепления своего господства.

Однако что касается необходимости конституционных реформ и введения норм буржуазной демократии, то по этим вопросам турецкие и арабские националисты были близки. Поэтому в арабских провинциях Османской империи в конце XIX — начале XX в. появились филиалы младотурецких организаций. С младотурками поддерживали связь члены ряда арабских культурных и политических обществ. На общности ближайших целей антиабсолютистских сил начал складываться единый фронт против султанского самодержавия.

ЭПОХА ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ. МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АРАБСКИЕ СТРАНЫ

Революция 1905—1907 гг. в России оказала огромное влияние на общественное движение арабских народов. События в России вызвали живейший интерес в арабских странах. Уже в 1905 г. в Египте была опубликована книга под названием «Тайны русской революции». Хотя некоторые аспекты революции получили в ней неверную интерпретацию, сам факт издания книги стал примечательным явлением в общественной жизни страны. В 1907 г. прогрессивная общественность Египта выступила в поддержку русских матросов-революционеров, арестованных в Александрии и выданных царским властям.

Первая крупная общенациональная антианглийская кампания в Египте началась летом 1906 г. в связи с событиями в деревне Деншавая, где английские офицеры во время охоты открыли огонь по местным жителям. Смерть одного из офицеров, последовавшая от солнечного удара, послужила поводом для судебного процесса над крестьянами Деншавая, обвиненными в преднамеренном убийстве. По приговору суда четверо человек были казнены, остальные приговорены к различным срокам тюремного заключения или подвергнуты телесным наказаниям. Деншавайская расправа вызвала возмущение не только в Египте, но и за его пределами. Повсеместно в стране происходили демонстрации протеста. Статьи, осуждавшие действия англичан, были напечатаны на страницах европейских газет.

В этих условиях британские власти пошли на определенные уступки. В 1907 г. была объявлена амнистия всех осужденных, а генеральный резидент Великобритании в Египте лорд Кромер получил отставку. Сменивший его Эдмон Горст стал проводить более гибкую политику, направленную на раскол рядов египетского национального дви-

жения. При его содействии была создана «Партия конституционных реформ», в которую вошли высшие сановники, помещики, представители интеллигенции, сплотившиеся вокруг хедива и выступавшие за сотрудничество с оккупантами. Примиренческой позиции придерживалась «Партия нации», организованная в 1906 г. при поддержке Кромера и окончательно оформившаяся в 1907 г.

В противовес этим партиям признанный лидер антиколониального движения Мустафа Кямиль организовал «Партию Отечества» (Хизб аль-Ватан), которая пользовалась широкой популярностью в массах и стала основной оппозиционной силой, выступавшей против британского господства. На съезде партии, состоявшемся в конце 1907 г., была принята программа, в которой провозглашалось требование независимости Египта при сохранении турецкого сюзеренитета. Египет должен был стать автономным государством с династией Мухаммеда Али во главе, при этом предусматривалось создание конституционного правительства, ответственного перед парламентом. Партия требовала вывода английских войск из страны. В области экономики партия считала необходимыми достижение экономической независимости, развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В то же время она признавала сохранение англо-французского финансового контроля, пока страна не выполнит своих обязательств по внешним долгам.

После смерти Мустафы Кямиля в 1908 г. созданная им партия продолжала борьбу, проводила антианглийские митинги, учреждала рабочие профсоюзы. Однако в ней уже не было идейного единства и высокой активности. Тем не менее «Партия Отечества» сыграла значительную роль в национально-освободительном движении Египта, подготовив почву для будущих антиколониальных выступлений.

В Магрибе эпоха Пробуждения Азии положила начало вовлечению масс в сознательную политическую борьбу. В Тунисе в 1905 г. возникла Республиканская партия, в которую вошли радикально настроенные французские мелкобуржуазные демократы и арабские националисты. Великодержавный шовинизм французских руководителей партии вызвал раскол в ее рядах. Арабские члены партии выделились в 1907 г. в самостоятельную Тунисскую партию, которая впоследствии руководила пролетарскими стачками и выступлениями против французских колониальных властей.

Революционная буря в России произвела глубокое впечатление на национально-патриотические круги арабов Османской империи. Многие арабские мыслители и общественные деятели призывали следовать примеру России. Начался подъем массового движения против кровавого режима османского султана Абдул-Хамида. В Сирии, Ливане, Ираке прокатилась волна демонстраций под лозунгом борьбы «за демократическое общество». Активизировались арабские националистические группировки, стремившиеся расширить связи с антиабсолютистскими силами турок. В арабских вилайетах возросло число филиалов младотурецких организаций.

В период Пробуждения Азии оживились эмигрантские буржуазно-националистические центры арабов в Египте, Франции, Америке. Эмигрантские организации выступали за отделение арабских стран от Османской империи и за создание независимого арабского государства. Однако деятельность этих кружков и обществ, оторванных от родины, не оказывала сколько-нибудь серьезного влияния на освободительное движение в самих арабских странах.

Младотурецкая революция 1908 г. вначале вызвала всеобщий энтузиазм в арабских владениях Османской империи. Общественное мнение арабских стран с ликованием восприняло младотурецкие лозунги «свободы», «равенства», «братства». В среде арабской буржуазии и интеллигенции широко распространились иллюзии о возможности радикальных преобразований и национального раскрепощения арабов в рамках «обновленной» Османской империи. Центр национального движения арабов переместился из эмиграции в Стамбул, где появились легальные арабские общества, ориентированные на сотрудничество с младотурками. В Сирии и Ираке доверие к новому режиму было выражено созданием множества отделений младотурецких организаций с участием арабских националистов. Однако шовинизм младотурецких властей принес арабам горькое разочарование. Сохранив всю старую систему феодального и национального гнета, младотурки насильственно насаждали турецкий язык в школах и учреждениях арабских областей империи, начали преследовать националистические общества и организации.

Реакционная политика младотурецких ассимиляторов побудила арабских националистов перейти в оппозицию к младотурецкому режиму. Период арабо-османского братания быстро закончился, и арабское национальное движение приобрело открытый антитурецкий характер.

Запрещение ряда легальных политических организаций вынудило лидеров арабского патриотического движения изменить тактику. Они перешли к сочетанию легальных методов борьбы с подпольной работой.

Одним из влиятельных центров притяжения арабских националистов стало созданное летом 1909 г. в Стамбуле общество «Литературный клуб», имевшее широкую сеть филиалов в Сирии и Ираке. В его состав вошли арабские чиновники, офицеры, студенты, представители творческой интеллигенции. В основном «Литературный клуб» занимался просветительской деятельностью, распространял среди арабской общественности, в первую очередь среди молодежи, литературные произведения с призывами к возрождению арабской культуры и национального духа. Постепенно «Клуб» приобрел общеарабское значение и выдвинул задачу координации пропагандистской работы в азиатских арабских провинциях Османской империи. С самого начала «Литературный клуб» стал легальным прикрытием для подпольных политических кружков и группировок, связанных с националистическими организациями Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Западной Европы и с иностранными посольствами.

В конце 1909 г. видные лидеры и активисты «Литературного клуба» основали в Стамбуле первое после младотурецкой революции тайное арабское политическое общество «аль-Кахтанийя», названное по имени легендарного прародителя арабов Кахтана. Члены общества, среди которых заметным влиянием пользовалось молодое офицерство, считали своей основной целью пробуждение национальных чувств и защиту интересов арабов. Возникшая в самом начале перелома в развитии патриотического движения арабов Османской империи, «аль-Кахтанийя» еще не смогла выдвинуть четко сформулированной политической программы и эффективных форм и методов борьбы за национальное освобождение. Однако это общество стало на время центром притяжения патриотических сил. Даже строгая конспирация не спасла «аль-Кахтанийю» от предательства, и через год она прекратила свою деятельность.

Значительным фактором политической жизни Османской империи после младотурецкой революции стали массовые движения в арабских вилайетах. Революционные события в Турции пробудили надежды крестьянства и горожан на улучшение их положения, на снижение налогов, пересмотр земельной политики, ликвидацию беззаконий. Однако массы быстро отшатнулись от нового режима. Наиболее крупным событием, показавшим растущее недовольство политикой младотурецкого правительства, было восстание в горном районе Ливана Джебель-Друз в 1909—1910 гг., поднявшееся против налогового гнета и бесчинств турецкой администрации. В Ираке уже с конца 1908 г. огнем бедуинских восстаний были охвачены отдельные районы страны, а к началу 1909 г. почти во всем Ираке происходили выступления крестьян и кочевых племен. Восставшие саботировали указания властей, отказывались нести государственные повинности, платить подати, поставлять рекрутов. Зимой 1910 г. в Ираке пять карательных османских экспедиций подавляли народные волнения. В 1913 г. в Ираке начались крупные волнения среди крестьян, поводом для которых послужила весть о продаже бывших султанских земель иностранцам. На многолюдных митингах и демонстрациях иракцы требовали распродажи этих земель арабам.

Стихийные возмущения и бунты против тяжелого материального и социального положения охватили трудовые слои арабских городов. Несмотря на свой размах, массовые выступления в Сирии, Ливане и Ираке не приносили желаемых результатов, и чаще всего они завершались кровавыми расправами. Городские и крестьянские массы, а равно и рядовые бедуины еще не созрели для того, чтобы стать активной частью общеарабского общественного движения. У них еще не было собственной программы решения общенациональных задач, своих политических центров, а буржуазные политические организации не осознавали тех огромных потенциальных сил, которые таились в народных массах.

В 1909—1911 гг. во всех арабских провинциях Османской империи возросла активность антитурецких группировок. Однако подавляющее большинство арабских националистов по-прежнему связывало решение национальных проблем арабов с общеосманским движением, что выразилось в создании в 1910 г. Партии умеренных либералов. Эта организация объединила представителей различных народов, населяющих Османскую империю, — турок, арабов, греков, курдов и др. В качестве своей основной цели умеренные либералы выдвинули укрепление единства всех народов империи и утверждение их полного равноправия.

Основной формой борьбы арабских националистов против турецкого господства в 1911—1913 гг. стало движение за реформы. В этот период были основаны общество «Ливанское пробуждение», бейрутская Лига реформ, багдадский Национальный научный клуб, басрийское Общество реформ и др. Наибольшее значение приобрела программа бейрутской Лиги реформ, планировавшей самоуправление арабских провинций, признание арабского языка официальным наравне с турецким. Лига реформ требовала широкой административной децентрализации Османской империи и создания правительств в каждой арабской провинции.

Для проведения реформ предполагали пригласить иностранных советников. Некоторые члены организаций, ратовавших за реформы, вели тайные переговоры с представителями Англии и Франции о воз-

возможности при их содействии полного отторжения арабских вилайетов от Османской империи.

Крупнейшей и наиболее влиятельной арабской националистической организацией в предвоенные годы стала основанная в конце 1912 г. в Каире Османская партия административной децентрализации. Она насчитывала 10 тыс. членов, имела отделения почти во всех городах Сирии и Палестины, во многих городах Ирака, поддерживала тесные связи с другими арабскими националистическими организациями.

Партия децентрализации добивалась максимального участия арабов в правительстве и парламенте Османской империи, требовала выделения арабских вилайетов в особые автономные провинции со своими местными правительствами и провинциальными собраниями. Провинции должны были пользоваться широкими правами: самостоятельно приглашать иностранных советников, заключать внешние займы и предоставлять концессии. Руководство Партии децентрализации в Каире поддержало автономистские требования Лиги реформ в Бейруте. Партия децентрализации, как и большинство арабских националистических организаций, ориентировалась на помощь западных держав.

После младотурецкого переворота 1913 г. турецкие власти, стремясь погасить накал освободительного движения, обрушили на него репрессии. Была распущена бейрутская Лига реформ и арестованы ее руководители. В Сирии и Ливане начались массовые волнения. В этой обстановке перед арабскими националистами встала задача объединения сил для выработки общей программы действий и организации совместного давления на турецкое правительство. В июне 1913 г. в Париже открылся Первый арабский конгресс, руководство которым взяла на себя Партия децентрализации. Конгресс настаивал на признании национальных прав арабов, немедленном предоставлении автономии арабским провинциям Османской империи. В резолюциях конгресса содержались требования о расширении прав арабов, равноправия арабского языка с турецким. Конгресс постановил, что его решения являются политической программой всех арабских националистов. Был также поставлен вопрос об угрозе европейской интервенции, вызывавшей тревогу многих участников конгресса, однако делегаты, искавшие поддержки у западных держав, сорвали его обсуждение. Несмотря на умеренный характер принятой на Первом арабском конгрессе программы, он имел, несомненно, положительное значение для развития арабского национально-патриотического движения и содействовал объединению различных политических группировок на базе общей платформы.

При посредничестве французского правительства руководство конгресса вступило в переговоры с младотурецким правительством по вопросу об автономии. Младотурки, нуждаясь во французском займе, заключили соглашение с лидерами арабского конгресса о реформах в арабских провинциях. Но соглашение осталось на бумаге: младотурки саботировали его, затягивали его осуществление и, пользуясь наступлением мировой войны, так и не выполнили его.

После провала арабо-турецких контактов летом 1913 г. наиболее решительные круги арабских националистов больше не добивались соглашения и приступили к подготовке вооруженного восстания. Пропагандистами насильственных методов борьбы против турецкого владычества стали возникшие в конце 1913 — начале 1914 г. тайные политические общества «Завет» (Стамбул), «Арабская революция» (Каир), «Общество знамени» (Мосул) и др. Они решительно поставили вопрос

о полной независимости арабских стран. Эти общества состояли преимущественно из офицеров-арабов османской армии, благодаря чему арабское национально-патриотическое движение обрело элементы военной организации. Под руководством нелегального общества «Завет» готовилось восстание в районе Басры, но эти планы не были осуществлены из-за ареста руководителей.

С начала 1914 г. и другие арабские националистические организации и общества стали отходить от прежней реформистской тактики, поставив вопрос о замене лозунга автономии лозунгом полного освобождения арабских провинций Османской империи. В ответ на активизацию арабского патриотического движения младотурецкое правительство перед началом войны запретило все арабские политические организации.

Объединение различных течений в арабском национальном движении затруднялось агентурно-политической деятельностью держав Антанты. Англия и Франция старались упрочить связи с антитурецкими элементами в арабских провинциях Османской империи. Франция усиленно вербовала агентуру из числа арабских националистов и вела агитацию среди местного населения Сирии и Ливана. В этих целях использовались многочисленные французские школьные, религиозные и благотворительные организации. Англия же основное внимание уделяла внедрению своих шпионов в тайные арабские общества и оказывала им финансовую и политическую поддержку.

Большинство арабских националистов, захватив сильные позиции в антитурецком движении и взяв курс на восстание против Турции, вошли в тесный контакт со странами Антанты, которые в свою очередь пытались использовать ненависть арабов к турецким поработителям в своих корыстных целях. Лишь незначительное число арабских патриотов, встревоженных угрозой колониального завоевания арабских стран империалистическими державами, надеялись предупредить европейскую интервенцию даже ценой союза с младотурками. Однако они не осознавали, что младотурки уже превратились в пособников империализма, в первую очередь германского.

В значительной мере обособленно развивалось антитурецкое движение в Аравии. Формально Аравийский полуостров, за исключением южных районов, считался частью Османской империи. Однако аравийские эмиры и шейхи упорно оспаривали права Порты и вступали в прямые союзнические отношения с империалистическими державами. Младотурецкие власти были вынуждены считаться с ростом сепаратизма аравийских правителей. Даже в относительно спокойных районах Аравии население не платило налогов, не несло воинской повинности, не признавало общеосманское законодательство.

Характерной чертой внутривнутриполитической ситуации в Аравии было острейшее противоборство между местными вождями. В ходе затяжной междоусобной борьбы складывались своеобразные военно-политические блоки аравийских эмиров и шейхов. Однако эти альянсы были аморфными образованиями. Поэтому младотурки в Аравии стали играть на противоречиях между местными группировками.

Средоточием антитурецких сил на Аравийском полуострове являлся Хиджаз, где накануне первой мировой войны мекканский шериф добился от турецкого правительства признания права на наследственное правление. В борьбе против турок правитель Хиджаза решил опереться на арабских националистов и англичан. Были установлены связи с арабскими патриотическими организациями Сирии. И то же время Хиджаз посетили уполномоченные Партии децентрализации.

Весной 1914 г. в Шаммарском эмирате состоялась конференция арабских националистов и правителей Аравийского полуострова, на которой была сделана попытка образовать единый арабский фронт для подготовки антитурецкого восстания. Однако эта попытка не удалась из-за разногласий между ее участниками.

Наряду с Хиджазом интересам младотурок в Аравии угрожало крепнущее Саудовское государство, которое расширяло свои владения. В 1914 г. правитель Неджда Ибн Сауд завоевал часть восточного побережья Аравийского полуострова — аль-Хасу. Турецко-саудовское соглашение 1914 г. официально оформило потерю Турцией аль-Хасы и признание фактической независимости Саудовского государства.

В Йемене младотурецкая революция не встретила благожелательного отклика. В верхах йеменского общества сторонники Турции были маловлиятельны и не имели опоры среди населения. Уже в 1909 г. в различных районах Йемена произошли вооруженные столкновения между турецкими войсками и местными племенами. К концу 1910 г. число участников антитурецкого повстанческого движения достигло 150 тыс. В течение нескольких месяцев повстанцы изгнали турецкие отряды из основных опорных пунктов на йеменской территории. В 1911 г. Турция была вынуждена признать внутреннюю автономию Йемена.

В сопредельном Йемену Асире население упорно противилось власти османской администрации, но антитурецкое движение здесь на первых порах ограничивалось разрозненными выступлениями племен, кланов и крестьянских общин. В 1909 г. в Асире вспыхнуло крупное антитурецкое восстание. Оппозиционное движение в Асире, как и в ряде других областей Аравийского полуострова, использовалось Англией для ослабления турецкой власти и укрепления своих позиций в Аравии.

Судьба Кувейта находилась в руках Великобритании, которая «защищала» своего протеже перед турецким правительством. Англо-турецкое соглашение 1913 г. в части, касавшейся Кувейта, формально сохранило суверенитет Порты над ним. Одновременно Турция признавала действие всех кабальных англо-кувейтских соглашений и договоренностей, подтвердив тем самым полную зависимость Кувейта от его английских «покровителей». Автономный Кувейт практически вышел из-под юрисдикции турецкого правительства.

Накануне первой мировой войны Порты была вынуждена официально отказаться от попыток удержать за собой Катар.

Младотурецкая революция нашла отклик и в арабских странах Северной Африки. Определенные группы магрибинских националистов, озлобленных тщетностью упований на цивилизаторскую миссию Европы, выдвинули политический лозунг союза с Османской державой. В Тунисе младотурецкая революция дала новый импульс движению местных арабских националистов, которые, отчаявшись установить взаимопонимание с Францией, стали делать ставку на поддержку со стороны Османской Турции. Алжирские националисты приветствовали те младотурецкие лозунги, которые совпадали с их программными установками. Однако, когда обозначилось сближение Турции с кайзеровской Германией, их симпатии к младотуркам резко охладели. Напротив, марокканские националисты считали продуктивной идею обретения независимости своей страны с помощью турок и связывали свои надежды на освобождение с победой германо-турецкого блока.

Воспринятая поначалу весьма благожелательно в западных районах Ливии (Триполитании) младотурецкая революция была крайне сдержанно встречена на востоке страны — в Киренаике, бывшей оплотом сенуситского братства. Намерение младотурок упразднить религиозные братства вызвало негодование местного населения, расценившего его как посягательство на свои политические, культурные и религиозные интересы.

Младотурецкая революция на некоторое время активизировала конституционное движение в Египте, однако чрезвычайные законы 1909 г. фактически лишили буржуазных националистов возможности легальных выступлений. Многие уехали за границу, оставшиеся на родине ушли в подполье и перешли к тактике индивидуального террора. Назначенный в 1911 г. генеральным резидентом Египта Китченер пытался договориться с буржуазно-помещичьими кругами национального движения и с этой целью провел реформу законодательных органов страны. Трибуна учрежденного однопалатного Законодательного собрания использовалась египетскими либералами для выступлений в защиту национальных требований.

С началом первой мировой войны и превращением части арабских территорий в театр военных действий арабское национально-патриотическое движение было поставлено в новые, крайне тяжелые условия.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В 1914 г. арабские страны были вовлечены в мировую империалистическую войну. Англо-французский блок базировался в Египте, Судане, Алжире, Марокко и британских владениях на Аравийском полуострове. На службу германо-турецкой коалиции были поставлены материальные и людские ресурсы Палестины, Сирии, Ливана, Ирака и части Аравии.

Военные действия, развернувшиеся на территории арабских провинций Османской империи, протекали неблагоприятно для Турции. В ноябре 1914 г., через месяц после вступления Турции в войну, английские войска высадили десант в районе Басры и, продвигаясь от Персидского залива на север, пытались завоевать весь Ирак. Они заняли Фао, затем Басру и пошли на Багдад. Эта кампания была в начале неудачной для англичан. Однако турецкая победа у развалин Ктесифона в ноябре 1915 г., окружение десятитысячного британского отряда в Кут аль-Амаре, который капитулировал после пятимесячной осады, не изменили общего хода войны. Англичане продолжали удерживать весь Южный Ирак, порты Персидского залива и быстро восполнили потери. Положение англичан в Ираке облегчалось тем, что германо-турецкие войска терпели неудачи на других фронтах. Неоднократные попытки турецкого командования атаковать оккупированную англичанами зону Суэцкого канала (январь — февраль 1915 г., апрель и август 1916 г.) окончились безрезультатно.

Положение Османской Турции к концу второго года войны оказалось крайне тяжелым. Лучшие регулярные дивизии турецкой армии были разбиты. Не выдержала испытаний войной отсталая полукOLONиальная экономика Турции. Широко распространились антивоенные и пораженческие настроения. Участились случаи дезертирства, особенно в арабских частях. Происходили столкновения между арабскими и турецкими соединениями османской армии. Почти половину турецких

воинских континентов, действовавших на территории Сирии и Ливана, их командование было вынуждено держать в тылу, враждебном германо-турецкому блоку. Восстания и антитурецкие выступления народных масс в Джебель Друзе, Хауране, Ираке и других районах осложняли военно-стратегическое положение турецко-германских сил на перднеазиатском театре мировой войны.

В конце 1916 г. англичане вновь захватили инициативу на иракском фронте и удерживали ее в своих руках уже до конца войны. Они сосредоточили здесь 160-тысячное войско и в 1917 г. взяли Багдад и Тикрит, оккупировав почти всю Месопотамию. К концу 1916 г. английская армия заняла Синайский полуостров и в начале 1917 г. вышла к границе Палестины. Осенью 1917 г. произошел решающий перелом на палестинском фронте в пользу англичан. Подавляющий численный перевес над турецкими войсками, превосходство в военной технике, хорошо организованное снабжение и надежные коммуникации обеспечили прорыв турецких позиций на участке Газа — Бир Саба. В ноябре — декабре 1917 г. пали Яффа и Иерусалим. Турция оказалась на грани полного военного поражения.

Завершающие события на азиатско-турецком фронте мировой войны развернулись осенью 1918 г. В сентябре силы Антанты перешли в общее наступление на палестинском фронте. Были взяты Наблус, Назарет, Дамаск, Бейрут, Халеб и к 30 октября оккупирована вся Сирия. В Ираке английская экспедиционная армия начала движение от Тикрита на Мосул. Турецкие войска были вынуждены поспешно отступить. В ноябре, уже после перемирия и вопреки его условиям, Англия захватила Мосульский нефтяной район.

Таким образом, к концу войны все арабские области в Азии, за исключением Хиджаза и Йемена, были оккупированы союзническими войсками.

30 октября 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон» в порту Мудрос, на острове Лемнос, было подписано перемирие, означавшее для Османской Турции фактически полную капитуляцию. Оно, в частности, предусматривало сдачу всех турецких гарнизонов в Хиджазе, Асире, Йемене, Сирии и Ираке союзному командованию. Сирия, Ливан, Палестина и Ирак были полностью оккупированы англо-французскими войсками.

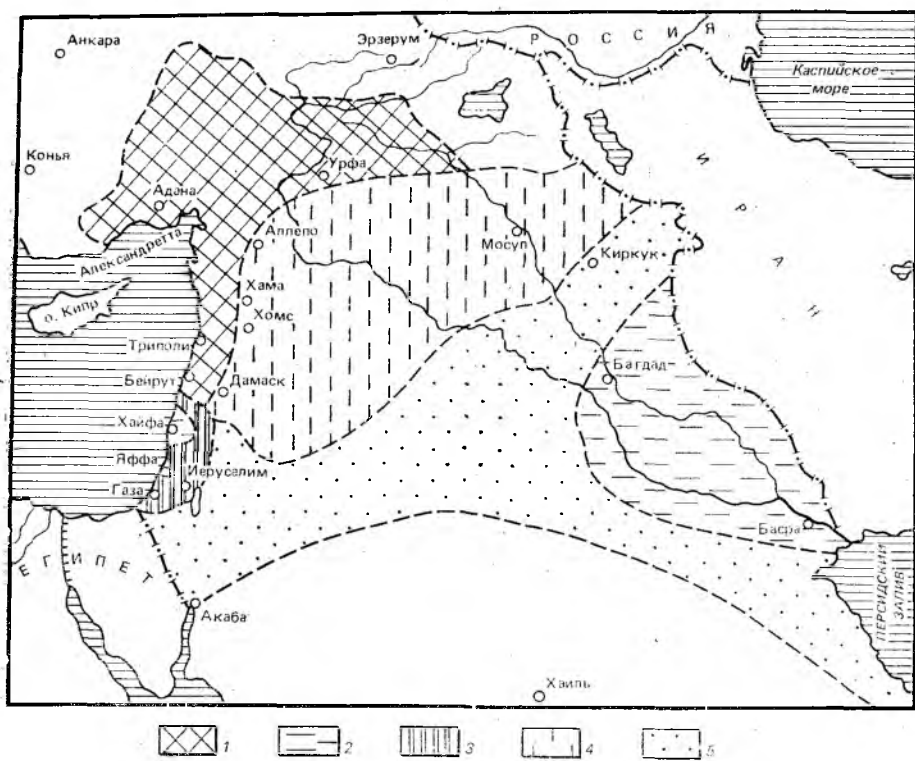
БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ ЗА РАЗДЕЛ АРАБСКИХ ВЛАДЕНИЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Правительства стран Антанты использовали факт вступления Турции в войну на стороне Германии для обоснования своих аннексионистских планов. Англия играла главную роль в решении судеб арабской части «османского наследства». В отличие от своих союзников она имела такие важные плацдармы на Ближнем Востоке, как Египет, Судан, аравийские княжества и Южный Ирак. Она почти единолично вела военные операции на арабских фронтах. С целью упрочения своих позиций Англия еще в 1914 г. провозгласила протектораты над Кувейтом и Египтом, а осенью 1916 г. — над Катаром.

Страны — члены Антанты выдвигали, каждая свои, претензии на арабские владения Османской империи. Франция намеревалась получить Сирию и Палестину. Англия, также стремившаяся к разделу арабских стран, предпочитала вначале укрепиться в Ираке и Аравии.

С начала войны появилась необходимость согласовать эти притязания и договориться о конкретных межсоюзнических обязательствах. В апреле 1915 г. было заключено соглашение между Англией, Францией и Россией, по которому России были обещаны проливы и предусматривалось образование в Аравии независимого мусульманского государства. Из-за резких разногласий между Англией и Францией вопрос о судьбе Сирии и Палестины не был решен. Соглашение 1915 г. стало первым этапом тайного сговора империалистов о разделе арабских стран Азии.

Этот вопрос снова возник в конце 1915 г. в связи с изменением военно-политического положения на Ближнем Востоке. Успехи русской армии на кавказском фронте, ее продвижение к Верхнему Ираку и Северной Сирии заставили Англию и Францию поторопиться с точным разграничением сфер аннексий и влияния в Передней Азии. В начале 1916 г. англичане заключили тайное соглашение с Францией о разделе арабских стран (соглашение Сайкс — Пико), которое было

Раздел Арабских стран по соглашению Сайкс — Пико: 1 — французская зона; 2 — английская зона; 3 — международная зона; 4 — зона «А» — сфера французского влияния; 5 — зона «В» — сфера английского влияния

одобрено царской Россией. По этому соглашению азиатские владения Османской империи делились на 5 зон. «Синяя зона», включавшая Западную Сирию и Ливан, а также турецкие области Киликию, Айн-таб и другие, отходила в полное владение Франции. «Красная зона» (Южная Месопотамия с Багдадом и палестинские порты Хайфа и Акка) передавалась Англии. В «коричневой зоне» (Палестина без

Хайфы и Акки) устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и западными странами. Восточная Сирия и Северный Ирак отводились во французскую зону влияния (зона «А»). Заиорданье и Центральный Ирак выделялись в сферу влияния Англии (зона «Б»). В этих зонах Англия и Франция получали преимущественные права торговли, железнодорожного строительства, ввоза оружия, назначения иностранных советников и т. д.

Соглашение Сайкс — Пико, предусматривавшее захват английскими и французскими империалистами (путем прямой аннексии или установления сфер влияния) всех сирийских и иракских владений Османской Турции, было глубоко враждебно интересам арабских народов.

Для Англии соглашение Сайкс — Пико было маневром, вынужденным военной обстановкой. В дальнейшем британская дипломатия всеми силами добивалась его ревизии, чтобы взять назад некоторые уступки Франции и пересмотреть намеченные этим соглашением зоны.

В первую очередь Англия поставила задачу достичь единоличного господства в Палестине. С начала 1917 г. британское правительство значительно активизировало там просионистскую деятельность и опубликовало заявление о «благожелательном отношении к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа» (декларация Бальфура), которое противоречило условиям соглашения Сайкс — Пико. Ссылаясь на декларацию Бальфура, Англия отказалась от установления в Палестине международного режима и настояла на передаче этой территории исключительно под английскую власть.

Конец войны был отмечен ростом англо-французского соперничества на Арабском Востоке. После капитуляции Турции в Ираке установилось безраздельное английское господство. Ливан и Западная Сирия были переданы французской администрации. Восточная Сирия и Заиорданье перешли под власть арабских правителей. На остальных территориях, в том числе и в Палестине, гражданская власть находилась в руках англичан. Хиджаз и Центральная Аравия не были оккупированы союзными войсками, но оказались под влиянием Англии.

Освободившиеся от турецкого гнета арабы не получили долгожданной свободы и попали в зависимость от английских и французских колонизаторов.

ВОССТАНИЕ В АРАВИИ

Разрабатывая планы военных операций на ближневосточных фронтах, английское командование придавало большое значение восстаниям в турецком тылу. Уже в самом начале войны англичане установили связь с националистами Сирии и феодалами Аравии. Но жестокие репрессии османских властей против сирийских националистов вынудили англичан отказаться от планов организации восстания в Сирии. Поэтому английская дипломатия и разведка стали готовить восстание в Аравии. Вскоре после начала военных действий на Ближнем Востоке они возобновили контакты с правителем Хиджаза шерифом Хусейном аль-Хашими. В переговорах о заключении англо-хиджазского военного и политического союза шериф Хусейн гарантировал вступление Хиджаза в войну на стороне Антанты, если будут удовлетворены его требования. Союз с Хашимитами и помощь Аравии в борьбе с Османской Турцией сулили Англии не только стратегические выгоды, но и приобретение нового политического орудия для осуществления захват-

нических планов в арабских странах. Поэтому английское правительство решило принять некоторые условия Хашимитов. В частности, от имени держав — членов Антанты Англия обещала шерифу Хусейну содействовать образованию после войны независимого арабского государства, охватывающего значительные арабские территории Азии, обязалась предоставить оружие и снаряжение. Поощряемый обещаниями и субсидиями, Хусейн поднял в июне 1916 г. антитурецкое восстание бедуинских племен.

Стремясь претворить идею о создании общеарабского государства, Хусейн провозгласил себя «королем арабов», т. е. всех арабских стран Азии. Англия и Франция, заранее договорившиеся о разделе арабских владений Османской империи на колонии и «сферы влияния», и не собирались выполнить данные Хусейну обещания, поэтому они признали его лишь «королем Хиджаза», одной из наиболее пустынных и бедных областей Аравийского полуострова.

Арабские повстанцы развернули партизанскую войну против турок сначала в Хиджазе. В первые месяцы восстания они почти целиком освободили его южные и центральные районы. К концу 1916 г. туркам удалось стабилизировать положение, что побудило Хусейна обратиться за помощью к англичанам.

Хотя Англия прямо инспирировала хиджазское восстание, она всячески стремилась ограничить его масштабы, опасаясь, что оно может вызвать бурный рост национально-освободительного движения в арабских странах. Шерифу Хусейну было отказано в артиллерии. Английская помощь свелась к операциям британского флота на Красном море и отправке в Хиджаз наряду с военными советниками и техническими специалистами одного египетского отряда. Вся тяжесть войны легла на плохо вооруженные ополчения бедуинов. Значительный ущерб хиджазскому восстанию нанесло и англо-французское соперничество в этом районе. Тем не менее в начале 1917 г. инициатива вновь и уже прочно перешла в руки хиджазских арабов. Тогда же английское командование приняло решение о переносе арабской партизанской войны из Хиджаза на север — в Палестину и Заиорданье.

Основной ударной силой повстанцев стала группировка сына Хусейна эмира Фейсала аль-Хашими. Его главным военным и политическим советником был английский разведчик Лоуренс, который фактически руководил действиями всей северной группы хиджазских войск. Летом 1917 г. отряды Фейсала — Лоуренса совершили глубокий рейд через пустыню, вышли на границу Хиджаза с Синайским полуостровом, заняли Акабу и сомкнули фронт с английской армией. С падением Акабы (июль 1917 г.) турки были окончательно изгнаны с Красноморского побережья, а к концу 1917 г. — со всей территории страны, за исключением Медины и узкой полоски вдоль Хиджазской железной дороги.

Боевые группировки Фейсала — Лоуренса значительно облегчили английской армии борьбу с турками в Палестине. Благодаря содействию арабов англичане сумели прорвать в ноябре 1917 г. после года бесплодных попыток германо-турецкую оборонительную линию в Палестине и занять южную часть страны. На исходе войны хиджазские арабы и присоединившееся к ним местное население способствовали полному разгрому германо-турецких войск на Арабском Востоке.

С первых дней войны османские власти начали планомерное и безжалостное ограбление арабского населения. У крестьян отбирали продовольствие и домашний скот. В Сирии и Ливане в 1915 г. под предлогом военной необходимости было реквизировано девять десятых урожая зерновых. Деревья, в том числе плодовые, повсеместно вырубались на топливо. К началу 1918 г. по всей Сирии было вырублено более половины оливковых деревьев для топки паровозов.

Сельское хозяйство подвластных Турции арабских провинций жестоко страдало от войны. Резко сократился сбор ценных сельскохозяйственных культур. В Сирии в 1915 г. было обработано едва ли 50% пашни. В запустение пришла ирригационная система. Многие оросительные сооружения разбирались для военных нужд. В широких масштабах применялся принудительный труд. Тысячи крестьян сгонялись на работы военно-стратегического характера.

Глубокий упадок промышленности и торговли привел к острому товарному голоду и массовому разорению мелких и средних предпринимателей. Цены на продукты питания и потребительские товары возросли в несколько раз, а многие товары первой необходимости почти совершенно исчезли с рынков Сирии, Палестины, Ливана и Ирака. Уже в начале войны большинство промышленных и ремесленных предприятий Сирии закрылось из-за нехватки сырья и рабочей силы. Наибольший ущерб война причинила текстильной промышленности, поскольку импорт сырья практически прекратился. Особенно явственно проявился финансовый кризис. Инфляция и утечка золота за границу достигли огромных размеров.

Османские власти не предприняли действенных мер по борьбе с надвигающимся голодом. Более того, они организовали вывоз продовольствия в Германию. Уже в начале войны сотни тысяч жителей Ливана, Сирии, Палестины, Ирака оказались на грани голодной смерти. За три последних года войны (1916—1918) в Сирии и Ливане умерло от голода и эпидемий до 350 тыс. человек, т. е. более 10% всего населения.

Турецкое правительство не доверяло арабскому населению. В годы войны в Сирии, Ливане и Палестине было ликвидировано местное самоуправление, упразднен гражданский суд, отменены все права и привилегии, которыми пользовались на основании международных соглашений различные немусульманские общины. Османские власти уничтожили автономию Горного Ливана, предусмотренную соглашением 1861 г.

Бедствия войны и хозяйственная разруха в арабских областях, подконтрольных Османской Турции, повсеместно порождали народные возмущения. «Вряд ли насчитывается один человек на тысячу, — писал очевидец событий в Ливане, — который бы был расположен к теперешнему турецкому правительству». Неудачными были попытки младотурок добиться от арабов поддержки военных усилий империи.

С середины 1915 г. османские власти взяли курс на массовый террор против арабских националистов. Прежде всего они обрушились со свирепыми репрессиями на лидеров освободительного движения, готовивших восстание в Сирии. В результате судебных процессов, устроенных в 1915 и 1916 гг., только в Сирии было приговорено к смертной казни более 800 человек, сотни арабов были брошены в тюрьмы. Наряду с судебной расправой турецкие власти широко практиковали

насильственную депортацию коренного арабского населения. Местами ссылки служили отдаленные пустынные районы Османской империи, где были созданы концентрационные лагеря.

К лету 1916 г. арабские националистические организации в Сирии и Ираке были разгромлены. Антитурецкие выступления в 1916—1917 гг. возникали там стихийно, без единого плана и руководства. Карательные меры османских властей предупредили организованное восстание в Сирии и Ираке, но не смогли укрепить турецкий тыл.

Но и английский тыл в Египте — основной базе британских войск на Ближнем Востоке — был столь же непрочен, как и германо-турецкий тыл в Палестине, Сирии и Ираке. Вступив в войну, Англия оккупировала зону Суэцкого канала и провела ряд чрезвычайных мероприятий. Египет был объявлен на осадном положении, власть в стране перешла к главнокомандующему английскими войсками. Вслед за объявлением Египта британским протекторатом (1914) англичане низложили хедива Аббаса Хильми и возвели на трон своего ставленника с титулом султана, который стал их послушным орудием.

Война тяжелым бременем легла на экономику Египта. Англичане формировали из местного населения трудовые корпуса, набор в которые производился 2—3 раза в год (и каждый раз по 135 тыс. человек). Всего через трудовые корпуса прошло свыше 1 млн египетских феллахов и рабочих. Египтяне строили оборонительные сооружения, военные базы, железные дороги на Синае, в Сирии, Месопотамии, даже во Франции.

Египетские порты, транспорт, промышленность и сельское хозяйство были поставлены на службу 275-тысячной британской армии. С 1914 г. был запрещен вывоз из страны всех продуктов первой необходимости и установлен государственный контроль над ценами. Для обеспечения нужд колониальных войск, размещенных в Египте, часть расходов англичане возложили на египетскую казну — 3 млн ф. ст., ввели новые поборы и реквизиции. Особенно разорительными для феллахов были конфискации рабочего скота.

Угроза продовольственного кризиса заставила колониальные власти временно ограничить посевы хлопчатника и форсировать производство зерновых. Однако вскоре англичане стали испытывать недостаток в хлопке для военной промышленности и отменили ограничительные меры. Производство хлопка возросло и цены на него с 1913 по 1917 г. утроились. На военном хлопковом буме нажились крупные производители хлопка, торговцы и спекулянты.

Разрыв внешнеторговых связей стимулировал развитие египетской промышленности. Национальный капитал развернул бурную деятельность, заполняя товарный вакуум, который образовался из-за прекращения подвоза промышленных товаров из-за границы. Открывались сотни мелких и средних предприятий в текстильной, швейной, кожевенной, сахарной и других отраслях промышленности.

Война принесла большие выгоды египетским помещикам, купцам и предпринимателям, временно примирила их с британским протекторатом. Вместе с тем обогащение египетской буржуазии не избавило ее от опеки английского финансового капитала и колониальных властей.

Национально-освободительное движение в Египте в военный период вступило в полосу кризиса. Многие политические деятели, в том числе лидеры буржуазно-помещичьих организаций, отошли от активной антибританской борьбы. Значительное число представителей освободительного движения было вынуждено эмигрировать в Европу и ог-

раничить свою деятельность антианглийской пропагандой из-за границы. Несколько террористических актов, предпринятых националистами, — покушения на египетского султана, на премьер-министра, министра вакфов — вызвали еще большие репрессии. Однако в стране нарастало недовольство хозяйничаньем англичан и войной. Многие учебные заведения стали центрами антиимпериалистической агитации. Наблюдались стихийные выступления крестьян.

В оккупированных районах Ирака английские завоеватели установили колониальный режим. Они грабили крестьян, облагая их натуральными и денежными контрибуциями, брали заложников, заключали их в лагеря для военнопленных, высылали в Индию. Английские военные власти распространили на Ирак индийские колониальные законы и заменили турецкую валюту индийской. Оккупированные районы Ирака во время войны были фактически превращены в одну из провинций Британской Индии.

После первой мировой войны в истории арабских народов начался новый этап — этап борьбы против английского и французского империализма, за полное национальное освобождение арабских стран.

ЭФИОПИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

ФЕОДАЛЬНАЯ АНАРХИЯ. НЕГУС ИОХАННЕС IV

Феодалная междоусобная борьба за власть над Эфиопией разгорелась еще до ухода английских войск из страны.

Когда английские войска вели наступление на Магдалу, правитель Вага и Ласты Гобазие, воспользовавшись удобным случаем, оккупировал провинцию Бегемдер. Затем он завоевал провинцию Дембейя.

Таким образом, к моменту захвата англичанами Магдалы Гобазие серьезно укрепил свои позиции в Центральной Эфиопии и выступил как один из наиболее сильных претендентов на трон негуса негести.

Другим крупным претендентом на эфиопскую корону был захвативший власть над Тигре Касаи, оказавший большую помощь англичанам в их борьбе с Федором. Оставляя страну, английская экспедиция передала в качестве компенсации за эту помощь 850 ружей со штыками, 40 тыс. патронов, 28 бочек с порохом и батарею пушек, тем самым обеспечив ему серьезное техническое превосходство над другими эфиопскими феодалами.

Третьим крупнейшим феодалом был Менелик, объявивший себя еще при жизни Федора царем Шоа. Занятый укреплением своей власти внутри этой территории, а также расширением своих владений за счет племен галла, Менелик в первое время не участвовал активно в междоусобной войне за власть над всей Эфиопией.

В основном эта борьба протекала между Касаи и Гобазие. Она серьезно обострилась после освобождения из заключения в Магдале многих феодалов, лишенных их прежних владений негусом Федором.

Каждый из них стремился вернуть утраченные земли и создать свое войско, группируя вокруг себя недовольных режимом новых феодалных владетелей.

В конечном итоге большинство феодалов Центральной Эфиопии встали под знамена Гобазие, объединившего под своей властью Амхару, Ласту, Ваг и крупную провинцию Годжам. Гобазие имел в своем распоряжении значительную армию, насчитывавшую до 60 тыс. человек. В апреле 1868 г. Гобазие провозгласил себя негусом Эфиопии под именем Такла Гиоргиса.

В 1872 г. он выступил против Касаи, намереваясь захватить Адуа, столицу этой провинции. Касаи имел в своем распоряжении 12 тыс. воинов, но во много раз лучше вооруженных, чем войска Гобазие. В последовавшей битве армия Гобазие была разгромлена, а сам он попал в плен. После этой победы Касаи направился в Аксум и там короновался негусом Эфиопии под именем Иоханнеса IV (1872—1889). Но у него оставался могущественный соперник Менелик, незадолго до этого присвоивший себе титул негуса негести.

Иоханнес начал готовиться к борьбе с Менеликом, но внешние обстоятельства надолго отвлекли его от осуществления этой задачи. В Эфиопию трижды вторгались египетские войска, но всякий раз терпели поражение.

Разгромив египтян, Иоханнес перебросил свои войска против Менелика и нанес ему поражение. Менелик признал Иоханнеса негусом

Эфиопии и вынужден был отказаться от титула негуса негести. В обмен на это Иоханнес признал его царем Шоа и согласился с Менеликом на разделение сфер влияния в южных незавоеванных территориях Эфиопии.

Весной 1884 г. английское правительство направило к негусу миссию во главе с адмиралом Хевитом, имевшим целью отвлечь на Эфиопию силы махдистов и тем самым дать возможность вывести английские войска из осажденных повстанцами суданских фортов. Иоханнес подписал с английской миссией соглашение, по которому обещал помочь Англии в спасении фортов, расположенных вдоль его северных и северо-восточных границ. Эфиопские войска отбили махдистские атаки на эти форты и освободили гарнизоны.

Так Эфиопия была втянута англичанами в ненужную ей войну с махдистами.

В то время как Эфиопия воевала с махдистами, англичане согласились передать Италии единственный морской порт Эфиопии. Итальянцы начали продвигаться сразу же в глубь Эфиопии, угрожая с севера владениям негуса Иоханнеса. Они установили с Менеликом тайные связи, поощряя его к борьбе с Иоханнесом. Менелик принимал итальянскую помощь, но не шел на открытую борьбу с Иоханнесом.

Владения негуса Иоханнеса оказались окруженными врагами со всех сторон. Итальянцы угрожали с севера, махдисты — с запада, племена данакиль, подстрекаемые итальянцами, совершали набеги на его юго-западные границы, а войска Менелика стояли у южных границ.

Махдисты начали наступление и вторглись в Эфиопию. Они захватили в 1887 г. Гондар и опустошили большую часть провинции Дембейя. В следующем году махдисты повторили вторжение, но были разбиты войсками князей Микаэля, Мангаши и Алулы. В одном из боев с махдистами Иоханнес был смертельно ранен.

Среди феодалов, командующих армией, начались обычные ссоры из-за первенства. Многие феодалы со своими отрядами покинули поле боя и направились в свои владения, чтобы готовиться к предстоящей борьбе претендентов на престол.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАХВАТЫ НА КРАСНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ. ИТАЛЬЯНСКАЯ АГРЕССИЯ В ЭФИОПИИ

К 70—80-м годам XIX в. международное положение стран Красноморского побережья, в том числе и Эфиопии, резко изменилось. Прорытие Суэцкого канала сделало район Красного моря узлом острейших империалистических противоречий. В борьбе за захват территорий этого района наиболее активное участие приняли Англия, Франция и Италия. Еще в 1859 г. мятежный рас Негусие передал Франции порт Зуллу и два небольших острова — Дессие и Ауду. В 1862 г. султан Обока продал французам порт за 10 тыс. талеров, а в 1884 г. французы оккупировали весь султанат Обок, находившийся на территории Сомали. С 1884 по 1888 г. Франция расширила территорию вокруг своего нового владения и захватила области Таджурру, Дуллул, Сукти, Сагалло, Амбадо, острова Муса и Баб и, наконец, Джибути, создав колонию под названием Французский берег Сомали.

Англия обосновалась также на побережье Сомали, захватила Зейлу и Берберу, основав колонию Британский Сомалиленд.

Особую активность проявляли в районе Красного моря итальянские колонизаторы. В 1885 г. Англия передала Италии порт Массауа, принадлежавший с XVI в. египтянам. Воспользовавшись поддержкой Англии, Италия начала постепенно захватывать территорию Эритреи. По соглашению с Англией в 1886 г. Италия получила право оккупировать всю береговую линию от Рарата на севере до Рахейты на юге. Через порт Ассаб и территории племен данакиль итальянцы могли легко вступать в сношения с южными районами Эфиопии, в частности с правителем Шоа Менеликом, без ведома негуса Иоханнеса IV. Итальянцы ввозили значительное количество оружия и военного снаряжения для армии Менелика.

Негус Иоханнес за помощь в подавлении махдистского восстания добился у Англии согласия на беспощадный экспорт и импорт товаров через Массауа. Кроме того, он вел переговоры с правительством Египта, а затем Англии о передаче Эфиопии этого эфиопского порта.

Заняв Массауа и все эритрейское побережье, итальянцы создали укрепленные пункты и начали перебрасывать войска для продвижения во внутренние районы страны. В начале 1887 г. итальянцы вторглись на эфиопскую территорию. Несмотря на протесты губернатора Хама-сена раса Алулы, они не только не оставили занятые земли, но начали возводить на них свои укрепления. Войска раса Алулы численностью 15—20 тыс. выступили против итальянского отряда. В битве при Догали в январе 1887 г. итальянцы потерпели поражение и были вынуждены отойти к порту Массауа.

После этого поражения итальянцы начали строить новые форты и перебрасывать войска в Эритрею. Вместе с находившимися там гарнизонами итальянские силы на границах Эфиопии увеличились до 25 тыс. человек. В 1888 г. к правителю Шоа Менелику была направлена итальянская миссия Антонелли, который от имени своего правительства обещал признать Менелика негусом Эфиопии и оказать ему военную и денежную помощь для борьбы с негусом Иоханнесом IV. Главным условием ставилась передача Италии Асмары и Керена. Менелик принял предложение итальянцев, но не вступил в открытый конфликт с Иоханнесом. Равным образом он отказался выступить со своими войсками по приказу Иоханнеса против итальянцев.

В 1889 г. Менелик заключил с Италией договор о дружбе и торговле, согласно которому он признавал права этой державы на оккупацию всей Эритреи. В качестве компенсации за территориальные уступки Эфиопия получала 38 тыс. винтовок и 28 пушек. По дополнительной конвенции Менелику предоставлялся заем на 4 млн франков.

В договор 1889 г. был включен пункт, по которому Эфиопия могла обращаться к итальянскому правительству как посреднику в своих внешних сношениях.

Позднее было обнаружено, что итальянский и амхарский тексты этой статьи не были идентичными. В итальянском тексте вместо глагола «мочь» был употреблен глагол «долженствовать», что по существу было равносильно признанию Менеликом итальянского протектората над Эфиопией.

После смерти Иоханнеса Менелик занял престол Эфиопии. Еще до этого он значительно расширил свои владения. Так, в 1883 г. Менелик подчинил область, населенную галласким племенем тулама; в 1887 г. оккупировал обширную область Харрар, которая до 1885 г. была занята египетскими войсками; затем он покорил галласское цар-

ство Джимму. Став негусом Эфиопии, Менелик продолжал завоевание южных областей страны, заселенных племенем галла. Так, в 1890 г. было завоевано галлаское царство Леха, в 1893 г. — царство Воламо и область Сидамо. В 1895 г. войска Менелика II подчинили племя галла арусси.

Завоевательная политика Менелика диктовалась экономическими соображениями. Необходимо было расширить внутренний рынок и получить товары для эфиопской экспортной торговли. Этим он также хотел предупредить поползновения европейских империалистов захватить эти территории. Но завоевательская политика на юге страны была прервана нарастающим конфликтом с Италией.

Согласно условиям договора, итальянские войска в декабре 1889 г. заняли Керен и Асмару, а в январе 1890 г. — Адуа — столицу провинции Тигре и перешли р. Марерб. В октябре 1890 г. Италия объявила об установлении своего протектората над Эфиопией. Менелик II обратился с протестом к итальянскому королю, но не получил ответа. К этому времени Италия заключила с Англией ряд соглашений о разделе сфер влияния в бассейне Красного моря, по которым Эфиопия объявлялась итальянской сферой влияния. Менелик направил протест в виде циркулярной ноты всем европейским державам. Не добившись ничего своими протестами, он в 1893 г. заявил о денонсации договора с Италией и возвратил полученный заем.

Итальянские войска продолжали продвигаться в глубь территории Тигре. Менелик стал готовить отпор агрессорам.

БОРЬБА ЭФИОПИИ ПРОТИВ ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ

В 1894 г. Менелик отдал приказ расу Мангаше, губернатору Тигре, выступить против итальянских войск, обещая прислать ему подкрепление. Рас Мангаша бросил свои войска в район Коатит на дороге Адиграт — Сенафе, где произошла битва с итальянцами. Мангаша потерпел поражение и вынужден был отступить.

После дождливого сезона, получив значительные подкрепления, итальянские войска возобновили наступление и заняли провинции Тембиен и Эндерту. Рас Мангаша снова потерпел поражение при Дебра Хайла. Итальянцы захватили Макалле и продвинулись до Амба Алаги — пункта, господствующего над горным проходом, ведущим к озеру Ашанги. Таким образом, к концу 1895 г. почти все Тигре было занято итальянцами. Менелик спешно перебросил в помощь Мангаше лучшие эфиопские части под командованием раса Маконена.

В декабре 1895 г. армия Маконена неожиданно появилась у Амба Алаги и нанесла поражение итальянским войскам, которые вынуждены были отойти к Макалле. Остатки итальянских войск бежали к Адиграту, эвакуировав Адуа. Гарнизон Макалле был осажден эфиопскими войсками и в 1896 г. капитулировал.

Итальянцы отошли за р. Марерб и, получив подкрепления, заняли оборонительную позицию. Войска Менелика выступили двумя колоннами на север. Одна из них продвигалась через провинцию Шоа к Адуа, другая же направилась туда же через Годжам.

Итальянцы, оставив укрепленные позиции вокруг Энтишо, двинулись к Адуа навстречу эфиопской армии. В решительном сражении численно превосходившее эфиопское войско нанесло поражение итальянцам. Итальянцы потеряли около 4 тыс. только пленными. Вся артиллерия и около 11 тыс. винтовок и пулеметов, весь обоз были бро-

шены на поле боя. Потери эфиопской армии были также значительными.

Разгром итальянских войск под Адуа был большой победой эфиопского народа над империалистической агрессией. Эфиопия отстояла свою независимость. Это способствовало повышению международного авторитета страны. Менелик получил более 4 тыс. поздравительных писем из разных стран.

После битвы при Адуа основная армия Менелика начала отход из Тигре в Шоа. Вокруг Адиграта были оставлены только войска расов Алулы и Мангаши.

В 1896 г. в новую столицу Эфиопии Аддис-Абебу (основана в 1887 г.) прибыла итальянская делегация для ведения переговоров, где был подписан мирный договор.

Италия согласилась считать прежний договор утратившим силу. Эфиопия признавалась суверенным и независимым государством. До окончательного определения границы была установлена демаркационная линия по р. Мареб. Италия была вынуждена выплатить Эфиопии контрибуцию в размере 10 млн итальянских лир.

В подготовке к отражению итальянской агрессии Менелик пользовался тайной военной помощью Франции. Транспорты с оружием направлялись в Эфиопию через захваченный французами сомалийский порт Джибути. Еще в 1894 г. Франция через частных лиц добилась от Менелика II концессии на строительство железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Формально концессионерами «Эфиопской компании» были советники Менелика француз Шеффно и швейцарец Ильг, но фактически ей оказывали помощь крупные французские капиталисты. Получение этой концессии означало переориентацию внешней политики Менелика на Францию. После поражения Италии Франция начала активно проникать в Эфиопию, стараясь использовать политические и военные успехи Менелика. Соперничая с Англией, Франция толкала Менелика на дальнейшее расширение его владений к югу — к границам Кении и Уганды, а на западе — к границам Судана. Французское правительство поддерживало требование Менелика установить границы Эфиопии по Нилу.

После победы над Италией Менелик смог завершить полное завоевание эфиопского юга. В 1897 г. было закончено завоевание Огадена. В том же году были подчинены небольшие старинные царства Каффа и Гимирра. В 1898 г. Менелик подчинил султанат Аусса, преемника некогда могущественного султана Адаль.

После того как французская компания закончила строительство первой очереди дороги Джибути — Диредауа протяженностью 310 км и заключила в 1902 г. новое соглашение о монопольном праве этой компании строить железную дорогу между Джибути и долиной Аваш, Англия начала спешно скупать долговые обязательства и акции компании. В противовес французской Англия организовала компанию «Интернейшнл Этиопиан рейлвей траст», предлагая начать строительство железной дороги из Аддис-Абебы к своим сомалийским портам Зейла и Бербера.

Опасаясь чрезмерного усиления позиций Франции, Менелик пошел на уступки Англии и заключил с ней 15 мая 1902 г. соглашение. По этому соглашению была установлена существующая до сих пор граница между Эфиопией и Суданом. Эфиопия отказалась от французского плана строительства гидротехнических сооружений на озере Тана. Такое строительство в будущем должно было производиться только с согласия британского генерал-губернатора Судана. Эфиопия

разрешила англичанам строительство на территории страны железной дороги для связи Судана с Угандой. Дальнейшее давление англичан привело к тому, что в апреле 1905 г. Менелик¹ расторг концессию с французской компанией на строительство железной дороги.

Острые противоречия между империалистическими державами из-за Эфиопии вызвали их попытку поделить сферу влияния. В 1906 г. было принято компромиссное англо-франко-итальянское соглашение о сохранении политического и территориального статус-кво в Эфиопии и о невмешательстве во внутренние дела страны. В случае каких-либо перемен в Эфиопии державы оставляли за собой право предпринимать действия по охране интересов своих граждан или лиц, находящихся под их протекторатом. Англия получила сферу влияния в бассейне верховьев Нила и вокруг озера Тана, Италия — в зоне между Эритреей и Сомали, а Франция — в зоне железной дороги.

Толчком к заключению этого соглашения было не только обострение противоречий между этими тремя державами, но и попытки проникновения Германии в Эфиопию, которые особенно усилились в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

Эфиопская миссия летом 1907 г. была направлена в Берлин, Вену, Будапешт, Рим и Стамбул. Франция, опасаясь вовлечения Эфиопии в сферу германского влияния, начала усиленно добиваться закрепления своих позиций. В 1908 г. Франция подписала с Эфиопией новый договор о дружбе и торговле, а через несколько недель новая французская компания получила концессию на продолжение строительства железной дороги из Джибути. В Эфиопию прибыло большое число французских специалистов.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА МЕНЕЛИКА II

С проникновением империалистических держав Эфиопия включилась в сферу капиталистических отношений, однако оставалась феодальной страной с довольно сильными пережитками рабовладельческого уклада. Она все больше превращалась в аграрно-сырьевой придаток крупных капиталистических держав. Возрос вывоз кофе, слоновой кости, шкур, пряностей (так называемых колониальных товаров). Происходило увеличение товарности сельского хозяйства. Расширилась внутренняя торговля. Основными поставщиками экспортной продукции стали завоеванные Менеликом южные провинции.

В областях, завоеванных Менеликом II во второй половине XIX в., была установлена военно-ленная система. Управление провинциями даже в тех случаях, когда у власти были оставлены прежние феодальные правители местного происхождения, было передано в руки губернаторов, назначавшихся центральным правительством, преимущественно из числа шоанской знати, сподвижников Менелика. На территории этих областей были размещены значительные силы эфиопской армии из центральных провинций страны.

К каждому эфиопскому солдату, чиновнику, офицеру было прикреплено определенное число местных жителей (от 2 до 100 и более), которые обязаны были выполнять повинности феодального характера, наиболее важная из них — обеспечение воинов продовольствием. Эта дополнительная система крепостнической эксплуатации существовала наряду с прежними формами эксплуатации и зависимости крестьянства, существовавшими до эфиопского завоевания. Местной родоплеменной и феодальной верхушке были оставлены ее владения. Однако

часть земель, принадлежавших местным феодалам, была конфискована в пользу центральной власти, которая передавала их эфиопским феодалам.

С втягиванием Эфиопии в международный капиталистический рынок в стране увеличилась прослойка торговой буржуазии. Однако оптовая импортная и экспортная торговля сразу же попала в руки инонациональных элементов — армян, греков, индийцев, арабов. Однако и эфиопские феодалы постепенно начали участвовать в экспортной торговле. Многие феодалы не только сбывали сырье через посредство торговцев, но и занимались ссудными операциями, в которых активное участие принимал сам Менелик.

Наибольшую активность в экспортной торговле проявляла верхушка шоанских феодалов, которые обогатились на завоевательных походах и эксплуатации присоединенных областей.

Внутренняя политика Менелика была направлена на укрепление господствующего положения прослойки феодалов, связанных с рынком. Его политика способствовала росту и укреплению эфиопской торговой буржуазии. Негуса поддерживали офицеры и чиновники, участвовавшие в эксплуатации населения покоренных областей.

Основной целью внутренней политики Менелика были создание централизованного государства и ликвидация феодальной раздробленности страны. При осуществлении этой политики ему неизбежно пришлось вести борьбу с сепаратизмом крупных феодалов Тигре, Волло, Годжама, Вага. Менелик применял военную силу для подчинения этих феодалов. Он широко практиковал назначения правителей в провинции и области, отменив наследственность должностей. Однако во многих областях управление все же было оставлено наследственным расам. Однако добиться подлинного политического единства страны Менелику так и не удалось.

Экономическая политика Менелика не была направлена на самостоятельное развитие страны. Он раздавал концессии английским, французским, итальянским и германским предпринимателям. В стране не были созданы даже зачатки собственной промышленности.

Наряду с железнодорожными концессиями существовали концессии на организацию плантационного хозяйства. Так, англичане получили концессию в районе Аддис-Абебы на плантацию эвкалиптов, концессию в районе озера Зуай на разведение и выращивание страусов. Французам были даны концессии для организации крупных скотоводческих хозяйств. Концессионеры надеялись наравне с расами феодальными правами взимать налоги с населения и осуществлять суд на своей территории. Расы также давали концессии иностранцам на эксплуатацию принадлежащих им земель. Иностранцам было предоставлено право приобретать в Эфиопии земельную собственность.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЭФИОПИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние годы правления Менелика II между феодальными группировками возникла острая борьба за влияние на политическую жизнь страны. Наиболее крупной по занимаемым позициям в государственном аппарате была группировка шоанских феодалов. После завоевания южных областей и обеспечения себе преимущественного права на их управление и эксплуатацию эта группировка выступила против проведения внутренних реформ. К ней примкнуло высшее эфиопское духовенство. Возглавил эту группировку крупнейший феодал

и военный министр созданного в 1907 г. Менеликом кабинета Хапте Гиоргис.

Вторая группировка феодалов представляла новые тенденции, связанные с втягиванием в товарно-денежные отношения. К ней примыкала и эфиопская торговая буржуазия. Она была заинтересована в проведении внутренних реформ, продолжении борьбы с феодальным сепаратизмом, развитии просвещения и «европеизации» Эфиопии. Ее поддерживала и малочисленная эфиопская интеллигенция, получившая образование в европейских странах. Эту группировку возглавлял сын крупнейшего деятеля менеликовского режима Маконена Тафары Маконен.

Третью группировку составляли наследственные феодалы других областей, недовольные политикой выдвижения шоанских феодалов, мусульманская торговая буржуазия, родоплеменная верхушка и крупные феодалы покоренных областей. Возглавил эту группировку Микаэль, рас области Волло (галла по этнической принадлежности), в свое время боровшийся с Менеликом. Менелик для обеспечения его лояльности дал ему в жены свою дочь, от брака с которой Микаэль имел сына Ясу, которого Менелик провозгласил своим преемником. Эта группировка готовила Ясу массовую опору, используя недовольство политикой Менелика крестьянских масс, покоренных народов и их верхушки, мусульманской по религии. Сам Ясу откровенно отдавал предпочтение исламу, чем привлек себе симпатии многочисленного мусульманского населения Эфиопии. Ясу был еще несовершеннолетним в тот момент, когда разбитый параличом Менелик назначил его своим преемником. В регентском совете ведущая роль принадлежала императрице Таиту, которая добивалась признания наследницей престола своей дочери Заудиту.

Но сторонники Ясу организовали в 1910 г. дворцовый переворот, в результате которого Таиту была отстранена от участия в регентском совете. Совет признал Ясу совершеннолетним. Его сторонники стянули свои войска в Аддис-Абебу и захватили дворец. Ясу был объявлен негусом, но до смерти Менелика (12 декабря 1913 г.) фактически не пользовался никакой властью. Он получил поддержку племен галла южных областей, сомалийских и данакильских племен. С началом первой мировой войны Ясу открыто выражал свои симпатии Германии и Турции. Германская и турецкая миссии в Эфиопии старались втянуть ее в войну. Ясу начал переговоры с руководителями сомалийских повстанцев Мухаммедом бен-Абдаллахом.

Все эти шаги Ясу вызвали серьезное беспокойство государств Антанты. Они боялись, с одной стороны, вступления Эфиопии в войну на стороне Германии, а с другой — военной помощи Эфиопии народному антиимпериалистическому восстанию в Сомали. Английские, французские и итальянские войска были переброшены к Бербере, Джибути и Массауа. Государства Антанты начали переговоры с представителями двух других политических группировок феодалов и эфиопским христианским духовенством, враждебно относившимся к Ясу.

В 1916 г., воспользовавшись поездкой Ясу в мусульманские области для подготовки «священной войны», феодалы двух объединившихся группировок совершили государственный переворот. В 1917 г. на эфиопский трон была возведена Заудиту, дочь Менелика; в качестве регента и наследника престола был назначен рас Харара Тафары Маконен. Государства Антанты немедленно признали новый режим.

Ясу пытался поднять восстание в Хараре и Огадене, но его войска были разгромлены, и он вынужден был бежать за пределы страны.

НАРОДЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Область, прилегающая к мысу Доброй Надежды, была с древности заселена племенами кой-кой и саан. Севернее кроме них во всех районах вплоть до р. Замбези жили племена южных банту.

Племена группы коса жили на восток от территории племен кой-кой. Племена группы зулу занимали территорию современной провинции Наталь (Южно-Африканская Республика) и побережья к югу от современного Мозамбика. На северо-востоке, в междуречье Лимпопо и Замбези жила группа племен шона. Огромную территорию между средним течением р. Оранжевой населяла группа племен южных банту — бечуана. Наконец, область, пограничную с современной Анголой, населяли племена гереро и овамбо, прибывшие сюда в XVII в.

Коса и зулу постепенно оттесняли к югу и западу племена кой-кой.

КАПСКАЯ КОЛОНИЯ

В 1652 г. на мысе Доброй Надежды голландская Ост-Индская компания основала колонию. Кроме голландцев в конце XVII в. сюда переселилась часть французских гугенотов, бежавших от религиозных преследований. К началу XIX в. ее население уже составляло около 20 тыс. человек. На севере и северо-западе ее территория доходила до р. Оранжевой, а на северо-востоке — до р. Грейт-Фиш.

Хотя племена кой-кой и саан были отсталыми и малочисленными, они оказали ожесточенное сопротивление колонистам. Однако голландцам удалось вызвать среди них многочисленные внутренние столкновения. Так, в 1680 г. произошла война между племенами намаква и гриква. Последние потерпели поражение и встали под защиту голландцев. Что же касается намаква, то они были вытеснены с территории колонии.

Племена саан скрылись в лесах, откуда делали вылазки против колонистов. Потеряв надежду на их подчинение, колонизаторы начали их систематическое истребление. Остатки саан были оттеснены за р. Оранжевую.

С конца XVII в. коса начали мигрировать к югу. В результате этого они вступили в первые столкновения с колонистами, которые в 1736—1754 гг. начали экспансию к востоку и северо-востоку. В 1778 г. губернатор Капской колонии и вождь племени заключили соглашение о том, что р. Грейт-Фиш будет границей между владениями колонии и коса. Однако в 1781 г. произошло вооруженное столкновение, коса были оттеснены колонистами до р. Большой Кей.

Для коса, изгнанных со своих полей и пастбищ, положение стало нетерпимым, и в 1789 г. они восстали против буров-колонистов. В результате был достигнут компромисс: граница с Капской колонией переместилась западнее р. Грейт-Фиш.

В 1806 г. Великобритания захватила Капскую колонию у голландцев. Этот захват был признан Венским конгрессом 1814—1815 гг.

Британская политика «разделяй и властвуй» привела к резкому обострению отношений между кой-кой и бурами. Английские власти применяли против буров суровые наказания за малейшее нарушение издаваемых ими распоряжений. Это вызвало восстание 1815 г. среди части колонистов. Англичане осудили и повесили 6 его руководителей.

Участие буров в управлении колонией было полностью отменено. В 1820 г. было ввезено и расселено пять тысяч английских иммигрантов. Им отдали лучшую юго-восточную часть колонии. В 1825 г. английский язык был провозглашен официальным языком колонии. Печать и школа на голландском (африкаанс) были запрещены.

В результате этих мер в 1830 г. начало развиваться движение среди бурских колонистов за политические права и представительные учреждения. В 1832 г. вспыхнуло несколько локальных восстаний. В 1834 г. англичане объявили об освобождении рабов. Поскольку бурское хозяйство было основано на труде рабов, которых буры покупали в течение 200 лет почти исключительно у английских работорговцев, большая часть бурских фермеров оказалась разорена.

Это было причиной начала «великого трека», исхода большей части бурских колонистов (около 10 тыс.) за пределы британской колонии, на земли африканских народов. Буры начали двигаться через северные и восточные границы колонии вместе со своими семьями и скотом небольшими группами по несколько десятков семей. Часть из них, ушедшая первыми, погибла в столкновениях с африканцами или от тропической лихорадки. Но многим бурским группам удалось собраться в районе между реками Оранжевая и Вааль. После нескольких сражений с матабеле буры оттеснили их за р. Лимпопо. В июне 1837 г. в Винбурге они приняли конституцию нового государства. Законодательным органом стал Совет народных представителей, а исполнительным — верховный главнокомандующий. На этот пост был избран глава наибольшей эмигрантской группы Питер Ретиф.

Стремясь приобрести больше земли, а также получить выход к морю. Ретиф в сопровождении 60 человек отправился в феврале 1838 г. на территорию современной провинции Наталь, чтобы заключить соглашение с зулусским вождем Дингааном, управлявшим этой территорией. Он сначала принял это предложение и даже подписал документ, но на следующий день (вероятно, в результате интриг английских миссионеров) заставил убить представителей буров, а затем напал на лагерь Ретифа и истребил всех находившихся в нем буров.

В ответ на это буры в Натале объединились под командованием Андре Преториуса и выступили против войска зулусов. 16 декабря 1838 г. Дингаан был разбит и его армия бежала из Наталья. Буры же провозгласили создание республики Наталь. Она просуществовала недолго. Англичане, рассматривая буров как мятежников и британских подданных, послали в 1842 г. свои войска, которые оккупировали Наталь. Остатки буров (около 500 семейств) возвратились за р. Оранжевую.

В 1848 г. вся территория современных Трансвааля и провинции Оранжевой была занята бурами, создавшими четыре государства. В феврале 1848 г. власти Капской колонии объявили всю территорию между реками Оранжевой и Вааль британским владением. Буры во главе с Преториусом восстали и изгнали представителей английских

властей. Но в августе 1848 г. посланные войска нанесли бурам поражение. Значительная часть населения Оранжевого государства эмигрировала в Трансвааль.

В 1851 г. англичане потерпели поражение от племени басуто. Буры Оранжевого государства, воспользовавшись этим, вступили в контакт с бурами Трансвааля и по инициативе вождя племени басуто приняли переговоры, чтобы, объединив все силы буров и басуто, изгнать англичан. Перед лицом этой опасности англичане предпочли Преториуса и заключили с ним мирный договор в январе 1852 г. Англия признала независимость Трансвааля, а Оранжевое государство осталось под ее суверенитетом.

Когда в конце 1852 г. вспыхнула вновь война между англичанами и басуто, буры Оранжевого государства не оказывали англичанам никакой помощи. Англия снова потерпела поражение. Опасаясь соседства басуто, так как буры Оранжевого государства собрались вновь уйти дальше на север, англичане решили уступить. В 1854 г. они заключили Блумфонтейнскую конвенцию, по которой Англия отказывалась от Оранжевого государства и признавала его независимость.

В 1858 г. четыре бурских государства Трансвааля объединились и провозгласили Южно-Африканскую Республику, президентом которой был избран Мартин Преториус, сын покойного А. Преториуса. Однако в течение нескольких лет продолжались внутренние и религиозные конфликты, выливающиеся в гражданскую войну. Только в 1864 г. Преториусу удалось стабилизировать ситуацию и завершить формирование единого государства.

Оранжевое государство при помощи англичан в двух войнах (1863—1865; 1867) победило басуто и захватило большую часть их страны.

Преториус несколько раз пытался пробиться на восток, чтобы получить выход к морю, но безуспешно. В 1868 г. Англия обязала буров отказаться от территорий, захваченных у басуто, и провозгласила Басутоленд «независимым» государством под британским протекторатом, но в 1871 г. объявила об его аннексии и присоединении к Капской колонии.

НАРОДЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРОВ И АНГЛИЧАН

За полвека (1811—1858) англичане организовали шесть захватнических войн (кафрские войны) против племен коса. В 1811 г. англичане напали на коса и вынудили их перейти на левый берег р. Грейт-Фиш.

Вторая война (1817—1818) была начата, чтобы «очистить» территорию для поселения английских колонистов. Коса после упорного сопротивления были оттеснены на восточный берег реки Кейскама.

После отмены рабства англичане хотели подчинить коса, чтобы прикрепить их к земле, получить дешевую рабочую силу. Это было главной причиной третьей войны против коса (1834—1835). Территория за рекой Кей была им оставлена, и даже в британской колонии (Кафрерия), основанной на правом берегу Кей, у коса было отнято очень мало земли. Но поскольку главной задачей британской политики в Южной Африке в тот период считалось преодоление сопротивления буров, колония Кафрерия была возвращена коса.

Однако после исхода буров проблема рабочей силы становится очень острой. Это послужило причиной новых войн против коса (1846, 1850—1853). Колония Кафрерия была вновь восстановлена.

Но побежденные коса не хотели работать на английскую администрацию и колонистов. Однако для организованного сопротивления обстановка была крайне неблагоприятной. В 1856 г. разразилась эпизоотия. Более 25 тыс. человек погибли от голода, около 100 тыс. направились на восток, а 400 тыс. переселились в Капскую колонию и стали сельскохозяйственными рабочими на фермах английских колонистов. В это время вспыхнула шестая война (1858). Коса, полностью ослабленные, были отброшены в отдаленные северо-восточные районы (Пондоленд). Кафрерия была включена в Капскую колонию, а территория за рекой Кей была объявлена британским протекторатом.

Рассеянные в Натале племена зулу объединились под руководством Чака (1818—1828). Он организовал военное государство, создал сильную армию и усовершенствовал военную тактику. Захваченные в плен молодые люди включались в армию. Чака пользовался неограниченной властью и был владельцем всех земель племени. Он распоряжался жизнью и имуществом своих подданных и был верховным судьей. Однако его действия контролировались главными советниками (индуна), с которыми он должен был согласовывать свои решения.

Благодаря преимуществу военной организации зулусам удалось завоевать многочисленные племена и установить свою власть на территории современных Натала, Трансвааля, Оранжевого государства и в нескольких регионах Мозамбика.

В правление Дингаана (1828—1840) мощь зулусского государства еще более усилилась, но затем в результате военных конфликтов с бурами и междоусобной борьбы с братом Мпандой государство начало клониться к упадку. После поражения 1838 г. Мпанда изменил и перешел к бурам, с которыми участвовал в 1840 г. в войне против Дингаана. Дингаан потерпел полное поражение и бежал к свази, где и умер в 1841 г.

Став с помощью буров верховным вождем зулусов, Мпанда (1840—1872) уступил большую часть страны бурам и англичанам. Страна зулу уменьшилась до небольшого района на севере колонии Наталь. Многочисленные племена зулу попали в зависимость от английской колонии Наталь.

Народ басуто сформировался в начале XIX в. из союза нескольких племен бечуана. Его основатель Мошеш был вождем небольшого племени баквене. К этой федерации присоединились остатки племен коса, бежавших от зулусов. В 1824 г. Мошеш обосновался в горной области Таба Босиго (современное Лесото), которая представляла собой естественную крепость. В 1831 г. он отбил нападение матабеле. Но вместо преследования их изголодавшейся армии он послал им продовольствие и предложил дружбу. С тех пор между басуто и матабеле не возникало военных конфликтов. Мошеш проявил себя как умный дипломат (получив от английских историков кличку «африканский Бисмарк»). Сначала ему удалось установить добрососедские отношения с властями Капской колонии, которые заключили с ним два соглашения (1843, 1848) о дружбе и признании независимости его страны.

Во время первых нападений буров англичане помогали Мошешу отбить их. Но начиная с 1850 г. англичане под всякими предлогами вели войны против басуто. Однако они не смогли одержать ни одной победы.

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

В последней четверти XIX в. особенно бурно протекал процесс колониального раздела Африки между европейскими державами. Захватчиков привлекали не только плодородные земли и леса. Они торопились завладеть территориями, недра которых, как полагали, таили неисчислимые запасы ценнейшего сырья, алмазов и золота.

Капиталистическая промышленность Европы нуждалась в новых рынках. Чтобы с наименьшими издержками вывозить африканское сырье и доставлять европейские товары в самые отдаленные районы, необходимо было проложить железные и шоссейные дороги, построить порты, склады и т. п. Все это открывало перед владельцами металлургических и машиностроительных заводов Бирмингема и Глазго, Эссена и Дортмунда, Сент-Этьена и Марселя перспективы быстрого увеличения прибылей.

Основными соперниками в борьбе за раздел Африки были Англия и Франция. Несколькими позже на путь колониальных захватов вступили Германия, Бельгия и Италия.

Политика колониальных держав на Африканском континенте представляет собой непрерывную цепь преступлений против человечности: убийства многих тысяч людей, беспощадное ограбление целых стран и народов. Колонизаторы, пытаясь придать захватам видимость законности, вынуждали вождей племен и феодальных князьков ставить свои подписи под документами о сдаче земель в концессии и о предоставлении европейцам исключительных прав. Иногда вожди племен и феодальные правители шли на службу к колонизаторам, предавая интересы своих народов. Но сами народы никогда не признавали власти иноземцев и оказывали им решительное сопротивление. В неравной борьбе африканцы проявляли стойкость, мужество и самопожертвование, только подавляющее превосходство в вооружении обеспечивало колонизаторам их бесславную победу.

В 60-х годах XIX в. недалеко от слияния рек Вааля и Оранжевой были обнаружены крупные месторождения алмазов, найдено золото. Из многих стран в этот район устремились люди, мечтавшие найти драгоценные камни и самородки и быстро разбогатеть. Старатели поселились в ранее безлюдных местах. Возникали новые города и поселки с европейским населением — Кимберли, Йоганнесбург. Однако добыча алмазов и золота оказалась монополизированной несколькими крупными акционерными компаниями.

Английские империалисты стремились к созданию сплошной цепи колоний от Кейптауна до Каира. Соперниками Англии в этом районе Африки были Германия, Португалия, а также бурские республики. Англия проводила политику колониальных захватов как в северном направлении — в стране зулусов, так и на северо-западе — в Бечуаналенде, добиваясь окружения Оранжевой и Южно-Африканской (Трансвааль) республик своими владениями. В конце 70-х годов Англия приступила к захвату Зулуденда. Верховный вождь зулусов Кетчвайо стал готовиться к обороне, улучшая организацию армии, заку-

лив огнестрельное оружие. В 1878 г. англичане предъявили Кетчвайю требования, принятие которых по существу означало бы конец независимости Зулуленда. Английские власти настаивали на роспуске зулусского войска; они добивались, чтобы Кетчвайю допустил в страну английского резидента, который бы получил право контролировать действия правителя зулусов. Собранный Кетчвайю совет вождей отказался принять английский ультиматум. Тогда британская армия вторглась в страну зулусов. Однако, несмотря на подавляющее превосходство в вооружении, англичане не смогли добиться быстрой победы. Зулусы оказали захватчикам упорное сопротивление и нанесли им большие потери. Ф. Энгельс высоко оценил героизм зулусских воинов.

Шесть месяцев длилась эта неравная борьба, десятки тысяч зулусов погибли, их страна была разорена. Кетчвайю захватили в плен и отправили в Лондон. Англичане не удовлетворились разгромом зулусского войска, они спровоцировали кровопролитные войны между племенами, опустошавшие страну в течение нескольких лет. В 1887 г. страна зулусов была официально аннексирована и включена в состав колонии Наталь. Англичане захватили все прибрежные территории вплоть до португальского Мозамбика и полностью отрезали бурав от моря.

К 80-м годам в Германской империи усилилась пропаганда колониальных захватов, создавались колониальные союзы и общества, включавшие представителей торгово-промышленных кругов, парламентских деятелей, аристократов и лиц, близких к императору и канцлеру. Однако правительство Бисмарка воздерживалось от притязаний на те или иные территории в Африке.

Дорогу германской экспансии прокладывали представители частного капитала. В 1883 г. бременский торговец табаком Людериц купил у местных вождей за несколько десятков фунтов стерлингов и 260 старых ружей прибрежную территорию в Юго-Западной Африке от устья р. Оранжевой до 26° южной широты вместе с бухтой Ангра-Пекена и основал здесь факторию. Вскоре весь этот район был объявлен германским протекторатом.

Уполномоченные германского правительства, действуя теми же методами, что и англичане, заключили договоры о протекторате с вождями готтентотов и герреро и присоединяли к колонии все новые глубинные области. В 1884 и 1890 гг. англичане были вынуждены признать немецкие захваты на территории, расположенной вплоть до 20° восточной долготы, включая небольшой выступ вблизи р. Замбези.

Захватив Юго-Западную Африку, германские колонизаторы установили здесь режим террора и беспощадно эксплуатировали подвластное им население. Местных жителей сгоняли с насиженных мест и выселяли в бесплодные пустынные районы. Таким путем создавался фонд «свободных» земель для немецких поселенцев. Немецкие колонисты отнимали у африканцев скот; в 1890 г. герреро владели 150 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1902 г. у них осталось не более 46 тыс. голов.

За малейшее неповиновение приказам властей сжигались целые деревни, а население подвергалось беспощадному истреблению. В ответ на зверства колонизаторов племена готтентотов и герреро начали освободительную борьбу, продолжавшуюся более 20 лет. Особенно широкий размах она приняла в 1904—1907 гг. Губернатор колонии издал закон о взыскании с африканцев всех долгов в течение одного года. Воспользовавшись этим распоряжением, немецкие купцы и ко-

лонисты повсеместно грабили должников, отнимали у них все имущество, а их самих превращали в рабов.

В январе 1904 г. восстали готтентоты под руководством своего вождя Гендрика Витбоя. Активное участие в борьбе против колонизаторов приняли и племена герреро. Повстанцы действовали небольшими группами, умело маскировались, неожиданно нападали на отряды карательных войск. Неравная борьба продолжалась до 1908 г. Только после того как колонизаторы сосредоточили в районе восстания крупные силы, им удалось подавить его. Германские войска поголовно уничтожали целые племена. Мужчин, женщин и детей беспощадно расстреливали из пулеметов. Под пулями колонизаторов, а также от голода и жажды в пустыне погибли десятки тысяч африканцев. Численность герреро сократилась в четыре раза. Столь же ужасна была и судьба готтентотов: если в 1894 г. их насчитывалось около 20 тыс., то в 1911 г., согласно проведенной переписи населения, — менее 10 тыс. человек. Оставшиеся в живых африканцы, лишенные земли и скота, были превращены в рабов немецких колонистов. В Юго-Западной Африке был установлен режим колониального рабства в его наиболее отвратительных и чудовищных формах.

Англия поспешила захватить обширную территорию Бечуаналенда, с тем чтобы отрезать бурские республики от германской колонии. Значительная часть этого района была расположена в пустыне Калахари и не представляла собой ценности для колонизаторов; она была объявлена протекторатом; более плодородные земли на юге были присоединены к Капской колонии. Захват Бечуаналенда должен был не только способствовать окружению бурских республик, но и служить плацдармом для экспансии в междуречье Замбези — Лимпопо.

Большинство населения междуречья составляли народы машона и матабеле. Машона, издавна обосновавшиеся здесь, занимались земледелием, в меньшей степени — скотоводством. Они умели плавить металлы, знали кузнечное дело, изготовляли разнообразные железные орудия — мотыги, топоры, наконечники копий.

В 30—40-х годах XIX в. в междуречье с юга пришли племена матабеле. Они подчинили себе машона, но в дальнейшем смешались с ними. Матабеле находились на стадии перехода от первобытнообщинных отношений к классовому обществу. Необходимость защиты от экспансии усиливала роль военной организации в жизни матабеле, ускоряла вызревание элементов ранней государственности.

В междуречье интересы английских колонизаторов столкнулись с поползновениями германских захватчиков, пытавшихся соединить свои владения в Юго-Западной и Восточной Африке. Португальские хищники надеялись использовать противоречия между великими державами и присоединить междуречье к своим колониям — Анголе и Мозамбику. Наконец, буры, опасавшиеся окружения своих республик английскими владениями, также стремились распространить свое господство на этот район.

Особую роль в аннексии междуречья Замбези — Лимпопо сыграла созданная в 1889 г. Британская южноафриканская компания во главе с Сесилем Родсом. Представители Родса навязали Лобенгуле, верховному вождю матабеле, договор, дающий им право добывать полезные ископаемые на всей территории страны. Англичане попросту обманули Лобенгулу, о чем он впоследствии неоднократно заявлял в письмах к королеве Виктории. Несмотря на то что договор, подписанный Лобенгулой, разрешал европейцам лишь разработку недр, а отнюдь не управление страной, воинские отряды, сформированные ком-

панией, фактически оккупировали территорию машона. В 1893 г. после ряда вооруженных провокаций они двинулись на столицу Лобенгулы Булавайо. Армия матабеле не могла противостоять войскам захватчиков, применявших новейшую военную технику. Тысячи воинов матабеле были скошены пулеметным огнем. Лобенгула, преследуемый английской конницей, погиб в январе 1894 г. Опустошенная страна, залитая кровью машона и матабеле, была названа англичанами Родезией — по имени организатора ее захвата, виновника гибели тысяч и тысяч людей.

Компания установила жестокий колониальный режим. Молодых мужчин насильно заставляли трудиться в шахтах и на рудниках; у населения отнимали землю и скот, запрещали матабеле возвращаться в места, где они жили до начала войны. Представители матабеле заявили впоследствии одному из английских миссионеров: «У нас отобрали нашу родину, у нас отобрали наш скот, наш народ скитается, нам не для чего жить... Мы стали рабами белого человека, мы — ничто и не имеем никаких прав и никаких законов».

В марте 1896 г. матабеле восстали. Крупные отряды повстанцев во многих районах наносили удары войскам компании и окружили Булавайо. Получив крупные подкрепления, англичане оттеснили матабеле в горные, трудно доступные области, захватить которые колонизаторы так и не смогли. Лишь угроза голода, а также позиция некоторых вождей и жрецов, склонных к соглашению с захватчиками, позволили последним добиться прекращения вооруженной борьбы. Тем не менее компания была вынуждена пойти на известные уступки, разрешить матабеле вернуться в места, где они жили раньше, сохранить некоторые привилегии вождей и т. д.

Вслед за матабеле поднялись на борьбу и машона, но они были организованы хуже, чем матабеле, и потому не смогли добиться успеха. После завоевания машона и матабеле два небольших государства буров в Южной Африке оказались окруженными английскими владениями.

АНГЛО-БУРСКИЕ ВОЙНЫ. СОЗДАНИЕ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Первая попытка захватить территорию бурских республик и Трансвааля относится к 1877 г. Буры не рискнули начать вооруженную борьбу в условиях, когда еще не была сломлена военная сила зулусов, угрожавших границам Трансвааля. Лишь после окончания англо-зулусской войны 1879 г. буры восстали, быстро сломили сопротивление небольших английских гарнизонов и провозгласили восстановление своей независимости (1880). Находившийся тогда у власти в Англии либеральный кабинет Гладстона предпочел уладить конфликт мирным путем. По договорам 1881 и особенно 1884 г. Англия фактически признала независимость Южно-Африканской Республики (Трансвааль); однако внешнеполитическая деятельность бурских государств оставалась под английским контролем. Английские финансовые магнаты, монополизировавшие добычу золота, все более настойчиво стремились заручиться политической поддержкой британского правительства. В Лондоне в свою очередь опасались установления тесных связей между бурами и германскими правящими кругами, которые начали именно в это время подчеркивать свою близость к вновь обретенным «бурским братьям».

В середине 90-х годов английское правительство не решалось еще на открытую агрессию; инициативу вновь взяла на себя пресловутая южноафриканская компания Родса. В конце декабря 1895 г. отряд наемников компании численностью в 800 человек перешел границу Трансвааля, рассчитывая при помощи английских поселенцев (уйтлендеров) захватить Йоганнесбург и другие города республики. Однако буры быстро разбили отряд, а уйтлендеры так и не отважились на мятеж.

Германский император Вильгельм II решил использовать создавшееся положение и послал президенту Южно-Африканской Республики Крюгеру поздравительную телеграмму, в которой намекал на возможность поддержки буров Германией, если они окажутся перед угрозой агрессии. Это породило у буров определенные иллюзии на получение помощи от Германии. В то же время английские империалисты еще более утвердились в своем стремлении покончить с независимостью бурских государств.

К 1899 г. после соглашения с Францией — о разграничении сфер влияния и с Германией — о возможном полюбовном разделе португальских владений в Африке Англия вплотную приступила к подготовке нападения на бурские республики. Началась концентрация английских войск в Южной Африке. Буры потребовали прекратить переброску воинских частей из метрополии в Кейптаун и Дурбан, однако получили отказ. Переговоры между президентом Крюгером и английским генерал-губернатором Мильнером не дали результатов. Англии нужна была война.

В октябре 1899 г., не дожидаясь английской интервенции, буры вторглись в пределы английских владений и одержали победы в Натале, Бечуаналенде и Капской колонии. Англичане, сосредоточив в Южной Африке крупную армию, перешли в наступление. К лету 1900 г. все важнейшие центры бурских государств были оккупированы. Однако война продолжалась еще в течение почти двух лет. Буры повсеместно вели партизанскую борьбу: громили отдельные английские отряды, перерезали железные дороги. Они все еще надеялись на помощь извне. Но германский император, успевший договориться с английским правительством о разделе колоний в Африке, быстро забыл о своих «кровных братьях». Другие страны также не оказали помощи бурам, несмотря на антианглийскую кампанию, поднятую в прессе, и возмущение широких слоев общественности. В конечном счете буры были вынуждены прекратить борьбу и принять английские требования. Территории обеих республик были включены в состав британских колоний.

В этой войне буры, как и англичане, боролись за возможность беспощадно эксплуатировать коренное африканское население. Именно поэтому позднее произошло сближение вчерашних врагов во имя укрепления их господства над африканцами. В 1906—1907 гг. Англия предоставила своим новым колониям — Оранжевой и Трансваалю — местное самоуправление. При английских губернаторах были созданы представительные органы и кабинеты министров. В свою очередь многие влиятельные бурские землевладельцы во главе с генералом Бота пошли на соглашение с англичанами. В 1910 г. все английские колонии в Южной Африке были объединены в Южно-Африканский Союз (ЮАС), получивший статус доминиона. Однако гражданскими правами в ЮАС обладали только англичане и буры, в то время как африканцы, составлявшие три четверти населения, по-прежнему подвергались угнетению.

В 1913 г. в ЮАС был принят так называемый билль о землях туземцев. По новому закону африканцы лишились права приобретать или арендовать земельные участки вне отведенных для них специальных резерваций. Отныне они могли временно возделывать земли европейских колонистов лишь на условиях отработок продолжительностью не менее трех месяцев в году.

Расширение добычи алмазов и золота сопровождалось ростом численности не только европейских, но и африканских рабочих. Крупные компании нередко предпочитали нанимать африканских отходников, которых они оплачивали по самым низким ставкам.

К концу XIX — началу XX в. в районе Ранда начали складываться кадры постоянных рабочих, которые были выходцами из различных племен, разбросанных по всей территории Южной Африки. Вырвавшись из традиционной племенной среды и попав в новые непривычные условия, они постепенно сближались уже не по родственным, а по социально-профессиональным признакам. В это время появились первые весьма слабые объединения рабочих-африканцев, получившие названия обществ взаимопомощи.

К концу XIX — началу XX в. относится появление очень немногочисленной прослойки африканской интеллигенции. Немалую роль при этом играли христианские миссионеры, которые основали первые школы для обучения коренного населения. Некоторые из выпускников этих школ стали впоследствии учителями, священниками, журналистами, адвокатами. В Капской колонии зажиточные африканцы пользовались правом голоса и в какой-то степени приобщались к политической жизни. Некоторые африканцы смогли даже получить высшее образование в Европе. Именно в этой среде зародилось движение, имевшее целью защиту интересов коренного населения перед властями вновь созданного доминиона.

В январе 1912 г. в городе Блумфонтейне собрались представители всех провинций, а также уполномоченные вождей многих племен. Они создали Южно-Африканский туземный национальный конгресс, который впоследствии получил название Африканский национальный конгресс (АНК).

Руководители новой организации заявили о своем стремлении объединить все племена в единый народ, бороться против «цветного барьера» и защищать интересы коренного населения. При этом они подчеркивали свое стремление действовать в рамках законности, используя такие средства, как петиции, обращения к властям. Конгресс основал свой печатный орган, выходивший на нескольких языках. Во главе Африканского национального конгресса стали представители молодого национальной интеллигенции: писатели, учителя, адвокаты, священники, а также некоторые из вождей племен. Впоследствии по примеру АНК в Родезии, Ньясаленде, Танганьике, Кении и других областях Африки были созданы аналогичные организации.

ГОСУДАРСТВА АХМАДУ, САМОРИ, ГВИНЕЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

К 70-м годам XIX в. французские владения включали лишь несколько поселений и крепостей в районе нижнего течения р. Сенегал и к югу от нее на Атлантическом побережье. Основным районом французской экспансии в 70-х годах стал бассейн р. Сенегал. После длительной борьбы французские колонизаторы подчинили себе государство Кайор, независимость которого они ранее торжественно признали

по договору, заключенному еще в 1870 г. Затем французские войска двинулись в направлении Верхнего Нигера. В 1883 г. они достигли г. Бамако, откуда начали наступление на два наиболее сильных государства Западной Африки, во главе которых стояли Ахмаду (преемник аль-Хадж Омара) и Самори. Государство Ахмаду распространяло свою власть на обширную территорию от верховьев Сенегала до Тимбукту на Нигере. Ахмаду пытался объединить для борьбы против французов племена тукулеров, бамбара, сонинке. Французы же всеми средствами разжигали вражду между племенами, сталкивая язычников и мусульман.

Около 4 лет продолжалась война. В тылу французской армии не раз поднимались восстания, мелкие отряды оккупантов истреблялись, связь между военными штабами надолго прерывалась повстанцами. Лишь к 1894 г. французские войска достигли г. Тимбукту, расположенного в месте скрещения важных торговых путей. Ахмаду вместе с немногими оставшимися ему верными солдатами продолжал сопротивление в районе, расположенном вблизи Сокото. В 1898 г. он умер, французы покорили государство Ахмаду. Это дало им возможность продолжать завоевания. Новой их жертвой стало государство Самори, которое объединяло племена малинке, бамбара, диула, сенура. В прошлом странствующий торговец Самори возглавил этот союз. Прекратив междоусобные войны, он разделил свои владения на 10 провинций и назначил в каждую губернатора. Самори принял титул имама (предводителя). Подданные этого государства вносили в казну относительно умеренные налоги.

Сознавая превосходство войск колонизаторов в вооружении, Самори предпочитал не вести боев в невыгодных условиях; его войска устраивали засады, постоянно нападали на противника с тыла и флангов. После 4 лет войны, в ходе которой французам не удалось разгромить армию Самори, они в 1886 г. заключили с ним мирный договор. Самори постарался использовать полученную передышку для лучшей организации армии. Помимо профессиональных солдат его войска комплектовались на основе рекрутского набора (один солдат от десяти мужчин). Каждая провинция должна была мобилизовать до 10 тыс. воинов, но из-за недостатка продовольствия и вооружения численность армии Самори никогда не превышала 10—15 тыс. человек. Солдаты носили форму и были вооружены ружьями; в тылу создавались военные мастерские.

Султан Самори

Учитывая необходимость маневрирования на большой территории, Самори разделил свои войска таким образом, чтобы часть их участвовала в сражениях с противником, в то время как другие отряды должны были завоевывать новые районы и обеспечивать пути для от-

ступления. Успешно применяя выработанную им тактику, Самори смог продержаться в течение 7 лет. Даже французские империалисты вынуждены были признать его таланты — военный и дипломатический. Один из них писал: «Самори превзошел по своим качествам всех африканских вождей, против которых нам пришлось воевать. Он оказался подлинным вождем народа, стратегом и в то же время политиком. Отважный, полный энергии, обладающий даром предвидения, Самори отличался непоколебимой стойкостью и не падал духом ни при каких обстоятельствах». Однако в 1898 г. войска Самори были разбиты на границе с Либерией, а сам он схвачен в плен и умер в ссылке, в Габоне, в 1900 г. Память о Самори, возглавившем героическое сопротивление народов Западной Африки французским колонизаторам, свято чтут миллионы африканцев.

Одновременно с завоеванием Сенегала и Судана французы продолжали планомерное наступление на Гвинейском берегу. Они оккупировали государство Дагомею, правитель которой Беханзин оказал захватчикам ожесточенное сопротивление. В борьбе против колонизаторов активно участвовали не только мужчины, но и женщины-воины. По признанию самих французов, дагомейцы проявили в боях «энергию и смелость, достойные самых лучших регулярных войск». Они причинили колонизаторам существенный урон, и лишь предательство части феодальной и рабовладельческой верхушки помогло французам окончательно подчинить свободолюбивых дагомейцев.

К началу первой мировой войны французские империалисты захватили в Западной Африке обширные колониальные территории, включавшие Гвинею, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Дагомею, Судан и образовавшие сплошной массив, который на севере соединялся с французскими колониями в странах Магриба.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА И АНГЛИЙСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Англия к 70-м годам XIX в. захватила в Западной Африке несколько владений на территории Гамбии, Сьерра-Леоне, Золотого Берега и на побережье нынешней Нигерии. На протяжении всего XIX в. она вела непрерывные войны с государством Ашанти, расположенном на Золотом Береге. При этом колонизаторы использовали конфликты между ашанти и фанти, населявшими прибрежные районы. Лишь в 1897 г. колонизаторы захватили столицу Ашанти и отправили в ссылку правителя страны. Однако весной 1900 г. ашанти восстали, создали большую армию и несколько месяцев осаждали английские гарнизоны. Прибытие крупных подкреплений позволило колонизаторам разбить повстанцев и постепенно распространить свое господство на внутренние районы страны.

В 1897 г. английский губернатор подготовил закон, по которому право собственности и распоряжения землей на Золотом Береге переходило к английской короне. Вожди племен организовали по всей стране кампанию протеста против нового закона и создали при участии представителей зарождавшейся интеллигенции Общество защиты прав коренного населения. Общество направило в Лондон, в министерство колоний, делегацию, с тем чтобы она потребовала отмены этого закона, угрожавшего коренному населению обезземеливанием. В дальнейшем закон был отменен главным образом потому, что английское правительство считало нецелесообразным стимулировать создание ферм белых поселенцев в районе, который из-за климатических условий называли тогда «могилой белого человека». Кроме того,

массовые митинги протеста, прошедшие на всей территории Золотого Берега, несомненно, произвели впечатление на колонизаторов и заставили их отступить. Успех делегации Общества защиты прав коренного населения значительно повысил его престиж. Отныне большинство населения склонно было видеть в этой организации защитника своих прав и интересов.

При губернаторе новой колонии были созданы Законодательный и Исполнительный советы. Общество многие годы добивалось, чтобы в эти органы были включены и африканцы. В результате в 1908 г. в Законодательный совет при губернаторе вошел первый африканец, а впоследствии их число увеличилось до 7.

В 1912 г. Общество направило делегацию в Лондон, на этот раз с протестом против проекта закона, по которому колониальные власти намеревались захватить значительные земельные массивы под предлогом охраны лесов. По настоянию делегации проект закона был впоследствии значительно изменен. Таким образом, борьба населения Золотого Берега сыграла важную роль в сохранении за африканцами права собственности на землю.

Английские империалисты, отказавшись от массовой экспроприации земель коренного населения, начали проводить политику всемерного стимулирования производства экспортных культур крестьянами-африканцами. К началу первой мировой войны такой культурой на Золотом Береге стало какао. Цены на какао устанавливались лондонскими торговыми компаниями, и львиная доля доходов попадала в их сейфы.

Во второй половине XIX в. английские колонизаторы оккупировали отдельные пункты на территории прибрежных районов нынешней Нигерии. Захватив после жестокой бомбардировки г. Лагос, они в дальнейшем сочетали политику так называемого мирного проникновения с методами вооруженных захватов. Когда небольшой город-государство Бенин отказался подчиниться требованиям колонизаторов, последние подвергли его варварскому разрушению и ограблению (1897). Множество жителей Бенина пали жертвами артиллерийской канонады или погибли в огне пожаров, охвативших город. Ворвавшись в город, «цивилизаторы» похитили прекрасные изделия местных мастеров, которые впоследствии были признаны шедеврами мирового искусства.

Продвигаясь в глубь нынешней Нигерии, английские захватчики не раз встречали сопротивление, которое оказывали им эмиры и султаны княжеств, расположенных на севере страны. Завоевание северных эмиратов было завершено к 1903 г. Однако через несколько лет в ряде районов вспыхнули народные восстания, направленные как против англичан, так и против местных властителей. Опасаясь за свою власть, правители княжеств искали поддержки у колонизаторов и превратились в их верных вассалов.

К началу первой мировой войны англичане объединили все захваченные территории в колонию и протекторат Нигерию. Отныне английские владения в Западной Африке включали важные в экономическом отношении районы с относительно многочисленным населением — Нигерию, Гамбию, Золотой Берег (нынешняя Гана), Сьерра-Леоне.

Немецкие купцы еще в 40-х годах XIX в. создали несколько факторий в различных пунктах Западно-Африканского побережья. Торговля Германии в Западной Африке по своему объему уступала лишь английской. В последней четверти XIX в., когда обострилась борьба за африканские колонии, Германия поспешила захватить еще не поделенные территории Того и Камеруна. Бисмарк дал известному путешественнику Нахтигалю инструкции относительно установления германского протектората в этих районах. В 1884 г. в ряде прибрежных пунктов был поднят германский флаг. В дальнейшем германские агенты при поддержке военных отрядов устремились во внутренние районы Камеруна и Того, в направлении оз. Чад и р. Нигер. В ходе последующих дипломатических переговоров было произведено разграничение французских, английских и германских владений, в результате которого Германия получила узкую полосу земли в Того, а также Камерун. Германские владения оказались окруженными английскими и французскими колониями.

Система колониальной эксплуатации в Того и Камеруне претерпевала определенные изменения: на первых порах основную роль играли торговые компании, которые скупали каучук, слоновую кость, а также продукты земледелия; в дальнейшем широкий размах приобрела деятельность концессионных компаний. При создании плантаций, строительстве железных и шоссейных дорог повсеместно производились земельные экспроприации, в результате которых многие племена лишились значительной части наиболее плодородных участков. Германские власти ввели подушный налог и расширили практику контррактации рабочих. Десятки тысяч африканцев вынуждены были месяцами жить на чужбине, занимаясь тяжким трудом. Многие законтрактованные рабочие оказывались в непривычных условиях, на отдаленных плантациях, в гиблых малярийных местах. Непосильный труд, недоедание, тропические болезни уносили ежегодно тысячи жизней. В ряде районов деревни обезлюдели, поля не обрабатывались, а жители, опасаясь вербовщиков и сборщиков налогов, мигрировали на соседние территории.

Доведенные до отчаяния племена неоднократно поднимали восстания, которые каждый раз жестоко подавлялись. В тех случаях, когда волнения охватывали районы, расположенные на границе германских и английских владений в Камеруне, колонизаторы, объединив свои силы, безжалостно расправлялись с повстанцами. К тому же губернатор Камеруна не без успеха использовал противоречия между отдельными племенами и этническими группами: при подавлении восстаний германские части пополнялись вспомогательными отрядами, набранными из африканцев, принадлежащих к враждующим с повстанцами группам. Наконец, феодальные правители мелких княжеств фульбе не раз оказывали поддержку колонизаторам в их борьбе с непокорными племенами.

С началом первой мировой войны на территорию германских колоний в Западной Африке вторглись английские и французские войска. Того было почти сразу же оккупировано, но в Камеруне еще около двух лет продолжались упорные бои. Лишь в феврале 1916 г. последние германские отряды были вытеснены из Камеруна и укрылись в испанской Гвинее.

В 70—80-х годах XIX в. в борьбу за колониальный раздел Африканского континента активно включилась Бельгия. Король Леопольд II, этот, по выражению В. И. Ленина, «деяга, финансист, аферист...»¹ международного масштаба, использовал в своих интересах острейшие противоречия между великими державами и создал в Африке свою колониальную империю. Он действовал под международным флагом. В 1876 г. в Брюсселе была созвана международная конференция, на которой присутствовали исследователи — географы, политические деятели, ученые европейских стран и США. Устроители конференции лицемерно заявили, что их цель — «открыть цивилизации путь в единственную часть света, куда она еще не успела проникнуть», начать «крестовый поход, достойный... века прогресса». На самом деле Брюссельская конференция послужила прологом колониального раздела Центральной Африки. На конференции была учреждена Международная ассоциация для исследования и цивилизации Центральной Африки, а впоследствии в разных странах возникли ее национальные комитеты. Леопольд привлек на службу в ассоциацию известного путешественника Г. Стенли, который неоднократно выступал в печати с призывами «приобщить к цивилизации», т. е. колонизировать, страны Центральной Африки. В 1879—1884 гг. он совершил новое путешествие по бассейну р. Конго, но теперь уже не ограничивался исследованием глубинных районов. Действуя от имени ассоциации, применяя подкупы, посулы и угрозы, Стенли заключил около 450 договоров о «протекторате» и «передаче суверенитета» с вождями племен, не имевшими ни малейшего представления об истинном смысле всех этих терминов. Так, ассоциация, а вернее, стоявший во главе ее король Леопольд, стала «законным» сувереном огромной территории в Центральной Африке.

Однако бельгийские колонизаторы, действовавшие под прикрытием Международной ассоциации, натолкнулись на сопротивление своих колониальных соперников. Французские войска под командованием де Бразза (выступавшего также от имени ассоциации, от ее французского национального комитета) захватили обширный район на правом берегу Конго. Одновременно Португалия предъявила свои «исторические права» на устье этой реки с прилегающими территориями. Домогательства Португалии поддержала Англия, рассчитывавшая таким образом укрепить собственные позиции в этом районе. Германия, опасавшаяся усиления своих основных колониальных соперниц — Англии и Франции, склонна была поддержать притязания Леопольда.

Искусно лавируя и используя противоречия между великими державами, Леопольд договорился с каждой из них порознь. Немалую помощь оказали ему США, которые в то время еще не могли включиться в борьбу за колонию в Африке, но рассчитывали обеспечить «уважение» своих интересов в бельгийских владениях; кроме того, в США учитывали, что Стенли, непосредственно руководивший «освоением» Конго, был американским подданным. В 1884 г. США первыми признали суверенитет ассоциации в Конго.

В условиях обострения противоречий между европейскими колониальными державами, развернувшими активную экспансию в Африке, в ноябре 1884 — феврале 1885 г. в Берлине состоялась международная конференция. В ней приняли участие европейские державы и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 502.

США. Формально на конференции обсуждались такие вопросы, как свобода судоходства и торговли в Африке, борьба с работорговлей, содействие благосостоянию туземцев и т. д.; фактически главное место в ее работе заняли проблемы окончательного раздела Центральной Африки. На заседаниях и в кулуарах конференции во время длительных переговоров были разграничены владения колониальных держав и признан суверенитет созданного вскоре после этого так называемого Свободного государства Конго, во главе которого стоял король Леопольд. Согласившись на территориальные уступки в пользу Португалии и Франции в ряде пограничных районов, Леопольд обеспечил своему государству выход к морю в устье Конго в виде узкой полосы земли. В дальнейшем Бельгии удалось захватить новые обширные районы на юге и юго-востоке, в том числе область Катанги, недра которой, как оказалось впоследствии, содержали богатейшие запасы меди, урана и других ценных металлов. Площадь колонии более чем в 80 раз превышала территорию самой Бельгии.

КОНГО ПОД КОЛОНИАЛЬНЫМ ГНЕТОМ

В Конго был установлен хищнический и жестокий колониальный режим. Бельгийская администрация ввела систему принудительного труда, широко использовавшегося при постройке железных и шоссейных дорог и мостов, на каучуковых плантациях, в городском строительстве, при переноске грузов. Огромные территории были розданы в концессии монополистическим компаниям, значительную часть дохода которых получал сам Леопольд. В изданных им декретах указывалось, что африканцы сохраняли права лишь на территорию своих деревень и городов, а также на поля, где выращивались продовольственные культуры. Все остальные земли, составлявшие 9/10 территории Конго, были объявлены незанятыми и перешли в собственность государства, т. е. самого Леопольда. Отныне африканцы не могли охотиться в лесах, рубить деревья, собирать плоды, плавить металл, ибо вся земля и ее недра принадлежали короне. Население было обложено натуральным налогом — оно было обязано сдавать королевским чиновникам или агентам компаний-концессионеров каучук и слоновую кость, а также поставлять администрации продовольствие. Никаких фиксированных ставок налога не существовало. Местные власти и агенты компаний практиковали самые чудовищные злоупотребления, стремились выжать из крестьян как можно больше, не считаясь ни с чем. Чтобы заставить африканцев даром отдавать каучук и слоновую кость, которые раньше они продавали европейским купцам, в деревни и города посылались вооруженные отряды, державшие население в постоянном страхе. В Конго была создана 20-тысячная армия, кроме того, компании-концессионеры имели собственные вооруженные силы общей численностью в 10—15 тыс. человек. По приказу чиновников Леопольда солдаты совершали постоянные нападения на деревни, поджигали дома, беспощадно грабили и убивали мирных жителей; неплательщики налога подвергались жесточайшим пыткам. Очевидец зверств колонизаторов писал: «Если вождь не доставляет требуемого числа корзин продуктов, посылают солдат, которые убивают беспощадно. В качестве доказательства они приносят на факторию головы и руки». Один из миссионеров так рассказывал о злодеяниях, свидетелем которых ему пришлось быть: «Кровь леденеет, когда видишь, как они (солдаты) возвращаются и несут тела убитых,

когда видишь руки, отрезанные у маленьких детей... Каучук в этом районе был оплачен сотнями жизней, и сцены, которые я наблюдал, не имея возможности помочь несчастным, были настолько ужасны, что я хотел бы умереть». Некоторые агенты компаний в письмах на родину хвастались своими «подвигами»: один из них признался, что убил 150 человек, распинал на кресте женщин и детей, вешал останки изувеченных людей на стены хижин — и все это для того, чтобы заставить местных жителей принести больше каучука.

Будучи не в силах уплатить все возрастающие налоги, крестьяне забрасывали поля, вместе с семьями уходили в леса в поисках каучука и слоновой кости. Некому было выращивать продовольственные культуры; пищи не хватало, голод и болезни уносили тысячи жизней. В докладе английского консула Роджера Кэйзмента¹, обследовавшего положение в Конго, приведен страшный в своей безыскусственности рассказ одного из крестьян, бежавших за сотни километров от родных деревень: «В нашей стране каждая деревня была обязана сдавать 20 мешков каучука. Мы должны были приносить эти мешки четыре раза в месяц... Чтобы собрать 20 корзин каучука, требовалось 10 дней. Мы всегда были в лесу, а тех, кто опаздывал, убивали. Мы вынуждены были уходить все дальше и дальше в глубь леса, чтобы найти каучук, идти без пищи, а нашим женщинам пришлось забросить поля и сады. Наступил голод. Дикие животные, леопарды, нападали на тех, кто работал в лесу; другие умирали от голода, и мы просили белого человека оставить нас, говоря, что мы не можем больше добыть каучука; но белые люди и их солдаты кричали: «Идите! Вы ведь только животные! Вы — ньяма (мясо). Мы пробовали уходить еще дальше в лес, и когда мы не могли добыть достаточно каучука, солдаты приходили в наши селения и убивали нас. Многие были застрелены, у некоторых отрезаны уши, других связали веревками и угнали прочь... Мы бежали, потому что не могли больше выносить это. Наши вожди были повешены, нас убивали, мы голодали и трудились выше всяких сил, чтобы добыть каучук».

Массовые убийства жителей, беспощадная эксплуатация, голод, широкое распространение болезней, занесенных европейцами, — все это привело к тому, что ранее густонаселенные районы превратились в пустыни. Если в середине 80-х годов на территории Конго насчитывалось 20—30 млн человек, то к началу первой мировой войны — не более 10—15 млн.

Принудительный труд и беспощадная эксплуатация миллионов африканцев обогащали кучку европейских финансистов во главе с коронованным грабителем — королем Леопольдом. Только за период с 1899 по 1910 г. из Конго было вывезено товаров без всякого эквивалента на 340 млн франков. Сам Леопольд из своих личных владений получил за 10 лет более 75 млн франков. Несколько компаний, которые за бесценок приобрели концессионные права на обширных территориях, также получали сказочно высокие прибыли.

Мало чем отличался от леопольдовского режим, установленный во Французском Конго — на другом берегу великой африканской реки. Около 40 компаний, созданных французскими и бельгийскими капиталистами, получили в качестве концессии территорию, превышающую площадь Франции. Африканцы были обязаны «продавать», а по существу отдавать за бесценок, каучук только агентам компании. Широко практиковались телесные наказания и массовые убийства мест-

¹ Ирландский националист, в годы первой мировой войны казнен англичанами.

ных жителей. Любой мелкий французский служащий мог чинить суд и расправу над местным населением, калечить и убивать бесправных «туземцев». Отчеты местной администрации походили скорее на реплики о сражениях, с той лишь особенностью, что противником являлись беззащитные и безоружные африканцы.

В начале XX в. правда об ужасах колониального режима в Конго стала известна в Европе главным образом благодаря разоблачениям англичанина Э. Д. Мореля, в прошлом служащего торговой компании. Прогрессивные люди во всем мире были потрясены чудовищными зверствами, творимыми колонизаторами в Конго. Однако общественное мнение в капиталистических странах Европы вряд ли смогло бы заставить свои правительства вмешаться в дела Конго, если бы не недовольство капиталистов Англии, Франции и Германии, деятельности которых препятствовала система монополий и концессий, введенная во владениях Леопольда. В конце концов Леопольд был вынужден послать в Конго комиссию для «расследования» злоупотреблений. В 1908 г. Конго было объявлено бельгийской колонией. Однако буквально в последний момент Леопольд сумел передать большую часть «государственных земель» частным компаниям, одним из акционеров которых был он сам.

Новая бельгийская администрация провела в колонии частичные реформы, чтобы как-то упорядочить эксплуатацию конголезцев. Натуральный налог был заменен денежным, ограничено применение принудительного труда, введен контроль за деятельностью чиновников и агентов компаний. Эти мероприятия должны были предотвратить вымирание коренного населения и обеспечить сохранение минимальных ресурсов рабочей силы в условиях перехода к более интенсивной разработке природных богатств страны.

Накануне первой мировой войны бельгийские компании приступили к добыче полезных ископаемых: золота, алмазов, меди. На шахты и прииски сгоняли и вербовали тысячи людей из различных областей страны и соседних колоний. Большинство рабочих оставались сезонниками и после нескольких месяцев пребывания в горняцких поселках возвращались в родные деревни. Однако к началу 20-х годов в провинции Катанга появились первые группы постоянных наемных рабочих. Так началось формирование пролетариата, численность которого росла год от года. Что же касается местной интеллигенции, то бельгийцы всячески препятствовали ее возникновению, так что в Конго практически не было ни одного африканца, получившего высшее или среднее образование. В стране не издавалось ни одной африканской газеты, запрещалась деятельность профессиональных и политических организаций коренного населения. Разрозненные выступления отдельных племен жестоко подавлялись. В годы первой мировой войны с территории Конго началось наступление на германские колонии в Восточной Африке. После поражения Германии ее колония Руанда-Урунди была передана Бельгии на правах мандатной территории.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В 40—70-х годах XIX в. огромный ущерб народам Восточной Африки причинила работорговля. Арабские и африканские купцы охотились за людьми на огромном пространстве, простиравшемся от Красноморского побережья до верховьев Конго. Они уводили в рабство трудоспособных мужчин и женщин. Торговцы живым товаром пре-

вращали в безжизненные пространства огромные территории; поля оставались невозделанными, деревни — покинутыми. В последней четверти XIX в. европейские державы, нередко используя в качестве предлога борьбу с работорговлей, навязали народам этого района жестокий колониальный режим.

Английские империалисты издавна стремились закрепиться в северо-восточной части континента. К югу от Судана основным соперником Англии в борьбе за колонии была Франция. На Красноморском побережье французы в 1888 г. овладели Джибути, который стал базой для расширения экспансии в этом районе. В своих планах создания единой африканской империи от Атлантического до Индийского океана Франция пыталась, и притом небезуспешно, использовать Эфиопию, где значительно усилилось французское влияние.

В борьбе за колониальный раздел Восточной Африки приняла участие и Италия. Еще в 1869 г. генуэзская судоходная компания приобрела бухту Ассаб для создания угольного склада на морском пути через Суэцкий канал. За спиной компании стояло итальянское правительство, которое в дальнейшем перекупило ее права, а в 1882 г. аннексировало Ассаб. Италия заручилась при этом поддержкой Англии, опасавшейся усиления французских позиций в этом районе. Позднее итальянцы распространили свою власть на значительную часть Сомали и стали готовиться к нападению на Эфиопию — крупнейшую страну Восточной Африки, сумевшую сохранить свою независимость. Однако первое столкновение с эфиопскими войсками в январе 1887 г. окончилось поражением итальянцев и вынудило их временно отказаться от планов прямой агрессии.

Еще дальше к югу, в районах Восточной Тропической Африки, основными соперниками в борьбе за колонии были Англия и Германия, которые в 70—80-х годах стремились утвердить свое влияние в Занзибарском султанате.

Колониальная экспансия европейских держав в Восточной Африке натолкнулась на решительное сопротивление ее народов. Особое значение в борьбе народов Восточной, да и не только Восточной, Африки против иноземных захватчиков имело крупнейшее антиимпериалистическое восстание в Судане, надолго задержавшее наступление английских колонизаторов и способствовавшее усилению освободительных движений во многих районах континента.

В 80-х годах XIX в. Германия значительно активизировала свою колониальную политику в Восточной Тропической Африке. В 1884 г. было создано Общество германской колонизации — частная акционерная компания, которая установила связи с министерством иностранных дел. Один из его руководителей Петерс прибыл на Занзибар, а затем отправился на побережье материка и заключил с султанами и вождями племен, населявших территорию нынешней Танганьики, 12 договоров о протекторате. В результате Общество германской колонизации стало контролировать территорию, превосходящую по своим размерам Южную Германию. В следующем году оно было преобразовано в Германскую восточноафриканскую компанию, а приобретенные им территории объявлены протекторатом Германской империи. Посланная Бисмарком военная эскадра вынудила султана Занзибара признать суверенитет Германии над всей территорией, находившейся за береговой полосой шириной в 10 миль. В дальнейшем султану пришлось отдать в аренду компании гавань Дар-эс-Салам.

Лица, стоявшие во главе германской компании, мечтали о создании обширной империи в Африке. Они снарядили несколько экспеди-

ций для захвата новых земель в Сомали, на побережье Кении, на Мадагаскаре и в других районах. Однако колониальная экспансия Германии встретила противодействие Англии, рассчитывавшей превратить территорию Восточной Африки в составную часть сплошной полосы своих колониальных владений на юге, востоке и севере континента.

В противовес германской была создана Британская восточноафриканская компания, прибравшая к рукам области, расположенные к северу и северо-западу от германских владений. Англичане использовали династическую борьбу в государстве Буганда, поддержали свергнутого правителя страны (кабаку), заставили его принять христианство и помогли ему вновь вернуться в столицу. В результате кабака превратился в послушного исполнителя воли англичан и подписал договор об установлении протектората над своей страной. В 1890 г. Германия и Англия согласились разделить сферы влияния в Восточной Африке. Англия получила Уганду, утвердилась в Кении, поставила под свой протекторат Занзибар. Германские владения были ограничены территорией современной Танганьики. В качестве компенсации из уступки в Африке Германия получила в Европе о. Гельголанд. Соглашение 1890 г. положило конец мечтам германских империалистов о создании в Африке своей обширной колониальной империи.

В германских и английских владениях были введены различные системы колониального управления. В Танганьике вся власть принадлежала губернатору, который назначал чиновников для управления отдельными округами. Лишь низшие звенья администрации включали местных жителей, которые нередко назначались без учета традиционной иерархии племенной власти. Только на территории Бурунди и Руанды германские колонизаторы сохраняли власть местных правителей — мвами; при этом все их действия подлежали контролю немецких резидентов. Военские отряды и полицейские формирования комплектовались на девять десятых из местных уроженцев, но все посты офицеров и унтер-офицеров занимали немцы.

В английских колониях действовала система косвенного управления, структура которой наиболее четко сложилась в Уганде. Здесь были четыре африканских королевства: Буганда, Буньоро, Анколе и Торо. Верховная власть в колонии принадлежала английскому губернатору, который осуществлял ее через местных королей. Во главе Буганды по-прежнему стоял кабака, который управлял страной при посредстве Государственного совета и правительства. По договору с англичанами и кабака, и его министры получали жалованье, а все их сколько-нибудь важные решения должны были утверждаться губернатором. Буганда, как и другие королевства, была разделена на области и округа, которыми управляли африканцы, фактически состоявшие на службе у англичан.

В отличие от Уганды в Кении не было африканских государственных образований, и англичане сохранили институт деревенских старейшин и племенных вождей, которыми назначались, как правило, представители традиционной родоплеменной верхушки. Старейшины и вожди по существу были низшими чиновниками английской администрации и в зависимости от своего положения получали жалованье различных размеров. На Занзибаре колонизаторы почти полностью сохраняли традиционную систему управления во главе с султаном, вся деятельность которого контролировалась английским резидентом.

На территории стран Восточной Африки постепенно создавалась сеть коммуникаций, которые должны были ускорить, удешевить и облегчить вывоз сырья, а также обеспечить быструю переброску войск

для подавления восстаний во внутренних районах. На строительстве железных и шоссейных дорог широко применялся труд африканских крестьян, каждый из которых обязан был отработать несколько десятков дней в году. Там, где были проложены дороги, создавались кофейные и каучуковые плантации европейских колонистов. Колониальные власти отбирали плодородные земли у местных жителей и передавали их английским и германским поселенцам на правах частной собственности или долгосрочной аренды.

В Кении постепенно создавались резервации для африканцев, расположенные главным образом в пустынных или полупустынных районах. Недостаток земли в резервациях и необходимость уплаты налогов вынуждали африканцев наниматься в батраки к белым фермерам. Так, в Кении и Танганьике складывалось крупнокапиталистическое плантационное хозяйство, основанное на эксплуатации африканских рабочих.

Что же касается Уганды и Занзибара, то здесь колониальные власти укрепили позиции феодальной знати. Например, кабака Буганды, его министры и чиновники получили на правах частной собственности обширные земельные владения. Если в Кении и Танганьике создавались крупные европейские плантации, то в Уганде колонизаторы сочли более выгодным развивать производство экспортных культур, преимущественно хлопка, в мелких крестьянских хозяйствах. Весь урожай хлопка скупался английскими торговыми компаниями по крайне низким ценам, перерабатывался на английских заводах и в дальнейшем вывозился за границу. К началу первой мировой войны Кения, Уганда, Танганьика были превращены в источник сельскохозяйственного сырья для промышленности метрополий.

Колонизация стран Восточной Тропической Африки встретила упорное сопротивление местного населения. Так, в 1888 г. в германских владениях началось восстание, в ходе которого арабы и банту объединились под руководством Бушири, вынудили захватчиков очистить всю территорию глубинных районов и приступили к осаде Дар-эс-Салама. Борьба повстанцев продолжалась около года. Они заняли ряд пунктов на морском побережье и старались установить связи с соседними племенами и вовлечь их в борьбу. Лишь прибытие крупных подкреплений из Германии, морская блокада побережья, осуществлявшаяся всеми колониальными державами, и поддержка, оказанная германским отрядам английскими империалистами, позволила немцам восстановить свой контроль над районом восстания. Отряды Бушири, пытавшиеся овладеть одним из портов, были разбиты, а сам он взят в плен и повешен.

Однако и после подавления восстания Бушири на юге и востоке колонии африканцы с оружием в руках продолжали сопротивляться принудительным трудовым мобилизациям и отказывались платить налоги. В 1905 г. население Танганьики вновь поднялось на борьбу. Восстание охватило большую часть колонии; оно получило название «Маджимаджи» (на языке суахили это значит «вода»). Повстанцы верили, что вода из целительных источников способна защитить их от пуль. В движении участвовали главным образом крестьяне, возглавляли его племенные вожди и колдуны. Вооруженные кремневыми ружьями, копьями и луками, восставшие осаждали германские гарнизоны, нападали на колонистов и чиновников. Для подавления восстания германские колонизаторы направили в Восточную Африку новые подкрепления, был отдан приказ не щадить никого, проводить тактику выжженной земли, уничтожать посевы и скот, отравлять колодцы, сжи-

гать поселки африканцев вместе с их жителями. Несмотря на огромное превосходство в вооружении, карательная армия подавила восстание только в 1907 г. От пуль, голода и болезней погибло более 120 тыс. африканцев.

Не менее сильное сопротивление оказали колонизаторам народы Уганды. Особенно упорным было оно в сравнительно небольшом феодальном государстве Буньоро, властитель которого Кабарега не раз отвергал все домогательства англичан. В 1893 г. армия численностью в 15 тыс. человек во главе с английскими офицерами вторглась в пределы княжества и после нескольких кровопролитных столкновений оккупировала его. Однако надежды англичан на быстрое усмирение страны не оправдались. Кабарега применил тактику партизанской войны, которая вскоре охватила всю территорию княжества. Небольшие отряды воинов Буньоро совершали рейды по тылам захватчиков, перерезали коммуникации, громили укрепленные пункты, уничтожали мелкие гарнизоны, а при приближении крупных частей отступали в отдаленные районы, к северу и югу от Нила. В 1895 г. англичане вновь вторглись в пределы Буньоро, на этот раз уже с 20-тысячной армией, вооруженной пулеметами. Основную часть этой армии составляли отряды, сформированные феодалами Буганды. Воины Кабареги не могли противостоять хорошо вооруженным войскам, были разбиты в ряде сражений и отступили в глубь страны. Три года продолжалась неравная борьба; лишь в 1899 г. англичане достигли отряд Кабареги и захватили его в плен.

Выступления против колонизаторов продолжались и после разгрома отряда Кабареги. В 1906 г. население во многих районах изгнало назначенных англичанами правителей; в ответ колониальные власти применили массовые репрессии — сотни людей были заточены в тюрьмы, отправлены в ссылку или изгнаны из страны.

АНТИКОЛОНИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОМАЛИЙЦЕВ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ МУХАММЕДА БЕН-АБДАЛЛЫ ХАСАНА

К концу XIX в. Англия, Италия и Франция завершили раздел Восточного Сомали. Колонизаторы повсеместно сгоняли сомалийских крестьян с принадлежащих им земель, отбирали скот, облагали население налогами и всевозможными поборами, широко применяли систему принудительного рабского труда на плантациях европейских колонистов, строительных работах. Сомалийский народ оказался расчленен искусственными колониальными границами, а формирование его национальной общности было надолго задержано. Производительные силы страны скованы, народное хозяйство истощено, население влачило нищенское полуголодное существование.

Иноземные порабителы встречали все возраставшее сопротивление, которое вылилось в массовое антиколониальное движение, продолжавшееся на протяжении двух десятилетий, с 1899 по 1920 г. его возглавил выходец из бедной крестьянской семьи, проповедник, воин и поэт, Мухаммед бен-Абдалла, прозванный Муллоу. Будучи членом одной из мусульманских сект, он призывал к «священной войне» против всех «неверных», под которыми подразумевал как иноземных колонизаторов, так и их пособников-сомалийцев. В 1899 г. Мухаммед бен-Абдалла объявил себя махди и провозгласил джихад. Уже через год восстание охватило почти всю территорию английской и некоторые районы итальянской колонии. Под знамена Муллоу стекались тысячи

крестьян, рабов, выходцев из городских низов, а также племенной знати и мусульманского духовенства. Армия махди состояла из воинов различных племен, включала представителей всех основных слоев населения страны. Численность отрядов повстанцев быстро увеличилась, достигая временами 10—20 тыс. человек.

В борьбе против превосходящих сил колонизаторов небольшие отряды повстанцев, рассредоточенные на обширной территории, быстро преодолели длинные переходы, нападали на отдельные английские части и столь же быстро исчезали в пустыне. Англичане, которые склонны были рассматривать восстание как незначительный эпизод на отдаленной окраине своей африканской империи, в дальнейшем оказались вынуждены сосредоточить здесь сравнительно крупные воинские силы. Они предприняли экспедиции с целью уничтожения «дервишей Муллы», добились частичных успехов, но так и не смогли полностью разгромить основные силы восставших, пользовавшихся поддержкой широких масс населения. Более того, армия повстанцев к 1910 г. вытеснила войска колонизаторов из внутренних районов страны, так что в руках англичан оставалось лишь несколько городов на побережье.

В ходе борьбы с иноземными захватчиками постепенно ослабевали старые родоплеменные связи, складывался военно-политический союз сомалийских племен, начался процесс создания централизованного сомалийского государства. По своей идеологии, социально-политическим и организационным формам оно во многом напоминало государство махдистов в Судане, хотя и находилось на более ранней ступени развития. Феодализирующаяся верхушка кочевых племен, составлявшая ближайшее окружение Мухаммеда бен-Абдаллы, захватывала большую часть военной добычи, превращала пленных в рабов, различными методами эксплуатировала «рядовых дервишей».

Колонизаторы всячески старались натравить различные племена сомалийцев друг на друга, подавлять восстание при помощи набранных в Сомали частей. Мухаммед бен-Абдалла хорошо понимал опасную тактику врага. Он стремился разрушить старые родоплеменные традиции, формировал военные отряды не по племенному принципу, а в зависимости от их боевого назначения, сурово карал дезертиров. С целью укрепления обороноспособности страны в различных районах были сооружены крепости и сторожевые посты. Не ограничиваясь обороной, армия повстанцев не раз переходила в наступление, громила врагов, совершала налеты на еще оставшиеся в руках англичан немногочисленные укрепленные пункты и посты. После начала первой мировой войны, когда английские гарнизоны были значительно ослаблены, Мулла начал готовить решающий удар по крепостям колонизаторов и с этой целью стремился заручиться поддержкой негуса Эфиопии. Однако эти планы не были осуществлены.

После окончания войны английские войска в Сомали по предложению тогдашнего военного министра У. Черчилля были значительно усилены новыми контингентами и предприняли широкое наступление. Отряды Муллы оказывали героическое сопротивление армии захватчиков, вооруженной пулеметами и действовавшей при поддержке танков и самолетов. Англичане были вынуждены брать штурмом крепость за крепостью, тысячи сомалийских воинов погибли от пуль, снарядов и бомб. В 1920 г. столица повстанцев Телах была взята штурмом после бомбардировки с воздуха, Мухаммед бен-Абдалла бежал в Эфиопию и вскоре умер.

Правительство Мадагаскара, во главе которого долгие годы стоял крупнейший государственный деятель Райнилайаривуни, проводило политику защиты национальной независимости. Премьер-министр стремился централизовать органы управления, судебную систему и упорядочить государственный аппарат. С этой целью был создан институт специальных чиновников, в функции которых входил контроль над деятельностью общинной верхушки и феодальных властителей. В деревнях появились отставные солдаты, которые должны были следить за чиновниками, рядовыми общинниками и местными феодалами. Позднее была усилена полиция, непосредственно подчинявшаяся премьер-министру. В 1881 г. были созданы десять министерств, призванные руководить различными сферами управления и отраслями хозяйства. Правительство постепенно ограничивало применение барщинного неоплачиваемого труда и переходило к использованию наемных рабочих. Одновременно принимались меры для освобождения некоторых категорий рабов, ограничения работорговли и запрещения долгового рабства. Райнилайаривуни поощрял создание первых промышленных предприятий, заботился об укреплении армии. Однако реформы, проводимые сверху, часто не давали ожидаемых результатов, сопровождалась увеличением налогового бремени и не способствовали росту популярности правительства среди крестьян, вызывали недовольство феодалов.

В 60—80-х годах Мадагаскар переживал период сравнительно быстрого социально-экономического прогресса. Но дальнейшее развитие страны оказалось прервано французской агрессией. В 1883 г. Франция предъявила правительству Мадагаскара требование о признании протектората и права контроля над его внешней политикой. Французские корабли бомбардировали ряд пунктов на побережье острова и установили морскую блокаду. В ходе военных действий малагасийцы неоднократно наносили поражение захватчикам, но силы были слишком неравны. В 1885 г. правительство Мадагаскара было вынуждено подписать мирный договор, по условиям которого соглашалось на французский контроль в области внешней политики, «уступить» бухту Диего-Суарес и обязалось выплатить крупную контрибуцию. В дальнейшем малагасийское правительство всячески стремилось уклониться от выполнения договора 1885 г. и сохранить известную независимость в области внутренней и внешней политики.

В 1890 г. Англия и Франция заключили договор, согласно которому Франция признала английские права на Занзибар, а Англия — французские притязания на Мадагаскар. Внешнеполитическое положение Мадагаскара резко ухудшилось. В 1894 г. французский представитель предъявил малагасийскому правительству ультиматум, принятие которого означало бы полную ликвидацию независимости народов острова. После отклонения ультиматума 15-тысячная французская армия высадилась на острове и захватила столицу страны Тананариве. По условиям продиктованного французами мирного договора колонизаторы установили полный контроль над политикой малагасийского правительства и получили право расквартировать в различных пунктах Мадагаскара свои войска. Однако вскоре после этого началось всеобщее восстание, охватившее даже самые отдаленные районы острова. Партизанские отряды контролировали большую часть территории страны. Они перерезали основные пути сообщения и изо-

лировали отдельные опорные пункты французов. Действия повстанцев тайно поддерживали некоторые члены королевского правительства.

Летом 1896 г. французский парламент утвердил декрет об аннексии Мадагаскара. На остров была послана крупная экспедиционная армия, возглавлявшаяся генералом Галлиени, который «прославился» кровавым подавлением освободительных восстаний в колониях. Галлиени установил на острове режим свирепого террора, приказал казнить высших сановников, имевших связи с повстанцами, стремился спровоцировать столкновения между различными этническими группами и всячески поддерживал сепаратистские настроения среди феодалов. В 1897 г. королева была низложена и отправлена в ссылку, а остров объявлен французской колонией. Тем не менее в ряде районов страны продолжалась борьба против колонизаторов. Лишь в 1904 г. им удалось покорить население острова.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ НАРОДОВ АФРИКИ

В конце XIX — начале XX в. вся территория Африки к югу от Сахары оказалась поделена между империалистическими державами. Наиболее крупными по площади и численности населения были африканские владения Англии. Население английских колоний достигало 37 млн человек. В Западной Африке Англия захватила Нигерию, Золотой Берег, Гамбию и Сьерра-Леоне; в Восточной Африке ей принадлежали Кения, Уганда, Занзибар и Сомали. Почти вся Южная Африка была включена в состав английской империи. Судан и Египет, формально составлявшие часть Османской империи, фактически превратились в английские колонии.

Франция создала в Африке вторую по величине колониальную империю, включавшую Западную и Экваториальную Африку, Мадагаскар и часть Сомали. Население французских владений достигло 17 млн человек.

Германия, позднее других стран вступившая на путь колониальной экспансии, захватила Камерун, Того, Юго-Западную Африку, а также территорию нынешней Танганьики с общим населением около 10 млн человек.

Империалистической Бельгии принадлежала огромная африканская страна Конго, территория которой в 80 раз превышала площадь метрополии. Население Конго составляло в то время примерно 10—15 млн человек.

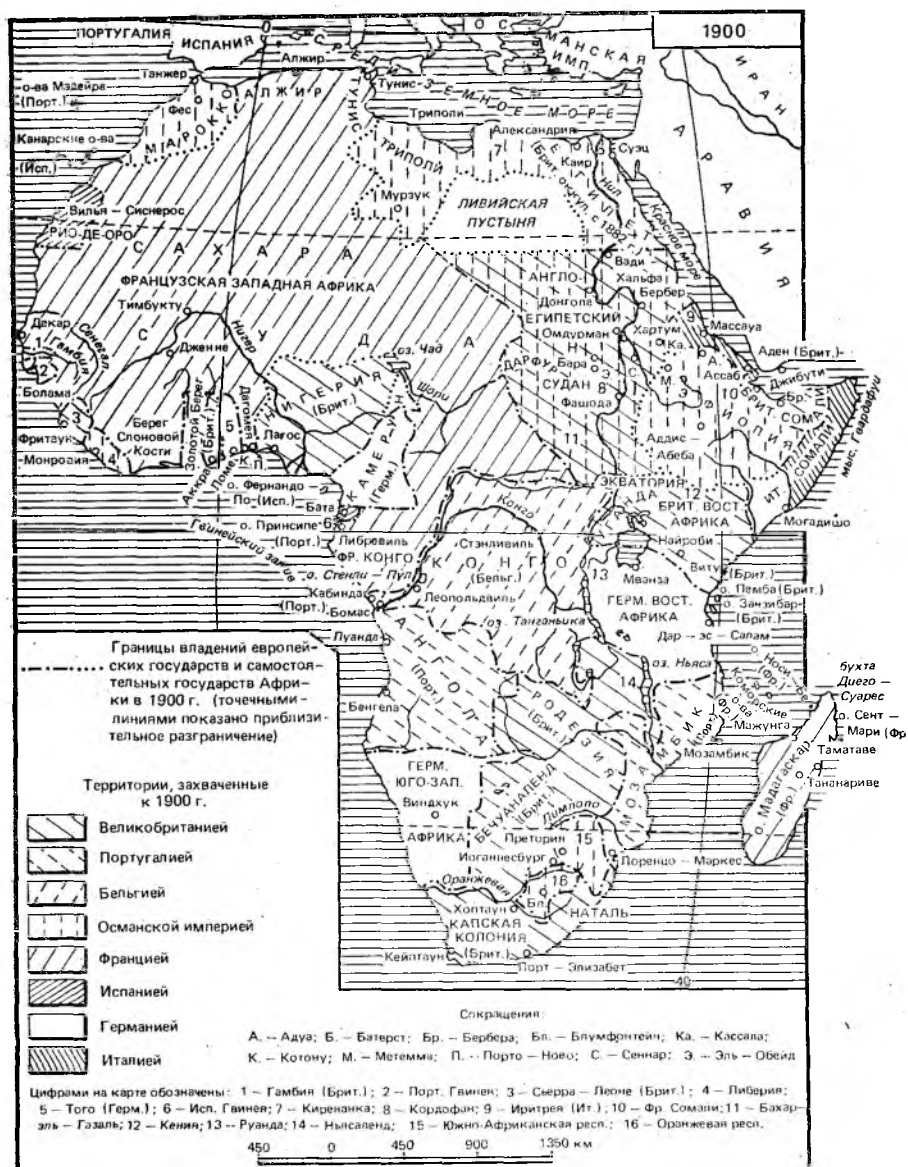
Италия, потерпевшая поражение в войне с Эфиопией, удержала в своих руках Эритрею и Сомали с населением около 600 тыс. человек.

Португалия и Испания, первыми вступившие на путь колониального разбоя в Африке, удержали под своей властью Анголу, Мозамбик и некоторые другие территории своих владений.

К началу XX в., когда Африканский континент был уже поделен между империалистическими странами, резко обострилась борьба за передел колоний, послужившая одной из причин возникновения первой мировой войны.

Империалистические государства в захваченных ими владениях установили жестокий режим колониального угнетения. Коренное население было лишено всех прав; африканцы не считались гражданами, они были лишь подданными империалистических держав. Вся власть в колониях сосредоточивалась в руках чиновников, присланных из метрополии. Они действовали совершенно бесконтрольно, обладая по-

истине неограниченными полномочиями. Сущность колониальной политики различных империалистических держав была единой, но формы ее проведения были неодинаковы. В некоторых английских владениях (Нигерия, Золотой Берег, Уганда и др.) была постепенно введена система так называемого косвенного управления. Англичане формально сохраняли отдельные государственные и племенные образова-

Раздел Африки капиталистическими державами, 1900 г.

ния (эмираты, султанаты, союзы племен и т. п.) и оставляли во главе их представителей феодальной и родоплеменной верхушки, которые готовы были пойти на службу к империалистам. Вся полнота действительной власти находилась в руках колонизаторов, но они получили

возможность использовать традиционную систему управления для сбора налогов и принудительных мобилизаций населения на различные работы. Такая практика позволяла колонизаторам прикрывать свое абсолютное экономическое и политическое господство видимостью сохранения элементов местного самоуправления и в то же время освобождала их от необходимости создавать громоздкий административный аппарат, требовавший больших расходов.

В отличие от английской французская система так называемого прямого управления характеризовалась разрушением сложившихся к периоду завоевания государственных образований и союзов племен. Французские губернаторы назначали чиновников в различные районы и области, совершенно не считаясь с традициями местного населения. Хотя низшая администрация во французских колониях комплектовалась из африканцев, эти вновь назначенные вожди были типичными французскими чиновниками. Они не имели, как правило, никаких традиционных прав на занятие постов в органах местного управления. На практике обе системы колониального управления сочетались в самых различных комбинациях и в чистом виде почти не применялись. Обе они служили интересам империалистов, обеспечивали им безраздельное господство над африканским населением.

Порабив африканские народы, империалисты создали в колониях режим беспощадной эксплуатации коренного населения. Основными методами были взимание налогов деньгами и натурой, принудительный труд, экспроприации земель и создание резерваций, введение системы монокультур и ограбление мелких товаропроизводителей на основе неэквивалентного обмена.

В Южной и Восточной Африке у коренного населения была отобрана значительная часть лучших, наиболее плодородных земель, расположенных в районах с благоприятными климатическими условиями. В Южно-Африканском Союзе до 9/10 всего земельного фонда страны было экспроприровано у африканцев банту и передано европейским поселенцам. Африканцы согнаны в пустынные, малопригодные для земледелия районы, занимавшие к тому же лишь около 10% территории страны. В Южной Родезии, Кении, Бечуаналенде, Свазиленде английские империалисты выделили лучшие земли, расположенные на плоскогорьях со здоровым климатом, в качестве фонда для европейской колонизации. Десятки и сотни тысяч крестьян были изгнаны из обжитых мест и насильственно переселены в отдаленные районы, на бесплодные земли. Африканцы сложили горькую поговорку «Белый человек пришел к нам с библией в руках и увидел, что у нас есть земля. Он отдал нам библию и забрал землю». Недостаток земель в резервациях вынуждал африканских крестьян уходить на заработки к европейским плантаторам и фермерам, на алмазные и медные копи, в шахты, на строительство дорог. Система резерваций обеспечивала колонизаторам постоянный приток дешевой рабочей силы.

Захватывая африканские страны, империалисты нередко прикрывали свои действия лживыми ссылками на необходимость борьбы с работорговлей и рабством. Между тем сами они в широких масштабах использовали принудительный труд местного населения. По приказу властей ежегодно тысячи крестьян на несколько месяцев отрывались от работы на полях и посылались на строительство дорог, транспортировку грузов. За свой каторжный труд африканцы, как правило, не получали никакой платы. Крестьян мобилизовывали не только на «общественные работы»: практика контрактации сезонников, применявшаяся промышленными компаниями, плантаторами и ферме-

рами, также представляла собой по существу замаскированную форму принудительного труда.

Если в Южной и Восточной Африке большая часть земель была экспроприирована и использована для создания плантаций и ферм европейских колонистов, то в Западной Африке, как правило, сохранялось мелкое крестьянское землепользование. Во Французской Западной и Экваториальной Африке, Нигерии, на Золотом Береге колониальные власти, используя налоговый пресс и методы внеэкономического принуждения, заставляли крестьян отводить значительные участки земли под товарно-экспортные культуры: какао, кофе, арахис, хлопок и др. При этом каждая страна превращалась в источник получения какого-либо одного или двух-трех видов сельскохозяйственного сырья. Так, на Золотом Береге какао в 1900 г. составляло не более 3%, а в 1913 г. — уже 50% стоимости экспорта; 80% стоимости экспорта Нигерии давала продажа продуктов масличной пальмы, около 65% экспорта Уганды приходилось на хлопок; 96% экспорта Сьерра-Леоне — на продукты масличной пальмы и орехи кола.

Крестьяне были обязаны продавать урожай крупным торговым компаниям, устанавливавшим монопольно низкие закупочные цены. Так, закупочная цена какао, арахиса, пальмового масла в конце XIX — начале XX в. составляла не более 25—30% продажной цены этих продуктов на рынках Европы. В то же время цены на готовые изделия, ввозившиеся в африканские колонии из метрополии, находились на крайне высоком уровне.

В результате неравноправных экономических отношений увеличение производства экспортного сырья, которое изображалось империалистами как показатель «повышения благосостояния» местного населения, на деле обогащало лишь европейских капиталистов. Во французских, бельгийских и германских владениях все жители были обязаны сдавать властям, а также монополистическим компаниям-концессионерам такие ценные продукты, как каучук, слоновая кость и др. Для того чтобы уплатить дань, африканцы вынуждены были забрасывать поля, надолго уходить в леса, у них не оставалось времени для работы на себя. Неплательщиков налога подвергали жестоким пыткам, отправляли на принудительные работы или убивали. Грабительская система взимания дани натурой привела к упадку хозяйства и крайнему обнищанию населения и даже вымиранию целых племен и народностей.

Завершение империалистического раздела Африки сопровождалось ростом экспорта капитала из метрополии в африканские колонии. К началу первой мировой войны в экономику стран Африки к югу от Сахары было вложено более 600 млн ф. ст., что составляло около 8% всего экспорта капитала крупнейших империалистических государств. Подавляющая часть средств была использована для строительства железных и шоссейных дорог, портов, мостов, складов, а также шахт и рудников. Только в Южно-Африканском Союзе, бельгийских и французских колониях руками десятков и сотен тысяч африканцев, многие из которых погибли от непосильного труда, голода и болезней, было построено более 7 тыс. миль железнодорожных путей.

Десятки иностранных компаний беспощадно расхищали минеральные богатства континента. К началу первой мировой войны продукция горнодобывающей промышленности составляла уже более половины стоимости всего экспорта колоний. Африка давала свыше 40% мировой добычи золота и около 95% алмазов; в Родезии, Конго, Ни-

герии и других странах началась разработка месторождений меди, олова, угля и т. д. Только из Южно-Африканского Союза было вывезено золота и алмазов более чем на 350 млн ф. ст. Несколько крупнейших компаний, монополизировавших добычу алмазов, получали ежегодно более 30% прибыли на вложенный капитал; прибыль золотодобывающих компаний достигла 50% к издержкам производства. Этот все расширяющийся золотой поток обогащал кучку финансовых магнатов Лондона и Парижа, Нью-Йорка и Брюсселя. В то же время рабочие-африканцы, которые добывали золото и алмазы, олово и медь, подвергались самой бесчеловечной эксплуатации. Горнопромышленные компании строили для рабочих специальные поселки-компаунды, больше похожие на концентрационные лагеря. В тяжелых условиях тропического климата, в жарком аду шахт и рудников, под бичами надсмотрщиков сотни тысяч африканских рабочих трудились по 10—12 часов в день, получая жалкие гроши. Агенты колониальных властей и горнопромышленных компаний законтрактовывали рабочих в резервациях, а через несколько лет африканцы, истощенные каторжным трудом, возвращались умирать в свои родные селения. Любая попытка рабочих выступить против невыносимых условий труда, против позорной расовой дискриминации подавлялась самым жесточайшим образом.

АФРИКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы первой мировой войны значительно усилилась эксплуатация африканских народов, увеличился вывоз из метрополии сельскохозяйственного и минерального сырья. Только из французской Западной и Экваториальной Африки в 1914—1918 гг. было экспортировано в метрополию более 600 тыс. т арахиса и продуктов масличной пальмы; многие колонии поставляли во Францию продовольствие: рис, зерновые, мясо, а также железную руду, графит, удобрения.

Англия вывозила из своих африканских владений зерновые, хлопок, какао, а также медь, хром, асбест, марганец. Повсеместно во французских и английских колониях проводились принудительные мобилизации населения в армию, в трудовые и транспортные отряды. Франция особенно широко использовала африканских солдат в качестве пушечного мяса в боях на европейских фронтах. Только во французских африканских владениях к югу от Сахары было мобилизовано более полумиллиона человек. Большая часть их погибла от немецких пуль и снарядов, а также от болезней, вызванных непривычными климатическими условиями. Десятки и сотни тысяч человек были мобилизованы для работы на французских заводах, а также использовались на строительстве дорог, мостов, оборонительных сооружений.

В английских колониях было мобилизовано несколько сотен тысяч африканцев, которые выполняли военно-строительные работы и транспортировали грузы. Многие из них умирали от голода, болезней и непосильного труда. Именно такой была судьба каждого третьего из мобилизованных в Кении носильщиков (их общая численность достигала 150 тыс. человек).

Империалисты стремились в максимальной степени использовать сырьевые и людские ресурсы африканских колоний. Бесконечные мобилизации, принудительные поставки, разного рода поборы, новые налоги — все это приводило к сокращению посевных площадей, упадку

сельского хозяйства, росту заболеваемости и смертности среди африканского населения, обезлюдению целых районов.

Ухудшение условий жизни и труда, дополнительные тяготы военного времени неизбежно вызвали отпор со стороны африканских народов. Во французских колониях крестьяне скрывались от мобилизации, прятались в лесах, отказывались являться на призывные пункты. В Дагомее и Береге Слоновой Кости неоднократно вспыхивали восстания племен. Германские колонизаторы не раз посылали карательные экспедиции, уничтожавшие непокорные селения.

В английских западноафриканских колониях коренное население выступало против дороговизны и недостатка продуктов питания. Лишь применение массовых репрессий позволило империалистам подавить отдельные разрозненные выступления и не допустить общего восстания угнетенных народов.

В результате первой мировой войны политическая карта Африки подверглась значительным изменениям. Германские колонии были поделены между французскими и английскими империалистами. Большую часть их захватила Англия, владения которой составили сплошной массив на юге и востоке континента.

